

РОБИН ЯНН

ОТСТУПНИК

Рожденный королем не покоряется

КНИЖКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Согласно древнему пророчеству, король Эдуард решает завладеть четырьмя священными реликвиями. Три из них уже хранятся в его сокровищнице. Но последняя, которая откроет ему путь к трону Шотландии, все еще находится в руках Роберта Брюса. Выстоять в одиночку против целой армии завоевателей еще никому не удавалось. Роберт никогда не боялся смерти на поле брани, но что, если битва за власть ведется не на поле, а во дворце короля?

*...там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов,
Средь Океана лежит остров, водой окружен.
Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши — и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и подвластен
Будет этим царям круг весь земной и морской.*

Гальфрид Монмутский. История королей Британии [II](#)

Как всегда, считаю своим долгом выразить благодарность многим людям и прошу читателя присоединиться ко мне. Во-первых, мои аплодисменты Доналу О'Шеру и Анне Мак-Карти из Уотервилля, графство Керри, за незабываемую поездку на лодке на остров Черч и массу интереснейших сведений о местных реалиях, которыми они со мной охотно поделились. Я признательна и управляющему церкви Святого Патрика Ирландского собора в Арме, а также преподобному Теду Флеммингу за знакомство с историей здания. Не могу не поблагодарить и всех кураторов и гидов, с которыми я общалась во время посещения исторических достопримечательностей Ирландии и Шотландии. Особых комплиментов заслуживает привратник Вестминстерского аббатства, который позволил мне побывать в усыпальнице Эдуарда Исповедника. [\[2\]](#)

Я вновь чувствую себя в неоплатном долгу перед историком Марком Моррисом за то, что он несколько раз перечитывал мою рукопись, внося в нее свои правки. Собственно говоря, я хотела бы поблагодарить всех историков, чьи книги я штудировала от корки до корки и почерпнула из них множество бесценных сведений во время работы над трилогией. Все ошибки и неточности в ней остаются исключительно на моей совести.

Выражаю искреннюю признательность моему редактору Нику Сэйерсу и всем остальным членам фантастической команды издательского дома «Ходдер и Стаутон». В первую очередь я имею в виду Лауру Макдугалл, Эмму Найт, Люси Гейл, Джеймса Спэкмена, Ауриол Бишоп, Кэтрин Уорсли, Бена Гатчера, Александру Перси, Лоуренса Фестала, Абигаль Митчелл, Лауру дель Весково и Джейми Ходдер-Уильямс. Моего редактора Мораг Лайалл и Джека Деннисона я хочу поблагодарить за то, что они уделили мне внимание. Большое спасибо всем сотрудникам художественно-оформительского, производственного и юридического отделов, а также отдела рекламы и сбыта — их слишком много, этих славных людей, чтобы я могла назвать их поименно, но я очень ценю их усердную и кропотливую работу.

Как всегда, я благодарю своего агента Руперта Хита и его коллег в агентстве «Марш», Дэна Конвея из «Писательского дома» и всех моих зарубежных редакторов и издателей; я преклоняюсь перед вами за ваш каторжный труд и признательна за неоценимую поддержку.

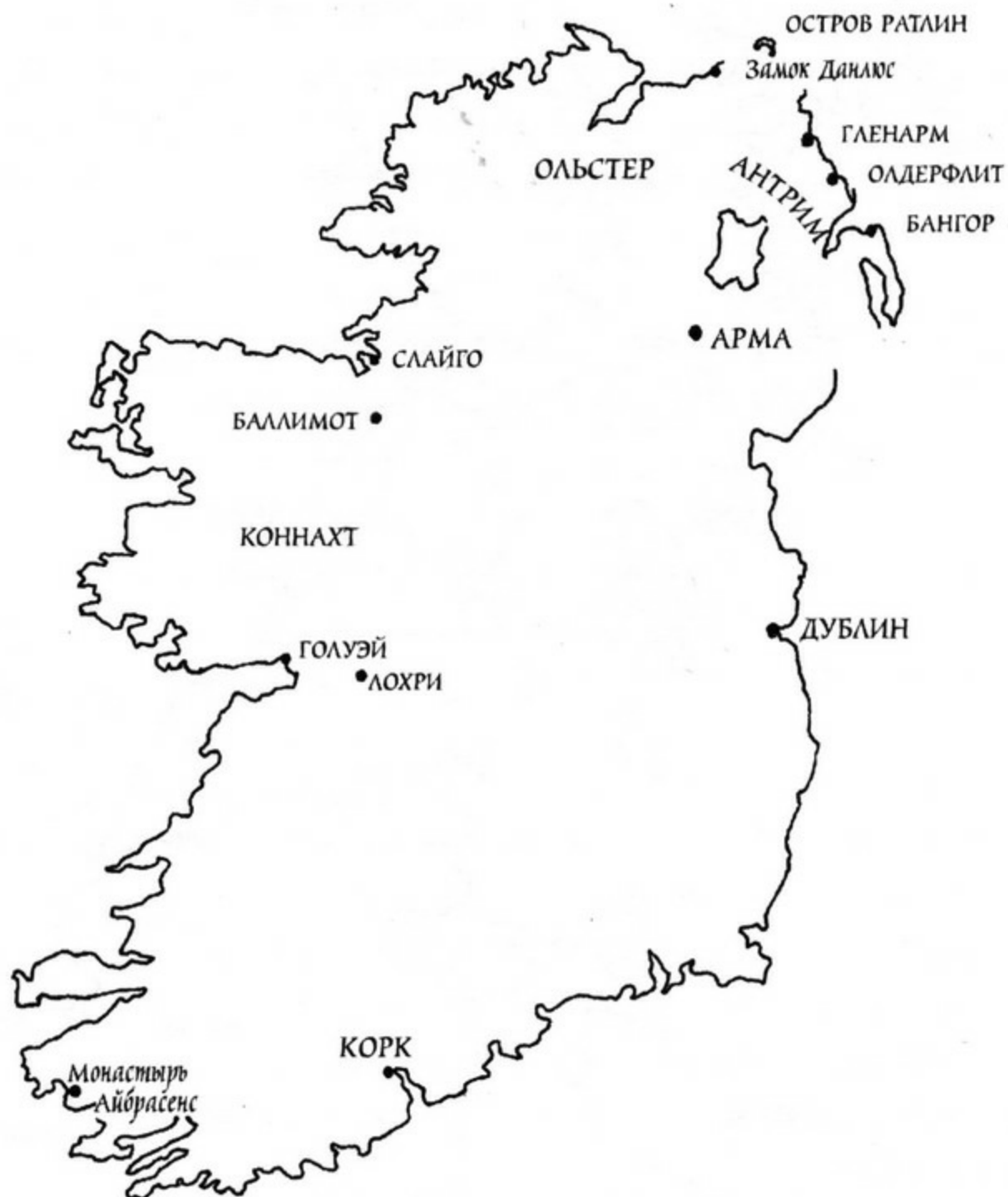
Не могу обойти молчанием и своих коллег по Ассоциации писателей исторических романов — Стеллу Даффи, Майкла Джекса, Бена Кейна, Роберта Лоу, Энтони Ричеса и Манду Скотт; мне было очень приятно делить с ними радости и горести своей сумасшедшей карьеры на протяжении всего прошлого года. При этом я особенно благодарна Манде и Майклу за то, что они снабдили меня всеобъемлющими сведениями относительно трупов. Очень удобно иметь под рукой людей, которым можно задать вопрос: «Что будет, если я побрею покойника?» — и которые не станут при этом вызывать полицию.

Наконец, выражаю искреннюю признательность всем своим друзьям и членам семьи, в особенности Ли, без которого этот роман никогда не состоялся бы.

КАРТА АНГЛИИ, ШОТЛАНДИИ И УЭЛЬСА, 1299 год

КАРТА ИРЛАНДИИ, 1299 год

...и лишь разыскав также останки прочих своих святых, сокрытые в тайниках из-за вторжения на их землю язычников, бритты восстановят наконец свое государство.

Гальфрид Монмутский. История королей Британии

АРМА, ^[3]ИРЛАНДИЯ

На самой вершине холма Ард Маха, ^[4] древние склоны которого еще помнили поступь богини войны, в напряженном ожидании застыла группа мужчин. Тесным полукругом они обступили врата собора, настороженно вглядываясь в туман, окутавший гребень. Первые золотистые лучи солнца уже начали разгонять его, высвечивая смутные контуры надгробий, под которыми на кладбище покоились святые, но город Арма, раскинувшийся у подножия холма, еще кутался в плотное белое покрывало.

С одного из тисовых деревьев, оберегавших подступы к собору, сорвался ворон, и хлопанье его крыльев нарушило пронзительную тишину. Глаза всех присутствующих обратились к зловещей птице, и тут из тумана выступила фигура. Это был человек, одетый в глухую черную накидку с капюшоном, слишком свободную для его худощавого тела. Он беззвучно шагал к ним, и мужчины крепче стиснули рукояти своих мечей. Кое-кто из тех, кто был помоложе, нервно переступил с ноги на ногу. И тогда, раздвинув их ряды, вперед выступил широкоплечий гигант с широкой грудью и жестким, испещренным шрамами, грубо вытесанным лицом. Найалл мак Эдан всматривался в золотистый туман за спиной приближающейся к ним фигуры. Спустя мгновение в рассветном полумраке прорисовался громоздкий силуэт, тяжелодвигающийся по следам человека в черной накидке. Это была повозка, запряженная мулом, которого вели под уздцы еще двое мужчин в черном. Найалл настороженно прищурился, но более ничего не увидел. Как ему и было велено, Малахия ^[5] пришел один.

Мужчины с повозкой остановились на краю кладбища, предоставив Малахии в одиночку подниматься по склону; полы черной накидки хлопали его по босым ногам. На голове у него была выбрита аккуратная тонзура, и обнаженная кожа на макушке уже почернела под лучами беспощадного июльского солнца. Лицо его было худым и морщинистым, кожа туго обтягивала выступающие скулы, западая вокруг темных провалов глаз. Найалл почувствовал, как напряглись обступившие его спутники; кое-кто не выдержал и попятился. В прошлом месяце Малахия уже побывал здесь. Тогда он привел с собой целую армию, и древние склоны оросились кровью. Но Найалл понимал, что отнюдь не воспоминания о сражении вселили неуверенность в его людей. Они были бы куда спокойнее, если бы им противостояли топоры и копыта, а не этот одинокий и худой как щепка человек, мозолистые ступни которого загрубели после многих лет хождения по стране, где он нес слово Божие. О нем слышали и знали все.

Говорили, что однажды Малахия проклял человека, который посмел оклеветать его, отчего языку несчастного распух и начал гнить, да так, что из него полезли черви. Бедолагу семь дней подряд рвало личинками, плодившимися у него во рту, а затем он умер. Женищина, вздумавшая поучать Малахию прямо во время проповеди, повалилась на землю сразу после своей обличительной речи, и ее сотрясли столь сильные конвульсии, что она проглотила язык. Ходили упорные слухи, что он способен исцелять бубонную чуму и насылатъ ее, заставляя реки выходить из берегов и что сам Господь обрушивает свою кару на тех, кто осмеливается противостоятъ ему.

Но, несмотря на все это, Найалл мак Эдан не двинулся с места и даже не потрудился вынуть меч из ножен. Вот уже десять месяцев он не позволял Малахии войти в Арму и ее собор — и ничего, жив до сих пор. Взгляд его скользнул к повозке. Даже с такого расстояния было видно, что на ней громоздятся сундуки. Подобное зрелище способно вселить уверенность в своих силах в кого угодно. Только человек столь же смертный, несовершенный и способный ошибаться, как и прочие дети Адама, стал бы прибегать ко взятке, дабы получить то, в чем нуждался. Повелительным жестом Найалл приказал своим людям расступиться, когда к ним приблизился Малахия, архиепископ Армы.

Малахия смотрел, как поспешно подаются в стороны стоящие перед ним мужчины. За их спинами в полумраке чернели распахнутые настежь врата собора. И сама Маха, объятая туманом, была знакома ему, как старый и добрый друг. Появившись на свет почти сорок лет назад в этом самом городе, он стал мужчиной на ее зеленых склонах — на которых святой Патрик, да будет благословенно имя его, основал свою церковь. Каменный собор основательно изменился за годы, прошедшие со времен его детства. Минуло всего десять лет с той поры, как кровля здания, изуродованная ударом молнии в эпоху, живых свидетелей которой уже не осталось, была отремонтирована стараниями архиепископа Келлаха. Кровельная плитка до сих пор выглядела как новенькая. Малахия с радостью отметил, что, хотя его друг и наставник скончался, дело его живет. Мысль о Келлахе заставила его обратить внимание на Найалла мак Эдана, стоящего в первом ряду группы людей, явно поджидających его.

Вот уже почти два столетия мужчины из клана Найалла управляли собором, утверждая, что право повелевать епархией, равно как и распоряжаться ее богатствами и податями в виде лошадей и коров, поставляемых местными крестьянами, досталось им по наследству. Но очень немногие из них заслужили духовный сан епископа или же были посвящены в него в Риме. В большинстве своем они оставались самыми обычными женатыми прихожанами, чьи руки привыкли держать оружие, а не Священное Писание; это были люди, склонные к корыстолюбию, похоти и насилию, и их власть над Святым престолом Ирландии была сущим проклятием в глазах Церкви.

Но Келлах сумел выкорчевать семя зла. Представитель клана, но при этом — истинный избранник Божий и последовательный реформатор, он провозгласил Малахию своим преемником. Однако после смерти Келлаха Найалл и другие члены семьи пренебрегли его указом и не пустили Малахию в город. И тогда он пришел взять то, что принадлежало ему по праву; сначала — с армией, что вылилось в кровопролитие, а теперь — в одиночку, с десятью сундуками, набитыми золотом. Плата была высокой, но игра стоила свеч.

Малахия остановился перед Найаллом, спрашивая себя, как лоно, породившее такого святого человека, как Келлах, смогло произвести на свет и столь грубое животное? «Каин и Авель», — мелькнула у него мысль.

— Он внутри?

— Как только я получу то, что причитается мне, можешь взять его себе, — последовал оскорбительный ответ.

— Мои братья доставили плату.

Найалл резко взмахнул рукой и приказал двум своим людям:

— Сходите и проверьте.

Осторожно обходя архиепископа, те побежали к повозке.

Малахия молча стоял в ожидании, пока люди Найалла осматривали сундуки. Совсем немного лун тому назад ирландцы предпочитали натуральный обмен — товары и скот. Но бродяги викинги положили этому конец, когда привезли с собой проклятое серебро. И сейчас достоинство человека все чаще измерялось количеством презренного металла, коим он обладал, а не крепостью его веры.

Покончив со своей задачей, мужчины поспешно поднялись обратно на вершину холма. Оба улыбались во весь рот.

— Все на месте, — доложил один из них Найаллу. — Все десять сундуков.

Найалл перевел взгляд на Малахию и широким издевательским жестом пригласил его войти в собор.

— Прошу вас, ваше преосвященство, — пророкотал он, произнеся титул так, словно хотел выплюнуть его.

«Гореть тебе в аду», — подумал Малахия, проходя мимо Найалла и направляясь между двумя рядами вооруженных мужчин к воротам собора. Ни один из них не опустил своего оружия, но Малахия не обращал ни малейшего внимания на острые лезвия мечей и наконечники копий. У входа он остановился; босые ноги вдруг отказались ему повиноваться, не желая ступить после сырой от росы травы на гладкие каменные плиты пола. Он не хотел этого. Совсем не хотел. И сейчас сильнее, чем когда-либо, он мечтал оказаться в одиночестве в своем горячо любимом монастыре Айбрасенс. Но Келлах доверил ему эту должность. На смертном одре его наставник, друг и учитель завещал ему стать архиепископом Армы. Больше того, сам Папа распорядился, чтобы он занял престол, изгнав оттуда людей, продолжающих открыто глумиться над заповедями Церкви.

Малахия перешагнул порог и вошел в полутемный придел. Здесь отчетливо воняло мужским едким потом. Он не оглядывался, и звуки шагов и торжествующие вопли постепенно стихали у него за спиной. Найалл со своей бандой, словно мухи на мед, набросились на сокровища. Впереди, в самом конце нефа, виднелся высокий алтарь. А на нем, в трепещущем пламени свечей, лежал длинный предмет, завернутый в белую ткань.

Малахия опустился перед ним на колени, с трудом подавляя внезапно вспыхнувшее желание схватить этот предмет и ощутить в своих руках то, что некогда принадлежало самому Господу нашему Иисусу Христу. Произнеся надлежащие молитвы, он поднялся на ноги и осторожно развернул белую ткань. Из ее складок он извлек епископский посох с золотыми накладками, украшенный драгоценными камнями. Казалось, огоньки свечей и первые солнечные лучи, робко заглядывающие в высокие окна, прикипели к нему, отчего он ярким пламенем вспыхнул в руках архиепископа.

Посох принадлежал святому Патрику, который принес слово Божие в Ирландию семь веков назад. Говорили, что посох ему вручил отшельник, получивший его от самого Христа, хотя нашлись святотатцы, утверждавшие, будто Патрик украл его у друидов. И вот сейчас Малахия держал в руках наиболее почитаемую и священную реликвию Ирландии. На

ней приносили самые торжественные клятвы; клятвы, которые, если их нарушить, принесли бы стране неисчислимые беды и несчастья. Это был посох Короля Королей, символ праведности и высшей власти.

Не имело значения, что Малахия был избран преемником Келлаха и что его посвятили в сан в Риме. Пока эта реликвия не окажется в его руках, народ Ирландии не признает и не примет его. Вот почему он согласился на непомерную плату, которую потребовал от него Найалл мак Эдан, — тот, кто обладал посохом Иисуса Христа, мог провозгласить себя не только архиепископом Армы, но и наследником святого Патрика и духовным правителем всей Ирландии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1299–1301 годы

...одолеваемый по этой причине сомнениями, должно ли продолжать биться с ними, он в конце концов предпочел, пока большая часть его воинов все еще невредима и, окрыленные победой, они преисполнены бодрости, отплыть на своих кораблях к тому острову, который предуказало ему божество.

Гальфрид Монмутский. История королей Британии

По стенам подземной крипты, дрожа, метался слабый отблеск пламени единственной свечи, отбрасывая гигантские тени на восьмигранные колонны и каменные балки сводчатого потолка. Мужчина, державший свечу в руке, замедлил шаг и прикрыл пламя ладонью, чтобы оно не погасло. Вокруг него зашелестели в темноте голоса его спутников:

— Поспешим.

— Вот он, брат Мертоу. Сундук.

— Вижу. Дай свет, Доннелл.

Когда Доннелл шагнул в ту сторону, откуда доносился шепот, пламя его свечи выхватило из темноты груды сундуков и ящиков на полу. Вдоль стен шестидесятифутовой крипты неровными рядами выстроились корзины с тканями и облачением, мешки с зерном и бочки с солониной. За прошедшие века собор и город, над которым он возвышался, не единожды становились ареной ожесточенных сражений, начиная с разрушительных набегов вождей соседних ирландских кланов и норвежских викингов, рыщущих в поисках добычи, и заканчивая целенаправленной и неуклонной экспансией англичан. Тридцать лет назад, когда архиепископ О'Скэнлон распорядился возвести новое здание на месте обгорелых развалин прежнего, в основание алтаря легла эта подземная комната, так что теперь собор и жители Армы располагали надежным хранилищем для своих сокровищ.

Доннелл остановился рядом с четырьмя своими спутниками, и отблески пламени упали на их лица. Сундуки были покрыты затейливой резьбой и расписаны сюжетами на библейские темы. В них, очевидно, хранились накопленные богатства: кубки и блюда, церковные ризы и прочее облачение, драгоценные камни и золотые монеты. Сундук, к которому были прикованы взгляды Мертоу и его спутников, выделялся среди остальных своими размерами. Инкрустированный табличками с латинскими изречениями, едва различимыми под толстым слоем пыли, он казался единственным, в котором могло находиться то, за чем они пришли сюда.

Мертоу подступил к сундуку вплотную. Тени лишь подчеркивали уродливый шрам, который змеился на левой стороне его лица и рассекал надвое верхнюю губу, резко выделяясь на белой, не покрытой загаром коже вокруг него. Он наклонился и попытался поднять крышку. Когда та не подалась, он нахмурился.

И вдруг в мертвой тишине прозвучал едва слышный жутковатый стон, который долетел словно откуда-то из глубины туннеля и столь же внезапно стих.

Один из мужчин судорожно перекрестился.

— Господи, спаси и сохрани! — Его слова эхом раскатились по сводчатому помещению.

Шрам на щеке Мертоу дернулся и пришел в движение вместе с лицевыми мускулами.

— Заутреня, братья. Каноники поют утренние молитвы!

Его молодой спутник шумно выдохнул, но в глазах его по-прежнему был страх.

Мертоу выпрямился и внимательным взглядом окинул мрачное помещение, пока не заметил пару массивных серебряных подсвечников. Он подошел к ним и взял один в руку, прикидывая его вес, а затем собрался вернуться к сундуку, вооружившись канделябром, и поднял глаза к потолку, откуда по-прежнему доносилось слабое монотонное пение.

— Нас услышат, — заметил один из его спутников и схватил Мертоу за локоть.

— Вот то, что нужно, — пробормотал Доннелл, и пламя свечи затрепетало от его дыхания. Он показал на корзину, накрытую тканью.

Сообразив, что он имеет в виду, Мертоу подошел к ней. Заклубилась пыль, когда он сорвал покрывало и обернул им основание подсвечника. Вернувшись к сундуку, он сильно ударил по замку. По крипте вновь прокатилось приглушенное эхо. Сундук затрясся, дерево треснуло, но замок не поддался. Перехватив канделябр поудобнее, Мертоу нанес новый удар, одновременно настороженно прислушиваясь, не изменится ли тональность доносящегося сверху пения. После третьего удара замок открылся. Мертоу рванул крышку на себя. В разные стороны полетели щепки. Заглянув внутрь, он увидел там коллекцию требников [\[6\]](#) и Библий.

Остальные тоже увидели то, что лежит в сундуке, и принялись тревожно перешептываться:

— Не можем же мы обыскать все сундуки до единого.

— Мы и так пробыли здесь слишком долго.

— Я не уйду отсюда без него, — угрюмо заявил Мертоу. — Нам совершенно определенно сообщили, что они едут за ним. И я не допущу, чтобы он попал к ним в руки.

— Но если нас застигнут...

Доннелл осторожно двинулся вдоль стены. Взгляд его был прикован к какому-то предмету, тускло блестевшему впереди. Он давно приметил его, но поначалу решил, что это всего лишь отблеск пламени свечи на одной из многочисленных бочек или металлических ларцов. Но теперь, когда глаза его привыкли к темноте, он сообразил, что пламя свечи, которое он к тому же прикрывал ладонью, было слишком слабым, чтобы проникнуть так далеко. Что бы это ни было, оно светилось само по себе.

Подойдя ближе, он увидел каменный плинт [\[7\]](#) наподобие алтаря, накрытый шитой золотом парчой. Он уловил дымный запах ладана. Здесь речитатив каноников звучал громче и слова утренней молитвы долетали куда отчетливее. На плинте лежал тонкий, украшенный драгоценными камнями посох.

— Хвала Господу!

Запрокинув голову, Доннелл увидел отверстие в потолке крипты, прорезанное сквозь толщу камня до самого пола алтаря. Сквозь прутья железной решетки смутно виднелись колонны хоров, уходящие к потолку, омытые пламенем свечей. Посох Христа был сокрыт в самом сердце собора, видимый только каноникам, нараспев читавшим молитвы наверху.

Согласно архивным записям аббатства, сто шестьдесят четыре года минуло с той поры, как святой Малахия отобрал посох у Найалла мак Эдана. И все это время, пока он покоился на вершине этого священного холма, вокруг него менялись собор, город и сама Ирландия. Обладая посох разумом, он бы ощутил отдаленные конвульсии войны, когда на эту землю ступили англичане, поначалу — в качестве искателей приключений, а затем — под

командованием своих королей. Он бы уловил запах пожарищ и услышал мерную поступь завоевателей, которые покорили восточное побережье от Уэксфорда до Дублина и Антрима; ощутил бы дрожь земли, из которой выгрызали камень для строительства городов и замков, дабы те возвышались над захваченной страной. Интересно, а узнал бы сейчас Малахия, их святой отец-основатель, землю за стенами собора? Доннелл повернулся, и в глазах его заплясал огонек свечи, когда спутники приблизились к нему из темноты.

Мертоу прошел мимо него и замедлил шаг, лишь заметив плинт. Взгляд его метнулся от посоха к железной решетке над головой. Осторожно, но сгорая от нетерпения, он шагнул вперед и поднял посох. Один из его спутников открыл мешок, и он бережно опустил посох внутрь. Теперь, отыскав реликвию, они поспешно устремились к выходу. Дорогу им освещал Доннелл со своей свечой, и пение каноников постепенно затихало вдаль.

У двери в восточной стене их поджидал еще один мужчина. По мере приближения пламя свечи выхватывало из темноты его бледное лицо.

— Ну что, нашли?

Мертоу кивнул, не сводя глаз с простертой на полу фигуры привратника, рядом с которой присел на корточки его товарищ. На лбу привратника виднелась полоса свежей крови. Меч его так и покоился в ножнах на боку. Он никак не ожидал нападения. Да и с чего бы ему опасаться людей в облачении святого ордена?

— Он так и не пришел в себя?

— Нет, брат. Боюсь, мы серьезно ранили его.

— Мы будем молиться за него, покаемся и понесем наказание за грехи, совершенные нами сегодня ночью. — Голос Мертоу прозвучал угрюмо и хрипло. — Когда посох окажется в надежном месте. — Он кивнул Доннеллу, и тот задул свечу, открывая дверь в прохладную темноту весеннего рассвета.

Оставив тело в крипте, шестеро мужчин зашагали по траве, беззвучно петляя меж деревянных крестов и памятников святым, и их черные накидки растворились в огромной тени, отбрасываемой собором Святого Патрика.

Антрим, Ирландия

1300 год

Конь ломился через лес, с хрипом выдыхая клубы пара; из-под копыт летели комья земли вперемешку с травой. За спину убегали деревья, роняя с ветвей капли дождевой влаги. В переплетении хрупких коричневых листьев мелькало низкое небо. Ноябрьские холода оголили ветки, и долина укрылась шуршащим покрывалом.

Роберт подался вперед, наслаждаясь бешеной скачкой, так что деревянная лука седла впиалась ему в живот, когда он пришпорил своего жеребца. Флит, серый в яблоках скакун, оказался настолько послушен, что малейшее движение поводьев отправляло его в полет, заставляя с легкостью перепрыгивать через стволы упавших деревьев или узкие лесные ручейки. Конь был меньше, зато намного быстрее Хантера, боевого жеребца, которого он оставил в Шотландии на попечении своего друга и союзника Джеймса Стюарта.

Капюшон зеленой накидки Роберта уже давно упал ему на плечи, и косой дождь

холодил ему щеки. В ушах у него шумел встречный ветер, заглушаемый его собственным хриплым дыханием, а во рту от напряжения появился металлический привкус. Тоненькая ветка стегнула его по лицу, но он даже не заметил этого. Все его внимание было приковано к двенадцати гончим, которые взлетели вверх по крутому откосу, захлебываясь яростным лаем. Роберт вонзил шпоры в бока Флита, посылая коня вдогонку за ними.

Оказавшись на гребне, он поднес к губам рог и хриплым ревом известил остальных охотников о смене направления погони. В просвете между деревьями он разглядел крутой обрыв, у подножия которого раскинулась поросшая лесом долина. А за нею тянулась морская гладь, и серо-стальные валы тускло поблескивали под затянутым тучами небом. На горизонте тонкой прерывистой линией виднелись берега Шотландии. При виде родной земли у Роберта защемило сердце. Но он задержался лишь на мгновение, а потом вновь пришпорил Флита.

Впереди, в зарослях дубов и рябины, он впервые увидел добычу — там промелькнула светло-коричневая спина с темной полосой вдоль хребта, сбегавшей к хвосту. Решимость сменилась предвкушением, когда выяснилось, что слепая погоня может оказаться успешной. Гончие взяли след крупного оленя. Он бросался из стороны в сторону, пытаясь оторваться от собак, но те шли по его запаху, и жажда крови заглушила в них усталость. Олень бежал по естественному уклону долины, вдоль русла реки, впадающей в море. Роберт вновь протрубил в рог. Из разных уголков леса донесся ответный рев, как спереди, так и сзади. И тут олень без предупреждения развернулся и встал на задние ноги, молотя передними копытами по воздуху. Он был не таким крупным, как те благородные самцы, на которых они охотились вплоть до самого окончания сезона, но его рога запросто могли ранить и даже убить любого пса, осмелившегося подскочить к нему слишком близко.

Роберт изо всех сил натянул поводья, заставляя Флита остановиться, отчего тот затанцевал на месте, и закричал на собак, полукольцом окруживших оленя. Свору возглавляла Уатача, его верная гончая. Несмотря на то что совсем недавно родила шестерых щенков, сейчас она дрожала от азарта и ярости, готовая вцепиться в оленя, который опустил голову и угрожающе поводил рогами из стороны в сторону, взрывая копытами землю. Роберт оглянулся через плечо, слыша громкую переключку рогов: к нему спешили приотставшие члены охотничьей кавалькады. Впереди скакали его братья Эдвард и Томас. Олень развернулся и ринулся в подлесок, но было уже слишком поздно. Загонщики, лежавшие в засаде дальше в долине, спустили с поводков своих мастиффов.

Роберт дал шпоры жеребцу, устремляясь в погоню за оленем, который предпринял последнюю отчаянную попытку спастись, и тут слева наперерез животному выскочили два массивных пса, шипы на ошейниках которых сверкали, словно металлические клыки. Но олень, несмотря на опасность, и не подумал остановиться. Роберт восхищался упорством и отвагой, которые олень проявлял даже сейчас, когда мастиффы атаковали его. Один пес подкрался спереди, чтобы вцепиться в горло, а другой прыгнул сверху, чтобы сломать жертве хребет. Рассерженный рев оленя сменился криком боли и агонии в тот миг, когда ноги у него подогнулись и он с размаху рухнул на землю. Остановив Флита, Роберт спрыгнул с седла, криками сзывая к себе егерей. Они выскочили из-за кустов, держа наготове палки, чтобы отогнать мастиффов, которые пригвоздили оленя к земле, вцепившись в него своими клыками. Животное испустило судорожный вздох, содрогнулось всем телом и замерло. Направляясь к собакам, Роберт не глядя сунул окольцованный серебряными накладками рог за пояс. И то, и другое ему подарил приемный отец. Ноги оленя подергивались. Роберт

кивнул егерям, которые с угрожающим видом заколотили по земле палками, и мастиффы отпустили жертву, слизывая кровь с клыков.

Роберт склонился над оленем и увидел в глазах животного собственное отражение: влажные волосы обрамляют сильное и волевое лицо, с широких плеч ниспадает зеленая накидка, насквозь промокшая от дождя. Олень вновь захрипел, и из ноздрей у него потекла кровь, которая толчками била и из смертельной раны на шее. Роберт стянул перчатку и положил руку на отросток оленьего рога. Тот был шелковистым на ощупь, и он вдруг вспомнил, как дед рассказывал ему о том, что раньше люди верили, будто животное, пойманное на охоте, наделяет того, кто пленил его, собственными качествами. В памяти всплыли давно забытые слова: «От оленя — сила и благородство; от лани — быстрота и грациозность. От волка — хитрость и сообразительность; от зайца — нервный трепет погони».

Вынув из ножен меч с шарообразным выступом в навершии для балансировки, Роберт выпрямился и приставил кончик лезвия длиной в сорок два дюйма к тому месту, где отчаянно билось сердце оленя, и всем телом налег на рукоять.

Подросли остальные участники охоты. Оруженосцы принимали поводья у спешившихся дворян, стремившихся поздравить Роберта с победой. Видя, что Нес уже прискакал и занимается Флитом, Роберт достал из сумки на поясе кусок мягкой ткани и принялся вытирать кровь с меча. Лес наполнился звуками отчаянного лая — это гончие по очереди вгрызались в шею оленя: так загонщики старались раззадорить и подготовить их к следующей охоте, прежде чем вновь брать псов на поводок. Среди них была и Уатача, пар от дыхания которой клубился в сыром воздухе. Когда егеря сгруппировались вокруг оленя, готовясь разделять его, к Роберту подошел его приемный отец.

Лорд Донах улыбнулся, отчего от уголков его глаз разбежались лучики морщинок, и хлопнул Роберта по плечу.

— Отличная работа, сынок. — Оглянувшись на оленя, он одобрительно кивнул. — Мы сегодня славно попируем.

Роберт улыбнулся — восхищение пожилого лорда доставило ему удовольствие. Засовывая мокрую тряпку за пояс, он принял у Кормака, одного из своих названных братьев, расшитый драгоценными камнями мех с вином. Двумя годами младше Роберта, двадцати четырех лет от роду, он был похож на Донаха, как схожи между собой две капли воды, только у него еще не было сеточки морщин в уголках глаз и серебряных нитей в рыжей шевелюре с длинной челкой, постоянно лезущей ему в глаза, и коротко стриженным затылком.

Кормак ухмыльнулся, глядя, как Роберт жадно глотает вино.

— Ты так спешил загнать несчастного оленя, что я уже испугался, как бы ты не спрыгнул с Флита и не загрыз бедное животное.

Донах сурово оборвал его:

— Следи за своим языком, сынок. Ты разговариваешь со старшим по возрасту и положению.

— Подумаешь, — пробормотал Кормак себе под нос, но только после того, как отец направился к егерям, чтобы взять на себя руководство разделкой туши.

— Достаточно взрослым, во всяком случае, чтобы отрастить бороду, как подобает настоящему мужчине, — расхохотался Роберт и, прежде чем названный брат успел отойти, дернул его за редкую поросль на подбородке, которую тот усиленно холил и лелеял.

Смеясь, он смотрел, как молодой человек поспешно отходит в сторону, обиженно потирая челюсть. Кормак всегда и неизменно напоминал ему Эдварда. Роберт оглянулся на брата, разговаривавшего с Кристофером Сетоном, и улыбка увяла на его губах.

Став по гэльскому обычаю приемными сыновьями Донаха, Роберт и Эдвард целый год прожили вместе с ирландским лордом и его сыновьями, учась ездить верхом и сражаться, готовясь к посвящению в рыцари. Но если Кормак сумел сохранить свое беззаботное безразличие, то Эдвард, напротив, совершенно пал духом. Роберт вдруг обнаружил, что возвращение в Антрим после пятнадцатилетнего отсутствия лишь усугубило перемены, которые война породила в брате и в нем самом.

— Пора разделявать добычу, сэр.

Роберт обернулся. Перед ним стоял один из егерей и протягивал ему кожаный пояс, на котором висело пять ножей с разной формы лезвиями: один — для резки костей и сухожилий, другой — для снятия шкуры, и остальные — для аккуратной разделки туши. Роберт указал на своего приемного отца:

— Я передаю эту честь хозяину.

Донах удовлетворенно рассмеялся и засучил рукава сорочки. Выбрав нож, он с криканием присел и принялся разделять оленя, которого уже опрокинули на спину, уперев рога в землю для устойчивости. Гончие притихли и успокоились. Зная, что вскоре получат в награду богатое угощение, они жадно смотрели, как течет кровь, когда лорд сделал первый надрез.

Охотники столпились вокруг, наблюдая за разделкой туши, и Роберт окинул их взглядом. Эдвард привалился к дереву, скрестив руки на груди. Кристофер Сетон внимательно наблюдал за быстрыми и уверенными движениями Донаха. Стоящий рядом девятнадцатилетний Найалл, младший из четырех братьев Роберта, оперся на плечо Томаса. Они были настолько не похожи друг на друга, что, глядя на них, посторонний наблюдатель никогда бы не поверил, что они — кровные братья. Господь благословил Найалла приятной внешностью, смуглой кожей, темными волосами и веселым нравом матери, а Томас пошел в отца: широкоплечий, с широкой грудью и густыми кустистыми бровями. Чуть в стороне от знати держались пажи и местные слуги, присоединившиеся к охоте и теперь наблюдавшие за тем, как ловко орудует ножом лорд. Лица их покраснелись от восторга и предвкушения, и все они были чрезвычайно довольны столь удачным завершением охоты, в ходе которой не пострадала ни одна лошадь или гончая. То есть все, кроме него.

Погоня завершилась, но с недавнее Роберта нетерпение ничуть не уменьшилось, горячим и неудовлетворенным клубком свернувшись у него в животе. Перед глазами у него по-прежнему стояла прерывистая береговая линия, которую он мельком разглядел во время бешеной скачки. Близость Шотландии не давала ему покоя и сводила с ума. Прошел уже год с тех пор, как он отказался от должности хранителя Шотландии, и семь месяцев — с того времени, как он вернулся в Антрим. Семь месяцев отсутствия на войне, разорявшей его родину. Семь месяцев вдали от дома и дочери, семь месяцев в погоне за призраком.

За спиной у него хрустнула ветка, и Роберт оглянулся. К нему подошел Александр Сетон. Он кутался в охотничью накидку, а по жесткому, словно вырубленному из камня лицу стекали капли дождя. Он окинул Роберта оценивающим взглядом, словно прочтя его мысли.

— Еще одна удачная охота.

Роберт коротко кивнул. В тоне голоса верного сподвижника проскользнули знакомые нотки, предвещавшие очередной спор. Он не ошибся.

— Рискну повторить вновь: какой бы славной ни была забава, я предпочел бы окропить лезвие своего меча кровью по более достойному поводу. Сколько еще вы намерены оставаться здесь?

Роберт не ответил, но отделаться от лорда из Восточного Лотиана, который оставался рядом с ним на протяжении последних трех лет, сражаясь бок о бок, было не так-то легко.

— Мы должны вернуться домой, Роберт. Мы нужны там. Эта поездка была ошибкой.

Роберта захлестнул гнев. В словах Александра таилась горькая правда, слышать которую он не хотел.

— У нас еще есть надежда. Мы пока так и не получили известий от монахов из Бангора. Минула всего неделя с тех пор, как Донах отправил гонца в аббатство. Я хочу дать им больше времени.

— Больше времени? — Александр понизил голос, чтобы остальные не услышали их разговор. — Монахи так и не ответили на первое послание, которое мы отправили им три месяца назад, но, даже если им известно, где посох, с какой стати они расскажут об этом нам? Из того, что мы знаем — ночная кража, убийство привратника, — со всей очевидностью вытекает, что тот, кто забрал его из собора, хотел, чтобы посох исчез без следа. И граф Ольстер тоже не сумел отыскать его, несмотря на то что его рыцари обшарили Ирландию вдоль и поперек. Клянусь Богом, если уж такой человек, как Ричард де Бург, влиятельный и богатый, не смог найти реликвию, неужели это удастся нам?

Роберт усталился на тушу оленя, глядя, как Донах снимает шкуру с живота, отдирая ее от мышц. Гордость его восставала против правды, звучавшей в словах Александра. Он должен быть уверен, что поступил правильно, приехав сюда, какие бы сомнения его при этом ни одолевали.

— Вы можете вернуться в Шотландию. Я не стану мешать вам. Но я остаюсь.

— Мне некуда возвращаться. Я потерял все, когда присоединился к вам в борьбе за ваше дело. Мы оба потеряли. — Глядя поверх голов людей на поляне, Александр нашел взглядом своего кузена. — Длинноногий [\[8\]](#) закует нас с Кристофером в кандалы, едва мы покажемся в своих владениях.

Роберт посмотрел на Кристофера Сетона. Йоркширец, которого он сам произвел в рыцари, о чем-то оживленно болтал с Эдвардом и Найаллом.

— Ваши земли можно отвоевать обратно. Перед отъездом мы освободили обширные территории, а Джеймс Стюарт и остальные продолжают борьбу в наше отсутствие.

— Это не будет значить ничего, если король Эдуард вернется с могучей армией. Он едва не стер нас с лица земли в ходе своей последней кампании. Под Фолкирком [\[9\]](#) мы потеряли десять тысяч человек. Уильям Уоллес во Франции, вы — здесь, и кто теперь сможет противостоять англичанам? Скажите мне, неужели вы готовы вверить судьбу королевства в руки такого человека, как Джон Комин?

Роберт с такой силой стиснул зубы, что на скулах у него заиграли желваки. Месяцы, проведенные вдали от Шотландии, не смогли погасить ненависть, которую он питал к своему врагу. Скорее напротив, время лишь ярче раздуло ее пламя, поскольку его угнетало осознание того, что чем дольше он пребывает вдали от родины, тем сильнее становятся позиции Комина.

Два года назад, почти день в день, после того как Уильям Уоллес отрекся от почетной должности хранителя Шотландии, Роберта и Джона Комина, ровесников и наследников своих состоятельных семей, избрали на его место. Они правили разоренной страной, в

которой не было короля, руководя разрозненным сообществом графов, лордов, рыцарей и крестьян, стремившихся положить конец владычеству Эдуарда Длинного. Это был нелегкий союз. Между двумя молодыми людьми вспыхнула вражда, но хуже всего были ожесточение, злоба и недоверие, существовавшие между их кланами. Отравленная предательством, совершенным в давние времена, эта дурная кровь пропитала собой и последующие годы, передаваясь от отца к сыну.

Александр Сетон поступил умно, упомянув Комина. Но он упустил из виду нечто очень и очень важное. После отъезда Роберта его место занял Уильям Ламбертон, но даже внушительный и грозный епископ Сент-Эндрюсский не помешал бы Комину и далее искать поддержки у дворян королевства. Роберт знал совершенно точно — чтобы восстановить в Шотландии собственную власть и авторитет, он должен вернуться с чем-то таким, что позволит ему склонить чашу весов на свою сторону и завоевать для них свободу. И Джон Комин был всего лишь очередной причиной того, почему он не может вернуться без реликвии, которую ищет, — посоха Святого Малахии.

— Вы говорили, что стране нужен новый король, — угрюмо и резко продолжал Александр, ошибочно приняв молчание Роберта за равнодушие. — Король, который защитит наши свободы, чего не удалось Баллиолу. И вы сказали нам, что станете таким королем.

Роберт повернулся к нему лицом. Воспоминания о том дне, когда он произнес эти слова во дворе замка Тернберри три года назад — после того, как нарушил присягу, данную королю Эдуарду, и перешел на сторону Уильяма Уоллеса, — до сих пор жили в его памяти. Тогда он обратился к своим людям с огнем в сердце, обещая защищать их свободу и провозгласив себя их королем. В его жилах текла кровь королевского дома Канморов; вдобавок Александр II назвал его деда возможным престолонаследником. Перед смертью старый лорд завещал это право Роберту, и тот поклялся защищать его, какие бы претенденты ни восседали на троне в нарушение фамильных привилегий клана Брюсов.

Голос его окреп, и в нем зазвучала сила:

— И я стану им.

Домой они возвращались уже в сумерках. Егеря несли отрубленную голову оленя, за которой тянулся яркий кровавый след, привлекавший ворон, с карканьем круживших над ними. После того как гончие получили свою долю вознаграждения, оставшуюся тушу разделали и лучшие куски оленины отправились на стол к лорду Донаху, а все остальное досталось людям, принимавшим участие в охоте. Даже местные мальчишки, вприпрыжку бегущие рядом со всадниками, прижимали к груди завернутые в листья куски мяса с костями, намереваясь отнести их своим семьям. Донах всегда строго следил за тем, чтобы все были сыты.

Обратно к замку Донаха кавалькада двигалась по дороге, огибавшей холм, на котором виднелись руины крепости. Теперь там паслись овцы, а каменная кладка поросла лишайником и жирянкой. Роберт в задумчивости уставился на развалины, и перед его внутренним взором поплыли воспоминания. Он увидел себя, тощего и долговязого подростка, который первым вскарабкался на самую верхнюю точку разрушенных стен и, воздев над головой сжатые кулаки, смотрел на своих сводных братьев, с пыхтением лезущих за ним следом. Из далекой дали прошедших лет до него долетел собственный голос:

— Я — король! Я — король!

Роберт отвернулся от развалин, когда дорога устремилась вниз по склону и вдалеке показался замок лорда. Кормак прищорил своего жеребца и понесся вскачь, и встречный ветер растрепал его рыжую шевелюру. Найалл и Томас устремились за ним вдогонку. Замок высился на поросшем вереском и лишайником берегу неглубокой речушки. Его окружали защитный ров и частокол, колья которого еще не успели потемнеть от времени и непогоды. Полтора года назад почти все здания были уничтожены огнем, который пощадил лишь каменную скорлупу донжона. Понадобилось много месяцев упорного труда, но благодаря настойчивости Донаха, преданности его арендаторов и деньгам из сундуков Роберта замок вновь стал таким, каким он помнил его по временам своего детства.

Вслед за троицей молодых людей кавалькада неспешно проследовала через ворота во внутренний двор замка. Стражники почтительно приветствовали Донаха и Роберта, поднимавшихся на конях ко двору, со всех сторон окруженному конюшнями и амбарами, от которых до сих пор исходил запах свежего дерева. Томас, Найалл и Кормак уже спешили и теперь отдавали распоряжения гrooms, поспешившим навстречу охотничьей партии. Когда четыре года назад между Англией и Шотландией разразилась война, младшие братья Роберта еще оставались на попечении лорда Донаха, так что здесь они чувствовали себя увереннее и привычнее, нежели в родовых поместьях Брюсов в Каррике и Аннандейле.

Спрыгнув с седла на землю и передав поводья Несу, Роберт заметил, что к ним спешит управляющий Донаха.

— Милорд! — Управляющему пришлось повысить голос, чтобы перекричать восторженный лай гончих. — Надеюсь, охота была удачной?

— Вполне, Гилберт, — ответил Донах, спешиваясь. — Мы привезли мясо для вяления.

— Я прослежу, чтобы все было сделано как надо. Милорд, у вас гости.

Донах нахмурился:

— Кто?

— Два монаха из Бангорского аббатства. Они прибыли вскоре после полудня. — Взгляд

Гилберта задержался на заляпанных грязью сапогах и накидке лорда. — Должен ли я попросить их подождать, пока вы переоденетесь?

Роберт шагнул вперед.

— Нет, Гилберт. Мы примем их немедленно.

Управляющий покосился на Донаха, и лорд утвердительно кивнул.

— Позаботься о том, чтобы гости были накормлены. Мои люди будут ужинать вместе со мной.

— Будет исполнено, милорд.

Оставив управляющего распоряжаться охотниками и егерями, которые повели собак на псарню, Роберт с приемным отцом направились в донжон. Проходя по двору, Роберт поймал взгляд Александра Сетона. Чувствуя заслуженное глубокое удовлетворение, он перешагнул порог и ступил в полутемное помещение. Сердце тревожно забилося у него в груди.

У огромного очага в главной зале стояли два монаха в черных подрясниках. На звук шагов Роберта и Донаха оба обернулись, и от порыва холодного ветра языки пламени в камине взметнулись и зашипели. Один из них был моложе другого, с открытым, честным лицом и беспокойными, быстрыми глазами. Старший обладал куда более примечательной внешностью: лицо его было обезображено извилистым шрамом, сбегавшим по щеке и рассекавшим губу. Он стоял, расправив плечи и широко расставив ноги, встретив взгляд Роберта с вызовом, который более подошел бы воину, нежели служителю Церкви.

Но Донаха, похоже, ничуть не оскорбила открытая враждебность монаха. Он подошел к нему и обеими руками потряс его ладонь.

— Брат Мертоу, давненько мы с вами не виделись. Вы получили мои послания? После того как вы не ответили на них, я начал опасаться самого худшего.

— Мы рассчитывали прибыть раньше, но опасность была слишком велика.

Монах говорил по-гэльски отрывисто и грубо, с гортанным акцентом, настолько отличавшимся от диалекта, принятого в его семье, что Роберт с трудом понимал его.

— За нами следили шпионы Ольстера. — Мертоу обвел взглядом залу, задержавшись на мгновение на новеньких балках, пересекавшихся над его головой. — Мне радостно видеть, лорд Донах, что вы исправили вред, причиненный его людьми.

Улыбка Донаха исчезла при упоминании человека, рыцари которого разрушили его родовой замок.

— Я не мог допустить, чтобы эти грязные собаки решили, будто победа осталась за ними. — Он повернулся к Роберту. — Кроме того, неоценимую помощь оказал мне мой приемный сын — сэр Роберт, граф Каррик и властитель здешних земель.

Монах со шрамом перенес свое внимание на Роберта:

— Ваше имя и родословная идут впереди вас. Ваш дед был великим человеком, да упокоит Господь его душу. Мы с братьями по-прежнему чтим его память и заслуги.

Роберт удивленно нахмурился. Насколько ему было известно, дед никогда не бывал в Ирландии. Земли клана Брюсов в Антриме, от Гленарма до Олдерфлита, не входили в наследство старого лорда. Как и графство Каррик, они были частью приданого матери Роберта, которое после женитьбы на ней досталось его отцу, а уже от него перешло к самому Роберту восемь лет назад. Заняв место отца, Роберт испытал некоторую неловкость, когда, вернувшись в Антрим, принял присягу вассальской верности от своего коленопреклоненного приемного отца.

— Я и не подозревал, что вы знали моего деда.

— Не лично, — пояснил молодой монах. — Но он и нас облагодетельствовал своей щедростью. Долгие годы ваш дед присылал деньги в качестве платы за свечи, горящие в храме нашего отца-основателя святого Малахии.

Донах кивнул, когда Роберт оглянулся на него.

— Все верно. Твой дед передавал мне свои пожертвования через твою мать. — Жестом указав на длинный стол, занимавший большую часть комнаты, на котором только что появились кувшин с вином и кубки, лорд предложил: — Давайте присядем.

Они направились к столу и деревянным скамьям, и Роберт подумал об аббатстве Клерво во Франции и других местах, куда его дед посылал деньги для оплаты свечей, горящих в честь святых. Сколько их еще курится в часовнях и монастырях, зажженных волей его деда в попытке искупить грехи своего предка?

Во время странствий по Шотландии, как гласит легенда, Малахия, архиепископ Армы, однажды остановился в фамильном замке Брюсов в Аннанде. Услышав о грабителе, которого приговорили к смертной казни через повешение, он попросил пощадить его, и лорд Аннандейл уважил его просьбу. Но на следующий день Малахия увидел, что грабитель болтается на виселице, и тогда он обрушил свой гнев на лорда и его потомков. Проклятие, которое он наложил на них, говорят, было таким сильным, что река вышла из берегов и затопила замок, разрушив его до основания, отчего Брюсам пришлось возводить новую цитадель в Лохмабене.

Отец Роберта неизменно высмеивал старинное предание, утверждая, что причиной разрушения замка стал зимний ураган. А вот дед склонен был винить в их бедах не только прошлые несчастия, но и все события, последовавшие за трагической гибелью короля Александра III, которые привели на трон марионетку Эдуарда — Джона Баллиола, лишив клан Брюсов права претендовать на престол.

— В прошлом году братья разыскали меня и сообщили о том, что граф Ольстер разрушил замок Донаха, — сообщил Роберт, усаживаясь за стол. — Они сказали, что люди Ольстера искали реликвию, заполучить которую желает король Эдуард, — реликвию, которую одни называют посохом Иисуса, а другие — посохом Малахии. — Он не сводил глаз с Мертоу, но по изуродованному лицу монаха ничего нельзя было прочесть. — И тогда я отказался от должности хранителя Шотландии в надежде первым найти этот посох, чтобы помешать королю завладеть им. По моей просьбе лорд Донах отправил послание в ваш монастырь — мы надеялись, что вашему ордену известно его местонахождение.

Поскольку оба монаха безмолвствовали, Донах шумно вздохнул:

— Мертоу, хватит играть в молчанку. Да, последние месяцы вы держали рот на замке, но слухами земля полнится. — Налив в кубок вина, он пододвинул его монаху. — Нам известно, что люди Ольстера устроили обыск в вашем аббатстве после того, как посох исчез из Армы. Они не решились бы на такой шаг, если бы не подозревали, что это вы забрали его.

— А зачем ему понадобилось разрушать ваш дом, Донах? — парировал Мертоу. — Может быть, потому, что вы украли его?

— Всем известно, что мы оказываем поддержку вашему ордену, и только поэтому мы попали под подозрение. — Донах нахмурился. — Чем, без сомнения, дали Ольстеру повод навсегда изгнать нас из Гленарма, о чем он давно мечтает. Все эти годы мы находились под защитой клана Брюсов, тогда как английские захватчики оттеснили прочих наших соотечественников на запад. И я был одним из немногих дворян, кто сумел сохранить свои земли. Естественно, Ольстер хочет, чтобы меня не стало. Но я говорю: да поможет Господь

ему самому и ему подобным, когда наши земляки вернут себе то, что принадлежит им по праву. Насколько я слышал, на юге уже зреет недовольство, не сулящее де Бургу и таким, как он, ничего хорошего. Ходят слухи о восстании. Или даже войне. — Он с грохотом ударил кулаком по столу. — Приближается день расплаты, помяните мои слова.

— Ричард де Бург долгие годы был союзником вашей семьи, сэр Роберт, — заметил младший из монахов. — Нам также известно о том, что вы присягнули на верность королю Эдуарду. Как мы можем быть уверены в вашей лояльности в данном вопросе?

— Наш союз мертв вот уже три года. Он закончился в тот день, когда я присоединился к восставшим, которых возглавлял Уильям Уоллес. — Роберт подался вперед, в упор глядя на монаха. — Обе наши страны изнемогают под пятой короля Англии. Если вам известно, где находится посох, я могу помочь вам сохранить его в неприкосновенности. — Молодой монах метнул на Мертоу быстрый взгляд, и Роберт подметил промелькнувшую на его лице тень надежды. Он усилил нажим. — В «Истории королей Британии» Монмута говорится о том, что Брут Троянский, [\[10\]](#)основатель королевства на этих островах, владел несколькими реликвиями. После его смерти его сыновья разделили земли между собой — так возникли Англия, Ирландия, Уэльс и Шотландия. Вдобавок каждый из них в знак своей верховной власти взял себе по одному талисману.

— Я знаком с работами Гальфрида Монмутского, — перебил его Мертоу.

Роберт продолжал, не обратив внимания на оскорбительный тон монаха:

— Пророку Мерлину, чьи слова, как уверяет Монмут, он перевел, было видение, что именно после этого разделения в Британии воцарится хаос. Мерлин предрек, что тот, кто захочет предотвратить окончательную гибель королевства, должен собрать все реликвии в одних руках. И Утер Пендрагон, [\[11\]](#)и его сын король Артур почти преуспели в этом, но только почти. Когда Эдуард покорил Уэльс, он обнаружил древнее пророчество, в котором поименованы эти четыре талисмана. Для Англии это — куртана, Меч Милосердия. Для Уэльса — Корона Артура, которой считается диадема. Ее носил сам Брут. Для Шотландии...

И тут Роберт запнулся. Перед его внутренним взором всплыл горький образ камня, лежащего в брюхе повозки, которая, кренясь и опасно раскачиваясь на поворотах, неслась по пыльной проселочной дороге. Он, яростно нахлестывая коня, мчался за нею вслед, высоко подняв щит. Рядом скакали еще несколько всадников. В руках они сжимали мечи, а на их лицах было написано торжество победителей. Все они носили такие же щиты, как и у него: кроваво-красного цвета, со стоящим на задних лапах огнедышащим драконом в центре. В тот день он сыграл самую постыдную роль в своей жизни — помог захватить и доставить королю Эдуарду наиболее ценное из всех сокровищ.

— Для Шотландии, — договорил он наконец, — Камень Судьбы, на котором были коронованы все наши властители.

— Мы слышали о завоеваниях короля Эдуарда, — угрюмо заявил младший из монахов. — Мы знаем, что он увез все реликвии в свое святилище в Вестминстере. И только посох нашего основателя не дается ему в руки.

— Тогда вы понимаете, насколько сильно он жаждет заполучить эту последнюю реликвию. И он не остановится ни перед чем, чтобы завладеть ею.

— А как насчет вас, граф Роберт? — подал голос Мертоу. В глазах его плясали огоньки свечей. Монах отпил вина, и капли рубиновой влаги стекли по рассеченной губе и упали на стол. — Вы-то сами верите в пророчество Мерлина?

— Не имеет значения, во что я верю, а во что нет. Главное сейчас — то, что в него верит

король и многие из его людей. Они сражаются ради пророчества, истекают кровью и умирают за него. Именно они стали тем мечом, который позволил ему завоевать Уэльс. Теперь настала очередь Шотландии. Вера в то, что они спасают Британию от гибели, придает им сил и ярости. Эдуард добивается побед не только благодаря своей мощи, но и благодаря силе пророчества. Он готов провозгласить себя новым Брутом, новым Артуром. И вся Британия склонится перед ним.

— Если вы заполучите посох, что вы с ним сделаете?

Роберт не дрогнув встретил вызывающий взгляд старшего из монахов. У него вдруг возникло такое чувство, будто Мертоу сумел заглянуть ему в самую душу и прочесть его сокровенное желание — желание, которое имело мало общего со спасением одной реликвии, зато целиком и полностью было направлено на искупление грехов за кражу другой. Если бы король Эдуард завтра предложил вернуть ему Камень Судьбы в обмен на посох, он бы с радостью согласился. Роберт вперил в монаха тяжелый взгляд, стараясь ничем не выдать охвативших его чувств.

— Я помешаю королю Эдуарду завладеть им. Мой предок оскорбил святого Малахию, и с тех пор нашу семью преследуют беды и несчастья. Ради своего деда и своих потомков я должен попытаться исправить содеянное зло.

Воцарилось долгое молчание. Роберт уже решил, что монах не ответит, но тут Мертоу отставил свой кубок в сторону.

— После того как люди Ольстера перевернули наше аббатство вверх дном, но ничего так и не нашли, мы решили, что на этом они успокоятся, но потом обнаружили, что его рыцари следят за нами. Они тайком сопровождали наших монахов, когда те покидали пределы аббатства, и допрашивали всех, кто приходил к нам, — ремесленников и прачек. Чуть более двух месяцев назад один из наших аколитов ^[12]пропал без вести. Выяснилось, что его видели вместе с рыцарями Ольстера. Некоторое время спустя мы обнаружили пропажу документов из наших хранилищ. — Мертоу помолчал. — Мы опасаемся, что Ольстер узнал об Айбрасенсе.

Роберт недоуменно нахмурился:

— Айбрасенсе?

Молодой монах взглянул на Мертоу, и тот согласно кивнул.

— Когда Малахию выбрали аббатом Бангора, он восстановил монастырь и его постройки, но вскоре те подверглись нападению вождя местного клана, и Малахия вместе с братией пришлось бежать на юг. На острове посреди большого озера наш благословенный патриарх выстроил монастырь, в котором и оставался вместе с братией вдали от варварского мира целых три года. Малахия назвал его Айбрасенсом. Но ему пришлось покинуть это убежище, когда он стал архиепископом Армы, отобрав посох у Найалла мак Эдана. На остров он больше не вернулся. Записи о нем сохранились лишь в архивах нашего аббатства, которое он вновь отстроил перед самой своей кончиной. И в документах, похищенных у нас, речь идет как раз об Айбрасенсе. Не о том, где находится остров: это известно лишь горстке наших братьев, но уже само описание может послужить ключом к его местонахождению. Вскоре после исчезновения аколита ушли из Бангора и люди Ольстера. Мы полагаем, что они ищут остров. Если они его обнаружат, то найдут и посох.

Мертоу перевел взгляд на Донаха, и на лице его отразилась усталость. Он словно признавал поражение.

— Вот почему мы откликнулись на ваш призыв. Мы не можем перевезти его в другое

место, и у нас нет солдат, чтобы охранять его. Нам только остается уповать на то, что реликвия и дальше будет храниться в своем убежище.

В разговор вмешался Роберт:

— Я могу отвезти посох в Шотландию и укрыть его до тех пор, пока обе наши страны не избавятся от английского ига. А потом, когда наступит подходящий и благополучный момент, я верну его вам.

После долгого молчания Мертоу кивнул:

— Мы передадим ваше предложение аббату.

Лохри, Ирландия

1301 г.

Ричард де Бург, граф Ольстер и лорд Коннахт, взял в руки свиток пергамента, который подал ему слуга. С одного края свисала тяжелая королевская печать, а красный пчелиный воск с оттиснутым на нем гербом короля Эдуарда слегка потрескался по краям. Лицо графа, испещренное шрамами, стало мрачным, после того как он пробежал глазами чернильные строчки. Вокруг него деловито суетились слуги, укладывая одежду в сундуки, снимая с побеленных известкой стен гобелены и вынося из залы все мало-мальски ценное движимое имущество.

— Вы сами видите, сэра Ричард, — осторожно подбирая слова, сказал лорд-канцлер, — что в этом году сумма денежных средств, которые желает получить Вестминстер, выросла почти вдвое. Казначейство было вынуждено повысить налоги, дабы удовлетворить требования короля Эдуарда и окончательно не разорить нашу администрацию в Дублине. Но наши возможности не безграничны.

Ольстер оторвался от созерцания пергамента и перевел взгляд на строгое и даже торжественное лицо судьи, говоря себе, что у прохвоста достало ума обвинить в повышении налогов казначейство, а не самого себя — как старшего его клерка — или даже короля.

Лорд-канцлер переплел тонкие пальцы.

— Вам должно быть известно, насколько король Эдуард полагается на вас, сэра Ричард. Вы имеете полную возможность повернуть колесо фортуны в его сторону. Чтобы одержать верх в войне со скоттами, ему потребна такая сумма, предоставить которую может только человек вашего положения. Победа близка. Его враги понесли огромные потери при Фолкирке, и на ближайшие месяцы была запланирована новая кампания, но война против его собственного кузена в Гаскони и восстание, которое ему пришлось подавлять в Уэльсе, опустошили королевскую казну. Ему пришлось повышать налоги во всех землях королевства. Все мы, каждый из нас, должны разделить с королем эту ношу, если хотим, чтобы вся Британия оказалась в его суверенной власти.

— А ведь это ирландское зерно кормило его войска в Гаскони и Уэльсе, — парировал Ольстер, и его громовой рык заглушил робкий голосок казначея. — Я и мои арендаторы уже давно разделяем с королем эту тяжкую ношу.

— И он вам чрезвычайно благодарен за это. Король Эдуард щедро вознаградит вас за самопожертвование, как только война в Шотландии закончится его победой. Там много

богатых земель, которые только и ждут настоящего хозяина.

Ольстер поднялся и, плотнее запахнувшись в шитую золотом мантию тонкого фламандского сукна, подошел к окнам, в которые вливался холодный стальной свет февральского солнца. За стеклами в свинцовых переплетах перед ним раскинулось озеро Лох-Ри, ярко-синюю гладь которого ерошил ветер. Его клан возвел этот замок, свою главную цитадель в Коннахте, и обнесенный стенами город вокруг еще шестьдесят лет назад, но их власть над этими землями уходила корнями в далекое прошлое, во времена норманнов, приплывших в Ирландию под знаменами короля Иоанна, ^[13] который продолжал политику завоеваний, начатую его отцом Генрихом II.

Эти воины захватили огромную территорию от Корка до Антрима, распахали ее под посевы и застроили замками, мельницами и городами. Здесь, на плодородных землях востока, они осели на века, оттеснив коренных ирландцев на дикий гористый запад. Все эти годы клан де Бургов лишь укреплял свою власть и влияние, пока они не достигли вершины своего могущества при сэре Ричарде. Но казавшийся незыблемым порядок вещей изменился. Ирландцы перешли в наступление. На границах началась настоящая война, и местные вожди объединялись против англичан на всех фронтах. Власть захватчиков пошатнулась вместе с экономикой, которая не выдерживала все возрастающих appetitов короля Эдуарда.

«Какая горькая ирония, — думал Ольстер, — смотреть на мир с высоты блистательного положения, которого я достиг, и видеть перед собой только путь вниз, в упадок и хаос». Он повернулся к казначею.

— Строительство нового замка в Баллимоте истощило мои ресурсы. Кроме того, учитывая исход многих наших соотечественников, неспособных защитить себя от ирландских разбойников, я вынужден один нести ответственность, которую ранее разделяли и другие. Те, кто пожелал вернуться в Англию, бросили на произвол судьбы целые поселения. Чем больше людей уезжает, тем больше солдат нам нужно, чтобы заткнуть образовавшиеся бреши. Если король Эдуард и дальше будет требовать такие суммы, мы окажемся не в состоянии сдерживать натиск злодеев и мародеров, скопившихся на наших границах и только и ждущих удобного случая, чтобы напасть.

Ольстер помолчал. Его внимание привлек высокий, хорошо сложенный мужчина в небесно-голубой накидке, который, пропустив двоих слуг, выносивших очередной сундук, вошел в залу и замер у входа.

— Но я сделаю для своего повелителя все, что в моих силах. Даю вам слово. — Отойдя от окна, Ольстер распорядился: — Проводите лорда-канцлера и его в людей в отведенные им покои.

Он повернулся к мужчине у дверей, который выглядел так, словно не слезал с коня несколько дней подряд. Накидка капитана пропиталась конским потом, волосы пребывали в беспорядке, а под глазами залегли черные круги.

— Сэр Эсгар! Что привело вас ко мне?

Эсгар склонил голову. Накидка распахнулась на его груди, обнажая сталь кольчуги.

— У меня есть новости, милорд, полученные с севера.

— Пойдемте со мной. — Ольстер вышел из комнаты, оставив казначея с его клерками собирать пергаменты и свитки.

Капитан зашагал рядом с Ольстером по коридору. Повсюду кипела бурная деятельность — слуги готовились к переезду графа со всем семейством в новый замок, в восьмидесяти милях к северу.

— Полагаю, у меня появился новый след в погоне за посохом.

Ольстер почувствовал, как по жилам пробежала радостная дрожь возбуждения, но усилием воли заставил себя успокоиться. Это уже неоднократно случалось раньше: появлялась очередная новая ниточка, которая никуда не приводила. Он отправил на юг уже несколько отрядов с заданием разыскать остров, описание которого сохранилось в архивах аббатства, но пока что поиски не увенчались успехом. Он спустился по лестнице, и слуга, поднимавшийся наверх, поспешно прижался к стене.

— Какой след?

— Я и мои люди наблюдали за аббатством, но на расстоянии, как вы и приказывали. Наш план сработал, и мы заметили, что монахи входят и выходят оттуда более свободно. Вскоре после Рождества мы заметили, как доверенное лицо аббата, некто Мертоу, и еще двое монахов покинули аббатство, снаряженные для долгого путешествия. — Эсгар вновь зашагал в ногу с графом, когда лестница осталась позади и они спустились на второй этаж. — В поселке они присоединились к отряду из пятнадцати человек и двинулись на юг. Как только я узнал, кто их возглавляет, я оставил своих людей следить за ними, а сам направился сюда.

— И кто же это?

— Роберт Брюс, граф Каррик.

— Брюс? — Ольстер даже не старался скрыть своего удивления. Остановившись, он всем корпусом развернулся к капитану.

— Из донесений наших людей мы знали, что Брюс находится в Антриме. С ним путешествуют двое его братьев, которые живут у лорда Донаха в Гленарме, и один из сыновей самого лорда. Остальных я не знаю.

— И вы полагаете, что они отправились за посохом?

— По словам нашего осведомителя в аббатстве, Мертоу каким-то образом причастен к исчезновению реликвии. Нет сомнения, что монахи уже обнаружили пропажу документов и поняли, что мы близки к тому, чтобы найти Айбрасенс. Полагаю, они попытаются перевезти посох в другое место.

Ольстер вновь почувствовал, как его охватывает волнение. Одним махом захватить Роберта Брюса — личного врага короля Эдуарда — и посох Святого Малахии! Интересно, как оценит король такой подарок? Он принесет Ольстеру намного больше, чем эти дополнительные налоги, решил граф.

— Вы сможете проследить за ними?

— По пути мои люди будут оставлять для нас сообщения в гарнизонах. Так что задача не кажется мне слишком трудной.

— Пусть они сначала заберут реликвию, а уже потом вы начнете действовать, понятно? Отнимите у них посох, захватите Брюса и доставьте его ко мне в Баллимот. — Ольстер вперил в капитана тяжелый взгляд. — Я буду ждать, Эсгар.

— Да, милорд.

Эсгар поспешил на конюшню, а Ольстер вышел во двор замка, воодушевленный открывающимися перспективами. Слуги грузили сундуки на крытые повозки, а рыцари и оруженосцы проверяли оружие и снаряжение. Целая армия, пусть и небольшая, должна была сопровождать графа со всей семьей в пути по территории, охваченной войной. Накидки мужчин украшали гербы и геральдические знаки их командиров, но у всех на правом предплечье красовалась красная повязка с черным львом Ольстера. В нынешние

неспокойные времена возможность как можно быстрее отличить друга от врага превратилась в жизненную необходимость.

Ольстер заговорил со своими людьми, проверяя готовность к походу, и вдруг увидел в толпе молодую женщину. В своем белом платье она казалась жемчужиной, сверкающей среди серой скорлупы доспехов и оружия. Он встретил ее улыбкой, и черты его сурового лица смягчились.

— Ты готова к отъезду? — поинтересовался граф, целуя ее в макушку, которую прикрывала жесткая плетеная белая шапочка. Ее сестры заплетали свои черные кудри в косы, украшая их серебром и драгоценными камнями, но шестнадцатилетняя Элизабет, младшая из его дочерей, покрывала волосы уже с десятилетнего возраста.

— Я молилась о нашем благополучном прибытии в Баллимот, отец.

Когда она подняла к нему лицо, покрасневшее от ветра, Ольстер увидел тревогу в ее глазах.

— Уверен, Господь услышит твои молитвы.

Когда Элизабет не ответила, он бережно развернул ее лицом к двору замка, где кипела работа.

— Взгляни на людей, которых Он послал мне в помощь. — Ольстер почувствовал, как напряглись ее худенькие плечи под его ладонями. Она всегда была нервной и тревожной. В детстве Элизабет отличалась беззаботным и необузданным нравом, как лесная фея, но все изменилось после злополучного несчастного случая.

Однажды июньским днем, шесть лет назад, Элизабет играла на берегу озера Лох-Ри, поскользнулась и упала в воду. Служанка отвлеклась и не уследила за ней. Озеро было глубоким, а девочка не умела плавать. По чистой случайности мимо проходили два оруженосца, которые прыгнули в воду и спасли ее. Поначалу Ольстер благодарил свою счастливую звезду, но потом, когда шок от того, что он едва не потерял дочь, миновал, он вознес благодарственные молитвы Господу, которые оказались намного искреннее, чем раньше. К тому вечеру все обитатели замка, включая его самого, именовали случившееся не иначе как чудом.

Но, спасая Элизабет, Господь, похоже, решил приберечь ее для себя, и теперь дочка была обвенчана с Ним. Добродетельные поступки и молитвы поглощали все ее время, не оставляя места для развлечений, не говоря уже об ухажерах. Именно поэтому она так и не вступила в брак, единственная из всех его детей. Тем не менее Ольстер упорно отказывался отправлять ее в монастырь, невзирая на ее мольбы. Красота и молодость Элизабет делали ее одним из самых ценных его активов, и граф намеревался приложить все силы к тому, чтобы муж заполучил хотя бы ее сердце, раз уж душа ее досталась Господу.

В тумане проступали очертания осадных машин — чудовищных конструкций, предназначенных исключительно для разрушения. Солдаты, обслуживающие их, дали каждой собственное имя: «Победитель», «Молот», «Вепрь». Все они пребывали в полной боевой готовности, намереваясь внести в сражение свою сокрушительную лепту.

Инженеры проревели команду, тормозные канаты лебедек были отпущены, и балки распрямились, отправляя в полет свой смертоносный груз и обрушивая его на сложенные из песчаника стены и башни замка. Огромные камни врезались в них с оглушительным треском, во все стороны полетели осколки, за клубилась пыль, и в одной из башен-близнецов надвратной галереи образовалась зияющая дыра. Мелкие камешки с грохотом посыпались в ров, раздались восторженные крики инженеров, и солдаты мгновенно налегли на веревки, вновь опуская вниз лапу каждой машины, отчего тяжеленные корзины с балластом, служащие противовесом, быстро пошли вверх. Когда лапа опустилась, в кожаную петлю вкатили большой каменный шар, специально высеченный для этой цели. Это было похоже на бой Давида с Голиафом. Вот только сейчас гигант сжимал в ладони булыжник, а шестьдесят шотландских солдат, укрывшихся за стенами, оказались в роли Давида без малейшей надежды на спасение.

За шумной суетой вокруг осадных машин и боевых порядков, вклинившихся в оборонительные сооружения и наружные постройки замка, павшие под натиском англичан еще давеча, раскинулся полевой лагерь на три тысячи воинов. Горели костры, и серые полосы дыма вплетались в утренний туман, который становился все гуще. Ароматы вареного мяса из котлов смешивались с вонью конских и человеческих испражнений. Лагерь пестрел разноцветьем ярких накидок и мантий воинов, флажков на концах их копий и знамен, развевающихся над шатрами английских графов.

В самом сердце лагеря король Эдуард наблюдал за тем, как осадные орудия готовятся к очередному залпу. Шести с лишним футов ростом, он сам, подобно башне, возвышался над окружающими, будучи на голову выше большинства своих соратников. На его ярко-алой накидке были вышиты три золотых льва, а кольчужный хауберк ^[14] и металлический панцирь под ней делали его фигуру еще массивнее и шире. Борода его, снежно-белая, как и шапка волос, была подстрижена столь коротко, что ничуть не смягчала угрюмого выражения лица. Единственным признаком слабости в его облике оставалось полуопущенное веко — изъян, унаследованный королем от отца и ставший еще заметнее теперь, когда ему перевалило за шестьдесят. С золотой короной на голове и с исцарапанным боевым мечом на боку он олицетворял собой величие и силу, вызывая в памяти образы легендарных героев прошлого — Брута, Роланда, Карла Великого. И Артура.

Когда орудия выстрелили в очередной раз, Эдуард проводил снаряды взглядом. Шел всего лишь второй день осады, но стенам уже был причинен существенный урон. Однако же на то, чтобы сровнять замок с землей, понадобится еще много времени и сил. Карлаверок,

выстроенный в форме щита, с башнями в углах треугольника, окружал заполненный водой ров, мост над которым был поднят. Возведенный всего тридцать лет назад, он считался одной из самых мощных и неприступных твердынь Шотландии. Позади него тянулись солончаки и пустоши Солвей Фирта, за которыми начиналась Англия. С падением цитадели клана Брюсов в Лохмабене Карлаверок превратился в ворота, запиравшие вход в западную часть Шотландии. Замок стал первой преградой, с которой король столкнулся в своей новой кампании.

— Милорд король...

К нему подошел Хэмфри де Боэн, одетый в голубую накидку с белой полосой и вышитыми на ней шестью золотыми львами. Каштановые волосы прикрывал кольчужный койф, обрамлявший его широкое лицо, а на сгибе локтя он держал свой огромный шлем.

— Работа по установке подвижной осадной башни продвигается успешно, милорд. Инженеры считают, что к концу недели она будет готова. После того как ее опустят в ров, верхняя часть окажется на одном уровне со стенами и наши люди смогут вступить в рукопашный бой. Разумеется, если осажденные не сдадутся раньше.

Хэмфри перенес свое внимание на замок, и король подметил голодный блеск в его глазах. Тремя годами ранее молодой человек наследовал своему отцу и стал коннетаблем Англии и графом Херефордом и Эссексом, обретя вместе с этими почетными титулами и некую яростность в облике, словно какая-то мысль или страсть неустанно горела в его зеленых глазах. В последнее время Эдуард все чаще замечал подобный огонь и во взоре других рыцарей своего Круглого Стола, связанных с ним — как и рыцари короля Артура — клятвой куда более сильной, нежели вассальная присяга. Война стала для каждого из них личным делом. Одни, подобно Хэмфри, потеряли родных, павших от шотландского меча. Другие сражались ради награды или славы. Но все они оказались здесь с одной целью: отомстить человеку, чье предательство, словно отравленный кинжал, нарушило единство их рядов, — человеку, которого они некогда называли своим братом.

Роберту Брюсу.

Один звук этого имени жег Эдуарда, как огнем. Согласно последним донесениям, Брюс оставил свой пост хранителя Шотландии и исчез, породив нешуточное беспокойство и сводящую с ума тревогу. Король надеялся лишь на то, что если кто и сможет разыскать Брюса, так это Адам, но вот уже несколько месяцев от гасконца не было никаких известий.

— Отряды готовы? — спросил он у Хэмфри.

— Если мы начнем штурм замка с подвижной осадной башни и сумеем опустить подъемный мост, то ваш сын сможет повести в бой главные силы. Как вы и приказывали.

Король уловил нотки сомнения в голосе молодого человека.

— Ты полагаешь, что он не справится?

Хэмфри помолчал немного, прежде чем ответить.

— Мне представляется, что для первого командования задача слишком трудна, милорд.

Король оглядел мужчин, толпившихся вокруг его шатра, и взглядом нашел сына. Эдвард, которому оставалось всего несколько недель до семнадцатилетия, был точной копией его самого в молодости: те же соломенно-желтые волосы, длинное угловатое лицо и нескладная фигура. За последний год мальчик вытянулся и раздался в кости, и это позволяло надеяться, что со временем он обретет и отцовскую статью. Он стоял в окружении своих товарищей; все они были сыновьями лордов или графов, за исключением Пирса Гавестона, чье положение объяснялось исключительно прихотью самого короля. Сын верного гасконского рыцаря,

Пирс казался идеальным товарищем для молодого Эдварда. Они стали неразлучны, но пока его сын довольствовался тем, что проводил свои дни на рыбалке и в прочих развлечениях на свежем воздухе, Пирс обзавелся впечатляющей репутацией зрелого не по годам воина. Приятной наружности, харизматичный и дерзкий до самоуверенности, он дал обильную почву для разговоров при дворе о своей силе и ловкости на турнирном поле, тогда как наследник трона безвольно прозябал в его тени. Король вознамерился изменить положение дел во время нынешней кампании и поэтому поставил Эдварда во главе половины своей армии.

— Победа положит достойное начало его карьере. В его возрасте я уже командовал армией. Пришло время и ему проявить себя, о чем позаботится эта война и его грядущая женитьба. — Король повернулся, вперив в Хэмфри тяжелый немигающий взгляд. — Вот, кстати. Мне доложили, что тебя неоднократно видели в обществе моей дочери.

На щеках графа расцвел жаркий румянец.

Эдуард коротко рассмеялся сухим и жестким смешком.

— Не бойся, Хэмфри. Я рад. После смерти графа Джона я подумывал о том, кто мог бы стать новым женихом моей дочери. После окончания кампании мы с тобой обсудим этот вопрос.

— Милорд, почту за величайшую честь...

Но Эдуард уже не слушал его. Его внимание привлекла группа всадников, двигавшихся по лагерю в сопровождении четверки королевских рыцарей. Ощувив острый всплеск враждебности, он узнал дородного мужчину во главе отряда, ехавшего верхом на коренастом и крепком вороном жеребце. Это был Роберт Винчелси, архиепископ Кентерберийский. За архиепископом следовала свита из одетых в черное монахов, среди которых выделялись два явных иностранца в просторных ярко-алых мантиях и усыпанных драгоценными камнями шапочках. Одним взглядом оценив их внешность, одновременно ханжескую и вызывающую, Эдуард ни на миг не усомнился в том, что знает, кто они такие. У них был вид людей из папской курии в Риме. Враждебность короля сменилась предчувствием беды.

Роберт сидел на носу лодки, глядя на приближающийся остров. На поверхности озера отражались горы. Над их иззубренными вершинами по небу растекалось кровавое зарево восхода. В воздухе ощущалась звонкая прохлада, но все-таки было не так холодно, как тогда, когда они выехали из Антрима. Чем дальше на юг они продвигались, тем слабее становились февральские ветра. Предрассветную тишину нарушал лишь слабый плеск весел. Лодка, взятая на берегу, оказалась старой и пропахшей рыбой. За спиной Роберта в темноте сверкали белки глаз Эдварда, Найалла, Мертоу и двух монахов. Кристофер и Кормак сидели на веслах. Роберт оставил своего брата Томаса и Александра Сетона с оруженосцами на северном берегу охранять лошадей и снаряжение. Он не хотел рисковать.

По пути на юг им пришлось столкнуться не только с труднопроходимой, дикой местностью и плохой погодой. Несколько раз они натыкались на банды бродяг и мародеров, шаставших по окрестностям в поисках добычи. Как правило, разбойники не рисковали связываться с хорошо вооруженным отрядом, но дважды их останавливали, и от стычек их спасал лишь Кормак, характерная стрижка которого выдавала в нем ирландца, да присутствие двух монахов в черном облачении. Во встречных поселениях до них доходили слухи о грабежах и убийствах — ирландцы все чаще нападали на районы, давно обжитые и заселенные английскими колонистами.

— Я никого не вижу.

Роберт оглянулся на хриплый голос и увидел, что Мертоу напряженно вглядывается в темноту. Чем ближе к месту назначения они подходили, тем задумчивее становился монах. Роберт понимал: тот опасается того, что может выясниться, когда они наконец доберутся до острова; он боялся, что кто-то другой мог забрать посох. Но в дороге они не встретили ни малейших признаков того, что люди Ольстера следят за ними, и Роберт не верил, что кто-либо способен найти остров даже с помощью древних записей, хранившихся в аббатстве. Здесь, в глуши, отгороженные горной грядой от остального мира, они как будто перенеслись назад в древние века. Еще одним преимуществом представлялось то, что ориентироваться на этой местности было весьма трудно: ирландский пейзаж пестрел всевозможными руинами — крепости на холмах, стоящие торчком камни, сложенные из булыжников пирамиды и могильные насыпи. Груда обломков впереди была лишь очередным памятником некогда живым и давно умершим.

Когда они подошли к берегу и днище лодки заскрежетало по камням, Эдвард и Найалл спрыгнули за борт и втащили суденышко на сушу. Роберт последовал за ними, и кольчуга тяжело лязгнула, когда он двинулся вперед между прибрежными камнями, разбрызгивая воду.

— Смотрите в оба, — коротко бросил он Кристоферу и Кормаку.

— Вот уже несколько дней мы не видели ни одной живой души, — парировал Кормак. Когда Роберт вперил в него тяжелый взгляд, молодой ирландец шумно выдохнул. — Хорошо,

брат, как скажешь. — Они с Кристофером выразительно переглянулись, укладывая весла вдоль бортов.

Но Роберт не обратил на них внимания. Его снедала растущая тревога и дурные предчувствия. Путь к трону, на который он ступил три года назад, был извилистым и тернистым, и ему казалось, что месяцы, проведенные в Ирландии, еще больше отдалили его от цели. Все чаще его охватывали сомнения в том, что он поступает правильно, гоняясь за ускользающей реликвией, боясь, что эти поиски ни к чему не приведут. И вот теперь настал момент, когда он поймет совершенно точно, прав он был или ошибался.

Мертоу двинулся первым, показывая дорогу. Раздвигая заросли тростника, он побрел к развалинам самого крупного здания на острове — церкви, выстроенной из тех же призрачно-серых камней, что усеивали берег. Из-под ног у них вспархивали потревоженные птицы, пока они приближались к постройке, окруженной невысокой осыпавшейся стеной, которая поросла густой травой. Чуть поодаль виднелись руины других сооружений, в большинстве своем деревянных, сгнивших почти полностью за долгие годы, в течение которых это место оставалось необитаемым. Тут и там среди камней росли кусты и сорняки; природа отвоевывала жизненное пространство. На западной оконечности острова Роберт смутно различил остатки какого-то куполообразного сооружения, похожего на огромный каменный улей.

— Келья святого Финана, [\[15\]](#) — донесся из сумрака голос Мертоу. Он остановился у церковной стены, проследив за взглядом Роберта. — Он жил здесь за много веков до того, как Малахия построил монастырь. Островок хоть и маленький, зато история у него длинная и славная.

Роберт представил себе, как здесь, в уединенной глуши, жил Малахия со своей братией. Это было подходящее местечко для людей, желавших удалиться от мира.

К нему подошел Эдвард, оставив Найалла и двух монахов в арьергарде.

— Если он здесь, брат, что мы будем делать дальше?

Мертоу вошел внутрь сквозь пролом в стене, глядя себе под ноги и направляясь к нескольким плитам, выступающим из травы. Он не мог их слышать, но Роберт тем не менее понизил голос.

— Мы отвезем его в Шотландию, как и собирались.

— А потом? — не отставал Эдвард.

Прежде чем Роберт успел ответить, подал голос Мертоу:

— Это здесь.

Подойдя к нему, мужчины столпились вокруг поросшей лишайником могильной плиты, которая горизонтально лежала на четырех каменных столбиках, уходивших в землю. На ней был искусно высечен крест, обвитый спиральным шнуровым орнаментом со вплетенными в него зверями и птицами. Монахи поспешили на помощь Мертоу, когда тот наклонился и обеими руками ухватился за край плиты. Найалл присоединился к ним, и вчетвером мужчины сдвинули плиту в сторону. Камень заскрежетал о камень. Из темной впадины, открывшейся их взорам и огражденной каменными балками, Роберту ухмыльнулся череп, на котором еще сохранились волосы. Плоть сгнила давным-давно, одежда превратилась в прах. Когда взгляд его скользнул вдоль скелета, он понял, что рядом с телом лежит продолговатый предмет, завернутый в материю.

На изуродованном шрамом лице Мертоу проступило явственное облегчение.

— Слава Богу, — пробормотал он, опускаясь рядом с могилой на колени.

Роберт наклонился и взял предмет в руки, ощутив твердую поверхность под складками ткани. Когда-то она была белой, но после двухлетнего пребывания в могиле позеленела от плесени. Из складок материи выполз жирный земляной червяк. Монахи притихли, глядя, как он берет посох, но не сделали попытки помешать ему. Теперь это была его ноша и его ответственность. Роберт осторожно положил сверток на плиту и развернул его. В кровавом зареве рассвета заблистали золото и драгоценные камни, украшавшие посох. Роберт ощутил жаркий прилив торжества. Четвертая реликвия, поименованная в «Последнем пророчестве», — та самая, в которой отчаянно нуждался король Эдуард, чтобы претворить в жизнь свое видение королевства, объединенного под его властью, — оказалась у него в руках.

Роберт не отрываясь смотрел на золотой посох, и в ушах у него вновь зазвучал голос Мертоу: «А как насчет вас, граф Роберт? Вы-то сами верите в пророчество Мерлина?»

Он провел два года в обществе Эдуарда в качестве одного из Рыцарей ордена Дракона, цель которого заключалась в том, чтобы помочь королю завладеть реликвиями. И хотя многие из тех, кого он раньше называл своими друзьями, искренне верили в пророчество Мерлина и были решительно настроены любой ценой предотвратить крах Британии, предсказанный в нем, сам он был настроен куда более скептически. Несмотря на все почести и награды, славу и дружбу, которые он снискал на королевской службе, Роберт так и не смог забыть того, что если все четыре талисмана окажутся в руках одного человека, который станет править всей Британией, то притязания Брюсов на трон Шотландии окажутся бессмысленными и напрасными. Помогая осуществиться амбициям Эдуарда, он отказывался от своих собственных и нарушал слово, данное деду, — обещание, что он будет всячески поддерживать и сохранять право их семьи претендовать на престол. В конце концов осознание этого и отвратило Роберта от дела Эдуарда.

«Клятвопреступник», — называли они его. *Предатель.*

Но, несмотря на свое нежелание верить в древнюю легенду, Роберт не мог отрицать того, что в «Последнем пророчестве» была недвусмысленно предсказана гибель короля Александра.

...когда последний король Олбани умрет, не оставив наследника,
Королевство будет ввергнуто в хаос,
И сыновья Брута станут оплакивать в тот день
Своего великого предка...

Александр сорвался со скалы ночью, во время бури, направляясь в Кингхорн. Его нашли на следующее утро, у короля была сломана шея. Рядом с ним лежала мертвая лошадь. Его внучка и наследница, инфанта при дворе короля Норвегии, отплыла в Шотландию, дабы занять свое место королевы, но умерла в пути, отведав испорченной пищи. После этого корона по прихоти Эдуарда досталась Джону Баллиолу; не королю, как выяснилось впоследствии, а собаке на поводке у английского монарха. Попытка Баллиола поднять восстание провалилась, англичане перешли границу и за каких-то несколько месяцев подавили бунт. Эдуард, восторжествовав над шотландцами, сломал большую печать королевства и заточил Баллиола, униженного и низложенного, в Тауэр. Одна катастрофа повлекла за собой другую.

И теперь, имея возможность помешать Эдуарду воплотить свои амбиции в жизнь,

Роберт спросил себя: а не обрек ли он Британию на гибель своими действиями? И не настанут ли теперь дни краха, предсказанные Мерлином?

Заметив, что братья и монахи не сводят с него глаз, Роберт вновь завернул посох в заплесневелую ткань. Ему предстояло исполнить свой долг. Шотландия должна любой ценой освободиться от английского ига и порабощения. Он преуспеет там, где потерпел неудачу Джон Баллиол. И пусть в глазах многих скоттов Баллиол, содержащийся ныне под домашним арестом у Папы в Риме, оставался законным королем, для клана Брюсов он всегда был лишь марионеткой в чужих руках. Предок Брюса, великий Малкольм Канмор, сверг своего противника Макбета и занял трон. И сейчас с Божьей помощью он сделает то же самое. К этому взывали его кровь и гордость.

— Вы нашли его? — спросил Кормак, когда отряд повернул обратно. Вместо ответа Роберт поднял над головой посох, и сводный брат широко улыбнулся. — Я с радостью отдал бы свой меч и коня за возможность увидеть лицо Ольстера, когда его люди доложат ему, что посох исчез. Так этому ублюдку и надо. Будет знать, как поджигать замок моего отца.

Роберт сел в лодку вместе с остальными, Кристофер и Кормак оттолкнули ее от берега и запрыгнули следом. Когда они оказались на чистой воде, над ними промелькнула тень. Роберт поднял голову и увидел в светлеющем рассветном небе белого морского орла. Раскинув огромные крылья не меньше восьми футов в размахе, гигантская птица скользила над самой водой к северному берегу, отражаясь в волнах озера. Вдалеке над купами деревьев закружили встревоженные птицы. Роберт смотрел вслед удаляющемуся орлу, решив, что это хищник потревожил их. А потом до него донесся слабый и приглушенный расстоянием собачий лай.

Когда Эдуард приблизился к своему шатру, стражи поспешно откинули перед ним полог. Король быстро вошел внутрь, давя сапогами ковер из таволги, аромат которой сразу же отбил неприятные запахи дыма и навоза, висевшие над лагерем. За ним последовал Энтони Бек. Одетого в полированную блестящую кольчугу, вооруженного длинным мечом, дородного и сильного епископа Даремского можно было с легкостью принять за рыцаря, если бы не тонзура и церковное облачение, которое он накинул поверх доспехов. За ними в шатер вошел Роберт Винчелси, с трудом протиснувшись в узкий проход. Вслед за архиепископом Кентерберийским потянулись четверо клириков и двое иностранцев в ярко-красных мантиях и шапочках, расшитых драгоценными камнями. Когда всадники спешили, чтобы приветствовать его, Эдуард понял, что сбылись его худшие опасения. Эти двое мужчин оказались папскими посланцами, личными эмиссарами Папы Бонифация.

— Вино и угощение для моих гостей, — приказал Эдуард слугам, застывшим вдоль стен. Двое моментально скрылись за занавеской в задней части шатра, а остальные бросились переставлять мебель, чтобы разместить вошедших. — Присаживайтесь, — пригласил их Эдуард, не обращая внимания на мягкий стул с высокой спинкой, который пододвинул ему один из пажей.

Он подождал, пока не усядутся папские посланцы и архиепископ, оставив клириков суесться за их спинами. Бек осторожно втиснулся в угол, не сводя глаз с Винчелси.

Тот нахмурился, когда ему предложили табуретку, в то время как король остался стоять. Поначалу он было решил, что не станет садиться, но, наткнувшись на тяжелый и немигающий взгляд Эдуарда, все-таки опустился на сиденье.

— Как поживает молодая королева, милорд? Мне сообщили, что она родила мальчика. — Винчелси растянул губы в вежливой улыбке, которая не коснулась его глаз. — Как летит время! Сейчас даже трудно поверить, что всего два года тому я обвенчал вас обоих в Кентербери.

— Леди Маргарита и мой сын пребывают в добром здравии в Йорке, — ответил Эдуард. — Но почему-то я сомневаюсь, что вы проделали столь длинный путь на передний край боевых действий, которые я веду, чтобы осведомиться о здоровье моей супруги. Давайте покончим с любезностями, ваше преосвященство. Они нам ни к чему. Итак, что привело вас ко мне?

Винчелси стер с лица улыбку и, ссутулившись, подался вперед, в упор глядя на короля.

— Мои досточтимые коллеги прибыли в Англию два месяца назад. Узнав, что вы выступили в поход, они явились ко мне в Кентербери, и я вызвался сопроводить их к вашему величеству. Полагаю, послание, которое они должны доставить, слишком важное, чтобы дожидаться вашего возвращения.

— Как это мило с вашей стороны, ваше преосвященство.

Но архиепископ не обратил внимания на язвительный тон короля. Когда вошли слуги,

держа в руках подносы, на которых стояли кувшины с вином и тарелки с хлебом, солониной и острым желтым сыром, Винчелси кивнул одному из облаченных в алую мантию посланников. Тот встал и извлек свиток из кожаной сумки на поясе. Бек шагнул вперед, чтобы принять его, отмахнувшись от кубка с вином, который настойчиво совал ему паж.

Эдуард заметил большую папскую печать, прикрепленную к пергаменту, когда епископ Даремский развернул свиток. Тишину, воцарившуюся в шатре, нарушал долетавший снаружи шум лагеря, прорезаемый треском раскальваемых камней: осадные машины продолжали обстреливать стены Карлаверока. Винчелси принял предложенное ему вино, стиснув в кулаке серебряный кубок. Он оказался единственным, кто сделал это; слуги отступили к стенам, держа в руках подносы с нетронутым угощением.

Наконец Бек закончил читать и поднял глаза на короля.

— Милорд, Папа требует, чтобы вы прекратили враждебные действия против Шотландии, которую его святейшество называет верной дочерью Святого престола.

Услышав эти слова, Эдуард понял, почему Винчелси проделал такой долгий путь к осажденному замку, чтобы доставить простое послание. Архиепископ постоянно выражал свое резко отрицательное отношение к войне с тех самых пор, как получил должность в 1295 году, накануне первого вторжения в Шотландию. Та кампания обернулась оглушительным успехом. Не прошло и нескольких месяцев, как Джон Баллиол, человек, которого Эдуард посадил на трон после смерти короля Александра и который поднял восстание, был низложен и заключен в Тауэр, а его королевство перешло под власть Эдуарда. Но победа оказалась недолговечной, потому что уже годом позже Уильям Уоллес возглавил новый бунт скоттов. Казна Эдуарда была пуста после разорительных войн в Уэльсе и Гаскони, и королю пришлось обратиться к Церкви с просьбой дать ему денег на подавление нового мятежа. Однако Винчелси выступил против, отказавшись подчиниться его требованиям. В отместку Эдуард объявил церковников вне закона и отправил своих рыцарей захватить их имущество и ценности, но Винчелси не дрогнул перед лицом столь жестких ответных действий. «Это станет испытанием моей стойкости и веры», — заявил он.

С того времени Эдуард и архиепископ заключили мирный компромисс, но по тому, с какой радостью Винчелси ухватился за представившуюся возможность, было ясно, что он не изменил своих взглядов.

— Почему именно сейчас? — негромко прорычал Эдуард, и черты его лица исказились от гнева. — Почему Рим решил вмешаться спустя пять лет?

Ответил ему папский посланник, вручивший пергамент Беку:

— Милорд король, за время своего пребывания в Париже сэр Уильям Уоллес заручился поддержкой короля Франции, который и представил его Папе. С тех пор он неоднократно бывал в папской курии, где его ждал самый радушный...

— *Сэр Уильям?* — презрительно выплюнул король, и его серые глаза засверкали. — Мне плевать, чей меч или задницу целовал этот разбойник, чтобы добиться такой чести, но благородства в нем не больше, чем в дворовой собаке! Он — преступник. Бандит. Так почему, ради всего святого, его с распростертыми объятиями принимают при папском дворе?

Король резко отвернулся и задумался, в то время как папский посланник неуверенно покосился на Винчелси. Значит, Филипп вновь сует нос не в свое дело? А он-то думал, что недоразумения с кузеном практически улажены. Война в Гаскони закончена, он женился на сестре Филиппа, его сын вот-вот должен сочетаться браком с французской принцессой.

После долгих лет конфликтов и противостояний Англия и Франция подписали мирный договор, и Эдуард надеялся, что богатое французское герцогство вскоре вновь окажется в его руках. Увы, он, похоже, ошибся.

— Уоллес заручился поддержкой и сочувствием к своему делу в папской курии, — заметил Винчелси, поднимаясь на ноги, чтобы обратить на себя внимание короля. — Настоятельно советую вам прислушаться к требованию Папы, милорд. Перемирие с Францией, заключенное при посредстве его святейшества, не успело толком вступить в силу. Ваш сын пока еще не женился на леди Изабелле, а договор, который вернет герцогство Гасконь вам и вашим наследникам, еще формально не ратифицирован. — Винчелси выступал в роли прозорливого и мудрого государственного деятеля, призывая короля прислушаться к голосу благоразумия. — Начните переговоры со скоттами, милорд. Повинуйтесь приказу его святейшества и прекратите войну. Не стоит наживать себе врага в лице Папы Бонифация. Он — злопамятен и не склонен к всепрощению.

Эдуард не смотрел на архиепископа, но эти слова, полные скрытой угрозы, раскаленным свинцом жгли ему сердце. Проведя два года в Англии, он ни на мгновение не забывал о своей конечной цели, и вот сейчас повел своих людей на север, чтобы довершить начатое. Джон Баллиол мог томиться в папской неволе во Франции — его освобождение из Тауэра стало одним из условий сделки, которую Папа помог ему заключить с Гасконью; Уоллес мог скрываться за границей, а Роберт Брюс — исчезнуть без следа. Но это не помешало скоттам продолжить восстание, поднятое этой троицей. Эдуард не успокоится, пока королевство целиком и полностью не окажется в его власти. Он не будет знать ни сна, ни отдыха, пока Уоллеса не вздернут на виселице, а Брюса... Что ж, на этого ренегата у него были другие планы.

— Нам следует обсудить этот вопрос наедине, — предложил Бек. — Мы снова можем встретиться завтра, — добавил он, обращаясь к Винчелси.

Но, прежде чем Эдуард успел ответить, полог шатра распахнулся и на пороге появился Хэмфри де Боэн, широкое лицо которого светилось торжеством.

— Ваше величество, гарнизон Карлаверока сдался. Замок — наш.

Король уставился на молодого военачальника, сообразив, что больше не слышит грохота разбивающихся камней.

— Епископ Бек, подготовьте ответ, который эти люди повезут завтра с собой в Рим. В нем вы приведете убедительные доводы в защиту политики, проводимой мной в Шотландии, и объясните его святейшеству, что я должен покарать людей, присягнувших мне на верность, но осмелившихся восстать против меня. Я посадил на трон Джона Баллиола, и он принес мне вассальную присягу, признав во мне своего сюзерена. Война началась из-за того, что он нарушил клятву и заключил военный союз с Францией. — Эдуард вперил тяжелый взгляд в Винчелси. — Я заставлю Шотландию склониться передо мной, ваше преосвященство, и покараю любого предателя, который осмелится противостоять моей воле, даже если мне придется пожертвовать ради этого своей жизнью.

Роберт вышел на поляну первым, опередив остальных на несколько шагов, сжимая в руке посох. Пока они плыли по озеру, небо посерело, но под сенью дубов и рябин по-прежнему было еще темно.

Александр Сетон резко вскинул голову, когда из-за кустов появился Роберт. Лежавшая рядом с ним Уатача оторвала голову от передних лап и тихонько заскулила при виде хозяина.

— Вы нашли его? — Александр встал, чтобы поприветствовать Роберта, и взгляд рыцаря метнулся к завернутому в ткань предмету в его руках.

Не обращая внимания на Уатачу, которая подбежала к нему и ткнулась носом в ладонь, Роберт махнул Несу и остальным оруженосцам, разбившим на поляне временный лагерь. Они уже успели развесить на деревьях одеяла и накидки, чтобы проветрить их, и разожгли небольшой костер, дым от которого путался в ветвях.

— Собирайтесь. Мы уезжаем.

Оруженосцы поспешно бросились выполнять приказание, собирая снаряжение и мешки с провизией, а Александр схватил Роберта за руку:

— Что случилось?

— Он слышал собачий лай, — пояснил Эдвард, забрасывая на плечо обитый железными полосами щит.

Роберт метнул на Эдварда раздраженный взгляд, когда Нес вручил ему поводья Флита.

— Ты тоже слышал его, братишка.

— Скорее всего, это была собака какого-нибудь фермера. Вчера мы проехали мимо нескольких фермерских домов.

— Последний из них остался на много миль позади, — возразил Роберт. — А эта гончая лаяла совсем близко.

К ним присоединился Томас. В сыром утреннем воздухе его светлые волосы прилипли ко лбу.

— А мы ничего не слышали. — Он кивнул на Уатачу и еще трех гончих. — Собаки наверняка предупредили бы нас, верно?

Роберт обвел взглядом их лица, на которых отражались смешанные чувства — пренебрежение и тревога. Немного помолчав, он покачал головой.

— Вы правы, скорее всего, поводов для беспокойства и впрямь нет, но я не хочу задерживаться здесь дольше необходимого. Нам предстоит проделать долгий путь с ценным грузом.

Сунув ногу в стремя, Роберт взлетел в седло. Передвинув поудобнее изукрашенные золотом ножны, он ослабил ремень и сунул за пояс посох, так что тот оказался рядом с мечом. Он улыбнулся про себя, испытывая чувство мрачного удовлетворения. Вернувшись в Англию, он предложит его Эдуарду в обмен на Камень Судьбы, который теперь был

вмурован в трон для коронаций в Вестминстерском аббатстве, став очередным символом верховной власти Эдуарда; осознание вины тяжким грузом давило ему на плечи. А что, если король откажется? Что ж, тогда Роберт оставит последнюю реликвию у себя, а Эдуард превратится в неудачника в глазах своих верных последователей.

Нес затянул подпругу, привязал Уатачу к крупперу, [\[16\]](#) и Роберт пустил коня шагом к краю поляны. Остальные последовали за ним. Монахи ехали на крепких и выносливых иноходцах, оруженосцы — на обычных верховых скакунах, ведя в поводу выючных лошадок. Его братья и Сетон передвигались на быстроногих боевых жеребцах. Они вместе покинули поляну, и лишь дымок от костра за их спинами напоминал о том, что совсем недавно здесь был разбит лагерь.

Они ехали по бездорожью, медленно пробираясь меж деревьев. Вскоре в серых предрассветных сумерках Роберт обнаружил глубокие следы копыт, оставленные давеча их лошадьми. Удовлетворенный тем, что они едут в нужном направлении, он отпустил поводья, предоставив Флиту самому выбирать дорогу по болотистой почве. Местность постепенно повышалась, и вскоре озеро осталось позади. Зеркальную гладь его нарушал лишь едва видимый издалека остров Айбрасенс. Но не проехали они и мили, как Уатача глухо заворчала.

Роберт оглянулся. Гончая рвалась с поводка, прижав уши к голове. Натянув поводья, он остановил Флиту и свистнул, но Уатача не обратила на него внимания. Собака неотрывно смотрела на высокий гребень слева от них, на который, постепенно редая, избегали деревья.

— Кого она учуяла? — спросил Кормак, поворачиваясь в седле. — Кролика?

И вдруг Уатача прыгнула вперед с такой силой, что едва не порвала сворку. В это же мгновение хрипло и отрывисто залаяли остальные гончие, глядя на грядку. По спине Роберта пробежал холодок. В воздухе повеяло опасностью.

— Ко мне! — крикнул он, выхватывая меч из ножен.

С гряды долетел ответный крик. Там появились фигуры — их было много, не меньше тридцати. Среди них попадались и конники, которые, натягивая поводья, откинулись назад в седлах, пустив коней по крутому склону вниз. Остальные бежали за ними следом, размахивая пиками и кинжалами. Не отставали от них и собаки, заливающиеся яростным лаем. Судя по кольчужным доспехам, шлемам с гребнями и длинным мечам у них в руках, конные всадники были рыцарями. Английскими рыцарями. У каждого на правом предплечье красовалась алая повязка. Роберт в секунду окинул открывшуюся ему картину взглядом и вонзил шпоры в бока Флиту, криком приказывая своим людям следовать за собой, а сам направил коня в лес. Его отряд, насчитывавший восемнадцать человек, трое из которых были монахами, уступал противнику и числом, и умением. Лес наполнился грохотом копыт, когда его люди развернули лошадей и помчались за ним. Он смутно различил позади чей-то крик, и тут деревья сомкнулись у него за спиной.

— Граф Роберт нужен мне живым!

Звук собственного имени стал для него неприятным сюрпризом.

Значит, это было не случайное нападение. Роберт отогнал от себя эту мысль, глядя прямо перед собой. Деревья и низко нависающие ветви проносились в опасной близости, грозя сбросить его наземь. Раздался пронзительный крик боли, когда один из оруженосцев задел коленом ствол. Сила удара была такова, что нога его выгнулась назад под неестественным углом и бедренная кость сломалась с громким треском. Он мешком свалился с седла и исчез в зарослях кустарника, а его жеребец помчался дальше галопом уже

без него. Услышав у себя за спиной отчаянный лай, Роберт сообразил, что Уатача до сих пор привязана к крупперу его коня и что она выбивается из сил, стараясь не попасть под копыта Флита. Он взмахнул мечом назад и вниз, перерубая сворку. За деревьями справа мелькнуло озеро. Мысли путались. «Должно быть, они следили за нами. Кто это? Люди Ольстера? Или хуже того, Эдуарда?»

Он ощущал неудобную твердость посоха Святого Малахии, засунутого за пояс; ему грозила реальная опасность лишиться реликвии. Оглянувшись на полном скаку, Роберт успел разглядеть пятна яркого цвета: небесно-голубую накидку и клетчатую попону. Враг был уже совсем близко.

— Роберт!

Услышав крик, он развернулся и увидел, что дорогу впереди надежно перегораживает массивный ствол упавшего дерева, вывороченные корни которого торчали в разные стороны. Он рванул поводья, заставляя Флита повернуть вправо. Роберт выругался, заметив, что Эдвард и Томас повернули налево вслед за Александром и Кристофером Сетонами, но менять направление было уже слишком поздно. Ему ничего не оставалось, как скакать прежним путем.

Их преследователи разразились громкими криками, перемежающимися лаем собак, когда отряд разделился и Роберт галопом помчался вслед за Найаллом, Кормаком и Мертоу. Сзади раздался еще один крик боли, быстро затихший. Неужели кто-то из его братьев вылетел из седла? Или Александр, или Кристофер? Уатачи рядом с ним больше не было. Роберт крепче стиснул поводья. Сейчас он не мог отвлекаться на посторонние мысли.

Они мчались по склону, и деревья внизу постепенно редели, разбегаясь по долине, по которой тек ручей. Впереди дорогу перегородило очередное дерево, растопырив в стороны ветки. Роберт увидел, как Найалл пришпорил своего жеребца и перемахнул препятствие. Черные волосы взметнулись у него за спиной, когда он приземлился на другой стороне и поскакал к ручью. Кормак прыгнул за ним, и задние копыта его коня задели верхние сучья. Те обломились с громким треском, но и он благополучно оказался на другой стороне. Следующим прыгал Мертоу, капюшон рясы слетел с головы монаха и хлопал на ветру.

Еще до того, как его конь взвился в воздух, Роберт понял, что препятствие ему не перепрыгнуть. Его скакун был приучен к иноходи, а не к бешеной скачке по лесу в попытках спастись от погони. Уступая быстроногим боевым жеребцам в размерах, он был недостаточно силен, чтобы перемахнуть через упавшее дерево. Он предпринял отчаянную попытку перелететь на другую сторону, но задел передними копытами торчащие сучья. На сей раз они не обломились. Жеребец споткнулся и с душераздирающим ржанием рухнул на землю. Передние ноги у него подломились. Роберт отставал от него всего на несколько шагов. Ему больше ничего не оставалось, как вонзить шпоры в бока Флита и направить коня прямо на дерево, надеясь, что он сможет перепрыгнуть и через упавшую лошадь на той стороне.

Флит заметил опасность и уже в полете попытался повернуть в сторону, чтобы не столкнуться с раненой лошастью. Наверное, ему бы это удалось, но конь монаха инстинктивно рванулся, чувствуя, что сверху на него вот-вот обрушится новая беда. Копыто Флита приземлилось между передних ног животного. Роберт с размаху вылетел из седла, когда его жеребец рухнул на упавшую лошадь. Мир вокруг завертелся колесом, и он с такой силой ударился грудью о землю, что у него вышибло дыхание. Меч вылетел у него из руки и затерялся в траве.

Роберт лежал неподвижно, сясь протолкнуть в легкие хотя бы поток воздуха, а потом с трудом выпрямился. Флит пытался подняться на ноги, а под ним бился раненый конь. Мертоу по-прежнему оставался в седле, придавленный к земле весом обеих лошадей. Изуродованное шрамом лицо монаха было залито кровью. Одна рука его, бессильно заброшенная за голову, дергалась из стороны в сторону в такт отчаянным рывкам его коня. Услышав стук копыт, Роберт обернулся и увидел, что к нему скачет Найалл.

— Быстрее! — Найалл с такой силой осадил коня, что тот присел на задние ноги. — Они уже совсем близко!

С трудом поднявшись, Роберт увидел, что преследователи скачут к поваленному дереву. Несколько всадников отделились от общей группы, явно намереваясь обогнуть препятствие, чтобы отрезать им путь к отступлению. Он вырвал из-за пояса посох, с которого слетела ткань, и сунул его в протянутую руку брата.

— Держи!

Найалл Брюс схватил инкрустированный драгоценными камнями жезл, но на его юношеском лице отразился ужас.

— Нет, Роберт! Садись на лошадь позади меня!

— Твой конь не выдержит нас двоих. — Роберт оглянулся. Погоню возглавлял мужчина в небесно-голубой накидке, и его нахмуренное лицо выражало непреклонную решимость. — Скачи! Отвези его в Шотландию и передай Джеймсу Стюарту. *Езжай!* — Он проревел последнее слово и сильно ударил коня Найалла по крупу, отчего тот рванулся в сторону.

Роберт прыгнул к кустам, куда улетел его меч. Пальцы его сомкнулись на рукояти, когда лес наполнился грохотом копыт. Он обернулся, замахиваясь мечом, и увидел, что на него на полном скаку мчится воин в голубой накидке. Но тут раздался громкий крик, и сбоку на того налетел Кормак, рыжие волосы которого разметались по плечам. Он взмахнул мечом, целясь мужчине в голубой накидку в спину. Удар получился скользким, его отразила кольчуга, но мужчина уже подался вперед, чтобы достать Роберта, и потому оказался захваченным врасплох. Стоя в стремях, он упал лицом вперед и грудью ударился о лук седла. Воспользовавшись тем, что всадник потерял равновесие, Роберт присел и, держа свой длинный меч обеими руками, с размаху ударил им по передним ногам коня. Когда и всадник, и жеребец полетели на землю, Роберт выпрямился и замахнулся мечом.

Мужчина отреагировал на удивление быстро. Сначала он откатился в сторону, чтобы избежать первого удара Роберта, а потом успел поднять над головой меч, отражая второй. Клинки со звоном скрестились, и воин в голубой накидке застонал от натуги, когда Роберт налег на меч всем телом. Он нанес неожиданный удар ногой и попал Роберту в колено. Роберт пошатнулся и, чтобы не упасть, сделал несколько шагов назад. Меч его описал широкую дугу, что дало его противнику время вскочить на ноги. Голубая накидка перепачкалась грязью, а на щеке у него алел глубокий порез. В черных волосах блестела кровь, но в глазах светилась яростная решимость, когда он атаковал Роберта, целясь ему в бок.

Роберт парировал удар, а потом вывернул руку и ударил своего врага рукояткой в лицо, стремясь сломать ему нос. Но мужчина вовремя отдернул голову и отскочил в сторону, однако тут же вновь устремился вперед, нанеся Роберту жестокий удар в плечо. Роберт с трудом парировал его, поморщившись от злобного скрежета стали, и тут за спиной раздалось отчаянное конское ржание и крик Кормака, но у него не было возможности обернуться и посмотреть, что случилось с его сводным братом, потому что мужчина атаковал

снова.

Роберт присел, пропуская первый удар над головой, парировал второй, а вот третий пришелся ему в плечо. Хауберк и стеганая куртка под ним приняли чужой меч на себя и уберегли от пореза, но удар был таким сильным, что он пошатнулся и упал на колени. Он яростно отмахнулся мечом, отгоняя противника, но тот быстро пришел в себя. Проведя по лбу рукой в латной рукавице и смахнув кровь с глаз, он снова ринулся в бой. Одним прыжком поднявшись с колен, Роберт устремился вперед, застав мужчину врасплох. Он взревел от натуги и с силой ударил своего противника спиной о дерево, прижав его к стволу. От удара тот поперхнулся воздухом, и меч выпал у него из рук. В глазах его плеснулся страх, когда Роберт поднял свой меч.

— Граф Роберт!

Звук собственного имени отрезвил его и пробил сосредоточенную решимость нанести последний удар. Уголком глаза Роберт увидел, что один из рыцарей держит Кормака рукой за волосы, а второй прижимает меч к его горлу.

— Опустите меч, — вновь зазвучал голос рыцаря. — Или я перережу этому ублюдку горло.

Роберт застыл. Взгляд его метнулся к мужчине перед ним, прижатому к стволу дерева и ожидающему смерти от его руки. Но даже сквозь застывший глаза кровавый туман и жажду убийства Роберт понял, что это — не пустая угроза. Убить ирландца, пусть даже дворянина, этим людям ничего не стоило. Наказание за смерть местного жителя было намного мягче, чем кара за гибель англичанина.

Он медленно попятился, тяжело дыша. Опустив меч, он положил его на землю перед собой. Но рыцарь, державший Кормака за волосы, не ослабил хватку. С ним было еще шестеро — трое конных и трое пеших. Двое мужчин держали на сворках мастиффов. Псы рвались с поводков и глухо рычали.

Не сводя глаз с Роберта, мужчина в голубом нашарил перед собой в траве меч. Он поднял его и с такой силой стиснул зубы, что на скулах заиграли желваки, но не двинулся с места. Вместо этого он махнул рукой трем своим конным товарищам:

— Догоняйте остальных. Возьмите с собой собак. Думаю, он передал посох одному из своих людей. — Он перевел взгляд на Роберта. — Кто это был? Один из ваших братьев? — Он шагнул вперед, приставив острие меча к груди Роберта. — Отвечайте!

Воздух наполнился свирепым лаем, и из кустов к ним рванулась длинная серая тень.

— Эсгар! — раздался чей-то крик.

Мужчина в голубом растерянно обернулся, когда на него, оскалив пасть, прыгнула Уатача, так что он едва успел ткнуть мечом перед собой. Лезвие встретило гончую в полете, насквозь пробив мягкое подбрюшье. Уатача жалобно заскулила, когда воин вырвал меч, и она, разбрызгивая кровь, отлетела в сторону. Роберт взревел от ярости при виде своей любимой гончей, дочери лучшей самки деда, свернувшейся клубком в луже собственной крови. Он прыгнул к воину, намереваясь разорвать его голыми руками, но сзади его грубо схватили за плечи два рыцаря.

Мужчина в голубом развернулся к нему, держа в руках клинок, густо окрашенный кровью Уатачи.

— Оставались бы вы лучше в Шотландии, сэр Роберт.

Адам шагом ехал на своем белом жеребце по улицам Гленарма, между рядами домишек, сложенных из брикетов торфа и обмазанных глиной. Копыта коня вязли в навозе и помете, перемешанном с грязью. Сегодня был базарный день, и улицы городка загрохотали окрестные фермеры, ведущие скотину на площадь, где для нее выстроили специальные загоны. Колокольчики, позвякивающие на шеях у коров и коз, порождали глухую какофонию жестяных звуков. Перед ним гнали стадо овец, и Адам придержал коня, не сводя глаз с юноши в красновато-коричневой тунике, который быстрым шагом шел впереди отары, неловко придерживая под мышкой большую корзину.

Мартовское утро выдалось ясным и свежим. Море радовало глаз голубизной, отороченной шапкой белой пены в том месте, где в бухте в него впадала река. На волнах прилива покачивались рыбацкие лодки, и мужчины выгружали с них плетеные корзины с крабами и лобстерами. В маленьком порту царила веселая и оживленная атмосфера; его обитателей явно взбудоражила перспектива скорого наступления весны, которую принес на своих крыльях теплый соленый ветер. Какая-то женщина загружала светлые купола теста в печь, и оттуда вырывался легкий дымок, вкусно пахнущий свежим хлебом. У нее над головой, смеясь и переговариваясь, двое мужчин крыли крышу соломой. Фермеры приветствовали друг друга, и их резкий гэльский говор был отчетливо слышен даже сквозь блеяние животных.

Адам с надменным и отчужденным видом восседал на своей лошади, пробираясь сквозь толпу. Он был чужаком, которому позарез нужно стать своим. Именно так прошла большая часть его жизни, но если в крупных городах и поселениях он обычно чувствовал себя невидимкой, то здесь сохранить инкогнито не представлялось возможным. Его присутствие уже вызвало волну любопытства, иногда пугливого, а иногда враждебного. Во-первых, его жеребец выглядел намного крупнее и массивнее местных лошадок, которые рядом с ним смотрелись карликовыми пони. Его темно-синяя накидка, перепачканная и истрепанная в долгих странствиях, была тем не менее сшита у хорошего портного из дорогого материала, а под нею рыбьим блеском отливала мелкочаистая кольчуга. За прошедшие месяцы он отрастил длинные волосы и окладистую бороду, но они не могли скрыть оливкового оттенка его кожи, что явственно выдавало в нем чужеземца. Но самым заметным и бросающимся в глаза отличием оставался большой арбалет, висевший у него за плечами на кожаном ремне.

Композитный арбалет был сделан из рога, жил и тисового дерева, обтянут кожей и украшен цветным шнуром, который крест-накрест обвивал цевье и ложе до самой скобы, с помощью которой арбалет заряжался. Это было оружие наемников, запрещенное папами и столь любимое королями. Оно внушало страх. Вместе с переметными сумами, притороченными к седлу, сбоку висела и плетеная корзинка с арбалетными болтами, каждый из которых, снабженный острым железным наконечником, был способен пробить доспехи рыцаря, его ногу, седло и лошадь под ним. Гленарм, вассальный городишко его милости Роберта Брюса, лежал в самом сердце враждебной территории, поскольку большую часть внутренних земель Антрима контролировали англичане. Но даже здесь, в столь беспокойные времена, людям было непривычно видеть такое оружие.

Когда овец, перегородивших улицу, загнали на небольшую огороженную площадку, Адам пустил коня легкой рысью, оставляя за спиной любопытные взгляды. Юноша с корзиной явно направлялся к берегу, и его красно-коричневая туника, подобно корабельному вымпелу, ярко выделялась на фоне синего моря. Адам держался позади, наблюдая, как намеченная им жертва подошла к рыбаку, стоявшему у корзин с лобстерами. Двое мужчин приветствовали друг друга; легкий ветерок донес слабые отзвуки их голосов. Прибыв сюда, Адам встревожился из-за того, что не сможет добыть сведений у говорящих по-гэльски аборигенов, но после двухнедельного наблюдения за замком лорда Донаха он с облегчением убедился, что многие из них вполне сносно изъясняются по-английски, и это было вполне объяснимо — они многие столетия жили бок о бок с переселенцами.

Юноша откинул крышку своей корзины, чтобы рыбак мог уложить внутрь несколько лобстеров, а потом, прижав корзину к бедру, направился к устью реки по тропинке вдоль ручья, который становился все уже по мере удаления от берега. Адам последовал за ним по пятам, держась, впрочем, на безопасном расстоянии, пока глинобитные городские дома не сменились полями и загонами для скота. Вдали появился замок лорда Донаха; он высился на холме, стоящем в излучине реки. За ним холмы переходили в скалистые утесы, царапавшие небо, над которыми кружили канюки и сарычи. Когда его жертва приблизилась к небольшой рощице, Адам пустил коня вскачь. Заслышав позвякивание уздечки, юноша оглянулся и сошел с дороги, явно намереваясь пропустить всадника и лошадь. Адам подъехал ближе. Юноша вновь обернулся и озадаченно нахмурился, окинув встревоженным взглядом огромного коня и вооруженного мужчину верхом на нем.

— Ты — слуга лорда Донаха? — окликнул его Адам.

Юноша замер, заслышав английскую речь с непривычным акцентом. Он нервно огляделся по сторонам, словно в поисках кого-нибудь, кто мог бы помочь ему, но дорога была пуста. Лишь несколько лошадей паслись в загоне, тянувшемся вдоль реки.

— Да, — неуверенно ответил он.

Адам спешил и закинул поводья на ближайший столб в ограде загона, а потом примирительным жестом выставил перед собой пустые руки.

— Я ищу сэра Роберта Брюса, графа Каррика. У меня для него послание.

Юноша чуть-чуть расслабился.

— Он был здесь, сэр. Но уехал. — Английский давался ему с трудом, словно рот его был полон патоки.

— И где он сейчас?

Юноша покачал головой, правда, слишком быстро.

— Не могу знать. — Он отвернулся и вновь зашагал к замку. — Мне надо идти. Хозяин ждет.

— Пожалуйста, — окликнул его Адам. — Послание срочное.

Молодой человек заколебался, но потом, после недолгого размышления, мотнул головой в сторону замка, виднеющегося вдалеке.

— Вам лучше поговорить об этом с лордом Донахом, сэр.

Адам смотрел, как юноша развернулся и быстро зашагал прочь. Молодчик знал больше, чем говорил; это было ясно по его манере держаться. Но даже если бы он не проявил похвальную уклончивость, Адам все равно не усомнился бы в том, что он лжет. Слуги знают все. Невидимые и неслышимые, они стоят вдоль стен в залах, ожидая возможности убрать тарелки после празднеств, на них не обращают внимания короли, вынашивающие коварные

замыслы, и лорды, злоумышляющие о захвате власти. Они наполняют лохани и тазы в спальнях благородных дам, выносят ночные горшки, оставаясь немymi свидетелями государственных дел и любовных приключений; орда слушателей, заполняющая все переходы и коридоры замков. Адам мог подождать и отыскать более разговорчивого субъекта, но у него не было ни времени, ни должного терпения. Он и так слишком долго гонялся за призраком.

Шотландия, разоренная войной и наводненная мятежниками, оказалась крепким орешком даже для него. Вынужденный держаться в тени, дабы его не узнали, он не мог подобраться к повстанцам поближе — а те забились в какую-то нору, устроенную Уильямом Уоллесом в Селкиркском лесу, — и ему понадобилось намного больше времени, чем он рассчитывал, чтобы узнать: Брюса давным-давно нет в Шотландии. Наконец, напав на его след в Каррике, Адам последовал за Брюсом, для чего ему пришлось пересечь пролив, отделяющий Шотландию от Ирландии. Прибыв в Гленарм две недели назад, он с отчаянием выяснил, что граф уехал и отсюда. И он не собирался еще полгода торчать в этой дыре, сбивая ноги и стаптывая сапоги.

Отпустив слугу на несколько шагов, Адам устремился за ним, на ходу выхватывая кинжал из ножен на поясе. Схватив юношу одной рукой за волосы, он приставил к его горлу клинок. Тот от ужаса выпустил корзину, и она плюхнулась в пыль. Крышка откинулась, и вывалившиеся лобстеры устремились к реке. Молодой человек что-то быстро залопотал по-гэльски, то ли от удивления и страха, то ли от негодования из-за потерянного улова, но Адам уже тащил его под сень деревьев.

— Говори, — потребовал он, прижав слугу спиной к дереву, одной рукой взяв его за грудки, а другой уперев острие кинжала ему в горло. — Куда уехал Брюс?

Юноша облизнул губы.

— Он уехал давно, сразу после Рождества. Много недель назад.

— Куда. Не когда.

— На юг. По дороге в Килдэр. — Взгляд слуги свидетельствовал, что на сей раз он говорит правду. — С сыном лорда Донаха и монахами.

— Монахами?

— Из Бангорского аббатства. Теми самыми, что увезли посох из Армы. Из-за которого граф Ольстер сжег наш замок. Сэр Роберт желает заполучить его.

Выяснив наконец причину, по которой Роберт бросил войну в Шотландии и оставил должность хранителя, Адам почувствовал, как его охватывает приятное возбуждение. Теперь выполнение королевского приказа стало жизненно важным и необходимым. Брюсу ни в коем случае нельзя было позволить завладеть реликвией, иначе все, чего добился король, окажется под угрозой краха.

— Он вернется, когда найдет его?

Слуга затряс головой.

— Пожалуйста, — пролепетал он, скосив глаза на кинжал и сделав глотательное движение. — Больше я ничего не знаю.

— Я верю тебе.

Адам резко полоснул кинжалом по горлу юноши, одним взмахом перерезав ему трахею. Слуга повалился на землю, тело его сотрясали конвульсии, но через несколько секунд он вытянулся и затих. Наклонившись, Адам вытер клинок о траву. В это миг перед его внутренним взором всплыла тропинка, ведущая по краю отвесного утеса, ночь, ревущий

ураган и раскат грома, заглушивший крик Александра, когда он вместе с конем рухнул в пропасть. Адам сунул кинжал в ножны, с улыбкой сказав себе, что железо не ведает разницы между королем и слугой, убивая обоих с одинаковой легкостью. Вернувшись к своему коню, он поднялся в седло.

Охота продолжалась.

Почувствовав, что повозка замедляет ход, Роберт зашевелился. За толстым пологом мужчины разговаривали друг с другом, но слова заглушал стук копыт по мощеной, как он полагал, дороге. Откуда-то спереди донесся тяжелый лязг.

— Кормак, — прохрипел он.

Его сводный брат с трудом поднял на него затуманенный взор.

— Мы останавливаемся?

— Полагаю, мы уже приехали.

Кормак уже пришел в себя и, нахмурившись, вслушивался в доносящиеся снаружи голоса. Двое оруженосцев, скорчившиеся напротив, неуверенно переглянулись. Один из них был бледен от боли и усталости, а ногу его обхватывал грубый лубок. Пятый пассажир повозки не отрывал глаз от пола, низко надвинув на лоб капюшон накидки и судорожно стиснув лежащие на коленях руки. С того момента как их повезли на север, монах не произнес и двух слов. Дни тянулись невыносимой чередой в их подпрыгивающей на ухабах, душной тюрьме. Роберт потерял счет времени, но по его прикидкам выходило, что берега озера они покинули никак не меньше двух недель назад. Однако физические страдания не причиняли ему такой боли, как душевные муки; Роберт вновь и вновь терзался вопросом, что случилось с его братьями и слугами и что ждет его в конце пути. Ему было известно лишь то, что посчитал нужным сообщить ему Эсгар, капитан стражи Ольстера.

После того как их с Кормаком разоружили, Эсгар приказал остальным рыцарям отправляться на поиски ускользнувшего отряда. Роберт отказался отвечать на любые вопросы капитана. Он не мог оторвать взгляда от безжизненного и окровавленного тела Уатачи. Впрочем, гончая стала не единственной жертвой скоротечной схватки. Несколько рыцарей, обшаривавших окрестности, наткнулись на Мертоу, придавленного раненым конем. Вытащив монаха, они обнаружили, что у него сломана шея. Раненого коня они попросту прирезали, вместе с конем Эсгара, которому переломал обе ноги Роберт. Распорядившись похоронить монаха в неглубокой могиле, капитан стал ждать возвращения своих людей.

Рыцари и оруженосцы возвращались медленно, по одному, и последний из них присоединился к основному отряду лишь спустя час. К облегчению Роберта, они взяли в плен лишь двух оруженосцев из свиты лорда Донаха, которые вылетели из седел во время погони, к тому же у одного из них была сломана нога. Следов же остальных, как сообщили рыцари своему немногословному капитану, обнаружить не удалось.

Заметив торжествующее выражение на лице Роберта, Эсгар угрюмо пообещал ему:

— Мы найдем их, сэр Роберт, а когда это случится, ваши братья предстанут перед графом Ольстером. Их ждет суд, скорый и справедливый, и тогда они пожалеют о том, что сбежали. — Отрядив двадцать человек на поиски врагов и наказав им без посоха не возвращаться, сколько бы миль и времени для этого ни понадобилось, капитан согнал вместе

пятерых своих пленников. — Я отвезу их сэру Ричарду в Баллимот. Половина выигрыша лучше, чем ничего.

Во время путешествия на север Роберта и остальных пленников выпускали из повозки только тогда, когда отряд останавливался на отдых. От берегов озера они по тропе, проложенной гуртовщиками, поднялись в горы, где их обступили вершины, теряющиеся в тумане и облаках. В течение нескольких дней, что они провели там, наверху, было так холодно, что казалось, вернулась зима, но потом они вновь спустились в долины, где уже лопались почки на дубах и ясенях, шумели весенние дожди и весело щебетали птицы. Как-то вдруг горы остались позади, а впереди раскинулась бескрайняя равнина.

С переменой местности изменилась и атмосфера в отряде; рыцари притихли и насторожились. Больших костров они теперь не разжигали, а по ночам Эсгар выставял стражу из четырех рыцарей, опасаясь неожиданного нападения. На отдых они старались останавливаться только в крепостях, гарнизон которых составляли вассалы графа Ольстера. Но за все это время пленники не испытывали дурного обращения. Им давали еду и питье, снабдили одеялами, а раненых оруженосцев перевязали. Но размышления о том, сумели ли его братья благополучно достичь Шотландии, и тревога о собственном будущем сами по себе стали для Роберта нескончаемой пыткой.

Повозка замедлила ход почти до полной остановки, и внутри потемнело. Лязг прекратился, снаружи слышались команды, и лошади заржали, нервничая, когда возницы принялись понукать их, заставляя двигаться вперед. Ступицы колес заскрежетали обо что-то; очевидно, они миновали ворота или туннель, потому что солнечные лучи вновь осветили их подпрыгивающую на неровностях почвы темницу.

Повозка остановилась, полог откинулся, и в проеме показалось лицо Эсгара.

— Выходите.

Руки и ноги у Роберта были связаны, но не слишком туго, так что он сумел доползти до края. Соскользнув на землю и подслеповато шурясь от яркого света, он обнаружил, что стоит на широком дворе, обнесенном высокими каменными стенами. Кое-где к ним прижимались деревянные постройки: конюшни, псарни, сараи и амбары. Все они казались возведенными совсем недавно, и даже солома на крышах была уложена еще не везде. Над стенами высилось шесть башен, две из которых были окружены строительными лесами. Башни в четырех углах замка имели открытые площадки наверху, на каждой из которых стояла осадная машина.

Оглянувшись, Роберт увидел позади повозки сторожевую будку у ворот, охранявшую узкий проход, через который они и попали сюда. Над туннелем висел золотой стяг с вышитым на нем красным крестом, а в левом верхнем углу его встал на задние лапы черный лев. Лязг издавала крепостная решетка, которую сейчас как раз и опускали, и ее железные клыки наглухо перекрыли вход. Баллимот был мощным замком, он хорошо охранялся и имел многочисленный гарнизон. Попасть сюда без приглашения было бы весьма затруднительно. Как, впрочем, и выйти отсюда.

Дверь сторожки отворилась, и оттуда вышли трое мужчин. В двоих крайних Роберт распознал стражников и перестал обращать на них внимание, разглядывая крупного и массивного воина в центре, который сразу же направился к нему. Роберт догадался, хотя раньше и никогда не видел его, что это и есть сэр Ричард де Бург, граф Ольстер, доверенное лицо короля в Ирландии. Судя по его виду, Ольстеру уже перевалило за сорок, лицо его покрывали полученные в боях шрамы, и в нем читалась высокомерная заносчивость человека, привыкшего считаться только с собственными желаниями. На нем была

просторная золотая мантия с вышитым красным крестом.

Ольстер коротко кивнул Эсгару и окинул внимательным взглядом остальных, задержавшись на Роберте.

— Сэр Роберт, полагаю? Я вижу в вас вашего отца и деда. По крайней мере, внешне. Внутри же, очевидно, вы совсем другой. — Его глубокий голос сочился нескрываемым презрением.

Стоя здесь, без доспехов и оружия, в пропахших потом сорочке и панталонах, со встрепанной бородой и нечесаными волосами, Роберт чувствовал себя крайне неудобно под пристальным взглядом графа. Ольстер напомнил ему отца; та же самая бочкообразная грудь и могучая стать, властное поведение и снисходительное осуждение во взоре. Он постарался отогнать от себя ненужные мысли, потому как они не несли в себе ничего, кроме горечи воспоминаний, и с вызовом ответил на взгляд графа.

— Сожалею, что мы встретились с вами при таких обстоятельствах, сэр Ричард. Наши семьи связывает долгая дружба, которая неизменно приносила вам немалую выгоду. И мне жаль, что вы подвергаете опасности этот союз, захватив в плен меня с моими людьми. Может быть, вы и видите во мне отца и деда, но это лишь иллюзия. Мой дед мертв, а отец пребывает в Англии. И вместо них сейчас я — властелин наших земель и глава клана Брюсов. Вам следует с уважением относиться хотя бы к этому.

Глаза Ольстера опасно сверкнули.

— Ты потерял право на мое уважение, когда стал предателем и перешел на сторону воров и грабителей. У тебя было все — богатые земли в Шотландии, Ирландии и Англии, блистательная дружба самого короля Эдуарда, даже право претендовать на трон своего королевства. А что осталось у тебя теперь? Насколько я слышал, отец лишил тебя наследства, твой фамильный замок в Лохмабене разрушен, а графство конфисковано в пользу английской короны. А когда король Эдуард подчинит себе Шотландию, ты навсегда потеряешь и Каррик. Даже твои новые союзники предали тебя. Уильям Уоллес скрывается за границей, а в его отсутствие повстанцы терпят неудачи. А ты здесь: пленник в одной сорочке, граф только по названию, который даже не заслуживает этого титула. Скажи мне, Роберт, неужели оно того стоило?

В памяти у Роберта всплыл образ дома, в котором прошло его детство — замка Тернберри, — высившегося на скалистых прибрежных утесах Каррика, над бескрайними морскими просторами. Вслед за этим перед его внутренним взором проплыли образы деда и отца, матери, сестер и братьев. В глубине души поднял голову уродливый червячок сомнения, пробужденный к жизни резкими словами Ольстера. Но потом все затмило другое видение, куда более отчетливое, чем прежние: зеленая диадема в плетеной клетке, покачивающаяся на ветвях старого дуба. Он хорошо помнил ночь, когда узловатые старческие руки Эффрейг сплели ее; те самые руки, что помогли ему прийти в этот мир. Там, в ее жилище из трав и костей, его желание стать королем получило зримое воплощение в короне из вереска и дрока.

Он не зря отдал все, что имел. Он отдал все, что у него было, ради всего, кем мог стать: свои земли ради королевства, свою семью ради людей. Свои богатства за корону.

— Да, оно того стоило. Все это не имеет никакой ценности, если Шотландия не станет свободной.

Ольстер мрачно рассмеялся.

— Оказывается, Уоллес никуда не уезжал. Ты стал голосом этого разбойника и

грабителя!

— И не я один. Джеймс Стюарт, ваш собственный зять, сейчас возглавляет восстание. И намного больше голосов, помимо моего и Уоллеса, выражают протест против попыток короля Эдуарда покорить нашу страну.

Ольстер прищурился при упоминании Джеймса Стюарта, высокого сенешаля Шотландии и мужа его сестры Эгидии де Бург. Он повернулся к своему капитану.

— Эсгар, я хочу чего-нибудь сладкого, чтобы заглушить горечь. Надеюсь, посох при вас?

Эсгар метнул взгляд на Роберта, и лицо его окаменело.

— Нет, милорд.

Когда рыцарь рассказал о том, что произошло на берегах озера, Ольстер разочарованно поморщился.

— Я хотел лично доставить вам пленников, — закончил Эсгар. — Но я отправил двадцать своих людей по следам отряда Брюса. Они найдут их. На всем пути отсюда до Антрима, куда они почти наверняка направляются, стоят наши гарнизоны. Я приказал своим людям немедленно известить меня, как только они завладеют реликвией или добудут сведения, которые помогут заполучить ее.

— Куда твои люди повезли посох? — требовательно обратился Ольстер к Роберту. — В замок лорда Донаха? — Когда Роберт не ответил, граф добавил: — Я ведь могу сжечь его снова. Или сделать кое-что похуже.

— А мой отец отстроит его заново! — запальчиво выкрикнул Кормак, и голос юноши задрожал от ненависти.

Но Ольстер пропустил слова ирландца мимо ушей, не сводя глаз с Роберта.

— У тебя будет время, чтобы хорошенько обдумать и изменить свои взгляды, прежде чем я отправлю тебя к королю Эдуарду. — Роберт не мигая смотрел на него, и на лбу Ольстера собрались морщинки. По лицу его промелькнула тень почти отеческого чувства — нечто среднее между испугом и заботой. — Скажи мне, куда твои люди повезли посох Святого Малахии, и в память о долгой дружбе между нашими семьями я, так и быть, не стану выдавать тебя королю Эдуарду. Но посох — это добыча, от которой я не могу отказаться. А вот ты — совсем другое дело. Здесь есть что обсудить. — Когда же ответа не последовало, заботливость исчезла без следа, и лицо Ольстера замкнулось и посуровело. — Эсгар, с первыми лучами рассвета отправляйтесь со своим отрядом в Антрим. Полагаю, его спутники захотят или спрятать посох где-либо, или отвезти его в Шотландию. Если верно последнее, им придется нанять корабль. Найдите их. Допросите всех членов семьи Донаха и монахов Бангорского аббатства, пока они не скажут вам, где скрываются его люди.

Эсгар поклонился.

— Я больше не подведу вас, милорд.

— Уведите этого предателя с глаз моих.

Роберт почувствовал, как его схватили крепкие руки.

— Я видел, как стонет Ирландия под пятой Эдуарда! — выкрикнул он, когда Ольстер отвернулся, собираясь уйти. — Он опустошит и разграбит ваши земли!

Ольстер сбился с шага, но не оглянулся.

Когда Роберта и Кормака под конвоем рыцарей вели через двор к одной из угловых башен, они прошли мимо девушки-подростка в белом платье. С ней была женщина постарше — гувернантка, скорее всего. При виде мужчин она крепче стиснула плечи девушки, а та провожала Роберта и других пленников встревоженным взглядом, пока они не скрылись за

дверью башни, растворившись в темноте.

Латеранский дворец, Рим

1301 год

— Прочтите его еще раз.

Голос прозвучал резко и хрипло. Заговорив, Папа Бонифаций не обернулся, продолжая смотреть в окно, заложив руки за спину. Перед ним, словно рубин в лучах заката, раскинулся Рим. Стекла в окнах палаццо отражали лучи заходящего солнца, и казалось, что осыпающиеся стены древних амфитеатров окрасились кровью.

Папский посланец, измученный долгими неделями странствий, откашлялся и вновь прочел ответ короля Эдуарда, явно испытывая неловкость из-за вызывающего тона и оскорбительных слов, слетающих с его губ и адресованных наместнику Бога на земле.

— «...таким образом, — закончил он, — являясь законным властелином Шотландии, что было подтверждено и засвидетельствовано скоттами восемь лет назад в Норхеме, я сполна воспользуюсь своим правом защищать королевство от всех возмутителей моего спокойствия. При всем уважении к Вашему Святейшеству, я не могу исполнить Вашу просьбу и прекратить враждебные действия против Шотландии в то время, когда мятежники продолжают войну с моими гарнизонами и крепостями в нарушение моих прав сюзерена».

— Неужели он полагает себя выше слова Церкви? — Бонифаций отвернулся от окна, у которого его массивная фигура, задрапированная в баснословно дорогие венецианские шелка, четким силуэтом выделялась на фоне закатного неба. Седые волосы вокруг его тонзуры окрасились в багровые тона. — У меня ушло два года на то, чтобы примирить его с кузеном. На мирном договоре Англии и Франции еще не успели высохнуть чернила, а в благодарность за мои труды он отплатил мне столь наглым высокомерием?

При виде папского гнева посланник потупился.

— Архиепископ Винчелси постарался образумить короля, ваше святейшество, но безуспешно. Король Эдуард вознамерился покорить Шотландию и уничтожить мятежников. Когда мы покидали его лагерь в Карлавероке, он со своей армией уже готовился двинуться на запад.

— Интересно, сохранит ли он свою наглость, если пригрозить ему отлучением? — воскликнул Бонифаций. — К несчастью, об этом нечего и думать. Короли Англии и Франции — единственные мужи в христианском мире, на кого я возлагаю свои надежды в связи с новым крестовым походом, дабы освободить Святую Землю от сарацин. — Он повернулся к третьему присутствующему в комнате, который стоял в тени, недостижимый для лучей заходящего солнца. — К сожалению, моя попытка вмешаться от имени вашего королевства не принесла тех плодов, на которые мы оба рассчитывали. Я знаю, вам пришлось пожертвовать многим, чтобы попасть сюда, и король Филипп в высшей степени хвалебно отзывается о вас лично и вашем деле, но теперь я пребываю в некоторой растерянности относительно того, какие действия следует предпринять в дальнейшем.

Уильям Уоллес молча выслушал вердикт Папы. Гигант ростом в семь футов, он сжал в кулаки широкие, как лопаты, ладони опущенных по бокам рук. Шея у него была толстой, а

грудь и плечи перевиты канатами мускулов. Он надел скроенный по нему камзол и синюю мантию, расшитую серебряной нитью, но роскошные одежды не могли скрыть его сути варвара, которую лишь подчеркивали его колоссальный рост и шрамы, испещрявшие бледную кожу. Это была история войн, запечатленная в плоти одного человека. Он выглядел совершенно неуместно в роскошной зале Латеранского дворца, каждая поверхность которого искрилась золотом или полированным мрамором, но при этом ему удавалось сохранять строгое достоинство, а в синих глазах светилась напряженная мысль.

— Нам остался всего лишь один способ действий, ваше святейшество. — Голос Уоллеса был грубым, но ровным.

Бонифаций согласно прищурился.

— Очень опасный способ, сэр Уильям. — Он покачал головой. — И так скоро после того, как я заставил Англию и Францию заключить перемирие? Я не могу рисковать. Если Эдуард денонсирует договор и они с Филиппом возобновят войну, их не удастся убедить взять крест и обратить свои мечи на восток. Иерусалим не будет освобожден никогда, пока властители христианского мира сражаются друг с другом.

— Но разве война Эдуарда с шотландцами не отвращает его от крестовых походов? Христиане погибают в Шотландии, ваше святейшество, в то время как неверные возводят мечети в Святом граде.

По лицу Папы скользнула болезненная гримаса.

— Я настоял на внесении в договор пункта об освобождении короля Джона, как о том просил король Филипп. Разве мало того, что теперь он неподвластен Эдуарду? Могу вас заверить, что ему вполне комфортно под моей опекой.

— Только не тогда, когда моя родина опутана кандалами Эдуарда, а его армия грабит мой народ. — Уоллес шагнул к Папе, и в его глазах отразились последние лучи заходящего солнца, отчего его испещренное шрамами лицо побагровело. — Полагаю, это — единственный способ остановить враждебные действия против моей страны. С помощью короля Филиппа возможно победить Эдуарда и без войны. Он теряет слишком многое, денонсировав мирный договор на столь поздней стадии: женитьбу своего сына и Гасконь, а войной выигрывает слишком мало. Из-за военных действий во Франции он лишился поддержки своих баронов. Его казна пуста. Еще одного такого конфликта он позволить себе не может. — Уоллес старался говорить как можно убедительнее; он был совершенно уверен в своей правоте. — Освободите Джона Баллиола из-под домашнего ареста, ваше святейшество, и мы получим то, чего хотим. Вы добьетесь мира в христианских странах, а в моей стране на трон взойдет законный владыка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1301 год

...и вот обрушится мщение Вседержителя, ибо всякое поле обманет упования земледельцев. Смерть накинется на людей и произведет опустошения среди всех народов...

Гальфрид Монмутский. История королей Британии

Первые несколько дней заточения промелькнули для Роберта очень быстро; грозившая ему опасность ускоряла бег времени и обостряла чувства, когда звук шагов на лестнице или скрип двери нес в себе потенциальную угрозу. Но уже к концу первой недели, в течение которой тюремщики не особенно досаждали ему с Кормаком, расстояние от восхода до заката стало удлиняться и растягиваться. Дни складывались в недели, стены запертой комнаты давили на плечи, время замедлилось и ползло, как улитка, и, если бы не лопающиеся почки на ветвях дубов, окружающих замок Баллимот, да ячмень, подрастающий на соседних полях, Роберт сказал бы, что оно совсем остановилось.

В эти мгновения вынужденного безделья, когда каждый день казался неделей, а неделя растягивалась на целую жизнь, чувство досады и безысходности, вызванное заточением и отсутствием каких-либо сведений о судьбе братьев, становилось все острее, пока, подобно приливной волне, не накрыло его с головой. Слабым утешением было и то, что их комната походила скорее на дворцовые палаты, чем на тюремную камеру. Богато меблированная, с двумя кроватями с пуховыми перинами, шелковыми коврами на полу и гобеленами на стенах, стульями и столом, за которым они с Кормаком ели, тазом для умывания и даже несколькими книгами, она ничуть не уступала тем покоям, к которым привык Роберт. Но при всей своей роскоши она оставалась тюрьмой, и, когда весна сменилась летом, а в голове у него роились безнадежные планы, которые он отбрасывал один за другим, окружающая обстановка лишней раз напоминала ему о том, где он должен находиться. И где его не было.

Роберт часто вспоминал Джона Баллиола. Человек, которого Эдуард возвел на трон вместо деда Роберта, сейчас томился в собственной роскошной клетке, в свою очередь пав жертвой амбиций короля, желавшего единолично править Британией. Амбиций, подогреваемых словами пророчества и волей верных молодых людей, которыми Эдуард окружил себя. И Роберту, запертому под замком и всеми забытому, прозябающему за сотню миль от своего королевства и союзников, начало казаться, что он не сможет победить подобную решимость, а собственные потуги представлялись ему почти что нелепыми и смехотворными. Слишком многие из людей короля верили, что своими действиями спасают Британию. И от этого их попытки покорить Шотландию выглядели в их собственных глазах уже не захватнической войной, а своего рода крестовым походом. Ну и как, скажите на милость, с этим бороться?

В такие минуты, когда сомнения охватывали его целиком, лишь два соображения доставляли ему некоторое успокоение. Первое заключалось в том, что братья обязательно доставят посох в Шотландию, где Джеймс Стюарт сможет начать торг с королем. А вторым оставалась надежда, что колдовство Эффрейг рано или поздно сработает. Но все это время над ним дамокловым мечом висела угроза Ольстера передать его с рук на руки королю Эдуарду.

В самом начале заключения граф несколько раз навещал Роберта, предлагая свободу в

обмен на рассказ о том, куда его братья собирались отвезти посох, и страшая последствиями отказа. Но, по мере того как лето набирало силу, посещения эти становились все более редкими. Вскоре стало очевидно, что у Ольстера появились куда более неотложные дела. Роберт выяснил это, проводя долгие часы у окна и наблюдая за передвижениями людей графа, отмечая увеличение количества вооруженных отрядов и их частые отъезды из замка. Иногда эти отряды возвращались обратно в меньшем составе, привозя с собой раненых.

Стремясь оставаться в курсе происходящего, Роберт свел нечто вроде дружбы с одним из слуг, которые приносили им еду, словоохотливым толстяком по имени Стивен. Именно благодаря длинному языку Стивена до него дошли слухи о том, что на границах Коннахта неспокойно. Ирландские вожди кланов решили покончить со старой враждой и объединились в борьбе с английскими поселенцами. Вслед за слухами пришли известия о захвате одного из пограничных замков Ольстера и гибели его гарнизона. В Баллимоте была объявлена тревога, и все его обитатели жили в страхе перед внезапным нападением.

Как-то Стивен проболтался, что, несмотря на беспокойные времена, в замке намечается большой праздник в честь предстоящей свадьбы младшей дочери графа Ричарда и могущественного местного лорда. Вскоре после этого в Баллимоте начались спешные приготовления к торжествам, и домочадцы графа явно обрадовались возможности заняться чем-то приятным и веселым. Пока Роберт слушал болтовню Стивена о том, какие изысканные угощения готовятся и какие почтенные гости должны прибыть на празднество, в голове у него забрезжил кое-какой план.

— Вот еще один. — Кормак отвернулся от окна, из которого наблюдал за гостями, прибывающими во двор замка.

Свет факелов дробился в стеклах и свинцовых переплетах, отчего его рыжие волосы выглядели охваченными пламенем. Чуть раньше они слышали скрежет поднимаемой крепостной решетки и стук копыт конного отряда, первого из многих — в составе некоторых попадались и крытые повозки — прибывших на праздник.

— Я насчитал уже двадцать кортежей. Похоже, сегодня ночью замок графа будет набит битком.

Роберт молча кивнул в ответ. Сам он стоял подле двери, прислушиваясь к разговору стражников, точнее, тем обрывкам, что долетали до него сквозь толстые доски. За последний час голоса их стали чуть громче, а смех — чуть менее сдержанным. Пиршество давало возможность людям графа хоть немного сбросить напряжение, нараставшее все последние месяцы, да и эль, похоже, лился рекой. Откуда-то из глубин замка по многочисленным переходам и винтовым лестницам до Роберта долетали звуки музыки.

— Он опаздывает, — заметил Кормак, нахмурившись и глядя в перламутрово-голубое небо. Он оглянулся на Роберта, и на его совсем еще мальчишеском лице отразилось беспокойство. — Может, о нас просто забыли посреди всей этой суеты?

— Придет, никуда не денется, — заверил его Роберт, хотя у него самого на душе кошки скребли.

Из-за двери донесся приглушенный взрыв смеха.

Медленно тянулись минуты, и музыку то и дело заглушали крики грумов, когда прибывали новые гости.

Наконец Роберт услышал то, чего так долго ждал: звук шагов на лестнице. Подав знак Кормаку, он пересек комнату, неслышно ступая по мягким коврам. Оба уселись за стол,

прислушиваясь к скрежету засовов. Дверь открылась, и на пороге появились двое мужчин. Один, постарше и тучнее второго, держал в руках большой поднос с едой, а другой, юноша с прыщавым лицом, нес оловянный кувшин и два кубка. Едва они перешагнули порог, как стражники с грохотом захлопнули за ними дверь.

— Добрый вечер, сэр Роберт, — поздоровался мужчина постарше, покрасневший и оживленный. — Прощу извинить за опоздание. На кухне творится настоящий бедлам.

— Я все понимаю, Стивен.

— Но вы будете вознаграждены за свое долготерпение, сэр, — продолжал Стивен, опуская поднос на стол. — Мы принесли лосося и мясо дикого кабана. А Нед прихватил для вас кувшинчик гасконского вина, которого не погнушался бы сам король.

Стивен склонился над столом, и Роберт уловил исходящий от него запах эля.

— Прибыли уже все гости сэра Ричарда? — поинтересовался он и взял в руки один из серебряных ножей, оставленных подле тарелки с мясом дикого кабана. Рядом с ножами лежали льняные салфетки, чтобы можно было вытереть руки от жира.

Нед обошел стол кругом и остановился возле Кормака, наливая ему вино.

— О да, веселье в главной зале в самом разгаре, — захихикал Стивен. — Думаю, оно продолжится до утра. — Он склонил голову. — Приятного аппетита, сэр Роберт.

— Пока вы не ушли, подбросьте-ка дров в камин, Стивен, — попросил Роберт, подцепляя ножом кусок мяса и перенося его себе на тарелку.

— Разумеется.

Когда Стивен подошел к камину и склонился над корзиной с поленьями, Роберт поймал взгляд Кормака.

Его сводный брат двигался столь стремительно, что Нед ничего не успел предпринять и так и застыл с кувшином, наклоненным над кубком. Обхватив прыщавого юнца одной рукой за горло, Кормака другой поднес к его лицу нож, взятый им со стола.

— Только крикни, и я воткну его тебе в глаз, — прошипел он на ухо слуге.

Роберт в два шага пересек комнату, держа в одной руке нож, а в другой — льняную салфетку. А Стивен, подкладываящий поленья на янтарные уголья, продолжал громогласно разглагольствовать и ничего не замечал до тех пор, пока Роберт не присел рядом и не упер кончик ножа ему в жирный бок.

— Делай, как я говорю.

Стивен так и застыл с поленом в руке. Взгляд его судорожно метнулся с лица Роберта на нож, который тот приставил ему к боку.

— Завяжи себе рот, — приказал Роберт, протягивая ему салфетку. — Потуже.

Выронив полено, Стивен дрожащими руками взял сложенную салфетку. Закрыв ею себе рот, он завязал кончики узлом на затылке. Кормака за столом приказал Неду последовать примеру товарища.

— Пойдем. — Роберт, не отрывая ножа от бока Стивена, рывком поднял слугу с кляпом во рту на ноги. — Садитесь. Оба.

Они повиновались. Роберт подал знак Кормаку, и тот поспешил к кровати и сбросил покрывало, под которым оказалась разорванная на полосы простыня. Роберт присел перед слугами на корточки. Он держал нож у них на виду, но они и не помышляли о сопротивлении. Оба были в ужасе. У Неда из носа тонкой струйкой потекли сопли.

Кормака обмотал импровизированной веревкой запястья обоих мужчин и сначала связал их друг с другом, а потом привязал к ножке стола. Это не могло задержать их надолго, но

пленники и не рассчитывали на это. Роберт просто хотел, чтобы на них не напали со спины, когда он со сводным братом будет выходить из комнаты. Подхватив полено из корзины, он направился к двери. Кормак последовал за ним, сжимая в руке нож.

Роберт трижды постучал в дверь — так всегда делал Стивен. Дверь отворилась, и на пороге появился один из стражников, смеясь над тем, что сказал ему второй. Но улыбка мгновенно увяла, когда он увидел их. Роберт, впрочем, не дал ему возможности среагировать на происходящее, с размаху ударив стражника торцом полена в лицо. Тот зашатался и попятился. Кормак поднырнул под рукой Роберта и выскочил в коридор, атаковав второго стражника. Обеденный нож едва ли годился в качестве оружия, но он все-таки сбил противника с толку, когда юноша полоснул его лезвием по лицу, и тот машинально вскинул руки, защищаясь. Кормак же, воспользовавшись моментом, выхватил меч из ножен на поясе стражника. Воин, которого Роберт ударил поленом в лицо, отлетел к стене и врезался в нее головой. Из рта и носа у него потекла кровь, но он все-таки попытался остановить Роберта. Впрочем, безуспешно. Роберт быстро разоружил его, отшвырнув полено и завладев мечом стражника.

— Внутрь, — прорычал он, схватив раненого стражника за грудки и вталкивая его в комнату.

— Сэр Ричард отрежет вам за это яйца, — выплюнул второй.

В ответ Кормак заревел и ударил разговорчивого стража рукоятью меча в лицо, сломав ему нос. Тот согнулся пополам, закрывая лицо руками, и Кормак пинком отправил его в комнату и с грохотом захлопнул дверь. Быстро заперев ее на засовы, он последовал за Робертом. Они пробежали по коридору и выскочили наружу, в тусклые сгущающиеся сумерки.

— Пожалуйста, миледи, стойте спокойно, иначе я и до утра не управлюсь, а ваш отец уже наверняка недоумевает, куда это вы подевались. Как и ваш жених, кстати.

— Мне нечем дышать, — пролепетала Элизабет де Бург, оглядываясь через плечо на служанку, которая зашнуровывала завязки изумрудно-зеленого платья у нее на спине.

С каждым рывком жесткий атласный корсет все туже сдавливал девушке ребра и грудь, угрожая задушить ее. Вечер был теплым, и тяжелая материя неприятно царапала вспотевшую кожу. Элизабет хотела только одного — сбросить с себя эту тяжесть и укрыться в прохладном сумраке замковой часовни, где она могла остаться наедине со своими мыслями и молитвами. Но застегнутые на пуговицы тесные рукава платья подобно кандалам сковывали ее руки от кисти до локтя.

— Почти готово, — пробормотала горничная, завязывая последний шнурок. — Все!

Элизабет посмотрела на себя в зеркало, пока Лора снимала с вешалки атласную накидку и вуаль. Оторочка платья сверкала золотом в пламени свечи, наполняя зеркальную поверхность теплым светом. Ее черные волосы, обычно спрятанные под жесткой шапочкой, блестели, умащенные ароматическими маслами, и были уложены в высокую прическу, которую закрепили булавками, украшенными драгоценными камешками. Она не узнавала себя. Девушка подумала о многочисленных гостях, сидящих в главной зале, о лицах, которые повернутся к ней, когда она войдет, и среди них — ее отец и будущий супруг. Внезапно платье стало еще теснее, и у нее перехватило дыхание.

— Поднимите руки, — приказала Лора, держа приталенную, отделанную золотой нитью накидку в тон платью. На груди был вышит черный лев герба де Бургов.

— Я не могу, Лора, — повернулась к ней Элизабет. — Не могу.

Горничная озадаченно наморщила лобик, окинув взглядом наряд.

— Сэр Ричард заказал его специально для вас, миледи. — Она говорила негромким обеспокоенным голосом. — Он ожидает, что вы наденете его.

— Да не платье! Праздник. — Элизабет прижала ладошку ко рту, и голос ее дрогнул и сорвался. — И это замужество.

На лице Лоры отразилось сочувствие. Заметив, что глаза Элизабет наполнились слезами, горничная положила накидку на кровать и сжала руки своей госпожи.

— Миледи, я знаю, вам страшно, но вы должны быть храброй. Мужайтесь. Вы знаете, какое значение придаст этому браку ваш отец, как он нуждается в поддержке лорда Генри, учитывая, что на границе неспокойно.

— Я умоляла его позволить мне удалиться в монастырь. Я хочу обручиться с Христом, а не с мужчиной, который втрое меня старше.

— Лорд Генри не настолько стар, — укорила госпожу горничная.

Элизабет отняла руку от губ, и лицо ее посуровело.

— Он старше моего отца, Лора. Его первая жена родила ему двенадцать детей и умерла, когда рожала последнего.

Девушка отвернулась к зеркалу, вновь окидывая себя критическим взором. Ее охватило жгучее желание сбросить это ненавистное платье, вырвать заколки из волос, а потом расцарапать лицо, чтобы превратиться в уродину. Она заметила, какими глазами смотрел на нее лорд Генри во время их первой встречи два месяца назад, когда решался вопрос о браке. Тогда он показался ей похожим на лису, что кружит в сумерках вокруг курятника, не сводя черных глаз с лакомой добычи. Она вспомнила старческие пятна на его руках, толстые, как колбаски, пальцы, вспомнила его веснушчатую лысину и желтые лошадиные зубы.

Лора осторожно вздохнула.

— Вы должны исполнить свой долг, как исполнили его ваши сестры до вас. Кроме того, вы поедете к лорду Генри не одна. Я буду с вами рядом. Пойдемте, миледи, — строго сказала она, поднимая с кровати накидку. — Ваш отец и его гости ждут.

Элизабет покорно подняла руки, позволяя горничной надеть ей через голову накидку и расправить ее. Она вспомнила своих сестер и то, как они обожали празднества. Толкаясь у окна их спальни в Лохри, чтобы понаблюдать за гостями, прибывающими в сопровождении многочисленных оруженосцев и слуг, они едко подшучивали над напыщенными лордами, краснели и кокетничали с рослыми и здоровыми молодыми рыцарями. Элизабет никогда не могла понять, что привлекает их в этой пестрой толкотне и суматохе, шуме и гаме и что хорошего они находят в масленных взглядах пьяных мужчин. Она всегда пыталась найти предлог и уклониться от участия в подобных вечерах, ссылаясь на головную боль или иные недомогания. Иногда отец позволял ей отсутствовать. Но сегодня вечером спасения не было.

Лора прикрепила вуаль к волосам девушки и прижала ее золотым обручем.

— Вы похожи на королеву, — пробормотала она.

Элизабет не ответила. Направляясь к двери, она прошла мимо сундука, на котором лежал маленький крестик слоновой кости на серебряной цепочке. Отец подарил ей крестик на десятый день рождения, всего через несколько недель после того, как она едва не утонула.

«Да пребудет Господь с тобой всегда, девочка моя», — сказал он, надевая его на шею Элизабет.

С тех пор она носила его не снимая, и нижняя часть креста стала гладкой оттого, что она долгие годы тербила его. Девушка приостановилась, застегивая цепочку на шее, а потом прошла по коридору и ступила в окутанный сумерками двор. Он был заставлен повозками и лошадьми, и в воздухе висел резкий запах конского навоза. Чувствуя себя в тяжелом платье словно закованной в доспехи, Элизабет медленно направилась к главной зале. Сжимая в ладони крестик, она молила Господа вмешаться и спасти ее.

Роберт и Кормак дошли уже до середины внутреннего дворика, когда заметили молодую женщину. Она направлялась к главной зале, шагая между рядами лошадей и повозок. А позади нее туннель выходил во внешний мир мимо надвратных башен-близнецов. Решетка была еще поднята в ожидании припозднившихся гостей. Двое стражников у ворот стояли спиной ко двору, прислонившись к стене и болтая о чем-то. Ускорив шаг и задыхаясь после многих недель вынужденного безделья, Роберт поднял руку, когда женщина обернулась; то был отчаянный жест, призывающий к молчанию. Он еще успел сообразить, что со стороны это выглядит так, словно он собирается напасть на нее, замахиваясь мечом, который по-прежнему сжимал в руке.

Ее пронзительный крик разорвал вечернюю тишину. Грумы у конюшен резко вскинули головы, прервав свои занятия, и обернулись. Роберт рванулся вперед, чтобы не дать им времени прийти в себя, но тут из сторожевой башни вышли еще трое мужчин, привлеченных криком. Роберт остановился, оценивающе глядя на выстроившихся перед ним противников. Когда стража вытащила мечи, встав на пути между ним и свободой, он устремился к молодой женщине, которая застыла на месте как вкопанная.

Она вдруг пришла в себя и кинулась бежать, почуяв грозящую ей опасность, но платье было длинным и тяжелым, и она сумела сделать лишь несколько неуверенных шагов, прежде чем Роберт настиг ее и прижал к себе, обхватив одной рукой поперек груди. Она вскинула руки и в страхе схватила его за локоть.

— Назад! — заревел Роберт на стражников, выставя перед собой отнятый у врага меч.

Пятеро мужчин остановились в нерешительности, переводя взгляды с Роберта на Кормака, который прикрывал сводному брату спину, готовый защищать его. Один все-таки шагнул вперед, словно для того, чтобы проверить твердость намерений Роберта, но воин постарше с коротко стриженными седыми волосами и испещренным морщинами лицом остановил его, рявкнув что-то повелительно-властное.

Когда его товарищ попятился назад, седовласый стражник в упор взглянул на Роберта.

— Вы должны понимать, что убежать вам не удастся, сэр Роберт. — Голос его звучал уверенно и твердо. — Отпустите леди Элизабет, и вам не причинят вреда.

Услышав прозвучавшее имя, Роберт сообразил, что девушка, отчаянно старающаяся вырваться из его объятий, — младшая дочь Ричарда де Бурга. Стивен часто говорил о ней; сегодняшнее празднество было устроено в честь ее помолвки. Осознав, какую важную заложницу он захватил, Роберт на миг возликовал, но это чувство быстро улетучилось, когда он трезво оценил сложившееся положение. Он схватил леди, грубо и против ее воли. Он вел себя не лучше последнего разбойника и грабителя. Однако и отпустить ее он не мог, если только хочет вновь увидеть свое королевство.

— Вы не посмеете причинить мне вред.

— Я не стану и пытаться, сэр, — согласился стражник. — Но если с головы миледи упадет хоть волосок, граф Ричард разорвет вас на куски голыми руками.

Роберт обернулся к Кормаку:

— Приведи двух лошадей.

Кормак попятился к стойлам, не сводя глаз со стражников.

Роберт остался на месте. Остренькие лопатки девушки впились ему в грудь, и они

вдвоем застыли в круге трепещущего света факелов, горевших на стенах. Из главной залы долетали смех и музыка, и звуки веселья служили резким контрастом разыгрывавшейся во дворе напряженной сцене. Роберт решил, что шум заглушил крик девушки и гуляки не расслышали его, но долго так продолжаться не могло, рано или поздно кто-нибудь непременно заметит, что дело нечисто.

Он оглянулся на Кормака, который резкими жестами подгонял грумов в конюшне. Это были молодые парни, и вид взбудораженного вооруженного ирландца явно поверг их в ступор. Уголкем глаза уловив какое-то движение, Роберт повернул голову и увидел, как седовласый страж медленными шажками движется вперед.

— Стой, где стоишь, — прорычал он, прижимая лезвие меча к шее Элизабет.

— Пожалуйста, не надо.

Этот едва слышный шепот исходил от нее.

В голове у Роберта зазвучал чей-то гневный голос, упрекавший его, — кажется, это был голос матери, — но Роберт постарался отогнать его и не обращать внимания на страх девушки, чтобы не позволить осознанию недопустимости своих действий ослабить его решимость. Эти люди встали у него на пути, и жизнь этой напуганной девочки ничего не значила по сравнению с тронem Шотландии.

Седовласый стражник остановился в двадцати ярдах от них, а четверо его товарищей растянулись полукругом, перекрывая проход в крепостной стене. Роберт заметил, как взгляд стражника метнулся ему за спину. Выражение его лица изменилось, теперь на нем было написано яростное, нетерпеливое ожидание. Роберт резко обернулся — к его сводному брату со спины подкрадывался дюжий молодец в запыленной тунике.

А Кормак не сводил глаз с малого, ведущего под уздцы лошадей. Роберт заорал, предупреждая его, но, прежде чем его сводный брат успел обернуться, дюжий здоровяк оказался рядом с ним и саданул его кулаком под ребра. От удара Кормак согнулся пополам. Он не выпустил меч из рук, но его противник не дал ему возможности воспользоваться им, ударив его коленом снизу в опущенное лицо. Роберт яростно закричал, когда его сводный брат опрокинулся на спину, а здоровяк оседлал его сверху, вырывая меч из рук.

Заметив, что седой стражник сделал к нему еще один шаг, Роберт увлек Элизабет к повозке, одной из многих, запрудивших внутренний двор замка. В нее были запряжены две мускулистые лошадки. Забравшись на задок, он грубо втащил ее за собой. Она весила не больше пушинки. Лошади зафыркали и медленно тронулись с места. На повозке были свалены подушки и одеяла, а вдоль борта лежал длинный хлыст. Стражники придвинулись ближе, взяв повозку в полукольцо.

— Моего брата за леди! — крикнул Роберт седому стражнику, отпуская Элизабет и хватая хлыст, но по-прежнему упирая ей в бок острие меча, когда она испуганно съехала рядом с ним.

Кормак извивался на земле, придавленный весом здоровяка, пытаясь сбросить его с себя. Прежде чем стражник успел ответить, из дверей главной залы выбежали еще шесть человек. За ними шел Ричард де Бург, лицо которого исказила гримаса ярости. Позади него вышагивал лысеющий мужчина лет шестидесяти, и на лице его отразились невероятное удивление и растерянность, когда он увидел Элизабет, скорчившуюся на повозке.

— Беги, брат! — закричал Кормак.

Выругавшись, Роберт щелкнул хлыстом над спинами лошадей, а граф и его люди бросились к нему. Животные, подстегнутые укусом хлыста, дружно рванули с места.

Седовласый страж прыгнул к повозке, когда та пролетала мимо. Ему удалось схватиться за борт, и его поволокло к туннелю, мрачный и черный зев которого приближался с каждой секундой. Роберт, упавший от толчка на колени, ударил его хлыстом и попал по лицу. Стражник с криком разжал руки и покатился по земле куда-то в темноту двора.

— Опустить решетку! — взревел Ольстер.

Не обращая внимания на Элизабет, которая барахталась в гряде подушек, Роберт сумел добраться до передка. Усевшись на облучок, он схватил вожжи и принялся нахлестывать лошадей, в то время как стражники на воротах слышали крик графа и острые зубья решетки пошли вниз. Железные острия вонзились в землю в какой-нибудь паре дюймов от задка повозки, перегородив дорогу, а горячие кони тем временем вынесли повозку из туннеля, и она, покачнувшись на повороте, вылетела на дорогу. Роберт слышал крики Ольстера, заглушаемые стуком копыт, но тут повозка свернула в лес.

Несмотря на опасность, Роберт не снижал скорости, и повозка, подпрыгивая на камнях и ухабах, летела в ночь. Под деревьями, между которыми рос густой подлесок, было уже совсем темно. Где-то вдалеке зазвонил колокол. Рассудив, что пройдет совсем немного времени и люди графа нагонят его на быстрых жеребцах, он придержал своих лошадей. Завидев прогалину меж деревьев, он направил лошадей туда, и под колесами телеги захрустели сучья и листья папоротника. Когда ехать дальше стало невозможно, он натянул поводья, останавливая лошадей, и спрыгнул с облучка. Сзади сквозь переплетение ветвей еще виднелась дорога. Он надеялся только на то, что под деревьями залегли уже достаточно глубокие тени, чтобы укрыть их от преследователей по крайней мере на время.

Дрожащими от нетерпения пальцами Роберт принялся отстегивать упряжь. Лошади заволновались, фыркая и прядая ушами. Обе были без седел, но он мог скакать на них и так. Отвязывая последнюю постромку, он метнул быстрый взгляд на дочь графа. Она по-прежнему сидела в повозке, вцепившись обеими руками в борта и судорожно хватая воздух широко открытым ртом. Золотой обруч соскользнул у нее с головы, вуаль сбилась, а волосы растрепались.

— Мне очень жаль, миледи, — сказал он ей. — У меня не было другого выхода. — Подпоясавшись подпругой, он сунул меч за импровизированный ремень. — Идите к дороге и ждите. Ваш отец скоро прискачет за вами.

Когда он повернулся, чтобы сесть на лошадь, Элизабет выпрямилась и спрыгнула с повозки.

— Подождите!

Роберт оглянулся. На лице девушки отражался уже не страх, а отчаяние.

— Возьмите меня с собой!

Роберт уставился на девушку, ошеломленный подобной просьбой, но потом ухватился за гриву лошади и одним прыжком взлетел ей на спину. С дороги долетел топот копыт.

Лицо Элизабет исказила гримаса душевной боли.

— Иначе я скажу им, в какую сторону вы поскакали. — В голосе ее прозвенела угроза, она повернулась и двинулась сквозь подлесок к дороге, одной рукой придерживая юбки, а другой отводя в сторону низко нависающие ветки.

Выругавшись, Роберт соскользнул с лошади и бросился за ней, перепрыгивая через торчащие корни. Сорочка его затрещала, зацепившись за колючие ветки шиповника. Грохот копыт стал громче, и земля под ногами задрожала от слитного топота множества коней. Обхватив Элизабет за талию, Роберт повалил ее на землю как раз в тот самый миг, когда

люди графа проносились мимо, озаренные трепещущим пламенем факелов, которые держали в руках. Он зажал ей рот ладонью, но беспокойство его оказалось напрасным. Она даже не пыталась сопротивляться. Вздывая клубы пыли, всадники промчались мимо.

Роберт выждал несколько мгновений, чувствуя, как в темноте комары облепили его лицо. Элизабет часто и жарко дышала ему в ладонь. Он сначала выпрямился сам, а потом грубо, рывком поднял на ноги и ее.

Вуаль свалилась у нее с головы, а волосы окончательно растрепались, выбившись из-под заколок.

— Вы ведь поедете в Шотландию, верно?

— Отсюда до замка вы дойдете пешком, — сказал он ей, возвращаясь к повозке.

Люди Ольстера наверняка рассчитывают, что быстро догонят его. Когда же этого не случится, они, вне всякого сомнения, вернуться по своим следам и начнут прочесывать лес. Роберт замер как вкопанный. Повозка оставалась на месте, а вот лошади убежали. Его охватила ярость.

— Будь оно все проклято! — прошипел он, резко оборачиваясь к Элизабет, которая шла за ним.

Девушка испуганно отпрянула, но решимость не покинула ее.

— Возьмите меня с собой, и я напишу письмо отцу с просьбой отпустить вашего спутника целым и невредимым. Он приходится вам братом, не так ли?

Роберт же смотрел на дорогу, по которой сейчас мчался еще один отряд. Переведя взгляд на Элизабет, он отметил про себя отчаянную решимость, написанную у нее на лице. Она сжимала маленький крестик из слоновой кости, висевший у нее на шее, крутя его в пальцах. Если он бросит ее здесь, ничто не помешает ей криком позвать на помощь, и преследователи наверняка услышат ее. Выругавшись сквозь зубы, он схватил ее за запястье и скользнул в тень под деревьями. У них за спиной лес наполнился топотом копыт.

Пикардия, Франция

1301 год

Небо затянули тяжелые грозовые тучи, и золото заката сменилось сине-багровыми оттенками меди. По долине Соммы пролегли огромные тени. Со своего места на вершине замка Байоль, вздымающегося на земляной насыпи среди окружающих его пастбищ и деревень, Джон Баллиол наблюдал за первыми зарницами молний, зловещими росчерками озаряющими пейзаж его родины. За его спиной в полутемной комнате сустились слуги, застилая постель свежим бельем, разводя огонь в очаге и наливая воду в таз и кувшин, дабы он мог смыть с себя дорожную пыль. Остальную часть замка занимала семья и гарнизон его вассала, но эта комната неизменно оставалась свободной и ждала своего хозяина, который не бывал здесь уже давно, очень давно. Даже воздух в спальне застоялся и пах пылью.

Вечер выдался жарким и душным, и Баллиол уже решил было сказать слугам, чтобы не возились с камином, но веселый огонек, замерцавший в полумраке комнаты, вдруг породил в нем ощущение того, что он вернулся домой, и ему не захотелось расставаться с ним.

Дом.

Какое непривычное и чужое слово. Оно не имело для него смысла с тех пор, как он стал лордом Галлоуэя после смерти матери; он принимал его как нечто само собой разумеющееся и относился к нему соответственно. И только проведя три года в лондонском Тауэре и два года под домашним арестом у Папы в замке Мальмезон, он сполна осознал, что это такое. Дом означал свободу. Свободу приходить и уходить, когда ему вздумается, свободу призывать вассалов по первому требованию. Свободу есть, и спать, и ездить на охоту с сыном, если ему придет такая блажь. Баллиол вдруг понял, что это слово вызывает в нем дрожь, вот только восторга или страха — он пока не понимал.

В дверь постучали. В комнату вошел управляющий, и Баллиол отвернулся от окна.

— Сир, прибыли те, кого вы ждали. Быть может, вы хотите сначала отужинать?

— Нет, Пьер, приведите их. Я приму их немедленно.

Когда управляющий ушел, Баллиол вновь выглянул в окно.

В нем нарастало предчувствие грядущих перемен, и оно потрескивало от напряжения, подобно приближающейся грозе. Он все еще не знал, почему три дня назад его выпустили из комнаты в Мальмезоне, впервые за долгие годы — без охраны, и провели к папским чиновникам, которые и препроводили его сюда, в его замок в Пикардии. Ему сказали лишь, что здесь его встретят посланцы из Парижа. Быть может, сейчас он наконец получит ответы на свои вопросы. Ему вернули свободу. Но он хотел знать, какой ценой.

Вскоре дверь отворилась, и на пороге вновь появился Пьер. За ним вошли двое мужчин в голубых накидках, украшенных золотыми лилиями королевского герба Франции. Не обращая внимания на слуг, все еще суетившихся в комнате, Баллиол ждал, чтобы гости поприветствовали его, испытывая непонятное и растущее подозрение.

— Сэр Джон, — начал один, склонив голову. У него были острые черты лица и аккуратно подстриженная раздвоенная борода. — Я — сэр Жан де Реймс, рыцарь короля. Я привез вам наилучшие пожелания от короля Филиппа из Парижа. Он надеется, что новая обстановка пришлась вам более по вкусу.

Первый же ответ на его многочисленные вопросы изрядно удивил Баллиола. Значит, своей свободой он обязан королю Франции? Это открытие повлекло за собой череду новых вопросов. Он знал, что его освободили из Тауэра и перевели в Мальмезон по просьбе Папы и что этот вопрос обсуждался на переговорах между Англией и Францией, но никак не мог взять в толк, отчего его судьба оказалась вдруг неразрывно связана с перемирием, заключенным между двумя странами. И вмешательство французского короля казалось ему еще более непонятным.

— Я полагал, что приказ о моем освобождении исходил из папской курии.

— Лишь отчасти. Ваш сторонник сэр Уильям Уоллес прибыл в Париж еще два года назад, чтобы ходатайствовать о вашем освобождении. Филипп, ваш друг и союзник, почел себя обязанным вмешаться. Он рекомендовал сэра Уильяма и его дело Папе. Его святейшество принял окончательное решение, но своей свободой вы обязаны моему королю.

Баллиол отошел к окну, за которым заходящее солнце уже полностью скрылось за тучами. Молнии разрывали небо. Шесть лет назад он обратился к королю Франции за помощью в борьбе против Эдуарда; их союз и стал причиной того, что король Англии вторгся в Шотландию. Но где был Филипп, когда началась война? Где были солдаты, прислать которых обещал король, когда Эдуард переправил свою армию через Твид и принялся безжалостно убивать подданных Баллиола, захватывать его города и замки? Где были французы, когда Эдуард заточил его в Тауэре?

— Я удивлен, что король Филипп проявляет такой интерес к моим делам спустя столько времени. Я полагал, что отныне они с Эдуардом друзья. — Баллиол повернулся спиной к королевскому рыцарю. — В папском договоре, как мне говорили, Шотландия не упоминается никоим образом.

— Я понимаю ваше разочарование, — ответил Жан увещающим тоном. — Король Филипп жалеет о том, что ваше освобождение не состоялось много раньше, но война с Англией вынудила его сосредоточить все внимание на безопасности собственных границ. Теперь, когда перемирие заключено, он вновь протягивает вам руку. Он намерен вернуть вас на ваше законное место. На трон Шотландии.

При этих словах Баллиол ощутил стеснение в груди, но быстро выдохнул эту невероятную надежду, отказываясь принять разумом столь смелое заявление. Оно звучало нелепо и смехотворно.

— Как он намерен этого добиться? — Сейчас в его негромком голосе звучала безмерная усталость, выдающая то, что за непроницаемым и невозмутимым фасадом скрывался сломленный человек.

— Устойчивый и долгий мир между Англией и Францией все еще остается предметом переговоров. Гасконь по-прежнему пребывает под властью моего господина. Он и далее может откладывать возвращение герцогства, пока Эдуард не согласится прекратить войну против вашего королевства и вернуть вам трон.

— Не понимаю, зачем это нужно Филиппу.

— В честь вашего прежнего альянса и чтобы вновь иметь союзника на троне Шотландии. Союзника, который поможет ему обуздать амбиции его английского кузена.

Доверие давалось Баллиолу нелегко: оно походило на драгоценный жемчуг, созданный временем и настойчивостью. Он уже однажды доверился Филиппу. Как верил и королю Эдуарду, крестному отцу своего девятнадцатилетнего сына, которого назвал в его честь. Эдуард отдал ему предпочтение перед Брюсом и другими претендентами, сделав королем; смотрел, как он сидит на Камне Судьбы с короной на голове. Четырьмя годами позже Эдуард заставил его встать на платформе в Монтрозе, возведенной исключительно для того, чтобы унижить его. У Баллиола до сих пор звучал в ушах треск разрываемой материи, когда два рыцаря Эдуарда сорвали с него королевский герб Шотландии под издевательское улюлюканье толпы. «Драная мантия», — называли они его. Король Никто.

Он выглянул в окно, за которым очередной зигзаг молнии залил ландшафт жутковатым сиянием. Задолго до того, как клан Баллиолов обзавелся богатыми поместьями в Англии и Шотландии, они жили здесь, посреди мягкой и ласковой зелени лугов и виноградников. Именно с этого, самого северного клочка земли, глядящего на берега Англии, когда-то первым отплыл Вильгельм Завоеватель, и с ним — предки Баллиола. Это место стало колыбелью победы. Быть может, оно станет ею вновь.

Джон Баллиол позволил лучу надежды затеплиться в своем сердце.

В тесной, освещаемой лишь пламенем очага комнатке хрипло звучали слова, заглушаемые скрежетом камня о камень.

— Именем повелительницы Луны и огненной Бригитты заклинаю тебя — исполни мою волю.

В спертом воздухе было нечем дышать от дыма, и его горький привкус ложился на язык резким контрастом сладковатому запаху плесени, исходившему от соломы на полу. Со стропил крыши свисали почерневшие от времени горшки и сковородки, связки печеночного мха, морошки, корня мандрагоры и вереска. Над соломенным тюфяком в углу, заваленным мехами, метались зловещие тени. Рядом высилась покосившаяся стопка книг с растрепанными обложками и рваными переплетами. Названия выцвели, края страниц были изгрызены мышами и позеленели от сырости, имена авторов почти не читались. Плиний. Аристотель. Птолемей. Гален.

— Силой священного рога и летнего солнцестояния заклинаю тебя — исполни мою волю.

Орудую пестиком в каменной ступке, Эффрейг ощущала резкую боль в запястье и руке, которая часто навещала ее в последнее время. Суставы и хрящи со скрежетом терлись друг о друга под тонкой, как бумага, кожей, пока ей не начинало казаться, что по рукам и ногам у нее растекается жидкий огонь. Но при каждом болезненном движении сушеная печень, сердце и гениталии кролика, которого она поймала в силки месяцем ранее, медленно превращались в ступке в розоватую серую пыль.

— У тебя есть вино?

— Да, — пролепетал женский голос у нее за спиной.

Эффрейг повернулась, и Беток, молодая жена рыбака из Тернберри, робко шагнула к ней, протягивая кувшин из обожженной глины, заткнутый пробкой из желтого воска. Старуха нетерпеливо схватила его, намереваясь как можно скорее покончить с приготовлением зелья. Она была рада тому, что не сидит без дела, но частые появления Беток уже начали действовать ей на нервы. В прошлом месяце женщине потребовалось снадобье от зубной боли у сына, в позапрошлом — заговор от сыпи у новорожденной дочери, которую, по ее словам, напустила на девочку завистливая соседка-ведьма, потому что у нее самой детей не было. Поставив кувшин на источенный червями стол рядом со ступкой, Эффрейг высыпала истолченные органы в вино, хмуро глядя на свои дрожащие руки.

— Пусть твой муж выпьет это за два дня до того, как взойдет полная луна. Не позже. И тогда к нему скоро вернется мужская сила. Но смотри, он должен выпить все.

Беток, обычно с открытым ртом внимавшая ей, ничего не ответила.

Эффрейг с раздражением взглянула на женщину:

— Ты слышишь меня, Беток?

Та уже стояла у двери, распахнувшейся от порыва свежего ветра. Она смотрела куда-то вдаль, безвольно опустив руки по бокам, и тело ее напряглось и замерло в ожидании.

— Что там такое?

Отложив в сторону ступку, Эффрейг, шаркая, подошла к ней, собирая подолом своего поношенного коричневого платья соломинки на полу. Встав рядом с Беток и подставив лицо теплему летнему ветерку, она увидела вдали клубы дыма. Дым поднимался над деревьями, окружавшими ее хижину, марая черными кляксами голубое небо. В той стороне остался Тернберри.

— Это горит дом? — спросила Беток и посмотрела на нее, ожидая ответа.

— Нет, — пробормотала Эффрейг, чувствуя, как похолодело у нее внутри, а по коже пробежали мурашки.

Пожар был слишком велик для этого, горело во многих местах сразу, и небо уже затянуло плотным облаком дыма. Пожар охватил не один дом, а сразу несколько.

— К нам пожаловали англичане. — Смысл этих слов словно молотом ударил ей в голову через несколько мгновений после того, как они слетели с ее губ.

Вот уже много месяцев ходили слухи о готовящемся вторжении, сея семена страха и паники в сердцах людей. Эффрейг пересказывали их мужчины и женщины, приходившие к ней за снадобьями и заговорами. Поначалу они по секрету сообщили ей о том, что замок Карлаверок пал. Одни говорили, что теперь англичане пойдут на север, к Глазго, другие уверяли, что они движутся на запад, к ним. Население Тернберри и других поселений вдоль побережья Каррика было поголовно охвачено страхом, но не трогалось с места, словно кролики, которых накрыла тень ястреба. Не желая бросать дома и скот или дать погибнуть урожаю на полях, они надеялись, что хранители, Джон Комин и Уильям Ламбертон, заставят англичан повернуть назад еще до того, как те заберутся слишком далеко. Теперь стало ясно, что надежды их оказались тщетными.

Беток, побледневшая после слов Эффрейг, шагнула наружу. Взгляд ее был прикован к клубам дыма.

— Я должна вернуться к детям, — сказала она, обхватив себя руками за плечи. На лбу и над верхней губой у нее выступили капли пота, но при этом она дрожала, как в ознобе. — Своим детям.

— Уже слишком поздно. Тебе лучше остаться здесь. Сомневаюсь, что солдаты полезут в такую глушь. — Эффрейг уже чувствовала запах дыма, к которому примешивалась вонь сгоревшей соломы и тростника.

Но Беток, кажется, не слышала ее. Она поспешила прочь, через лес, напрочь позабыв о кувшине с вином, в котором находилось чудодейственное снадобье, способное излечить импотенцию ее мужа.

Эффрейг смотрела ей вслед, пока женщина не исчезла за деревьями, над которыми закружили птицы, с завидной легкостью избегнувшие гибели в огне. Вернувшись в дом, старуха пожалела, что с нею нет собак. Последняя, старая и слепая, умерла две зимы назад. Она задержалась на пороге, вперив взгляд водянистых глаз в огромный дуб, возвышавшийся над ее хижинкой и украшенный плетеными клетками. Их было много, ветки дерева буквально усеивали чьи-то судьбы, надежды и мольбы. Большинство жаждали заполучить любовь, деньги или здоровье, и в каждой плетеной корзинке на ниточке висел символ чьих-то желаний: прядь волос, перехваченная красной лентой, потертый шелковый кошель или побег вербены. Эффрейг взглядом отыскивала еще одну, на самой вершине, в центре которой

медленно вращалась корона из вереска, полыни и дрока.

— Где ты, Роберт? — пробормотала она.

Тернберри, Шотландия

1301 год

Дым окутал Тернберри глухим черным покрывалом. Он клубился над домами, складами и ремесленными мастерскими, сбившимися в кучу на побережье между поросшими лесом холмами и морем. Из-под крыш домов вырывались жадные языки пламени, и обмазанные глиной стены трескались и раскалывались от жара. Вот, заглушая треск огня, с грохотом обрушилась бревенчатая крыша амбара, и из самого центра ударил в небо яркий сноп искр. Изнутри донеслось отчаянное ржание. Когда одна из дверей провалилась внутрь, из огненного ада вырвалась белая лошадь с обезумевшими глазами и горящими гривой и хвостом. Она галопом поскакала по улице, сущее чудовище в клубях дыма и пламени, промчавшись мимо пылающих домов и безжизненных тел, лежавших повсюду.

Здесь был молодой мужчина, лежащий на животе с зажатым в кулаке ножом. Голова его была отделена от тела и валялась в нескольких шагах поодаль, соединявшаяся с ним длинной полосой крови. Неподалеку, на пороге горящего дома, распростерлись две женщины, губы и ноздри которых почернели от дыма, а воздух вокруг дрожал от жара. Остальные трупы, в большинстве своем мужские, зияли ранами, оставленными рубящими или колющими ударами мечей. Кое-кто держал в руках оружие и лежал на спине, застигнутый смертью на том месте, где решил дать последний бой, но многие были безоружны, зарубленные в отчаянной попытке убежать и спастись, унося с собой жалкие пожитки, разбросанные сейчас вокруг. И повсюду на пыльной земле виднелись следы железных подков.

В поле горела пшеница. Лето выдалось засушливым, и огонь распространялся быстро, пожирая урожай. Овцы и коровы на пастбищах разбегались во все стороны. На берегу тоже свирепствовал огонь — там горели рыбацкие лодки, вытащенные на песок. А волны, увенчанные белыми шапками пены, безостановочно накатывались на берег, столь же равнодушные к разворачивающейся перед ними трагедии, как солнце в синем небе или бакланы, кружившие над скалистыми утесами Айлза Крэйг у выхода из залива. Над песчаной косой, там, где скалы переходили в лесистые холмы, из клубов дыма торчали стены замка Тернберри. Крепость возвышалась на обрывистом утесе над пенным прибоем с запертыми наглухо воротами.

На расстоянии полета стрелы от нее Хэмфри де Боэн стянул с головы огромный шлем, украшенный плюмажем из лебединых перьев. Стеганный подшлемник насквозь пропитался потом и пропах дымом и гарью. Он чувствовал на языке горечь пожарищ. Передав шлем оруженосцу, Хэмфри спрыгнул с седла наземь, принял бурдюк с вином от одного из своих пажей и передернул плечами, изнывающими под тяжестью кольчуги. Вокруг него, окружив плотным кольцом крепость, то же самое проделывали и другие рыцари и оруженосцы. После того как они на такой жаре провели весь день в седле, разграбление и уничтожение поселения оказалось нелегким делом. Факелы, которые несли с собой пехотинцы, сейчас чадили, воткнутые в песок, и ветер, перебирающий стебли сухой травы, раздувал языки

пламени.

— Сэр Хэмфри!

Он обернулся как раз вовремя. По некрутому склону к нему поднялась группа всадников. Он отправлял их поджечь урожай.

Рыцарь, ехавший во главе отряда, натянул поводья, останавливая своего жеребца.

— Дело сделано, сэр. — Он мрачно улыбнулся. — Этим летом деревенским жителям не придется надрываться на уборке.

Хэмфри кивнул и швырнул бурдюк с вином пажу.

— Отличная работа, Алейн. Пусть ваши люди напоят лошадей и разомнут ноги. Не держитесь поблизости. Сегодня у нас еще много дел.

Он оглянулся на замок, торчащий на самой вершине утеса: родовое гнездо Роберта Брюса. «Как же исхитриться и расколоть этот каменный орешек?» — спросил он себя.

Пока он обдумывал возможные варианты, внимание его привлекла высокая фигура, шагавшая к нему. Это был Томас, граф Ланкастер, племянник короля и один из самых могущественных вельмож в Англии. Он сжимал в руках меч, лезвие которого блестело от свежей крови. Страшный противник на турнирной арене, этот молодой человек, вследствие женитьбы ставший наследником больших графств Лестера и Линкольна, оказался столь же опасным и на поле брани.

Обычно добродушное лицо Томаса было искажено гримасой гнева.

— Вы разговаривали с моим кузеном?

— После того как мы вошли в Тернберри — еще нет. — Хэмфри окинул взглядом мужчин, столпившихся вокруг юного Эдварда. — А зачем?

— Сегодня днем он собирается выступить в Эйр.

Хэмфри недоуменно нахмурился.

— Но замок еще не...

— Он не намерен брать его, — перебил его Томас. — Он полагает, что Эйр являет собой более лакомую цель. — Граф вперил взор в сына короля, которого и Хэмфри наконец вычленил в толпе молодых людей.

Рядом с Эдвардом стоял Пирс Гавестон. Гасконец был настолько же смугл, насколько сын короля светловолос, и его черная туника была оторочена серебряной нитью. Оба пили вино из одного бурдюка, смеясь и громко переговариваясь, словно на каком-нибудь празднике.

— Это оправдание представляется мне жалким и неубедительным, — продолжал Томас. — У моего кузена на уме другие цели. Насколько я слышал, Гавестон убедил его устроить турнир, прежде чем мы возьмем следующий город. Он говорит, что это станет хорошей разминкой для него и его друзей. Похоже, им прискучило сжигать урожаи и грабить деревни.

— Я поговорю с ним.

Шагая по полю к Эдварду, Хэмфри гневно стиснул зубы. После падения Карлаверока король разделил свое войско и лично повел свою половину на север, к замку Босуэлл неподалеку от Глазго, тогда как его сын возглавил кампанию в Галлоуэе и Каррике. Под стягом молодого Эдварда эта вторая армия огнем и мечом прошла по юго-западу Шотландии, сжигая поселения и оставляя после себя выжженную землю. Но в последние недели сына короля, похоже, все меньше и меньше привлекало командование, пока наконец Хэмфри не пришлось лично разрабатывать стратегию и отдавать приказания. Он попытался

было вновь увлечь королевского отпрыска поставленной перед ним задачей, но тому, казалось, вскружила голову долгожданная свобода вдали от его венценосного сурового родителя. Все это, в сочетании с возросшим влиянием, которое оказывал на молодого Эдварда своенравный и упрямый Пирс, означало, что Хэмфри становилось все труднее наставлять юношу на путь истинный.

— Милорд Эдвард! — Гнев Хэмфри лишь усилился, когда он заметил презрительный взгляд, каким окинул его Пирс, когда он вошел в круг молодых людей. Среди них попадались и Рыцари Дракона, кем некогда был и сам Хэмфри, прежде чем его допустили к Круглому Столу самого короля. — Я слышал, сегодня после полудня вы намерены увести людей из-под стен Тернберри.

— Это правда, сэр Хэмфри, — ответил Эдвард, откидывая рукой в перчатке светлые волосы со лба. — У нас нет осадных машин. А замок слишком хорошо защищен, чтобы штурмовать его голыми руками.

— Взгляните вон туда, — предложил Хэмфри, кивая на лес, видимый в клубах дыма, стоящего над полями. — Что вы видите?

— Деревья, — отвечал Эдвард, пожимая плечами.

— Деревья, которые можно срубить и сделать стенобитный таран. Ворота Тернберри не выдержат длительной осады. Мы должны раз и навсегда устранить опасность того, что его гарнизон ударит нам в спину, когда мы поедем дальше на север. — Уголком глаза Хэмфри заметил, как Пирс улыбнулся тому, что негромко сказал ему один из рыцарей. Подавив желание врезать кулаком в латной перчатке по самодовольной физиономии Гавестона, он отвел Эдварда в сторонку от его приятелей. — Король подчеркнул важность сокрушительного удара, который мы должны нанести по Каррику во время этой кампании. Теперь, после уничтожения Лохмабена, Тернберри остается последней крупной цитаделью Брюса в Шотландии. Недостаточно просто разорить земли его арендаторов. Мы должны лишить его и его союзников последнего прибежища. Нельзя оставить целой и невредимой такую цитадель, куда он может вернуться. — Хэмфри вздохнул, глядя в угрюмое лицо королевича. — Кроме того, захват замка доставит удовольствие вашему отцу. Представьте себе его гордость, когда он узнает о том, что вы уничтожили родовое гнездо его злейшего врага.

В светлых глазах Эдварда вспыхнули искорки, и Хэмфри понял, что его слова наконец-то достигли цели.

— Очень хорошо, — пробормотал Эдвард. — Я прикажу людям разбить лагерь. Мы начинаем осаду замка.

— Вы приняли мудрое решение.

Эдвард собрался уже вернуться к своим товарищам, но остановился.

— Сэр Хэмфри, меня забавляет глубина вашей ненависти к человеку, которого вы некогда называли братом. — В его тоне прозвучали саркастические нотки.

Эдвард удалился, а Хэмфри посмотрел на стены и укрепления замка, но перед его внутренним взором всплыло лицо Роберта Брюса.

Задолго до того, как они достигли Смитфилда, подъезжая к нему по дороге со стороны Ньюгейта, впереди стали видны ряды палаток и павильонов, увенчанных разноцветными флагами, откуда долетали звуки музыки и запах жареного на вертелах мяса. Шел третий день августовской ярмарки, и вечернее веселье было уже в самом разгаре. Солнце, клонившееся к горизонту на огромной равнине, протянувшейся от берегов Темзы у Вестминстера до мрачных глубин Миддлсекского леса, озаряло жарким и душным сиянием ярмарку, которая занимала все пространство между рекой Флит-ривер и кладбищем Святого Бартоломея. Костры, на которых готовилось угощение, пылали в ночи целыми созвездиями.

Хэмфри охватило радостное возбуждение. Это чувство было связано с воспоминаниями о прошлом, когда он часто приезжал сюда еще мальчишкой. Он вновь ощутил себя одиннадцатилетним подростком, едущим на лошади рядом с отцом, пока люди на дороге с любопытством поглядывали на свиту графа, состоящую из рыцарей и пажей. Правда, с тех пор как они были здесь вместе в последний раз, прошло много лет. Теперь, когда отец был занят военными действиями во Франции, они не скоро побывают тут вновь.

Хэмфри оглянулся на Роберта Брюса, скакавшего рядом на сером в яблоках жеребце, который был на несколько ладоней ниже Урагана, боевого скакуна Хэмфри. Взгляд молодого графа был устремлен на заполненные народом поля, и на лице его играла широкая улыбка. Хэмфри улыбнулся; откровенное восхищение и радость товарища доставляли ему удовольствие.

— Я так и думал, что это зрелище произведет на тебя впечатление! — крикнул он, возвысив голос, чтобы заглушить нарастающий гомон толпы.

Генри Перси, возглавлявший процессию на скакуне, покрытом богатой попоной, обернулся в седле прежде, чем Роберт успел ответить.

— Разве у вас не бывает таких ярмарок в Шотландии, сэр Роберт? — Лицо лорда Алвика пошло красными пятнами от жары, а прядь светлых волос прилипла к вспотевшему лбу, но глаза его сверкали холодным блеском.

Роберт с небрежной легкостью встретил его взгляд.

— Бывают, сэр Генри. И очень похожие. Только намного, намного больше.

Хэмфри коротко рассмеялся, видя, что Генри выразительно приподнял бровь и вновь уставился на дорогу. Скакавший рядом Эймер де Валанс, наследник графства Пембрук и кузен короля, оглянулся на шотландца. В его взгляде сквозила неприкрытая враждебность, но Роберт, похоже, ничего не замечал. Его внимание привлекли три девушки, шагавшие по обочине в сторону ярмарки. Они держались за руки, весело смеялись и переговаривались.

— Не ловись на первую же попавшуюся наживку, друг мой, — с усмешкой предостерег его Хэмфри. — На этих полях можно встретить женщин, чья красота заставила бы даже монаха расстаться с рясой.

— В самом деле? — заметил Роберт, подбирая возжи. — В таком случае, можешь быть спокоен, я расскажу им о тебе. Потом.

— С дороги, красавицы! — закричал Хэмфри, когда Роберт вонзил шпоры в бока своего жеребца и пустил его легким галопом. — Дорогу графу Каррику! Мужчине из замерзших

варварских земель, принадлежащих скоттам, где женщины отращивают бороды, чтобы защититься от холода! — Роберт запротестовал, а Хэмфри, расхохотавшись в ответ, послал своего коня за другом.

Молодые люди, ехавшие вместе, растянулись цепочкой: сначала — королевские рыцари Ральф де Монтермер и Роберт Клиффорд, за ними — Генри Перси и Ги де Бошам, наследник графа Уорика. Кавалькаду замыкал Эймер де Валанс, который не утруждал себя тем, чтобы держаться поближе к обочине, чем вынуждал людей, запрудивших улицу, поспешно разбегаться в разные стороны, дабы не попасть под копыта его коня.

Оказавшись на ярмарочном поле, семеро благородных молодых людей оставили лошадей на своих оруженосцев и принялись пешиком пробираться сквозь толпу, пробуя разнообразные угощения, выставленные в павильонах и палатках. Здесь были темный ржаной хлеб и жареная свинина, малиновые вишни, горячие медовые пряники и засахаренный миндаль. Рекой лились дымчатый желтый сидр и сладкий эль.

Хэмфри заплатил за две большие кружки и вручил одну Роберту.

— Пей медленно! — прокричал он графу на ухо, поскольку они как раз проходили мимо группы мужчин, столпившихся вокруг двух петухов, которые с кукареканьем бились насмерть. — На самом деле он крепче, чем кажется.

Роберт ухмыльнулся.

— Не крепче яблочного вина моего деда. — Он поднес кружку к губам и опрокинул в глотку изрядную порцию пенной жидкости.

Выдержав паузу, Хэмфри последовал его примеру, после чего вытер рот тыльной стороной ладони.

— Ну что, тогда еще по одной?

— Теперь я угощаю, — заявил Роберт, развязывая кошель, висевший на поясе рядом с кинжалом. Кожаная петля, в которой обычно болтался в ножнах меч, была пуста.

После размолвок и стычек, закончившихся большой кровью, ношение мечей в Западном Смитфилде в дни ярмарок и турниров было запрещено. Отношения между лондонцами и их благородными соседями в Вестминстере оставались весьма натянутыми.

— Будь осторожнее и не зевай, — предостерег друга Хэмфри, кивая на кошель, когда Роберт протянул ему новую кружку. — Здесь мало джентльменов.

Потягивая эль, они зашагали вглубь ярмарки, не выпуская из виду пятерых своих товарищей. Здесь на лотках предлагали ткани всевозможных расцветок: лен из Фландрии, шерсть из Бервика, шелка из Венеции и дамаст ^[17] из Святой Земли. Местные корабейники вовсю торговались и спорили с заезжими купцами. За палатками поле было заставлено временными стойлами, в которых продавали лошадей и сбрую.

Хэмфри объяснил Роберту, что на августовскую ярмарку посетителей привлекают не только ткани.

— Именно здесь отец долгие годы покупал лучших лошадей для наших конюшен, — добавил он, одобрительным взглядом окидывая стойла с арабскими скакунами и чистокровными кастильскими кобылами, шкура которых отливала глянцевым блеском.

Кроме чистокровных лошадок, здесь можно было найти мощных тяжеловозов и крошечных пони из Эксмюра, горячих жеребят и самых обыкновенных коней, крупных и мелких. Запах конского навоза и крики торговцев оглушали, но Хэмфри, у которого от теплого эля уже слегка кружилась голова, эта атмосфера казалась дружеской и приятной, напоминая ему о детстве. Кроме того, он был рад наконец оказаться на свежем воздухе

подальше от двора с его гнетущей паутиной интриг и подспудным напряжением, которое нарастало с тех пор, как была объявлена война с Францией. Два дня назад король Эдуард отбыл в Портсмут, дабы лично наблюдать за подготовкой своего флота, который должен был через несколько недель отплыть в Гасконь с солдатами на борту, чтобы отвоевать обратно герцогство, столь предательски захваченное его кузеном королем Филиппом. Так что скоро всех их призовут на службу на континенте, и не исключено, что сейчас им представилась последняя возможность отдохнуть и повеселиться.

— Сколько ты за него хочешь? — спросил Роберт у торговца, стоявшего рядом с красивым чалым жеребцом, которого чистил мальчишка.

— Вам, сэр, отдам за восемьдесят марок.

Сумма заставила Роберта вопросительно изогнуть бровь.

— Восемьдесят?

— Это слишком много, — заявил Хэмфри, подходя и останавливаясь рядом с другом. — Пятьдесят.

Барышник рассмеялся и покачал головой.

— Его зовут Хантер, — сказал он, глядя на Роберта. — Его отец — персидский жеребец. В нем горит огонь, но он хорошо выдрессирован. Он станет вам верным товарищем как на турнирной арене, так и на поле брани.

Пока они торговались, мимо протиснулся Эймер, толкнув Роберта так сильно, что тот расплескал эль.

— Пожалуй, вот этот больше вам подойдет, Брюс, — заявил он, кивая на старика, державшего в руках веревку, к которой были привязаны два кривоногих мула.

Хэмфри схватил Роберта за руку, когда тот рванулся вслед за обидчиком.

— Оставь его.

Роберт в бешенстве потряхнул эль с рукава.

— Не понимаю, как ты можешь дружить с этим сукиным сыном.

— Он — один из нас.

— Один из вас? — Роберт пристально разглядывал его, не обращая внимания на толпу, которая шумела и бурлила вокруг. Люди криками расчищали дорогу небольшому бурому медведю, которого вели на цепи к загону, где ждали два мастиффа; с их клыков падала пена. — Ты имеешь в виду вас, тех, у кого дракон на щите?

Прежде чем Хэмфри успел ответить, толпа подалась в стороны, освобождая дорогу нескольким неприятным личностям, которые шли вслед за медведем. Один из них грубо толкнул мальчишку-попрошайку, который собирал милостыню в оловянную миску. Он даже не оглянулся, когда парнишка полетел в грязь, а несколько жалких монет, которые ему удалось выпросить, рассыпались под ноги окружающим.

Происшествие весьма кстати избавило Хэмфри от необходимости отвечать, и он указал на группу всадников, возвышавшихся над головами толпы.

— Смотри! Вот-вот начнутся скачки. — Он кивнул барышнику. — Мы вернемся, и ты согласишься на шестьдесят.

— Если его не купят раньше! — крикнул в ответ тот, когда Хэмфри повел Роберта к тому месту, где вереницей флажков была отмечена стартовая линия.

Здесь уже стояло несколько лошадей. На большинстве из них сидели сущие мальчишки с хлыстами в руках. Прямо перед ними простиралось пустое поле, и лишь вдалеке торчала виселица. Западный Смитфилд был не только ареной турнирных боев и ярмарок, но и

местом казней. Приветственные крики зрителей слились в восторженный рев, когда один из всадников потряс сжатым кулаком в воздухе и лошадь под ним загарцевала и встала на дыбы.

Хэмфри заметил своих товарищей, чьи яркие шелковые накидки и шляпы с перьями выделяли их в толпе, словно алмазы, в серой массе лондонцев.

— Вон они. Идем. — У него за спиной Роберт прокричал что-то, и Хэмфри обернулся. — Что?

— Мне надо отлить.

Когда он зашагал прочь, Хэмфри догнал его.

— Подожди. Идем вместе, иначе ты не найдешь дороги обратно.

Хэмфри молча зашагал первым, направляясь к вязам, росшим неподалеку, там, где обычно устраивали открытую уборную. Он думал о том, как бы объяснить Роберту, почему он не может говорить о драконе, нарисованному него на щите, или, точнее, о том, что означает этот рисунок, но эль кружил ему голову, и в царящем здесь шуме и гаме он не мог мыслить связно.

Уборная представляла собой канаву, которую стыдливо прикрывали полотнища холста, натянутые на двух шестах. Мужчины входили за загородку с одной стороны, а выходили с другой, затягивая завязки своих панталон и одергивая туники. Хэмфри и Роберт вошли в уборную вместе. Канавка была полна нечистот, и во влажном воздухе висела резкая вонь.

Справляя нужду, Роберт насвистывал, запрокинув голову и глядя в темнеющее небо между кронами вязов.

— Значит, наши женичины отрицают бороды, говоришь? — внезапно поинтересовался он, глядя на Хэмфри.

Оба расхохотались. Хэмфри все еще смеялся, застегивая штаны.

— Что вас так рассмешило, милорд? — вдруг раздался чей-то грубый голос.

Они повернулись и увидели, что за загородку вошли четверо мужчин. Хэмфри узнал говорившего, здоровяка с бочкообразной грудью. Это он вместе со своими товарищами проходил мимо несколько минут назад, вслед за медведем на цепи. Все они были одеты в грубые одежды и выглядели привычными к тяжелому труду.

— Может, это его хахаль, Джон? — подал голос второй, неприятно улыбаясь Роберту. — В этих своих шелках они похожи на пару воркующих голубков.

— В самую точку, — согласился Джон, который явно был у них вожжаком. Он кивнул на кошель, висевший у Роберта на поясе, и улыбка его исчезла. — Отдай его нам. И ты тоже, маленький лорд, — добавил он, обращаясь к Хэмфри.

— Подойди и возьми, мразь, — ответил Роберт, переходя на английский, и лицо его исказилось от гнева.

— С превеликим удовольствием, — заявил Джон и резко свистнул, обнажив коричневые зубы.

Роберт и Хэмфри оглянулись. С другой стороны за загородку вошли еще двое мужчин, отрезая им путь к отступлению. Перед ними тянулась заполненная нечистотами канавка, а чуть дальше за нею виднелась река. Дрожащими от ярости руками Хэмфри отвязал свой кошель и швырнул его громиле, который ловко поймал его.

— Теперь ты, — распорядился Джон, вперив наглый взгляд в Роберта.

Роберт уже снял кошель с пояса, но когда он поднял левую руку, чтобы бросить его,

Хэмфри уловил блеск стали в правой.

Джон жадно пожирал взглядом кошель. Он заметил кинжал в самый последний момент, когда Роберт уже метнул его в цель. Присев, бандит выбросил перед собой руки, закрывая лицо. Клинок просвистел мимо, но Роберт уже рванулся вперед. Он с размаху врезался в Джона, который ничего не видел из-за собственных скрещенных рук. От толчка грабитель полетел прямо в канаву с нечистотами. Он рухнул в нее спиной вперед, а Роберт перепрыгнул через него, ловко приземлившись на другой стороне. Джон с хлюпаньем погрузился в вонючую жижу, которая сомкнулась над ним. Прежде чем он успел вынырнуть, Роберт поставил ногу ему на грудь, придавливая его. Джон взревел от ярости, уходя на дно, но тут же заткнулся, чтобы не захлебнуться. Его подельники в ошеломлении уставились на Роберта — его поведение стало для них полной неожиданностью. Один из них двинулся было к Хэмфри, но тот выхватил из ножен свой кинжал, которым обычно резал мясо, и бандит замер в нерешительности.

— Прикажи своим людям убираться, — приказал Роберт Джону. — Иначе я утоплю тебя. — Он посильнее надавил ногой, так что Джон опять погрузился в грязную жижу, которая залила ему лицо. — Ну, быстрее!

Джон, захлебываясь нечистотами, поднял над водой голову и, отплеываясь, прохрипел:

— Назад, шлюхины дети! Все назад!

Его люди медленно поплыли.

— Дай мне кошель моего друга, — приказал Роберт, протягивая свободную руку. В другой он по-прежнему держал свой собственный.

Джон поднял забрызганную нечистотами руку с зажатым в ней кошелем Хэмфри. Роберт взял его и перепрыгнул через канаву, наклонился и подобрал с земли свой кинжал, не сводя глаз с подельников бандита. Предоставив Джону самому выбираться из сточной канавы, он присоединился к Хэмфри, и оба быстро выскользнули из-за загородки, пройдя мимо двух громил, неуверенно переминавшихся с ноги на ногу в дальнем ее конце.

Когда они смешались с толпой, Роберт протянул Хэмфри его кошель.

— Пойдем, поищем остальных, — сказал он и направился к тому месту, где стояли их спутники, наблюдая за скачками. — Тогда эти негодяи не осмелятся напасть на нас.

Ральф де Монтермер обернулся, когда они подошли к ним.

— Где вы были? Вы пропустили первый заезд. — Рыцарь короля, на несколько лет старше обоих, вдруг потянул носом и поморщился. — Кто-то из вас вступил в дерьмо? Вонь-то какая.

— Знали бы вы, как благоухает тот, другой, — ответил Роберт, и Хэмфри расхохотался.

Успокоившись, Хэмфри принялся наблюдать за Робертом, который громкими криками подбадривал мальчишек, настегивавших своих скакунов во время второго заезда. Он сам радовался как ребенок и вел себя так, словно ничего не случилось. Господи, но как же быстро он среагировал, причем без малейшего страха и колебания! Выждав немного, Хэмфри положил руку Ральфу на плечо.

— Как вы думаете, — негромко поинтересовался он, — мог бы Роберт стать Рыцарем Дракона?

Ральф пристально взглянул на него, обдумывая вопрос.

— Он находится при короле менее полугода. Это слишком мало. Кроме того, решение

принимать не нам, Хэмфри, а королю.

— Я могу поговорить с отцом. Король Эдуард прислушается к мнению рыцаря Круглого Стола.

— Давайте подождем еще несколько месяцев, — посоветовал Ральф. — Нам нужно увидеть его в деле. Кампания во Франции покажет нам, что он за человек. Если он проявит себя молодцом, мы поймем, что можем доверять ему.

— Я уже доверяю ему, — заявил Хэмфри. Но слова его потонули в реве толпы, собравшейся на поле Смитфилда.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ольстер, Ирландия

1301 год

С тяжелых грозовых туч, низко скользящих по вечернему небу, на землю пала ночь. Северо-восточный ветер перебирал колосья ячменя, среди которых во множестве росли сорняки. В посвежевшем воздухе запахло дождем. Он упрямо шагал вперед, раздвигая золотистые колосья, намереваясь найти хоть какое-нибудь укрытие. Густой лес остался позади, они покинули его несколько дней назад. И теперь, на открытом месте, они оказались в полной власти стихии.

И вдруг шелест ячменя заглушил звон колокольчиков. Впереди показался деревянный крест. Подойдя ближе, Роберт увидел, что к его перекладинам прикреплены колокольчики, которые обычно вешают на шею коровам, скорее всего, для того, чтобы отпугивать ворон. На самой верхушке торчало что-то непонятное. Миновав пугало, Роберт оглянулся и понял, что там красуется череп козла. Он завалился на один бок, и пустые глазницы уставились вдаль, на дорогу, которая вилась по косогору, засеянному золотистым ячменем, убегая к видневшемуся на горизонте поселению.

При виде проезжей дороги Роберт испытал одновременно и облегчение, и тревогу. Первым его побуждением было устремиться по ней к морю, которое он разглядел с вершины железных холмов, с которых они спустились нынче утром. За этим морем лежала Шотландия. Но какое-то беспокойство удержало его. Вот уже несколько недель он старательно избегал дорог, с тех самых пор, как в двух днях пути от Баллимота заметил конный разъезд. По ярко-красным повязкам на рукавах всадников он узнал в них людей Ольстера.

Пока он глядел на дорогу, выискивая признаки жизни, хлынул дождь, и сорочка его моментально промокла до нитки. Заслышав позади шуршание, Роберт обернулся и увидел Элизабет, с трудом пробирающуюся через ячменное поле. Первые несколько дней девушка старалась не отставать от него, явно намереваясь оказаться как можно дальше от отцовского замка. Но теперь, по прошествии нескольких недель, в течение которых они продирались через густой лес, обходили большие озера и бесчисленные складки холмов, питаясь лишь горькими ягодами да костлявыми рыбешками, она тащилась позади, усталая и ко всему равнодушная. Решимость, которую Роберт подметил на лице девушки, когда она потребовала, чтобы он взял ее с собой, исчезла без следа много миль назад. Ее длинные черные волосы, намокшие от дождя, неопрятными прядями падали ей на плечи.

Дождь пошел сильнее, и его холодные струи больно хлестнули Роберта по лицу, когда он запрокинул голову, глядя в ночное небо.

— Нужно найти какое-нибудь укрытие, — сказал он девушке, кивая на группу деревьев на другом конце поля. Смена сезонов окрасила листья, но их покров оставался еще достаточно густым, чтобы хоть немного убереечь их от разверзшихся хлябей небесных.

Элизабет молча смотрела на него, дрожа всем телом и прижимая к груди узелок с одеждой. Накидка и платье, которые были на ней в тот день, когда они бежали из

Баллимота, промокли и безнадежно истрепались, но она упрямо отказывалась расставаться с ними, хотя сейчас была одета в тунику с поясом, которые он украл на какой-то ферме. Там же они разжились курицей и мешком яблок. Туника оказалась слишком большой, и Роберту пришлось проделать несколько новых дырочек в ремне.

— Вот, возьмите, — сказал Роберт, подходя к ней и сбрасывая мешок с плеча.

Она смотрела, как он достал оттуда одеяло, тоже украденное на ферме. Оно было грязным и пропахло лошадиным потом. Девушка наморщила носик, но позволила набросить его себе на плечи.

Принимая у нее одежду и засовывая ее в мешок, Роберт вдруг отметил, какая она бледная. Щеки Элизабет были белее мела, а под глазами залегли круги. Она выглядела намного моложе своих шестнадцати лет; девчонка в слишком большой для нее тунике, которая скрадывала ее формы. Весь день она плелась за ним, едва переставляя ноги, и в своем нетерпении преодолеть последние мили, отделяющие его от побережья, Роберт пропускал мимо ушей ее настойчивые мольбы идти помедленнее. И вот сейчас он испугался, что она заболела.

К тревоге примешивалось отчаяние. С неба лил проливной дождь, а сильный ветер раскачивал колосья ячменя. Если она подхватила лихорадку, то в такой сырости запросто может умереть. Уже в который раз Роберт пожалел о том, что не оставил ее в ту ночь у дороги, всего в какой-нибудь миле от дома. С нею он не мог идти вперед так быстро, как ему того хотелось, но, несмотря на страстное желание избавиться от девчонки, Роберт понимал, что одна она в чистом поле не продержится и дня. Из-за него Кормак угодил в лапы к Ольстеру, и, вне всякого сомнения, условия его пребывания у графа значительно ухудшились. Роберт не намеревался позволить своему сводному брату сгнить в застенках Ольстера, и, поскольку добиться его освобождения легче всего было, вернув Элизабет отцу, он мирился с ее присутствием.

— Пойдемте, — грубовато сказал Роберт, взяв ее за руку, — там, внизу, видна какая-то деревня. Мы укроемся где-нибудь и подождем, пока дождь не кончится.

Когда они миновали крест с козлиным черепом и лязгающими колокольчиками, Элизабет оглянулась на него. От импровизированного пугала исходила скрытая угроза. И это чувство не покидало их, пока они под дождем брели к дороге. Поначалу Роберт никак не мог понять, в чем дело, но потом сообразил, что именно не дает ему покоя. Ячмень на полях был не просто зрелым; он перезрел, а среди колосьев во множестве росли сорняки. Да и урожай в эту пору уже обычно бывал убран. Впереди, на другом берегу ручья, за струями дождя в наступающей темноте скрывалась деревня, но даже с такого расстояния он не заметил нигде ни огонька, а ветер не доносил запаха древесного дыма.

— Она выглядит брошенной, — негромко сказал он Элизабет, которая с трудом переставляла ноги по заросшей тропинке позади него.

Через ручей был перекинут мостик, ведущий в поселение. В самом его центре зиял пролом, и концы бревен купались в проточной воде. Ниже по течению с громким скрипом вращалось колесо водяной мельницы. Роберт застыл на месте, оглядываясь по сторонам. У него возникло стойкое ощущение, что он уже бывал здесь. И тут он вспомнил, что действительно проезжал эти места в начале года, направляясь на юг со своими людьми. Сообразив, что они находятся всего в нескольких — четырех в худшем случае — днях пути от Гленарма, он воспрянул духом. Но тут встал следующий вопрос: а что же здесь произошло? Ответ подтвердил слухи, которые приносили поселенцы, бросавшие свои дома и

хозяйство, чтобы вернуться в Англию, — нападения ирландцев участились, и жить здесь стало попросту опасно.

Взяв Элизабет за руку, Роберт повел ее вниз по течению, туда, где берега были не такими крутыми.

— Садитесь мне на спину, и я перенесу вас на тот берег. Река не выглядит глубокой. — Когда она отпрянула, он повернулся к ней. Он уже заметил, что она боится воды. — Не бойтесь, я не уроню вас.

С помощью уговоров и грубой силы он посадил ее себе на спину, и она отчаянно вцепилась в него обеими руками. А он вошел в стремительный поток, недовольно скривившись, когда холодная вода ледяными пальцами схватила его за ноги. Дойдя до середины, он погрузился почти по пояс. Потом он споткнулся, и девушка ахнула, обхватив его за шею и едва не задушив. Роберт побрел дальше и, пошатываясь, выбрался на противоположный глинистый берег, где осторожно разжал ей руки и опустил на землю.

Вдвоем, промокшие до нитки, они вошли в деревню, где их встретили брошенные пустые дома, мастерские и амбары. Многие постройки выглядели разграбленными, с выбитыми дверями и разбросанными по полу пожитками обитателей. С деревьев свисали клочья одежды и другие тряпки. Роберт заметил несколько брошенных построек по пути на север: замки и несколько церквей. Но сейчас перед ними простирался целый город. Кто решил уйти отсюда первым? И что это было — ручей или полноводный поток беженцев?

Под срезом крыши одного из домов он увидел костровую яму. Черный круг выглядел довольно свежим. Значит, уже после массового исхода здесь побывали люди. Казалось, темные окна пустых домов провожают их злобными взглядами. Дверь захлопала на ветру, отчего Роберт поморщился. Вид разграбленного поселения и близость своих земель сделали его подозрительным и заставляли держаться настороже. Ольстер должен понимать, что он попытается добраться до Антрима. Роберт не сомневался, что где-то на дороге на него устроена засада. Утомительное путешествие вступило в свою самую опасную стадию. Чувствуя себя голым, он завел Элизабет в первый же двухэтажный дом на окраине городка.

Обойдя обломки разбитых стульев и стола, он повел ее по шаткой и скрипучей лестнице в комнату наверху. Здесь было полно паутины, а из-под ног у них взлетали облачка пыли. Под косыми балками перекрытия стояли три кровати с соломенными тюфяками. Окно было занавешено рваным обрывком мешковины, впуская в комнату сквозняк и последние лучи меркнувшего заката. Из дыры в крыше на пол водопадом обрушивались капли дождя, и доски в этом месте позеленели и покрылись плесенью. В комнате стоял стойкий запах гнили.

Пока Элизабет стояла, вся дрожа, словно в лихорадке, Роберт приподнял одеяла на постелях и брезгливо поморщился при виде выросшей бахромы плесени.

— Здесь нет ничего, что нам бы пригодилось. — Развязав заплечный мешок, он вынул оттуда ее старое платье. — Вот, наденьте. В этой одежде вам оставаться нельзя, а я не могу рисковать, разводя огонь.

Девушка с негодованием смотрела на него до тех пор, пока он не отвернулся, чтобы не смущать ее, прислушиваясь к шелканью пряжки, когда она расстегнула пояс и уронила его на пол. Раздалось шуршание, за которым последовал другой звук, когда она сбросила промокшую тунику. Роберт не сводил взгляда с потолочной балки перед собой, на которой паучок целеустремленно опутывал муху паутиной. В Шотландии он много месяцев жил в Лесу^[18] безо всяких удобств вместе со своими людьми, но тогда шла война, и у него были оруженосцы и слуги, которые готовили ему еду и прибирали палатку, в которой он спал.

Даже Уильям Уоллес, которого он сам однажды обозвал разбойником, и то больше походил на человека благородного происхождения. «Королем может стать только настоящий мужчина», — много лет назад сказал ему дед. Если так, то как может получиться король из того мужчины, в которого превратился он сам? Как же так вышло, что в погоне за королевской мантией он оказался здесь, в этой лачуге, промокший до нитки и грязный, в обществе дочери графа?

— Я готова.

Роберт оглянулся и увидел, что Элизабет стоит перед ним в изумрудно-зеленом платье, которое было на ней в ту ночь, когда она сбежала из-под венца. Оно было грязным, с запачканным и измятым подолом и манжетами, зато сухим. В этом платье девушка выглядела старше; принцесса в изгнании, с влажными и растрепанными волосами, волной ниспадающими ей на одно плечо.

— Сегодня утром мы доели последние яблоки. Пойду поищу чего-нибудь поесть. Может, удастся поймать пару рыбешек в ручье.

У нее вытянулось лицо.

— Только не рыбу! — взмолилась она. — Пожалуйста!

Вынужденная задержка действовала ему на нервы, и он сорвался:

— Вы будете есть то, что я найду, миледи, и скажете мне «спасибо»! Я не рассчитывал, что в дороге мне придется кормить лишний рот. Если бы не вы, я бы уже был в Шотландии. — Теперь, когда гнев захлестнул его с головой и вырвался наружу, Роберт дал ему волю, не собираясь останавливаться. — Ваш отец думает, что я похитил вас. Если из-за вас он причинит вред моему сводному брату, я... — Он умолк, сообразив наконец, что почти кричит.

Его вспышка заставила Элизабет лишь выразительно поджать губы, но теперь она быстро заговорила, пользуясь тем, что он молчит:

— Я обещала вам, что напишу отцу и объясню, почему убежала с вами и что в том нет вашей вины. Я буду умолять его отпустить вашего сводного брата, клянусь! — Она обеими руками нервно сжала висящий на груди крестик из слоновой кости.

— Думаете, он вас послушает? Вы же сами говорили, что умоляли его позволить вам удалиться в монастырь, а не выходить замуж. И он с вами не согласился, не так ли?

Тон его голоса заставил Элизабет озабоченно нахмуриться.

— Вы ведь сдержите свое слово, сэр Роберт? Вы возьмете меня с собой в Шотландию?

Он помолчал немного, прежде чем ответить.

— Да. Но нам нужно идти быстрее. Я должен вернуться в свое королевство.

Она неуверенно кивнула, и Роберт спустился вниз по скрипучим ступеням. Он почувствовал себя немного спокойнее. Кажется, она поверила его лжи. Оставалось надеяться, что с наступлением утра она и впрямь сможет идти быстрее. А потом, когда они доберутся до Антрима, он оставит ее у своего приемного отца, чтобы тот обменял ее на Кормака, и дело с концом. Не его забота, как поступит с нею Ольстер.

Выйдя из дома, Роберт шагнул под дождь, поправив висящий на боку меч. Быть может, в соседних домах отыщется какая-нибудь еда, солонина или овес. Он решительно зашагал по улице, обходя пенящиеся лужи, в которых отражалось вечернее небо, и слушая, как барабанит по крышам дождь, а в ушах его все еще звучали последние слова, сказанные им Элизабет. «Я должен вернуться в свое королевство». Они вырвались у него помимо воли, но он вложил в них всю душу.

До сих пор его намерение занять трон Шотландии объяснялось почти исключительно личными мотивами. После смерти короля Александра полноправным наследником престола, по крови и по закону, стал его дед. И теперь, когда Джон Баллиол низложен, кто еще, как не он, Роберт, которому старый Брюс передал свое право, может занять его? Пламя этой уверенности, искорки которого посеяли у него в душе дед и отец, за прошедшие годы усиленно раздували его сторонники, могущественные и влиятельные люди, такие как Джеймс Стюарт. Но где-то по пути на север, в гнетущем молчании разоренных земель, в душе у него пробудилось иное чувство, которое только сейчас, в этом городе-призраке, он осознал полностью.

Ирландия, обескровленная и опустошенная захватчиками, заставила его о многом задуматься. Быть может, этот забытый Богом и людьми город станет тем будущим, которое ожидает и Тернберри с Эйром под пятой Эдуарда? Король Англии не питал любви к Шотландии и ее народу, это было ясно с самого начала. Что он там сказал, возвращаясь обратно в Англию после своего первого вторжения, оставив своих чиновников управлять королевством? «Мужчина поступает мудро, избавляясь от ненужного хлама». Не ждет ли их судьба Ирландии, если Эдуарду удастся подавить восстание и он обретет полную власть? Не случится ли так, что он лишит Шотландию ее доходов и отберет все зерно и продовольствие, чтобы затеять очередную войну в Гаскони, если его мирные переговоры с королем Филиппом закончатся неудачей или если в Уэльсе вспыхнет очередной мятеж?

Роберт настолько погрузился в свои мысли, шагая по переулку к веренице амбаров, что заметил лошадь только тогда, когда едва не налетел на нее. Он замер на месте, растерянно глядя на животное, стоявшее в нескольких ярдах от него. Это был крупный белый жеребец, конь рыцаря или человека, не стесненного в средствах. Седла на нем не было, но спину коня покрывала попона, и он был взнуздан. Поводья были привязаны к покосившемуся столбу у входа в амбар, двери которого были приоткрыты. Завидев его, конь фыркнул и ударил копытом. Загремело железо.

Роберт быстро шагнул в тень дверного проема, пальцы его сомкнулись на рукояти меча, а сердце учащенно забилося при виде человеческого присутствия после стольких дней одиночества, проведенных в глуши. Конь фыркнул вновь, и спустя несколько мгновений на пороге амбара появился человек. Это был высокий мускулистый мужчина в темной накидке. Волосы его отросли до плеч, а нижнюю часть лица скрывала густая борода. Но внимание Роберта было приковано к оружию, которое тот держал в опущенной руке. Это был боевой арбалет. Когда он обвел внимательным взглядом улицу, задержавшись на дверном проеме, сердце замерло у Роберта в груди. Спустя еще несколько секунд мужчина вернулся в амбар и скрылся из виду.

Роберт выскользнул из своего укрытия и поспешил по улице к главной площади. Он попытался убедить себя в том, что мужчина — всего лишь путешественник, переживающий непогоду, или ирландский разбойник, отбившийся от своей шайки. Но он не походил ни на того, ни на другого. Боевой конь и арбалет? На душе у Роберта стало тревожно, но он затруднился бы сказать, в чем заключается исходящая от мужчины угроза, и потому решил на всякий случай держаться от него подальше.

Он вышел почти на самую окраину городка, туда, где дорога пересекала реку. Память подсказала ему, что здесь где-то должен быть брод, по которому он переправлялся, двигаясь на юг. Брод и людей он увидел одновременно. Два человека стояли под навесом крыши какого-то большого здания, которое могло принадлежать местному купцу. Роберт торопливо

прянул за угол полуразвалившегося сарая, успев заметить красные повязки у них на рукавах.

Пока он наблюдал за ними, из дома вышел третий мужчина и передал своим товарищам бурдюк с вином. Прижавшись виском к сырому дереву, Роберт до рези в глазах всматривался в эту картину, смаргивая капли дождя. Разумеется, они должны были оказаться здесь. Каким еще образом он мог переправиться через реку, чтобы попасть в свои владения, если не через брод? Люди Ольстера намного опередили его, потому что ехали верхом, и разбили лагерь, поджидая его, уже много дней, быть может, даже недель назад. Роберт выругался. Он понятия не имел, как далеко тянется река, но не исключено, что ему придется пройти не один десяток миль, прежде чем он отыщет другую переправу. Он умел плавать, а Элизабет — нет. Он мог оставить ее здесь; люди ее отца обязательно найдут девушку. Но тогда лорд Донах лишится последнего рычага, с помощью которого можно будет освободить Кормака.

Роберт повернулся и под проливным дождем поспешил обратно к дому, в котором оставил Элизабет. Он уже подходил к нему, когда услышал крики.

Элизабет стояла, прислушиваясь к шагам Роберта на лестнице. Когда они стихли и тишину нарушало лишь завывание ветра в разбитом окне да неумолчный стук дождевых капель, падающих сквозь дыру в крыше, она тяжело опустилась на кровать. Последние мили каждый шаг давался ей с невероятным трудом, но она старалась не отставать от Роберта, боясь рассердить его, чтобы он не бросил ее одну в здешней глуши. Она знала, что он подумывал об этом; это было видно по его глазам. И точно так же она увидела в них ложь, когда он сказал, что сдержит слово.

Откинув в сторону заплесневелые одеяла, Элизабет прилегла на кровать и стала смотреть на дырявую крышу, сквозь прорези в которой виднелось затянутое тучами небо. Ей было жарко, кожа чесалась, суставы ломило, а в голове пульсировала тупая боль, но она постаралась отогнать подступающую слабость и заставила себя мыслить связно. Что задумал Роберт, если решил не брать ее в Шотландию? Может ли он попытаться обменять ее на своего сводного брата? И не поэтому ли он всю дорогу не отпускал ее от себя ни на шаг? Она глубоко вздохнула, чувствуя, что угадала правильно. На всем пути его снедало беспокойство о судьбе сводного брата; он злился на себя за то, что не смог спасти его, а на нее — за то, что она разрушила план их побега.

Элизабет даже зажмурилась, представив себе, что ее привезут обратно в Баллимот, где ее ждет встреча с отцом и постелью лорда Генри. Мысль об отце мгновенно вызвала слезы, скатившиеся по холодным щекам. Он же наверняка сходит с ума от беспокойства о ней. Она представила себе, в какое он пришел бы бешенство, узнав, что ее не похитили, что она бежала по собственной воле. Своим поступком она опозорила его. Но чувство вины быстро исчезло. В душе у Элизабет все сильнее разгорались неповиновение и вызов. Она не допустит, чтобы эти недели страданий и тягот пропали втуне. В ночь своего обручения она с жаркой молитвой обратилась к Господу, умоляя Его вмешаться, и Он послал ей Роберта. И нынешние странствия по дикой глуши стали для нее испытанием крепости ее веры и духа.

Элизабет села на кровати, борясь с приступом тошноты. Она будет и дальше следовать своему плану и попадет в Шотландию. Там она отправится в монастырь и, став монахиней, напишет отцу и объяснится. Решимость придала ей сил. Она встала, подхватила одеяло и спустилась вниз по лестнице в полумрак. Давеча утром с вершины холма она видела море. До него совсем недалеко. Она доберется до побережья, а уж там наверняка найдется рыбак, который переправит ее через пролив.

На пороге дома она остановилась. Перед ней повисла сплошная пелена дождя. Она содрогнулась, представив, что сейчас придется выйти наружу. Элизабет слышала, как люди отца отзывались о проливе, о его водоворотах и течениях, способных потопить целый корабль, о гигантских созданиях, обитающих в его глубинах, и о волнах небывалой высоты и мощи. Ей стало плохо при одной только мысли об этом. Быть может, лучше остаться в Ирландии и найти подходящий монастырь здесь? «Нет», — выдохнула она, отталкиваясь от двери и заставляя себя выйти под дождь, ледяные иглы которого тут же впились в нее. Большая часть здешних земель принадлежит ее отцу. Если она останется, он обязательно разыщет ее.

Переходя улицу, Элизабет уловила какое-то движение впереди между домами. Она испуганно замерла на месте, решив, что это Роберт. Но потом, разглядев сквозь завесу дождя

три фигуры, приближающиеся к ней, девушка развернулась и бросилась обратно в дом, скрываясь в спасительной темноте. Тяжело дыша, она затаилась, вслушиваясь в грубые мужские голоса. Заметили они ее или нет? Она на цыпочках подошла к двери и осторожно выглянула наружу. Мужчины остановились посреди улицы. Ей показалось, что один из них смотрит прямо на нее. Отпрянув, она выронила одеяло, попятилась к лестнице и быстро поднялась по ступенькам, вздрагивая при каждом скрипе. Оказавшись наверху, она прошла по заплесневелым доскам пола и спряталась за одной из кроватей. Сердце у нее колотилось так громко, что она боялась, как бы мужчины на улице не услышали его стук.

«Господи милосердный, сделай так, чтобы они не нашли меня».

Голоса зазвучали вновь. Она напрягала слух, но слов разобрать не могла. Вот послышался плеск, когда кто-то наступил в лужу, и на несколько мгновений воцарилась тишина. Расслышав долетевший снизу скрип, Элизабет испуганно ахнула и прижалась щекой к полу. Между досками образовалась щель, в которую была видна лестница. Вновь послышался скрип; он приближался. И вдруг в люке появилась голова мужчины. Элизабет почувствовала, как сердце замерло у нее в груди, когда она увидела густую челку и затылок, подстриженные на ирландский манер. Это был молодой человек в шерстяной тунике, сжимавший в руке зловещего вида кинжал. После того как он поднялся по лестнице и вошел в комнату, она видела лишь его ноги. За ним последовали двое его спутников. Вся троица остановилась посреди заросшего паутиной помещения.

Ее начала бить дрожь, когда первый мужчина медленно обошел кровать. Его башмаки были заляпаны грязью. Ей хотелось забиться под кровать, но там было слишком мало места. Спрятаться было негде. Когда он показался позади нее, она на четвереньках подобралась к стене и прижалась к ней всем телом. Завидев ее, молодой человек присел от неожиданности, выставив перед собой кинжал. Руки его были испещрены шрамами, а кожа влажно блестела в сумеречном свете. Испуг на его лице сменился любопытством, когда он принялся рассматривать девушку, прижавшуюся к стене. Он оглянулся на своих спутников и что-то сказал им.

Он говорил на гэльском диалекте, но девушка ничего не поняла из его слов. Несмотря на то что она родилась и выросла в Ирландии, Элизабет так и не выучила местное наречие. До нее долетали лишь обрывки чужой речи, когда ей случалось оказаться за пределами крепостей и городов, в которых она жила, населенных исключительно англичанами. Четыре года назад парламент в Дублине принял закон, запрещающий англичанам ирландского происхождения носить национальную ирландскую одежду, стричь волосы на местный манер и говорить по-гэльски. Всю жизнь ирландцы представлялись ей чужой и непонятной расой: варварами, склонными к аморальным излишествам и звериному аппетиту, зловещими существами, обитавшими на границах цивилизованного мира, представлявшими собой темную злую силу.

Мужчина со шрамами на руках заговорил снова. На этот раз он обращался к ней, и в его грубом голосе зазвучали вопросительные интонации. Элизабет не ответила. Она не сводила глаз с его спутников, остановившихся в ногах кровати. Один из них был высоким и тощим рыжеволосым юношей. По губам его скользнула улыбка, когда он увидел ее. Второй оказался великаном с широченными покатыми плечами и отвисшей челюстью, которому приходилось пригибаться, чтобы не задевать балки головой. Он уставился на нее немигающим взглядом. В руке он держал дубину, утыканную ржавыми гвоздями, и девушка почему-то сочла его намного более опасным, нежели его самодовольно ухмыляющийся товарищ.

Молодой человек со шрамами подошел к ней, не выпуская из рук кинжала. Он негромко цокал и прищелкивал языком, издавая успокаивающие звуки, словно она была диким животным, которое он старался не напугать. Медленно присев перед ней на корточки, он протянул к Элизабет свободную руку. На нее пахнуло его гнилостным дыханием. Она хотела оттолкнуть его, но тело отказалось ей повиноваться, и она осталась на месте, прижавшись к стене, будучи не в силах пошевелиться. Когда он осторожно взял ее за запястье и потянул на себя, заставляя выпрямиться, она устояла на кинжал, замороженная видом злое и изогнутого лезвия. Колени у девушки подгибались. Взгляд ее метнулся по комнате, ища спасения, но его не было. Что они с ней сделают? Ответ пришел, когда у нее похолодело внизу живота и она испытала жуткий, леденящий страх.

Мужчина что-то негромко говорил ей по-гэльски, но тон его голоса резко противоречил выражению глаз, которое очень не понравилось Элизабет, когда он повел ее к лестнице мимо двух своих товарищей. Великан по-прежнему тупо смотрел на нее, не выпуская из рук дубины. И вдруг он глухо произнес что-то заплетающимся языком, словно был пьян или страдал каким-то дефектом речи. Молодой человек ответил, и в голосе его чувствовалось нескрываемое презрение. Они уже подошли к лестнице, когда Элизабет краем глаза уловила какое-то движение у себя за спиной.

Гигант двигался стремительно, замахиваясь дубиной. Она просвистела в воздухе, и удар пришелся молодому человеку в висок. Раздался отвратительный хруст, и он отлетел в сторону. Элизабет упала на него сверху, так что ее лицо оказалось в нескольких дюймах от его лица, одна сторона которого превратилась в кровавое месиво, вспоротое гвоздями, откуда торчали обломки раздробленной кости. Испуганно вскрикнув, девушка откатилась в сторону, а великан набросился на своего рыжеволосого товарища, который попытался остановить его. Дубина с размаху опустилась ему на голову, и он рухнул на кровать, опрокинув ее на бок. Элизабет кинулась к лестнице. Но прежде чем она успела добежать до нее, сильная рука грубо схватила ее сзади за волосы.

Влетев в дом, Роберт слышал в комнате наверху глухие удары и звуки борьбы. Затем раздался полный боли стон, за которым последовал испуганный женский крик. Инстинкт требовал развернуться и бежать отсюда, потому что люди Ольстера тоже могли слышать его, но секундный порыв растаял без следа, когда он распознал прозвучавший в нем животный ужас.

Перепрыгивая через две ступеньки, он взлетел по шаткой лестнице наверх, сжимая в руке меч. Первым, что бросилось ему в глаза, когда голова его оказалась на уровне пола, было лицо мужчины, глядящего на него мертвыми, залитыми кровью глазами, правая сторона лица которого превратилась в кашу из осколков костей и разорванного мяса. Затем он увидел какого-то гиганта, который одной рукой прижимал лежащую на животе Элизабет к полу, а второй заносил над ней огромную дубину, усеянную острыми шипами. Лицо девушки было повернуто в другую сторону, но Роберт слышал, как она болезненно охнула, когда великан навалился на нее и она поперхнулась воздухом. Гигант замахнулся, явно намереваясь раздробить ей дубиной затылок. На щеках у него алели длинные царапины, а налитые кровью глаза, в которых не осталось ничего человеческого, вылезали из орбит. Роберт, не раздумывая ни секунды, прыгнул к нему.

Но здоровяк двигался с неожиданной для его габаритов легкостью. Он ловко отскочил в сторону, уворачиваясь от удара, нацеленного ему в шею. Элизабет, которую он вынужден

был отпустить, вскочила и, спотыкаясь, кинулась вниз по лестнице. Но, спустившись на несколько ступенек, она остановилась и обернулась, глядя, как Роберт атакует ее обидчика. Гигант тряхнул гривой, которая упала ему на лоб, и нанес ответный удар. Роберт присел и едва успел увернуться от дубины, грозившей разmozжить ему голову. Не успел он выпрямиться, как великан ударил его в живот. Роберт отлетел к стене и с такой силой врезался в одну из наклонных потолочных балок, что меч выпал у него из рук. Прорывав нечто нечленораздельное, гигант неуклюже двинулся к нему.

А Роберт не мог распрямиться. В животе у него бушевал огонь, и он отчаянно старался протолкнуть в легкие хотя бы поток воздуха. Элизабет пронзительно крикнула, умоляя его встать, и ирландец недоуменно обернулся, глядя на нее. Он не смотрел, куда ставит ногу, и потому всей тяжестью наступил на покрытый плесенью участок пола, куда попадала вода, текущая сквозь пролом в крыше. Раздался громкий треск, когда дерево, подгнившее за много месяцев от непогоды, не выдержало его веса. Гигант упал и удивленно зарычал, видя, что нога его провалилась в дыру. Это дало Роберту шанс, которым он воспользовался сполна. Выдохнув сквозь стиснутые зубы, он с трудом выпрямился и, пока великан рычал от ярости, стараясь освободиться, нанес сокрушительный удар.

Он закричал от натуги, когда меч врезался в толстые шейные мускулы гиганта. Тот выронил дубину и обеими руками ухватился за лезвие. Из рта у него и из жуткой раны на шее фонтаном хлынула кровь. Глаза у здоровяка закатились, язык вывалился наружу, и он захрипел, не в силах произнести ни слова — клинок перерубил ему трахею. Роберт сильным рывком выдернул меч, и ирландец рухнул лицом вперед. Тело его несколько раз дернулось в луже крови и наконец замерло.

Роберт подошел к Элизабет, смотревшей на него с облегчением, к которому примешивался ужас.

— Идемте, — скомандовал он, увлекая ее вниз по лестнице.

Оставив три трупа в комнате наверху, они обогнули остатки сломанной мебели и подошли к двери. Он не выпускал из рук меч, а ее трясло от пережитого страха.

Роберт вышел на улицу, и струи дождя смыли кровь с лезвия и упали на его разгоряченное лицо. Он обернулся к ней, когда она остановилась на пороге.

— Вы ранены?

— Ч... что?

— Они причинили вам вред? — требовательно спросил он и схватил ее за плечо, заставляя ошеломленную девушку посмотреть на него.

— Нет, — выдохнула она. — Нет.

— Нам нужно идти. Здесь люди вашего отца.

— Моего отца? — На лице Элизабет отразилась надежда, к которой примешивалась душевная боль. Она открыла было рот, чтобы заговорить, но не произнесла ни слова, глядя расширенными глазами куда-то ему за спину.

Роберт заметил, как изменилось выражение ее лица и на нем проступила тревога. Она выкрикнула его имя. Он уже начал поворачиваться, собираясь посмотреть, что же так сильно испугало ее, как вдруг что-то ударило его в плечо. Роберта отшвырнуло к дверям, где он привалился к косяку, задыхаясь и глядя на окровавленный железный наконечник арбалетного болта, который насквозь пробил его левое плечо и высунул кончик наружу, оставив на сорочке кровавое пятно. Мгновением позже он почувствовал боль, жгучую и ослепительную, какой он не испытывал еще никогда в жизни. У него перехватило дыхание, а

легкие обожгло, как огнем. Полуобернувшись и опершись спиной о дверной косяк, который и не позволил ему упасть, он разглядел приближавшуюся к нему фигуру. От боли все плыло у него перед глазами, но Роберт все-таки узнал человека с арбалетом из амбара.

Тот остановился в нескольких шагах от него, а потом неспешно опустил оружие и вынул еще один болт из колчана на бедре. Упершись ногой в скобу арбалета, он принялся перезаряжать его, и тут Элизабет закричала вновь.

— Беги! — крикнул ей Роберт. Он попытался оттолкнуть ее здоровой рукой, но боль от неловкого движения заставила его согнуться чуть ли не пополам. — *Беги!*

Элизабет бросилась бежать по улице, и мужчина не сделал попытки остановить ее.

Роберт, шатаясь, ввалился в дом, и в этот миг убийца поднял арбалет и прицелился. Раздался глухой удар, и в косяк, где еще секундой раньше стоял Роберт, вонзился арбалетный болт. Роберт привалился к стене за порогом; по щекам его тек пот, смешиваясь с каплями дождя. Рубашка на груди промокла от крови. Снаружи до него донеслись скрип и треск — это убийца вновь перезаряжал свое жуткое оружие. Но ему придется войти внутрь, чтобы воспользоваться им. Единственный же шанс Роберта заключался в том, чтобы обезоружить или убить незнакомца, едва тот перешагнет порог. Роберт собрал остатки сил. Мгновением позже в дверном проеме возникла тень. Когда мужчина шагнул внутрь, Роберт нанес удар, вложив в него все свое отчаяние и закричав от острой боли, когда наконечник болта шевельнулся в ране.

Мужчина небрежно отбил его меч арбалетом. Клинок выпал из рук Роберта, и он, зажимая плечо, шагнул на нетвердых ногах в центр комнаты. Убийца поднял арбалет.

— Кто ты такой? — прошипел сквозь стиснутые зубы Роберт.

Мужчина не ответил. В темноте было трудно разглядеть выражение его смуглого лица с оливковой кожей.

Роберт повалился на колени. Ему вдруг показалось, что убийца уже спустил тетиву, но нет, арбалетный болт по-прежнему был направлен ему в грудь. В глазах у него потемнело. Боль превратилась в стремительный огненный поток, уносящий его в пучину забвения. Теряя сознание, он рухнул на пол, и тут издалека донесся слитный топот копыт. Это смерть, подумал он, скачет, чтобы взять его к себе. А потом раздался крик. Роберт еще успел увидеть, как убийца развернулся, вскидывая арбалет, и спустил стрелу. Он услышал женский вскрик, чужие голоса и глухой удар, когда что-то тяжелое обрушилось на пол рядом с ним.

Последняя мысль Роберта была о дочери. Перед глазами у него встало милое улыбающееся личико Марджори, а потом мир опрокинулся на него и померк.

— Тернберри сдался после двухдневной осады, милорд. Тех, кто уцелел, мы взяли в плен.

Хэмфри умолк, заметив, что король не отрывает взгляда от стола, за которым сидит. Эдуард хмурился, и его светлые глаза поблескивали в масляном свете ламп, пока он читал письмо, которое держал в руке. Полотняные стены шатра колыхались от ветра, врывавшегося сквозь откинутый полог, донося снаружи смех и звуки музыки.

Король, видя, что Хэмфри умолк, поднял голову.

— Продолжай.

— Разрушив замок до основания, мы двинулись к Эйру. После того как три года назад Брюс сжег его, дабы не позволить нам превратить его в свою цитадель, он приказал отстроить его вновь. Под командованием вашего сына мы разграбили поселение и уничтожили новые укрепления. Смею вас уверить, милорд, что эти рейды, забитый скот и сожженный урожай означают, что жителям Каррика будет нелегко пережить наступающую зиму.

— Хорошо, — пробормотал король, вновь вернувшись к созерцанию письма.

Порыв ветра всколыхнул шелковую занавеску, делившую королевский шатер пополам, и Хэмфри разглядел внутри кровать с пологом на четырех столбиках, которую Эдуард всюду возил с собой. На ней громоздилась гора подушек, и застелена она была красным полотняным покрывалом. В мягком кресле рядом сидела королева Маргарита, и ее нежный профиль оттеняла мягкая, как пух, соболиная накидка, в которую она зябко куталась. Просторное одеяние не скрывало ее второй беременности. Пока Хэмфри наблюдал за ней, королева подалась вперед и двинула хрустальную ладью по шахматной доске, стоявшей перед ней. Одна из горничных, сидевшая напротив, ответила на этот ход своей пешкой. Из-за другой занавески донесся детский плач — это проснулся новорожденный сын короля Томас и захныкал, требуя, чтобы его покормили.

Хэмфри перевел взгляд на короля.

— Вы не получали никаких известий о местонахождении Роберта Брюса, милорд?

При этих словах король резко вскинул голову, и в глазах его отразилось напряженное внимание. Он отложил письмо в сторону, и Хэмфри заметил, что к нему приложена печать короля Франции.

— Я надеялся, что это ты сможешь пролить свет на его местонахождение после того, как провел целый месяц в его графстве.

Хэмфри уже приходилось слышать холодное неудовольствие в тоне короля, но он до сих пор не привык к тому, насколько, оказывается, это неприятно, когда оно направлено на тебя.

— Я допросил с пристрастием коменданта Тернберри, милорд, но он поклялся, что понятия не имеет, куда подевался Роберт. Ему известно лишь, что он покинул Каррик более года назад.

— И ты веришь ему?

— Не знаю, что и думать. — Под тяжелым взглядом короля Хэмфри поежился и поспешил добавить: — Но ведь не будет же он скрываться вечно. Рано или поздно Брюс даст о себе знать, в этом я уверен.

По лицу короля промелькнула тень.

— Все может быть. — Он отмахнулся от пажа, который подошел к столу, чтобы вновь наполнить его кубок. — А как тебе поведение моего сына? Как он справился со своим первым командованием?

Только теперь Хэмфри понял, почему о боевых действиях отчитывается он, а не Эдвард. Они вернулись в Лохмабен еще до полудня, но до сего момента король ограничился коротким рапортом, отложив подробный отчет на потом.

— Он сумел поддержать в войске порядок, милорд, — осторожно начал Хэмфри. — Осада Тернберри и штурм Эйра были проведены вполне грамотно. Наши люди получили лишь несколько ранений, и никто из них не погиб. За всю кампанию мы потеряли всего пять лошадей.

— Очень интересно, — обронил король и оперся подбородком на сплетенные длинные пальцы. Один из его перстней поймал лучик света от лампы, и рубин в его центре засверкал алым блеском. — А вот мой племянник свидетельствует об обратном.

Хэмфри стало не по себе, когда он понял, в какую ловушку угодил. Он понятия не имел, что король уже побеседовал с Томасом Ланкастером. Он мысленно отругал себя за невнимательность. Когда имеешь дело с Эдуардом Длинноногим, необходимо все время быть начеку.

— Томас сообщил мне, что, если бы не ты, Тернберри вообще не был бы взят. Он говорит, что моего сына больше интересовали забавы и развлечения с друзьями, чем война с неприятелем.

— Он нуждается в наставлении, милорд, только и всего. Сэр Томас недолюбливает Пирса Гавестона. Боюсь, в этом вопросе его мнение не может считаться беспристрастным.

Эдуард взял в руки свой кубок и провел пальцем по его основанию.

— Правильно ли я поступил, Хэмфри, сделав своего сына принцем Уэльским? Я надеялся, что такая честь заставит его приложить все усилия к тому, чтобы оказаться достойным ее.

Хэмфри поразился тому, как постарел король. Челюсть его под морозно-белой, аккуратно подстриженной бородой отвисла, а кожа посерела от усталости. Он подумал о том, что ожидает Англию, если страной будет править его сын, и его охватили самые дурные предчувствия. Теперь ему и таким, как он, предстояло сделать из принца Эдварда мужчину, который сможет занять место своего отца.

— Да, милорд, — уверенно ответил он. — Я полагаю, ваш сын готов к подобной власти и ответственности.

Но король уже вновь задумчиво смотрел на письмо.

— Новости из Франции? — осмелился задать вопрос Хэмфри.

— Пока ты был в Каррике, я получил донесение от своих шпионов о том, что Джона Баллиола освободили из-под домашнего ареста в замке Папы Римского по приказу короля Филиппа. — Эдуард протянул пергамент Хэмфри, предлагая тому самому ознакомиться с ним. — Это письмо пришло на прошлой неделе и было доставлено сюда из Вестминстера. Кузен рекомендует мне заключить перемирие со скоттами в качестве первого шага к

восстановлению Баллиола на престоле. — Ярость молодила короля, на щеках его заиграл румянец, а в осанке появилась живость. — Отсюда совершенно недвусмысленно вытекает, что, если я откажусь, договора с Францией не будет и Филипп продолжит удерживать в своих руках мое герцогство Гасконь.

— И что вы намерены предпринять, милорд? — осведомился Хэмфри, пробежав глазами пергамент и не зная, как реагировать на неожиданный поворот событий. — Еще одна война сейчас весьма некстати, верно?

Эдуард метнул на него острый взгляд.

— Борьба за Гасконь оставила меня без денег и поддержки моих людей — даже твой отец и другие рыцари Круглого Стола выступили против меня. — Голос его звучал твердо и решительно. — Ты прав, еще одна война была бы сейчас очень некстати. По крайней мере пока. Но я не позволю Баллиолу вернуться на трон. Мой план состоит в том, чтобы заключить со скоттами временное перемирие, как и предлагает Филипп. В любом случае зимой я не намеревался вести боевые действия, так что подобное соглашение не повлияет на мои планы. Зато оно позволит мне выиграть время. Должен быть способ решить эту проблему — без войны, без потери Гаскони и без возвращения этой змеи, Джона Баллиола, на трон. У меня есть зима, чтобы найти ответ. — Король встал из-за стола. Даже теперь, когда его плечи ссутулились, он все равно на целую голову возвышался над Хэмфри. — Мы подробнее поговорим об этом завтра на совете. А сегодня вечером устроим праздник. Ступай к моей дочери, Хэмфри. Один день Франция подождет.

Хэмфри с поклоном покинул королевский шатер. Нырнув в откинутый полог, он прошел мимо стражников и окунулся в прохладный вечер. Лагерь освещали отблески десятков костров. Новую крепость короля в Лохмабене — куда он удалился после победы на севере и падения замка Ботвелл ^[19] — окружала земляная насыпь, поверх которой тянулся деревянный частокол. Над воротами нависали сторожевые платформы, и тени часовых двигались по вечернему небу. Над лагерем высился деревянный форт, вздымавшийся, подобно кораблю, над морем палаток. Повсюду слышалась музыка и возбужденные голоса. Воины собирались на свободном пространстве между палатками, повозками и лошадьми, вокруг костров, передавая друг другу вино и эль. Из котлов поднимался запах вареного мяса, и Хэмфри почувствовал, как заурчало у него в животе от голода.

Он увидел сына короля, в честь которого и было устроено сегодняшнее празднество. Новоиспеченный принц Уэльский, стоя рядом с Пирсом Гавестоном, наблюдал за борьбой двух обнаженных до пояса мужчин. У одного из борцов был в кровь разбит нос, а у другого рассечена губа. Покрытые потом, от которого блестели их мускулистые тела, они кружили друг напротив друга, а потом сходились в рукопашной схватке, обмениваясь кулачными ударами. Принц Эдвард, одетый в роскошную золотую мантию, отвернулся, когда Пирс передал ему мех с вином. Гасконец наклонился к нему и прошептал что-то на ухо. В свете факелов Хэмфри увидел, как принц улыбнулся.

— Сэр Хэмфри!

Он обернулся и увидел Ральфа де Монтермера.

Королевский рыцарь поднял кубок в знак приветствия. Его желтая мантия, украшенная зеленым орлом, переливалась золотистыми искрами в свете факелов.

— Присоединяйтесь к нам!

Хэмфри разглядел в толпе Эймера де Валанса и Генри Перси. Похоже, где-то совсем рядом были и другие бароны, но его ждала более приятная компания, нежели рыцари

Круглого Стола.

— Чуть позже, — крикнул он в ответ, и Ральф дружески пожал плечами.

Хэмфри стал пробираться сквозь толпу к деревянному форту. Ему пришлось обойти пьяного солдата, который рухнул на одну из палаток, отчего та сложилась под ним, на что его товарищи ответили веселым смехом и криками. Мужчины, обнявшись, бесцельно бродили по лагерю. Пусть торжество было устроено в честь их нового принца, но каждый из них праздновал свою собственную победу и окончание кампании, в ходе которой пали три мощных замка и сгорели западные поселения; кампании, почти не встретившей сопротивления со стороны скоттов. Мятежники, казалось, утратили боевой дух и потеряли всякое желание сражаться. Еще одно такое лето — и англичане вернут себе контроль над замком Стирлинг, перешедшим в руки врага в прошлом году, и тогда перед ними откроется прямая дорога на север Шотландии. При условии, разумеется, что их не остановят требования короля Филиппа.

Война с Шотландией продолжалась вот уже пять лет, и за это время они понесли ужасающие потери и одержали крупные победы. Хэмфри подумал о средствах, которых недосчиталась Англия и которые пошли на финансирование дела короля. Вспомнил он и о месяцах, проведенных вдали от дома и семьи, о жизнях, потерянных на поле брани, среди которых оказался и его отец. Даже желание увидиться с Бесс померкло перед болью этой утраты, которая сейчас показалась ему особенно острой. После битвы при Фолкирке минуло три года, а он до сих пор в мельчайших подробностях помнил все так, словно это случилось только вчера: отцовская лошадь, застрявшая по горло в болотистой топи, граф, сползающий с седла, пронзенный шотландским копьем и исчезающий в трясине. Решимость поднялась из самых глубин его души, накрыв Хэмфри горячей волной, от которой по коже у него пробежали мурашки. Он сделает все от него зависящее, чтобы помочь Эдуарду не допустить возврата Джона Баллиола на трон и обретения скоттами своего королевства. Если они позволят этому случиться, значит, все людские жертвы были напрасными. Он не сможет жить с осознанием этого.

Кивнув воинам, охранявшим вход в форт, в котором содержались пленные и добыча, захваченная в Тернберри, Хэмфри поднялся по наружной лестнице на парапетную стенку с бойницами. Форт представлял собой первую часть укреплений, возводимых по приказу короля, — он намеревался превратить их в мощную цитадель, для строительства которой будет использован камень, оставшийся от старого замка Лохмабен, разрушенного в ходе прошлой кампании. Отсюда, со стены, перед Хэмфри открылся прекрасный вид на окрестности. Лагерь был возведен на холме, который мысом выдавался в озеро. Над самой поверхностью воды наперегонки со своим отражением пролетела стая птиц. Вдоль берега на север до самых развалин старого замка, бывших некогда колыбелью клана Брюсов, тянулся лес. Донжон крепости походил на сломанный зуб, торчащий на насыпи, и черный силуэт его отчетливо виднелся на фоне багрового, затянутого облаками неба.

Впереди, на галерее, обращенной к озеру, стояла молодая женщина в серебристо-голубом платье. Голову ее покрывала мягкая сеточка, расшитая жемчугами. Хэмфри улыбнулся, увидев ее, и немного воспрянул духом.

Бесс обернулась на звук его шагов.

— Ты опоздал.

— Я был занят с твоим отцом. — Хэмфри остановился в двух шагах от девушки, сгорая от желания поцеловать ее, но остро ощущая присутствие стражников за спиной. В конце

концов, он был верховным констеблем Англии, а она — дочерью короля, так что следовало соблюдать хотя бы видимость приличий.

Но Бесс не разделяла его предубеждений. Шагнув к нему, она обвила его шею руками. Как и все дети Эдуарда, она была высокой, ростом почти не уступая Хэмфри. Ей приходилось лишь слегка запрокидывать голову, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Тебе даровано прощение.

И Бесс легонько прикоснулась к его губам. Забыв о часовых, Хэмфри притянул ее к себе и впился в ее губы поцелуем. Она ответила, и на мгновение они забылись в темном мире своих страстей и желаний. Отпрянув, Хэмфри заглянул ей в глаза — светло-серые, с фиолетовой радужкой. Королева Элеонора передала кастильское очарование своей темноволосой красавице дочери. Он улыбнулся ей, но прерванный поцелуй вновь позволил ему мысленно вернуться к тому, что сообщил ему король.

Бесс погладила его по щеке:

— По твоему челу промелькнула тень. Что случилось, любовь моя?

— Джон Баллиол оказался на свободе. — Хэмфри зашагал по парапетной стенке, и Бесс последовала за ним. Они перешли на внутреннюю, противоположную озеру сторону форта, и перед ними в сгущающейся темноте раскинулся лесной массив. Ветер перебирал листья и раскачивал ветки деревьев. — Король Франции угрожает оставить Гасконь себе, если твой отец не заключит перемирие с Шотландией.

Бесс кивнула.

— Я слышала, как отец разговаривал об этом с епископом Беком. — Когда Хэмфри остановился, она облокотилась о парапет рядом с ним. — Он полагает, что перевод Баллиола во Францию, предусмотренный договором, означает, что Филипп задумал это с самого начала. Теперь, когда война окончена, оказывается, что король Франции вернулся к своему старому союзу с Шотландией, навязывая отцу борьбу на двух фронтах.

Хэмфри не уставал поражаться легкости, с какой она обсуждала политику, учитывая ее молодость. Бесс исполнилось девятнадцать, и она была на шесть лет моложе его, являясь ровесницей новой супруги короля. Он часто спрашивал себя, а не привыкла ли она к подобным разговорам в замке своего первого мужа, конта Холланда, но их брак продлился совсем недолго, после чего он оставил ее вдовой.

— Нельзя позволить Филиппу потребовать от твоего отца выкуп.

— Но если мой отец откажется, он рискует навсегда лишиться герцогства, на войну за обладание которым у него ушли годы, — герцогства, включающего в себя богатейшие и самые плодородные земли.

— А если Баллиол вернется на трон, то все усилия окажутся напрасными. — Лицо Хэмфри посуровело; воспоминания об отце по-прежнему не давали ему покоя. — Мы пожертвовали многим и дорого заплатили за победу. У нас нет другого пути. Потому что только объединенная под властью одного короля, Британия может выжить и уцелеть. И мы заставим их в это поверить. Всех до единого.

Бесс всматривалась в его посуровевшее лицо.

— Разве ты не хочешь покончить с войной, Хэмфри? Покончить с бесконечными кампаниями, походами и кровопролитием? — Когда он не ответил, она вздохнула и стала смотреть на толпы мужчин, пьянствующих и веселящихся внизу. — Быть может, перемирие станет лучшим выходом. Для всех.

Он пристально взглянул на нее.

— Ты сама не знаешь, о чем говоришь.

Ее серые глаза вспыхнули огнем, и в этот миг она была очень похожа на своего отца.

— Я — дочь короля, Хэмфри. И цена войны мне известна ничуть не хуже, чем большинству этих пьяниц там, внизу. Мое детство прошло в отцовских походах. Мы с сестрами переезжали из одного замка в другой, не зная, вернется он к нам или нет. Мы видели, как страдала мать, когда не могла быть рядом с ним, и чувствовали ее боль, когда ей это удавалось. Она редко оставляла его одного. Я стала подростком в ее отсутствие, зная, что его жажда победы и ее желание всегда быть рядом с ним сильнее их любви ко мне. Так что не говори мне, что я чего-то там не знаю.

Он коснулся ее плеча.

— Бесс, я устал, и эти мысли гнетут меня. Утро вечера мудренее. Завтра все будет казаться другим... — Хэмфри оборвал себя на полуслове. Его внимание привлекли красные светлячки, замерцавшие на опушке леса за частоколом.

Пока он смотрел на них, они взлетели в воздух, бесшумно описывая широкую дугу, похожие на изящные кометы, а потом обрушились вниз, на лагерь. Некоторые огоньки угодили в палатки, другие воткнулись в землю или отскочили от нее, рассыпая искры. Третьи отыскивали свои жертвы, вонзившись в спины и плечи людей. Крики боли и ужаса заглушили музыку.

Схватив Бесс за руку, Хэмфри увлек ее за собой по парашютной стенке к наружной лестнице, которая вела вниз. По галерее металась стражники, отдавая распоряжения друг другу и тем, кто оставался внизу, а тем временем за частоколом зажглось еще одно созвездие огоньков. Кто-то потянул за веревку колокола, установленного на бастионе форта. Громкий набатный звон поплыл над лагерем, и в это время на него обрушился новый град огненных стрел. Некоторые попали в лошадей, и какой-то конь встал на дыбы, порвав путы. Обезумевшее от боли животное помчалось прямо через толпу с торчащей в боку горячей стрелой, сбивая с ног людей, отчаянно разбегающихся в поисках укрытия. В палатки попали еще несколько стрел, и те загорелись, а налетевший ветер принялся радостно раздувать пламя.

Хэмфри был уже на середине лестницы, когда на лагерь обрушился третий огненный залп. Он прикрыл Бесс своим телом, когда стрелы застучали по бревнам вокруг них. Как только стрельба прекратилась, они вновь помчались вниз по ступенькам; Бесс одной рукой поддерживала юбки, чтобы не упасть. Оказавшись на земле, он повел девушку ко входу в форт, где двое стражников наблюдали за разыгрывающейся на их глазах драмой, сжимая в руках обнаженные мечи и готовясь отразить нападение невидимого врага.

— Оставайся здесь, — сказал он Бесс, которая согласно кивнула. Лицо девушки побледнело от волнения. — Охраняйте ее ценой собственной жизни, — приказал он стражникам.

— Береги себя! — взмолилась она, схватив его за руку.

Хэмфри поспешил к королевскому шатру, миновав грумов, которые тушили занявшиеся копны сена. Не успевали они погасить один язычок пламени, как тут же рядом вспыхивал новый. Воздух наполнился дымом и отчаянным звоном колокола. Хэмфри увидел одного из голых по пояс борцов — тот лежал на спине, раскинув руки в стороны, а из глазницы у него торчала стрела. В небе вспыхнуло очередное созвездие, и на лагерь обрушился новый залп.

— Стойте! — крикнул Хэмфри, пытаясь остановить разбегающихся в разные стороны людей. — Следите за небом!

Но его послушались всего несколько человек, а сам он нырнул под груженную бочками повозку. Какой-то пехотинец, так и не выпустивший кружку из рук, выгибаясь, упал на колени, когда в спину ему ударила стрела. Он заорал не своим голосом, хватаясь за древко и пытаясь выдернуть его.

— Помоги ему! — приказал Хэмфри оруженосцу и вскочил.

Король стоял перед своим шатром, отдавая короткие приказы столпившимся вокруг него рыцарям, число которых все увеличивалось по мере того, как к ним присоединялись их товарищи. Среди них Хэмфри заметил Ральфа, Генри и Эймера. Когда он подбежал к шатру, то услышал, как один из стражников на наблюдательной платформе у ворот кричит королю, перегнувшись через перила:

— В лесу прячутся стрелки, сир! Их там человек сто или даже больше!

— Седлайте Байярда, — коротко бросил король, поворачиваясь к своему оруженосцу. Отблески пожаров освещали его угрюмое лицо. — Где мой сын?

— Я здесь, отец! — Принц Эдвард подбежал к королю. Пирс не отставал от него. У гасконца на руке висел щит, из которого торчала стрела, и язычки пламени лизали разрисованное дерево.

— Мы выйдем из лагеря и захватим этих простолюдинов! — крикнул король, обращаясь к окружившим его рыцарям. — Седлайте коней!

Хэмфри протолкался сквозь группу людей, заприметив Хью, своего оруженосца, и нескольких рыцарей.

Хью уже оседлал Урагана и держал в руках его меч. На лице оруженосца отразилось облегчение, когда он увидел, что к нему приближается хозяин.

— Сэр, — он протянул ему оружие, — должен ли я принести вашу кольчугу?

— Нет времени, — отказался Хэмфри, взял обнаженный клинок и сунул его в петлю на поясе. — Принеси мой гамбезон и шлем. На коней, — на одном дыхании обратился он к своим рыцарям, когда Хью нырнул в палатку.

Оруженосец вернулся, держа в руках его гамбезон. Стряхнув с плеч накидку, Хэмфри натянул на себя стеганую тунику, подбитую войлоком. Она до сих пор была влажной от пота после целого дня, проведенного им в седле. Накинув на голову стеганный койф, который протянул ему оруженосец, Хэмфри надел поверх него свой огромный шлем, украшенный плюмажем из лебединых перьев. Ураган уже нетерпеливо перебирал копытами, пламя и всеобщая суэта заставляли коня нервничать, но он успокоился, когда Хэмфри поднялся в седло и взял поводья. Вокруг садились на своих скакунов и его рыцари.

Король Эдуард уже гарцевал на своем жеребце Байярде, когда Хэмфри присоединился к нему со своим отрядом. Все они вместе — король, его сын, несколько сотен рыцарей и сержантов — поехали к воротам. С неба продолжал сыпать дождь из горящих стрел, но они падали у них за спиной, где огонь быстро распространялся среди стоящих тесными рядами палаток. Часть лагеря уже полыхала ярким пламенем, и дым застилал вечернее небо. В прорези шлема окружающий мир для Хэмфри сузился в полоску дыма и огня. Краем глаза он видел яркие плюмажи и мантии своих спутников. Все они, как и он сам, были в шлемах, делавших их безликими. Он боялся за Бесс, но поделать ничего не мог — и ему оставалось только надеяться, что стражники сумеют защитить ее. Часовые тем временем уже раздвигали массивные бревенчатые створки ворот.

Впереди, за спинами своих товарищей и крупами их лошадей, Хэмфри увидел опушку леса, ошестинившуюся бахромой деревьев, уходящих в темноту. В их тени вспыхнули новые

светлячки, тускло освещая силуэты людей между стволов.

— Вперед, рысью марш!

Заслышав крик короля, напоминавший скорее львиный рык, Хэмфри обнажил меч и вонзил каблуки в бока Урагана. Жеребец рванулся вперед, и окружающие всадники последовали его примеру, перейдя с рыси на галоп. Земля задрожала под копытами коней. Хэмфри испустил яростный боевой клич, и звук его завибрировал в тесном пространстве шлема. Остальные подхватили его клич, посылая своих лошадей в галоп. Но едва король и рыцари лавиной хлынули из ворот форта, навстречу им устремился рой горящих стрел.

Хэмфри увидел, как какая-то лошадь, в голову которой угодил огненный светлячок, обезумев от боли, слепо рванулась в сторону. Всадник, не удержавшись, вылетел из седла, и она врезалась в скачущего рядом жеребца, опрокинув его на землю вместе с рыцарем, и они исчезли под копытами мчащейся вперед конной лавы. Хэмфри заметил, что прямо в него летит сгусток огня, и едва успел уклониться. Стрела пролетела мимо, но неожиданный рывок бросил его в сторону, и он сильно натянул поводья, защебив мундштук в губах Урагана. Конь споткнулся и налетел на жеребца Генри Перси. Хэмфри несколькими движениями успокоил его, а жеребец Перси отскочил на несколько шагов в сторону. Впереди быстро вырастала темная линия деревьев.

Среди стволов стояли лучники. Некоторые, завидев мчащихся на них рыцарей, повернули и бросились в лес. Другие остались на месте, перезаряжая луки и целясь в лошадей. Хэмфри увидел, как король вонзил шпоры в бока Байярда, посылая коня в высоком прыжке через кусты шиповника, и меч сверкнул в его руке, по широкой дуге врезаясь в шею лучника, который выстрелил в него секундой раньше. Струя крови окрасила сосновые стволы, когда лучник осел на землю и голова мягко скатилась с его плеч.

Хэмфри нашел взглядом двух мужчин, во все лопатки удирающих от него. Оба были вооружены луками и одеты в зеленые куртки и штаны, какие обыкновенно предпочитают охотники. Кровь вскипела у него в жилах, когда он устремился за ними в погоню, пригибаясь под низко нависающими сучьями, слыша, как ветки царапают его шлем и ощущая слабые удары по плечам и коленям. Догнав одного из лучников, Хэмфри взмахнул мечом и нанес жестокий диагональный удар, пролетая мимо. Мужчина споткнулся, захлебнулся криком и упал, а из жуткой раны на груди фонтаном ударила кровь.

Хэмфри натянул поводья, останавливая Урагана и пытаясь сквозь узкую прорезь шлема разглядеть второго лучника. Он заметил, как слева от него преследует свою жертву Эймер де Валанс. Яростно взревев, кузен короля привстал на стременах и подался вперед, кончиком своего широкого меча достав шею убежавшего лучника. Повсюду звучали крики — это рыцари расправлялись с пешими врагами. Хэмфри послал Урагана вперед, но деревья впереди росли все гуще, так что вскоре ему пришлось перейти на шаг. Большинство вражеских лучников благополучно скрылись в глубине леса, куда не могли последовать за ними рыцари на своих крупных и неповоротливых конях.

Заревел рог, сзывая рассыпавшихся по лесу всадников к своему королю, который уже выехал на Байярде на опушку. В ночном небе отражалось злое зарево пожара, бушевавшего за частоколом. Форт полыхал вовсю, и языки пламени жадно лизали бока бревенчатой крепости. В воздух с треском взлетали снопы искр, подобно сотням рассерженных светлячков. Там раздавались крики — это оставшиеся пехотинцы пытались потушить пожар. Хэмфри сорвал с головы шлем, отчаянно надеясь, что часовые успели увести Бесс в безопасное место.

— Это было войско Джона Комина! — прокричал Эймер де Валанс, склоняясь к шее своего коня и выныривая из-под низко нависавших еловых веток. — Там, дальше в лесу, были всадники на лошадях. Я узнал своего зятя по его цветам, но он ускакал раньше, чем я успел добраться до него.

— Будем преследовать их, сир? — осведомился Ральф де Монтермер, успокаивая своего возбужденного жеребца. — Милорд король? — вновь подал он голос, когда король не ответил. — Продолжим погоню?

Хэмфри оглянулся на короля, который как раз поднял забрало своего шлема. Он смотрел на пылающую крепость и в багровых отблесках пламени походил на ангела ада, охваченного непреодолимым желанием убивать.

Джон Комин пришпорил своего коня, заставляя его подняться еще на несколько последних ярдов по лесистому склону. Вокруг в темноте глухо шелестели деревья. Оказавшись на голой макушке холма, он запрокинул голову и увидел, что небо усыпано пылью звезд. Их призрачный свет холодно блестел на шлемах мужчин, собравшихся на вершине. Из-за деревьев подходили все новые воины, конные и пешие, задыхаясь после подъема. Одного солдата, чье лицо исказилось от боли, а из глубокого пореза на лбу сочилась кровь, заливая ему щеки, втащили на холм двое его товарищей.

Натянув поводья, Комин сорвал с головы шлем и койф, жадно вдыхая полной грудью свежий воздух. Его недавно подстриженные темные волосы прилипли к голове, отчего худощавое лицо выглядело еще более изможденным и осунувшимся. Герб на черной накидке — три белых снопа пшеницы на красном поле, родовая эмблема Рыжих Коминов — повторял рисунок на попоне коня. На коже у него выступил пот, соленый вкус которого смешивался с металлическим привкусом предличника. ^[20]Завидев своего оруженосца, Комин швырнул ему шлем, а сам соскочил с седла, чувствуя, как ноют натруженные мышцы.

— Дунгал! — резко крикнул он, разглядев в толпе знакомое лицо.

Дунгал Макдуалл, бывший капитан армии Галлоуэя, протолкался в первый ряд. Его жесткое не улыбочивое лицо выглядело смертельно бледным в свете звезд, соперничая белизной со львом на его накидке.

— Они преследовали нас? — поинтересовался Комин, когда они сошлись лицом к лицу в толпе.

— Совсем недолго. Их лошади оказались слишком крупными, чтобы пройти меж деревьев. Я сам слышал, как король трубил в рог, сзывая их обратно.

Комин угрюмо кивнул.

— Полагаю, у них внезапно нашлись более срочные дела. Огонь распространялся даже быстрее, чем я мог надеяться.

— Еще до рассвета новый форт превратится в головешки, — согласился Дунгал, и в глазах его блеснуло мрачное удовлетворение.

Заметив высокую фигуру отца, Комин зашагал к нему, топча сапогами сосновые шишки.

Лорд Баденох беседовал со своим кузеном, графом Бучаном и главой клана Темных Коминов. Бучан, импозантный, хорошо сложенный мужчина, был схож с отцом Коминов вытянутым лицом и темными глазами. Свой огромный шлем он держал под мышкой, а его накидку трепал ветер. Его наряд тоже украшали три снопа пшеницы, вот только поле было черным. Кузены на двоих правили самыми могущественными ветвями клана Коминов, чье влияние и власть были хорошо известны во всем королевстве, начиная от Пограничья и заканчивая горами и равнинами северо-востока. С ними стояли Инграм де Умфравилль, родственник Джона Баллиола, и Роберт Вишарт, епископ Глазго.

— В самом худшем случае мы потеряли не более двадцати человек, ваше преосвященство. В общем и целом это был грандиозный успех.

— Успех или нет, а потерянные жизни достойны скорби, сэр Джон. — Голос Вишарта прозвучал резко и даже грубо. Приземистая и коренастая фигура делала его похожим на рассерженного буйвола.

— И ваши молитвы послужат мертвым, как наши стрелы послужили живым. После целого лета потерь нашим людям нужна была победа. И мы им ее дали.

— Но мы должны сделать больше, — подойдя к ним, заявил Комин.

Когда мужчины повернулись к нему, он обратил внимание на то, каким измученным и опустошенным выглядит отец. Вот уже несколько недель его не отпускала болезнь, и кожа его стала бледной и обвислой. Нападение на Лохмабен, похоже, окончательно подорвало его силы, хотя голос его звучал отчетливо и властно, как прежде.

— Твой план сработал лучше, чем я ожидал, сын мой. Прими мои поздравления.

— Спасибо, отец, — сухо отозвался Комин. — Тем не менее я бы предпочел увидеть их лагерь уничтоженным полностью. Король Эдуард сможет заново отстроить то, что мы сожгли сегодня ночью.

— Зато это восстановление нарушит его планы на новую кампанию. Лохмабен был его главной цитаделью, из которой он мог наносить удары. А теперь ему придется направить свои и так весьма ограниченные ресурсы на его восстановление.

В разговор, выказывая свою заинтересованность, вмешался Инграм де Умфравилль.

— Совершенно верно. Это даст нам время, чтобы привлечь на свою сторону новых воинов и собрать снаряжение...

— У нас достаточно солдат. — Комин заметил, как недовольно поморщился Умфравилль, но ему было наплевать. Тот был недавно избран третьим хранителем Шотландии, и теперь, вместе с ним самим и Уильямом Ламбертоном, они составляли триумвират. Комин был и без того оскорблен тем, что благородные лорды сочли возможным назначить еще и третьего человека на эту высокую должность. Он ни в коем случае не собирался делиться с Умфравиллем той властью, которую обрел за последние два года. — Мы должны лишь правильно распорядиться своими силами.

— И что же вы предлагаете? Объявить войну Англии?

Заслышав столь издевательский вопрос, Комин обернулся и увидел Джона Атолла. Неверный свет звезд подчеркивал резкие черты графа, чьи выющиеся волосы взмокли от пота. Вместе с ним подошел и его сын Дэвид, копия отца в молодости, и Нейл Кэмпбелл, рыцарь из Аргилла, один из самых ярых и верных сторонников Уильяма Уоллеса. Как бывало всегда, Комин ощутил острую неприязнь к графу, который, подходя, не сводил с него пристального взгляда. Он отметил, что кое-кто из рыцарей, стоявших поблизости, услышал вопрос Атолла и теперь выжидающе смотрел на него, ожидая ответа.

— Все может быть, — с вызовом ответил Комин. — Люди у нас есть.

— Люди у нас точно есть, — согласился Атолл, останавливаясь перед ним. — А вот военачальников не хватает.

Прежде чем Комин успел открыть рот, заговорил его отец:

— Ваше презрение неуместно, Атолл. Мой сын только что привел нас к первой победе в этом году. Или вы отказываете ему в этой чести?

— При всем уважении, победа оказалась незначительной и досталась нам слишком поздно. Все лето я призывал к действию, но меня никто не слушал. Мы позволили

англичанам опустошать и грабить западные районы и захватывать замки, не встречая сопротивления.

Епископ Вишарт озабоченно нахмурился.

— Сэр Джон... — начал было он.

Но Атолл проигнорировал его, возвысив голос, чтобы и остальные могли слышать его.

— Эдуард и его армия получили полную свободу действий, а мы бросили своих людей на его милость. Можете быть уверены, они ее не дождались. Мы все слышали о сожженных городах и деревнях, убитых мужчинах, обесчещенных женщинах и искалеченных детях. Король Англии — толстокожий, у него шкура носорога. И то, что мы сегодня сделали, — всего лишь жалкий укол. — Граф с силой ударил по ладони сжатым кулаком. — А мы должны поразить его в самое сердце!

В толпе раздались возгласы одобрения, и Комин услышал их. Сын Атолла Дэвид во все глаза смотрел на отца, и на лице его была написана гордость. Неприязнь Комины сменилась откровенной ненавистью. Вот уже много месяцев Атолл был для него как бельмо на глазу, подвергая сомнению любое его решение и оставаясь постоянным источником раздражения. Более того, он продолжал оказывать поистине возмутительную поддержку Роберту Брюсу, отчего проклятый соперник незримо присутствовал в их среде, несмотря на то что этот сукин сын как сквозь землю провалился после того, как отказался от поста хранителя. Комин всей душой желал изгнать Атолла из их рядов, надеясь, что таким образом лишит Брюса последней возможности влиять на события в Шотландии, но граф командовал большим отрядом рыцарей, поддержка которого была крайне необходима окруженным мятежникам.

— Предлагаю не давать Длинноногому ни минуты покоя, — продолжал Атолл. — Осторожность стала нашим врагом. Агрессия должна стать нашим союзником. Давайте устроим набег на территорию Англии, пока король и его приспешники зализывают раны!

Когда одобрительный ропот сменился громкими криками, Комин с отцом заговорили одновременно, но воины, воодушевленные ночным триумфом и пламенной речью Джона Атолла, заставили их умолкнуть.

— Нужно позвать Уильяма Уоллеса домой! — крикнул какой-то мужчина, размахивая копьем. — Пусть он снова приведет нас к победе над английскими собаками!

Комин не выдержал и дал волю своему гневу.

— Уоллеса? — презрительно выкрикнул он. — Именно *из-за своей неспособности руководить* он и отказался от должности хранителя нашей страны. Фолкирк стоил жизни десяти тысячам скоттов!

Его слова вызвали настоящую бурю возмущения, и Комин с опозданием сообразил, какую ошибку совершил. Уильяма Уоллеса вот уже три года не было с ними, но предводитель мятежников по-прежнему отбрасывал длинную тень. Он первым обнажил меч против англичан, его грандиозный триумф под Стирлингом, его ярость на поле брани, даже его разбойничьи подвиги в первые дни мятежа — все это было еще свежо в памяти повстанцев, невзирая на его поражение при Фолкирке. То, что Уоллес, второй сын в скромной семье, сохранил больше уважения в свое отсутствие, чем он сумел завоевать за два года своего пребывания на посту хранителя, приводило Комины в бешенство. Вокруг зазвучали протестующие крики, и он увидел, как Джон Атолл смотрит на него с нескрываемым удовлетворением во взоре.

— В поражении под Фолкирком нет вины Уоллеса, — гневно заявил Нейл Кэмпбелл. —

В нем повинны дворяне, возглавляемые лордом Баденохом, которые бежали с поля брани, не нанеся ни одного удара по врагу!

Отец Комина и граф Бучан шагнули вперед, возмущенные оскорблением, нанесенным их фамильной чести. Грязно выругавшись, Комин схватился за рукоять своего меча.

— Замолчите все!

Резкий, скрипучий голос прокатился над поляной. Толпа притихла и расступилась, пропуская в первый ряд невысокого жилистого человека в черной сутане. Руки Уильяма Ламбертона, епископа Сент-Эндрюсского, были перепачканы кровью — он оказывал помощь раненым и отпевал погибших. На лице его застыло непреклонное выражение, а в странных глазах — один из которых был льдисто-голубым, а другой — белым, как жемчуг, — горел холодный огонь. Он встал между Кэмпбеллом и Комином, который уже наполовину вытащил меч из ножен.

— Как быстро от борьбы с англичанами мы переходим к борьбе друг с другом! Когда же мы поймем, что наша сила — в единстве, а не в разделении? — Голос его звучал страстно, как во время его яростных проповедей. — Сегодня вечером мы одержали победу, сэр Джон, — заявил он, поворачиваясь к Атоллу. — Не забывайте об этом в погоне за следующей. Подойдите ко мне. — Он жестом поманил графа. — Пожмите руку человеку, который принес нам эту викторию. Своему соотечественнику.

На скулах у Атоллы заиграли желваки, но под тяжелым и непреклонным взглядом Ламбертона он шагнул вперед и неохотно протянул руку.

Комин долго пожирал графа взглядом, а потом с силой загнал наполовину вынутый меч обратно в ножны. Мужчины обменялись коротким рукопожатием, глядя друг другу в глаза, после чего разошлись.

Ламбертон обвел взглядом остальных, подмечая в лицах и позах неуверенность и внутреннее напряжение.

— Уничтожение Лохмабена позволило нам выиграть время, в течение которого мы должны решить, что делать дальше. Руководствуясь здравым смыслом, — добавил он, глядя на Атоллу. — Восстановление Джона Баллиола на троне пока еще не состоялось. Мы с епископом Вишартом отправили гонца в Париж, чтобы выяснить, что требуется нашему королю для окончательного возвращения на престол. Давайте подождем его ответа и не станем принимать скоропалительных решений, ведь это запросто может изменить ход войны.

Вишарт и остальные согласно закивали головами, но Комин заметил, что Атолл задумался, словно эти известия его совсем не обрадовали. Было очень странно сознавать, что у них, оказывается, все-таки есть нечто общее.

Когда толпа начала расходиться — Джон Атолл ушел вместе с Нейлом Кэмпбеллом, а Вишарт отвернулся, чтобы продолжить разговор с лордом Баденохом, — Комин направился к тому месту, где оставил своего коня и снаряжение, не обращая внимания на оклики своих людей. На вершину холма все еще выходили последние отставшие от своих и уцелевшие воины, но большинство солдат уже рассеялись по склонам, чтобы передохнуть самим и дать отдых лошадям, прежде чем шотландская армия уйдет глубже в Лес, на свою базу. Комин миновал группу лучников, подсчитывающих оставшиеся стрелы. Закаленные люди из Селкиркского леса, их муштровал и готовил к боям еще Уильям Уоллес, когда был единоличным хранителем королевства.

Уоллес. Баллиол.

С тех пор как слухи о грядущем возвращении короля, подобно степному пожару, начали распространяться и шириться среди повстанцев, эти два имени стали преследовать его, словно в кошмарном сне. В отсутствие бывшего предводителя мятежников и низложенного короля он, Джон Комин, стал подлинным лидером Шотландии, завоевав это положение при поддержке своей семьи. Но теперь даже его честлюбивый отец с восторгом отзывался о реставрации своего зятя, короля. Он не устал повторять, что Коминам всегда и неизменно лучше всего удавались закулисные интриги. «Король — это всего лишь инструмент, а играем на нем мы». Но Комину нравилось быть на виду и купаться в лучах славы, и он не желал уходить в тень другого человека.

Он остановился на краю опушки, где склон холма терялся в темноте. В нескольких милях к югу он разглядел багровые отблески пламени, пожиравшего Лохмабен. Перед его внутренним взором вдруг всплыло лицо Баллиола, и Комина охватила ярость. Его дядя оказался никудышным королем. Он не сумел противостоять требованиям Эдуарда, и потому знатым дворянам, таким как его отец, пришлось самим взять бразды правления королевством в свои руки и восстать против англичан. Баллиол бежал с поля брани во время вторжения Эдуарда и провел несколько недель в скитаниях, прежде чем позорно сдался на милость победителя. Он стоял чуть ли не на этом самом месте, покорный и смиренный, как ягненок, позволив сломать большую печать Шотландии и сорвать со своей мантии королевский герб. Неужели люди, которые столь радостно приветствуют его возвращение, забыли об этом? Его отец прекрасно видел слабость Баллиола в управлении страной и не единожды упоминал о том, что и сам имеет право претендовать на трон.

И его сын не забыл об этом.

В кошмарах он видел огонь и лед. Его преследовала туманная и расплывчатая фигура, лица которой он не мог разглядеть, как ни старался. Часто он оказывался в тупике, иногда в залах и переходах замка, которых не узнавал, или же на открытом пространстве, но всегда лежа на спине, чувствуя, как его, промокшего до костей, прижимают к земле невидимые руки. И жуткая фигура неизменно находила его. Медленно поднимался арбалет, за которым приходила боль; плоть испытывала адские муки, когда железный наконечник пробивал кожу и устремлялся вглубь, разрывая ткани и сухожилия, вены и мускулы. Боль обжигала и ослепляла.

Иногда он кричал, но собственный голос казался ему чужим. Он пытался проснуться, отогнать кошмар, но стоило ему вынырнуть из забытья, как на него набрасывалась боль. Подобно злобной твари, она вонзала клыки в его плоть, и он опять проваливался в черную бездну беспомощности.

Роберт.

Собственное имя отозвалось в темноте новым звуком, знакомым, но неожиданным, словно друг, которого не видел долгие годы. Он пошевелился и потянулся к нему.

— Роберт.

Лежа с закрытыми веками, он ощутил мягкое свечение. Боль оскалила зубы, но он упрямо двигался вверх, к источнику своего имени. Он помнил, что этот голос принадлежит кому-то, кого он очень хотел увидеть. Из расплывчатого пятна свет превратился в столбик кровати, край стола и далекую дверь, озаренную пламенем свечи. Кто-то подошел и остановился над ним. При виде тянувшейся к нему руки его охватила паника. Он попытался сесть, но тварь в плече проснулась и завывала, едва не отправив его обратно в беспомощность.

— Лежи спокойно.

Снова этот знакомый голос. Стиснув зубы, чтобы не закричать от боли, он вновь открыл глаза. Лицо мужчины расплывалось перед ним, но вот черты его прояснились и обрели четкость. Это был Джеймс Стюарт, высокий сенешаль Шотландии.

Роберт попытался заговорить, но с губ его сорвался лишь сдавленный хрип.

— Вот, — сказал Джеймс, взяв со стола кубок и кусок ткани. Когда он обмакнул его в сосуд, тот покраснел. — Вино с медом, — пояснил старший товарищ, смачивая влажной материей губы Роберта.

Сладковатый привкус оказался на удивление приятным. Он сделал глотательное движение, чувствуя боль в пересохшем горле.

— Джеймс? — прохрипел он. — Где я?

— В замке Данлюс.

Услышав это название, Роберт вновь попытался сесть. Данлюс был одной из цитаделей графа Ольстера — могучая крепость, выстроенная на краю утеса и господствующая над северным побережьем Ирландии. На лбу у него выступил холодный пот.

— Как я попал сюда?

Джеймс наклонился, чтобы помочь ему, и подоткнул подушки, помогая выпрямиться.

— Ты совсем ничего не помнишь?

Сенешаль хмурился, опускаясь на стул, который, как видел теперь Роберт, стоял у кровати. Со своего места в изголовье, приподнявшись, он разглядел и двух мужчин, расположившихся по обеим сторонам двери, почти на самой границе круга света, отбрасываемого свечой. В глаза ему бросились красные повязки у них на рукавах и гарды мечей в виде поперечины.

— Я... — начал Роберт. — Я почти ничего не помню. — Опустив глаза, он увидел, что рану на плече закрывает плотный полотняный лоскут, который удерживали на месте повязки, туго перекрещивающиеся на спине. Лоскут побурел от засохшей крови. Роберт уловил горьковатый аромат. Что это, какие-то травы? Кожа на плече и груди была синевато-багрового оттенка. Он вспомнил дождь и кровь на лезвии своего клинка. Он вспомнил мужчину и поднимающийся арбалет. — На меня напали. Но кто это был, я не могу вам сказать. Равно как и то, как я попал сюда.

— Что ж, на некоторые твои вопросы я могу ответить. Люди графа Ричарда привезли тебя сюда два дня назад. По их словам, ты едва не умер по дороге. — Голос Джеймса был мрачен. — Жизнь тебе спас лекарь сэра Ричарда. Когда я прибыл сюда позавчера, он сообщил мне, что твоя рана начала заживать. Он полагает, что сумел вынуть болт, не причинив тебе лишних повреждений, и уверен, что спустя некоторое время ты вновь сможешь свободно владеть рукой.

От облегчения у Роберта перехватило дыхание. Сенешаль тем временем не сводил с него глаз. Лицо его, обычно столь невозмутимое, оставалось угрюмым. У Роберта на языке вертелись многочисленные вопросы, которые ему хотелось задать, несмотря на усталость и замешательство.

— Моя дочь? — вдруг проговорил он.

— Марджори по-прежнему пребывает в Шотландии с моей супругой. С ней все в порядке.

Роберт благодарно кивнул.

— А мои люди? Мои братья? На юге на нас напали рыцари Ольстера. Я не видел братьев вот уже... — Он покачал головой. — Несколько месяцев?

— Найалл и Эдвард прибыли ко мне в Кайл Стюарт. Они же рассказали мне о том, что случилось. Я пересек пролив так быстро, как только смог. Не понадобилось много времени, чтобы узнать: мой шурин держит тебя в плену в Баллимоте. Я как раз начал переговоры о твоём освобождении, когда выяснилось, что ты сбежал, прихватив с собой его дочь.

Радость Роберта, охватившая его, когда он узнал о том, что его братья живы и здоровы, сменилась беспокойством. Он сел, морщась от боли.

— Элизабет, с нею...

— Моя племянница цела и невредима. — Голос Джеймса посуровел. — Люди Ольстера слышали крики и решили посмотреть, что происходит. Элизабет предупредила их о том, что на тебя напали. Рыцари сэра Ричарда убили этого мужчину, когда он обратил свой арбалет против них.

— Так он мертв? — Роберт выругался и, обессиленный, откинулся на подушки. — Я даже не знаю, кто он такой. Или почему пытался убить меня.

Но Джеймс, кажется, его не слушал.

— О чем, ради всего святого, ты только думал, когда потащил за собой Элизабет через всю Ирландию? Ее же могли убить!

Милорд сенешаль, чье умение сохранять несокрушимое спокойствие перед лицом любых жизненных передраг вызывало у Роберта искренне восхищение и чье самообладание политика обеспечило ему положение одного из первых хранителей Шотландии после смерти короля Александра, вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате.

— Я не увозил ее силой, Джеймс, она сама хотела убежать.

— И ты полагаешь эту причину уважительной?

— Сэр Ричард знает, что я не похищал ее?

— Элизабет рассказала отцу, почему убежала, — немного помолчав, признал Джеймс и смягчился. — Она сказала, что ты ни в чем не виноват. Но не могу сказать, что мой шурин с нею согласен, — мрачно добавил он.

— Я думал, что, если лорд Донах привезет ее обратно в Баллимот, я смогу добиться освобождения Кормака. — Роберт взглянул Джеймсу в глаза. — Ольстер здесь, в Данлюсе? Он говорил что-нибудь о моем брате?

— При моем посредстве лорд Донах согласился выплатить сэру Ричарду некоторую сумму за помилование своего сына. Сейчас Кормак направляется обратно в Гленарм.

При этих словах сенешаля Роберт испытал невероятное облегчение.

— Ты существенно осложнил положение сэра Ричарда, — продолжал Джеймс, воспользовавшись его молчанием. — Брачный союз, которого он добился для Элизабет, аннулирован. Ее жених счел девушку опозоренной. Тебе придется отвечать за подобные последствия, Роберт. — Сенешаль нахмурился. — Ты меня слышишь?

Но Роберт его не слушал. Он обдумывал вопрос, который имел для него первостепенное значение. После свалившейся на него неожиданной удачи в нем ожила надежда.

— Мне нужно поговорить с вами наедине, — заявил он, глазами указав на двух стражников у двери.

Джеймс оглянулся на них и кивнул. Мужчины заколебались, но потом все же вышли из комнаты.

Когда за ними закрылась дверь, Роберт устремил взгляд на сенешаля.

— Найалл привез с собой посох в Кайл Стюарт и передал его вам? — Когда Джеймс ответил утвердительно, Роберт не смог сдержать улыбки. Закрыв глаза, он вознес благодарственную молитву. Значит, оно того стоило: отказ от места хранителя, расставание с дочерью и своими людьми, охота за реликвией, пленение и побег — все это было не напрасно. — Я сделал то, что должен был сделать, Джеймс. Сделал то, что обещал, когда отказался от своей должности на Совете в Пиблзе. Я нашел то, что нужно королю Эдуарду, чтобы пророчество осуществилось. Посох Малахии — вот ключ к свободе Шотландии. — Сенешаль покачал головой, но Роберт не обратил на него внимания, приняв этот жест за выражение сомнения. — Теперь мы можем потребовать пересмотра условий. Условий, которые гарантируют нам свободу.

— Прекрати, Роберт, — пробормотал Джеймс.

— Мы даже можем принудить его вернуть Камень Судьбы для коронации. — Роберт сделал паузу. — Моей коронации.

— Я сказал, прекрати!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

После столь недвусмысленного окрика Роберт умолк. Нахмурившись, он смотрел на

сенешаля; на морщины, избороздившие его лицо, и на горечь поражения в карих глазах.

— В твое отсутствие положение дел изменилось, — начал Джеймс. Теперь его голос звучал негромко и сдержанно. — Летом король Эдуард начал новую кампанию. Кампанию, целью которой стали твои земли. Пока он продолжал работы по возведению новых укреплений в Лохмабене на месте замка твоего деда, его сын повел армию в Каррик. Они жгли все — урожай, скот, целые поселения. Тернберри пал, а Эйр был разрушен до основания.

— Господи милосердный... — Роберт думал о своем графстве и о том, что его родной дом сожжен.

— Но и это еще не все. Незадолго до того, как я прибыл сюда, мне стало известно, что Джон Баллиол освобожден из-под папской стражи. Король Франции намерен помочь ему вернуться на трон.

Роберт резко сел на кровати, не обращая внимания на боль, пронзившую плечо.

— Он не может этого сделать! Эдуард не позволит Баллиолу ступить на землю Шотландии!

— У него может не остаться иного выхода. Филипп все еще удерживает в своих руках Гасконь, которую отчаянно хочет получить обратно Эдуард. В Шотландии все уверены, Роберт, что в самом скором времени Баллиол вернется домой. Если это случится, тебе и твоей семье более не будет там места. Не сможешь ты укрыться и в своих поместьях здесь, в Ирландии, и в Англии, учитывая твою приверженность делу освобождения Шотландии.

Когда смысл его слов дошел до сознания Роберта, он мельком подумал о Норвегии, где королевой была его старшая сестра Изабелла, но он тут же устыдился этих мыслей. Он не станет спасаться бегством и прятаться у нее под юбкой.

Джеймс медленно поднялся на ноги.

— Единственное, что тебе остается, — заключить союз с человеком, который сделает все, что в его силах, лишь бы не дать Баллиолу вновь завладеть тронem. С человеком, который сможет предложить тебе убежище, пока, если будет на то Божья воля, буря не утихнет.

Осознание того, что предлагал ему Джеймс, ледяной змеей вползло ему в сердце.

— Не может быть, чтобы вы имели в виду то, о чем я подумал.

— Ты должен сдаться королю Эдуарду. Заключи союз с врагом твоего врага. Это — единственный способ защитить свою семью и обезопасить свои земли.

— Это безумие! Если даже я соглашусь на такую глупость, Эдуард бросит меня в Тауэр, едва я пересеку границу!

— Может быть, и нет, — возразил Джеймс. — Если ты отдашь ему то, чего, по твоим же словам, он желает более всего на свете.

Роберт ошеломленно уставился на него, не веря своим ушам.

Сенешаль продолжал, и голос его звучал решительно и твердо:

— Ты должен сдаться на милость короля, умолять его простить тебя за твои преступления и отдать ему посох Малахии.

Ярость захлестнула Роберта, слепая и уродливая. Обессилевший от боли, он мог только сидеть, беспомощный и неподвижный, пока она бурлила в нем, ища выхода. Он хотел нанести ответный удар, но не мог даже пошевелиться. Вместо этого он лишь гневно тряхнул головой, глядя на сенешаля.

— Своими руками отдать ему единственное средство, с помощью которого я могу

добиться освобождения своей страны? Отдать то, ради чего я рискнул всем? Клянусь Богом, ни за что!

— Если Баллиол будет восстановлен на троне, эта страна перестанет быть твоей, Роберт. И ему, и его сторонникам прекрасно известно, что у тебя есть свои планы на престол. Они не позволят тебе вновь превратиться для него в угрозу. Ты станешь изгоем, лишенным земель и власти. И какая тогда тебе будет польза от обладания посохом?

Роберт закрыл глаза и громко, судорожно вздохнул. В словах Джеймса была горькая правда. Все его существо восставало против них, но холодное осознание чужой правоты оказалось сильнее. Его семья ступила на путь прямого противостояния с Джоном Баллиолом, когда пятнадцать лет назад отец и дед напали на его главную цитадель в Галлоуэе, показав всему королевству слабость Баллиола и разрушив его тогдашние надежды занять престол. Потом, много лет спустя, когда, уже будучи королем, Баллиол приказал клану Брюсов встать на его защиту и обратить оружие против Англии, отец Роберта заявил, что скорее умрет, чем станет сражаться за самозванца на троне. Но как бы сильно они ни соперничали с Баллиолом, вражда с Коминами была намного хуже; даже не вражда, а лютая ненависть, уходившая корнями в далекое прошлое.

Омытая кровью и порожденная предательством, вспыхнувшая между его дедом и лордом Баденохом, эта ненависть жила в обеих семьях, перейдя от деда Роберта к нему самому и от Баденоха — к сыну. Эта ненависть достигла своей кульминации в тот жаркий день на Совете в Пиблзе, когда Комин приставил кинжал к его горлу; в тот день, когда Роберт отказался от должности хранителя. Если Баллиол вновь утвердится на троне Шотландии, а Комины вернут себе прежнюю власть в королевстве, он со своей семьей ни минуты не сможет чувствовать себя в безопасности.

— Я нарушил свою клятву, Джеймс. Клятву, которая сильнее вассальной присяги. Нерушимую клятву. Эдуард никогда не станет доверять мне.

— Он может и поверить, если за тебя замолвит словечко один из самых преданных его вассалов. Жестокие времена вынуждают меня прибегать к жестоким мерам. Я рассказал Ольстеру о нашем намерении возвести тебя на трон. — Сенешаль поднял руку, призывая Роберта к молчанию, и тому оставалось лишь горько выругаться. — Да, я пошел на риск. Но Ричард де Бург на протяжении многих лет оставался верным союзником твоей семьи, и почти столько же времени он был врагом Баллиола, люди которого часто совершали набеги из Галлоуэя на его крепости и поселения. Мой шурин может быть человеком Эдуарда, но у него есть собственное честолюбие и амбиции. Если ты станешь королем, он многое выиграет.

— Между тем — пока я буду прохладиться при дворе Эдуарда, ожидая, когда эта нелепая сказка станет былью, — что выиграет Ольстер сейчас? Что, во имя Христа, помешает ему рассказать Эдуарду о нашем плане и обрести выгоду и еще большую благосклонность человека, который уже носит корону на голове?

— У моего шурина есть одно условие, выполнения которого он требует за то, что поможет тебе вернуть доверие Эдуарда. — Джеймс покачал головой, когда Роберт пожелал узнать, о чем идет речь. — Мы поговорим об этом подробнее после твоего выздоровления. А пока нам с сэром Ричардом довольно будет знать, что ты готов принести эту жертву.

Безысходность черной лавиной погребла Роберта под собой. Однажды его уже ненавидели соотечественники за то, что он сражался под знаменем Эдуарда. Понадобились годы усилий и сражений, чтобы доказать им: он на их стороне. А теперь ему предлагают

собственными руками разрушить все то, чего он достиг таким трудом. А что ждет его в Англии, ставшей домом для отца, который презирает его, и для людей, некогда доверявших ему: Хэмфри де Боэна, Ральфа де Монтермера и остальных? Вернуться в их общество всеми ненавидимым парией? От отчаяния он крепко зажмурился.

— У тебя нет другого выхода, Роберт, — негромко сказал Джеймс, наблюдая за эмоциями, отражавшимися у него на лице. — Если Баллиол вернется, ты потеряешь все. А так ты по крайней мере обеспечишь защиту себе и своей семье. Нам остается надеяться только на то, что Эдуард не позволит Баллиолу вновь сесть на трон. И если он преуспеет в этом, если будет на то воля Божья, однажды наступит такой день, когда ты предъявишь свои права на него.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1302 год

...один из них, весь в железе, вскочит на летучего змия... от крика его расвирепуют моря и устрашат второго. Тогда этот второй присоединится ко льву...

Гальфрид Монмутский. История королей Британии

Процессия медленно двигалась по дороге Кингз-роуд, проложенной через пропитанные водой поля. Ключья тумана висели над болотами и пологими берегами Темзы, где в камышах перекликались птицы. Было раннее утро середины февраля, и земля затаилась, скованная морозом. Копыта лошадей пробивали тонкий ледок, а колеса повозок перемалывали землю в жидкую грязь. Поднимающееся над горизонтом солнце походило на медный диск, подвешенный на пергаментного цвета небе.

Впереди на равнине внезапно вырос Вестминстер, где особенно выделялись высоченные здания аббатства и дворца, стоявшие в окружении зданий поменьше друг напротив друга на острове Торни, омываемом двумя рукавами Тайберна, [\[21\]](#)впадавшего в Темзу. Это было сердце королевства Эдуарда, воплощенное в кентском камне и пурбекском мраморе, в дубах и вязах Сассекса, вздымающееся из замерзших топей и ручьев, окружавших его. При виде его Роберта охватило предчувствие беды, крепнущее с каждым шагом коня. Некогда до боли знакомые и вызывавшие радостное возбуждение, эти снежно-белые стены и башни теперь готовились вынести ему суровый приговор. Окруженный со всех сторон рыцарями Ольстера, он чувствовал себя как в ловушке, и присутствие его брата Эдварда, который, строго поджав губы, ехал рядом, было для него слабым утешением.

Пять месяцев назад в замке Данлюс, согласившись с планом Джеймса Стюарта, Роберт поставил два условия. Первое заключалось в том, что Джеймс продолжит заботиться о его дочери, а второе предполагало, что в Лондон с ним поедет брат. Сенешалю он заявил, что ему нужен кто-нибудь, кто прикрывал бы ему спину, но на самом деле ему хотелось иметь рядом хотя бы одного человека, которому известна вся правда. Иначе Роберт боялся утратить свою последнюю, и без того хрупкую надежду на то, что этот вынужденный и позорный поступок означает не крах всех его устремлений, а всего лишь паузу в их достижении. И теперь, когда первые из рыцарей Ольстера переправились по деревянному мосту на другой берег Тайберна и копыта их коней глухо простучали по деревянным доскам, он вдруг отчаянно пожалел о том, что взял Эдварда с собой. Ради жалкой надежды на обретение толики утешения он подверг опасности жизни их обоих.

— Обратной дороги нет.

Брат поймал его взгляд.

— Нет, — угрюмо согласился Роберт, и слова его утонули в топоте копыт, так что люди Ольстера не могли их слышать. — Как бы там ни было, я очень жалею, что втянул тебя во все это. Я должен был ехать один.

— И лишить меня такого удовольствия? Я слышал, что в это время года Тауэр просто великолепен. — Но деланое веселье Эдварда быстро иссякло. — Я помню, что когда мы с тобой были здесь в последний раз, то не во всем сходились во мнениях, но сейчас я верю, что ты поступаешь правильно. Ты делаешь то, что должен, ради блага нашей семьи. В Шотландии, которой правят Баллиол и Комины, ни у тебя, ни у любого Брюса нет будущего.

— Здесь наше будущее может оказаться еще более незавидным и недолгим, — сумрачно заметил Роберт.

Эдвард пожал плечами, демонстрируя суровый фатализм.

— Тюремное заключение — худшее, что может случиться с нами, но половина тех, кого мы знаем, испытали на себе комфорт английских тюрем. Раньше или позже, но король освободил всех. Если не считать Джона Атолла, который освободился сам. — Эдвард усмехнулся. — Не представляю, кто способен надолго удержать этого смутьяна под замком. — Он нахмурился, когда Роберт никак не отреагировал на его слова. — Перестань, брат, английский король способен на что угодно, и я первым готов бросить в него камень, но при всем этом он сохраняет рыцарское достоинство и благородство. Никто и никогда не слышал о казни графа.

Роберт вновь не ответил, потому что ему пришлось пустить своего коня шагом по мосту вслед за рыцарями, под величественную каменную арку. Да и верил ли он в то, что тюремное заключение — и впрямь худшее из зол, их ожидающих, после того что он узнал в ту ночь, когда пришел в себя и увидел рядом со своей кроватью сенешаля? Он коснулся пальцами кусочка железа, висевшего у него на шее на кожаном шнурке, спрятанном под мантию. Его брат, конечно, может бесстрашно шутить насчет того будущего, что их ожидает, но ему не известна вся правда. Он не знает, что увидел Роберт в ту ночь в подземелье замка.

По правую руку от них на фоне блеклого неба резко выделялся фасад Вестминстерского аббатства. По коже у Роберта пробежали мурашки, когда он подумал о том, что совсем рядом, заключенный в коронационный трон Эдуарда, лежит Камень Судьбы. Он оглянулся на колоссальные ворота аббатства, глядя поверх голов английских рыцарей, сопровождавших их ко дворцу. Впереди, над свинцовыми крышами, уже маячил Вестминстерский дворец. Миновав Королевскую часовню, Расписную палату ^[22]и Уайтхолл, ^[23]они въехали на продуваемый всеми ветрами двор, где на них уставились клерки в черном облачении и посыльные. В Уайтхолле располагались Суд казначейства, Королевская скамья, ^[24]канцелярия лорда-канцлера и гражданский суд.

Спешившись, Роберт передал поводья Несу, который и привел его коня по кличке Хантер из Шотландии. Чалый жеребец, приберегаемый для турниров и войн, стал символом намерений Роберта сделать Англию своим временным домом. Для этой же цели его сопровождала свита из рыцарей и слуг, а также повозка с пожитками и имуществом — одеждой, монетами, доспехами и снаряжением, доставленным из Антрима. Роберт захватил с собой и несколько личных вещей, переданных ему Джеймсом Стюартом: кинжал с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями, гобелен из замка деда в Лохмабене, серебряное ожерелье, подаренное им первой жене Изабелле, кольцо, принадлежавшее еще его матери, и коллекцию разнокалиберных кубков, тарелок и мебели. Он еще подумал о том, что по горькой иронии судьбы состояние его семьи, которое предки наживали веками, включавшее огромные поместья на территории трех стран, сейчас уместилось на одной-единственной повозке.

Завидев графа Ольстера, разговаривавшего с мужчиной в голубой накидке цветов короля — скорее всего, управляющим, — Роберт подошел к ним. Слуги уже снимали с задка повозки клетку, в которой находилась его гончая. Щенку, единственному из всего помета Уатачи, которого он привез с собой из Гленарма, исполнилось всего полтора года, но он уже демонстрировал все признаки того, что станет настоящей охотничьей собакой, как и его мать. Роберт назвал его Фионном в честь легендарного ирландского воина, сагу о подвигах

которого он выучил наизусть еще мальчишкой в замке лорда Донаха. Фионн радостно залаял, учуяв запах хозяина. Рядом с клеткой вдоль борта повозки скатанным лежало его знамя. Сам он надел белую накидку и мантию, украшенные красным шевроном Каррика, но не смог заставить себя развернуть этот стяг, готовясь сдаться на милость человека, который уничтожил его графство.

— Король даст нам аудиенцию? — поинтересовался Роберт, останавливаясь рядом с Ольстером и глядя вслед мужчине в голубой мантии, который целеустремленно направился обратно ко входу в главный зал.

Ричард де Бург повернулся к нему. Его лицо в безрадостном зимнем свете оставалось жестким и невозмутимым.

— Они приняли моих посланцев, так что король Эдуард ожидает нашего прибытия. Подождем и мы. — Граф вперил в Роберта пристальный взгляд. — Вы не забудете о нашем уговоре. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Я сдержу свое слово, — сухо отвечивал Роберт, с вызовом глядя на пожилого мужчину. Он хотел задать ему тот же самый вопрос, сознавая грозящую ему опасность — ведь Ольстер был в курсе всех их планов, — но сдержался. Хитроумный граф постарался извлечь максимальную выгоду из того, что ему придется хранить тайну Роберта.

Возникшее между ними напряжение нарушили лязг и проклятия. Обернувшись, они увидели, как один из слуг Ольстера склонился над длинным деревянным ящиком, только что выскользнувшим у него из рук.

— Осторожнее, черт бы вас подрал! — разозлился граф и поспешил туда.

Роберт же остался на месте, глядя на ящик. Внутри этого ничем не примечательного ларца лежал посох Иисуса, которым владел святой Патрик и который восстановил святой Малахия. И который украл он, Роберт. Меньше месяца назад Джеймс Стюарт передал ему реликвию на пустынном побережье Каррика.

Вскоре после того, как Ольстер написал королю Эдуарду о том, что Роберт желает сдаться и что он лично препроводит его в Лондон, высокий сенешаль отправился в Ротсей, свой замок на острове Бьют. Когда плечо Роберта немного зажило, он поднялся на борт галеры Ольстера и пересек пролив, чтобы присоединиться к нему. Он хотел встретиться с сенешалем в Ротсее, где жили его дочь и братья, но Джеймс отказался, боясь, что соблазн объяснить мотив своего поступка семье окажется для Роберта слишком велик.

— Крайне важно, чтобы твоя капитуляция выглядела искренней, — сказал ему сенешаль перед тем, как покинуть Данлюс. — Чем меньше людей знают правду — что ты идешь лишь на временную жертву, — тем выше шансы, что наш план удастся. Король Эдуард отнюдь не дурак. Даже если он притворится, что принял твою капитуляцию, гарантирую, что он сделает все, что в его силах, дабы обеспечить твою лояльность без твоего ведома. Нам известно, что у него есть шпионы. И нам нужно, чтобы скотты отпускали в твой адрес только лишь проклятия из-за того, что ты предал их дело.

Слова эти болезненным эхом звучали в ушах Роберта, когда он высадился на побережье Каррика, где его ждали Джеймс с братом. Оттуда под покровом темноты они верхом отправились к границе в сопровождении рыцарей Ольстера. Так что не успел Роберт ступить на родную землю, как ему пришлось сдаться чиновникам короля в Аннандейле и пересечь границу, направляясь в Англию.

Роберт смотрел, как слуга Ольстера осторожно поднимает скромный с виду ларец, в котором находилась не просто бесценная ирландская реликвия, а триумф короля Эдуарда и

его поражение. Он ждал молча, стоя чуть поодаль от остальных, чувствуя, как охватывает его ледяной холод, а голые ветки деревьев в королевском саду стучат, словно кости, на ветру. Он вспоминал деда. Когда старый лорд был еще жив, жизнь казалась простой и понятной, а его путь — прямым и честным. А сейчас весь его мир покоился на песке.

Наконец вернулся управляющий короля и предложил Ольстеру с отрядом следовать за ним. Когда ему передавали ларец, Роберт вспомнил угрюмого брата Мертоу с изуродованным шрамом лицом, который отдал жизнь за то, чтобы сберечь посох. Рана отозвалась тупой болью, когда он взвалил ларец на плечо и зашагал вслед за Ольстером по двору, по которому гулял ветер, а потом вошел через огромные двери в гулкую черноту за ними.

Зал Вестминстерского дворца, построенного сыном Вильгельма Завоевателя и названного в его честь, имел в длину двести сорок футов. Ряды массивных колонн поддерживали гигантскую крышу, разделяя его пространство на три части. Двери вели в отдельные помещения, в которых размещались залы судебных заседаний, а с лотков, выстроившихся вдоль северной стены, клеркам и стряпчим продавали пергамент, перья и чернила. Король Эдуард не мог бы выбрать лучшего места, чтобы выслушать его капитуляцию, чем этот зал, где вершился суд и выносились приговоры. Роберту пришлось приложить усилие, чтобы прогнать страх, когда он зашагал по центральному проходу к огромному, застеленному ковром помосту, возведенному у южной стены.

На платформе стоял трон, освещаемый тусклым дневным светом, сочившимся в высокие стрельчатые окна. Вокруг него столпились люди. Они расступились, когда процессия приблизилась к ним. Роберт шел вслед за Ольстером, и широкие плечи графа загораживали ему происходящее, так что он слышал голос короля Эдуарда раньше, чем увидел его самого: этот знакомый чеканный голос, приказывающий графу подойти ближе. Когда Ольстер поднялся по ступеням и преклонил колено, глазам Роберта предстала впечатляющая картина.

Эдуард по прозвищу Длинноногий восседал на троне, прямой и неподвижный, словно вырезанная из дерева статуя. Он выглядел постаревшим и изможденным, щеки его ввалились, а веко нависало над глазом сильнее прежнего. Но, несмотря на эти внешние признаки слабости, он казался столь же несокрушимым, как и прежде, необыкновенно высокий и прямой даже сейчас, когда он сидел. Он кутался в ярко-алую мантию с тремя львами, вышитыми на ней, а голову его венчала золотая корона.

Боль в плече усилилась. Ларец оттягивал руки. Пока король и Ольстер церемонно приветствовали друг друга, Роберт ощутил множество взглядов, устремленных на него из толпы. Он огляделся по сторонам. Здесь были Энтони Бек, епископ Даремский, и Джон де Варенн, престарелый граф Суррей, чью армию разбил под Стирлингом Уоллес. Рядом с ними стояли рыцари короля — Ральф де Монтермер и Роберт Клиффорд. Некогда бывшие его товарищами, оба молча и угрюмо смотрели на него. Тут же находился и Генри Перси с холодным взглядом голубых глаз, и Томас Ланкастер, когда-то мягкие черты лица которого с возрастом огрубели. Сбоку от них замер высокий и рыжеволосый Ги де Бошам, граф Уорик. Однажды Роберт дрался с ним на дуэли в замке Конви из-за интрижки с его сестрой. Судя по выражению его лица, вражда, которую питал к нему Ги, ничуть не уменьшилась за это время.

Роберт встретился взглядом с высоким мужчиной, стоявшим у подножия помоста, и по телу его пробежала дрожь. Это был Эймер де Валанс, кузен короля и наследник графства

Пембрук. Шок узнавания сменился холодной враждебностью. Перед его внутренним взором всплыло лицо черноволосого рыцаря, с мечом в руке идущего на него в грязной комнате какой-то лачуги в Лланваесе. Губы Эймера раздвинулись в злобной улыбке, и Роберт заметил блеск металлических скобок, которыми крепились к его резцам два передних зуба, позаимствованные у другого человека. Его собственные были выбиты латной рукавицей Роберта в той памятной схватке в Лланваесе. Эймер шагнул было к Роберту, но чья-то рука легла ему на плечо. Она принадлежала Хэмфри де Боэну. Встретить взгляд этих зеленых глаз, полный спокойной неприязни, Роберту было тяжелее всего. Остальные когда-то называли его братом, но лишь формально, поскольку все они были Рыцарями Дракона. А вот с Хэмфри их связывала настоящая дружба. Пески под их ногами предательски расступились, и из братьев они превратились в смертельных врагов.

— Подойдите.

Голос короля вернул Роберта к действительности. Видя, что Ольстер отошел в сторону, он приблизился, пройдя сквозь враждебно настроенную толпу. Он поднялся по ступеням, и ковер приглушил звук его шагов. Взгляд светло-серых глаз Эдуарда был устремлен на него. Король подался вперед, его длинное тело напряглось, и он напомнил Роберту змею, изготовившуюся к броску.

Роберт опустил деревянный ларец на пол у ног короля и преклонил колено.

— Милорд король, я пришел засвидетельствовать свое почтение и вновь принести присягу верности, умоляя вас простить меня за участие в мятеже скоттов. Отныне я веряю себя и все свое имущество вашему справедливому суду. Я расторгаю все свои договоренности с моими соотечественниками. Я объявляю аннулированными все альянсы, заключенные мной с мятежниками, кои злоумышляют против вас и нарушают ваш мир и покой. В знак своей покорности и верности прошу вас принять сей дар.

Когда Роберт откинул крышку ларца, Эдуард склонился над ним, чтобы рассмотреть содержимое. В его глазах засверкало торжество, и он перевел взгляд на Роберта.

— Сэр Ричард сообщил мне, что его люди захватили вас в плен в Ирландии при попытке перевезти реликвию в Шотландию. — Его ледяной голос сочился ядом. — Объяснитесь, почему вы теперь передаете мне ее в дар?

В ушах у Роберта зазвучал голос Джеймса Стюарта: «Говори правду везде, где только можно. Это — единственный способ убедить такого человека, как Эдуард. Если ты станешь рядиться в сотканые из правды одежды, ему будет труднее разглядеть под ними ложь».

— Я действительно хотел забрать посох себе. Это правда. С его помощью я намеревался выторговать свободу для Шотландии. Но в Ирландии я узнал, что Джон Баллиол должен вернуться на трон моего королевства, и цели мои изменились. Я хочу, чтобы в моей стране воцарился мир, но не под его правлением. Несмотря на возникшие между нами разногласия, я знаю, что нас объединяет одно общее желание: не допустить, чтобы Баллиол вновь занял трон. Принося вам в дар посох и свою клятву верности, я прошу вашей помощи в этом.

Золотые львы на мантии короля пришли в движение, когда пальцы его сомкнулись на резной рукояти жезла.

— Что вы рассчитываете получить взамен, помимо поражения Баллиола? Что вы желаете выиграть этим союзом?

Теперь Роберт не колебался ни мгновения:

— Я хочу гарантий сохранения за собой своих титулов и земель, равно как и того, что моим арендаторам сохраняют жизнь и имущество. Кроме того, когда восстановление Баллиола

на престоле будет предотвращено — а я докажу, что достоин вашего доверия, — вы, быть может, сочтете возможным назначить меня на какую-либо должность в Шотландии, заняв которую, я смогу выступить посредником между нашими народами и не допустить кровопролития в дальнейшем.

По толпе прокатился глухой презрительный ропот. Эдуард и Роберт не отрываясь смотрели в глаза друг другу.

Наконец король резко втянул воздух носом и простер обе руки.

— Я принимаю вашу капитуляцию. Ваши земли будут сохранены за вами, а вашим арендаторам будет дарована пощада.

Роберт, не поднимаясь с колен, потянулся и взял короля за руки. Пальцы Эдуарда были ледяными на ощупь, но их хватка была железной. Роберт заговорил, принося вассальную присягу и клятву верности своему господину, и слова камнем ложились ему на сердце. Он догадывался, что его ждет. Пусть в глубине души он знал, что лжет во имя спасения, но в реальности ему не удастся сделать вид, что это неправда. Эдуард потребует от него конкретных действий в подтверждение своей клятвы. Роберт понимал, что его ждут многие битвы, в которых ему придется пролить шотландскую кровь ради того, чтобы его обман не раскрылся. Жестокая судьба вновь отбросила его в самое начало пути, который отнял у него так много сил. Когда он сражался в одном строю с англичанами, какая-то часть его жаждала поверить в справедливость их дела. Как он сможет повторить это теперь, учитывая произошедшие в нем перемены? И, хуже того, учитывая то, что, как он опасался, было правдой?

Когда церемониал завершился, Эдуард откинулся на спинку трона.

— Передайте мне посох.

Роберт сунул руку в ларец. Золотая резьба, покрывавшая жезл, показалась ему ледяной на ощупь. Он медленно извлек оттуда посох Короля Королей, символ верховной власти. Если верить видению Мерлина, эта реликвия, соединившись в Вестминстере с Мечом Милосердия, Коронай Артура и Камнем Судьбы, сделает Эдуарда правителем Британии. Роберт вспомнил о том, что открылось ему в мрачном подземелье замка Данлюс, и с трудом заставил себя протянуть королю посох, чувствуя, как каждая жилка в его теле протестует против такого надругательства.

Эдуард жадно схватил посох. Выпрямившись во весь рост над коленопреклоненным Робертом, в алой мантии, широкими складками ниспадавшей на пол, он поднял жезл высоко над головой, демонстрируя его своим людям. Драгоценные камни, которыми был инкрустирован посох, засверкали в утреннем свете. Толпа разразилась аплодисментами. Сердце, словно барабан, гулко стучало у Роберта в груди.

Когда приветственные крики стихли, король холодно взглянул на него сверху вниз.

— Вы можете подняться. Мой управляющий покажет ваши апартаменты. Что же до предложения сэра Ричарда, то я обдумаю его.

— Благодарю вас, милорд, — пробормотал Роберт. Он поднялся на ноги, распрямляя затекшие члены. При этом кусок железа, висевший на шнурке у него на шее, выскользнул из складок мантии.

— Что это такое?

Роберт встретил острый взгляд Эдуарда. Его охватила тревога. словно наяву, он слышал голос Джеймса, умолявшего его быть осторожным, но он постарался отогнать от себя дурные предчувствия. Он пока не хотел никому показывать наконечник стрелы, но, раз

уж это случилось, не соби́рался упускать представившуюся возможность.

— Это — наконечник арбалетной стрелы, милорд, которой меня ранили в Ирландии.

Уголки губ Эдуарда вздрогнули, словно от удивления. Оно мелькнуло и исчезло в мгновение ока, после чего стальной фасад невозмутимости закрылся вновь. Но Роберт готов был поклясться, что заметил тень на лице короля.

И он был уверен, что это — страх.

Джеймс Стюарт стоял у окна своих апартаментов и смотрел, как всадники через туннель въезжают во двор замка под железными зубьями опускной решетки. Лошади храпели и фыркали, и пар от их дыхания клубился в утреннем воздухе, а копыта звонко цокали по прихваченной морозцем земле, эхом отражаясь от побуревших от времени и непогоды стен и башен замка Ротсей.

Февральские холода заставили всадников кутаться в подбитые мехом накидки, пряча лица под низко надвинутыми капюшонами, но гербы на их накидках и пополах были Джеймсу хорошо известны. Узнавая их, он испытывал не удивление, а тоскливую усталость.

В дверь постучали. Когда она отворилась, Джеймс обернулся. На пороге стоял его управляющий.

— У вас гости, милорд. Вы примете их?

— Пригласи их прямо в залу. — Джеймс вновь выглянул в окно. Всадники спешили, передавая коней гrooms, подбежавшим к ним из конюшен. — И позови остальных, Алан. Время пришло.

После ухода управляющего Джеймс подошел к столу, заваленному документами. В камине весело и жарко потрескивал огонь, жадно пожирая поленья, сложенные слугами на решетке. Устало прикрыв глаза, он глубоко вздохнул.

Он знал, что этот день неизбежно наступит, хотя и молил Бога, чтобы этого не случилось. На мгновение он позволил себе предаться тоскливому сожалению о том, как все обернулось; о плачевном состоянии, в котором оказались королевство и народ, ослабленные железным кулаком войны, которая все последние годы выжимала из них кровь и жизнь, благосостояние и веру. Фортуна отвернулась от скоттов с тех самых пор, как его вассал Уильям Уоллес принес им славу под Стирлингом. И вот сейчас Джеймс собственными руками собирается задушить последние ростки веры. Только ему была известна тайна: что однажды надежда может еще прорасти из крошечного семени, посаженного в самом сердце Англии.

Встряхнувшись, он направился к двери и, распахнув ее, шагнул в полутемный простор своей главной залы. Свежая солома, рассыпанная по плитам пола, заглушала его шаги, когда он подошел к возвышению. Аромат свежескошенной травы, исходящий от соломы в волнах жара, наплывавших от огромных каминов, напомнил ему влажный летний полдень. Оказывается, и такая простая мысль способна доставить ему печаль. Сенешалю казалось, что летний полдень больше никогда не наступит и будут сменять друг друга лишь сезонные английские кампании, за которыми на обожженные голые поля, потерявшие урожай, придут морозы, и с каждым разом у страны будет оставаться все меньше сыновей, чтобы засеять землю вновь. Тусклый утренний свет сочился в высокие окна, и в косых его лучах танцевали пылинки. Когда Джеймс поднялся по ступеням на возвышение и остановился во главе длинного стола, двойные двери распахнулись и в залу вошли семеро мужчин. Их кольчуги и

навершия мечей сверкали в бронзовом свете каминов.

Высокий мужчина, шедший первым, подойдя ближе, откинул капюшон, тяжело ступая по полу. Лицо Джона Атолла было мрачным, и он вперил в Джеймса суровый взгляд. Следом за ним подошел его сын Дэвид вместе с Александром и Кристофером Сетонами. После бегства из Ирландии с братьями Роберта, доставив ему посох Святого Малахии, кузены ненадолго задержались у сенешаля в Ротсее, но по мере того, как шли недели, а от Роберта не было никаких известий, они потеряли покой, не находя себе места. Наконец, доведенные до отчаяния бездействием, они уехали, намереваясь присоединиться к повстанцам в Селкиркском лесу. Очевидно, именно там они и встретились с графом.

— Сэр Джеймс, — коротко приветствовал его Атолл, останавливаясь перед возвышением. — Это правда?

Смысла прибегать к околичностям не было. Никто из них не мог позволить себе роскоши пустых разговоров ни о чем, когда вопрос стоял просто: победа или поражение, жизнь или смерть. Тем не менее резкость Атолла неприятно поразила Джеймса.

— Это правда? — требовательно повторил граф. То, что он был на несколько футов ниже сенешаля, стоявшего на возвышении, отнюдь не уменьшало его властности. — Роберт действительно сдался?

— Сдался?

При звуках этого юношеского голоса Джеймс перевел взгляд с Атолла на Найалла и Томаса Брюсов, которые только что вошли в залу в сопровождении его управляющего. Вопрос задал Найалл.

С тех пор как Джеймс вернулся из Антрима, молодой человек донимал его расспросами о том, почему с ним не приехал его брат, пропуская мимо ушей успокоительные и уклончивые ответы сенешаля, что, дескать, Роберт вернется, как только оправится от ран. Найалл словно бы догадывался, что он лжет. Джеймс ощутил острый укол сожаления, зная, что через несколько мгновений прямой и честный молодой человек больше никогда не сможет доверять ему.

— В Селкирке до нас дошли слухи, — продолжал Атолл. — Говорят, на границе Роберт передал себя в руки англичан. Также говорят, что посох Малахии у него и что он намеревается вручить реликвию и свою судьбу королю Эдуарду, положившись на его милосердие.

— Этого не может быть! — воскликнул Томас, когда они с Найаллом подошли и остановились рядом с Атоллом и Сетонами. — Посох находится здесь, у сэра Джеймса, а мой брат еще не вернулся из Антрима.

Джеймс заметил, что на него смотрит Найалл. На лбу молодого человека собрались морщинки, а в глазах появилась боль, когда стала очевидной его ложь. По горькой иронии судьбы братья последними узнали правду, учитывая их близость к нему, но на Бьюте они пребывали в изоляции от остального мира, вдали от лагеря повстанцев, где слухи распространялись со скоростью лесного пожара. На это сенешаль и рассчитывал. Чем раньше мятежники узнают о дезертирстве Роберта, тем скорее они станут проклинать его, и тогда его капитуляция покажется Эдуарду искренней, пусть и вынужденной.

— То, что вы слышали, — правда. Чуть более месяца назад Роберт отплыл из Антрима с графом Ольстером. Я встречался с ним и вашим братом в Каррике, — сообщил он Томасу и Найаллу. — Они оба отправились в Англию вместе с посохом.

— Эдвард сказал, что собирается навестить нашу сестру в Маре, — невыразительно

заметил Томас, по лицу которого было видно, что он не поверил ни единому слову сенешаля.

— Это я посоветовал ему не говорить вам правду. Я опасался, что вы сможете убедить его и Роберта остаться. Я решил, что так им будет легче сделать то, что они задумали.

— Что произошло в Ирландии? — пожелал узнать Атолл. — Что заставило Роберта так поступить? И почему, во имя Господа, вы не остановили его?

Александр выглядел так, словно его терпение на исходе. Кристофер, похоже, был настолько ошеломлен услышанным, что, подобно Томасу, никак не мог примирить происходящее с тем Робертом, которого знал.

— У Роберта своя голова на плечах, Джон, и, думаю, вы знаете его достаточно хорошо, чтобы понимать: он бы не решился на подобный поступок, не имея на то веских оснований. Вам уже наверняка известно, что Баллиол вознамерился вернуться на трон с помощью короля Филиппа. Если это случится, Роберту не будет места в Шотландии. Так что у него не было выбора.

— Не было выбора? — Голос Александра эхом прокатился по зале. — У него был тот же самый выбор, что и у всех нас: отдать свои земли и состояние ради борьбы за свободу королевства, сколь бы высокой ни была цена! И увидеть на троне законного и достойного короля. — Тон его стал жестче. — И он поклялся, что станет таким королем. Или он счел принесенные нами жертвы, когда мы поддержали его, недостаточными, и потому сам не смог решиться на них?

— Брат, — начал Кристофер и положил руку ему на плечо, — у Роберта наверняка были свои причины. Я не верю, что он поступил так без достаточных на то оснований.

Александр стряхнул его руку.

— Причины? Еще бы, их у него предостаточно. Причины спасти собственную шкуру, когда он увидел, что корабль тонет, а все, кто остался на борту, могут идти к дьяволу! — Он шагнул к Джеймсу. — Как вы могли согласиться с этим?

Джеймс напрягся, но постарался сохранить невозмутимость.

— Сдавшись на милость Эдуарда, Роберт принес высшую жертву. Если бы судьба предложила ему другой путь, он бы выбрал его, поверьте. — Джеймс заколебался. Первоначально он не собирался говорить им что-либо еще, но шок и ярость на их лицах вынудили его бросить им соломинку надежды. — Всегда остается возможность того, что Роберт вернется в Шотландию, если Баллиолу помешают взойти на трон.

— В качестве марионетки короля Англии! — взорвался Атолл. — А тем временем судьба восстания повисла на ниточке в руках Джона Комина. Жалкая победа при Лохмабене — вот и все, что он сподобился предложить после той бойни, которую устроили нам англичане этим летом. Еще одна такая кампания, и, клянусь, эта ниточка оборвется. Роберт завладел единственной вещью, которая могла помочь нам в переговорах, и передал ее в руки нашего врага. Боюсь, что вы обрекли нас на смерть. — С этими словами Атолл повернулся и широким шагом вышел из залы. Его сын последовал за ним в сопровождении Александра, который напоследок метнул на сенешаля гневный взгляд. Кристофер задержался еще на миг, но потом и он вышел следом за своим братом.

Джеймс смотрел им вслед. Обращаясь к своему управляющему, он сказал:

— Алан, предложи моим гостям еду и питье перед тем, как они уедут. Если они откажутся отобедать за моим столом, распорядись собрать для них еду в дорогу. — Он посмотрел на Найалла и Томаса. — Надеюсь, вы простите мне мою ложь. Молю Бога, чтобы со временем вы поняли: это был единственный выход. — Оба промолчали, и он отвернулся,

сошел с возвышения и направился в свои покои.

Затворив за собой дверь, Джеймс подошел к занимавшему целую стену гобелену, на котором была выткана карта, где были показаны его владения: Бьют, Ренфру и Кайл Стюарт. Он унаследовал обширные территории на западе от своей семьи, чьи представители многие века получали пост высокого сенешаля Шотландии. Англичане захватили Ренфру, и король даровал его графу Линкольну. И сейчас сенешаль спрашивал себя, сколько еще времени пройдет, прежде чем вся карта окажется в их руках.

Джеймс подумал о Роберте, который сейчас наверняка находился уже в самом Вестминстере. Удался ли их план? Принял ли его капитуляцию Эдуард? Или же зернышко надежды уже засохло и умерло на холодных камнях лондонского Тауэра?

Вестминстер, Англия

1302 год

Управляющий толкнул дверь плечом.

— Ваши апартаменты, сэр.

Роберт вошел в комнату, находящуюся неподалеку от главной залы. Расположенные на верхнем этаже в старой части дворца апартаменты, предоставленные ему и его людям, были тесными, но довольно уютными. Его покои были меблированы скудно — кровать, стул без спинки и стол, на котором стояли глазурованные кувшин и таз. В очаге лежала грудa пепла, и в комнате было прохладно. В окно тянуло ледяным сквозняком.

— Я пришлю кого-нибудь из слуг развести огонь, — заверил его управляющий. Он отвернулся и заговорил с одним из пажей, которые сопровождали их, когда они покинули залу.

Предоставив брату и Несу заниматься обустройством на новом месте, Роберт закрыл дверь. Задвинув засов, он сбросил с плеч мантию и скинул гамбезон. Нижняя рубашка насквозь промокла от пота. Пока они шли сюда из королевской залы, он старался взять себя в руки и справиться со своими чувствами. Но сейчас они вырвались на волю. На лбу у него выступил пот, а по телу пробежала дрожь сдерживаемого волнения. Схватив глазурованный кувшин, Роберт налил воды в таз и стал пригоршнями плескать ее себе в лицо. Выпрямившись, он замер. Капли воды стекали по его бороде, а в душе боролись облегчение, отчаяние и дурные предчувствия.

С одной стороны, ему гарантировали неприкосновенность его осажденных и разоренных земель в Шотландии, а Эдуард принял его капитуляцию. С другой — он сам отрезал себе дорогу назад, лишился последней возможности отказаться от плана сенешаля и взять обратно слово, данное Ольстеру, если король сейчас согласится на предложение графа. Он должен будет остаться здесь, во власти своего нового-старого господина, которому придется делом доказывать свою верность. Но даже сейчас, оказавшись лицом к лицу с этой новой реальностью, он чувствовал, как его охватывают дурные предчувствия, стоило ему вспомнить выражение лица Эдуарда. Уж не показалось ли ему? Или же он просто выдает желаемое за действительное? Нет. Он был уверен в том, что зрение его не обманывает. Он явственно увидел страх в глазах короля, когда заговорил о том, как попал к нему наконецник арбалетной стрелы.

Данлюс, Ирландия

1301 год

Шестью месяцами ранее

Роберт, пошатываясь и медленно переставляя ноги, шел по узкому коридору, стиснув зубы, чтобы не закричать от боли, и крепко держась за плечо Джеймса Стюарта. Здесь, в подземелье замка Данлюс, промозглый воздух был пропитан ладаном, сквозь который пробивался неприятный запах тлена. В полубреду ему казалось, будто он вошел в какую-то оскверненную подземную часовню. Грубые, сложенные из базальта стены сочились каплями грязной воды. Факел в руке одного из двух стражей, шагавших перед ними, начинал трещать и плеваться брызгами на сквозняке, когда они проходили мимо проемов, ведущих в кладовые. Издалека доносился неумолчный гул волн, разбивающихся о скалы, словно какой-то великан молотил кулаками в стены замка.

Пот щипал Роберту глаза и стекал по щекам, хотя в подземном лабиринте стоял жуткий холод. После того как он с трудом поднялся с постели и проковылял, опираясь на руку Джеймса, по коридорам замка, повязка на ране пропиталась алым. И сейчас кровь медленно проступала сквозь ткань сорочки.

— Это безумие. — Голос сенеишля прозвучал сдавленно, ему было трудно тащить на себе Роберта. — Мы вполне можем подождать. Все равно коронер [\[25\]](#) прибудет не раньше чем через день или два. А ты бы к тому времени окреп.

— Нет, — прохрипел Роберт, которому свет факела больно резал глаза. — Я хочу взглянуть на него.

— Далеко еще? — обратился Джеймс к стражникам и выругался, задев каменную стену прохода.

— Сразу за погребом с элем, сэр. Ярдов десять, не больше.

— А не могли до него добраться крысы?

— Тело охраняет Ранульф, один из егерей сэра Ричарда, сэр.

Миновав темный проем, из которого пахнуло прокисшим элем, они увидели еще один проход, из которого лился тусклый свет факела, освещая влажные камни пола. Круг света стал шире, когда к нему присоединились отблески их собственного факела. Запах ладана здесь ощущался намного сильнее, как, впрочем, и тлена; сладковатая вонь разлагающегося мяса заставила Роберта отвернуться. Стражники, старательно прикрывая рот и нос ладонями, нырнули в темный проем. Джеймс последовал за ними, таща за собой Роберта.

Они оказались в очередной кладовой. У дальней стены громоздилось несколько разбитых ящиков и бочек. В кольце трещал факел, а из курильницы, стоящей на ящике, вырывались клубы дыма. На одной из бочек сидел коренастый и грузный мужчина, нижнюю часть лица которого прикрывала тряпичная маска. Лежавший на полу рядом с ним черный лаймер [\[26\]](#) поднял голову и глухо зарычал. Ранульф-охотник встал и вопросительно прищурился, глядя, как в кладовую вслед за стражниками входят Джеймс с Робертом.

Когда люди Ольстера подошли к егерю, чтобы поговорить с ним, Роберт заметил у дальней стены грубые деревянные козлы с крышкой. На них лежал продолговатый предмет, завернутый в мешковину, завязанную с одного конца. Запах гниения забивал ноздри и лез в рот и горло.

— Что ж, сейчас вы его увидите, раз граф Ричард разрешил, — окликнул Ранульф Роберта и Джеймса. Сквозь ткань повязки голос его звучал приглушенно. — Но предупреждаю заранее — он благоухает так, что сам дьявол упал бы на колени. По-хорошему, его давным-давно следовало бы закопать.

Джеймс поддерживал Роберта, пока тот, прихрамывая, доковылял до стола, и егерь снял с пояса нож.

— Мне придется разрезать саван, — коротко бросил Ранульф. Прихватив горстью мешковину, он проткнул ее ножом. — Когда его везли сюда на телеге, за него взялись мухи, — добавил он, вспарывая мешок, — так что черви уже пируют вовсю.

Когда он вспорол мешковину, комнату заполнил омерзительный запах гниения. Полуослепший от боли в плече, Роберт навалился на Джеймса, чувствуя, как рот его наполнился желчью.

— Мать Божья, — пробормотал сенешаль, отворачиваясь от неаппетитного зрелища.

Ранульф сунул нож за пояс и развел в стороны края взрезанной мешковины. Взору их предстал труп. Стараясь дышать ртом, Роберт уставился на человека, пытавшегося убить его. Нижнюю часть его лица скрывала борода, но оливковый цвет кожи по-прежнему был хорошо различим, хотя сейчас он приобрел грязно-серый оттенок с коричневыми трупными пятнами по обеим сторонам шеи, образовавшимися там, где она соприкасалась с днищем телеги, когда началось окоченение. Язык распух и не помещался во рту, в котором уже завелись жирные лоснящиеся черви. Личинки копошились и в глазницах трупа.

Роберт с трудом проглотил комок в горле. Он не ощущал ничего, кроме тошноты. Ни жалости, ни гнева и, уж конечно, никакой радости. Он сам толком не понимал, что ожидал увидеть, и знал лишь, что непременно должен взглянуть на тело, после того как Джеймс сообщил ему, что люди Ольстера привезли его.

— Как он умер?

Ранульф откинул мешковину с тела, обнажая дыру на горле.

— Один из рыцарей графа Ричарда оказался метким стрелком. — В его голосе прозвучало искреннее восхищение.

В ране копошились личинки, и казалось, что края ее движутся и вздрагивают. Роберт снова сделал глотательное движение. Ноги у него подгибались, а пятно на сорочке становилось шире.

— Довольно, — решительно заявил Джеймс. — Пойдем, я отведу тебя обратно.

Но тут Роберт заметил арбалет, лежавший в конце стола, под ногами мертвеца. Рядом с оружием виднелась кучка одежды, а также кольчуга и две кожаных переметных сумы.

— Вы нашли что-нибудь, что помогло бы опознать его? — прохрипел он, оттолкнувшись от Джеймса, и вцепился в крышку стола, чтобы не упасть.

— Ничего, — отозвался Ранульф, когда Роберт неверными шагами подошел к арбалету.

— У него был конь, — сказал Роберт, к которому вдруг вернулось воспоминание о жеребце, привязанном снаружи у амбара.

— Наши люди нашли лошадь, — подтвердил охотник. — Но больше на нем ничего не было, — добавил он, глядя на снаряжение.

Роберт провел рукой по цевью арбалета, которое крест-накрест обвивал цветной шнурок. Он выглядел полинявшим и потрепанным, поскольку оружием, очевидно, пользовались очень часто. Рядом лежал колчан. Один болт валялся на крышке стола, древко его было сломано пополам. Он взял в руки перепачканный кровью наконечник.

— Его вынули из вас.

— Я бы хотел оставить его себе, — пробормотал Роберт.

Ранульф пожал плечами.

— *Если коронер не будет возражать, забирайте. — Он нахмурился. — Хотя я не понимаю, зачем он вам понадобился.*

— *На память. — Роберт тяжело привалился к козлам и принялся внимательно рассматривать кусок железа, едва не оборвавший его жизнь. — Чтобы не расслабляться и всегда быть начеку. — Спустя мгновение он положил наконечник обратно на стол, чувствуя себя измученным до предела. — Вы были правы, Джеймс. Здесь не на что смотреть. Хотя я думал, что лошадь и арбалет... — Он умолк. — Пожалуй, он и впрямь лишь обычный грабитель, как вы и говорили.*

Но ответа не последовало.

Роберт оглянулся.

— *Джеймс?*

Сенешаль пристально смотрел на мертвеца, и на лице его было написано очень странное выражение. Вдруг он повернулся к двум стражникам. Они стояли у входа в кладовую, прижав руки ко рту.

— *У сэра Ричарда здесь есть цирюльник?*

Оба недоуменно нахмурились. Но потом один из них, тот, что держал факел, ответил:

— *Разумеется, сэр.*

— *Приведите его сюда немедленно. И пусть захватит свои инструменты. — Видя, что стражники колеблются, Джеймс резко добавил: — Разве сэр Ричард не приказал вам не перечить мне ни в чем?*

Стражник с факелом посмотрел на своего товарища, ища поддержки, и тот кивнул.

— *В чем дело, Джеймс? — спросил Роберт, когда стражник нырнул в проем, ведущий наружу.*

Но сенешаль снова смотрел на труп.

— *Пока не знаю. — Он покачал головой и еле слышно пробормотал: — Этого не может быть. — Но лицо его оставалось строгим и хмурым.*

Роберт заставил себя подойти к одной из бочек, на которую и опустился, совершенно обессиленный, зажимая ладонью рану в плече. Он закрыл глаза. Запах ладана и гниющей плоти назойливо лез в ноздри. Он прижался затылком к ледяной стене, а по спине у него стекали струйки пота.

— *Только бороду. Сбрейте ее, и все.*

Роберт открыл глаза. Джеймс и егерь стояли у стола вместе с третьим мужчиной, который поспешно завязывал рот и нос полоской ткани. «Цирюльник», — понял Роберт, спрашивая себя, сколько же времени он просидел вот так, в полузабытии.

Цирюльник достал из мешка ножницы.

— *Осторожнее, — предостерег его Ранульф, заглядывая ему через плечо, — вы же не хотите, чтобы слезла и кожа, а? Он переспел, как гнилой фрукт.*

Роберт заметил, что у цирюльника дрожат руки, когда тот начал подстригать бороду. Пока он работал, Джеймс не отходил от него ни на шаг, не сводя глаз с трупа. Закончив, цирюльник достал бронзовую бритву с кривым лезвием и украшенной драгоценными камнями рукояткой. Он заколебался, и рука его с бритвой замерла над щетинистым подбородком трупа.

— *Я больше не смогу работать ею, — хрипло пробормотал он. — Одному Господу Богу известно, какие заразные болезни поселились в этом теле.*

— Я возмещу вам потерю, — нетерпеливо бросил Джеймс.

Роберт облизнул пересохшие губы, когда цирюльник принялся за работу. В помещении было тихо, если не считать скрипа лезвия о кожу и приглушенного дыхания стражников. Ему хотелось знать, что задумал Джеймс, но он видел: сенешаль слишком занят, чтобы сейчас разговаривать с ним. Он решил, что скоро все выяснится само собой. Цирюльник дважды делал передышку и отворачивался, подавляя рвоту. В свете факелов было видно, что глаза его слезятся. Лаймер сочувственно залаял.

Но вот наконец бритье закончилось. Джеймс долго стоял, глядя на труп, а потом вдруг заявил:

— Мне нужно поговорить с сэром Робертом наедине.

Ранульф нахмурился, но, когда сенешаль поднял на него глаза, выражение его лица, похоже, подсказало егерю, что возражений слушать он не станет. Охотник развернулся и направился к двери в сопровождении лаймера. Цирюльник собрал свои инструменты и поспешил вслед за ним.

Когда из кладовой вышли и стражники, сенешаль обернулся к Роберту.

— Я знаю этого человека, — негромко сказал он, убирая руку от рта.

Роберт попытался было встать, но тут же повалился обратно на бочку, когда приступ острой боли едва не отправил его в беспамятство.

— Сиди, — сказал Джеймс, подходя к нему и кладя ему руку на здоровое плечо. — Тебе ни к чему смотреть. Ты все равно его не знаешь.

— Кто он такой?

— Я уверен, что его зовут Адам. Он был слугой королевы Иоланды. Он прибыл в Эдинбург в ее свите из Франции, когда она выходила замуж за Александра. — Джеймс перевел взгляд на тело. — Он был с королем в ночь его смерти, когда тот отправился в Кингхорн.

Роберт с недоумением уставился на него.

— Что мог делать бывший королевский слуга в Ирландии? И почему он пытался убить меня? Это же не имеет никакого смысла.

— Если только его не отправили сюда специально.

Роберт привалился к стене, чувствуя, как неприятно липнет к телу сорочка.

— Прислали? Но кто? Кто мог знать, что я здесь?

— Люди Ольстера знали об этом. Они догадались, что ты пойдешь через то поселение. Быть может, он следил за ними? Быть может... — Джеймс взъерошил волосы и принялся расхаживать по комнате, утратив обычное спокойствие. — Не исключено, что после смерти короля Александра для Адама наступили трудные времена, он лишился своего места при королеве и стал наемником. — Взгляд сенешаля устремился к арбалету. — Об этом свидетельствует его оружие. А потом кто-то из твоих врагов заплатил ему, чтобы он выследил тебя и убил.

— Слуга, ставший наемником? Джеймс, я видел, как он заряжал арбалет, ловко и привычно. А что, если он никогда не был слугой?

— Что ты имеешь в виду?

Роберт отчаянно старался мыслить связно, несмотря на жгучую боль.

— Насколько я знаю, той ночью король потерял своих людей и сорвался со скалы в темноте.

Джеймс кивнул, и лицо его посуровело.

— Предположим, это не было несчастным случаем. — Роберт оглянулся на труп. — Предположим, он имеет к этому какое-либо отношение. — Сенешаль покачал головой, но в этом движении не чувствовалось уверенности. — Вы наверняка подумали о чем-то подобном, когда узнали его. Я заметил шок у вас на лице.

— Убить короля? — Джеймс крепко зажмурился, и на лице его отразилось смятение. — Но почему он охотился на тебя? Кому было нужно, чтобы вы оба погибли?

— Его сын и наследник стал бы королем Шотландии, — пробормотал Роберт. — Если бы мальчик женился на принцессе Маргарет.

Джеймс покосился на открытый проем, из которого доносились едва слышные голоса стражников. Они отошли совсем недалеко.

— Роберт, — предостерегающе проговорил он.

— Я помню, как об этом рассказывал дед, — продолжал Роберт. — О том, как быстро король Эдуард сделал свой ход после смерти Александра. Я был там, в Биргеме, когда заключили тот договор. Я слышал, как епископ Бек зачитывал предложение короля. Тогда Эдуард утверждал, что Александр хотел объединить их дома в браке, что он говорил о союзе своей внучки с Эдвардом Карнарфоном. Разумеется, после того как Александр женился на Иоланде, это предложение потеряло всякий смысл. Любой их ребенок помешал бы сыну Эдуарда заполучить корону Шотландии. Когда же Александр умер, не оставив наследника, а королевой была названа его внучка, вновь встал вопрос о женитьбе. И только из-за того, что Маргарет умерла во время путешествия из Норвегии, Эдуард не добился того, чего хотел. У него был мотив, Джеймс.

Сенешаль потер виски, словно сама мысль об этом причиняла ему физическую боль.

— Александр был зятем Эдуарда. Я не могу поверить в то, что он сделал это. Убийство? У нас нет доказательств, — сухо заявил он. — А теперь, когда этот человек мертв, мы их не найдем уже никогда.

Роберт понимал нежелание сенешаля верить в такое предположение. Один из ближайших советников и даже друзей короля, он первым во всеуслышание заявил, что падение со скалы было несчастным случаем. Для него это — как ножом по сердцу; признать, что он ошибался, а убийца остался безнаказанным, было мучительно стыдно. Но Роберт не желал, чтобы это помешало ему получить ответы на вопросы.

— Быть может, я сумею найти доказательства в Лондоне?

Джеймс опустил руки, и лицо его прояснилось.

— Нет. Выброси эти мысли из головы. Так будет лучше для нас обоих. Клянусь, я не могу в это поверить. Но если — да поможет нам Господь! — ты прав, то Эдуард не колеблясь устранил угрозу разоблачения в твоём лице. Ты понимаешь, что это означает? Если будут найдены доказательства его причастности к убийству короля, Эдуард будет отлучен от Церкви, как и вся Англия. Он и так едва не начал гражданскую войну, когда настоял на продолжении непопулярного конфликта в Гаскони. Только представь, как поведут себя его мятежные подданные, если об этом станет известно и им придется ощутить на себе гнев Рима?

— С восторгом представляю.

Джеймс покачал головой.

— Я всего лишь хочу подчеркнуть, что для Эдуарда это огромный риск и что он будет зубами и когтями бороться за то, чтобы ты не раскрыл его тайну. Хотя вряд ли у тебя что-либо получится. Не представляю, какие доказательства ты сможешь найти, чтобы

обвинить его, прежде чем он прикончит тебя. Эдуард — опасный и непредсказуемый человек даже в обычных обстоятельствах. А каков он, если его загнать в угол?

Роберт выдержал его взгляд.

— Если он и впрямь отправил этого наемника, Адама, убить меня, что помешает ему довершить начатое, когда я прибуду в Вестминстер?

— Сдавшись на его милость, ты перестанешь представлять для него угрозу. На самом деле Эдуарду даже выгодно помиловать тебя и принять обратно. Он знает, что ты был предводителем восстания после отъезда Уильяма Уоллеса. Твоя капитуляция станет не только ударом для нашего дела, но и доказательством для его баронов, что война приносит плоды. Я предполагаю, что, в силу своей полезности, ты перестанешь быть для него мишенью номер один.

По глазам сенешаля Роберт видел, что тот и сам до конца не верит своим словам.

— Что вы скажете Ольстеру? — после долгого молчания поинтересовался он.

— Что-нибудь придумаю. Уж не правду, во всяком случае. Ее нельзя открывать никому. Ни графу Ричарду, ни твоим братьям. Никому. Завтра его закопают, — закончил Джеймс, глядя на покойника. — И эта тайна должна быть похоронена вместе с ним.

Вестминстер, Англия

1302 год

Не вытираясь, Роберт отвернулся от таза и подошел к окну. Из-за двери до него долетали приглушенные голоса слуг, переносивших последние его вещи из повозки в их новые жилые помещения. Оконные стекла искажали пейзаж за окном, разрезая на части болота, начинавшиеся сразу за дворцовым комплексом. Он крутил в пальцах наконечник арбалетной стрелы, глядя на них.

Эдуард утверждает, что нашел «Последнее пророчество» в цитадели мятежного принца Льюэллина ап Граффада в Нефине, той же самой валлийской деревушке, в которой веком ранее были обнаружены «Пророчества Мерлина», впоследствии переведенные Гальфридом Монмутским. В своей «Истории королей Британии» Монмут описывает видение пророка, в котором тот предсказывал крах Британии, если только реликвии Брута не окажутся у одного короля. Именно в том пророчестве, которое нашел в Нефине Эдуард, и были поименованы все четыре реликвии. Вскоре после этого открытия он организовал свой Круглый Стол и создал орден Рыцарей Дракона, целью которого стало помочь ему собрать их воедино.

Корона Артура, Меч Милосердия, Посох Иисуса, Камень Судьбы; в этих священных реликвиях, происхождение которых покрыто тайной, воплощен суверенитет каждой нации, признаваемый всеми. Завладев ими, Эдуард осуществил духовное порабощение королевств, о котором он мечтал, и «Последнее пророчество» дало ему веский повод оправдывать кровопролитные войны тем, что они-де ведутся для блага всей Британии.

Роберт всегда сомневался в истинности видений Мерлина, хотя было трудно опровергнуть точность его предсказаний хотя бы в том, что касалось смерти Александра. Но теперь, после открытия, сделанного в Данлюсе, судьба и рок перестали быть единственными подозреваемыми. Что это было — исполнение пророчества или злая воля конкретного

человека? Он закрыл глаза, мысленно сопоставляя даты. На первый взгляд, они совпадали — признание Маргарет наследницей Александра и его помолвка с Иоландой, покорение Эдуардом Уэльса и образование Круглого Стола. Он вполне мог отправить Адама в свиту Иоланды, чтобы тот впоследствии убил короля и сделал «Последнее пророчество» неоспоримым, доказав подданным добродетельность и праведность поступков Эдуарда. Вопрос заключался в другом — был ли текст подлинным, и Эдуард лишь стремился воплотить будущее, предсказанное на его страницах, или же он выдумал его для собственных целей? Если верно последнее, то это может погубить короля.

Если рыцари Круглого Стола узнают, что он дурачил их все эти годы, что они сделают? Пророчество было тем пламенем, что подогревало и раздувало их веру, поднимало их над тяготами кампании и гибелью людей, повышением налогов и истощением их состояний. Эдуард уже пережил одну гражданскую войну в юности, когда его соперником был Симон де Монфор, и едва не разжег новую из-за борьбы за Гасконь. И теперь — когда его казна пуста, а репутация пошатнулась после длительной, кровопролитной и дорогостоящей войны в Шотландии — сумеет ли он пережить еще одну?

Возможно, Роберту никогда не удастся доказать то, чего он боялся: что Эдуард организовал убийство короля Александра, чтобы заполучить власть над Шотландией. Но пророчество? Оно может стать тем ключом, с помощью которого он сумеет изменить судьбу королевства. Роберт видел латинский перевод, который, по словам Эдуарда, был сделан с оригинального валлийского текста: иллюстрированная книга в дорогом переплете, содержащая описания сокровищ и подвигов из легенд о короле Артуре. Но первоисточник, откуда они были взяты, король хранил в запертой шкатулке: якобы листочки, найденные в Нефине, были такими древними, что могли рассыпаться в пыль при неосторожном обращении. Однажды Роберт своими глазами видел эту черную шкатулку в усыпальнице Исповедника в Вестминстерском аббатстве, в тот самый день, когда туда была помещена Корона Артура.

Заслышав шум в соседней комнате, куда вносили его сундуки, Роберт открыл глаза. Он находился всего в нескольких ярдах от аббатства, в котором можно раскрыть тайны короля. В ушах у него вновь зазвучали предостережения Джеймса Стюарта об опасности поиска любых доказательств, но они померкли перед лицом решимости, которая медленно крепла в нем. Он должен во что бы то ни стало заглянуть в черную шкатулку.

Привратник с поклоном распахнул перед ним дверь, и Эдуард быстрым шагом вошел в Расписную палату, подметая полами своей ярко-алой мантии узорчатые плитки пола. Хэмфри последовал за ним, не сводя глаз с прямой спины короля, который направился прямо к своей конторке. Та казалась несуразно маленькой по сравнению с огромным столом, делившим узкую комнату пополам. В дальнем ее конце виднелась кровать под балдахином, зеленые столбики которой украшали желтые звезды, — этот узор очень любил отец Эдуарда Генрих III, истративший целое состояние на отделку этих покоев. Эдуард приостановился у конторки, а потом повернулся к витражному окну, из которого на его фигуру падали фиолетовые лучи.

Хэмфри застыл в ожидании, дивясь про себя, для чего он понадобился королю, который призвал к себе только его одного. Молчание затягивалось, и взгляд его переместился к фрескам на стене, из-за которых комната и получила свое название. В тусклом свете февральского дня Пороки и Добродетели, короны библейских царей и величавая фигура Иуды Маккавея, [\[27\]](#)этого Артура Ветхого завета, казались плоскими и скучными. Хэмфри вспомнил, как впервые пришел сюда на торжественное открытие сессии парламента вместе с отцом. Вслед за неспешно выступающими лордами он торопливо перешагнул порог и замер, ослепленный взрывами цвета. Брызги краски на стенах — только что восстановленных после пожара — сверкали и переливались всеми цветами радуги в лучах солнечного света, преломлялись в цветных стеклах окон и рассыпались по водам Темзы. А над кроватью с балдахином золотом сияла главная гордость Расписной палаты — сцена коронации святого Эдуарда Исповедника.

— Оставьте нас.

Хэмфри оглянулся и еще успел увидеть, как двое пажей неслышно выскользнули за дверь. А он даже не заметил их присутствия. Когда дверь за ними захлопнулась, король повернулся к нему лицом, освещенный со спины бьющими из окна снопами солнечных лучей. Он стоял у конторки, высокий и прямой, с золотой короной на голове, и вдруг он показался Хэмфри очередным настенным изображением, королем древности, воплотившимся в ткани дворца и являющим собой пример добра. Или зла. Иллюзия разлетелась вдребезги, когда Эдуард заговорил:

— Ты веришь в его искренность?

Хэмфри понял, что король имеет в виду Роберта, свидетелем капитуляции которого он только что был в Зале приемов Вестминстерского дворца. Он сразу же понял, что Эдуард призвал его к себе, потому что именно он знал Роберта лучше всех, ведь тот был его лучшим другом в течение всего времени, проведенного Робертом на королевской службе. И осознание этого отнюдь не польстило молодому графу. Отсюда со всей очевидностью вытекало, что он должен был заранее заподозрить Роберта в предательстве. Ему нередко казалось, что и Эдуард думает так же, виня его в дезертирстве шотландца.

— Здесь что-то нечисто, — продолжал Эдуард, видя, что пристыженный Хэмфри хранит молчание. — Но мне трудно поверить в то, что граф Ричард не распознал лжи в его речах за те месяцы, что Брюс провел в его замке под арестом. Он ручается за него, что вытекает из его предложения.

— Сэр Ричард был союзником клана Брюсов. Разве можно быть уверенным в том, милорд, что его доверие не вызвано именно этой старинной привязанностью?

Король прищурился, но потом покачал головой.

— Я верю Ольстеру. Кроме того, он ничего не выиграет от союза с Брюсом, если не будет совершенно уверен в том, что я дарую ему прощение. А вот если бы я отказал Брюсу, он бы лишился своих владений в Англии и Шотландии, рискуя в одночасье превратиться из графа в нищего. — Эдуард помолчал. — Но даже в том случае, если Ольстер все-таки покровительствовал ему, Брюс собственноручно расстался с единственным аргументом, который давал ему возможность начать со мной торг. — В глазах короля блеснуло удовлетворение, когда он заговорил о своем новом приобретении. — Именно посох Малахии более всего остального убеждает меня в том, что его капитуляция может быть искренней.

— Милорд, объединение всех реликвий Бруга — это и впрямь долгожданное событие, к которому мы все стремились долгие годы. Но, оставив его в стороне, я полагаю, что безопаснее и мудрее было бы бросить Брюса в Тауэр.

— Пожалуй. Но попробуй подняться над своими предрассудками, Хэмфри. Брюс может оказаться мне намного полезнее в качестве добровольного союзника, находящегося под постоянной охраной и наблюдением, чем озлобленного пленника. Его отступничество нанесет сильный удар по позициям мятежников и существенно подорвет их моральный дух. На его примере я покажу им всю тщету дальнейшей борьбы против моей власти. Короче говоря, Брюс может оказаться неоценимым, когда я начну новую кампанию.

Последние слова Эдуард подчеркнул, повысив голос. Хэмфри понял, что король крайне уязвлен тем, что прошлой осенью ему пришлось уступить Филиппу и заключить перемирие со скоттами.

После нападения мятежников на Лохмабен, который отстраивался до сих пор, королю ничего так не хотелось, как броситься за скоттами в самое сердце Селкиркского леса и уничтожить их всех до единого. Но ему помешали потеря цитадели, наступление зимы и напрасные попытки отыскать бунтовщиков в их тайном убежище. Единственное, что утешало его, — осознание того, что мера эта вынужденная и временная. С приходом весны он зальет Шотландию кровью от моря до моря.

В последнее время Эдуард с интересом выслушивал донесения своих шпионов о том, что во Фландрии, которую Филипп силой присоединил к своему королевству четыре года назад, назревает мятеж. Французским чиновникам все труднее становилось поддерживать порядок, и в воздухе запахло восстанием. Эдуард не сомневался, что это надолго свяжет его кузену руки, а ему самому даст время, чтобы раз и навсегда решить проблему с Баллиолом, и он все чаще и все настойчивее заговаривал о новой шотландской кампании.

Хэмфри опасался, что стремление короля нанести сокрушительное поражение мятежникам сыграет с ним злую шутку. Раздражение готово было прорваться наружу, когда он понял, что Эдуард хочет получить от него заверения в собственной правоте, ищет причину отбросить всякую осторожность и принять Роберта ко двору, если это поможет ему сломить сопротивление скоттов.

— А что, если он прибыл сюда, чтобы шпионить за нами? Что, если он снова предаст

вас, милорд, и сообщит мятежникам ценные сведения о готовящейся кампании? Риск слишком велик, чтобы идти на него.

На лице Эдуарда, словно вырезанном из камня, не дрогнул ни один мускул.

— Вот почему я хочу, чтобы этот сын шлюхи постоянно находился под наблюдением. Мои люди в Шотландии будут настороже, чтобы не пропустить ни малейшего признака того, что он поддерживает связь со своими прежними союзниками. Малейшего намека на обман будет достаточно, чтобы Брюс провел остаток жизни в Тауэре. — Эдуард помолчал. — И я хочу, чтобы ты тем временем вернул себе его доверие... — Он повелительным жестом воздел руку, когда Хэмфри осмелился возразить. — Брюс вернулся ко мне, потому что ему больше некуда податься. Это был жест отчаяния. И я не настолько глуп, чтобы полагать, будто он выдаст мне какие-либо сведения, способные причинить вред его людям. Он даст мне только то, что необходимо для поддержания моей веры в него. Но я хочу, чтобы ты выудил у него остальное — все, что может пойти на пользу моей грядущей кампании. Пей с ним, беседуй с ним, докажи, что ты — по-прежнему его друг.

Хэмфри предпочел промолчать; он не доверял себе.

— И последнее, Хэмфри. Добиваясь дружбы Брюса, выясни, что случилось с ним в Ирландии. Он сказал, что его ранили арбалетным болтом. Я хочу знать, кто напал на него и жив ли еще нападавший.

Хэмфри озадаченно нахмурился, когда король вышел из-за конторки.

— Я могу спросить, зачем вам это нужно, милорд?

Король подошел к длинному столу, чтобы налить кубок вина. На стене над ним Уравновешенность попирала ногой скорчившееся тело Гнева, сжимая в руке лозу, которой намеревалась отхлестать Порок.

— Я просто хочу знать, что заставило его капитулировать, — ответил Эдуард, отпивая глоток вина. — Ты понимаешь меня?

— Да, милорд.

— Кто напал на него, Хэмфри. И жив ли еще этот человек.

Роберт шел вслед за церемониймейстером по коридору. Брат и два оруженосца держались позади. Издалека доносились музыка, голоса и смех. Он радовался возможности сменить обстановку, поскольку последние пять дней по большей части провел в своих апартаментах, ожидая решения короля относительно предложения Ольстера. Стены давили на него, напоминая о будущем, и у него было много времени на размышления. Он приходил в отчаяние оттого, что аббатство и запертая шкатулка находились так близко, оставаясь в то же время недостижимыми для него. Ему обязательно нужно было вновь увидеть короля; всмотреться в его лицо в поисках признаков того греха, который, как он подозревал, таился в его бесцветных глазах. Наконец, сегодня утром, когда нервы у Роберта были натянуты, как струны, ему сказали, что вечером король приглашает его на празднество.

Впереди показались двойные двери, ведущие в Белый зал. Когда они распахнулись, на Роберта нахлынула какофония голосов и приятная волна тепла, столь желанная после вечерней прохлады. Стены и мебель были выкрашены в белый цвет и сверкали холодной красотой; перед ним раскинулся зал настоящего зимнего дворца, украшенный гобеленами цвета слоновой кости и серебра, на которых рыцари преследовали единорога. В первой сцене охотники и собаки пробирались по снегу, а в финальной — убивали зверя. Тут единорог, погибший от руки рыцаря, превращался в прекрасную девушку, лежащую под

засыпанными снегом деревьями.

В конце зала была устроена галерея с арочными проходами, пробитыми в стене между деревянными панелями, через которые сновали слуги. Над галереей нависала площадка, над которой виднелись головы менестрелей. К металлическим звукам арфы и рокоту барабана присоединились голоса двух молодых мужчин. Они воспевали подвиги сэра Персиваля [\[28\]](#) и его поиски Святого Грааля. Их песнь порхала под потолочными балками зала, тогда как внизу разворачивалась сцена, готовая соперничать с теми, что происходили в свое время в Камелоте. [\[29\]](#)

Почти все пространство зала занимали два длинных стола, стоящих друг напротив друга. Они были накрыты льняными скатертями, а по обеим сторонам располагались скамьи с разбросанными по ним атласными подушечками. На скамьях восседали лорды и леди в бархатных туниках и шапочках с перьями, атласных платьях и вуалях. Пламя восковых свечей отражалось в изогнутых боках серебряных чаш и кубков. Когда в зал вошли последние гости, среди которых оказался и Роберт со своими людьми, слуги уже разносили миног в собственном соку, мясо морских свиней и диких кабанов и пироги с зажаренными целиком птичками.

На мгновение Роберту показалось, что он вновь очутился в зале замка своего деда в Лохмабене. Его окутывали теплый смех и песни, в воздухе висел запах жареного мяса оленя, на которого он только что охотился вместе со старым лордом, он прислушивался к стону волюнок, а в глазах деда поблескивали довольные искорки, когда он смотрел, как его люди купаются в лучах его щедрого гостеприимства. Но наваждение разлетелось вдребезги, едва только взгляд его упал на стол для почетных гостей, стоящий на возвышении в дальнем конце зала. Там восседал король Эдуард, величественный и импозантный в снежно-белой мантии, подбитой мехом горноста. По левую руку от него сидела молодая королева, а по правую — сэр Ричард де Бург.

Церемониймейстер ввел его внутрь, и Роберт почувствовал, как на него обратились взгляды нескольких сотен мужчин и женщин. Уголком глаза он видел море раскрасневшихся лиц с алыми губами — лорды наклонялись к своим соседям и что-то негромко говорили, а перепачканные жиром пальцы застывали в воздухе перед тем, как схватить кубок или кость. Среди любопытных и пренебрежительных взглядов были и полные ненависти. Члены Круглого Стола, некогда бывшие его братьями в ордене Рыцарей Дракона, собрались здесь в полном составе, и их презрение было столь же ощутимым, как удар в лицо.

Роберт опустил руку на пояс, туда, где в обычных условиях висел бы его меч. Но увы — клинок деда, который возвратил ему Ольстер, остался в его покоях. Никому не позволялось входить с оружием в королевский зал, в особенности человеку, который еще несколько дней назад считался предателем. Рядом с лордами и графами сидели женщины, и среди них была Джоанна де Валанс, сестра Эймера и супруга Джона Комина. Она родила Комину двоих детей, пока тот пользовался благосклонностью Эдуарда, но, когда ее супруг присоединился к мятежникам, король повелел Джоанне с отпрысками вернуться в Англию. С гобелена за ее спиной на Роберта смотрели волки.

Его брата и оруженосцев усадили на свободные места, а его самого церемониймейстер пригласил за стол короля. В одиночестве поднимаясь по ступеням, Роберт услышал, как ахнул брат, но не оглянулся, чтобы посмотреть, в чем дело. Остановившись перед королем, он поклонился, думая о том, что все присутствующие здесь могли стать жертвами грандиозного обмана, устроенного этим человеком. Ему вдруг захотелось крикнуть им, что

их возлюбленный король одурачил их всех.

— Милорд.

Эдуард ответил ему пристальным взглядом, словно стараясь прочесть его мысли. После долгой паузы он проронил:

— Можете сесть.

Роберт выпрямился и двинулся вдоль стола к свободному месту в самом конце. Он прошел мимо Хэмфри де Боэна, который даже не взглянул в его сторону, а отвернулся и заговорил с молодой женщиной, сидевшей рядом. Высокая и стройная, она надела воздушное платье из жемчужно-белой венецианской парчи, и единственным ярким пятном в ее облике были покрасневшие от вина щеки. Она кивнула чему-то, что сказал ей Хэмфри, но окинула Роберта оценивающим взглядом холодных глаз. Это была Бесс, младшая дочь короля. Она уже ничуть не походила на шаловливую юную принцессу, сунувшую подарок в ладонь Елены де Боэн и подтолкнувшую ее к нему десять лет назад на турнирной арене. Роберт заметил, как она накрыла руку Хэмфри своей ладонью. По другую сторону от Бесс сидела Элизабет де Бург.

Дочь Ольстера ничем не напоминала ту девчонку-оборвыша, которая скиталась с ним по Ирландии всего каких-то несколько месяцев назад. Худощавая, в платье цвета слоновой кости, с черными кудрями, уложенными под серебряную сеточку, она все еще выглядела хрупкой, но это была мягкая, изысканная хрупкость. Ей вот-вот должно было исполниться семнадцать, и она находилась как раз в том возрасте, когда девочка превращается в женщину. Опустив голову, она старательно избегала его взгляда, уставившись куда-то себе под ноги. Кровь вскипела у Роберта в жилах, когда он с горечью подумал о том, какую злую шутку сыграла с ним судьба — и ее отец. Пройдя мимо епископа Бека и еще одного пожилого мужчины, кутающегося в кремовую накидку, он занял свое место в конце стола. Когда к нему, бесшумно ступая, подбежал слуга, чтобы наполнить кубок, Роберт вдруг заметил, что старик смотрит на него. В сердце ему словно вонзился осколок льда, когда он узнал его. Это был его отец.

За те шесть лет, что прошли с момента их последней встречи, черные волосы лорда Аннандейла поседели и поредели. На затылке у него явственно просвечивала плешь, как тонзура у монаха. Нос покрылся паутиной багровых прожилок, а кожа под подбородком и на шее обвисла и взялась складками. Его некогда мускулистая и поджарая фигура расплылась, и просторная накидка не могла скрыть большого живота. А вот глаза, эти холодные и бесстрастные голубые глаза, оставались такими же. В них Роберт увидел сотню разочарований и тысячу сожалений. Отец крепко сжимал в руке кубок с вином. Прищурившись, он смотрел на Роберта, и тот увидел в его взгляде презрение и обвинение. Отец открыл было рот, чтобы заговорить, но тут со своего места поднялся король, и гости притихли. В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом шагов слуг и негромким лязгом посуды. Лорд Аннандейл так ничего и не сказал и лишь поднес к губам кубок с вином.

— Сегодня вечером мы празднуем помолвку моей дорогой дочери Элизабет с графом Хэмфри. — Король Эдуард помолчал, пережидая аплодисменты и приветственные крики.

Роберт смутно разглядел внизу своего брата. Тот смотрел на их отца, и на лице его явственно читался ужас. Подхватив со стола свой кубок, Роберт заметил, что у него дрожат руки. Король продолжал, но слова его не доходили до сознания Роберта:

— Мы также празднуем предстоящую свадьбу леди Элизабет де Бург, дочери графа

Ольстера, с сэром Робертом Брюсом.

Фигуры, закутанные в шерстяные плащи с капюшонами, приблизились. Старший из двух с трудом пробирался по мокрому снегу, а младший тащил в руках два ведра. Эффрейг вышла им навстречу, щуря глаза, слезящиеся от ветра, который раскачивал ветки дуба, и те отвечали ему жалобным скрипом и вздохами. Голые, как рога оленя, сучья были увешаны медленно вращающимися плетеными корзинками. Старуха обратила внимание, что старший из мужчин, проходя под дубом, неловко перекрестился. В былые времена она непременно высмеяла бы его, ведь совершенно ясно, что вера его слаба, раз он решился прийти к ней. Она неизменно получала удовольствие от своей власти над деревенскими жителями, отчаявшимися и обиженными, когда мольбы к Богу оставались без ответа. Сейчас же она не обратила на это никакого внимания. Молитва все равно оставалась молитвой.

— Ангус, — угрюмо приветствовала она мужчину, — что ты мне принес?

— Молоко и яйца, — прохрипел Ангус, лицо которого покраснелось от ветра. — И Ада передаст тебе три кроличьи шкурки, если ты приготовишь еще одно снадобье для Мэри. — В водянистых глазах мужчины появилось просительное выражение. — Она опять свалилась в лихорадке. Хуже, чем в прошлый раз.

Эффрейг почувствовала, как в ней поднимается гнев, хотя и сама не знала почему.

— Оставь их у двери. — Она раздраженно кивнула на долговязого юнца с ведрами в руках. Тот подошел к дому, а она сняла с пояса мешочек и протянула его Ангусу. — Здесь травы для твоей жены. — Когда он взял его, она добавила: — Отведи свою семью обратно в деревню. Твоя дочь нуждается в тепле и сухости. Мои снадобья не всесильны. О теле нужно заботиться так же, как и о душе.

Но Ангус лишь покачал головой.

— Они — глупцы, те, кто вернулся. Какой прок заново отстраивать дома или засеивать землю, если английские собаки придут опять и все сожгут? Нет, — решительно заявил он, глядя на своего костлявого сына, который подошел к нему и остановился рядом. — В лесу, вместе с остальными, нам будет безопаснее. Мы построили шалаши, которые уберегут нас от дождя и снега, а скотину, которую нам удалось спасти, мы разделили на всех. Кое-кто предлагает с наступлением оттепели идти на север, в горы, куда за нами не смогут последовать рыцари на своих боевых конях. Сейчас у нас перемирие, но долго оно не продлится. Англичане вернутся весной, точно тебе говорю.

Эффрейг едва не задохнулась от гнева, но вовремя сообразила, что злится на саму себя. Она могла унять головную боль или вычистить гной из нарыва, принять ребенка, пришедшего в мир, или помочь женщине зачать. Но теперь эти мужчины и женщины просили невозможного. «Сделай так, чтобы мои семена взошли в сожженной земле. Наполни мою опустевшую кладовку. Помогите нам победить англичан. Верни мне моего сына». Да и боги тоже ожесточились и уже не столь охотно прислушивались к ее мольбам, как раньше. Судьбы падали с ее дерева, так и не осуществившись. В прошлом году один

мужчина пришел к ней вне себя от ярости и горя. Он просил ее сделать так, чтобы он мог жениться на любимой женщине, но та погибла, когда англичане напали на деревню. И вот после этого случая Эффрейг засомневалась в своих силах.

— Ты глупец, — кисло заявила она Ангусу, плотнее запахиваясь в накидку. — Ты же не знаешь наверняка, вернутся англичане или нет. Или ты готов рискнуть жизнью своей дочери из-за пустых слухов? Граф Роберт обязательно узнает о том, что Тернберри разрушен. Он придет с целой армией, чтобы восстановить крепость, и защитит своих...

— Так ты до сих пор ничего не знаешь? — перебил ее Ангус. — Брюс сдался на милость английского короля. Он пересек границу два месяца назад и отправился в Лондон. Вся деревня только об этом и говорит. Так что от него никакой помощи мы не получим. — Выражение ее лица заставило его умолкнуть. — Ладно, мне пора возвращаться. — Нахмурившись, он с надеждой воззрился на нее. — Снадобье?

— Приходи завтра. — Эффрейг не смотрела на него.

Взгляд ее был устремлен на плетеную клетку на дереве у нее над головой, в середине которой висела корона из вереска и дрока, выбеленная солнцем и временем. Она не сводила с нее глаз, пока мужчины не скрылись в лесу. Но потом кровь вскипела у нее в жилах, и она, изрыгая проклятия, заковыляла по снегу к дому. Ветер подхватил ее накидку и сорвал с плеч. Она не стала поднимать ее. К стене хижины была прислонена длинная раздвоенная рогатина. Схватив ее, Эффрейг вернулась к дубу. На щеках у нее заалели яркие пятна. Ухватив рогатину обеими руками, она остановилась под деревом и нашла взглядом корону. Сердце ее учащенно билось в такт словам, звучавшим в ушах.

Сорви ее.

Она, с натугой подняв рогатину, ткнула ею сквозь ветки. Ее остановил женский крик. Тяжело дыша, Эффрейг оглянулась. Раздвоенный кончик рогатины подрагивал в нескольких дюймах от клетки. На пороге хижины стояла ее племянница, прижимая к груди маленькую дочку.

— На улице сыро, Бригитта, — хрипло выдохнула Эффрейг. — Забери Елену в дом. — Она вновь вернулась к прерванному занятию, но руки у нее горели от усилий, которые требовались, чтобы удержать длинную и тяжелую рогатину над головой, и ей пришлось опустить ее.

Бригитта вышла из дома и зашагала к ней. На ветру платье облепило ее худенькую фигурку, так что бедра и ключицы выпирали из-под тонкой ткани, и растрепались ее черные, как вороново крыло, кудри. Девчонке едва перевалило за двадцать, но она выглядела намного старше своих лет. Лицо осунулось от тревог и беспокойства, в глазах поселилось загнанное выражение. Тем не менее голос ее сохранил прежнюю силу.

— Что вы делаете, тетушка?

— Ангус говорит, что Брюс сдался английскому королю. Он бросил нас. — Взгляд Эффрейг вновь метнулся к корзинке. — Я сброшу его судьбу вниз! Сорву ее!

Не успели эти слова слететь с ее губ, как перед ее внутренним взором всплыл образ Роберта, сидевшего у ее очага пять лет назад и глядевшего, как она плетет корону из вереска, дрока и полыни. Яростный огонь честолюбия, горевший в его глазах, напомнил ей его деда. Образ померк, сменившись лицом отца Роберта, исполненным презрения и ненависти. Он приходил к ней однажды, как его отец до него и как сын — после, когда ему потребовалось ее искусство. Он был зол и разгорячен вином, но она взяла его деньги и составила для него заклятие.

Потом, когда один из его людей надругался над ней, она пришла к графу, дабы умолять его свершить правосудие, и синяки и ссадины были еще свежи на ее шее и бедрах. Но ублюдок лишь рассмеялся ей в лицо, заявив, что его человек один стоит тысячи ведьм. И это после того, как она сплела его судьбу и спасла при родах его сына и наследника. На следующий день она в клочья разорвала его судьбу, а обрывки раскидала под стенами замка Тернберри. За это он навсегда выгнал ее из деревни.

Оба они, и отец, и сын, хотели одного — стать королями Шотландии. История повторялась. Быть может, уничтожив первую судьбу, она, сама того не подозревая, прокляла сына; сына, которого сама же и привела в этот мир, окровавленного и кричащего, когда в небесах яркой багровой точкой рдел Марс; сына, который до сих пор шел по стопам своего отца.

Из задумчивости ее вывел голос Бригитты:

— Вы решили уничтожить то, что совершили, призвав богиню, твердо веря в то, что делаете, из-за слов перепуганного крестьянина?

— Боги смеются надо мной, девочка. Я не могу сделать человека королем. Не могу вылечить шрамы Елены, как не могу вернуть и твоего мужа и сына.

При воспоминании об этом на лице Бригитты отразилась скорбь, словно пятно, проступившее на ткани. Ее муж погиб во время нападения англичан на Эйр, сбитый с ног и затоптанный копытами дюжины коней, когда бежал домой, а сына зарубили английские клинки после того, как тот бросился на помощь отцу. Бригитта видела, как все случилось, из окна своего дома. Когда она выскочила на улицу и подхватила умирающего сына на руки, рыцари промчались мимо, держа в руках горящие факелы, которые намеревались забросить на соломенные крыши. К тому времени как она, спотыкаясь, добрела до дома, перепачканная кровью своих близких, тот уже полыхал, как свеча. Она сумела спасти дочь, но у девочки остались на теле шрамы. Одна сторона лица Елены была мягкой и гладенькой, а другая превратилась в месиво из рубцовой ткани, лохмотьев и сморщенной кожи, взявшейся пузырями, словно свинина, которую жарят на сильном огне.

Эффрейг использовала все свои бальзамы и наговоры, чтобы избавить девочку от уродства, но все было напрасно.

Елена спрятала личико на груди у матери, когда Эффрейг посмотрела на нее.

— Моя сила уходит, — пробормотала колдунья. — Иссякает вместе с этой землей. Боюсь, мы потеряем свое королевство. Его проглотит огромный змей Англии.

— Я не встречала никого, кто разбирался бы в деревьях и травах так, как вы, тетушка, — заявила Бригитта. — А что говорит вам сердце о Роберте Брюсе?

Эффрейг запрокинула голову, глядя в унылое небо.

— Не знаю, — устало произнесла она. — На мои глаза упала пелена.

Пока она стояла вот так, высоко над ней пролетела стая гусей, направляясь к Тернберри. В их полете чувствовалась решимость, настоящая и несокрушимая прямота. Эффрейг отшвырнула рогатину в сторону.

— Они здесь.

Роберт, который сидел на краю кровати, натягивая сапоги, поднял голову. Элизабет стояла у окна, повернувшись к нему спиной. Ставни были открыты, и небо за ними полыхало переливами алого, розового и янтарного цветов. Весенний вечер был тих и прохладен. С окрестных пастбищ долетало блеянье овец, а на полях, где созревали рожь и пшеница, каркали вороны. Наступившее мгновение тишины нарушил далекий стук копыт.

Подойдя к окну и остановившись рядом с Элизабет, Роберт уловил легкий аромат миндального масла и лилий. Он еще не научился узнавать запах духов своей жены. *Жены.* Слово это по-прежнему вызывало в нем внутренний протест, и он чувствовал себя попавшим в ловушку, несмотря на то что прошло уже несколько месяцев, за которые он мог привыкнуть к этой мысли. Элизабет надела одно из платьев, которые привезла из Ирландии, с вуалью и диадемой в тон. Накидка ее по подолу была расшита черными львами с герба ее отца. Портной Роберта сшил для нее новые наряды в цветах Каррика и с его гербами, но они так и висели на деревянных гвоздиках в углу комнаты. Он ощутил укол раздражения, но ничего не сказал. Все равно сейчас у нее не было времени переодеваться.

Окно выходило на крепостной ров, окружавший их жилище вместе с часовней, помещьем, конюшнями и прочими хозяйственными постройками. За подъемным мостом начиналась дорога, убегавшая к деревеньке Риттл, усеянная лужами, в которых отражалось буйство красок на небе. За деревней она вливалась в большой тракт, ведущий в Лондон. Деревянные домики Риттла сгруппировались вокруг площади и церкви с высокой колокольней, в которой они с Элизабет обвенчались шесть недель назад. Роберт отыскивал взглядом всадников, скачущих по дороге на покрытых яркими попонами конях, копыта которых разбрызгивали лужи и грязь. Над кавалькадой реяло знамя, небесно-голубое с белой полосой. С такого расстояния Роберт не мог рассмотреть мельчайших деталей, но он и так знал, что на нем вышиты шесть золотых львов.

Он стиснул зубы. Судя по глубине той ненависти, которую он увидел в глазах Хэмфри де Боэна в тот день, когда сдался на милость короля, он был уверен, что бывший друг с превеликой радостью зарубил бы его собственной рукой. И, вспоминая об этом, он вновь спрашивал себя, зачем граф попросил о встрече. За прошедшие недели из Вестминстера к Роберту дошли лишь известия о бойне во Фландрии, которую достопочтенные обитатели Брюгге устроили захватчикам-французам. В остальном же все было тихо, но он знал, что долго так продолжаться не может. Эдуард явно ожидал, чтобы он доказал свою полезность у него на службе. Быть может, Хэмфри везет королевский приказ — какой-либо способ для него заслужить доверие монарха?

Впрочем, какой бы ни была причина сегодняшней встречи, Роберт надеялся, что она даст ему ответы на вопросы, получить которые до сих пор он просто не мог, поскольку свадьба и переезд в Риттл заняли у него все свободное время без остатка. Наконечник

арбалетного болта по-прежнему холодил кожу у него на груди, скрытый от посторонних глаз под накидкой.

— Мы выйдем встречать их?

Роберт перевел взгляд на Элизабет, когда жена заговорила, и заметил, что она нервно крутит на пальце обручальное кольцо. Она вечно теребила его, словно никак не могла привыкнуть к тому, что обзавелась им. Быть может, кольцо просто было ей велико. Но не исключено, что таким образом она выражала протест против союза, который навязали ей насильно. Как бы там ни было, но он чувствовал себя уязвленным. Их брак стал ловушкой не только для Элизабет. Он сам отправился в Ирландию в надежде освободить королевство и взойти на трон, а все закончилось капитуляцией перед врагом и вынужденным брачным союзом с дочерью одного из самых влиятельных сторонников короля. Он чувствовал себя мухой, попавшей в сеть, сплетенную двумя пауками.

— Нет, — ответил он. — Эдвин проводит наших гостей внутрь. Мы встретим их в зале.

А внизу, в большом зале, слуги наносили последние штрихи на сервировку столов, украшая их букетами цветущего боярышника. Когда Роберт с Элизабет появились на пороге, она сразу отошла в сторону, чтобы поговорить с Лорой, одной из служанок, которые приехали сюда с ней из Ирландии вместе с прачками, грумами и носильщиками. Зал постепенно заполнялся рыцарями и дамами из Риттла и Хэтфилда, которых пригласил отец Роберта. Их провожали к столам пажи под бдительным присмотром Эдвина, управляющего Брюса. Нес и другие оруженосцы, покинувшие вместе с Робертом Ирландию, тоже были здесь. Над их головами потолок крест-накрест перечеркивали дубовые балки, потемневшие от времени.

Поместье и прилегающие к нему здания были построены почти сто лет назад. Первоначально служившее охотничьим домиком, оно досталось Брюсам по наследству от бабки Роберта. Он никогда не встречался с блистательной Изабеллой де Клер, которая умерла еще до его рождения, но дед отзывался о ней как о благородной англичанке, которая подарила ему массу удовольствия и богатых поместий. Риттл был одним из нескольких маноров, которые теперь, после перехода на сторону Эдуарда, должен был унаследовать и сам Роберт.

Его отец сидел за главным столом на возвышении, баюкая в руках кубок с вином, и принимал поздравления гостей. Несмотря на то что в зале было очень тепло от огня свечей, его тучная фигура была закутана в тяжелую мантию. Старый Брюс поселился в Риттле с тех пор, как король лишил его должности губернатора Карлайла после того, как Роберт присоединился к мятежу Уоллеса. По обе стороны от лорда сидели двое мужчин. Одним из них был Эдвард Брюс, небрежно-элегантный в льняной сорочке и панталонах, лениво наблюдавший за слугами, которые суетились вокруг столов, расставляя и наполняя кубки. Второй был одет в простое коричневое платье, и его черные волосы обрамляли строгое лицо. Александр, брат Роберта, которого он не видел несколько лет, четыре дня назад прибыл из Кембриджа, где учился на магистра богословия.

Поначалу Роберт очень обрадовался, увидев его, — он вдруг осознал, как сильно скучает по своей семье, которую разбросала по миру сначала смерть матери, а потом и война. Отец недавно получил известия из замка Килдрамми, в котором сестра Роберта Кристина, жена графа Гартнета Мара, родила сына. Роберт с удовольствием узнал, что его младшие сестры Мэри и Матильда живут с ней в уюте и безопасности, вот только радость его при виде брата оказалась недолговечной — с момента приезда Александр едва обменялся с ним парой слов.

Присоединившись к ним, Роберт с нехорошим предчувствием отметил, что оловянный кубок, стоявший перед отцом, уже почти пуст.

Александр взглянул на него, когда он сел рядом.

— Похоже, леди Элизабет вполне обвыклась здесь, — после неловкой паузы заметил он.

— Что верно, то верно, — встрял в разговор отец, прежде чем Роберт успел ответить. — Моему сыну следует благодарить свою счастливую звезду. — Он обратил свой взор на Роберта. — Учитывая твоё поведение в последние годы, ты вряд ли мог рассчитывать на столь выгодный союз. Но тем не менее ты выглядишь так, словно присутствуешь на своих похоронах! — Старый Брюс щёлкнул пальцами пробежавшему пажу и показал на свой кубок. Он внимательно наблюдал за тем, как мальчишка наполняет его до краёв. — Сегодня вечером, Роберт, ты должен приложить все усилия к тому, чтобы доказать свою благонадежность. Только благодаря милости короля ты до сих пор остаёшься на свободе. — Он приложился к кубку, и вино потекло у него по подбородку. — Клянусь Богом, ты должен на коленях возблагодарить его за то, что он простил твои преступления!

— Я совершенно уверен, отец, что за прошедшие годы ты столько настоялся перед ним на коленях, что этого хватит на нас обоих.

Не успел Роберт договорить, как привратник распахнул двери зала и принялся громко называть имена прибывших. Поднявшийся шум заглушил слова Роберта, и отец не расслышал их, в отличие от Александра, который метнул на него яростный взгляд. Эдвин отправился встречать важных гостей, заполонивших зал.

Роберт осушил свой кубок, в котором оказалось крепкое вино из Бордо, и знаком велел пажу вновь наполнить его, не сводя взгляда с Хэмфри, возглавлявшего процессию. Рядом с мужем шагала Бесс, почти не уступавшая ему в росте. Они выглядели полной противоположностью друг другу и производили незабываемое впечатление; он — широкоплечий, румяный и рыжеволосый, а она — стройная, изящная и длинноногая, с молочной кожей. На обоих были одинаковые накидки и мантии с гербом рода де Бознов, у него — перехваченные на поясе широким ремнем с мечом, а у нее — серебряной цепочкой.

Элизабет приветствовала молодоженов, присев перед ними в реверансе, чтобы поцеловать обоим руки, прежде чем Бесс подхватила ее и с улыбкой заставила выпрямиться. За то недолгое время, что Роберт и Элизабет провели в Вестминстере, пока Ричард де Бурги не отбыл в Ирландию, она успела крепко сдружиться с Бесс. Именно благодаря их настойчивости и стала возможной сегодняшняя встреча. Передав пояс с мечом своему оруженосцу, Хэмфри обронил что-то, отчего женщины рассмеялись. Роберт судорожно стиснул кубок.

Сопровождаемый управляющим, Хэмфри подошел к столу и приветствовал старшего Брюса с искренним добродушием, которое изрядно поразило Роберта. Глядя, как они пожимают друг другу руки, он невольно спросил себя, как часто они встречались в его отсутствие. В конце концов, они были соседями, если учесть, что один из замков Хэмфри находится всего-то в десяти милях отсюда. Роберт ощутил укол сожаления. Они с отцом никогда не были близки. Лорд явно ревновал сына к той привязанности, которую питали друг к другу его отец и Роберт. Но этот человек был его кровным родственником, а за прошедшие годы он не получал от Роберта ничего, кроме ледяного молчания. Так что вправе ли он винить отца за то презрение, которое тот ему выказывает?

— Сэр Роберт.

Роберт оторвал взгляд от кубка с вином и увидел, что перед ним стоит Хэмфри. Он

поднялся, чтобы приветствовать его:

— Сэр Хэмфри.

Эдвин подвел Хэмфри к его месту за столом рядом с Робертом, и Бесс последовала за ними. Она позволила Роберту легонько прикоснуться к своей руке губами, после чего уселась между мужем и Элизабет.

Когда гости расселись, старый Брюс с грохотом ударил кубком по столу, расплескав вино по скатерти.

— Я рад, что мне выпала честь приветствовать в своем доме сэра Хэмфри де Боэна и его супругу леди Элизабет. Со времен короля Генриха этот зал не видал столь блестящего общества.

Лорд продолжал держать речь под звон посуды — это слуги разносили тарелки с жареными лебедями и гусями, форелью на пару, приготовленной с яблоками и шафраном, и огромным пирогом с кроличьим мясом. За тарелками последовали миски с маслом, сливками и заварным кремом, сдобренным имбирем и гвоздикой. На каждом столе появился серебряный таз с водой, дабы гости могли ополоснуть руки.

— И наконец, последнее удовольствие, — закончил Брюс заплетающимся языком, — доставил мне мой дорогой сын, который вернулся домой. — Роберт уставился на него, не веря своим ушам. Но удивление оказалось недолгим — старый лорд положил руку на плечо Александра. — Из Кембриджа. Сейчас он прочтет благодарственную молитву.

После того как Александр закончил длинную и нудную молитву, во время которой рыцари Хэмфри нетерпеливо ерзали, началось пиршество. Вино лилось рекой, голоса зазвучали громче, гости покраснелись и с каждым часом становились все оживленнее.

Роберт сидел молча и почти ничего не ел, чувствуя, как голова наливается тяжестью от выпитого, а лица гостей расплываются в пламени свечей. Ему хотелось узнать, зачем пожаловал сюда Хэмфри, но граф, похоже, не спешил переходить к делу, развлекая Бесс и Элизабет историей крестьянского парня из Нидерландов, который выиграл три турнира, выдавая себя за рыцаря, чтобы завоевать любовь пастушки. Роберту она казалась совершеннейшей ерундой, но женщины жадно внимали каждому слову Хэмфри, и, когда он закончил рассказ, Бесс притянула его к себе и поцеловала. Когда же она отпрянула, покраснев и облизывая губы, он наклонился к ней сам, требуя продолжения, и она шутливо оттолкнула его, смеясь над его настойчивостью. Улыбаясь во весь рот, Хэмфри залпом осушил свой бокал и поднял его над головой, знаком приказывая пажу наполнить его.

Роберт поймал взгляд Элизабет, и та покраснела, явно смущенная этим открытым проявлением привязанности. Он вспомнил их брачную ночь и то, как умерла его страсть, когда он лег на нее сверху и увидел в ее глазах страх. Свой брак они консумировали лишь на прошлой неделе. Все произошло быстро и неловко; он заставил себя отреагировать должным образом на ее неподвижное напрягшееся тело, а она отвернулась, прикрыв груди руками. Потом, перед тем как он заснул, Роберту показалось, что она плакала. Зато теперь она уже никак не могла стать невестой Христа.

По полу заскрежетало кресло — это отец отодвинул его, поднимаясь из-за стола. Нетвердо покачиваясь на ногах, лорд во всем обвинил годы, но было очевидно, что он мертвецки пьян.

— Ты останешься и будешь развлекать наших гостей, — заплетающимся языком приказал он Роберту. — Молю Бога, чтобы ты не забыл, как это делается, после стольких месяцев, проведенных в обществе бандитов и разбойников.

— Даже среди бандитов и разбойников, отец, я вел себя так, как подобает человеку моего положения. Жаль, что я не могу сказать того же самого о лорде, который напился так, что не в состоянии усидеть в кресле.

После его слов воцарилось гробовое молчание. Мужчины неуверенно переглядывались. Кое-кто спрятал усмешку, поспешно поднеся кубок ко рту, явно рассчитывая стать свидетелем скандала и от души посплетничать в Вестминстере.

Старый Брюс, казалось, даже покачнулся, и Александр вскочил с лавки и схватил его под руку. Младший брат обратил на Роберта такой взгляд, словно готов был испепелить его на месте.

— Как ты смеешь оскорблять нашего отца! Все эти годы он сохранял и приумножал твое наследство, а ты предал свою семью, чтобы присоединиться к ворам и мятежникам. А теперь ты явился, чтобы получить свою долю, когда тебе пришла такая блажь!

— Если ты намерен читать проповеди, — ответил Роберт, — отправляйся назад в Кембридж.

— Уймись, братья. — Эдвард наклонился, чтобы наполнить кубок Александра. — Прошло уже много лет с тех пор, как мы сидели вместе за одним столом. Давайте не будем портить встречу.

Не обращая внимания на брата, Александр отправился провожать отца к выходу из зала. Эдвард пожал плечами и в одиночестве приложился к кубку. Элизабет, приподнявшаяся с места, вздрогнула и отпрянула, когда Бесс успокаивающим жестом положила ей руку на плечо.

Бесс обернулась к управляющему:

— У вас есть менестрели?

— Разумеется, миледи, — отвечал Эдвин, явно испытывая облегчение из-за того, что может заняться чем-либо полезным. Он подошел к очагу, подле которого на скамье сидели двое мужчин и пили эль из одной кружки. По его команде один взял в руки флейту, а другой лиру.

Когда по залу поплыли первые звуки музыки, а разговор возобновился, Роберт сам, не дожидаясь паж, подлил себе вина.

— Ты должен проявлять к нему больше уважения. — Хэмфри холодно смотрел на него. — Что бы ты о нем ни думал, он по-прежнему остается твоим отцом. И когда его не станет, рана окажется глубже, чем ты думаешь.

Роберт уже открыл было рот, чтобы ответить, но сдержался, вспомнив отца Хэмфри, погибшего в сражении под Фолкирком.

— Зачем ты приехал сюда, Хэмфри?

Казалось, молодой граф не собирался отвечать, но потом он откинулся на спинку кресла, потягивая вино, и промолвил:

— Я решил, что было бы неплохо выяснить отношения. Король простил тебя. Я хочу сделать то же. — При этом он избегал смотреть Роберту в глаза. — Но сначала я должен понять, что заставило тебя вернуться в Англию. Почему ты сдался королю.

— Ты был в Вестминстере, когда я объяснял свои причины.

Роберт удивился, узнав резоны, которыми руководствовался Хэмфри. Он не ожидал, что граф когда-либо захочет простить его. Прощение же Эдуарда объяснялось чисто политическими мотивами. Королю имело смысл приблизить его к себе; скорее всего, он полагал, что пример Роберта убедит других повстанцев отказаться от борьбы. Но только не

Хэмфри, чью дружбу он предал так подло.

— Что случилось в Ирландии, Роберт? Что заставило тебя передумать? Ты говорил, что на тебя напали?

Роберт моментально насторожился. Неужели король пытается выяснить что-либо о той стычке?

— Ты знаешь, кто на тебя напал? — не унимался Хэмфри.

— Нет, — ответил Роберт, уже жалея, что выпил так много. В голове у него плавал туман, в котором тяжело ворочались непослушные мысли. Что же он хотел внушить королю? — Нет, — с нажимом повторил он. — Того, кто напал на меня, убили люди Ольстера, так что я даже не успел ничего понять.

Вот так, хорошо, пусть король почувствует себя в безопасности. Интересно, насколько далеко зашел Эдуард в своих тайных планах? И знает ли Хэмфри что-либо о том, о чем сам он только подозревает, — что пророчество может оказаться всего лишь грандиозной ложью, скрывающей честолубивые помыслы Эдуарда и убийство короля Шотландии? Или же он — истинно верующий, как и думал Роберт?

— Странно, что убийца воспользовался арбалетом. Необычное оружие, ты не находишь? — Он сделал паузу, чтобы отпить вина. — Хотя, разумеется, в гасконских полках оно используется повсеместно, да и людьми короля тоже.

Лицо Хэмфри потемнело:

— На что ты намекаешь?

— Я всего лишь поддерживаю разговор.

Хэмфри опустил кубок на стол.

— Пожалуй, решение приехать сюда было ошибкой.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Роберт. Голос его окреп и стал жестче. — Ты веселился в доме моего отца менее чем через год после того, как вместе со своими людьми сжег и разграбил мое графство. Ты сидишь здесь, пьешь мое вино и ешь за моим столом, когда всего несколько месяцев назад этими же руками ты поджигал мой дом, бросал в темницу моих людей и руководил казнью фермеров, их жен и детей!

— Ты обратил свое оружие против нас. Мы подавляли восстание, которое возглавлял ты со своими людьми, бросив вызов королю, которому поклялся в верности. Ты нарушил клятву, Роберт. Во имя Христа, чего ты ожидал? Что король Эдуард ничего не предпримет?

— Хэмфри, — резко бросила Бесс. Но мужчины уже не слышали ее.

— Ты стоишь на границе между двумя нашими королевствами, — продолжал Хэмфри, и лицо его налилось краской в свете пламени свечей, — перепрыгивая с одной стороны на другую, когда тебе это выгодно. Полагаю, так может поступать человек, не имеющий убеждений. Настоящий трус!

Роберт резко встал, и кресло за его спиной с грохотом полетело на пол. Он покачнулся, когда выпитое ударило ему в голову, а потом принялся слепо шарить рукой по поясу в том месте, где должен был висеть меч, которого там не было. Пока он искал несуществующий клинок, Хэмфри ударил его кулаком в лицо. Роберт покачнулся от удара, но устоял на ногах. Он выпрямился, потирая челюсть, а потом бросился на Хэмфри и вцепился тому руками в горло.

Бесс и Элизабет закричали, рыцари вскочили со своих мест, а двое мужчин сплелись в жестоких объятиях. Потеряв равновесие, они повалились на стол, который в щепы разлетелся под ними, отчего тарелки, кувшины и кубки рассыпались по полу. Они боролись

посреди обломков, осыпая друг друга ударами. Роберт ухитрился усестись верхом на грудь Хэмфри и нанес ему сильнейший удар, но граф схватил серебряный поднос и огрел его по голове. Перед глазами у Роберта все поплыло. Почувствовав, как что-то теплое и влажное течет у него по щеке, он схватился за лицо, думая, что ублюдок ранил его. Но пальцы его оказались перепачканы гусиным жиром.

Зарычав, он отвел кулак для удара. Но в это мгновение сзади на него обрушился ледяной водопад. Роберт опешил, чувствуя, как по затылку и шее стекает холодная вода. Обернувшись, он увидел Бесс, яростную, как фурия, которая держала в руках серебряный таз для воды, один из тех, что слуги расставляли на столах для того, чтобы гости могли ополоснуть в них руки. Основная масса воды обрушилась на него, но и Хэмфри досталось немало. Барахтаясь под ним среди обломков, тот тоже промок до нитки. Откинув со лба прядь влажных волос, Роберт с трудом поднялся на ноги.

Видя, что на него устремлены взоры брата, жены и всех мужчин и женщин в зале, он на мгновение устыдился. Он набросился на другого графа, своего бывшего друга, и затеял драку, словно дебошир в таверне. Смахнув с глаз капли жирной воды, он протянул руку Хэмфри. После недолгой паузы тот принял ее и позволил поднять себя на ноги. Оба остались стоять на месте, мокрые до нитки, под презрительным взглядом Бесс.

— Хэмфри... — начал было Роберт. Он небрежно отмахнулся, когда кусок дичи соскользнул у него по щеке.

Уголки губ графа дрогнули, но он так и не улыбнулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Кортрейк, Фландрия

1302 год

По равнине брели три тысячи пехотинцев, черные от грязи, с ног до головы перепачканные кровью и взмокшие от пота под полуденным солнцем. Раненым помогали идти по топкой земле, перебираться через канавы и заполненные водой траншеи, и над медленно движущейся колонной висел шумный ропот недовольства, который прорезали крики и стоны. Они оставили позади сломанные мечи, топоры и изрубленные в кровавое месиво тела павших товарищей. В спины им ударял слитный рев девятитысячного сборища ополченцев, в несколько рядов стоявших перед замком Кортрейка. Они размахивали пиками и дубинами, а французские рожки и горны играли отступление.

Граф Роберт д'Артуа наблюдал за отходом своей измученной пехоты, почти не обращая внимания на торжествующие вопли фламандцев, что неслись им вслед подобно приливной волне. Заслуженного ветерана, прославленного победителя множества рыцарских турниров, его прислал сюда король Филипп, чтобы он железной рукой подавил восстание, охватившее всю Фландрию. Издевательские выкрики и насмешки, летевшие из толпы ткачей, валяльщиков сукна и красильщиков, не трогали его. Вооруженные пиками и дубинками, они вырядились в кожаные акетоны, [\[30\]](#) а настоящие доспехи были лишь у немногих представителей знати, возглавлявших этот сброд. Артуа улыбнулся. Эти мужланы решили, что победили. Позади него на болотистой равнине ждали своего часа две с половиной тысячи рыцарей, устремив ввысь острия копий, и жаркое июльское солнце отражалось от нагрудников лат, шлемов и украшенных чеканкой уздечек их боевых коней.

После того как пехота втянулась в проходы между конными отрядами французских дворян, пение рожков сменилось медленным рокотом барабанов. Артуа принялся раздавать короткие приказы своим командирам, и те криками передавались по шеренгам. Лошади то и дело вставали на дыбы в ожидании драки, а рыцари подбирали поводья и нетерпеливо ерзали в седлах, поудобнее перехватывая древки длинных копий. Артуа опустил забрало шлема, и обзор сразу же ограничился двумя щелями, в которые он видел участок поля, изрытый канавами, а за ним стояла разношерстная толпа фламандцев. Вдали, над водами реки Лис, виднелся замок, в котором засел осажденный французский гарнизон. Он шевельнул каблуками, и его золотые шпоры вонзились в бока жеребца, посылая его вперед, к оборонительным линиям фламандцев.

Следом за Артуа двинулись лорды, графы, рыцари и оруженосцы, призванные из Нормандии, Пикардии, Шампани и Пуату. Они слитной лавой покатались вперед под треск и шелканье развернутых знамен, в шлемах с плюмажами и развевающихся накидках, с горящими на щитах родовыми гербами: оскалившими пасти желтыми леопардами, парящими алыми орлами, крестами и геральдическими лилиями. Под неумолчный грохот барабанов они летели вперед, чтобы отомстить за бойню, в которой погибли их соотечественники под Брюгге, и снять осаду с замка Кортрейк. Они шли в атаку на противника, который превосходил их числом три к одному, оставив позади пехоту и

лучников, непоколебимо уверенные в том, что каждый из них стоит десяти пехих солдат.

Французская пехота дралась отчаянно и изрядно потрепала фламандцев. Артуа подозревал, что, если бы ей дали такую возможность, она бы выиграла сражение, и именно поэтому он отозвал ее. Ни один уважающий себя полководец не допустит, чтобы победа досталась пехотинцам. Они ослабили и утомили противника. А теперь его благородные товарищи добьют его окончательно.

Равнина была изрезана замысловатой и запутанной сетью траншей, оврагов и заболоченных озер, естественных и выкопанных мятежниками. Для тяжелой кавалерии местность была крайне неподходящей. Прибыв сюда два дня назад, Артуа и его командиры даже с некоторой тревогой изучали район предполагаемого сражения перед замком, пока по счастливой случайности не отыскался один местный житель, согласившийся за возмутительную сумму нарисовать карту равнины со всеми ее препятствиями. Руководствуясь этой картой, граф приказал пехоте забросать некоторые из самых глубоких канав срубленными деревьями и балками, снятыми с крыш окрестных домов. И теперь именно по этим переправам пробиралась его конница, медленно и целеустремленно приближаясь к врагу. Рыцари откидывались в седлах, понукая своих коней спускаться по скользким откосам, а потом прищипоривали их, заставляя взбираться на противоположный берег. Восторженный рев мятежников стих. Сомкнув ряды, они в молчании следили за приближением французов. Над изуродованными трупами, валявшимися в грязи перед ними, деловито вились мухи.

К тому времени, когда кавалерия перебралась через последнюю траншею, ровные шеренги, в которых она начала движение, смешались. Артуа, перепрыгивая на лошади через последнюю широкую канаву на твердую землю за ней, с беспокойством отметил, что мятежники располагаются очень уж близко; расстояние между ними было слишком маленьким, чтобы он и его товарищи успели как следует разогнать коней. Но он постарался отогнать дурные предчувствия, не позволяя себе даже думать о том, чтобы повернуться спиной к этой разношерстной орде неотесанной деревенщины. Они дрогнут. Он несколько не сомневался в этом. На последних нескольких ярдах свободной земли он и его рыцари прищипорили коней и, опустив копыта, с яростными криками понеслись на врага.

Гильдейских дел мастера из Гента, Ипра и Брюгге напряглись и подобрались, глядя, как летят на них рыцари. Подбадриваемые криками своих старшин и командиров, среди которых были и сыновья их брошенного в темницу конта, [\[31\]](#) они размахивали длинными копьями и дубинками, многие из которых были окованы железом или оббиты гвоздями. Стиснув зубы, они с шумом выдыхали воздух, нагнетая боевую ярость, и выплевывали обрывки молитв. Глаза суживались в свирепом прищуре. Ноги дрожали, и у многих непроизвольно опорожнялись мочевые пузыри. Однако, когда на них накатилась огромная волна рыцарей, передние ряды копейщиков с ревом качнулись вперед.

Французская кавалерия врзалась в ряды фламандцев, но, поскольку она не успела обрести должного разгона, удар, хотя и жестокий, оказался отнюдь не сокрушительным. В первые же мгновения погибли многие гильдейцы, лица, груди и шеи которых пронзали наконечники копий, а ребра и черепа сокрушали копыта рыцарских коней. Люди с криками валились наземь, чувствуя, как вываливаются наружу кишки из вспоротого живота, а почва под ногами превращается в месиво из крови и грязи. Но фламандцы были не единственными, кого смерть выдергивала из боевых порядков. В хаосе жестокой схватки из седел вылетели и многие рыцари, кони которых были поражены пиками в глаза или глотку,

и жалобное ржание животных смешивалось с воплями всадников, которые валились прямо на ошестинившиеся сталью ряды обороняющихся.

После того как передовая шеренга встретила французов копьями, те, кто стоял за ними, ринулись на рыцарей с дубинками. Латные шлемы не могли выдерживать удары этого жуткого двуручного оружия, и окованные железом палицы крушили черепа и ломали челюсти, а пики и крючья впились в гамбезоны и кольчуги, в клочья разрывая плоть под ними. Гильдейцы не гнушались применять свое оружие и против лошадей. Эффект получился ужасающий, и гордые животные превращались в бесформенную массу переломанных костей, мяса и шкуры. Одна лошадь, отсеченная голова которой повисла на перерубленной шее, врезалась в толпу и проскакала еще несколько ярдов, прежде чем упасть.

Очень быстро болотистая равнина превратилась в предательское месиво из мертвых и умирающих, не оставляя французам места для маневра. Фламандцы атаковали непрерывно, не давая своим врагам возможности отступить. Те же из рыцарей, кто сумел вырваться из кровавого побоища, не зная дороги, с разбегу влетали на своих конях в топкие бочажки и болотца. Другие, будучи не в состоянии выбраться из слитной массы людей и лошадей, валились в глубокую, заполненную водой канаву за их спинами, и тяжелые доспехи вместе с конями тут же тянули их на дно.

Подогреваемые приказами своих командиров, ощутив в воздухе запах близкой победы, фламандцы усилили натиск. На место павших бойцов вставляли новые, смыкая ряды. Измученные и окровавленные, обессилевшие от ран, они отказывались сдаваться. Французы оккупировали их страну, и за эти годы всем им довелось сполна испытать на себе жестокость людей короля. И теперь их ярость получила выход, заставляя сражаться за пределами человеческих сил и выносливости. Каждый сокрушительный удар дубины и укол пики, вырывающей клочья плоти, валил наземь очередного рыцаря. Пощады не давали никому. Пленных не брали.

В самой гуще схватки граф Роберт д'Артуа, давно лишившийся коня и окровавленный, оказался в полном окружении. Отшвырнув в сторону меч и сорвав с головы шлем, он поднял руки, показывая, что сдается. Он понимал, что с ним покончено. Он ожидал, что сейчас его возьмут в плен, и на его залитом потом и кровью лице отразилось невероятное удивление за миг до того, как один из мятежников лихим ударом снес ему голову с плеч, а другой с размаху пробил ему горло копьем. Видя, что их предводитель рухнул, заливая накидку фонтаном крови, уцелевшие французские дворяне начали покидать поле боя. Тех, кто сумел пересечь болотистую равнину и добраться до своих пехотинцев и лучников, которые тоже начали разбегаться, яростно преследовали фламандские мастера.

Меньше чем за час ткачи и сукновалы из городков Фландрии подчистую вырубili весь цвет французского рыцарства. В сражении погибло больше тысячи лучших людей короля, а равнина вокруг Кортрейка пропиталась кровью, в которой плавали золотые рыцарские шпоры.

Пикардия, Франция

1302 год

Джон Баллиол разглядывал лежащие перед ним карты и письма, упершись обеими руками в край стола. Легкий ветерок, влетающий в раскрытое окно, загибал углы и ворошил тяжелые свитки пергамента. За окном долина Соммы мирно дремала в лучах полуденного солнца. Овцы укрылись в тени под деревьями, ища спасения от жары.

Баллиол поднял голову. Из раздумья его вывели доносящиеся со двора голоса слуг, развешивающих разноцветные флажки и баннеры. Сегодня вечером он устраивал пир для своих вассалов из пикардийских поместий, чтобы приказать им присоединиться к французскому войску, которое поведет в Шотландию. Эдварда, своего сына и наследника, он поставил во главе одного из отрядов, с удовлетворением отметив, что молодой человек горит желанием ринуться в бой. Большой зал утопал в роскошном убранстве, меню поражаало разнообразием блюд, вином не побрезговал бы сам король — словом, все было готово в самом лучшем виде. Все, за исключением армии.

Вот уже несколько недель он не получал никаких известий о подкреплениях, которые пообещал ему король. Баллиол знал, что Филипп занят наведением порядка во Фландрии. Он говорил себе, что как только король подавит мятеж, то непременно обратит свои взоры на Шотландию, но подобные рассуждения не могли умерить его нетерпение. И гнетущая жара лишь усиливала его раздражение.

На картах перед ним лежало его королевство, границы которого его нога не переступала вот уже шесть лет. Письма, на большинстве которых красовалась печать его зятя лорда Баденоха, были преисполнены надежды и извещали его о том, что бароны Шотландии ждут его возвращения, готовые оказать ему полную поддержку. Баллиол прибыл во Францию сломленным человеком, униженным горечью поражения и заточением в неволю. Но за последний год эти послания Комина и обещания короля произвели в нем небывалые перемены. Загладив трещины в его вере, они сделали его самым собой. Он был готов отправиться домой, желая вновь завоевать уважение и вернуть себе достоинство, потребовать обратно престол для себя и своего сына.

Отворилась дверь, и на пороге появился управляющий.

— Милорд, к западным воротам приближаются всадники.

Баллиол с раздражением нахмурился.

— Кажется, я приказал вам самому заняться гостями, Пьер. Не обязательно докладывать мне о каждом прибывающем. Я увижу их всех нынче вечером.

— Прошу прощения, милорд. Эти люди — не гости. На их накидках виден герб короля.

Баллиол выпрямился, и его изрытое оспинами лицо осветилось радостным предвкушением. Он направился к дверям, рукавом мантии задев одно из писем. Медленно кружась, оно слетело на пол, и пятно алого воска на нем издали походило на кровь.

Выйдя во двор, Баллиол быстро зашагал к западным воротам, не отвечая на почтительные поклоны своих людей. Впереди, в проеме арки, уже виднелись приближающиеся всадники. Из-под копыт их коней клубами поднималась пыль. Приставив ладонь козырьком ко лбу, чтобы защитить глаза от слепящего солнца, он вперил взор в баннер, ^[32]поднятый над группой всадников. На нем сверкали золотом геральдические королевские лилии. Баллиол застыл в ожидании, и на губах его играла напряженная улыбка. Всадники въехали во двор.

Возглавлял их Жан де Реймс. Рыцарь короля растерялся, увидев, что Баллиол лично вышел встречать его.

— Сэр Джон. — Жан спрыгнул с седла, а вот его спутники не стали спешиваться.

Накидка рыцаря была покрыта пятнами лошадиного пота. — Я привез вам известия от...
— Наконец-то! — Баллиол не дал ему договорить. — Я ждал вас целую вечность!
— Давайте побеседуем внутри, — предложил Жан, глядя поверх плеча Баллиола на слуг, развешивавших флаги над дверями главного зала.
— Сначала скажите, когда король Филипп придет мне своих людей. Я уже устал ждать.

Жан заколебался, но потом все-таки заговорил.

Баллиол хранил молчание, пока тот рассказывал ему о битве под Кортрейком, в которой сложили головы более тысячи французских рыцарей. Из уст Жана, побледневшего от ярости, он узнал о волне гнева и возмущения, поднявшейся при дворе, и о мести, к которой теперь придется прибегнуть Филиппу. Наконец, Жан сообщил ему, что король призывает под свои знамена всех французов, способных носить оружие, а когда армия будет собрана, Филипп лично поведет ее во Фландрию, чтобы сурово покарать мятежников.

— Вы должны понять, сэр Джон, мой король более не может споспешествовать вашему возвращению в Шотландию. Во всяком случае, не тогда, когда фламандские крестьяне попирают ногами тела наших благородных товарищей, расхищая их шпоры и оружие, а вороны клюют их плоть. Он должен заставить Фландрию покориться его власти.

— Все готово. — Баллиол махнул рукой в сторону зала. — Сегодня вечером ко мне присоединятся все мои вассалы. Мои соотечественники в Шотландии подготовили почву для моего возвращения. Сейчас самое время сделать решительный ход!

— Боюсь, любой ход вам придется делать самому, не рассчитывая более на поддержку моего господина. Он просил меня передать вам свои глубочайшие сожаления. — Жан повернулся было к своему коню, но потом оглянулся. — Быть может, со временем, когда Фландрия покорится... — Он умолк, и собственные слова показались неубедительными даже ему самому.

— Будьте вы прокляты! Вы же сами пришли ко мне! — Видя, что Жан поднялся в седло, Баллиол сменил тон, и голос его зазвучал жалобно и умоляюще. — Умоляю, давайте побеседуем спокойно. Наверняка король может еще что-либо сделать. Выделить мне людей! Что угодно!

— Мне очень жаль.

— Подождите! — крикнул Баллиол, когда Жан и его спутники дали шпоры своим коням и помчались под арку. — Это же конец *моего королевства!*

За его спиной, во дворе, в тоскливом недоумении столпились слуги и поварята, глядя, как бывший король Шотландии схватил пригоршню земли и швырнул ее вслед удаляющимся всадникам. Когда вокруг него за клубилась пыль, поднятая копытами их коней, Джон Баллиол повалился на колени.

Джон Комин не отрывал взгляда от надвигающихся стен замка Лохиндорб. Крепость, силуэт которой чернел на фоне сумерек, вздымаясь над твердью скалистого острова, получила свое название от озера, воды которого окружали ее; в переводе с гэльского оно означало «неспокойные воды». Помнится, мальчишкой он смаковал это имя, наивно полагая, что оно добавляет несокрушимой мощи и без того неприступной твердыне, окутывая ее грозной силой и предупреждая врагов о том, что их ожидает, если они осмелятся явиться незваными. Но сейчас, похоже, древнее знамение обратилось против него самого, и черные воды угрожающе смыкались вокруг скал. Он подумал о своем плане и вздрогнул, ощутив дуновение легкого ветерка.

На стенах горели факелы, пламя которых отражалось от алых щитов, вывешенных между зубцами и бойницами. Над одной из башен развевалось отцовское знамя. Когда гребцы направили лодку вокруг острова, вдоль высоких стен крепости, до Комина долетел запах нечистот: в озеро выходили сливы из отхожих мест. На восточной оконечности острова в воду выдавался причал, где его ждали двое слуг в ливреях отцовских цветов. Они схватили веревку, брошенную им рулевым, и пришвартовали лодку к пирсу. Комин шагнул на доски настила, предоставив оруженосцам собирать его вещи и снаряжение. Когда он направился к арочному проходу в восточной стене, его догнал Дунгал Макдуалл.

На лице капитана плясали отблески факелов.

— Вы будете говорить с отцом сегодня вечером?

Комин покосился на него. Доверившись Макдуаллу, он тем не менее так до конца и не был уверен в том, что может полностью рассчитывать на его поддержку, потому что тот долгие годы оставался верным вассалом Джона Баллиола. Белый лев Галлоуэя, вышитый на накидке капитана, отчетливо выделялся в свете факелов.

— Я не могу откладывать разговор, — после небольшой паузы признался он. — Делегация пробудет во Франции совсем недолго. И я рассчитываю заручиться столь нужной мне поддержкой именно во время их отсутствия.

Макдуалл согласно кивнул, когда они прошли под поднятой решеткой ворот.

— Вашему отцу придется отойти в сторону. Но без его поддержки ваш план не сработает.

— Я и сам прекрасно это знаю, — проворчал Комин, хотя от слов капитана у него неприятно засосало под ложечкой. Всю дорогу домой из Селкиркского леса, где прошла ассамблея, он не мог думать ни о чем другом.

Когда он вошел во внутренний двор замка, его приветствовал управляющий отца. Степенный и величественный, служивший клану Рыжих Коминов вот уже несколько десятилетий, сегодня он был необычно оживлен, и даже шаги его казались несколько более поспешными, чем подобало бы его согбенной фигуре.

— Сэр Джон! — Он шагнул ему навстречу из темноты. — Хвала Господу, вы вернулись!

— Что случилось, Дункан? — Поведение управляющего заставило Комина замереть на месте.

— Это ваш отец, сэр. Идемте, прошу вас.

Вслед за Дунканом Комин пересек двор и вошел в здание из дерева и камня, в котором располагались покои отца. Оказавшись внутри, он обогнал управляющего, шагая по лестнице через две ступеньки, и поспешил по коридору, ведущему к комнате лорда. Дверь в дальнем его конце была распахнута настежь, и оттуда лился слабый свет и доносились приглушенные голоса.

В богато обставленной спальне было невыносимо душно; окна закрывали плотные драпировки. В воздухе висел резкий запах мочи и трав. Перешагнув порог, Комин отыскал взглядом две фигуры, замершие у кровати под балдахин. Одним был мужчина в церковном облачении, и выбритая тонзура у него на макушке сверкала в пламени свечей. Другой была его мать.

Элеонора Баллиол, сестра отправленного в изгнание короля, обернулась на звук шагов сына. Ее морщинистое лицо, обрамленное поседевшими каштановыми кудрями, в скорби смягчилось.

— Джон...

Комин прошел мимо нее к кровати. Там, казавшийся карликом на огромных простынях и подушках, лежал отец. Лицо старого лорда было пепельно-серым, глаза ввалились. Поверх покрывала робко вытянулась рука, некогда перевитая мускулами, а сейчас похожая на цыплячью лапку. В тех местах, где ему ставили пиявок, на коже багровели синяки.

Получив послание о том, что его срочно приглашают на ассамблею в Лесу, отец, ослабевший от болезни, которая медленно подтачивала его силы весь последний год, приказал Джону отправляться одному. Он и тогда выглядел усталым и исхудалым, но не таким немощным и изможденным, как сейчас. Отец в буквальном смысле стоял одной ногой в могиле. Когда с его пересохших губ сорвался неразборчивый стон, Комин повернулся к матери.

— Лекарь?

— Сделал все, что было в его силах, — вместо нее ответил священник. — Теперь судьба вашего отца в руках Божьих.

Священник взял распятие и чашу с елеем, стоявшие в изголовье кровати, и Комин с содроганием понял, что отца только что соборовали. Он во все глаза смотрел на некогда гордого и всесильного лорда, лежащего перед ним. Как могло случиться, что человек, чья железная воля правила двумя королями, превратился в сморщенный и высохший сосуд, готовый расколоться и навсегда расстаться со своей душой? Он даже не обратил внимания на мать, которая, мимолетно коснувшись его плеча, вышла вместе со священником из комнаты. Их приглушенные голоса вновь зазвучали за дверью, и к ним присоединился управляющий. Они негромко обсуждали церемонию похорон.

Комин опустился на край кровати, глядя в воспаленные и покрасневшие глаза отца.

Старый лорд облизнул губы.

— Как прошел совет?

Комину пришлось нагнуться, чтобы расслышать его, и он уловил запах отцовского дыхания, кислый и такой знакомый.

— Король Филипп отказался от своего обещания, отец. Вместо того чтобы отправить армию в Шотландию, он поведет французов во Фландрию. Епископ Ламбертон и Инграм де

Умфравилль намереваются отбыть в Париж во главе делегации. Они надеются, что, даже если Филиппа не удастся убедить оказать нам военную помощь, он по-прежнему может оккупировать Гасконь, пока Эдуард не согласится на возвращение Баллиола.

Глаза старика закрылись. Когда же он вновь открыл их, Комин выдохнул, сообразив, что сидел, затаив дыхание.

— Они оставили тебя единственным хранителем Шотландии?

— Да.

— Хорошо. — Веки отца затрепетали, но он не закрыл глаза.

— У меня было время подумать, отец, — начал Комин, чувствуя, как громко бьется у него в груди сердце, — по дороге домой. События последнего года заставили меня усомниться в том, что возвращение короля Джона на трон может состояться. И не значит ли это, что, по-прежнему цепляясь за него, мы отказываемся от других способов вернуть себе свободу?

На лбу старого лорда собрались морщинки.

Комин продолжал. Теперь он говорил быстрее, стремясь как можно скорее покончить с этим.

— Король Филипп и раньше отказывался от своих слов. Вряд ли можно надеяться, что он действительно выполнит нашу просьбу, какие бы заверения ни получила в Париже делегация. Теперь, когда Баллиол пребывает в ссылке, а Филипп занят собственными делами, я не сомневаюсь, что Эдуард нападет на нас в тот же миг, как только закончится перемирие. Чтобы противостоять ему и иметь шансы на победу, нам нужен лидер, способный объединить силы наших баронов, лидер, чей авторитет не подвергается сомнению и не может быть оспорен другими. — Он собрался с духом и произнес: — Наша семья имеет право претендовать на престол благодаря брачному союзу. Сам король Эдуард признал его во время прений по выбору преемника Александра.

Покрывало дрогнуло, когда отец пошевелился.

— Нет, — прохрипел он.

— Я прихожусь Баллиолу племянником. Учитывая, что он беспомощно прозябает во Франции, а Брюс стал предателем, я — единственный законный претендент на трон.

Голос отца окреп.

— Законным наследником является сын Баллиола!

— Эдвард Баллиол не водил людей в битву и не пользуется таким доверием, как я. А ведь это я привел нас к победе под Лохмабеном.

— Ты говоришь о низложении короля!

Комин поморщился, когда отец схватил его за запястье.

— Я запрещаю тебе даже думать об этом, — хрипло прошепел старый лорд. — Поклянись мне в этом!

Комин попытался высвободить руку.

— Это — лучшая и единственная надежда нашего королевства. Неужели ты этого не понимаешь?

Старый лорд отвернулся.

— Я отдал все, что имел, чтобы мой шурин взшел на трон. Я не позволю, чтобы все мои усилия пропали даром из-за действий моего собственного сына! — Он обратил лицо к Комину, с такой силой сжимая ему руку, что костяшки пальцев у него побелели. — Мои грехи не окажутся напрасными! Ты слышишь меня?

— Грехи?

Глаза старого лорда закрылись. Слова с хрипом вырывались у него из груди.

— Я отправил своего человека за море, в Норвегию, с имбирным пряником для девчонки. Ею пожертвовали ради королевства — ради Баллиола. Ради всех нас!

— Ничего не понимаю, отец. Принцесса Маргарет умерла во время морского путешествия из Норвегии после того, как съела испорченную пищу. Отец?

Пальцы лорда Баденоха, стискивавшие его запястье, разжались. В горле у него заклокотало, он судорожно вздохнул, и наступила тишина. Комин поднялся, обуреваемый самыми разными чувствами, глядя на обмякшее тело отца. Но самым сильным ощущением, заглушившим все прочие эмоции, было несогласие.

Он подошел к двери и распахнул ее. Стоявшая в коридоре мать, которая о чем-то совещалась с управляющим, обернулась. Заметив выражение его лица, она испуганно поднесла руку ко рту, а потом прошла мимо него в спальню. Ее приглушенные рыдания затихли вдали, когда он сбежал вниз по лестнице. Ему хотелось вдохнуть свежего вечернего воздуха. Во дворе его поджидал Дунгал Макдуалл.

Комин обеими руками взъерошил волосы и привалился к стене.

— Он скончался. — Голос Комины дрогнул, когда он выговорил последнее слово.

— Мне очень жаль, сэр. — Капитан выдержал приличествующую паузу, после чего поинтересовался: — Вы успели поговорить с ним?

Комин запрокинул голову, глядя в темное небо, едва различимое в свете факелов на стенах. Ветер трепал баннер его отца. Он впился в него взглядом, медленно осозная, что только что унаследовал титул лорда Баденоха, став главой самого могущественного клана в Шотландии.

— Сэр Джон?

Комин перевел взгляд на Макдуалла.

— Перед смертью отец дал мне свое благословение. — Он выпрямился, и ложь укрепила его голос, придав ему звучности. — Он так же, как и я, решил, что это — единственный шанс на лучшее будущее для Шотландии. Но я должен проявить себя. Мне нужна новая победа.

Макдуалл согласно кивнул, и Комин понял, что вопрос о лояльности бывшего капитана решен окончательно. После низложения Баллиола Макдуалл и его люди потеряли все. Кажется, стремление вернуть себе состояние оказалось сильнее прежних привязанностей и клятв в верности. И Комин умело сыграл на этом.

— Я хочу, чтобы ты созвал всех своих товарищей по оружию, всех, кто лишился наследства в Галлоуэе. Собери для меня армию, Дунгалл. Когда я заявлю о себе как единственном хранителе Шотландии и продемонстрирую свою силу, не многие рискнут выступить против меня.

— Вы можете рассчитывать на мой меч.

Взгляд Комины скользнул по белому льву на накидке Макдуалла.

— С этого дня ты будешь носить мой герб. А вот этот знак более не имеет отношения к моему королевству.

В воде кружились красновато-коричневые листья, и течение Тэя ^[33]уносило их прочь. Наступила осень. Гребцы налегали на весла, и выше по течению из тумана уже показались темные громады стен Перта. В воздухе запахло человеческим жильем: вяжущим привкусом сыромятных мастерских, дымом из гончарных и хлебных печей, сладостью перезрелых плодов в садах. Где-то впереди, на кирке ^[34]Святого Иоанна, глухо ударил колокол.

Его раскатистый гул вспугнул ворон, стая которых поднялась в воздух с деревьев на дальнем берегу, громко хлопая крыльями. Пять пассажиров лодки проводили их взглядами, и двое опустили ладони на рукояти мечей, всматриваясь в уплывающие назад берега, вдоль которых часовыми на мелководе застыли цапли.

Они производили странное впечатление, эти люди, чья кожа бронзовела загаром, который нельзя было приобрести под северным солнцем. Накидки из дорогого материала облегали мускулистые фигуры, скрывая под собой кольчужные доспехи и боевые шрамы. Все пятеро пребывали настороже. Насколько им было известно, Перт все еще оставался в руках шотландцев, но они проделали долгий путь по чужим водам, и за это время многое могло измениться.

Один из них, сидевший на носу суденышка, на целую голову возвышаясь над своими товарищами, опустил широкую ладонь в воду и подхватил увядший дубовый лист. Поднеся его к глазам, он с сожалением взглянул на него.

— Времена года меняются, а перемены к лучшему так и не наступили.

— Вы сделали все, что могли, сэр, — откликнулся один из его спутников. — Вы были ближе, чем кто-либо еще, к возвращению нашего короля. Кто мог предполагать, что случится подобная катастрофа и неорганизованная орда фламандских крестьян наголову разобьет французскую кавалерию?

Синеглазый гигант криво улыбнулся.

— Мы, друг мой. Стирлинг был нашим Кортрейком. — Но жесткая улыбка тут же исчезла. — Я отсутствовал слишком долго. При дворах королей война — всего лишь слова. Рано или поздно, но мужчина должен вернуться на арену, где звенят мечи, если он хочет выигрывать битвы. — Шумно выдохнув, он опустил листок обратно в реку, где им опять завладел поток. — Причаливайте вон там, — хрипло приказал он гребцам, показывая на песчаную отмель. — Мы обойдем город стороной и направимся в Селкирк.

Вестминстер, Англия

Роберт целеустремленно пробирался сквозь толпу, запрудившую Расписную палату и живо обсуждавшую вопросы, которые поднимались в парламенте. Самым главным и животрепещущим оставалось предложение Эдуарда начать новую кампанию в Шотландии, запланированную на будущий год. Кампанию, которая стала возможной после получения новостей из Франции.

Пришло донесение о кровавой битве под Кортрейком, в которой неорганизованная орда

фламандских крестьян подчистую уничтожила рыцарскую конницу. И теперь, чтобы отомстить за унижительное поражение, король Филипп объявил войну Фландрии, повернувшись спиной к Джону Баллиолу и его надеждам на реставрацию. Эдуард, которого хитроумный кузен заставил заключить невыгодное перемирие со скоттами, явно решил воспользоваться благоприятным поворотом событий.

Роберт с тревогой выслушал эти известия, поскольку теперь, когда Баллиол оказался в ссылке во Франции, трон Шотландии оставался свободным. Но, несмотря на удовлетворение, которое он испытал, узнав о расстройстве планов своего врага и о том, что ему не грозит опасность скорого возвращения Баллиола, его собственный путь на престол отнюдь не становился легче. Было известно, что ко французскому двору прибыла делегация шотландских дворян, вознамерившихся убедить Филиппа сдержать слово, так что, пока они остаются в Париже, существовала и опасность реставрации Баллиола. Роберт понимал, что терпение должно стать его неизменным спутником и советчиком на ближайшее время. А пока что у него были более неотложные дела.

Пройдя мимо Ральфа де Монтермера и Роберта Клиффорда, которые окинули его холодными взглядами, но кивнуть в знак приветствия не сочли нужным, Роберт вышел во двор. Стоял ясный солнечный день конца октября, по небу неслись клочья облаков, и ветер шуршал ковром из листьев, устилавших землю. Впереди, за королевскими садами, вздымались белые стены Вестминстерского аббатства. Ветер вцепился в полы его накидки, и, запахнувшись в нее плотнее, Роберт зашагал к устремленному ввысь сооружению. Впервые за несколько месяцев он оказался в Вестминстере, и ему представилась возможность найти ответы на вопросы, по-прежнему не дававшие ему покоя.

В королевских садах собрались молодые люди с лошадьми и гончими. Роберт оглянулся на них, привлеченный громкими голосами. Похоже, они намеревались отправиться на охоту. Некоторые надели накидки для верховой езды и шапочки с перьями, а на перевязях за спинами у них висели охотничьи рога. В центре группы красовался Пирс Гавестон в роскошной черной накидке, расшитой серебряными птичками. Рядом с ним, не уступая ему ни ростом, ни сложением, но отчего-то пребывая словно бы в тени друга, стоял принц Эдвард, и легкий ветерок перебирал его светлые локоны. Пирс отпил вина из меха и протянул его принцу, и Роберт заметил, как, принимая его, Эдвард накрыл своей ладонью руку гасконца. Он задержал ее на несколько секунд, глядя в глаза своему товарищу, и Пирс довольно улыбнулся, убрал руку и стал смотреть, как принц прикладывается к вину.

Но тут Роберт отвлекся, услышав, что кто-то окликает его. Он выругался себе под нос, увидев, что к нему направляется Хэмфри де Боэн, полы мантии которого развевались на ветру. Роберт сухо кивнул в знак приветствия.

— Добрый день, сэр Хэмфри.

— Сэр Роберт, — отозвался граф, сопроводив свои слова столь же коротким кивком, — похоже, вы очень спешили покинуть парламент. — Он улыбнулся, но в его холодных зеленых глазах не было веселья. — Могу я поинтересоваться, куда это вы направляетесь?

Роберт повернулся к аббатству и зашагал дальше, решив, что не позволит сбить себя с пути.

— Помолиться, если вам так угодно, в усыпальнице Исповедника.

Хэмфри пристроился рядом.

— Святого покровителя Англии? — с невинным видом поинтересовался он.

— Моя супруга занедужила, — быстро нашелся Роберт. — Ничего серьезного, —

добавил он, видя, что Хэмфри озабоченно нахмурился. — Но она попросила меня прочесть молитву за ее здоровье над мощами святого.

— Если не возражаете, я составлю вам компанию, — заявил Хэмфри. Это не было вопросом.

Роберт ничего не ответил, а лишь раздраженно фыркнул. После драки в Риттле он несколько раз виделся с Хэмфри, главным образом по настоянию их жен, но, хотя встречи эти обошлись без насилия, о возобновлении прежней дружбы и речи не шло. Было совершенно очевидно, что отнюдь не теплые чувства подталкивали Хэмфри искать его общества. Роберт подозревал, что граф попросту получил приказ не спускать с него глаз во время его пребывания здесь.

Король вернул Роберту его владения в Шотландии и освободил коменданта Эндрю Бойда, но при этом было ясно, что он не доверяет ему ни на грош. По крайней мере, Хэмфри более не расспрашивал его о стычке в Ирландии, и, поскольку дальнейших разговоров об этом не возникало, Роберт решил, что бывший друг передал королю его слова о том, что он не знает нападавшего, а Эдуард поверил ему. Но уже сам факт того, что вопрос был задан, лишь сильнее убедил его в том, что Адам был человеком короля.

Вдвоем с Хэмфри они вошли в увитую плющом арку ограды и зашагали к аббатству. Вокруг него сгрудились здания поменьше, включая водяную мельницу, колесо которой лениво пенило воды Тайберна. За нею тянулись луга и болота, а еще дальше на солнце, то и дело показывавшемся из-за туч, сталью отливала водная гладь.

Внутри их встретил запах ладана и растаявшего воска. Переступив порог, Роберт и Хэмфри направились к нефу. Вестминстерское аббатство, которому Исповедник завещал постоянный доход почти двести пятьдесят лет назад, было основательно перестроено отцом Эдуарда, королем Генрихом III, но еще не все восстановительные работы завершились. Здесь краски на полотнах поблекли от времени, камни под ногами вытерлись, а мраморные конечности ангелов и святых залоснились от бесчисленных прикосновений молящихся. Но когда они миновали хоры, направляясь к средокрестию, ^[35]интерьер изменился, и теперь со всех сторон их окружали яркие цвета.

Лучи света, проникающие сквозь рубиновые и сапфировые стекла окон, дробились и плясали на золотистых и ярко-красных стенах. Новый свод возносился над ними на сотню футов, теряясь в полумраке, а пол был выложен серпентином и порфиром, образующими сложные узоры, напоминая вымощенную драгоценными камнями дорожку. Краем глаза Роберт заметил фигуры монахов и паломников, бесшумно скользящих под лепными арочными сводами и в проходах между резными деревянными перегородками. На алтарях в часовнях трепетали огоньки свечей, потревоженные сквозняком, который они принесли с собой. Направляясь к резной и раскрашенной деревянной стене в самом сердце аббатства, они с Хэмфри подошли к усыпальнице Исповедника.

Но прежде чем они приблизились к ней, внимание Роберта привлек трон на каменном пьедестале, задрапированный ярко-алым ковром. Трон был расписан изображениями короля в окружении птиц и цветов. Сиденье покоилось на огромном основании. Роберт мгновенно догадался, что это и есть коронационный трон Эдуарда, и сбился с шага от неожиданности. Именно в этом основании и был заточен Камень Судьбы. В окружающей тишине собственное дыхание показалось ему невероятно громким и хриплым, и каждая жилка в его теле затрепетала от нестерпимого желания разрубить дубовое сиденье мечом и освободить камень из узилища.

— Роберт.

С усилием отведя взгляд от трона, он увидел, что на него смотрит Хэмфри. Не говоря ни слова, Роберт заставил себя двинуться дальше, огибая резную деревянную перегородку.

Усыпальница Исповедника, выполненная итальянским каменотесом, лежала на огромном каменном фундаменте, по которому наверх карабкались ступени, исчезая в нише. Здесь, склонив головы, стояли на коленях три фигуры. Судя по их пропыленным и испачканным одеждам, все они были паломниками. Над ними покоились мощи святого в позолоченной раке, над которой нависал балдахин, искусно расписанный сюжетами на библейские темы. Роберт шагнул вперед, и на него обрушились воспоминания.

Вот он стоит в окружении Рыцарей Дракона, только что принятый в орден, едва успев вернуться с войны в Уэльсе, и смотрит, как король Эдуард возлагает Корону Артура на алтарь перед усыпальницей. Корона, сорванная с головы Мадоба ап Льюэллина и восстановленная золотых дел мастерами короля, легла рядом с куртаной и простой шкатулкой, отливавшей черным в пламени свечей. Шкатулкой с пророчеством.

Алтарь стоял на своем месте, задрапированный тканью, но, если не считать пары серебряных подсвечников, он был пуст. Роберт обернулся к Хэмфри:

— Я думал, реликвии по-прежнему хранятся здесь.

Хэмфри, и без того державшийся настороже, преисполнился подозрений.

Роберт постарался изобразить раздражение.

— Я спрашиваю из чистого любопытства, Хэмфри. Не забывай, это я помог королю завладеть тремя талисманами из четырех. В том, что они оказались вместе, я сыграл не меньшую роль, чем ты.

Помолчав, Хэмфри все-таки ответил:

— Реликвии находятся под охраной в Тауэре. Сюда их приносят только для проведения каких-либо церемоний.

Разочарование навалилось Роберту на плечи. Он столько ждал этого момента, а предмета, который он искал, попросту не оказалось на месте. Джеймс Стюарт был прав — он может и не найти доказательств того, что Эдуард приказал убить Александра. Но если он сумеет доказать, что само пророчество — ложь, то разоблачение вполне способно привести к отчуждению между королем и его людьми, которых он привязал к себе его властью. Без их поддержки Эдуард не сможет продолжать войну. Роберт понимал, что искушает судьбу, но все равно предпринял последнюю попытку:

— Ты когда-нибудь видел оригинал пророчества, которое король обнаружил в Нефине?

Хэмфри замкнулся, подобно моллюску в раковине.

— Я полагал, ты пришел сюда молиться о здоровье своей жены?

Спустя мгновение Роберт кивнул. Пройдя мимо паломников, он подошел к усыпальнице и преклонил колени на ступенях. Но стоило ему закрыть глаза, как перед его внутренним взором появился коронационный трон Эдуарда. Камень был осколком Шотландии, погребенным в сердце Англии. Совсем как он сам. Если он пробудет здесь достаточно долго, то, с Божьей помощью, осколок сможет повредить тело, в котором заточен.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1303–1304 годы

...наслаждения изнежат властителей, и, погруженные в них, они превратятся в диких зверей. Родится среди них лев, налившийся человеческой кровью.

Гальфрид Монмутский. История королей Британии

Раскинув крылья, в небе кружил орел, удаляясь на юг от своего гнезда на скалистых утесах возле Эдинбурга в сторону темного массива Селкиркского леса. Под ним дорога и река, словно две змеи, извивались между засыпанных снегом холмов. По дороге ехал отряд всадников — единственное движущееся пятно посреди белого безмолвия.

Провожая взглядом орла над головой, сэр Джон Сигрейв, недавно назначенный английским лордом-наместником [\[36\]](#) Шотландии, вдруг уловил впереди тусклый блеск золота. Настороженно прищурившись, Сигрейв принялся вглядываться в чашу из буков, сосен и остролиста, выставшую впереди.

Учитывая обстоятельства, он без особого воодушевления встретил приказ короля Эдуарда углубиться на занятую мятежниками территорию во главе разведывательного отряда, что должно было стать прелюдией к запланированному на лето вторжению. Хотя уже наступил март, зима не собиралась сдаваться и в воздухе еще не пахло весной. Его отряд находился не далее чем в одном дне пути от английского гарнизона в Эдинбурге, но с таким же успехом они могли оказаться в потустороннем мире, не встречая признаков жизни на дороге. Так что им оставалось утешаться лишь тем, что еще две роты, составлявшие костяк разведывательного отряда, отстали от них всего на несколько миль.

Вместе с Сигрейвом в путь отправились еще три королевских чиновника. Их сопровождали шестьдесят рыцарей, копыта коней которых вязли в мокром снегу. Лошади, помимо кольчужных попон, несли на себе еще и рыцарей в полном вооружении, так что им приходилось несладко. Баннереты [\[37\]](#) держали в руках штандарты — самым большим из них было черное знамя самого Сигрейва с серебряным львом — и те трепетали на ветру, в котором еще ощущалось снежное дыхание зимы. За рыцарями ехали оруженосцы, а замыкали колонну две сотни пехотинцев и небольшой отряд лучников. Воздух над ними превратился в ядреную смесь запахов металла, пота, кожи и конского навоза.

Колокольчикам на уздечках боевых скакунов вторил скрип кольчуг и деревянных седел, а также глухое чавканье снега под копытами и топот ног. Перед покрасневшими от холода лицами клубился пар от дыхания. Рядом с хозяевами трусили собаки, высунув языки, а последними катились шесть фургонов, которые медленно тащили быки. Возницы подгоняли животных ударами хлыстов, хотя дорога и так шла под уклон меж двух невысоких холмов.

Разговоры, и без того негромкие, стихли окончательно, когда на них надвинулся Лес, темной тучей разлегшийся на горизонте в обе стороны, насколько хватало глаз. От него веяло опасностью. Где-то в самой его глубине притаилось логово, устроенное Уильямом Уоллесом еще в самом начале мятежа, но его точное местонахождение по-прежнему оставалось тайной за семью печатями. На протяжении последних шести лет повстанцы использовали его в качестве убежища, тренировочного лагеря и склада, где хранили припасы и награбленное имущество. Они частенько выныривали из-под зеленого лесного покрова, нападая на занятые англичанами замки, перерезая пути подвоза продовольствия и

снаряжения, и даже вторгались на территорию Англии. Со временем его стали называть не иначе как колыбелью смуты.

Сигрейв не имел ни малейшего намерения далеко забираться в чащобу, где полдень превращался в полночь, где можно было заблудиться в мгновение ока, где путника подстерегали реки с каменистым дном и скрытые узкие ущелья и где деревья росли так густо, что между ними нельзя было проехать на лошади. Вместо этого он со своим отрядом собирался лишь обогнуть Лес по самой кромке, чтобы наметить удобные пути для планируемого марша королевской армии на север.

И вдруг вокруг него раздались тревожные крики. Уголком глаза Сигрейв уловил какое-то движение. Он отыскал взглядом вершину холма слева. Там появилась группа всадников. Он мысленно произвел быстрый подсчет: сотни три, может, даже больше. Они ненадолго задержались на вершине, так что их черные силуэты выделялись на фоне неба, а потом громящей лавиной устремились вниз, прямо к его отряду.

Снежная пыль летела из-под копыт. Сигрейв взревел, отдавая распоряжения, но голос его потонул в воинственных воплях, прокатившихся по долине. Крики звучали нечленораздельно, но английскому лорду-наместнику и его рыцарям — которые сейчас поворачивали коней — достаточно было и баннеров, развевавшихся над головами нападающих, чтобы понять, кто они такие. Одно из знамен, в самом центре, воздетое, словно кулак, было украшено тремя снопами пшеницы — герб Джона Комина, хранителя Шотландии.

Отдав приказы оруженосцам и пехотинцам, Сигрейв резким щелчком опустил забрало своего шлема и выхватил клинок из ножен. Вонзив шпоры в бока своего коня, он заставил его перепрыгнуть через сугробы на обочине и погнал по целине навстречу врагу. Его люди последовали за ним. Вслед за рыцарями и оруженосцами устремились и пехотинцы, двигаясь по пояс в снегу, держа над головой фальшионы и обитые железом булавы. Собак, натягивающих поводки и надрывающихся от лая, спустили на врага, и те помчались вперед.

На дороге возницы остановили фургоны с припасами и стали со страхом наблюдать за тем, что будет дальше. Группа лучников взобралась на откос. Натянув свои длинные луки, они наложили стрелы, выхватив их из колчанов на поясе, и взяли прицел. У них оставалось всего несколько секунд, чтобы их товарищи не попали под обстрел. Два залпа последовали почти одновременно. Одна стрела угодила лошади в шею, отчего та вместе с седоком на полном скаку грянулась о землю, подняв фонтан снега. Оба — и конь, и всадник — исчезли под копытами тех, кто мчался следом. Остальные стрелы отскакивали от шлемов или застревали в гамбезонах. Рухнули еще две лошади, одна встала на дыбы и опрокинулась на соседнюю после того, как стрела пронзила ей глаз. Лучники вновь подняли луки, но тут же опустили их. Два отряда сблизились уже почти вплотную.

Сигрейв скакал в первом ряду, когда рысь перешла в галоп. Он внутренне подобрался, готовясь к столкновению, и стиснул зубы, замахиваясь мечом, чтобы нанести первый удар. Вокруг него рыцари склонялись к шеем коней, поднимая щиты и клинки. Мчащийся на них враг сделал то же самое.

Грохот столкновения был ужасающим — железо встретилось с железом, деревом и сталью. Некоторые всадники вылетели из седел и скатились в снег по крупам своих коней. Другие полетели вперед через головы скакунов, когда те упали на передние ноги под жестокими ударами мечей, разрубающими плоть и раскалывающими кости. Лязг, с которым клинки врезались в шлемы, сменился скрежетом и хрустом, когда два войска сошлись

врукопашную. Мечи сталкивались в морозном воздухе, высекая искры. Бойцы разразились яростными криками, тонувшими в лязге раскальвающих доспехов, и тела превращались в кровавое месиво. Люди издавали звериные вопли, когда им вспарывали внутренности и отрубали руки и ноги.

Одна из собак, спущенных с поводка английскими пехотинцами, прыгнула на скотта, вылетевшего из седла и потерявшего свой меч. Он покачнулся и попятился назад, когда она вцепилась ему в руку. Но наручи защитили его от укуса. Выхватив из-за пояса короткий кинжал, он всадил его псу в брюхо, пробив ему кишки. Оставив животное корчиться на снегу, заливая его кровью, скотт развернулся навстречу пехотинцу, который уже занес свой фальшион. Удар раскроил ему череп, и он мешком осел на землю. Совсем рядом двое пехотинцев стащили с седла еще одного шотландского рыцаря, и тот с криком растянулся на снегу под ударами их мечей. Но на месте каждого погибшего скотта вырастали двое живых.

Сэр Джон Сигрейв сражался отчаянно. От его черной накидки с серебряным львом остались одни клочья, кольчуга порвалась во многих местах, и оттуда торчала войлочная набивка его гамбезона. Под шлемом по лицу его ручьями тек пот, когда он острием клинка пронзил шею скотту, которого только что опрокинул на снег. Меч с каждой секундой становился все тяжелее. Он знал, что совсем скоро тупая боль сменится яростным жжением и руки откажутся служить ему.

В голове у него загудело, когда по шлему скользнул удар чужого меча. Взбешенный, он зарычал и сумел пробить защиту шотландского рыцаря, вонзив свой меч в щель его шлема. Когда он с усилием выдернул его оттуда, из забрала врага ударила струя черной крови. Шотландец обмяк в седле, а Сигрейв понял, что его отряд попал в окружение. На флангах скотты пробивали бреши в рядах англичан, стремясь зайти им в тыл. Два крыла противника уже отделились от общей схватки и устремились к пехотинцам, выкашивая их, как сухую траву. Другие направили своих коней к дороге, где, сбившись в кучу, остановились повозки.

Прежде чем Сигрейв успел выкрикнуть команду своим людям, его атаковал очередной шотландец, заставляя парировать удар. Лорд-наместник дрался, уже понимая, что проиграл. Сквозь мельтешение мечей и щитов он разглядел в рядах шотландцев настоящего гиганта в синей накидке поверх черной вороненой брони. Сидя верхом на мощном жеребце, он орудовал огромным топором. Колосс врубился в ряды кавалерии Сигрейва, словно косарь на поле. Рядом с Сигрейвом в фонтане крови и внутренностей опрокинулся на землю еще один из его соотечественников, и в поле зрения лорда-наместника попала красная ткань. Это над полем боя еще выше взлетел баннер Рыжих Коминов. Воинственные вопли скоттов стали громче в предчувствии победы, а крики боли умирающих англичан звучали все чаще. Сигрейв в отчаянии направил своего коня к мужчине в черной накидке и шлеме с плюмажем, который сражался под этим знаменем. Уверенный в том, что это и есть сам Комин, Сигрейв отбил в сторону меч одного из противников, вставших у него на пути, ударил щитом в лицо другого, а потом еле успел подставить его под удар топора, отчего плечо у него занемело до самого локтя, а щит разлетелся на куски.

Он был уже совсем рядом, настолько близко, что видел под козырьком шлема Комина взмокшие пряди темных волос. Предводитель мятежников выкрикивал команды окружающим его скоттам. Он не видел Сигрейва. Слыша, как шумит в ушах кровь, лорд-наместник атаковал его сбоку. И тут его самого потряс удар, словно в него угодил камень из катапульты. Удар пришелся в спину и был таким сильным, что отозвался натужной болью в костях. Отброшенный вперед, Сигрейв ударился животом о высокую луку седла, и меч

выскользнул из его онемевших пальцев. Он даже не успел выпрямиться, когда на него обрушился новый удар, на сей раз вызвавший жгучую боль в боку, там, где вражеский меч пропорол кольчугу. Он соскользнул с седла под копыта коня, туда, где лежали умирающие, и в это время над головой у него заревел рог.

Джон Комин сорвал с головы шлем, и в уши ему ударил хриплый рев рогов. Его люди трубили победу, а последние уцелевшие англичане удирали от них во все лопатки. Смахивая с лица пот, судорожно хватая воздух пересохшим ртом, Комин обвел взглядом истоптанное поле. Повсюду валялись трупы, и снег побурел от крови людей и лошадей. Тут и там среди павших виднелись раненые, которые обращались с мольбами о помощи к свинцовому небу. Уцелевшие англичане бежали с поля брани, но надежды спастись у них не было, поскольку путь к отступлению им отрезала большая группа скоттов, собравшихся вокруг повозок на дороге, за которой виднелась река. Кое-кто из англичан пустил своих коней к кромке леса, но за ними уже устремились в погоню шотландские рыцари, быстро настигая беглецов. Остальные бросали оружие и поднимали руки, сдаваясь. Комина охватило торжество.

— Сэр!

Обернувшись, он увидел, что к нему подъезжает Дунгал Макдуалл. Красный геральдический щит на накидке капитана, забрызганный кровью, пылал у него на груди. Взгляд Комина метнулся мимо Макдуалла к двум воинам из Галлоуэя, которые волочили кого-то за собой по снегу. За пленником оставался широкий кровавый след из раны в боку, ясно видимой через порванную кольчугу и торчащую подкладку гамбезона.

— Он говорит, что командовал этим отрядом, — доложил Макдуалл, останавливаясь перед Комином и оглядываясь на пленника. — Я свалил его с седла, когда понял, что он пробивается к вам. Мои люди вытащили его из-под лошади. Он попросил пощады.

Лицо пленника блестело от пота. Веки его затрепетали и открылись. Когда же он заговорил, голос его прозвучал еле слышным шепотом:

— Меня зовут сэр Джон Сигрейв. Как лорд-наместник Шотландии, назначенный властью короля Эдуарда, я прошу милосердия для себя и своих людей.

— Я не признаю власти вашего сюзерена, — отозвался Комин, успокаивая своего жеребца, который нервно покусывал мундштук. — Вы и ваши люди — злоумышленники, вторгшиеся в наши владения.

Сигрейв оскалил окровавленные зубы, но от боли или гнева, Комин не понял.

— Я знаю вас, Джон Комин, — выдохнул он. — Вы с вашим отцом преклоняли колени перед королем Эдуардом. Принесли ему клятву верности. Вы женились на его двоюродной сестре и сражались под его знаменем во Франции. И вы же восстали против него. Совершили измену!

— Нас обманом заставили принести ему клятву верности, — парировал Комин, вонзая каблуки в бока своего коня и заставляя того подступить к Сигрейву вплотную. — Он обещал вернуть нам наши свободы после коронации нового сюзерена. Он солгал. Не успел Джон Баллиол взойти на престол, как Эдуард отказался от своих слов. И теперь мы защищаем свои права мечом.

— Мечи вам понадобятся, — прохрипел Сигрейв, — когда летом король придет по ваши души.

Макдуалл шагнул к раненому, поднимая меч.

— Прикончить его, сэр?

— Нет. Свяжи его. Мы возьмем его и уцелевших рыцарей в плен. Выкуп, который за них заплатят, поможет мне снарядить войско.

Капитан жестом приказал своим людям унести Сигрейва.

— А что делать с остальными, сэр? — спросил он, глядя на поле, где среди тел своих павших товарищей стояли на коленях пехотинцы, лучники и оруженосцы, бросив оружие и подняв руки.

— Собери их снаряжение. И всех лошадей, которые не ранены. — Когда Макдуалл кивнул и повернулся, собираясь уходить, Комин добавил: — Твои люди могут первыми поживиться провиантом и вином из повозок. Но все ценное принесешь мне.

Уцелевших английских рыцарей — выжила едва ли половина, причем некоторые были ранены настолько серьезно, что вряд ли увидят закат, — согнали в кучу и связали. Скотты бродили по полю боя, отбирая у мертвых оружие, кошель и кольчуги. Другие оказывали помощь раненым товарищам, перевязывая их обрывками рубашек, предлагая вино из мехов или слова утешения и молитвы тем, кто готов был шагнуть за край.

Люди из Галлоуэя окружили шесть фургонов, земля вокруг которых стала скользкой от крови зарубленных возниц и лучников. Увидев, что им предоставлены привилегии, остальные скотты немного поворчали, но воины, потерявшие своего господина и свои земли после низложения Джона Баллиола, составляли основную часть повстанческого войска, превосходя числом даже людей Коми́на из Бадено́ха. Их собрал и возглавил Макдуалл, ставший правой рукой Коми́на, и отныне их называли не иначе как Лишенные Наследства. Они представляли собой силу, с которой следовало считаться. Поэтому ропот недовольства быстро стих, когда люди из Галлоуэя принялись выкатывать из повозок бочки с солониной и селедкой, сыром и французским вином.

Они с ликованием выбивали днища бочонков, оплетенных лозой, дабы уберечь их содержимое, и зачерпывали вино кубками и мехами. Один воин под одобрительные крики своих товарищей сунул в бочонок свой охотничий рог, заткнув отверстие мундштука пальцем, после чего влил ярко-красную жидкость себе в глотку. Вино лилось рекой, смех становился громче, смешиваясь с хриплым карканьем ворон, кружащих стаями над полем брани. Полдень еще не наступил, но небо потемнело, и в воздухе запахло близкой метелью.

Комин спешил и рассматривал теперь пленных английских рыцарей, которых выстроили в шеренгу на гребне холма, отобрав у них оружие. Кое-кого из раненых поддерживали товарищи.

— Пленных отвезем на нашу базу на двух повозках, — сказал Комин одному из своих людей. — Они не должны запомнить дорогу, поэтому завяжите им глаза. — Он нахмурился, заметив, что собеседник не слушает его, изумленно глядя куда-то вбок.

Комин обернулся и увидел, что к нему направляется огромный мужчина, небрежно помахивая боевым топором. Лезвие и топорище были сплошь забрызганы кровью и серым веществом, как, впрочем, и сам воин. Его синяя накидка промокла насквозь, а клочья мяса и внутренностей висели, зацепившись за кольца его кольчуги. Щеки и подбородок выглядели не лучше, и кровь капала даже с кончиков волос, выбившихся из-под койфа и шлема. И на этой жуткой кровавой маске сияли синие глаза, холодно глядевшие на Коми́на.

Комин напрягся, почувствовав неудовольствие.

— Сэр Уильям, — коротко кивнул он и перевел взгляд на группу людей — командиров Уоллеса еще с тех времен, когда тот был единственным хранителем Шотландии, — которые наблюдали за разграблением повозок. Он заметил в толпе бритого наголо Грея, заместителя

Уоллеса, рядом с которым стоял долговязый Нейл Кэмпбелл. На их хмурых лицах было написано неодобрение.

— Нужно уходить, сэр Джон, — заговорил Уоллес хриплым после битвы голосом, но достаточно громким, чтобы многие обернулись к нему. — Остановите своих людей. Сейчас не время и не место праздновать.

Комин дернулся, различив презрение в голосе бывшего предводителя, который слышали слишком многие. За те пять месяцев, что прошли с того момента, как делегация дворян отбыла в Париж, дабы попытаться убедить короля Филиппа сдержать слово и оказать помощь в реставрации Баллиола, Комин не покладая рук трудился над укреплением своего положения в королевстве. Сегодняшняя победа стала ему в этом плане хорошим подспорьем, и, позволив Лишенным Наследства первыми разделить награбленное, он еще теснее привязал к себе воинов бывшей армии Баллиола. Это был вынужденный шаг, учитывая его тайное стремление занять место их низложенного господина. Тем не менее ему еще многое предстояло сделать, особенно учитывая неожиданное возвращение Уильяма Уоллеса, случившееся этой зимой.

Расправив плечи, Комин надменным взглядом окинул забрызганного кровью Уоллеса, который на целую голову возвышался над ним.

— Полагаю, вы говорили бы по-другому, если бы это ваши люди выиграли битву. Победа принадлежит Баденоху и Галлоуэю. Они заслужили награду. И пусть кто-нибудь посмеет утверждать обратное, — с вызовом добавил он, оглядываясь по сторонам.

— Они могут забрать себе хоть все трофеи, но только после того, как мы вернемся в лагерь. Лазутчики сообщали вам, что из Эдинбурга выступили три отряда. Это был всего лишь авангард. И остальные где-то совсем недалеко. А мы и так задержались здесь слишком долго.

— Никогда не думал, что вы станете опасаться англичан.

Но насмешка, прозвучавшая в голосе Комина, не произвела на Уоллеса никакого впечатления.

— Я сам решаю, когда мне сражаться, а когда отступать, сэр Джон. Я был смел, и да, мне пришлось заплатить высокую цену за свое безрассудство. Но я никогда не был дураком.

Комин заметил, что за спиной гиганта появились граф Джон Атолл и Александр Сетон. Услышав ответ Уоллеса, Атолл холодно улыбнулся. Сетон согласно кивнул. Комин почувствовал, как у него загорелись щеки. Он уже открыл было рот, чтобы разразиться гневной отповедью, как вдруг с вершины холма затрубил рог. Резко развернувшись в ту сторону, он заметил, что люди на гребне отчаянно машут руками в сторону дороги. Комин подошел к своему жеребцу и быстро поднялся в седло. Вонзив каблуки в бока усталого животного, он погнал его через поле. Уоллес последовал за ним. Но еще до того, как он присоединился к своим людям, их крики заглушили затихающее эхо рога:

— Англичане идут!

Натянув поводья и останавливая коня, Комин приподнялся на стременах. Вдалеке он увидел темную массу всадников. Они быстро приближались по дороге. Когда вдали зазвучали горны, он понял, что там заметили его отряд. Его солдаты устали после боя, нарушив боевые порядки, большинство из них попросту были пьяны от вина из разграбленных фургонов. Поскольку они лишились своего единственного козыря — внезапности, у них не было ни единого шанса выстоять против тяжелой кавалерии.

— Вы разворошили осиное гнездо, Комин, — резко бросил оказавшийся рядом

Уоллес. — Теперь посмотрим, как вы выдержите их укусы.

Грубо выругавшись, Комин вскачь пустил коня вниз, к дороге, еще издали криком предупреждая людей, копошившихся вокруг повозок. Многие, заслышав его, спрыгивали с фургонов, прижимая к груди мешки, раздувшиеся от продовольствия и прочего награбленного богатства, но остальные были слишком пьяны, чтобы понимать, что происходит.

Макдуалл, сидя на коне с обнаженным мечом в руке, очутился рядом с ним в мгновение ока.

— Сэр, пленные?

Комин уставился на шеренгу связанных рыцарей, которые с жадным нетерпением смотрели на дорогу в ожидании товарищей, которые, как они уже догадались, спешили к ним на помощь. Он окинул взглядом повозки, все еще полные снаряжения, монет и оружия, которые — по его приказу — не тронули мародеры.

— Брось их. Нет времени, — крикнул он, поворачивая коня. — Отходим!

Его крик заглушил могучий рев.

— Все под защиту деревьев, трусы! Ко мне!

Джон Комин еще успел с ненавистью отметить, сколь охотно его люди выполнили команду Уоллеса. А потом его подхватила волна скоттов, устремившихся под защиту Леса и спасающихся беспорядочным бегством.

Роберт стоял во дворе отцовского замка, глядя на приближающуюся повозку. Он почувствовал, как вздрогнула стоящая рядом Элизабет. Его супруга плотнее запахнулась в мантию, подбитую соболями. Он купил дорогие шкурки в прошлом месяце у торговца в Хелмсфорде и приказал портному отца подбить ими любимую накидку жены без ее ведома, а потом наслаждался ее робкой улыбкой, когда Элизабет сняла обновленный наряд с деревянного крючка. Ему показалось, что с тех пор напряжение, которое возникло между ними и душило обоих, слегка ослабело. Ни один из них не желал этого брака, но теперь сокрушаться по этому поводу было поздно. Кроме того, женитьба на дочери Ольстера помогла ему упрочить свое положение в Англии, и он не мог отрицать того, что союз с влиятельным кланом де Бургов имеет свои преимущества. Тем более что невинный подарок, продемонстрировавший его внимание и заботу, не потребовал от него особых усилий.

Элизабет не сводила глаз, почти прозрачных в лучах весеннего солнца, с эскорта, сопровождающего повозку. Она вздохнула, и в воздухе закружился пар от ее дыхания.

— Не волнуйся, — попытался успокоить жену Роберт. — Она обязательно полюбит тебя. — Но, вновь повернувшись к дороге, он вдруг усомнился в собственных словах. А полюбит ли она его? И вообще, узнает ли?

Всадники проскочили подъемный мост, и доски настила загудели под копытами их коней. На накидках мужчин красовался герб Аннандейла: красный крест на желтом фоне. Повозка последовала за ними, громыхая колесами по неровностям дороги. Вперед выбежали грумы, чтобы принять лошадей, когда возницы спрыгнули с облучка. Тут же вертелись спущенные с поводков собаки, оглашая воздух восторженным лаем. Среди них был и гончий пес Роберта Фионн, уже вполне взрослый и полный сил.

Один из всадников, коренастый мужчина с коротко стриженными седыми волосами, спешил и подошел к Роберту.

— Добрый день, сэр.

— Уолтер, — приветствовал его Роберт, сразу же узнав мужчину.

Уолтер был одним из вассалов его деда, прежде чем Аннандейл перешел к отцу Роберта. Его обветренное лицо сразу же пробудило в памяти приятные воспоминания об охоте в лесах близ Лохмабена и о доме. Уолтер выглядел уставшим, причем было видно, что его утомила не только дальняя дорога или годы, прошедшие с того дня, как Роберт видел его в последний раз. Очевидно, вассалам его отца, оставшимся в Аннандейле, приходилось нелегко. Они вели странную и чуждую им жизнь в родном графстве, захваченном англичанами, которых ненавидели, но терпели. Вот сейчас воспоминания причиняли Роберту боль. Он подумал о Каррике и обо всем, что оставил позади. Его комендант Эндрю Бойд вернулся в Тернберри, но замок по-прежнему лежал в руинах. Потребуется время, чтобы найти необходимые средства и восстановить его.

— Надеюсь, путешествие было спокойным?

— Да, сэр. — Поверх плеча Роберта Уолтер заглянул в темное нутро замка. — Милорд у себя?

— Мой отец еще отдыхает. — «Отсыпается после вчерашней попойки», — мысленно добавил Роберт. — Эдвин проводит вас и ваших людей в отведенные вам комнаты, где вы сможете отдохнуть с дороги и подкрепиться. — Он жестом показал на управляющего отца, который вышел встретить прибывших.

Когда Уолтер в сопровождении Эдвина удалился, Роберт увидел, как из повозки вылезли двое: женщина в зеленой шерстяной накидке и белом головном уборе, а за ней девочка. Ее худенькие плечики были закутаны в украшенную вышивкой желтую мантию, застегнутую серебряной брошью, а волосы, отросшие и темные, как у него, были уложены в высокую прическу на голове. Она испуганно оглядывалась по сторонам, когда женщина подвела ее к тому месту, где их ждали Роберт и Элизабет.

При взгляде на дочь, которую он не видел вот уже более трех лет, у Роберта защемило сердце. Куда подевалась забавная малышка, которую он оставил на попечение Джеймса Стюарта? Перед ним стоял серьезный ребенок семи лет от роду, изменившийся до неузнаваемости. Сообразив, что она неуверенно смотрит на него, наморщив лобик, он заставил себя улыбнуться, а потом перевел взгляд на женщину, стоявшую рядом с дочерью. Она тоже изменилась, хотя и не столь разительно.

Джудит стала кормилицей Марджори вскоре после смерти его супруги Изабеллы, которая умерла при родах во время осады Карлайла. В то время Джудит была худенькой и нелюдимой пятнадцатилетней девчушкой. Сейчас перед ним стояла взрослая девушка, которой было уже за двадцать, с угреватыми щеками и легкими каштановыми волосами, пряди которых выбивались из-под шапочки. Хотя она перестала кормить его дочь грудью еще несколько лет назад, Роберт оставил молоденькую англичанку в услужении, решив, что дочери необходим человек, который будет находиться с ней рядом постоянно.

— Сэр, — приветствовала его Джудит, присев в неглубоком реверансе и метнув вопросительный взгляд на Элизабет.

Роберт коротко кивнул служанке в ответ и протянул руки дочери.

— Марджори. — Боль в груди стала острее, когда девочка не двинулась с места.

Испуганно глядя на него, она схватила Джудит за руку.

Джудит слабо улыбнулась, а потом осторожно высвободила свои пальцы из ладошки девочки и легонько подтолкнула ее вперед:

— Ступай к своему отцу.

Марджори неохотно шагнула вперед. Она вздрогнула и отпрянула, когда Роберт прижал к себе ее напряженное тельце.

А он крепко зажмурился, вдыхая теплый запах ее волос, прежде чем поцеловать ее в макушку и отступить на шаг.

— Как прошла поездка? Как тебе показалась Англия?

Марджори оглянулась на Джудит, но служанка уже вернулась к фургону и отдавала распоряжения носильщику, выгружавшему их багаж.

— А сэр Джеймс и леди Эгидия? Как они поживают? Они хорошо с тобой обращались?

По-прежнему никакого ответа.

— Это — моя жена, леди Элизабет, племянница леди Эгидии. — Роберт помолчал. — Твоя новая мать.

Его слова не возымели на девочку никакого действия. Она лишь послушно кивнула.

Роберт молча смотрел на дочку, не находя нужных слов, и тут Элизабет шагнула вперед.

Она присела на корточки перед Марджори. Ей самой исполнилось всего восемнадцать, своих детей у нее еще не было, и она не знала, как себя с ними вести.

— Хочешь медовый пряник? Он только что из печи и еще теплый.

Морщинка на лбу Марджори разгладилась, и в ее синих глазах блеснули первые искорки жизни. Когда она кивнула, Элизабет взяла ее за руку и повела в дом, оставив Джудит и управляющего заниматься их багажом. Роберт последовал за ними, испытывая неожиданный прилив благодарности к жене.

В дымном тепле большого зала слуга разводил огонь. Одна из охотничьих собак старого Брюса, тоже заплывшая жиром из-за малоподвижного образа жизни, как и ее хозяин, растянулась у очага, лениво глядя из-под полуопущенных век, как он подкладывает поленья в огонь. Еще двое слуг сидели за столом, полируя серебряные столовые приборы и кубки, а горничная Элизабет Лора устроилась у самого очага, штопая платье своей госпожи. Все они с любопытством подняли головы, когда Марджори перешагнула порог, держа Элизабет за руку.

На столе лежало еще несколько предметов. Личико Марджори, на котором выражение неуверенности сменилось живым интересом, когда она оглядела просторный и роскошно убранный зал, просветлело, едва она увидела их. Это были две тряпичные куклы в бархатных платьях с заплетенными в косы шерстяными волосами, а еще бильбоке. ^[38]Но самым впечатляющим, впрочем, оказался игрушечный замок, тщательно и с любовью вырезанный из ясеня. Девочка не спускала с него глаз, пока Элизабет вела ее к столу.

— Твой отец распорядился сделать его для тебя.

Выпустив руку Элизабет, Марджори взобралась на скамью перед игрушками.

Пока жена приказывала одному из слуг принести подогретое вино со специями и медовый пряник, Роберт смотрел, как дочь заглядывает в высокие и узкие окошки замка.

— Смотри, — сказал он, подходя к ней. — Он открывается. Вот так. — Роберт отодвинул расположенную сбоку серебряную защелку, и вся передняя стена замка откинулась на петлях.

Его дочь восторженно ахнула, увидев внутри три этажа с комнатами. В одной стояла крошечная деревянная кровать, в другой — стол и скамья, а в третьей были резной деревянный камин и две фигурки, вырезанные из слоновой кости: мужчина и женщина. Роберт, наслаждаясь выражением радости на лице Марджори, пожалел, что не привез девочку сюда раньше, но прошел целый год, прежде чем он решил, что может без опаски сделать это. Его нечастые визиты в Лондон проходили в крайне напряженной атмосфере, и там с него не спускали глаз Хэмфри и остальные люди короля. Но теперь, глядя на играющую дочку, Роберт понял, что у него была и другая, более глубокая причина не привозить ее сюда раньше. Откровенно говоря, он опасался не только за ее безопасность. Он боялся той незнакомки, в которую она превратилась. Роберт подумал о своем отце и о том, что отчуждение между ними так и не растаяло за год, проведенный под одной крышей.

— Ты часто видела своих дядьев в Ротсее? — поинтересовался он, чтобы прогнать невеселые мысли.

Марджори кивнула, ставя одну из фигурок слоновой кости в верхнюю комнату замка.

— Найалл рассказывал мне сказки.

— В самом деле? — Роберт оживился. Ему хотелось услышать новости из дома. Долгое молчание братьев и товарищей было ему невыносимо, а осознание того, что они считают его

предателем, разъедало ему душу. — Здесь живет твой дядя Эдвард, и я думаю, если ты попросишь, он сделает для тебя то же самое. — Он помолчал. — Найалл и Томас вспоминают меня?

Марджори увлеченно играла с фигурками в замке.

Прежде чем она успела ответить, в дверях появился Эдвин.

— Вам письмо, сэр. — Управляющий держал в руках свиток.

Оставив дочь играть, а жену — с тревогой смотреть ему вслед, Роберт пересек зал и принял свиток. Увидев приложенную к нему королевскую печать, он почувствовал, как у него засосало под ложечкой.

— Что это? — спросила Элизабет, когда он начал читать послание.

Роберт поднял голову:

— Скотты напали на королевский отряд неподалеку от Эдинбурга. Перемирие нарушено. Король Эдуард хочет приступить к осуществлению своих планов вторжения. Он призвал меня к оружию. — Глядя на пергамент, Роберт ощутил, как в груди у него разгорается огонек надежды.

Окруженный всеобщей подозрительностью при дворе, он не имел и тени шанса узнать что-либо о пророчестве, видя лишь безумный восторг приближенных Эдуарда, вызванный тем, что ему удалось собрать в своих руках все четыре реликвии. Многие полагали, что теперь-то король непременно сломит остатки сопротивления шотландских мятежников и станет единолично править всей Британией. Также Роберту не удалось отыскать иных доказательств того, что Эдуард замешан в убийстве короля Шотландии, кроме собственной уверенности в этом. Он знал: для того чтобы приблизиться к правде, ему необходимо заслужить доверие короля. Но для этого надо проявить себя, а возможности сделать это до сей поры у него не было.

Вслед за надеждой пришло тоскливое осознание того, что ему опять придется убивать. Его снова заставляли обнажить оружие против своих соотечественников.

Элизабет перевела взгляд с Роберта на Марджори.

— Когда ты уезжаешь?

— Через три недели.

Оба умолкли, глядя друг на друга.

В наступившей тишине холодно и ясно прозвучал голосок Марджори:

— Они не вспоминают о тебе.

Роберт уставился на нее.

— Найалл и Томас, — сообщила дочь, вынимая фигурку из комнаты замка. — Они не вспоминают о тебе.

Пока женщины плели венки из боярышника для майского праздника, а на полях вызревали пшеница и рожь, мужчины Англии готовились к войне. Портные латали прорехи в гамбезонах, кузнецы подковывали лошадей, а оруженосцы точили клинки и счищали ржавчину с кольчуг своих хозяев в бочках с песком. Прощаясь с женами и детьми и оставляя урожай созреть под благодатными небесами, рыцари надевали доспехи, повязывали ленты, украшенные красным крестом Святого Георгия, и направлялись к месту сбора, призванные королем под свои знамена.

Сойдясь в одной точке на восточном побережье, колонна рыцарей и оруженосцев, пехотинцев и лучников, выючных лошадей и мулов, повозок и осадных орудий растянулась на много миль, подняв завесу пыли над Великой Северной дорогой. [\[39\]](#) Эта армия, собранная после нападения на отряд Сигрейва, стала самой крупной армией Эдуарда со времен битвы под Фолкирком, в которой погибли десять тысяч скоттов. Такова была месть короля.

Сделав остановку в Йорке, чтобы пополнить припасы, Эдуард продолжил движение к границе Шотландии и пересек ее в начале июня, после чего разделил свои силы. Принц Уэльский возглавил большой отряд и двинулся в Стратэрн, чтобы жечь, грабить и убивать, или, как выразился король, «устроить ад», тогда как сам Эдуард с большей частью армии маршем выступил к восточному побережью. По пути ему пришлось пройти мимо неприступного замка Стирлинг, который скотты твердо удерживали в руках. Тем временем ирландский флот под командованием графа Ольстера совершал опустошительные набеги и держал в постоянном напряжении западное побережье Шотландии.

К августу король Эдуард подошел к городку Брихин, где и осадил тамошний замок. В крепости, возведенной на скалистом уступе над рекой, стоял сильный гарнизон и имелось достаточное количество провианта, так что после двухнедельной бомбардировки стен защитники и не думали сдаваться, и Эдуарду пришлось отдать приказ привезти дополнительные осадные орудия морем в Монтроз. Заодно ему понадобились более тяжелые противовесы для баллист, нежели простые камни, и он отправил отряд под командой Эймера де Валанса в ближайший собор Брихина, чтобы снять с его крыши свинцовую черепицу.

Роберт, прищурившись, смотрел на квадратную башню, которую паутиной опутывали леса. Хотя и широкая, она тем не менее чуть ли не вдвое уступала высотой башне круглой, которая высилась позади нее и возносилась к небесам на добрую сотню футов. Они напоминали ему двух братьев, стоящих бок о бок, один — высокий и стройный, другой — низенький и коренастый. В лучах полуденного солнца башни отбрасывали косые тени во двор собора и на кладбище, за которым виднелись дома каноников и дворец епископа.

На щеку ему села муха и поползла к уголку рта. Он раздраженно смахнул ее. В такую жару они, как и слепни, летали во множестве, не давая покоя ни людям, ни лошадям.

— Чего вы ждете, Брюс?

Роберт повернулся на резкий и неприятный голос, на мгновение заглушивший шум и суету во дворе, и тяжелым взглядом уставился на человека, стоящего в тени дуба с оловянными кубком в руке.

Лицо Эймера де Валанса с резкими, словно вырубленными топором чертами покраснелось, его темные глаза с прищуром смотрели на него из-под козырька поднятого забрала. Вокруг него, укрывшись от безжалостного солнечного света, стояли остальные рыцари и дворяне. Среди них были Томас Ланкастер и Ральф де Монтермер, они потягивали вино, которое Валанс приказал доставить из дворца епископа. Слуги то и дело спешили во дворец, принося все новые фляжки, пироги с мясом, хлеб и сыр для захватчиков. Чуть поодаль выстроились в ряд епископ Брихина и каноники с побагровевшими от жары и гнева лицами. Поблизости расхаживали оруженосцы англичан, опустив ладони на рукояти мечей и настороженно поглядывая на них.

— Итак? — Валанс жестом указал на башню. — Посылайте их на крышу, ради Христа Королю Эдуарду этот свинец нужен уже сегодня вечером.

Нескрываемое презрение Эймера Роберт перенес стоически, лишь дернув щекой в ответ, как частенько поступал во время этого марша на север.

— Лезьте вверх, — приказал он нескольким пехотинцам, перепачкавшимся в пыли после того, как они высыпали груды щебня и битого камня из строительных носилок.

Никто не заметил, как напряглись его плечи под плотной тяжестью кольчуги или как дрогнули пальцы в латной рукавице, мечтая сомкнуться на рукояти меча и раскрыть Валансу череп. Пехота, которую Роберт по приказу короля набрал в своих шотландских поместьях, приступила к работе, подхватив деревянные носилки, которые только что опустошила.

Роберт один смотрел, как они начали подниматься вверх. Конечно, он мог бы возразить и сказать этому сукиному сыну, чтобы он послал на башню своих собственных пеших солдат, но Эдуард недвусмысленно поручил Валансу командование отрядом, и любое неповиновение было бы расценено как проявление неуважения к самому королю. Помимо всего прочего, Роберт понимал, что должен изображать лояльность и покорность. С самого начала кампании Эймер не спускал с него глаз. И не он один. Чем ближе они подходили к Шотландии, тем чаще Роберт ловил себя на том, что тщательно подбирает не только слова, но и мысли, так что вскоре ему стало казаться, будто он гость в собственном теле. Он чувствовал себя марионеткой на веревочке, которой управляли все кому не лень, а он лишь слепо выполнял чужие желания. И он уже с трудом удерживал маску невозмутимости на лице.

Солдаты неуклюже карабкались вверх по ненадежным лестницам, зигзагом поднимавшимся по строительным лесам. Они двигались очень медленно, ведь каждой паре приходилось тащить с собой еще и носилки, отчего держаться за перекладины они могли только одной рукой.

— Разрази меня гром, так мы провозимся здесь до самого Судного дня! — вслух возмутился один из людей Валанса.

Благословенный ветерок охладил разгоряченное и потное лицо Роберта, перебирая увядшие цветы боярышника, усеявшие траву. Он принес с собой едва уловимый запах соли и йода, подхваченный, скорее всего, с залива в Монтрозе. В нескольких милях к востоку раскинулся городок, в котором семь лет назад с мантии Джона Баллиола сорвали

королевский герб. В тот самый день Роберт и Рыцари Дракона ворвались в аббатство Скоуна, чтобы похитить оттуда Камень Судьбы.

Крик одного из солдат, потерявшего опору под ногами на лестнице, вывел Роберта из задумчивости. Нелепо размахивая руками, бедолага упал на помост с высоты в несколько футов. Его товарищ, державший с ним носилки, удержал равновесие, но выпустил ручки поддона, и тот, вращаясь, пролетел все три этажа квадратной башни и разлетелся на куски при ударе об землю. Рыцари Эймера загоготали и принялись обсуждать — причем достаточно громко, так что их слышали скотты на лесах, — на сколько частей разбился бы молодой парнишка, если бы упал с той же высоты. Они начали заключать пари на то, кто из солдат сорвется первым. Единственным, кто не присоединился к веселью, остался Ральф де Монтермер. Стоя вместе с остальными в своей желтой мантии с зеленым орлом, на которую на солнце было больно смотреть, он молча потягивал вино, наблюдая за первой парой солдат, взобравшихся на самый верхний помост, и изредка поглядывая на Роберта.

Квадратная башня обрывалась над самым помостом. Каменная кладка была там более светлой — очевидно, ее совсем недавно побелили. Двое солдат опустили носилки на помост и взялись за лестницу, чтобы переставить ее на новое место, бросая испуганные взгляды на пропасть под собой. Наконец они водрузили ее на крышу нефа собора, которая поднималась под углом к башне. Вдали торчал каменный палец круглой башни, упирающийся в небеса. Свинцовая черепица в лучах полуденного солнца отливала синим. Вооружившись зубилом, один солдат поднялся по ступенькам приставной лестницы и начал сбивать черепицу, передавая ее пластины товарищу, который складывал их на носилки.

Вскоре к ним присоединились остальные, выстроились в шеренгу, и работа закипела. Как только носилки наполнялись, двое солдат подхватывали их и медленно спускались по ступенькам на землю, где их поджидали повозки, чтобы отвезти черепицу к осадным машинам, продолжающим обстрел замка Брихин. Спустившиеся вниз солдаты дышали как загнанные лошади и были мокрыми от пота. Молодой скотт, стоявший на крыше и сбивавший черепицу, пополз выше, так как стропила вокруг него очистились. Его товарищ, лежа на ступеньках лестницы, принимал у него пластины черепицы.

Роберт руководил погрузкой черепицы на повозки, когда сверху донесся пронзительный крик. Он резко обернулся, приставив ладонь козырьком ко лбу, чтобы защитить глаза от солнца, и увидел, как мужчина на крыше потерял опору под ногами и заскользил к краю. Под тяжестью его тела прямоугольники черепицы отрывались от стропил и с грохотом сыпались вниз, отчего солдаты внизу с криками бросились в разные стороны. Когда ноги молодого человека повисли над пропастью, он каким-то чудом извернулся и обеими руками ухватился за край крыши. Он отчаянно вцепился в него и повис, судорожно размахивая ногами.

— Помогите ему! — взревел Роберт, прикладывая ладони рупором ко рту, чтобы докричаться до солдата на лестнице, который застыл на месте, будучи не в силах пошевелиться.

Но тут последовал еще один крик, и молодой шотландец съехал еще ниже. Оцепенев от ужаса, он разжал пальцы и прокричал что-то неразборчивое, когда товарищ наконец протянул ему руку.

— Хватайся за нее! — отчаянно шептал Роберт, мысленно помогая кричащему юноше. — Хватайся, черт бы тебя подрал!

Даже злорадно ухмыляющиеся рыцари умолкли. Один из каноников, стоявший рядом с

епископом, беззвучно зашептал молитву.

Солдат на лестнице постарался криком подбодрить своего товарища и вытянул руку так далеко, как только мог. В следующий миг юноша сорвался и упал, размахивая руками и ногами; это стало для всех настоящим шоком. Роберт еще успел подумать: «Как быстро мы срываемся и падаем с небес», прежде чем солдат с глухим стуком приземлился на кучу щебня. Он остался лежать неподвижно, как сломанная кукла, неловко подогнув под себя ногу и раскинув руки в стороны. Из-под головы у него потекла струйка крови и заскользила по камням.

— Это — знак, коим Господь выражает свое неудовольствие! — Всеобщий гвалт прорезал голос епископа. — И перед лицом его гнева падут многие!

Эймер де Валанс вышел из тени дуба.

— Пошевеливайтесь, бездельники! — крикнул он солдатам на лесах и вокруг повозок. Все они замерли, не сводя глаз с тела своего товарища.

На мгновение маска спала с лица Роберта. Он шагнул к Валансу, на шаривая ладонью рукоять меча. Эймер, кричащий на скоттов, ничего не замечал. Но Роберта остановил Ральф де Монтермер.

Лицо рыцаря короля выражало непреклонную решимость, когда он преградил ему путь, хотя в глазах светились сочувствие и понимание.

— Снимите четырех ваших людей с храма, Роберт, и пусть они похоронят его. Вместо них я дам вам десяток своих собственных.

Гнев Роберта медленно утих, оставляя чувство опустошенности. Он медленно убрал ладонь с рукояти меча. Не здесь. И не сейчас.

— Сэр Ральф? — послышался недоумевающий возглас Валанса, когда рыцарь приказал своим людям помочь шотландцам на лесах. — Ради всего святого, что вы задумали?

— Лишние рабочие руки им не помешают. Как вы сами только что сказали, королю Эдуарду этот свинец нужен сегодня вечером.

Роберт позволил себе краткий миг торжества, глядя в обескураженное и злое лицо Валанса, после чего повернулся и зашагал к разбившемуся солдату, позвав с собой четырех человек.

К тому времени как погибшего похоронили на кладбище и прочли над ним заупокойную молитву, одна из повозок была нагружена доверху. Вверху, на фоне неба, перекрещивались голые стропила, с которых была сорвана черепица.

Разгоряченный вином и подогреваемый бешенством, Валанс подозвал к себе своих рыцарей, сообщив Ральфу и Томасу Ланкастеру, что лично сопровождает первую партию черепицы под стены замка Брихин.

— Когда закончите, следуйте за мной, — распорядился он, вставляя в стремя ногу в сапоге и поднимаясь в седло.

Епископ с обидой и возмущением смотрел на него:

— Плохо, что ваш король объявил войну Шотландии. Но еще хуже, что он бросил вызов Всевышнему, обокрав Его храм!

Эймер изобразил негодование:

— Мой господин и в мыслях не имел ничего подобного, ваше преосвященство. — Сунув руку за пояс, он извлек оттуда кошель. — Вот что он просил передать вам. — И рыцарь швырнул кошель к ногам епископа.

Глядя на онемевшего от такого оскорбления епископа, Эймер коротко рассмеялся и

выехал со двора собора. Повозка покатила следом, сминая траву колесами.

На следующее утро Роберт проснулся в своем шатре под оглушительный грохот камней, сокрушающих стены замка Брихин. Он лежал, глядя в парусиновый потолок палатки и вслушиваясь в стоны осадных машин и крики инженеров. После очередного удара раздался шумный всплеск — это камни со стен обрушились в реку, над которой вознеслась крепость. Роберт сел. Кожа чесалась. Одежда, на которых он спал, стали влажными от пота.

Поднявшись, он подошел к сундуку, на котором уже стоял маленький тазик с водой и лежали бритва и поцарапанное серебряное зеркальце. Он наклонился, чтобы зачерпнуть воды, и наконечник арбалетной стрелы соскользнул с шеи и закачался на шнурке. Кусочек железа стал для него скорее проклятием, нежели талисманом, издевательски напоминая о том, что он не приблизился к правде ни на шаг. Роберт уставился на его отражение, гадая, сколько еще он будет разгадывать эту шараду, молиться о том, чтобы Баллиол действительно не вернулся, и ждать удобного случая, чтобы заглянуть в запертую черную шкатулку. А ведь это может оказаться бесполезным. Неужели и для него, как и для деда, трон Шотландии останется несбыточной мечтой? Или он закончит, как отец: безжалостно раздавленный Эдуардом горький старый пьяница, которому восхождение на престол могло отныне привидеться лишь в навеянных вином хмельных снах?

Роберт вдруг ощутил, как на него накатил жаркая волна ненависти к английскому королю, обжегшая ему сердце. Проклятье, в конце концов, он — потомок самого Малкольма Канмора! [\[40\]](#) Он должен выйти из этой палатки и повелеть огненному кресту пройти по всему королевству. [\[41\]](#) Он наденет на голову корону из вереска, сплетенную Эффриг, и соберет под свои знамена армию для борьбы с английскими захватчиками. Из потускневшего зеркала ярко-синими глазами, в которых бушевала гроза, на него смотрело собственное отражение. На сей раз конфликт выходил слишком уж односторонним. Он отчаянно желал возглавить повстанцев, но вместо этого сидел здесь, пойманный в ловушку, надев на лицо ненавистную маску покорности и лояльности.

Роберт со вздохом понурил голову. В ушах у него зазвучал голос Джеймса Стюарта, предупреждавший его о тщетности поспешных и опрометчивых шагов. Англичане были очень близки к победе, и люди, которых он сумеет убедить присоединиться к нему, почти наверняка погибнут. В одиночку он не сможет собрать войско, способное нанести поражение Эдуарду. «Всему свое время, — говорил сенешаль. — Имей терпение и не противься естественному порядку вещей. Все образуется».

Одевшись, Роберт откинул полог палатки, отделявший спальное помещение от остальной ее части. Его брат с аппетитом завтракал холодным мясом с сыром, которое только что принес ему слуга.

При виде Роберта Эдвард кивнул в знак приветствия.

— Ты спал? — поинтересовался он с набитым ртом.

— Насколько это удалось при таком шуме.

Словно в подтверждение его слов, снаружи донесся могучий грохот, когда в стены замка врезался очередной камень.

Эдвард вопросительно приподнял брови:

— Как по-твоему, сколько они продержатся?

Роберт оторвал от краюхи кусок хлеба, но жевать не стал.

— При таких темпах — совсем недолго.

— Нес рассказал мне вчера, что случилось с тем парнишкой, — после паузы проговорил Эдвард. — И что сказал Валанс. — Он подался вперед, понизив голос. — Брат, пообещай мне, пожалуйста, что, когда ты станешь королем, мы отправим этого петуха и прочих наглецов на тот свет.

Горячность и внутренняя сила брата ошеломили Роберта. До сих пор Эдвард выглядел очень убедительно в своей ипостаси. Беспокоясь из-за его вспыльчивого нрава и сомневаясь, что брат сможет скрыть свои истинные чувства, сражаясь на стороне ненавистного врага, Роберт с удивлением отметил, что Эдвард с упоением играет свою новую роль. Иногда ему начинало казаться, что Эдвард даже получает удовольствие от этого спектакля, командуя английскими рыцарями и баронами, с которыми они делили в лагере кров и еду по вечерам; два шотландца, сохранившие верность своей родине, оказавшиеся в самом логове неприятеля.

— Обещаю.

Эдвард вперил в него требовательный взгляд.

— Ты и вправду веришь, что, если Эдуард покорит Шотландию, он даст тебе то, о чем ты мечтаешь? — Широким жестом он указал на лагерь за стенами палатки: — Даже после всего этого?

Роберт молчал. Он никогда не признавался брату в том, что знает, кто напал на него в Ирландии, как и в своих подозрениях о смерти Александра, боясь, что Эдвард совершит какое-либо безрассудство и подвергнет опасности их обоих. Ответом на вопрос было «нет». Несмотря на то что Джеймс Стюарт питал на этот счет кое-какую надежду, пусть и слабую, сам Роберт никогда не верил в то, что король собственными руками вручит ему трон, и сейчас, во время кампании, видя решимость Эдуарда сокрушить Шотландию любой ценой, эта уверенность только окрепла. Заметив, что брат, хмурясь, в упор смотрит на него, ожидая ответа, Роберт откинулся на спинку стула.

— Мы еще ни в чем не можем быть уверены. Нужно ждать и быть терпеливыми. Пока.

Полог палатки откинулся, и внутрь вошел Нес:

— Пришел сэр Хэмфри. Он говорит, что хочет видеть вас.

— Пригласи его, — ответил Роберт, бросая нетронутый кусок хлеба обратно на тарелку.

Эдвард встал:

— Пойду подышу свежим воздухом.

Когда он шагнул к выходу, в палатку вошел Хэмфри. Эдвард коротко кивнул графу в знак приветствия, поднырнул под откинутый полог и был таков.

При виде улыбки на лице Хэмфри Роберт моментально насторожился. За прошедший год бывший друг все лучше играл роль союзника, при этом пристально следя за каждым его шагом. Впрочем, его игра Роберта не убедила. Будучи сам обманщиком, он прекрасно различал аналогичные симптомы у Хэмфри: напряженная поза, неспособность взглянуть собеседнику в глаза, легкое покашливание и улыбка, не затрагивающая глаз.

— Король требует моего присутствия в осадных линиях?

— Еще нет, — ответил Хэмфри. — Но замок уже не выдерживает бомбардировки. Полагаю, Брихин сдастся еще до конца недели. И тогда мы двинемся дальше на север. — Он помолчал. — Вчера вечером я разговаривал с Ральфом. Он говорит, что у собора произошел несчастный случай с одним из твоих пехотинцев.

Роберту не пришлось изображать сожаление:

— Да.

— Он также сказал мне, что у тебя с Эймером случилась размолвка. Он подумал, что ты едва не...

Видя, что Хэмфри заколебался, подбирая слова, Роберт закончил вместо него:

— Набросился на него? Я уже готов был это сделать. Ублюдок бился об заклад, кто из моих людей упадет первым. — Не давая возможности Хэмфри ответить, Роберт продолжал: — Полагаю, за прошедший год мы с тобой нашли общий язык. Но Эймер? — Он коротко рассмеялся, однако в смехе его не было веселья. — Мы никогда не станем друзьями.

В последовавшем молчании было слышно, как камни разбиваются о стены замка.

Хэмфри кивнул:

— Держись от него подальше. Он только и ждет, чтобы вбить клин между тобой и королем.

Роберт налил вина в два кубка и протянул один Хэмфри.

— Я слышал, что после падения Брихина король намеревается идти к Абердину?

— Это правда.

Хэмфри сделал глоток, а Роберт подумал о своем свояке Джоне Атолле, шерифе Абердина.

— Значит, конца еще не видно? — Когда Хэмфри непонимающе взглянул на него, Роберт пояснил: — Моя дочь — я скучаю по ней.

Хэмфри расслабился и улыбнулся. На сей раз улыбка его вышла почти настоящей, и перед Робертом на мгновение промелькнула тень прежнего друга.

— Нам все труднее оставлять позади то, что мы любим сильнее всего, верно? — Хэмфри отпил еще один глоток, и улыбка его стала мягче. — Но мысли о Бесс помогают мне выживать в горах и болотах. Я знаю, что каждый шаг приближает меня к ней. То же самое, я уверен, происходит и с тобой, когда ты думаешь об Элизабет и Марджори.

Откровенно говоря, Роберт с облегчением оставил жену и дочь в замке Йорк, вместе с Бесс и королевой Маргаритой. После целого месяца, проведенного им в обществе Марджори, — справедливости ради следует заметить, что он с головой ушел в подготовку к войне, — она по-прежнему оставалась для него совершенной незнакомкой. А Элизабет, его жена? Недолгое потепление между ними быстро закончилось, и ее тоска и страх, вызванные необходимостью присматривать за девочкой, которая была чужой для них обоих, привели лишь к дальнейшему охлаждению их чувств.

— Разумеется, — согласился он, понимая: нужно сказать то, что хочет услышать Хэмфри, и одновременно спрашивая себя, а осталось ли в его жизни хоть что-либо, что не было бы ложью.

Полог палатки откинулся, и внутрь шагнул Генри Перси. Мясистое лицо лорда Алнвика, обычно самоуверенное и насмешливое, было мрачным.

— Мятежники под предводительством Джона Комина вторглись в Англию. Король только что получил сообщение из Карлайла. Он намерен немедленно выслать отряд наперехват Комину.

Хэмфри стиснул зубы, но потом решительно кивнул и отставил кубок.

— Когда мне нужно выступать?

— Не ты, — ответил Перси, глядя на Роберта. — Он. — В его холодных голубых глазах вспыхнуло пламя ненависти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ротсей, Шотландия

1303 год

Джон Атолл спрыгнул на мелководье. Его сын Дэвид последовал за ним, черпая лапами накидки пенные воды, и вслед за отцом вышел на берег. Волосы у него блестели от морской влаги. Волны в узком проливе изрядно потрепали небольшую лодчонку.

Джон обернулся к двум рыбакам, которые и доставили их на Бьют:

— Подождете нас?

Один из них улыбнулся беззубой улыбкой:

— Ваши денежки купят наше терпение, сэр.

Граф сунул руку в кошель и достал оттуда монетку. На ней красовался профиль Джона Баллиола. Он швырнул пенни рыбаку, и тот ловко подхватил ее на лету.

— Получите еще две таких же, когда мы вернемся на материк.

— Отец!

Дэвид показывал куда-то в сторону. Джон проследил за его взглядом. Над берегом, над скоплением лодок и сетей, рыбацкими хижинами и мазанками, возвышался замок Ротсей, четыре круглые башни которого, похожие на гигантские барабаны, мрачно нависали над городом. Его угрюмый силуэт, подчеркнутый опоясывающим замок рвом, отчетливо выделялся на фоне молочно-белого неба. В просвете между домами Джон увидел опущенный подъемный мост, который, словно черный язык, высовывался из его нутра. На мосту царила суматоха, люди вели в поводу лошадей или катили ручные тачки.

Хриплые голоса привлекли внимание графа к тому месту, где на берег были вытащены четыре галеры, по шестнадцать весел каждая. Длинные и низкие, с изогнутыми носами, они очень походили на суда викингов, которые терроризировали здешние воды и штурмовали замок Ротсей семьдесят лет назад. Мужчины грузили на галеры сундуки и бочки из груды на берегу. Джон заметил, как по главной улице из замка течет настоящая людская река с ящиками и бочками. Кое-кто был одет в ливреи цветов сенешаля — сине-белую клетку на желтом фоне.

— Похоже, мы прибыли как раз вовремя, — нахмурившись, пробормотал Джон. — По крайней мере, я надеюсь, что наше путешествие не окажется напрасным. — И он зашагал по берегу, проваливаясь по щиколотку в песок, а соленый ветер с моря трепал его кудри. Дэвид последовал за ним.

Дойдя до главной улицы, они оказались в самом водовороте людей. В воздухе звенели встревоженные крики, детский плач и бляенье коз. Беспрестанно хлопали двери домов, обитатели которых выбегали наружу, прижимая к груди свои пожитки. Джон прошел мимо пожилой женщины, ведущей в поводу двух упирающихся и ревущих мулов, а Дэвид угодил в самую середину стаи гусей, которые захлопали крыльями и загоготали, когда он попытался выбраться на свободное место. Он неловко извинился перед молодой женщиной, подгоняющих птиц, но та не ответила, вновь собирая гусей в стаю. Лицо у нее, как и у всех остальных, было напряженным и осунувшимся.

Прошагав по подъемному мосту, мимо бесконечной вереницы людей, волочивших сундуки или ведущих лошадей на берег, они вошли во двор и оказались в окружении замковых построек. По верхним галереям стен расхаживали часовые в накидках цветов сенешаля. Стражники носились вверх и вниз по каменным ступеням, перекликаясь со своими товарищами. Двор кишмя кишел людьми. В воздухе висел запах пота и дыма. «И страха», — подумал Джон. Развернувшись на месте, он заметил высокого темноволосого юношу. Джон решил, что это, наверное, Найалл Брюс, но, прежде чем он успел окликнуть его, молодой человек растворился в толпе.

— Я вижу его, отец.

Дэвид взял его под руку, и Джон, обернувшись, заметил знакомую фигуру. Джеймс Стюарт разговаривал о чем-то с одним из своих солдат. Высокий сенешаль выглядел непривычно встревоженным.

— Сэр Джеймс!

Сенешаль обернулся, и на лице его отразились удивление и смятение, когда он увидел их.

— Джон? Что, ради всего святого, вы здесь делаете? — Прежде чем граф успел ответить, сенешаль бросил своему собеседнику: — Собирайте остальные вещи. Встретимся у кораблей. — Когда солдат поспешил прочь, Джеймс знаком предложил гостям вернуться в главный зал. — Пойдемте со мной. Здесь так шумно, что я не слышу собственного голоса.

В зале слуги составляли у одной стены бочонки и ящики. Столы и стулья были сдвинуты в сторону, чтобы освободить место, и баннер сенешаля уже был снят с рамы на возвышении.

— Что тут у вас происходит? — поинтересовался Джон, когда они вошли.

— Король Эдуард приказал собрать в Ирландии армию, и та напала на нас с запада — вдоль всего побережья продолжаются грабежи и поджоги. Вчера ночью мы видели огни пожаров на материке, а на рассвете мои лазутчики засекли чужие корабли. Они направляются к Бьюту.

Джон заметил двух пажей, выходящих из личного кабинета сенешаля, примыкавшего к главному залу. Они тащили нечто очень похожее на денежный сундук.

— И что же, вы не собираетесь оборонять Ротсей?

— Собираюсь. Здесь останутся мои люди, — откликнулся Джеймс, глядя на него в упор. — Но я не могу допустить, чтобы меня заперли здесь, как в мышеловке. С небольшим отрядом я пойду сначала в Инверкип, а оттуда попробую добраться до Пейсли, если он еще не пал.

— А как же Ольстер? Ведь он — ваш родственник. Разве вы не можете договориться с ним о том, чтобы он прекратил эти пиратские рейды?

— Сэр Ричард принес присягу Эдуарду. Родственник или нет, он делает то, что ему приказывает король.

Джеймс пригладил волосы рукой, и Джон обратил внимание, что они поседели на висках. Впрочем, он знал, что и сам выглядит так же. Они начали уставать от войны.

— Если вас это утешит, то основные силы армии короля прочно застряли на восточном побережье. — Он мрачно улыбнулся. — И сукиному сыну придется разделить их еще раз, когда он узнает, что наши войска вторглись в Англию.

— Комин повел наших людей через границу? — Когда Джон кивнул, Джеймс нахмурился. — А почему вы не с ними?

Улыбка Джона увяла.

— Оставшись единственным хранителем, Комин утратил всякую осторожность, зато дал волю своим амбициям и честолюбию. Мы едва не упустили победу над отрядом Сигрейва под Рослином; только благодаря Уоллесу нам вообще есть, что праздновать. — Джон заметил, как Стюарт согласно кивнул при упоминании Уоллеса, его вассала. — Комин тесно сошелся с Макдуаллом и прочим отребьем из Галлоуэя, а после смерти отца он заручился поддержкой и других влиятельных лордов: графа Стратэрна и Джона Ментейта, Дэвида Грэхема и, разумеется, своего родственника Темного Комина. Мне представляется, он намерен навечно закрепить за собой новую должность.

— Ламбертон и Умфравилль не потерпят этого, — резко бросил Джеймс.

— Пока остальные хранители находятся в Париже, вряд ли они могут предпринять что-либо в связи с этим. — Джон помолчал. — Но я приехал к вам не поэтому.

Он подождал, пока слуги не пронесут мимо них мешки с зерном, которые они сложили у стены; это были припасы для предстоящей осады. Когда они уже не могли их слышать, Джон продолжал:

— В прошлом году, узнав о том, что Роберт сдался на милость Эдуарда, я пришел в бешенство. Но с тех пор у меня было время подумать. Вы ведь рассказали мне не все, правда, Джеймс?

Сенешаль отвернулся.

— Я сказал вам все, что мог.

— Роберт — мой шурин. Я знаю его с самого детства. При этом я был таким же другом его деда, как и вы сами. Когда он в первый раз пошел против своего отца и Эдуарда, то бросил свои земли на произвол судьбы. И теперь я ни за что не поверю в то, что он сдался Эдуарду только ради того, чтобы сохранить свое графство и свое наследство; во всяком случае, не тогда, когда уже отказывался от них. Я знаю, как сильно Роберт хочет стать королем. Этот огонь он унаследовал от своего деда. И я не могу поверить, что это пламя погасло. Король Филипп повернулся к Баллиолу спиной. Я, к примеру, не думаю, что епископу Ламбертону и другим удастся убедить его изменить свое решение. Во всяком случае, пока во Фландрии продолжается война. — Джон понизил голос. — Вам не кажется, что пришло самое время Роберту сделать свой шаг? Предъявить свои права?

— Давайте поговорим наедине. — Сенешаль метнул взгляд на Дэвида, который в торжественном молчании стоял рядом с отцом.

— Все, что вы хотите сказать мне, может слышать и он, — заверил его Джон.

Джеймс знаком предложил им пройти в его личные покои.

Внутри слуга поспешно скатывал карту земельных владений сенешаля.

— Оставьте нас, — распорядился Джеймс. Когда тот удалился, закрыв за собой дверь, Стюарт повернулся к ним лицом. — Роберт должен сохранить свои земли в неприкосновенности. Без них ему будет не на что опереться, у него не останется вассалов, и в глазах других дворян он не будет иметь никакого авторитета. Ситуация совсем не такая, как раньше. Вот почему ему пришлось сдаться на милость Эдуарда. Или рискнуть потерять все — как я уже говорил вам. — Сенешаль заколебался. — Но я не сказал вам, что эта капитуляция — временная. Как только угроза со стороны Джона Баллиола будет устранена, а обстоятельства будут этому благоприятствовать, Роберт попытается захватить трон. Он по-прежнему искренне стремится к этому.

Джон почувствовал, как при этих словах сенешаля в груди у него затеплился огонек надежды. Его подозрения оправдались. Но радость быстро сменилась нетерпением:

— Тогда почему не сейчас, когда угроза значительно уменьшилась? Чем большей поддержкой заручится Комин и чем больше побед он одержит, тем труднее Роберту будет бросить ему вызов, когда он вернется. Боюсь, он обнаружит, что, взобравшись на одну гору, оказался у подножия другой, куда более высокой.

На лице Джеймса отразилось беспокойство, но он упрямо покачал головой:

— Никто из нас не знает, чего сможет добиться делегация в Париже. Как не знаем мы и того, сколько еще продержимся.

— Тогда почему, ради всего святого, вы отправили Роберта помогать англичанам уничтожить нас?

Джеймс молчал. Взгляд его скользнул по карте, которую слуга оставил на столе.

— Откровенно говоря, Джон, не думаю, что нашего сопротивления хватит надолго. Если Шотландия падет, шансы Роберта стать королем возрастут, ведь он будет на стороне победителя.

— Вы хотите, чтобы мы проиграли войну? — вмешался в разговор Дэвид, не веря своим ушам.

— Ничего подобного. Но когда человек оказывается между молотом и наковальней, ему приходится делать выбор. Если Роберт вернется раньше времени, взойдет на трон, а мы проиграем войну, то его ждет судьба Баллиола. А вот если король Эдуард с его помощью принудит нас капитулировать, у Роберта остается надежда со временем занять важный и ответственный пост. Подобный исход нейтрализует угрозу Баллиола или любую попытку опротестовать его власть, которая может исходить от Комина.

— Джеймс, при всем уважении, подобный исход отбросит нас на десять лет назад! А Роберт станет всего лишь очередным псом на сворке, как уже было с Баллиолом.

— Эдуарду уже за шестьдесят. Ему осталось не так уж много. Его сын и в подметки не годится отцу, а Роберт — совсем не Джон Баллиол. Я верю, что со временем он сумеет проявить себя. Но ему необходим плацдарм, с которого он сможет действовать. Вот почему он должен обезопасить свои земли и своих вассалов.

Отворилась дверь, и на пороге появился слуга сенешаля:

— Сэр, нам нужно уезжать. На западе виден дым.

Джеймс вперил в Атоллу требовательный взгляд:

— Никто из нас не знает, что будет дальше. Нам остается лишь выбрать свой путь и следовать ему в темноте. Мне нужно, чтобы вы доверяли мне, Джон, и Роберту тоже очень нужно, чтобы вы верили в него. — Он протянул руку. — Можете вы мне это обещать?

Перед внутренним взором Джона Атоллы возник образ Роберта Брюса, стоящего во дворе замка Тернберри в окружении братьев и приближенных. Его лицо освещало пламя факелов и внутренний огонь, когда он говорил о троне Шотландии и своем намерении занять его. Тогда он показался Джону точной копией своего деда, только моложе и сильнее — юнцом, которому еще предстояло стать львом.

Джон крепко пожал руку сенешалю:

— Я буду молить Господа, чтобы ваш путь оказался верным, Джеймс.

Элизабет разбудили крики. Она села на кровати, и Часослов, ^[42]который она читала, соскользнул с ее коленей. Она успела подхватить его прежде, чем он упал на пол, и осторожно положила на диван у окна, раскрыв на странице с изображением Девы Марии, кормящей младенца Христа. Синее платье Матери Божьей буквально светилось, посыпанное порошком лазурита. Крестик из слоновой кости на цепочке, подаренный отцом, заменял закладку. Теперь, в замужестве, она редко носила его. Шея у нее затекла и ныла от сквозняков, задувающих в окна со свинцовыми переплетами, выходящие на известняковую стену замка, которая возвышалась над рекой Фосс. Чуть дальше в лучах полуденного солнца сверкал Королевский пруд. ^[43]

Крики не смолкали, проникая даже сквозь толстые стены. Когда Элизабет распахнула дверь в соседнюю комнату, поменьше размером, они стали громче.

— Я больше не стану повторять тебе одно и то же, непослушная ты девчонка!

Говорила, точнее кричала, Джудит. Кормилица стояла лицом к столу, на котором была разбросана мебель из игрушечного замка Марджори. По другую сторону застыла дочь Роберта, гневно сжимая кулачки опущенных рук. В глазах ее бушевала лютая ненависть.

— Что здесь происходит? — Элизабет перевела взгляд с кормилицы на девочку.

— Я сказала Марджори, чтобы она убрала свои игрушки и готовилась к ужину, миледи, — ответила Джудит, поворачиваясь к ней. — И повторила три раза!

Элизабет помассировала шею ладонью, чувствуя, как огненные ручейки боли устремляются к основанию черепа. У нее вот-вот должны были начаться месячные, и она чувствовала себя так, словно разваливалась на куски. Так что очередная ссора была последним, в чем она сейчас нуждалась.

— В таком случае убери их сама, Джудит. Об остальном поговорим завтра.

— И она прячет одну игрушку в кулаке, — заявила Джудит, глядя на Марджори, которая ответила ей ненавидящим взглядом. — Прошу прощения, конечно, но я думаю, что этим нужно заняться здесь и сейчас.

Элизабет взглянула на упрямую девчонку, стараясь отогнать от себя ощущение того, что она уже потерпела поражение. За три месяца, прошедшие после отъезда Роберта, который отправился вместе с армией короля на север, поведение девочки с каждым днем становилось все невыносимее. На прошлой неделе она улизнула из своих покоев, когда Джудит отвернулась буквально на минутку. Слугам Элизабет понадобилось целых три часа, чтобы найти беглянку, которая забилась в укромный уголок на конюшне, хотя наверняка слышала, как они выкрикивают ее имя. На позапрошлой неделе в припадке ярости она разорвала одну из тряпичных кукол, подаренных отцом, после чего безутешно рыдала до самого вечера. Она начинала кричать и биться в истерике, когда ей перечили, отказывалась делать то, что ей велят, и вела себя грубо и невежливо по отношению ко всем, кто заговаривал с нею. Однажды подобной обструкции подверглась сама королева Маргарита, и Элизабет едва не

лишилась чувств от ужаса.

Она знала, что поведение девочки начинает отражаться на ней самой. Элизабет случайно подслушала, как две фрейлины королевы язвительно обсуждали дикуую шотландскую девчонку, которой нужны хорошенькая трепка и крепкая рука. Непокорное семя, называли они ее, достойное дитя своего отца. Но Марджори была не единственной, о ком они сплетничали. Однажды утром, выходя из часовни после мессы, Элизабет услышала, как несколько женщин вслух размышляют, почему она до сих пор не забеременела, хотя с момента свадьбы прошло уже больше года.

Словно в ответ на эти мысли живот ее скрутило судорогой, и струйка крови потекла в комок льняной ткани, подложенной у нее между ног.

— Марджори! — резко сказала она. — Ты сделаешь так, как тебе говорят.

Взгляд Марджори метнулся к ней, но затем девчонка вновь гневно уставилась на Джудит, словно кормилица была здесь главной.

— Ты слышишь меня?

На этот раз девчонка даже не соизволила посмотреть в ее сторону.

Элизабет почувствовала, как загорелись у нее щеки, и ее охватил гнев, внезапный и безрассудный. Она подошла к столу и взяла Марджори за руку:

— Отдай ее мне.

Марджори испуганно ахнула от неожиданности и попыталась вырваться, но не тут-то было. Крепко держа ее, Элизабет заставила девчонку вынуть руку из-за спины. Не обращая внимания на протестующие вопли Марджори, Элизабет разжала ей пальцы и выхватила игрушку, которую та сжимала в кулаке. Это была фигурка мужчины из замка, вырезанная из слоновой кости.

Какое-то мгновение, согнувшись чуть ли не пополам, запыхавшаяся, с растрепанными волосами, выбившимися из-под заколок, Элизабет молча смотрела на нее, и тут Марджори рванулась вперед и ногтями расцарапала ей щеку. Элизабет отреагировала машинально и отвесила ей такую пощечину, что девочка отлетела к столу и вцепилась в него, чтобы не упасть. Так она и застыла, одной рукой держась за крышку, а другую поднеся к пылающей щеке. Элизабет поставила фигурку из слоновой кости на стол и, не глядя на Джудит, поспешно вышла из комнаты. Спускаясь по лестнице, она слышала за спиной плач Марджори.

Выскочив во двор, под лучи жаркого полуденного солнца, она глубоко вздохнула. Ее служанка Лора сидела рядом с прачкой, склонившейся над корытом, в котором та стирала ночную сорочку и нижнюю юбку своей госпожи. Женщины, казалось, уже вполне освоились на новом месте и вернулись к распорядку, привычному для них в Ирландии. А вот она, похоже, оставалась единственной, кто никак не мог привыкнуть к произошедшим переменам.

— Миледи! — приветствовала ее Лора. — Какой чудесный денек, не правда ли? — Улыбка служанки увяла, когда Элизабет прошла мимо, не ответив.

— Миледи?

Опустив голову, Элизабет поспешно зашагала через внутренний двор замка, стремясь оказаться как можно дальше от своих покоев. А замок тем временем жил своей шумной жизнью. Грумы вели лошадей в стойла, трое мальчишек со смехом везли овощи на ручных тележках с огородов на кухню, стряпчие и королевские чиновники входили и выходили из главного зала. И над всей этой суетой возносились стены огромного донжона, позеленевшие

от плесени.

Элизабет миновала стайку служанок, которые несли ведра с водой из колодца. Их высокие голоса больно резали ей слух, и она заспешила дальше, стремясь поскорее оказаться в одиночестве. Но куда пойти? Последние пять лет замок Йорк служил королю Эдуарду административным центром и плацдармом для ведения войны в Шотландии, и в городе за его стенами, который по численности населения уступал только Лондону, столпотворение и толчея наверняка окажутся не меньшими.

Улицы и улочки, вдоль которых выстроились деревянные лавчонки и молельные дома, всегда были запружены торговцами и содержательницами пивных, рыбаками и монахами, а воды рек Уз и Фосс кишели рыбацкими лодками и купеческими судами. За месяцы, проведенные здесь, Элизабет успела хорошо изучить площади и рынки города, но, несмотря на близкое знакомство, он по-прежнему оставался для нее чуждым, временным пристанищем, и она чувствовала себя лишней в этом коловращении чужих жизней.

Пройдя мимо конюшен, от которых на много ярдов несло острой вонью, она решительно направилась в замковый сад. Ступив на мягкую зеленую траву и оставив позади пыль, грязь, грохот повозок и смех, которые сменились негромким гудением пчел, она замедлила шаг. Со всех сторон ее окружали умиротворяющие и сладкие запахи лаванды, фенхеля и мяты. Над яркими личиками пионов кружились бабочки. Двое мужчин сажали лук, а чуть поодаль, за яблонями и кустами роз, она разглядела и других слуг, которые подрезали и поливали растения, накинув на головы капюшоны, чтобы уберечься от солнца. По сравнению с внутренним двором сад являл собой оазис тишины и спокойствия.

Элизабет ощутила, что ее переполняет чувство вины, и горящая от пощечины щека Марджори стояла у нее перед глазами. Ей уже доводилось видеть, как грубо и даже жестоко обращаются опекуны сыновей и дочерей английских баронов со своими подопечными. Но это казалось ей неправильным, особенно если учесть, что ее собственный отец приказал бы выпороть любую горничную, посмевшую поднять руку на кого-либо из его детей. Более того, она легко могла представить себе, какие чувства испытывает Марджори. Девочка наверняка хотела вернуться обратно в Ротсей, к людям, которых знала, точно так же, как и сама Элизабет тосковала по комфорту и уюту родного дома. Тот факт, что обе они оказались оторванными от знакомого окружения в этом чужом городе, казалось бы, должен был сблизить их. Но вместо этого она лишь еще сильнее оттолкнула от себя девочку.

Взволнованные голоса, донесшиеся до нее, вывели Элизабет из задумчивости. Впереди, за розовыми колокольчиками наперстянки, друг напротив друга стояли две разгневанные женщины. Высокие и темноволосые, они казались точными копиями друг друга, обе разодетые в дорогие шелка, ошетилившиеся и напряженные. Элизабет застыла на месте, узнав Бесс и ее сестру Джоан, старшую дочь короля Эдуарда.

— Ты говорила мне, что между вами все кончено. Ты обещала! — обвиняющим тоном выкрикнула Бесс.

— Мне пришлось пообещать, чтобы заставить тебя молчать. Я боялась, что ты обо всем расскажешь отцу!

Элизабет развернулась, чтобы уйти. Ей не хотелось оказаться вовлеченной в еще одну ссору.

— Тебе следовало бы знать, что я не стану этого делать. Но, Джоан, ты должна порвать с ним!

Элизабет приостановилась, одолеваемая любопытством. Ей было неприятно шпионить

за подругой; хотя ее старшие сестры именно так и поступили бы, а потом разболтали бы об этом всем и каждому.

— Если отец все-таки узнает... — Бесс смешалась и умолкла. — Я беспокоюсь о тебе. Вскоре он снова захочет выдать тебя замуж. Но кому ты будешь нужна, если этот скандал выплывет наружу?

Джоан вдруг отвернулась.

— Ты должна радоваться за меня. Ты же знаешь, какой несчастной я была в замужестве за Гилбертом де Клером. Он был настоящим мужланом. — Она подняла бледное и напряженное лицо к небу. — Пять лет в его постели я засыпала в слезах и перестала проливать их лишь после его смерти. — Она вновь повернулась к Бесс. — Ты просто не представляешь, как тебе повезло, что тебя выдали за мужчину, которого ты любишь.

— Я не любила своего первого мужа. Конт Джон был мне совершенно чужим человеком, когда мы поженились. И к тому моменту, как он скончался, мы так и не стали ближе друг другу.

— Он никогда не обращался с тобой так, как Гилберт. — Джоан схватила сестру за руки. — Мне нужно, чтобы ты хранила молчание. Я умоляю тебя!

— Представь, что станется с твоим возлюбленным, если отец узнает обо всем? Ты рискуешь не только своей репутацией, — возразила Бесс, высвобождая руки.

Джоан попятилась, качая головой, а потом развернулась и поспешила прочь. Бесс смотрела ей вслед, и на лице ее отражалась нешуточная борьба; затем она направилась в противоположную сторону. Элизабет с ужасом сообразила, что дочь короля идет к ней, и принялась оглядываться по сторонам, ища, где бы укрыться, но было уже слишком поздно. Бесс пригнулась, подныривая под ветку яблони, и, обойдя грядку с наперстянкой, увидела Элизабет, застывшую на месте.

Бесс остановилась. Лицо ее по-прежнему оставалось нахмуренным после разговора с сестрой, но затем черты его смягчились, и она шагнула вперед с улыбкой на губах.

— Элизабет?

— Прости меня, — пробормотала Элизабет. — Я всего лишь пыталась найти укромный уголок и не собиралась шпионить. Мне очень жаль.

Бесс небрежно отмахнулась от ее извинений:

— Какая чепуха! Я рада видеть тебя.

— Все в порядке? — поинтересовалась Элизабет после того, как они с Бесс обнялись. — Я все слышала, хотя и не нарочно.

— Любовные безумства. — Отстранившись от подруги, Бесс нахмурилась. — А это что такое?

Когда принцесса коснулась ее щеки, Элизабет вспомнила, что Марджори расцарапала ей лицо.

— Мы с Марджори повздорили. Причем намного сильнее, чем прежде.

Бесс опустилась на траву, колоколом расправив платье, и похлопала по земле рядом с собой:

— Присаживайся и рассказывай.

Элизабет почувствовала, что у нее будто камень упал с души, после того как она рассказала принцессе о ссоре. Заходящее солнце ласково согревало ей плечи.

— Два года назад, — закончила она, — я решила, что ни за что не выйду замуж, и потому сбежала из дома. Из-за этой глупости я угодила в ловушку, став женой мужчины,

который не хотел этого брака, и матерью девочки, которая меня ненавидит. — Она подобрала колени к груди. — Иногда я спрашиваю себя: если бы я согласилась с выбором своего отца, разве не была бы счастливее? Мой жених был намного старше, но, по крайней мере, он хотя бы любил меня.

— Иногда нужно время, чтобы любовь расцвела.

— Быть может, если бы я носила под сердцем ребенка Роберта, все изменилось бы, — со вздохом призналась Элизабет. — Но с этой войной... Словом, у нас не было возможности зачать его.

— У нас с Хэмфри та же история, — призналась Бесс. — Хотя нас нельзя упрекнуть в недостатке старания. — Она рассмеялась серебристым журчащим смехом и погладила себя по животу. — Но, как говорила моя мать, природа — весьма капризная особа.

Элизабет зарделась при воспоминании о том, как они с Робертом делили постель. Даже эти случаи, не вызывавшие у обоих ничего, кроме боли и ощущения неловкости, она могла пересчитать по пальцам одной руки. Не было ли в том ее вины? Быть может, она вызывает у него отвращение? Или же он думает, что такие вещи ей неприятны? Она решила, что не давала мужу повода думать иначе. Еще в Риттле, после того как Элизабет призналась Лоре в своих несчастьях, та принялась пространно разглагольствовать о знаках, которые жена должна подавать мужу. Служанка даже презентовала ей, к вящему смущению Элизабет, пудру из высушенных бутонов розы, лавра и клевера, которую, по ее наущению, следовало втирать в грудь и между ног перед тем, как заниматься с мужем любовью, дабы сильнее возбудить его.

Чтобы увести разговор от скользкой темы, Элизабет сказала:

— Роберт ведет себя отстраненно и холодно. Даже когда он со мной, я чувствую, что мыслями он далеко.

Она уставилась на жучка, ползущего по траве, вспоминая долгие периоды молчания, возникавшие между ними во время переезда из Ирландии. А в тех редких случаях, когда Роберт заговаривал о чем-либо еще, кроме каждодневных тягот дороги, речь шла исключительно о короле Эдуарде, которого он ненавидел за то, что тот вознамерился покорить его страну. Он отзывался о короле с нескрываемой враждебностью, а теперь сражается ради Эдуарда в Шотландии. Как прикажете это понимать?

— Я совсем не знаю его, — закончила она, рассеянно крутя на пальце обручальное кольцо. Рубин на золотом ободке кровавым блеском вспыхивал в лучах закатного солнца. — Совершенно.

Бесс поймала ее взгляд.

— Моя мать говорила и кое-что еще. Мужчины похожи на времена года. Ты просто должна научиться понимать, когда происходит их смена, и одеваться соответственно.

Элизабет согласно кивнула, но втайне подумала, что у Роберта есть всего один сезон. Холодное молчание зимы.

В мертвом свете ущербной луны фигуры людей, словно привидения, скользили в высокой траве. Тени раскидистых дубов падали на поле, и их переплетенные черные ветки казались обсыпанными изморосью на фоне неба. Единственными звуками, нарушавшими тишину, помимо шелеста ветра в листве, было далекое блеянье овец на пастбищах и резкий крик совы. Люди двигались сноровисто и бесшумно, прикрывая накидками блеск кольчуг и клинков.

Достигнув вершины невысокого холма, они легли на землю, вжимаясь в траву. Хотя воздух был теплым и пьянящим, ночная земля оставалась прохладной, и от нее ощутимо тянуло сыростью. Перед ними раскинулись поля ржи, оцетинившиеся стерней. Вдали виднелось около тридцати крытых соломой домишек, сгрудившихся вокруг небольшой каменной церквушки вместе с амбарами и загонами для скота. В лунном свете глаза мужчин поблескивали, когда они рассматривали городок, в окнах которого лишь кое-где мерцали огоньки. В воздухе ощущался легкий привкус дыма, но он исходил не от домов, а от лежащих мужчин. Впрочем, одежда их, покрытая, словно ржавчиной, пятнами засохшей крови, изрядно пахла и другими ароматами, которые нельзя было назвать приятными.

Лежа на животе в самой середине и приминая телом пожухлую траву, Уильям Уоллес обозревал залитую лунным светом местность. Сосчитав дома и амбары, он перевел взгляд на черноту луга, сбегавшего к реке Иден, которая, змеясь, текла на юго-запад. Задумчиво прищурившись, он вглядывался в ее скрытые туманом берега. Вдруг позади него послышались чьи-то мягкие крадущиеся шаги.

— Сэр, — раздался приглушенный шепот, и рядом с ним на землю опустилась коренастая фигура Грея. В призрачном свете покрытая шрамами и бритая наголо голова лесного командира походила на валун, насаженный на короткую и мощную шею. — Комин готов выступить.

— Он же даже не осмотрел город.

— Не думаю, что он собирается это сделать, разве что когда поскачет по его улицам.

Уоллес едва слышно выругался. Он окинул взглядом шеренгу мужчин. Здесь были и знакомые личности вроде Гилберта де ля Хэя и Саймона Фрейзера, и новички — Александр и Кристофер Сетоны. Двоюродные братья долгие годы оставались сподвижниками Брюса, но после того, как граф Каррик стал предателем и переметнулся на сторону англичан, они пришли к Уоллесу вскоре после битвы при Рослине. Несмотря на то что Кристофер родился в Йоркшире, молодой человек дрался с англичанами столь же яростно, как и любой шотландец. Острый взор Уоллеса остановился на ястребином профиле Нейла Кэмпбелла, лежащего рядом с Сетонами, и он негромко свистнул. Когда рыцарь из Аргилла обернулся, Уоллес поднял сжатый кулак. Нейл кивнул, показывая, что понял и остается за старшего.

Уоллес отполз назад и встал на ноги только тогда, когда уверился, что склон холма скроет его от чужих глаз, после чего зашагал к небольшой рощице, откуда он сам и его люди

выдвинулись некоторое время назад. Его огромная фигура возвышалась над Греем, который уверенно шагал рядом с предводителем. Широкий меч, брошенный на спину и прикрытый накидкой, легонько позвякивал в ножнах. Уоллес выругался вновь, заметив огонек, мерцающий в зарослях.

— Что задумал этот шлюхин сын? — прошипел сквозь зубы Грей. — Зажечь маяк? Клянусь распятием, мы же менее чем в двенадцати милях от Карлайла! Или он хочет, чтобы нас атаковал весь тамошний гарнизон?

Продравшись сквозь кусты, Уоллес вошел в круг света, отбрасываемого факелом. Здесь, среди деревьев, рассредоточились люди. Одни точили оружие и подгоняли снаряжение, снятое с мертвых англичан под Рослином, другие пустили по кругу мех с вином. Отряд был намного меньше того, с которым Уоллес пришел в эти холмы и долины шесть лет назад. Тогда его люди еще не смыли с себя кровь тяжелой битвы под Стирлингом, но тем не менее эти полторы тысячи пехотинцев, возглавляемые сотней конных дворян под командой Джона Комина, нанесли англичанам ощутимый урон во время продвижения на юг.

Атаковав английские гарнизоны в Дамфрисе и Галлоуэе, обескровленные призывом солдат в армию Эдуарда, они десять дней назад перешли границу. Обойдя по широкой дуге Карлайл, они принялись жечь деревни и фермерские хозяйства по всему Камберленду, почти не встречая сопротивления.

Примерно три сотни пехотинцев, притаившихся сейчас под сенью деревьев, находились под командой Уоллеса, но большая часть воинов была родом из Галлоуэя. Многие до сих пор носили на туниках изображение белого льва, хотя их капитан Дунгал Макдуалл уже сменил герб Баллиола на знаки отличия нового сюзерена. Капитан стоял в окружении своих людей, скрестив руки на груди, и на его жестком лице не было даже тени улыбки. Рядом с ним Джон Комин потягивал из меха вино и смеялся чему-то, что рассказывал ему родственник, граф Бучан. Темный Комин был личностью яркой. Его и без того крупную фигуру делал еще массивнее пластинчатый панцирь, надетый под кольчугу. С ними были Эдмунд Комин из Килбрида, глава третьей ветви клана, Дэвид Грэхем, Джон Ментейт и коренастый и седовласый граф Стратэрн, женатый на сестре Темного Комина.

Чуть поодаль их оруженосцы укорачивали стремяна и подтягивали подпруги. Когда Уоллес приблизился к ним вплотную, Джон Комин перебросил мех с вином одному из своих рыцарей и пошел к своему коню.

— Сэр Джон.

Макдуалл быстро оглянулся, когда перед ними выросла гигантская фигура Уоллеса, и рука его потянулась к мечу.

А вот Комин обернулся не спеша.

— Сэр Уильям. — Голос его сочился ледяным холодом.

— Вы решили пойти в атаку?

— Да, мы садимся на коней. Едем в город. Грабим его. — Губы Комина искривились в насмешливой улыбке. — Вам что-то не нравится?

Презрение в его голосе, словно в кривом зеркале, отразилось на лицах окружающих. Но Уоллес привык к подобным взглядам; он часто наталкивался на них в первые дни восстания. Его одаривали ими такие вот персоны — лорды и графы, — пытавшиеся поставить его на место. Он видел, как менялись выражения их лиц после победы под Стирлингом, когда тысячи крестьян и ремесленников под его баннером дружным ревом выкрикивали его имя, обращаясь к небесам: «Уильям Завоеватель!». ^[44] У некоторых презрение сменилось

сдержанным и неохотным уважением. У других — страхом. Страхом перед тем, что он, второй сын мелкопоместного лорда, обладал большей властью, чем они.

— Я изучил местность, — сообщил он Комину. — Иден протекает поблизости от южной окраины городка. Мы рискуем оказаться отрезанными в случае непредвиденного нападения.

— А кто может напасть на нас, да еще неожиданно? Быть может, вы соблаговолите просветить нас, сэр Уильям? — Это подал голос Джон Ментейт, рыжие волосы которого отливали огнем в свете факела.

Ментейт, сам второй сын всеми уважаемого графа Уолтера, умершего несколько лет назад, совсем недавно прибил к банде Комина, зато уже успел зарекомендовать себя одним из самых громогласных его вассалов. Уоллесу был хорошо знаком этот тип людей: пиявка, кормящаяся крохами от успехов других. Его старший брат, граф Ментейт, сгинул в плену у англичан после сражения у Данбара в самом начале войны, оставив на попечение младшего свое графство и поместья. Ходили слухи, что Ментейт — азартный игрок. Петушины и медвежьи бои, скачки и кости — все эти забавы помогали ему с успехом проматывать семейное состояние на протяжении последних пяти лет. А с тех пор, как они перешли границу, он не интересовался ничем, кроме грабежей.

Не обращая внимания на остальных рыцарей, открыто ухмылявшихся в знак полного согласия с презрительными речами Ментейта, Уоллес впери в него холодный взгляд.

— Похоже, вы забыли, что главная цель нашего похода — навлечь на себя гнев короля и заставить его разделить свои силы, дабы облегчить борьбу нашим товарищам на севере. Поэтому нам следует избегать неоправданного риска, особенно когда мы ожидаем вражеского нападения.

Веснушчатое лицо Ментейта зарделось под немигающим взглядом Уоллеса. Он первым отвел глаза и покосился на своего нового союзника, ища поддержки.

Джон Комин пришел ему на помощь:

— Действительно, чем больше времени мы потеряем в бесполезных дебатах, тем скорее может появиться неприятель. — Он не дрогнув встретил взгляд голубых глаз Уоллеса. — Я со своими людьми захвачу поселение. Мне показалось, что к северу я заметил несколько складов с зерном. Возьмите свой отряд и сожгите их. — С этими словами Комин повернулся к своему коню. Но перед тем, как подняться в седло, он оглянулся, и на губах его заиграла улыбка. — Не стесняйтесь, забирайте себе все, что найдете.

Уоллес молча смотрел, как дворяне направляются к своим лошадям и садятся верхом. Лица их покраснели от вина и предвкушения поживы. Надев шлемы и укоротив поводья, они шагом пустили коней из рощицы. Ментейт направил своего жеребца прямо на Уоллеса, который вовремя отступил в сторону. Лишенные Наследства последовали за остальными, смеясь и перебрасываясь шутками. Они небрежно помахивали клинками и горящими факелами, словно собрались на увеселительную прогулку или охоту, а не готовились подвергнуть насилию и разграблению спящий городок.

Под началом Комина и его жадных до грабежей спутников люди Галлоуэя обрели самоуверенную беззаботность, привыкнув к легким победам при нападении на незащищенные деревни. Многие таскали на себе трофеи, отнятые у своих жертв: кинжал с рукоятью слоновой кости, серебряную брошь, шелковый кошель, запятнанную вуаль. Уоллес обратил внимание на то, что некоторые обзавелись привычкой носить пряди женских волос на шнурке на шее. Когда один из них, чернобородый здоровяк, проехал мимо, Уоллес насчитал

по меньшей мере шесть прядей разного цвета, связанных в пучок и висящих у него на поясе.

Он не мог упрекать их за это; он, который носил ожерелье из человеческих зубов в первые дни восстания и у которого был пояс из кожи ненавистного англичанина-казначея Хью де Крессингема. Тем не менее сейчас их привычки представлялись ему отвратительными. Возможно, придворная жизнь в Париже и Риме пообтесала его, хотя, не исключено, все дело было в той развязной легкости, с которой эти люди сеяли смерть и разрушения. Уоллес не испытывал угрызений совести, убивая англичан на поле брани. Но вот дома, двери которых выламывали топорами; женщины и девушки, которых выволакивали на улицу на потеху пехоте; фермеры, обмочившиеся от страха, когда их выстроили в ряд, чтобы обезглавить; мальчишки, заходившиеся животным криком, когда их заживо сжигали в амбарах, — все они стояли перед его мысленным взором. Его собственные войска предавались подобным излишествам, когда он привел их сюда после Стирлинга, но он повесил тех, кто зверствовал хуже прочих. Жажда крови делала человека беспечным. А от недисциплинированной армии было мало толку.

— Проклятые ублюдки! Сыновья шлюх, все до единого, — проворчал стоявший рядом Грей, когда Комин и остальные исчезли за деревьями. — А Ментейт каков? Я бы не дал этому засранцу напиться мочой моего коня, даже если бы он умирал от жажды. — Не дождавшись от Уоллеса ответа, он взглянул на него. — Жечь зерно? Ты должен был вбить его приказ ему прямо...

— Он — хранитель Шотландии, Грей. Люди королевства наделили его такой властью. И мы должны с уважением относиться к их выбору. Последнее, что сейчас нужно Шотландии, — это распри между ее защитниками. Идем, — сказал Уоллес, направляясь к тому месту, где они оставили собственных лошадей. — Собери остальных наших. Мы подчинимся. Пока.

Они увидели зарево в миле от них. Языки пламени в жутковатой тишине взвивались в небо, четко обрисовывая очертания домов и амбаров. На многих постройках занялись соломенные крыши, и тяжелый дым плотными клубами рвался кверху. На улицах в отблесках пожаров стали заметны фигуры — конные и пешие. Последних было больше. Хотя с такого расстояния треск пожарищ был неразличим, не услышать приглушенные крики было невозможно.

Пока Роберт смотрел на горящий за полем город, в памяти у него возник Англси. Дело было восемь лет назад. Он ехал по грязным, припорошенным снегом улицам, и люди бросались от него врассыпную. Лланваес был залит кровью, англичане в мгновение ока прорвались сквозь частокол, но тогда его обитателей хоть как-то защищали, пусть и плохо, силы Мадога ап Лльюэллина. А сейчас на его глазах разворачивалась настоящая бойня.

Они то и дело натыкались на следы аналогичных зверств, когда вернулись в Англию, но это были уже последствия: дымящиеся руины домов под хмурым небом, валяющиеся на улицах трупы, над которыми уже роились мухи, и уцелевшие жители с мертвыми глазами. Они прошли по этому кровавому следу через весь Аннандейл, а потом и пересекли границу, неизменно на сутки или двое отставая от скоттов, пока наконец сегодня вечером монах из аббатства, мимо которого они проходили, не сказал им, что видел большую банду мародеров, направляющихся на юг вдоль реки Иден. Отряд англичан, состоящий из трехсот конных и двух сотен пеших воинов, возглавляемый Эймером де Валансом и Робертом Клиффордом, продолжил преследование ночью.

Хриплое дыхание пехотинцев, поднимающихся на холм и выстраивающихся рядом с рыцарями, заглушил топот копыт. Из темноты вынырнули два всадника и осадили коней, останавливаясь перед Валансом.

— Скотты захватили город, сэр, — выдохнул один из них.

— Они выставили стражу по периметру? — осведомился Эймер. — Там есть оборонительные сооружения?

Зубы всадника блеснули в темноте.

— Нет, сэр. Эти простолюдины и не помышляют об этом. Река отрезает им путь на юг. Если мы нападём сейчас, отступать им будет некуда.

Роберт, глядя на пылающий город, спросил себя, кто находится там сейчас, на этих улицах. Больше никаких безликих замков, укомплектованных безымянными гарнизонами; там могут быть люди, которых он знает, даже его товарищи.

Валанс обнажил меч и кивнул Роберту Клиффорду, сидевшему на коне рядом с ним.

— Ты со своими людьми бери город. Я займусь окраинами и не дам этим простолюдинам выскользнуть из окружения. Помни, брат, король хочет, чтобы как можно больше главарей этих шаяк ему доставили живыми. Он хочет лично разобраться с Джоном Комином. — Голос рыцаря стал жестче, когда он произнес имя зятя.

Роберт смотрел, как Валанс напоследок окинул свой отряд взглядом. Лицо его оставалось в тени поднятого забрала шлема, а глаза под козырьком походили на темные провалы озер.

Рыцарь вперил взгляд в него.

— Вы присоединитесь к нему, Брюс. — Пока Клиффорд выстраивал солдат, Эймер подвел своего жеребца вплотную к Роберту. — Если вы замешкаетесь или не станете вступать в бой, убивать и захватывать в плен ваших соотечественников, я узнаю об этом. — Он наклонился к Роберту, другой рукой поднимая свой меч. — Я намерен выпустить кишки своим клинком любому скотту, который попадется мне на пути. — У него во рту блеснула проволока, когда он обнажил зубы, прежде чем отъехать в сторону. — Выступаем!

— Что сказал этот ублюдок?

Роберт обернулся и увидел, что на него смотрит брат. Эдвард, которого он поставил во главе рыцарей Аннандейла, носил герб отца, и на его желтой накидке красовался алый андреевский крест. Он снял шлем, и в лунном свете лицо его блестело от пота.

— Просто езжай за мной, — ответил Роберт.

Когда Клиффорд и его люди пустили коней рысью вниз с холма, Роберт с щелчком опустил забрало своего шлема. Он не должен думать о том, кого может встретить на этих улицах. Если он дрогнет, то жертва, которую он принес, перейдя на сторону Эдуарда, окажется напрасной. Он должен воспользоваться моментом, чего бы это ему ни стоило. Он докажет этим людям, что является одним из них. Дав шпоры Хантеру, он последовал за Клиффордом; брат и Нес скакали по обе стороны от него. Вокруг них ехали рыцари и оруженосцы Аннандейла и Каррика, призванные Робертом к оружию. Эти люди видели бесчинства, которые творили в их землях повстанцы под предводительством Джона Комина, видели целые города, разграбленные и сожженные. И сейчас они не испытывали никаких предубеждений против того, чтобы сразиться с соотечественниками. Они жаждали крови.

Пламя в прорези шлема Роберта стало ярче, а в воздухе запахло дымом, когда он в сопровождении своего отряда поскакал по скошенному полю. Из-под копыт летели комья земли, и по шлемам и щитам стучали мелкие камешки. Преодолев отвал, они выехали на дорогу, ведущую к городу. По мере того как тот становился ближе, они перешли с рыси на галоп, и шлемы и металлические шишечки на щитах заблестали в отсветах пожаров. Следом за ними двигался Валанс со своими рыцарями. И последними спешили пехотинцы, чтобы создать заслон на окраинах.

Вот впереди показались первые дома, но Клиффорд не стал придерживать коня. Рев пламени заглушал стук копыт. Посреди улицы двое мужчин склонились над сундуком. Рядом на земле простерлось неподвижное тело. Третий наблюдал за тем, как его товарищи вскрывают крышку. В руках он держал бочонок, запрокинув его над собой и вливая в глотку вино, которое текло ему на грудь. Опустив сосуд, мародер увидел рыцарей, мчащихся на него. Рот у него приоткрылся, бочонок выскользнул из рук. Спотыкаясь, он повернулся, чтобы бежать, и пронзительный крик сорвался с его губ.

Но он сумел сделать всего несколько шагов, прежде чем его настиг Клиффорд. Он взмахнул мечом, и клинок наискось рассек шею бегущему, обезглавив его. Тело сделало еще пару шагов, после чего осело в пыль. Двух его товарищей зарубили на месте. Одному удар меча рассек лицо, а другому пробил горло. Клиффорд и его рыцари ворвались на горящие улицы.

Роберт вел своих людей сквозь волны жара. Топот копыт не мог заглушить

восторженных воплей и криков боли. Улицы были завалены мусором. В прорезь шлема он видел тела, валяющиеся среди обломков. Вот лежит полуобнаженная женщина, и тело ее вспорото от горла до паха. Вот еще одна, с изуродованным лицом. Из дверей объятых пламенем дома на улицу вывалился какой-то мужчина с горящими волосами. Один из рыцарей Клиффорда стоптал его конем, и взмах меча оборвал его крики.

Впереди улица была заполнена скоттами. В большинстве своем это были пехотинцы. Здесь вовсю продолжался грабеж, судя по истошным крикам, доносившимся из немногих домов, пока еще не затронутых пожаром. В воздухе зазвучали встревоженные вопли, когда шотландцы увидели мчащихся на них англичан, но добрая половина из них была настолько пьяна, что не могла оказать достойного сопротивления. Мало кто оставался в кольчугах, а те, у кого были шлемы и щиты, отбросили их, чтобы они не мешали грабить и пьянствовать. Рыцари Клиффорда прошли сквозь них, как нож сквозь масло.

Засверкали клинки, кровь забрызгала стены домов, и в топоте копыт утонули душераздирающие крики умирающих. Многие скотты обратились в бегство, но некоторые решили стоять насмерть. Рыча, словно дикие звери, они бросались на всадников или подрубали топорами ноги лошадям. Наземь повалились первые англичане, рыцари летели через головы спотыкающихся коней, или же их стаскивали с седел вражеские пехотинцы. В тесных улочках и переулках оглушительно звенела сталь, сталкиваясь со щитами. Лошадь под одним из воинов Клиффорда понесла, получив ранение в шею шотландским фальшионом. Жеребец боком врезался в стену горящего дома, отчего крыша обвалилась внутрь, подняв фонтан искр, которые обсыпали людей, сражающихся на улице.

Таранный удар рыцарей был быстро остановлен, они просто не могли прорваться вперед сквозь такую толчею. Скотты разбегались по боковым улочкам, крича во все горло. Среди них Роберт заметил несколько туник с вышитым на них белым львом Галлоуэя. При виде родового герба Джона Баллиола кровь вскипела у него в жилах. Прокричав команду, он повел своих людей в переулок между домами. Из дверей впереди выскочил чернобородый гигант. В одной руке он сжимал кинжал, а в другой держал что-то выющееся и невесомое. Роберт еще успел разглядеть, что это была прядь светлых волос, а потом меч его врезался в кожаный нагрудник бородача и разрубил ему плечо. С усилием выдернув клинок, он понесся дальше, и сорок два дюйма превосходной дамасской стали испили вражеской крови, пройдя боевое крещение.

С бешено бьющимся сердцем он направил Хантера на рыночную площадь, где сосредоточились основные силы скоттов. Среди пеших солдат попадались и рыцари, бегом бросившиеся к своим лошадям, когда Роберт со своими людьми врубился в их середину. Спасаящиеся бегством скотты пали жертвой собственных бесчинств, спотыкаясь о разбитую мебель и вспоротые мешки с зерном, а подняться им не давали подкованные копыта коней, с легкостью крушившие черепа и ломавшие позвоночники. Некоторые попытались найти укрытие в домах, но пламя пожаров, разожженное ими же, вынудило их остановиться. От дыма стало трудно дышать.

Перед церковью, из которой мародеры выносили сундуки и подсвечники, Роберт заметил скопление красных накидок. Разглядев на них герб Комина, подсвеченный пламенем, он дал шпоры Хантеру, направив коня к банде грабителей. Где-то в стороне заревел рог. Какой-то мужчина, уже поставивший ногу в стремя, обернулся на звук. Роберт, летевший вперед, увидел его лицо. Сердце сбилось с ритма у него в груди. Это был Джон Комин. Роберт еще сильнее пришпорил Хантера. Захватив лидера мятежников живым, он

докажет королю Эдуарду свою лояльность и одновременно избавится от самого большого препятствия на пути к трону. Комин вскочил в седло, но при этом повернулся к Роберту спиной, не видя его.

Роберт настолько сосредоточил внимание на своем кровном враге, что лишь в самый последний момент заметил всадника, налетевшего на него сбоку. У него оставался один миг, и он выпустил поводья и поднял щит, блокируя обрушившийся на него меч. Сила удара оказалась такова, что у него занемело плечо и острая боль пронзила руку и пальцы. Разогнавшийся Хантер по инерции пронес его мимо противника, и лишь через несколько мгновений он коленями сжал бока жеребца, разворачивая его навстречу врагу. Когда они ринулись друг к другу, размахивая мечами над головами коней, Роберт вдруг узнал его. Мужчина в накидке с гербом Рыжего Комина носил конический шлем с носовой перегородкой, предличник которого опустился, обнажая рот и подбородок. Это был Дунгал Макдуалл, отца которого убили во время нападения клана Брюсов на замок Бьюитл.

Роберт нанес удар, который капитан парировал краем щита, а потом замахнулся сам, целясь Хантеру в голову. Роберт отреагировал мгновенно, вонзив шпоры в бока коня и поднимая его на дыбы. Его отбросило на заднюю луку седла, когда копыта Хантера замолотили по воздуху, и одно из них угодило сбоку в голову коня Макдуалла. Жеребец того споткнулся, отчего Хантер, все еще стоявший на задних ногах, потерял равновесие. Оглушенный ударом конь Макдуалла навалился на него, и оба рухнули на землю.

Роберту повезло — он вылетел из седла, не попав под обрушившуюся сверху массивную тушу Хантера. Упав на бок, он перекатился, и гамбезон смягчил удар, лишь только кольчуга заскрежетала по утрамбованной земле. Каким-то чудом Роберт не выпустил из рук меч и щит, а вот шлем сбился, и теперь прорезь не совпадала с глазами. Роберт поднял забрало и увидел, что Макдуалл с трудом поднимается на ноги в нескольких ярдах от него. Во время падения у капитана лопнул ремень щита, так что теперь тот болтался у него на руке. Лошади, рухнувшие на землю между ними, наконец-то расцепились и вскочили на ноги. А вокруг продолжалась схватка. Брат Роберта и рыцари насмерть бились с воинами в цветах Баденоха и Бучана. Непрерывно ревели рога, и совсем рядом, и далеко.

Отшвырнув бесполезный щит в сторону, Макдуалл перехватил меч обеими руками и сквозь дым двинулся на Роберта. В глазах его мелькнуло узнавание, когда он увидел лицо Роберта. Он ринулся в атаку, замахиваясь мечом. Роберт, все еще стоя на коленях, подставил под удар щит. Клинок врезался в дерево, перерубив красный шеврон Каррика. Роберт покачнулся от удара, но потом всем телом подался снизу вверх и оттолкнул Макдуалла щитом. Вскочив на ноги, Роберт действовал стремительно. Мечи со звоном скрестились в воздухе, рассыпая длинные сердитые искры. Роберт потерял Комина из виду, сосредоточив все внимание на капитане, который явно намеревался убить его, а не взять в плен. Пока они обменивались ударами, обстановка вокруг изменилась самым разительным образом.

Англичане под командой Клифффорда захватили город. Хотя шотландские пехотинцы намного превосходили их численностью, пьяные и застигнутые врасплох солдаты не смогли оказать рыцарям достойное сопротивление. Многие скотты, не ввязываясь в драку, удирали по улицам на звук рогов, унося с собой все, что удалось наgrabить. Тех, кто бежал на юг, ждала впереди река, а спасавшиеся бегством в северном направлении угодили прямо в руки Валансу и его людям.

Бревенчатый дом за спиной Роберта со стоном обрушился внутрь, и из дверного проема и окон ударили волны жара. Он пригнулся, и мимо него пронесся столб дыма и искр. А вот

Макдуаллу повезло меньше. На него сверху упала охапка горячей соломы, отчего ему пришлось шарахнуться вбок. Воспользовавшись секундной растерянностью противника, Роберт с разбегу врезался в него, прикрываясь щитом. Капитан, застигнутый врасплох, отлетел назад, и рука его откинулась в сторону. Роберт нанес колющий удар мечом, пропустив его под краем щита, и острие его клинка вспороло кольчугу и гамбезон противника, вонзившись ему под мышку. Зарывав от бешенства, он с усилием вогнал лезвие глубже в тело своего врага.

Капитан взревел, пальцы его разжались, и клинок со звоном упал на землю, но он успел лягнуть Роберта ногой, попав ему прямо в колено. Роберта отбросило назад, и меч его выскользнул из тела Макдуалла. Споткнувшись о мешок с зерном, брошенный грабителями, Роберт рухнул навзничь, выпустив из рук меч. Макдуалл, рыча от бешенства, левой рукой выхватил из-за пояса кинжал, правой зажимая бок, потемневший от крови. Роберт выбросил ладонь вперед, и пальцы его сомкнулись на рукояти меча. Когда Макдуалл устремился к нему, выставив перед собой кинжал, он взмахнул мечом, и клинок, описав широкую дугу, прорубил кольчугу и плоть под нею, наткнувшись на кость. Макдуалл испустил жуткий вопль. Он упал на колени, и рука его, все еще в латной рукавице, изогнулась в сторону под неестественным углом, а потом надломилась, свисая с запястья. Из раны фонтаном ударила кровь.

Роберт поднялся и шагнул к Макдуаллу, намереваясь добить его.

— Граф Роберт!

Он обернулся на голос и увидел, что к нему едет Роберт Клиффорд в сопровождении нескольких рыцарей.

Рыцарь натянул поводья, останавливая коня.

— Отряд сэра Эймера атаковали с тыла. Едем, — приказал он, вонзая шпоры в бока своего жеребца.

В горле у него першило от дыма, легкие горели, как в огне. Роберт оглянулся по сторонам, ища Хантера. Умница конь не убежал. Он стоял рядом, в волнении ударяя копытом о землю, и в глазах у него плясало пламя, пожиравшее соседние дома. Роберт крикнул, подзывая к себе брата с Несом, которые расправились уже с тремя мародерами из Галлоуэя, и поднялся в седло. Оставив Макдуалла на коленях баюкать перерубленную руку, он вместе со своими людьми пересек площадь и углубился в лабиринт узких улочек.

А на окраине города завязалась ожесточенная схватка. В кровавых отблесках пожаров Роберт увидел впереди бело-синие накидки рыцарей Пембрука. Они отчаянно сражались с разношерстной группой всадников. Некоторые английские пехотинцы оставили свои позиции и бросились на помощь Валансу и его людям, дабы отбить неожиданный натиск, отчего в защитных порядках англичан образовалась брешь, в которую и хлынул поток спасающихся бегством скоттов. Многие из них, ничего не видя в темноте после ослепительного пламени пожара или ослабев от ран, слепо натыкались на толпу, но еще больше скоттов сумели унести ноги благодаря вмешательству этой неведомой силы.

Клиффорд скакал впереди. Когда рыцарь врезался в самую гущу схватки, Роберт вдруг заметил гигантскую фигуру, которая топором, как серпом, выкашивала ряды противников вокруг себя. На свете не много нашлось бы людей такой стати и силы. Роберт еще издали узнал в мужчине Уильяма Уоллеса. И вздрогнул. Он придержал коня, позволяя спутникам обогнать себя, не сводя глаз с Уоллеса, который с ревом разрубил чуть ли не пополам английского пехотинца, и тот, залитый кровью, беспомощно отлетел назад. Но тут какой-то

английский рыцарь атаковал его с фланга. Уоллес развернулся, двигаясь с невероятной для такого здоровяка быстротой и легкостью, и топор его описал сверкающую дугу, снося верхушку шлема рыцаря, словно скорлупу с вареного яйца. Вместе со шлемом тот лишился и половины головы. Он повалился вперед, разбрызгивая мозги по шее коня, и скатился с седла. Роберт не принимал участия в сражениях под Стирлингом и Фолкирком. Хотя он неоднократно наблюдал за Уоллесом во время тренировочных поединков и много слышал о его бесстрашии и ловкости в бою, когда тот возглавлял армию повстанцев, Роберту еще никогда не доводилось своими глазами видеть его в гуще схватки. Зрелище внушало священный трепет, от которого кровь стыла в жилах.

В схватку вступали все новые и новые люди Валанса, намереваясь окружить Уоллеса. Роберт поймал себя на том, что едва не крикнул, предупреждая бывшего соратника об опасности. Он вовремя спохватился, но ему можно было не беспокоиться. В мгновение ока Уоллес развернулся и вырвался из полукольца врагов, и его люди последовали за ним. Создавалось впечатление, что они ввязались в драку лишь для того, чтобы дать возможность как можно большему числу скоттов покинуть город. Все, кто мог, уже отступили в ночь, следуя за предводителем повстанцев, оставляя за собой сотни раненых и убитых. Слева от себя Роберт заметил всадников, спешивших убраться прочь. На некоторых были красные и черные накидки Коминов. Видя, что ему машет Клиффорд, Роберт отправил своего коня в погоню. Его брат и еще несколько рыцарей Каррика быстро помчались за ним.

Всадники уже изрядно отделились от них, но Роберт пустил Хантера вскачь и сумел настичь их. Сосредоточив внимание на последнем коннике — рыцаре, судя по попоне на крупе его лошади, — он вонзил шпоры в бока Хантера. Рыцарь обернулся, но было уже слишком поздно. Когда Роберт вонзил свой меч ему в спину, рыцаря выбросило из седла и он исчез под копытами коней. Эдвард погнался за еще двумя, с гербом Коминов на накидках. Скользящим боковым ударом он подрубил ноги коню своего противника, и тот рухнул на землю, придавив собой седока.

Шестым чувством ощутив опасность, Роберт обернулся и увидел, что на него летит, оскалив зубы, какой-то скотт. Им оказался Александр Сетон. Время остановилось. За те несколько мгновений, которые понадобились им, чтобы поднять мечи и разминуться невредимыми, Роберт успел заметить, как на лице Александра отразился ужас узнавания. А в следующую секунду его друг уже галопом скрылся в темноте. Видя, что рыцари Каррика добивают последних беглецов, Роберт придержал Хантера, переводя его на шаг. Сорвав с головы шлем и уронив его на землю, он откинулся на заднюю луку седла, широко раскрытым ртом хватая прохладный ночной воздух. На губах ощущался резкий привкус гари, который обжег ему горло, когда он судорожно сглотнул. Пот заливал глаза.

— Ты видел Коминов? — К нему подъехал брат. Эдвард снял шлем, и теперь было видно, что вокруг ноздрей и губ у него запеклась чернота. С налитыми кровью глазами он выглядел, как сам дьявол. — Ублюдок улизнул у меня из-под носа. Я не смог достать его.

— С ними был Уильям Уоллес, — выдохнул Роберт. — Но, по-моему, он вырвался из окружения.

Глаза Эдварда расширились.

— Уоллес? Он вернулся в Шотландию?

Роберт кивнул. Целое мгновение они молча смотрели друг на друга, не имея сил даже удивиться толком после скоротечного боя.

К ним подъехал Клиффорд, накидка, меч и конь которого были забрызганы кровью.

— Комин?

— Удрал, — ответил Роберт. Он кивнул туда, где рыцари Каррика переворачивали шотландцев, которых им удалось ссадить с коней во время погони, высматривая признаки жизни. — Мы взяли шестерых.

Клиффорд выругался.

— Мы бы взяли их всех, если бы не этот отряд. Они появились буквально из ниоткуда. — Тыльной стороной ладони он смахнул пот со лба, размазав по лицу кровь. — Кажется, их возглавлял Уильям Уоллес. — Он вновь выругался. — Будь у нас больше людей, мы бы захватили их обоих, и его, и Комина. И с мятежом было бы покончено.

— Ничего. Мы и так изрядно потрепали их нынче ночью.

Клиффорд кивнул, а потом, после паузы, вдруг улыбнулся.

— Это точно. — Он жестом указал на спешенных скоттов. — Позаботьтесь, чтобы ваши люди не дали им сбежать. Королю нужны пленные. — Помолчав, он добавил: — Вы хорошо дрались, сэр Роберт.

Данфермлин, Шотландия

1303 год

После того как замок Брихин капитулировал, лишившись командира, убитого камнем на стене, король Эдуард повел свою армию на север. Подобно чуме, они уничтожали все на своем пути: предавали огню замки, разрушали города, сжигали амбары с зерном и посевы. Завидев дым на горизонте, многие шотландцы бежали в горы и непроходимые болота, угоняя с собой скот и унося немногочисленные пожитки. На месте оставались только немощные старики и больные, прячась в своих нелепых глинобитных хижинах и со страхом вслушиваясь в топот копыт и грохот колес катящихся мимо повозок со снаряжением и осадных орудий.

В последние дни лета король прошел маршем через Абердин и вторгся во владения Комина, в его поместье Баденох. Осадив главную цитадель Рыжего Комина в Лохиндорбе, которую он взял штурмом через несколько дней, Эдуард задержался там на некоторое время, охотясь на оленей на вересковых пустошах и попивая вино из подвалов замка. Победу, хотя и сладкую, одержанную вскоре после нападения Комина на поисковый отряд под Рослином, отравляло осознание того, что, пока он пьет кларет своего злейшего врага, тот разоряет северные районы Англии.

Каждый день Эдуард ожидал новостей от отряда, отправленного им на юг для противодействия скоттам, и их отсутствие выводило его из себя. Но вот, когда осень позолотила листья и дни стали короче, он наконец получил известия, которых так долго ждал. Эймер де Валанс нанес поражение мятежникам под Карлайлом. В схватке были убиты несколько сотен шотландских пехотинцев, а остальные в панике укрылись в глубинах Селкиркского леса. Король, окрыленный победой, выступил маршем на юг. По его следам шла зима, укрывая предгорья и острые пики снежным покрывалом.

В Перте, поблизости от аббатства Скоун, к его армии присоединилось войско под командованием сына. Принц Эдвард и его люди, среди которых был и Пирс Гавестон,

разорили графство Стратэрн, и принц с радостью продемонстрировал отцу добычу, захваченную во время кампании. Король, чрезвычайно обрадованный тем, что его отпрыск, похоже, начал наконец-таки относиться к своим воинским обязанностям со всей серьезностью, устроил в награду ему праздник с турнирными боями, длившийся несколько дней, по окончании которого Гавестон был провозглашен победителем, к вящему неудовольствию некоторых рыцарей Круглого Стола.

Эдуард, хотя и присутствовал на торжествах, мыслями был далеко. Да, он продвинулся на самый север Шотландии, почти не встречая сопротивления, и разорил и опустошил земли своих врагов, чем серьезно ослабил их сопротивление, но полной победы так и не добился. Замок Стирлинг, игравший ключевую роль в контроле над территорией Шотландии к северу от Форта, по-прежнему оставался в руках мятежников. На западе люди Ольстера, захватив несколько крепостей, включая и цитадель сенешаля на Бьюте, взбунтовались. Несмотря на верность самого графа, его войска, не имея достаточно провианта и не получая достойной платы, самовольно оставили позиции и отплыли домой. Но более всего Эдуарда обеспокоили новости, полученные вместе с известием о поражении мятежников.

Эймер де Валанс утверждал, что среди скоттов, сражавшихся под знаменами Джона Комины, был замечен и Уильям Уоллес. Сообщение о том, что печально известный мятежник каким-то образом сумел вернуться целым и невредимым из Франции, проскользнув сквозь блокаду в Ла-Манше, привело Эдуарда в бешенство. Предводитель повстанцев, словно комета или иное дурное предзнаменование, омрачил день его триумфа, предрекая дальнейшее крушение планов. И король более чем когда-либо возжаждал обложить дикого зверя в его логове в Селкирке и выкурить его оттуда.

Единственным, что доставило несказанное удовольствие Эдуарду на четвертый день временной остановки в Перте, было письмо с приложенной к нему королевской печатью Франции. Оно пришло от короля Филиппа и официально ратифицировало мирный договор между Англией и Францией, который исключал Шотландию из переговорного процесса, возвращал герцогство Гасконь Эдуарду и его наследникам и закреплял брачный союз его сына с леди Изабеллой. Филипп, передававший наилучшие пожелания своей сестре королеве Маргарите и подарки для своих племянников Томаса и Эдмунда, заявлял, что более не желает вести военные действия против своего зятя.

Эдуард прекрасно сознавал, что дело здесь отнюдь не в родственных чувствах, а в том, что продолжающаяся война во Фландрии требовала от Филиппа все больших расходов, но причины, которыми руководствовался король Франции, в данный момент волновали его меньше всего. Для него имело значение лишь то, что Гасконь вновь оказалась в его владении, а скотты лишились последней надежды когда-либо вернуть Джона Баллиола на трон. С легким сердцем покинув Перт, Эдуард остановился в величественном аббатстве Данфермлин, дабы перезимовать здесь и вознаградить своих полководцев.

В нефе церкви Данфермлин, где вдоль прохода выстроились круглые колонны, расписанные библейскими сюжетами, перед своим королем собрались капитаны английской армии. В окна второго этажа заглядывало ясное ноябрьское небо, голубое и хрупкое. Мужчины кутались в подбитые мехом накидки, спасаясь от сквозняков, их камзолы были тщательно заштопаны, а мечи — очищены от крови и ржавчины военной кампании.

Среди них стоял и Роберт, не сводя глаз с короля Эдуарда, который сидел в мягком кресле перед алтарем в ярко-алой мантии, расшитой золотом. Рядом с королем стоял его

стяг с драконом, впервые поднятый над турнирной ареной во Франции, когда он был еще принцем в изгнании, а потом прославившийся в войнах. Это был символ того, что пощады не будет. Огромное полотнище кое-где потерлось и обтрепалось по краям, но крылатый змей в центре по-прежнему дышал огнем. Пока Роберт рассматривал обстановку, король вызвал Клиффорда.

Рыцарь пересек выложенный плитами пол и опустился на одно колено. Властный голос Эдуарда звучал в большом нефе, пока король жаловал ему поместья в графстве Роксбург, увеличивая и без того внушительную награду в виде замка Карлаверок и земель сэра Уильяма Дугласа, сражавшегося вместе с Уоллесом в начале восстания. Когда Клиффорд поднялся на ноги, рыцари Круглого Стола зааплодировали, а лица Ги де Бошама и Томаса Ланкастера осветились улыбками, и они радостно похлопали его по плечам, когда он вернулся в их ряды.

— Сэр Роберт Брюс.

Выступив вперед и слыша, как гулко отдаются в воцарившейся тишине его шаги, Роберт поймал на себе взгляды Хэмфри де Боэна и Роберта де Монтермера. Оба кивали в знак одобрения. После виктории в Камберленде холодок в его отношениях с некоторыми рыцарями начал таять. Они видели, как он, не щадя себя, бросился в бой; видели, как он без сожаления убивал своих соотечественников и вместе с ними праздновал победу. Клиффорд, например, рассказывал другим о личном участии Роберта в уничтожении и пленении скоттов.

За спиной Эдуарда резное распятие отделяло неф от хоров. За ними находились усыпальницы короля Малкольма Канмора и его супруги королевы Маргарет, которая и основала аббатство двести тридцать лет назад. Близость святых мощей предка вдохнула жар в душу Роберта. Данфермлин стал королевским некрополем, где упокоились многие короли Шотландии, среди которых был и Александр III, встретивший свою смерть в каких-нибудь пятнадцати милях отсюда, сорвавшись со скалы. И теперь человек, который, как подозревал Роберт, нес за это ответственность, восседал на его костях; завоеватель, несокрушимо уверенный в своей правоте.

Роберт вспомнил деда, который говорил о родословной Брюсов как о могучем древе, корни которого уходили в глубину веков, во времена нашествия норманнов и древних королей Ирландии, и что он, Роберт, стал новым побегом на его великом стволе. Кровь королей прошлого струилась в его жилах, вдыхая в него жизненную силу. Он чувствовал, как оживает в нем их воля, требуя, чтобы он воплотил в реальность чаяние его рода: изгнал этого тирана и взял в руки собственную судьбу. Любым способом. Ждать больше нельзя. Время вышло.

Подойдя к Эдуарду, Роберт заставил себя преклонить колено и опустил голову.

— Сэр Роберт, — произнес король, — за ваше участие в разгроме мятежников в Камберленде жалую вас новой должностью. С сего момента вы назначаетесь шерифом Ланарка и Эйра.

Роберт не двигался, глядя в плиты пола перед собой, но в душе его бушевала буря. Хитрость Эдуарда при выборе награды для него не осталась им незамеченной. Пошли слухи о том, что Уильям Уоллес вернулся, дабы вновь возглавить восстание — при дворе стало известно об этом со слов Эймера де Валанса, — и король явно обеспокоился. До войны дядя Уоллеса был шерифом Эйра, и графство оставалось родным домом для предводителя мятежников. Впоследствии, после оккупации, шериф Ланарка, англичанин, был обвинен в

смерти жены и дочери Уоллеса. Роберт понимал, что, назначая его на эту должность, король сталкивает его с мятежником, физически и символически.

— Ваш брат, сэр Эдвард Брюс, будет иметь честь прислуживать моему сыну и наследнику в его доме, а Александру Брюсу я жалую епископство Глазго.

Роберт почти не слушал короля. Мысли его занимал Уильям Уоллес, как частенько случалось на протяжении последних недель, после кровавой бойни в городке. Он думал, что судьба Шотландии предрешена и что сопротивление стало слишком слабым, чтобы пережить еще одно военное лето. Он боялся, что с этим будет неразрывно связана и его собственная незавидная участь — участь пленника при дворе Эдуарда, а единственная надежда на спасение заключается в призрачном шансе найти доказательства причастности короля к убийству. Но теперь он усомнился в этом.

Угроза реставрации Баллиола миновала, но в самый последний момент в Шотландию вернулся Уильям Уоллес, дабы возглавить восстание. Это меняло все. Второй сын мелкого рыцаря, возвысившийся до должности хранителя Шотландии, Уоллес сумел собрать под своим командованием самую многочисленную армию за последние несколько столетий и нанес англичанам сокрушительное поражение под Стирлингом. Он стал полководцем с незапятнанной репутацией, который привлек тысячи людей — крестьян и графов в равной мере — под свои знамена. Роберту была известна слабость Эдуарда; он знал, удар в какое место окажется наиболее болезненным для короля: склады провианта и снаряжения в Йорке, обескровленные гарнизоны в Эдинбурге, Дамфрисе и Лохмабене. Быть может, вдвоем, объединив усилия, они с Уоллесом смогут переломить ход войны и склонить удачу на свою сторону?

— Встаньте, сэр Роберт.

Роберт поднял голову, когда Эдуард умолк.

— Благодарю вас, милорд, за великую честь, которую вы мне оказали. — Выпрямившись, он встретил взгляд светлых глаз короля. — Остаюсь, как всегда, вашим покорным слугой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Данфермлин, Шотландия

1304 год

Когда за ним пришли, пленник испуганно вжался в стену. Дневной свет хлынул в открытую дверь, заливая ослепительным блеском конюшню, в которой вот уже несколько недель его держали вместе с остальными. Он закричал в испуге, и пересохшие губы потрескались, брызгая кровью, когда они схватили его.

— Заткнись, урод!

Когда двое стражников рывком подняли его на ноги, третий ударил пленника кулаком в живот, и крики оборвались. Стражники поволокли согнувшегося пополам несчастного к выходу из конюшни, где в пропахшей потом и навозом темноте глухо звучали стоны и мольбы других арестантов.

Пока его чуть ли не волоком тащили по заснеженному двору, пленник запрокинул лицо к серому небу и открыл рот, ловя языком морось, повисшую в воздухе. Стражники выдыхали клубы пара, с усилием волоча его по камням, и снег скрипел под их сапогами. Он выпал поздно, всего две недели назад, вскоре после Рождества. Крыши и башни Данфермлина укрылись белым одеялом. Пленник, прищурившись, уставился на аббатство, шепча молитву.

Стражник, который ударил его в живот, обернулся, и губы его искривились в презрительной усмешке.

— Снова беседуешь с Господом, скотт, а? — Усмешка исчезла. — Сегодня тебя слышу только я, понял? Так что разговаривать ты будешь со мной.

Когда мужчина, которого другие называли Кроу, отвернулся, пленник сплюнул на снег кровавую слизь и стиснул зубы, но стоило ему увидеть, что в конце двора показался полуразрушенный амбар, как мужество изменило ему. Он откинул голову и истошно заголосил, хотя заброшенный амбар и конюшня находились в стороне от других зданий, и даже если кто-нибудь услышал бы его, все равно не пришел бы на помощь. Король Англии со своим войском выбрал аббатство в качестве зимней квартиры, изгнав отсюда монахов. Но это не остановило пленника, и он кричал, пока не охрип. Кроу тем временем распахнул ворота амбара.

Внутри, в полумраке, виднелись различные крестьянские орудия труда: упряжь, веревки и кнуты, ведра и гвозди. Самые обычные предметы, но для пленника они стали олицетворением пыток. В центре амбара стоял деревянный стол на козлах, залитый кровью. В воздухе висел ее привкус, сладковатый и металлический. Он забился в руках стражников, когда они потащили его прямо к столу, взбивая ногами наносы снега, налетевшего внутрь сквозь прорехи в крыше. Но, кажется, сегодня стол останется без работы, потому что они миновали его, не останавливаясь. Пленник, задыхаясь, окинул амбар диким взглядом, пытаясь угадать, что еще они для него придумали. К этому моменту они уже прошли мимо корыта, в котором в прошлый раз его едва не утопили. Вода в нем покрылась коркой льда. От одного взгляда на нее во рту у него появился кисловатый привкус.

— Давайте его сюда, — приказал Кроу, кивая на крюк, свисавший с одной из балок.

Пленник застонал от боли, когда стражники вздернули ему руки и зацепили крюком веревку, которой они были связаны. Затем они отступили на шаг, оставив его висеть, как кусок мяса.

«Плеть», — подумал он. Сегодня они испробуют на нем плеть. Это стало для него неожиданностью. Правда, его уже избивали плетью, в самом начале, содрав с него тунику и исполозовав до крови голую спину. Боль была невыносимой, но в сравнении с тем, что они делали с ним потом, оказалась сущей ерундой. Что ж, плетью, по крайней мере, его не убьют.

Кроу остановился перед пленником, разглядывая его со зловещей ухмылкой на лице. Обычно он так себя не вел, и пленник забеспокоился.

— Пришло время, скотт, сказать мне, где скрывается этот сын шлюхи, Уильям Уоллес.

Пленник слабо покачал головой.

— Я не могу сказать вам того, чего не знаю. — Голос его прозвучал хрипло, с надрывом. — Почему вы мне не верите?

Кроу улыбнулся.

— Ты с самого начала знал, что это неправда. А теперь об этом узнали и мы. — Он вытащил из-за пояса кинжал, висевший в ножнах рядом с мечом. — Один из твоих дружков, какое-то отребье из Галлоуэя, которое мы соскребли с поля под Камберлендом, признался мне в этом сегодня утром. Он сказал, что именно с тобой можно поговорить о лежбище Уоллеса в Селкирке.

— Мне ничего не известно о лагере. Я присоединился к отряду Уоллеса в Аннандейле за несколько недель до того, как мы вторглись в Англию. Он обманул вас.

— Я чую правду, когда ее шепчет умирающий. Это было последнее, что он мне сказал, прежде чем испустил дух. Он истек кровью. — Кроу кивнул на окровавленный стол. — Вон там.

Пленник понял, что он не лжет. За те несколько недель, что они провели здесь после той злосчастной битвы, несколько пленников, которых отвели к Кроу на допрос, обратно не вернулись. Он знал, что их смерть ничего не значила ни для этих людей, ни для их господина. Все они были простыми крестьянами или мелкими торговцами, как он сам, ученик кожевника, и никто не собирался платить за них выкуп. Равным образом на них не распространялись и правила рыцарского поведения.

Кроу шагнул к нему, и пленник понял, что не может отвести глаз от лезвия кинжала. Оно было тонким и острым, как бритва.

— Теперь я знаю, что могу не тратить время на остальных, и займусь тобой.

— Нет, — выдохнул пленник и забился, как пойманная рыба, пытаясь отодвинуться от палача как можно дальше.

— Ты будешь висеть здесь, а я буду пытаться тебя и не дам тебе умереть, пока ты не заговоришь. Ты понял меня, скотт? Пока не заговоришь. — Кроу кивнул своим товарищам. — Держите его.

Пленник закричал и отпрянул, но стражники крепко схватили его с обеих сторон, зажав его голову ручищами. Он чувствовал их дыхание. Эль на завтрак.

Кроу подошел к нему вплотную, поигрывая кинжалом, и приставил острие к уголку глаза пленника.

— Сначала я выколю тебе глаза. — Он провел острием вниз, по правой щеке. — Потом отрежу уши. Пальцы на руках. На ногах. К тому времени как я с тобой покончу, от тебя не

останется и половины, но я обещаю тебе, что ты будешь еще жив.

Пленник задыхался, на губах у него появилась пена. Он завопил во весь голос, когда лезвие вернулось к его глазу. На сей раз Кроу воткнул ему в уголок глаза большой палец и потянул веко вверх, так что глазное яблоко обнажилось полностью. А потом он начал медленно протыкать его острием кинжала. По щеке пленника потекла струйка крови, смешанной с сукровицей. Пленник взвыл, как раненое животное:

— Я все скажу! Остановитесь! Клянусь Богом, я скажу все!

Кроу убрал кинжал. По щеке скотта стекала кровавая слеза. Он судорожно хватал воздух открытым ртом, обмякнув на веревках.

— Я знаю, где находится лагерь.

— Где?

— Не могу сказать. Стойте! — завопил он, когда кинжал поднялся вновь. — Я не могу объяснить, но... — Он умолк, и голова его бессильно упала на грудь. В конце концов страх победил стыд. — Я могу нарисовать карту.

Король Эдуард стоял у окна, глядя на пейзаж за стенами Данфермлина. Складки местности, укрытые снегом, сбегали к заливу Ферт-оф-Форт, темные воды которого тускло блестели под свинцовым небом. Вдали, на другом берегу эстуария, [\[45\]](#) смутно виднелись черные утесы, ограждавшие Эдинбург.

Эдуарду казалось, что холод этого замерзшего ландшафта поселился у него в жилах. Теперь он хуже переносил зиму, по утрам суставы ныли, а в груди ворочалась ледяная глыба. Но внешне он оставался все таким же, несмотря на снежно-белые волосы и морщины на лице: высоким и мускулистым, как в молодости. Годы войны и упражнений закалили его. Но он знал, что слабеет.

Взрыв смеха заставил его обернуться. В комнату вбежал его трехлетний сын Томас, за которым смешно ковылял его брат Эдмунд. Они подбежали к матери, которая читала, сидя у камина. Перед самым Рождеством королева Маргарита вместе с другими женщинами прибыла сюда из Йорка в сопровождении рыцарей. Шотландия была почти покорена, и Эдуард хотел, чтобы семья была рядом, когда он окончательно раздавит врага, сопротивлявшегося целых восемь лет. Он смотрел, как Маргарита целует мальчиков во встрепанные светловолосые макушки, и тут в комнату вбежала нянечка.

— Прошу прощения, миледи. Милорд, — выдохнула она, склоняя голову перед Эдуардом. — Они для меня слишком шустрые. — Она принялась подталкивать детей к выходу из комнаты, закрыв за ними дверь, за которой тут же раздался новый взрыв смеха.

Эдуард задержал взгляд на жене, которая опять взялась за книгу. Сестре короля Филиппа исполнилось всего семнадцать, когда он женился на ней в Кентербери. Ее называли Жемчужиной Франции, застенчивую девочку удивительной красоты с молочной кожей. Сейчас, в возрасте двадцати одного года, после рождения двух сыновей, ее хрупкие черты обрели женственную округлость. Но ее молодость лишь заставляла Эдуарда острее ощущать себя стариком; тем не менее, понимая, что время его уходит, он лишь стремился во что бы то ни стало достичь того, чего хотел, прежде чем тело окончательно изменит ему и земля примет его в свои объятия.

Его двоюродный дед, король Ричард, заслужил прозвище Львиное Сердце. Его дядя, французский король Людовик, [\[46\]](#) был канонизирован. Крестоносец и Святой — вот какими их запомнили. Эдуард хотел, чтобы и его имя осталось в веках. Человек, которому

покорилась вся Британия, став объединенным королевством. Король, о котором будут говорить как о новом Артуре. Величайший король-воин из всех живущих на земле.

Маргарита заметила, что он смотрит на нее.

— Вы выглядите задумчивым, муж мой. — Ее французский серебристым колокольчиком разлетелся по комнате.

Эдуард вздохнул.

— Я думаю о грядущей кампании. Боюсь, взять замок Стирлинг будет нелегко.

— А разве вы не можете перекрыть им подвоз припасов? Разве не так вы уже поступали раньше, с неизменным успехом?

Он слабо улыбнулся. Ему нравился интерес, который проявляла королева к его стратегическим планам.

— На это уйдет слишком много времени. Стирлинг располагает достаточными припасами и прекрасно защищен. — Эдуард протянул ей руку.

Маргарита отложила книгу и подошла к нему, шурша подолом по ковру. Она позволила Эдуарду подвести себя к окну, а он встал позади нее, положив руки ей на плечи.

— Он похож на Эдинбург, — сказал король, наклоняясь вперед так, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с ее лицом, и глядя на отвесные скалы, нависавшие над городом. — Утесы слишком крутые, чтобы на них можно было вскарабкаться по лестнице. Внутрь ведет всего одна дорога. Стены слишком высоки и толсты для большинства осадных машин.

— И что же вы намерены делать?

— Я подумываю о том, что видел в Святой Земле, о том, что сделал султан Бейбарс. [\[47\]](#)

Маргарита повернулась и положила ему ладонь на грудь, напротив сердца.

— Тот самый, что пытался убить вас?

Перед внутренним взором Эдуарда возник человек в плаще с надвинутым капюшоном и кинжалом в руке. Он нахмурился, вспоминая, как лезвие пробило ему грудь и как закричала Элеонора, когда он упал. Пока стража обезвреживала наемного убийцу, подосланного Бейбарсом, его супруга опустилась рядом с ним на колени. Грудь его окрасилась кровью, когда она вырвала кинжал из раны и припала к ней губами, чтобы попытаться высосать яд.

Эдуард накрыл ладонью руку Маргариты и отвел ее от шрама, пересекавшего его грудь под сорочкой. Его вторая жена была такой королевой, о которой он мог только мечтать: тихая, нежная и незаметная, красивая, сдержанная и умная, и еще она родила ему двух сыновей. Но она не могла заменить ему Элеонору. Она не сумела тронуть его душу.

— Милорд.

Эдуард обернулся. На пороге комнаты стоял Эймер де Валанс. Он выглядел мрачным.

— В чем дело, кузен?

— Я только что узнал, что вы дали Роберту Брюсу разрешение вернуться в замок Тернберри.

Эдуард отпустил руку королевы, и она вернулась к своему креслу, чтобы взять книгу.

Эймер коротко кивнул, когда она проходила мимо.

— Миледи.

Эдуард подождал, пока супруга не вышла в комнату, в которую убежали его сыновья, прежде чем ответить:

— Он хочет лично руководить восстановлением своего замка и оценить состояние территорий, над которыми он назначен судьей-шерифом.

Эймер шагнул через порог и закрыл за собой дверь.

— Мне представляется, что это — не самое мудрое решение, милорд. Не самое мудрое и опасное. Особенно когда до полного завоевания Шотландии остается всего один шаг. Умоляю вас отказать ему в просьбе.

— Оборонительные укрепления в Эйре нуждаются в восстановлении. Кроме того, в обоих городах необходимо поставить гарнизоны. — Эдуард подошел к очагу и протянул руки к огню, чувствуя, как его тепло проникает в кончики ледяных пальцев. — В последние годы мои кампании на западе имели своей целью разрушение. Но если я хочу получить выгоду от своих завоеваний, я должен стремиться к тому, чтобы восстановить в королевстве мир и процветание. Если никто не будет выращивать урожай, пасти овец и скот или открывать торговые маршруты, моя казна опустеет. — Он повернулся к Эймеру. — Так что это — не прихоть, кузен. И в этом вопросе мне нужна помощь Брюса.

— В таком случае позвольте мне сопровождать его. Чтобы я мог не спускать с него глаз.

Король пристально всмотрелся в лицо Эймера. В возрасте почти тридцати лет тот был точной копией своего величественного и внушительного отца Уильяма де Валанса. Жестокий и воинственный француз, сводный дядя, он был одним из немногих членов его семьи, кто не повернулся к нему спиной, когда отец отправил его в ссылку. Эймер унаследовал от Уильяма крепкое телосложение, темные волосы и резкие черты лица, вот только внешность его изрядно портила проволока, которая удерживала на месте его передние зубы. Это повреждение, полученное в битве при Лланваесе, по утверждению рыцаря, ему нанесли несколько воинов Мадоба ап Льюэллина, когда набросились на него. Но Эдуард заметил, с какой дикой злобой смотрел племянник в тот день на Брюса, и спрашивал себя, а так ли все обстояло на самом деле.

Эймер, достойный сын своего отца, также был подвержен приступам бешенства и излишней жестокости на поле брани, но вот вожаком он был неважным, и король видел, что ему трудно соперничать с таким людьми, как Хэмфри де Боэн, который был прирожденным лидером, которого уважали и любили. Эдуард подозревал, что отчасти дело в том, что Эймер еще не обзавелся всеми полагающимися ему титулами, как прочие его сподвижники по Круглому Столу. Несмотря на то что брат его погиб на войне в Уэльсе, а отец пал в Гаскони, он так и не унаследовал графство Пембрук, которым по-прежнему правила его мать. Король принял все меры к тому, чтобы в последнюю кампанию рыцарь получил причитающееся ему вознаграждение, но его подозрения в отношении Роберта Брюса превратились в тягостную и навязчивую манию. Это изрядно раздражало Эдуарда, словно Эймер видел то, чего не сподобился разглядеть он сам. После того как развеялись его страхи, будто Брюсу известно нечто об Адаме, Эдуард смотрел, как граф послушно и незаметно свыкается с ролью покорного слуги. В точности так, как много лет тому поступил его отец. Со временем его подозрения при виде неизменной лояльности Брюса ослабели.

— Ты нужен мне здесь, Эймер, когда я начну планировать свою новую кампанию.

— Милорд, умоляю вас, скажите мне, что такого совершил Брюс, чем заслужил ваше доверие? Насколько мне представляется, он не сделал почти ничего, кроме того что дрался с Джоном Комином — а его вражда с моим шурином хорошо известна. Он сообщил нам ничтожные крохи сведений о мятежниках, рассказал о слабостях замков, которые нам были известны и без него, и не смог даже толком объяснить, где в Лесу расположен их лагерь.

— Он сказал Хэмфри, что всех, кто не принадлежит к внутреннему кругу Уоллеса, встречают на границе и завязывают глаза.

— И вы верите ему?

— Сэр Хэмфри верит. Для меня этого довольно.

Эймер недовольно скривился.

— Хэмфри уже один раз ошибся на его счет. — Он подошел к королю и остановился перед ним. — Меня беспокоит, что Брюс может воспользоваться моментом и ускользнуть, чтобы предупредить мятежников о наших планах. Подобное соображение достойно того, чтобы дать ему сопровождающего, не так ли?

— О чем же именно он может их предупредить? — с раздражением пожелал узнать Эдуард, начиная терять терпение. — Что я намерен раздавить последние очаги мятежа будущим летом? Что я возьму Стирлинг и затравлю этого бешеного пса Уоллеса? Джон Комин и пьяная банда скоро узнают о моих намерениях, могу тебя уверить. На самом деле я желаю, чтобы это случилось как можно скорее. Я хочу, чтобы эти негодяи знали о том, что их ждет.

Но Эймер стоял на своем, невзирая на явное неудовольствие короля.

— Милорд, вам должно быть известно, что Брюс вернулся к вам на службу только потому, что потерял бы все с реставрацией Джона Баллиола, а вовсе не из чувства верности.

— Разумеется, мне это известно. — Эдуард взял кубок. — В первый раз Роберт Брюс восстал против меня, потому что хотел выползти из тени своего отца, а не из пылкой любви к своему королевству. И он доказал это, вернувшись ко мне с Посохом Христа, когда Шотландия более всего нуждалась в нем. Признаю, поначалу я полагал его предателем наравне с самим Уоллесом, но теперь я вижу, что он в точности такой же, как его отец. Самолюбивый ублюдок, который вполне счастлив тем, что может сидеть и жиреть, как жаба на листе кувшинки, в богатстве и комфорте, да еще располагая некоторым авторитетом в пруду. Власть, которой я наделил его, заставит его хранить мне верность. Он также может оказаться очень полезным, держа под контролем население. Знакомое лицо. — Эдуард сделал паузу, чтобы отпить глоток вина, и увидел собственное отражение на золотой поверхности кубка. Отяжелевшее веко стало в последнее время еще более заметным. — В конце концов, — пробормотал он, — все мы созданы по образу и подобию наших отцов, Эймер. — Вдруг в дверь покоев постучали, и он раздраженно рявкнул: — Войдите.

Дверь отворилась, и вошел Ричард Кроу, человек, которого он отрядил допрашивать шотландских пленников. В руке он держал листок пергамента, и на лице его светилось торжество.

— Я узнал его, милорд. Местоположение лагеря Уоллеса.

Эдуард поставил кубок на стол и подошел к Кроу. Он взял пергамент и окинул взглядом грубо намалеванный рисунок. Темное кольцо явно обозначало окружность Леса. Внутри него змеились ломаные линии и треугольники, виднелись кружочки с крестиками и большой крест неподалеку от юго-западной оконечности окружности.

— Что обозначают эти символы? — требовательно спросил он, тыча в пергамент пальцем.

— Реки, холмы, руины зданий, — почтительно пояснил Кроу, подойдя к королю и остановившись рядом. — Скотт, который нарисовал план, все мне растолковал. На стволах деревьев близ лагеря оставлены метки, так что ошибиться невозможно.

Эдуард смотрел на черные линии, чувствуя, как сердце учащенно забилося у него в груди. Он держал в руках ключ к победе.

Его правление прошло долгий путь, на котором его подстерегали потери и ждали

победы. Он водил крестовые походы в Святую Землю, покорил Уэльс и выжил в гражданской войне, нанеся поражение самому Симону де Монфору, одному из величайших полководцев Англии. Он реформировал страну, оставленную ему отцом, дав ей надежное управление, регулярно избираемый парламент и новые законы. Он дрался со своим кузеном за Гасконь и победил, стал отцом восемнадцати детей и оплакал, похоронив, одиннадцать из них. И он сделал то, достичь чего поклялся много лет назад в Гаскони, на выжженной солнцем земле, когда издевательские песни валлийцев, которые они распевали в честь своей первой победы над ним, еще звучали у него в ушах. Он стал полновластным правителем Британии.

Но, хотя «Последнее пророчество» свершилось и все четыре реликвии оказались в его руках, его победа была неполной. Шотландия по-прежнему сопротивлялась его воле, а человек, который олицетворял собой это сопротивление, все еще оставался на свободе.

Уильям Уоллес превратился для короля в бельмо на глазу, пятная безупречный список его свершений. Были и другие противники, более знатные и выдающиеся, стремившиеся уничтожить его, но он победил их всех. Монфора, своего крестного отца, он повелел разорвать на куски в Ившеме, а останки скормил собакам. Голова принца Уэльского Льюэллина ап Граффада давно сгнила на Лондонском мосту. И Эдуард не намеревался позволить Уоллесу, разбойнику, стоявшему за поражением при Стирлинге — крупнейшей военной катастрофой за годы его правления, — избежать этой участи. В борьбе за наследство Эдуард убил собственного зятя. И он не остановится ни перед чем, пока не достигнет своего.

— Я немедленно высылаю отряд. — Король взглянул на Кроу. — Передай пленнику, что, если его карта не приведет нас к лагерю, его ждет самая страшная казнь, какую я только смогу измыслить.

— О, он знает об этом, милорд, — с улыбкой ответил Кроу, повернулся и вышел из комнаты.

Эймер быстро шагнул вперед.

— Милорд, отправьте Брюса с этим отрядом.

Эдуард прищурился.

— Зачем?

— Во-первых, был он там с завязанными глазами или нет, но он знает Лес лучше любого из нас и намного лучше, чем признает, как я подозреваю. Во-вторых, это будет хорошей возможностью убедиться в его лояльности раз и навсегда.

Эдуард не мог отрицать, что в словах племянника был смысл.

— Очень хорошо.

Эймер улыбнулся, удивленный, но, прежде чем он успел открыть рот, король продолжал:

— Экспедицию возглавят сэр Роберт Клиффорд и сэр Ральф де Монтермер.

— Когда?

Роберт, присевший на корточки перед сундуком, в котором лежал его меч, поднял голову и взглянул на жену. Элизабет, услышав его слова, резко встала с диванчика у окна.

— Когда ты уезжаешь?

Роберт откинул крышку и вынул из сундука меч. Выдвинув клинок из украшенных искусной позолотой ножен, он с удовлетворением убедился, что Нес вычистил его и смазал. Выпрямившись, он сунул его в петлю на поясе.

— Как только мои люди загрузят повозки. Самое позднее — сегодня днем.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

Роберт с тоской посмотрел на нее, зная, какое выражение увидит у нее на лице. Так оно и было: прищуренные глаза и нахмуренный лоб явственно свидетельствовали о неудовольствии супруги.

— Я сам только вчера узнал о том, что король Эдуард удовлетворил мою просьбу. Он сообщил мне об этом после всенощной. И когда я должен был сказать тебе об этом?

Отшвырнув книгу, которую читала, Элизабет отвернулась к окну, обхватив себя руками. Ее бледно-голубое платье, перехваченное под грудью плетеным пояском из темно-синего шелка, все измялось. Подол подбитой мехом накидки испачкался в грязи, затопившей двор аббатства, поскольку первый снег под ногами людей, остановившихся здесь на зиму, превратил землю в настоящее болото. Король, поселившись в покоях аббата, предоставил графам общую спальню, которую ранее занимали монахи, мирские квартиры, прачечную и кладовые. Рыцари и оруженосцы заняли амбары или попросту установили палатки в саду либо прямо во дворе.

Подобно паутине с королем в центре, большая часть армии расположилась за монастырской оградой, а пехота и лучники разбили лагерь в поле. Многие поставили деревянные хижины, намереваясь пережить в них самые сильные морозы. Болотистая местность, по которой с надеждой бродили знахари и самозванные лекари, лицедеи и шлюхи, превратилась в настоящий рассадник вшей и легочных инфекций, и воины нелегко перенесли январское понижение температуры. Жуткая какофония кашля и сплевывания мокроты, которой каждое утро сопровождалось их пробуждение, была слышна даже за стенами аббатства.

— Ты мог сказать мне об этом вчера вечером. — Элизабет оглянулась на него. — Но у тебя не нашлось для меня времени, ты предпочел провести его в обществе Хэмфри и Ральфа. Сегодня утром Бесс рассказала мне, что почти до рассвета вы пьянствовали и играли в кости.

Из соседней комнаты, в которой ютились служанки Элизабет, Джудит и Марджори, донесся детский визг. Дверь в помещение, служившее бельевым складом до того, как король занял аббатство, была распахнута настежь. Сквозь женскую болтовню Роберт расслышал, как Джудит просит его дочь играть потише. Комнаты были тесными и маленькими, и

Роберт, вынужденный делить крышу над головой со своей супругой и ее служанками, уже начал опасаться за свой рассудок. Ночь, проведенная в обществе мужчин, стала для него настоящей отдушиной.

— Я думал, тебе и Бесс будет приятно узнать, что мы с Хэмфри ступили на путь к примирению. Вы же обе приложили к этому массу усилий.

— Ты понятия не имеешь, как нам трудно без тебя, Роберт. Я без конца переезжаю из одного города в другой и при этом стараюсь заботиться о твоей дочери. — Элизабет всплеснула руками. — Если бы ты только видел, как она себя ведет! В твоём присутствии Марджори — настоящий ангел, а когда тебя нет — с ней не может сравниться сам дьявол.

— Король Эдуард повелел, чтобы я осмотрел территории, врученные мне как судье-шерифу, и разрешил отстроить Тернберри. Я не могу пренебречь своим долгом перед ним или моими арендаторами только потому, что ты не можешь справиться с маленькой девочкой. Кстати, у тебя для этого есть Джудит.

Элизабет понизила голос, чтобы женщины в соседней комнате не слышали ее.

— Марджори уже слишком взрослая для того, чтобы слушаться кормилицу. Ей нужна гувернантка. В ее возрасте я уже умела читать Писание, играть в шахматы, петь и вышивать. — Она быстро продолжила, не давая ему возразить: — Леди Бесс знает одну женщину, жену оруженосца Хэмфри, которая обучала детей в нескольких благородных семействах. Она умеет читать по-латыни и по-французски. Джудит может остаться служанкой Марджори, но твоей дочери нужен кто-то, кто обучал бы ее. И еще ей нужна твердая рука.

В дверь постучали. Когда она отворилась, Роберт увидел на пороге двух своих носильщиков.

— Сэр, повозка готова, — доложил один из них и махнул рукой на сундуки, составленные у стены. — Можно грузить их?

Роберт кивнул. Когда носильщики подхватили кофр, в котором лежали его кольчуга и доспехи, и вынесли его из комнаты, он перевел взгляд на Элизабет.

— Сейчас у меня нет времени обсуждать этот вопрос. Мы поговорим, когда я вернусь.

— И когда это будет? Через две недели? Или два месяца?

Роберт подошел к кровати, на которой лежал подбитый мехом куницы плащ для верховой езды — свадебный подарок ее отца. Он заметил, что Элизабет аккуратно сложила его, и испытал чувство вины.

— Я должен проследить за восстановлением Тернберри, а потом оценить, в каком состоянии находятся оборонительные сооружения Ланарка и Эйра. — Взяв плащ, он накинул его на плечи. — Я вернусь не позже чем через месяц.

— Тогда позволь и мне вернуться в Риттл. Марджори, похоже, нравится там. Твои оруженосцы проводят нас.

— Нет, — резко ответил Роберт и тут же пожалел о своей грубости. Последнее, что ему было нужно — это чтобы его жена и дочь оказались в Англии.

На самом деле он просил короля дать ему возможность съездить в Тернберри, потому что хотел снестись с Джеймсом Стюартом. Ротсей сдался войскам Ольстера во время летней кампании, так что нынешнее местонахождение сенешаля оставалось неизвестным, по крайней мере англичанам, но Роберт надеялся, что давние союзники его семьи на западе, Макдональды Ислея, помогут найти его. В последние недели вынужденного пребывания в Данфермлине, когда у стен аббатства выросли сугробы, его все сильнее снедало нетерпение

и желание приступить к поискам. Он надеялся, что, если Уоллес сумеет собрать под свои знамена армию вроде той, что сражалась под Стирлингом, а он присоединит к ней своих вассалов, они смогут отбить наступление англичан и обратить их в бегство. Теперь, когда угроза реставрации Баллиола отпала, наступило время действовать. Осторожность из союзницы превращалась во врага. Пришла пора забыть о ней.

Уоллес был вассалом сенешаля, и если кто-нибудь мог убедить его сотрудничать с Робертом, так только Джеймс. Но стоит Роберту сделать первый шаг, как стена лжи, которой он окружил себя, рухнет, и король увидит его таким, каков он на самом деле: изменник, предавший их дважды. Когда его обман раскроется, Элизабет и Марджори нельзя будет оставаться в Англии. Как и всем, кто ему дорог.

Элизабет подошла к нему.

— Если нельзя в Риттл, то хотя бы возьми нас с собой в Тернберри.

— Ты хочешь, чтобы я повез свою жену и дочь по стране, охваченной войной?

При этих его словах она гордо вскинула подбородок.

— Ты уже проделывал это раньше.

Роберт в недоумении уставился на нее. Сообразив, что она имеет в виду их бегство по Ирландии, он дал волю своему гневу:

— У тебя короткая память, Элизабет. Тогда ты вынудила меня взять тебя с собой. Разве у меня был выбор?

Кажется, она уже и сама пожалела о своих словах и даже подняла руку, умоляя дать ей договорить, но Роберт ей не позволил. У него накопилось на душе, и он уже давно хотел высказаться.

— Ты заманила нас обоих в этот брак. Как сказал тебе отец, ты своими руками расстелила постель. Так что теперь лежи и не чирикай!

Бледные щеки Элизабет порозовели.

— Я пытаюсь, но ты даже не можешь согреть эту постель. — Она повысила голос: — И я — не единственная, кто стал причиной этого несчастного брака. Если ты забыл, муженек, это ведь ты приставил меч к моему горлу. Ты воспользовался мной, чтобы сбежать, точно так же, как я использовала тебя. И мой отец наказал нас обоих. — И тут огонь, горевший в ней, угас. Обессиленная, она опустилась на диван у окна. — Мой отец разгневался, да, но он не стал бы устраивать наш брак, если бы не считал, что подобный союз пойдет на пользу обеим нашим семьям. — Она посмотрела на Роберта. — Я хочу доказать, что он не ошибся. Исправить то, что натворила. Но я не могу сделать это в одиночку.

«Как же мало она знает», — подумал Роберт, глядя на нее. Честолюбивый Ричард де Бург дал согласие на этот брак вовсе не потому, что полагал, будто Роберт станет хорошим мужем его дочери, а потому, что надеялся: в один прекрасный день он сделает ее королевой. Он вдруг понял, что гнев его иссяк, и на смену ему пришла безмерная усталость. Он не хотел, чтобы из-за него она была несчастлива, но до тех пор, пока он не взойдет на трон, его жена и дочь всегда будут на втором месте. Они должны оставаться в неведении и безопасности, и только это имело значение. Он уже открыл рот, собираясь сказать, что сам найдет гувернантку для Марджори, но в этот момент в дверь вновь постучали. Он резко обернулся:

— Войдите!

Когда же дверь отворилась, Роберт, ожидавший увидеть своих носильщиков, с удивлением обнаружил на пороге молоденького пажа. На нем была туника в голубую и

золотую клетку — цвета Роберта Клиффорда.

— Я принес послание от моего господина, сэр, — заговорил паж, переводя взгляд с Роберта на Элизабет, которая обхватила голову руками. — Он говорит, что король приказывает вам выступить в поход вместе с ним и сэром Ральфом де Монтермером.

— В какой еще поход?

— Мой господин просил передать вам, что вы не должны уезжать в Тернберри, как собирались. Он сам вам все объяснит в свое время.

В душе у Роберта зашевелились дурные предчувствия, когда он спросил себя, почему именно его король выбрал для какого-то нового задания, если уже разрешил ему отлучиться.

— Очень хорошо. — Он постарался ничем не выдать охвативших его чувств, и только когда за пажом закрылась дверь, ударил кулаком по раскрытой ладони. — Проклятье!

Его крик заставил Элизабет вздрогнуть. Подняв голову, она стала смотреть, как он меряет шагами комнату.

Спустя мгновение Роберт остановился. Если в поход отправляется Ральф, значит, ему должно быть известно о его цели. Он был уверен: стоит немного поднажать, и рыцарь расскажет ему все.

— Я должен отлучиться ненадолго.

Элизабет молча кивнула.

Роберт свернул в коридор, в который выходила дверь комнаты, предоставленной Ральфу. Дойдя до нее, он постучал, намереваясь получить ответ от рыцаря во что бы то ни стало. Но ответа не последовало. Он постучал вновь. По-прежнему никакого ответа. Разочарованный, он повернулся, чтобы уходить, как вдруг изнутри донесся приглушенный смех. Охваченный подозрениями, он нажал на ручку двери, и та отворилась.

В комнате у одной стены стояла кровать с соломенным тюфяком и смятыми простынями. У другой громоздились сундуки, а на столике рядом с двумя кубками и кувшином мерцала свеча. В центре комнаты сплелись в объятиях две фигуры. Одна стояла к нему спиной, но Роберт узнал Ральфа по темным выющимся волосам. Вторую, женскую, он распознал не сразу. Это была Джоан Акрская, старшая дочь короля. Они увлеченно целовались. При появлении Роберта влюбленные отпрянули друг от друга, словно их двигали невидимые руки.

— Господи... Роберт! — прошипел Ральф, загораживая Джоан собой.

На принцессе была одна лишь прозрачная сорочка, через которую просвечивала ее упругая грудь. Лет тридцати с небольшим, ровесница Ральфа, она оставалась изящной женщиной с такими же длинными ногами, как у ее сестры, Бесс. Черные волосы рассыпались по плечам, укрывая ее сверкающим водопадом.

— Какого черта ты здесь делаешь? — Лицо Ральфа побагровело.

За его спиной Джоан подбежала к кровати и схватила подбитую мехом горностаю мантию, которую и накинула на плечи, плотно запахнув ее на груди.

Роберт поднял обе руки, как будто сдаваясь.

— Мои извинения, Ральф. Леди Джоан, — добавил он, приветствуя принцессу, которая наградила его гневным взглядом. — Я постучал, но мне никто не ответил.

Джоан молча проскользнула мимо Ральфа и направилась к двери. Роберт отступил в сторону, и она заспешила по коридору прочь, застегивая мантию поверх сорочки.

— Закрой дверь, ради бога, — проворчал рыцарь, поворачиваясь и подходя к столику, с

которого взял кубок и одним глотком осушил его. Ворот его нижней рубашки был распахнут, и грудь Ральфа блестела от пота, хотя в комнате было прохладно.

Закрыв дверь, Роберт смотрел, как Ральф наливает себе еще вина. Он был ошеломлен. Долгие годы зная Ральфа, он ни за что бы не подумал, что тот способен на столь опасную интрижку. Рыцарь короля, обесчестивший дочь самого монарха? Да за это Эдуард прикажет содрать с него шкуру живьем!

— Поклянись, что не расскажешь об этом ни единой живой душе, — потребовал Ральф, допив вино.

— И давно это продолжается?

Рыцарь покачал головой.

— Вот уже несколько лет, — сказал он наконец. — Со дня смерти Гилберта де Клера. — Швырнув пустой кубок на кровать, он взъерошил волосы. — Я люблю ее, Роберт.

— Ты совершаешь адюльтер.

Роберт недовольно скривился.

— При дворе это никого не смущает. У большинства графов Англии где-нибудь в поместьях преспокойно живут незаконнорожденные дети.

— Сомневаюсь, что их матерями были дочери короля. Джоан — не какая-нибудь обычная девушка, Ральф. Она — бесценное сокровище самого Эдуарда.

Ральф шумно выдохнул и взглянул ему в лицо.

— И что ты намерен делать?

— Буду держать рот на замке, вот что я намерен делать. — Видя, что на лице Ральфа отразилось облегчение, Роберт предостерегающим жестом выставил перед собой руку. — Если ты скажешь мне, для чего мы отправляемся в поход по приказу короля. Меня отправляют куда-то вместе с тобой и Клиффордом. Полагаю, тебе известно, куда именно и зачем?

— Разумеется. — Ральф выглядел удивленным, но явно расслабился, услышав столь пустяковый вопрос. — Один из пленных, захваченных в Камберленде, дал нам описание лагеря Уоллеса в Селкирке. Король хочет, чтобы мы возглавили конный рейд в Лес. Мы должны окружить и захватить вожаков мятежников, Уоллеса и Джона Комина, после чего уничтожить сам лагерь.

Роберт постарался ничем не выдать охвативших его чувств.

— Значит, конец войны уже близок?

— Если будет на то Божья воля. — Ральф помолчал. — Есть кое-что еще, о чем ты должен знать. Я расскажу тебе в обмен на твое обещание молчать. Включить тебя в отряд предложил Эймер. Насколько мне известно, он умолял короля позволить ему самому возглавить рейд, чтобы проверить твою лояльность. Король отказал ему в просьбе; ему, как и всем нам, уже начала надоедать ненависть, которую питает к тебе Эймер. Но король Эдуард ожидает, что ты будешь преследовать своих соотечественников столь же безжалостно и неумолимо, как и все мы.

Роберт кивнул:

— Благодарю.

— Ты клянешься? — окликнул его Ральф, когда Роберт повернулся, чтобы уйти.

— Клянусь. — Открывая дверь, Роберт сообразил, что теперь перед ним в долгу один из приближенных короля. И он оказался не единственным обманщиком в этой стае волков.

Эймер де Валанс шагал по коридору на негнущихся ногах. Решение короля отправить Клиффорда и Ральфа в Селкирк привело его в бешенство, поскольку было явно принято ему в пику. Он не мог взять в толк, почему король не оценил его намерений, которые должны пойти им всем только на пользу? Роберт Брюс был змеей подкольной, волком в овечьей шкуре, Иудой. Почему никто, кроме него, этого не видит?

Конечно, в Камберленде Брюс, не раздумывая, вступил в схватку с Комином, но ведь это не было настоящим испытанием его верности, потому что Уоллес скрылся с поля боя до того, как в битву успел ввязаться Брюс. А вот в Селкирке он окажется лицом к лицу с главарем мятежников — с человеком, к которому присоединился во время своего первого дезертирства и которого собственным мечом сделал рыцарем впоследствии. С другом, короче говоря. Эймер не сомневался, что, столкнувшись с необходимостью захватить Уоллеса в плен и уничтожить лагерь мятежников, Брюс выкажет свою подлинную сущность. И он хотел быть рядом, чтобы увидеть, как спадет маска, которую, по его твердому убеждению, носит этот ублюдок. Но раз Эдуард решил иначе, ему придется удовольствоваться малым.

Ральф был товарищем Брюса еще в ту пору, когда оба состояли в ордене Рыцарей Дракона, и явно начал доверять ему снова. Эймер понимал, что ему придется проявить крайнюю осторожность, если он хочет убедить его не спускать с графа глаз, и обуздать свою ненависть, дабы Ральф уверился, что он действует из самых лучших побуждений. Да, это будет нелегко. Но он непременно должен предпринять что-либо. Он не станет спокойно сидеть и ждать, пока Брюс снова предаст их всех. Эймер провел языком по проволоке, скреплявшей его передние зубы. Скорее уж он постарается сделать так, чтобы Брюса вздернули на виселице.

Дойдя до развилки слабо освещенного унылого коридора, он повернул за угол. У дверей комнаты Ральфа стоял какой-то человек. Помяни черта, он и появится. Это был Роберт Брюс собственной персоной. Выругавшись себе под нос, Эймер поспешно отступил обратно за угол. Выждав некоторое время, он услышал, как скрипнула дверь. Осторожно выглянув из-за угла, он увидел, как Брюс входит в комнату. Ему показалось, что изнутри донеслось чье-то изумленное восклицание. Раздумывая, а не стоит ли ему прервать их встречу, он вдруг с удивлением увидел, что мгновением позже из двери выскользнула некая женщина. Это была леди Джоан.

Дочь Эдуарда придерживала на груди мантию. Направляясь в его сторону, она накинула на голову капюшон, но Эймер успел заметить ее распущенные волосы, разлетающиеся по плечам, и прозрачную ночную сорочку под мантией. Он юркнул за угол, когда она подошла к нему вплотную, и прижался к стене, но беспокойство его оказалось напрасным. Проходя мимо, Джоан низко опустила голову. На мгновение он увидел ее раскрасневшиеся щеки, а потом она скрылась из виду. Когда Эймер оглянулся, дверь комнаты Ральфа уже закрылась.

Над побережьем Шотландии низко висела луна. Для Джеймса Дугласа это был маяк, освещавший ему путь домой. Он обвел взглядом утесы и укрытые снегом холмы за ними, и глаза его засияли при виде родины, с которой он расстался семь долгих лет назад.

Тогда он был худеньким, как щепка, двенадцатилетним подростком, едва способным держать в руке клинок. Сейчас, когда ему исполнилось девятнадцать, он вытянулся и возмужал, превратившись в молодого человека, и обзавелся мускулами, обретенными в результате муштры, которой подверг его дядя. На подбородке у него топорщился первый пушок, такой же темный, как и волосы цвета воронова крыла.

— Все так, как ты помнишь?

Джеймс с усилием оторвал взгляд от утесов и увидел, что на него смотрит Уильям Ламбертон. Епископ Сент-Эндрюсский кутался в черную накидку, прикрыв капюшоном тонзуру. Глаза его поблескивали в предрассветном сумраке, один — льдисто-голубой, другой — жемчужно-белый.

— Нет, ваше преосвященство, — ответил Джеймс по-французски, и его звонкий и чистый голос заглушил плеск весел. — Здесь стало еще красивее.

— Советую вам не питать напрасных надежд, мастер Джеймс. — Это заговорил Инграм Умфравилль, неподвижно сидевший на скамье между гребцами, и в воздухе за клубился пар его дыхания.

Джеймс посмотрел на него. Умфравилль вместе с Ламбертоном и Джоном Комином был одним из трех хранителей Шотландии. Джеймса представили ему еще в Париже, когда они садились на корабль у берегов Сены. Он не понравился ему с первого взгляда, и двухнедельное путешествие — пока они пробирались через английскую блокаду в Ла-Манше — отнюдь не улучшило этого впечатления.

— Это — не та Шотландия, которую вы знали, — угрюмо добавил Умфравилль. — За годы войны она изменилась до неузнаваемости.

— А мне она кажется той же самой, — заметил Ламбертон, глядя на береговую линию.

Джеймс подошел и сел рядом с епископом. Он познакомился с Ламбертоном всего три месяца назад, но уже чувствовал, что успел достаточно хорошо узнать его за это время, как, впрочем, и Умфравилля. Епископ был немногословен и говорил редко, но метко. Для своего сана он был еще очень молод, Джеймс решил, что ему вряд ли намного больше тридцати. Ламбертон был таким живчиком, обладал острым умом и голосом, к которому прислушивались, стоило ему заговорить. Джеймс моментально проникся к нему искренней симпатией. Еще и потому, что Ламбертон, единственный из всех его знакомых, поклялся сделать то, чего боялись остальные. Он пообещал юноше, что поможет ему вернуть родовые земли.

Отец Джеймса, сэр Уильям Дуглас, бывший губернатор Бервика, стал первым дворянином, который присоединился к мятежу. Гигант, обладавший невероятной

физической силой, и яростный патриот, он примкнул к Уоллесу, когда тот поднял восстание по всей Шотландии и с огнем и мечом выступил против англичан. Он сражался бок о бок с Уоллесом, изгнал юстициара Эдуарда из Скоуна и храбро отбил все атаки врага на Бервик. Но, невзирая на всю свою мощь, он не смог оказать сопротивления, когда англичане заковали его в кандалы и бросили в Тауэр.

Джеймс находился в Париже, когда стало известно о кончине его отца. Годом ранее Роберт Брюс прибыл в фамильный замок Дугласов, чтобы похитить Джеймса и его мать по приказу короля Эдуарда, который хотел воспользоваться ими, дабы убедить лорда разорвать союз с мятежниками. Но так случилось, что Брюс отказался выполнить королевский приказ и отпустил их на все четыре стороны. Впрочем, мать Джеймса отправила его в Париж, к дяде, переждать смутные времена. Получив известие о смерти отца в Тауэре, Джеймс узнал и о том, что земли Дугласов, которые он должен был унаследовать, были дарованы человеку по имени Роберт Клифффорд, одному из фаворитов короля.

Джеймс взбунтовался, осыпая проклятиями Эдуарда и всех, кто служил ему, но в конце концов ярость его сменилась холодной ненавистью, и как-то утром, сидя на берегу Сены, он поклялся памятью отца, что вернется на родину и получит то, что принадлежит ему по праву. Такая возможность представилась ему в конце осени, когда дядя познакомил его с Ламбертоном, входившим в состав делегации, которая прибыла ко двору французского короля в надежде способствовать реставрации Джона Баллиола на троне. Но подписание мирного договора между Францией и Англией окончательно похоронило эти чаяния. Без ведома самого Джеймса его дядя попросил Ламбертона стать опекуном племянника, на что епископ согласился.

Все немногочисленные пожитки, которые Джеймс взял из дома дяди, уместились в одном мешке. В его распоряжении имелась некоторая сумма, которую дал ему дядя, запасная смена белья и одежды да меч, висящий сейчас под накидкой, рукоять которого впивалась ему в бок. Он был лордом по рождению, но ощущал себя бездомным бродягой. Впрочем, в отсутствии корней и привязанностей была и своя прелесть — ему нравилась свобода. Он воображал себя искателем приключений, выступившим на поиски богатства, славы и отнятого у него имущества.

— Как вы думаете, у меня будет возможность сразиться с врагом, ваше преосвященство? — негромко поинтересовался Джеймс, так, чтобы его не услышали Умфравилль и другие рыцари, сопровождавшие двух хранителей.

Первые краски рассвета упали на лицо Ламбертона. Он задумался.

— В Париже мы получили дурные известия. Летом король и его сын захватили большую часть Шотландии. Вместо того чтобы вернуться в Англию по окончании кампании, Эдуард предпочел остановиться на зиму в Данфермлине. Полагаю, на будущий год, когда сойдет снег, он намеревается добить нас. — Епископ вновь уставился на скалы, иззубренные и морщинистые склоны которых отливали кровью в лучах рассвета. — Кое-кто из моих товарищей полагает, что нам остается лишь капитулировать.

Джеймс впился взглядом в лицо епископа.

— Но у вас еще есть надежда? — Он слабо улыбнулся. — Иначе вы не обещали бы мне помощь в возвращении моих земель.

Ламбертон встретил его взгляд, и в его странных глазах вспыхнул огонь восходящего солнца.

— Надежда есть всегда, мастер Джеймс.

Данфермлин, Шотландия

1304 год

Ральф де Монтермер лежал без сна в своей постели, закинув руку за голову. От покрывала пахло оливковым маслом и травами; запах Джоан впитался в ткань. Ральф закрыл глаза, и перед его внутренним взором возник ее образ: распустив по плечам свои роскошные волосы, она склоняется к нему, чтобы поцеловать, и пламя свечей золотит ее кожу...

Дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. Ральф рывком сел на постели, и его сладкие грезы разлетелись вдребезги, когда в комнату ворвались четверо слуг короля.

— Ради всего святого, что вы себе...

— Сэр Ральф, по приказу короля вам предъявлено обвинение в изнасиловании. Мы должны взять вас под стражу.

Ральф спустил ноги с кровати на пол и встал. На нем были лишь короткие кожаные бриджи.

— Изнасилование? Это что, какая-то шутка, Мартин?

— Никаких шуток, — мрачно ответил Мартин. Он взял штаны и нижнюю рубашку, лежавшие на сундуке, и швырнул их Ральфу, который машинально поймал их. — Советую тебе одеться. В конюшне прохладно.

— В конюшне? — пробормотал Ральф и изумленно уставился на рыцаря. — Где содержат преступников?

— Мне очень жаль, друг мой. Я просил короля поместить тебя в более подходящее место до тех пор, пока вопрос не разрешится, но он не пожелал меня слушать. — Мартин озабоченно нахмурился. — Что ты наделал, Ральф? Она — дочь короля!

Сердце замерло у Ральфа в груди. Мысли путались. Вслед за шоком, который он испытал оттого, что его тайна выплыла наружу, пришел страх.

— Я не поверил своим ушам, когда король сказал мне об этом, — продолжал Мартин, — но он заявил, что слезы леди Джоан стали тому подтверждением.

Ральф ни на мгновение не усомнился в том, что Джоан просто не могла обвинить его ни в чем подобном. Обвинение в изнасиловании выдвинул король, когда узнал об их связи; в этом он был уверен. Преступление считалось тяжким, и ему грозила кастрация, если его признают виновным. Вслед за шоком пришла ярость, когда он сообразил, что наверняка это Роберт Брюс предал его.

— Сукин сын дал мне слово! — выкрикнул Ральф и опрокинул столик с кубками и кувшином. Красное вино расплескалось, и кубки зазвенели по полу. — Я убью его!

Мартин кивнул, и рыцари подступили к нему. Ральф ударил одного из них в лицо, но, когда тот отшатнулся, зажимая разбитый нос, на него накиннулись его товарищи. Они заломили Ральфу руки за спину и вывели из комнаты.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Селкирский лес, Шотландия

1304 год

Лошади медленно брели по снегу, и от сотрясения с веток деревьев вниз срывались целые лавины. Ясени и сосны раскинули паутину голых ветвей по небу, а горизонт на западе окрасился багровым пламенем заката. В большом мире солнце уже садилось, но здесь, в глубине Селкирского леса, царили вечные сумерки.

Вчера утром, двигаясь по замерзшему руслу реки, над которой змеилась, повторяя ее изгибы, полоса чистого неба, они получили краткую передышку от гнетущей полутьмы. Но прошло совсем немного времени, и длинная колонна рыцарей и оруженосцев повернула на юго-запад, в сторону от реки, и углубилась в Лес. Дорогу им преграждали колючие ягодные кусты и заросли шиповника, в которых скрывались глубокие овраги с отвесными стенами, рассеченные замерзшими ручьями. Перед ними простиралась казавшаяся бесконечной снежная пустыня с черными силуэтами стволов, белизну которой лишь время от времени нарушали ярко-алые брызги лесных ягод.

— Узнаете эти места, а, Брюс?

Роберту, ехавшему на пегой лошадке, которая была на несколько ладоней короче Хантера в холке, что позволяло ей пробираться сквозь густой лес, можно было не оглядываться. Он и так знал, что голос подал Валанс.

Когда рыцарь попытался пристроиться рядом, один из всадников Каррика, сопровождавших Роберта, подал своего коня вперед и втиснулся между ними.

Валанс расхохотался.

— Не стоит беспокоиться. Мы все здесь друзья. — Он наклонился с седла, чтобы усмехнуться Роберту прямо в лицо. — Не правда ли, Брюс? — Ухмылка его исчезла. — К тому же вопрос был очень простым.

— В тех редких случаях, когда я бывал в лагере, мне завязывали глаза, — отозвался Роберт. — О чем, как мне представляется, вам прекрасно известно.

По правде говоря, он не узнавал мест, по которым они ехали, приближаясь к Лесу с южной стороны, от Данфермлина, по унылой и безлюдной, скованной морозом земле. Раньше он почти всегда попадал в лагерь Уоллеса с запада.

— Не сомневаюсь, что чем ближе мы будем подбираться к змеиному логову, тем яснее станет картина. — Резко рванув поводья, так, что лязгнули пластины на его латных рукавицах, Валанс послал коня вперед, догоняя своих людей.

Заслышав скрип снега под копытами, Роберт оглянулся. К нему подъезжал Хэмфри. Он кивнул своему рыцарю, и тот вырвался вперед, давая графу возможность приблизиться к Роберту.

— Похоже, сэр Эймер твердо вознамерился стать твоей тенью, — заметил Хэмфри. — Он не отходит от тебя ни на шаг.

Взгляд Роберта остановился на Валансе. Расправив плечи, тот безмятежно покачивался в седле. Его накидка в бело-голубую полоску соскользнула с одного плеча, обнажая кольчугу

под ней и меч на поясе.

— Хотел бы я знать, как ему удалось убедить короля позволить ему отправиться в поход. Мне говорили, что поначалу король Эдуард наотрез отказал ему, и лишь история с Ральфом заставила его передумать.

При упоминании о проступке Монтермера по лицу Хэмфри пробежала тень.

— Знаешь, я до сих пор не могу в это поверить. Я присутствовал при его посвящении в орден Дракона. Сам король тогда пригласил его стать членом Круглого Стола. Изнасилование? — Он покачал головой. — Никогда бы не подумал, что он способен на такое.

— А что, если это не было изнасилованием? — предположил Роберт, стараясь придать своему тону незаинтересованность. — Что, если Ральф и Джоан были любовниками, а король узнал об этом? Естественно, он пришел в ярость. Быть может, он направил свой гнев на Ральфа, чтобы покарать его?

— Вот это уже больше похоже на него. Но если Ральф затеял интрижку с леди Джоан, то он принял все меры предосторожности. Я, во всяком случае, даже не подозревал об этом.

Роберт ничего не ответил, по-прежнему глядя в спину Валансу. Он был уверен, что тот имеет к этому какое-то отношение. Сейчас он пребывал под постоянным надзором Эймера, а к тому же теперь и Ральф, заточенный в Данфермлине, наверняка полагает, что это он предал его. Но хуже всего было то, что с каждым шагом они приближались к Уоллесу.

Предводитель мятежников неизменно рассылал патрули по периметру леса, которые обязательно заметят их приближение, но Хэмфри и Эймер, поставленные во главе отряда вместо Ральфа, предвидели подобный поворот событий и выслали вперед лазутчиков. Надежда Роберта повисла на тоненькой ниточке. Если во время нападения Уоллес погибнет, без него сопротивление будет сломлено окончательно, и тогда он сам лишится последней возможности в открытую противостоять королю — заставить англичан повернуть назад и предъявить свои права на трон, вопреки последним указам Эдуарда. Восстание будет подавлено, и самое большее, на что сможет надеяться Роберт — при условии, что не найдет доказательств, которые ищет, — что когда-нибудь король все-таки назначит его губернатором или даже хранителем. Мысль о том, что ему и дальше придется жить во лжи, была ему невыносима. Он бы лучше погиб с мечом в руке, чем остался еще на год на службе у Эдуарда.

Роберту очень хотелось, чтобы рядом оказался брат, но Эдвард уже приступил к выполнению своих новых обязанностей при дворе принца Уэльского. Он спросил себя, уж не хотел ли король окончательно изолировать его своим решением, держа на виду и под надзором. Взгляд его переместился на Неса, который ехал рядом. Но тут голос Хэмфри вывел его из задумчивости:

— Я понимаю, что сейчас — не самый лучший момент говорить об этом, Роберт, особенно в свете этой истории с Ральфом. Но и молчать дальше я тоже не в силах. Бесс ждет ребенка.

Сбитый с толку неожиданным поворотом разговора, Роберт встряхнулся.

— Бесс? Беременна?

— Ну, она говорит, что нужно подождать еще немного, но, в общем, она уверена.

Несмотря на внутреннее напряжение и тревогу, снедавшие его, Роберт испытал неожиданную радость, глядя на вдохновенное лицо графа. Со слов Элизабет он знал, что Хэмфри и Бесс уже давно и настойчиво пытаются завести ребенка. Улыбка Хэмфри

оказалась заразной. Роберт вдруг поймал себя на том, что весело смеется.

— Я очень рад за тебя. Правда.

Улыбка Хэмфри стала шире.

— Спасибо, друг мой. — Он вдруг замялся, тоже растерявшись от того, что разговор оказался столь искренним.

Затянувшееся неловкое молчание нарушил возглас Клиффорда:

— Сюда!

Хэмфри и Роберт дали шпоры лошадям, посылая их вверх по откосу на голос рыцаря. Валанс последовал за ними по пятам. Пока они разговаривали, стемнело окончательно, солнце скрылось за деревьями, и в лесу легли лиловые сумерки.

Клиффорд спешил на краю большой поляны.

— Смотрите, — сказал он, показывая на сооружение, видневшееся среди кустов. — Похоже, мы уже близко.

Роберт, соскользнув с седла, увидел между деревьями остов осадной машины. Она выглядела заброшенной, нижние балки заросли плющом, а доски сгнили и покрылись ином.

За их спинами остановилась колонна рыцарей и оруженосцев. Мужчины спешили воспользоваться возможностью облегчиться или размять затекшие мышцы.

Клиффорд взял у одного из своих рыцарей карту. Подняв голову от измятого пергамента, он окинул взглядом поляну.

— Смотрите, это здесь. Думаю, именно это место отмечено на карте.

Валанс подошел и остановился рядом, загораживая карту от Роберта, и согласно кивнул:

— Три дня пути от реки. Да, ты прав.

— Сэр!

Рыцари Клиффорда рассыпались по поляне, с трудом пробираясь по глубокому снегу. Один из них остановился, показывая рукой куда-то вбок.

Клиффорд и Валанс направились к нему, и Хэмфри с Робертом поспешили следом. Рыцарь, как они вскоре обнаружили, показывал на какой-то знак, нарисованный на дереве. В сгущающихся сумерках он был едва различим, тем не менее они все-таки разглядели его: белый круг с крестом внутри. У Роберта упало сердце, когда он узнал метку Уоллеса. В нескольких шагах от него на искривленном стволе дуба виднелась вторая.

Клиффорд улыбнулся.

— Если скотт ничего не напугал, до цели нам остается полдня пути, не более.

«Меньше, — подумал Роберт. — Два или три часа».

— Предлагаю заночевать прямо здесь, — сказал Хэмфри. — Выступим на рассвете. Это даст нашим лазутчикам время изучить расположение дозоров противника и сообщить о них нам.

Клиффорд кивнул:

— Согласен.

— Надо выставить часовых, — добавил Хэмфри, обводя взглядом лица рыцарей. — Мы же не хотим, чтобы ублюдки неожиданно напали на нас и застигли врасплох? В конце концов, это их территория, не забывайте об этом.

— Не волнуйся, — ответил Валанс, в упор глядя на Роберта. — Мои люди будут начеку.

Роберт побрел по снегу назад, туда, где ждали его люди. Когда послышались звуки команд, передаваемых по шеренгам, рыцари начали спешиваться. Разговоры звучали приглушенно; все понимали, что враг совсем рядом.

Пока одни оруженосцы доставали из седельных сумок одеяла и полотнища пропитанного воском холста, другие кормили лошадей и носили воду из ближайшего ручья. Посреди всей этой суеты никто не обратил внимания на Роберта, вполголоса разговаривавшего о чем-то с Несом. Когда молодой человек отвязал от седла ведро и направился к деревьям, все выглядело так, словно он пошел за водой вместе с остальными. Даже Эймер де Валанс, который видел, как он уходит, не придавал этому значения. Нес был настолько ниже его по званию и положению, что не заслуживал беглого взгляда, не говоря уже о пристальном внимании. Вскоре на лес опустилась ночь, и лица мужчин, рассредоточившихся вокруг поляны, превратились в размытые белые пятна. Отсутствия одного оруженосца не заметил никто.

— Я никогда не соглашусь на это.

Голос Уильяма Уоллеса заглушил треск пламени. Пламя костра освещало его лицо, и в дрожащих отблесках шрамы на его щеках казались живыми. Он окинул взглядом разношерстное сборище мужчин, стоявших или сидевших на поляне, окруженной высокими соснами, пушистые лапы которых склонились до земли под тяжестью снега.

— Как вы могли даже подумать об этом?

— Неужели вы не расслышали ни слова из того, что мы вам говорили, сэр Уильям? — осведомился Инграм де Умфравилль. Он кивнул головой в сторону Ламбертона, стоявшего рядом, лица которого не было видно из-под низко опущенного капюшона. Подле епископа застыл Джеймс Дуглас, исподтишка наблюдая за взрослыми мужчинами. — Его преосвященство слышал те же самые речи, что и я, которые держал перед нами король Филипп. Его величество предпочел заключить мир с Эдуардом, дабы сосредоточить все усилия на войне во Фландрии. Увы, мы лишились последней надежды на военную либо политическую поддержку. У Баллиола не больше шансов вернуться из Франции и взойти на трон, чем у мертвого воскреснуть. Так что капитуляция — единственный выход для нас, если мы хотим уцелеть. — Умфравилль нахмурился, глядя на Ламбертона в поисках поддержки. — И вы тоже согласились с этим, ваше преосвященство, еще до того, как мы узнали, как обстоят дела здесь. Итак... — Он покачал головой. — Сопrotивляться далее просто бессмысленно. Эдуард почти победил.

— При всем уважении, но вас здесь не было, — парировал Уоллес. Он обратил свой взор на Ламбертона. — Вы тоже хотите склониться перед тираном, ваше преосвященство?

Глаза епископа сверкнули в отблесках пламени.

— Вы же знаете, что хочу совсем не этого, друг мой. Но, должен признаться, я не вижу иного выхода из постигшей нас катастрофы. Королю не нужна затяжная война в Шотландии, равно как и в Уэльсе или Гаскони. Полагаю, мы сможем убедить его принять капитуляцию на наших условиях. И тогда большинство здесь присутствующих смогут выйти из войны, сохранив свои земли и свои жизни. Чего не случится, если мы откажемся сдаться.

— Только посмотрите, что захватил король Эдуард в этом году, — подхватил Умфравилль, энергично кивая в знак согласия с Ламбертоном. — Он отвоевывал наши владения и по частям разбивал нашу армию, и теперь у нас осталось только это. — Рукой в латной перчатке он обвел группу суровых мужчин, собравшихся на прогалине. Чуть дальше, среди деревьев, у костров сидели и другие, но в остальном лесной лагерь, некогда дававший пристанище тысячам людей, был пуст. — Мы должны признать поражение. Сложить оружие и умолять короля проявить милосердие.

В толпе раздался одобрительный ропот, и громче всех высказался Роберт Вишарт, сидевший на поваленном дереве и кутавшийся в меха. Епископ Глазго, одолеваемый подагрой, большую часть года провел за стенами своего манора неподалеку от Пиблза.

— Сэра Джеймса Стюарта нет здесь, с нами, и потому он не может присоединить свой голос к нашим, но, полагаю, он вполне согласен с доводами нашего досточтимого брата, — проворчал он, кивая на Ламбертона. — Не забывайте, сэр Роберт Брюс заслужил доверие при дворе Эдуарда. Граф Каррик может оказаться весьма полезным посредником, когда мы вступим в переговоры об условиях сдачи.

Это предложение было встречено неодобрительными возгласами. Особенно усердствовали Грей, Нейл Кэмпбелл и Саймон Фрейзер. Александр и Кристофер Сетоны стоявшие вместе с ними, промолчали при упоминании имени их бывшего друга. Лицо Александра было мрачным. Кристофер не мигая смотрел в огонь.

Уоллес повернулся к Джону Комину:

— Я полагал, что уж вы-то, сэр Джон, ни за что не согласитесь на это. А как же ваши грандиозные планы? Ваше намерение привести нашу армию к победе? И теперь вы желаете сдаться?

Комин встретил взгляд Уоллеса. Его глаза покраснели и опухли от недосыпания. За несколько месяцев бродячей жизни в Лесу у него отросли борода и волосы, неухоженные и спутанные, отчего он выглядел намного старше своих двадцати девяти лет. В свете костра было видно, что лицо его осунулось, кожа обвисла и посерела, а глаза ввалились — давала себя знать грубая и скудная пища, которой все они были вынуждены пробавляться.

— Я не больше вашего горю желанием склониться перед королем Англии. Отказаться от своей должности хранителя? — Он нахмурился, и в чертах его лица явственно проступило отчаяние. — Отказаться от надежды когда-либо стать... — Комин оборвал себя на полуслове, покачал головой и отвернулся. — Кампания Эдуарда отняла у нас все. Какой прок в свободе, если мы не сможем жить той жизнью, которой хотим? Меня лишили замка Лохиндорб, мои земли сожжены и разграблены. За что мне теперь сражаться? — Он обвел взглядом людей, столпившихся вокруг, среди которых были Темный Комин и Эдмунд Комин из Килбрида, Джон Ментейт и Дунгал Макдуалл. — К чему бороться, не имея надежды победить?

Ни один из его соратников ответить не пожелал. Все они с трудом переносили тяготы зимовки в Лесу. Привыкшие к пуховым кроватям и армиям слуг, диете из бордоского вина, оленины и мяса диких кабанов, они, одолеваемые вшами и лихорадкой, были вынуждены влачить жалкое существование, питаясь впроголодь тем, что удавалось раздобыть их оруженосцам и пехотинцам. Ими все больше овладевали апатия и отчаяние по мере того, как приходили все новые и новые сообщения о том, что их земли и замки переходят в руки англичан, их погреба и сундуки опустошаются, а вассалов захватывают в плен и убивают. Никто из них не был рожден для того, чтобы стать изгоем.

— У нас нет надежды победить, — согласился Джон Ментейт. — Особенно после того, как мы потеряли столько людей в Камберленде.

Глаза Уоллеса вспыхнули яростью.

— А кто в этом виноват?

Ментейт выпрямился и расправил плечи под обвиняющим взглядом Уоллеса.

— Да как вы смеете...

— Напомнить вам, что вы сказали, когда я предупредил вас об опасности окружения в

городе?

Даже в свете костра было видно, как покраснел Ментейт.

— Не я один!

— «А кто может напасть на нас, да еще неожиданно? Быть может, вы соблаговолите просветить нас, сэр Уильям?» — продолжал Уоллес, столь удачно подражая резкому и высокомерному голосу Ментейта, что Грей и остальные заулыбались. — Вы думали только о том, как бы потуже набить свой кошелек. Это ваша жадность погубила людей. Вы все виноваты, — прорычал он, глядя на Комина и остальных дворян. — Это из-за вас мы проиграли войну, будьте вы прокляты!

— Я не намерен выслушивать оскорбления этого разбойника! — взвился Ментейт, но его голос тут же потонул в возмущенном хоре остальных.

— Ах ты, грязный негодяй! — взревел Темный Комин, выхватывая меч из ножен.

Дунгал Макдуалл последовал его примеру, хотя и не столь ловко: на его правой руке еще не полностью зажила рана, которую нанес ему Роберт Брюс. Впрочем, по сравнению с тем, что случилось с его левой рукой, это была сущая ерунда. Почти потерявшего сознание от боли и потери крови, его вынесли из горящего города, но перерубленную руку все-таки пришлось удалить. Это сделал один из Лишенных Наследства, в то время как четверо других держали его, прижимая к земле. Макдуалл чувствовал, как ему отрубили кисть, как прижигали рану огнем, и только потом провалился в беспамятство. И теперь вместо руки у него остался лишь синевато-багровый обрубок, замотанный грязной холстиной, да исчезающее ощущение боли в нем.

Грей и Нейл Кэмпбелл быстро шагнули вперед, защищая своего жоака, и выхватили мечи. Ламбертон и Вишарт кричали во весь голос, призывая к спокойствию, но их никто не слушал.

Джеймс Дуглас первым заметил фигуры, направлявшиеся к костру из темноты. Двое дозорных, одетых по моде пехотинцев Уоллеса в коричневое с зеленым, вели под руки третьего. Лицо его было закрыто капюшоном, и он слепо спотыкался на каждом шагу. Штаны его и туника промокли от снега. За ними следовали еще двое солдат, продираясь сквозь кусты с кинжалами в руках.

— Ваше преосвященство, — обратился к епископу Джеймс.

Глаза Ламбертона прищурились, когда он увидел приближающиеся фигуры. Остальные же продолжали шумную перебранку. Грей и Макдуалл орали друг на друга, держа клинки наготове, и с губ их летели клочья пены, когда они выкрикивали угрозы. В любую секунду дело могло дойти до обмена ударами.

— Тихо, эй, вы! — взревел Ламбертон.

— Сэр Уильям, — окликнул Уоллеса один из патрульных. — Мы поймали вот этого шпиона, когда он пытался проникнуть в лагерь. Он говорит, что у него послание для вас от графа Каррика.

Уоллес протиснулся мимо Грея и Макдуалла, чтобы рассмотреть пленника получше.

— Кто он такой?

Один из дозорных сбросил с его головы капюшон, и молодой человек растерянно заморгал, увидев обращенные к нему враждебные лица. Щеки его были исцарапаны ветвями и сучьями, а кожа посинела от холода.

— Нес! — воскликнул Кристофер Сетон.

— Ты его знаешь? — требовательно спросил Уоллес у йоркширца, не сводя глаз с

пленника.

— Это — оруженосец сэра Роберта, — ответил Кристофер, не в силах скрыть радость при виде молодого человека.

Александр нахмурился. Джон Комин выступил вперед, уставившись на Нес со смесью неудовольствия и страха во взгляде.

— Что за послание? — пожелал узнать Уоллес.

— Англичане находятся менее чем в трех милях к северо-востоку отсюда. Они нападут на вас на рассвете.

Уоллес поднял руку, требуя тишины, когда присутствующие заговорили все разом.

— Тебя прислал сэр Роберт?

Нес кивнул.

— Мой господин остался с англичанами, но приказал мне предупредить вас. — Под враждебным взглядом Уоллеса он смешался, но потом собрался с духом и закончил: — Поступая так, он подвергает себя большой опасности.

— Сколько их?

— Примерно три сотни на легких лошадях. Отряд возглавляют Эймер де Валанс, Роберт Клиффорд и Хэмфри де Боэн.

Едва прозвучали имена этих прославленных воинов, хорошо известных скоттам, как толпа вновь разразилась криками. Джеймс Дуглас оцепенел при упоминании Клиффорда, человека, которому достались его земли.

— Они хотят уничтожить лагерь, — закончил Нес, — и захватить предводителей живыми.

— Почему сэр Роберт решил предупредить нас? — пожелал узнать Ламбертон.

— Это может быть ловушка, — предположил Нейл Кэмпбелл.

— Не могу знать, ваше преосвященство, — ответил Нес.

— Не можешь или не хочешь? — взорвался Александр Сетон. — Ради Христа, Нес Говори!

Нес смахнул пот со лба тыльной стороной ладони.

— Пожалуйста, Александр, не спрашивай меня о том, чего я не могу сказать тебе. Просто знай, что я не лгу.

— Уведите его, пока я не решу, что с ним делать, — приказал Уоллес своим людям.

Нес задержал взгляд на Кристофере и Александре Сетонах, словно хотел добавить еще что-то, но тут дозорные надвинули ему на голову капюшон и увели прочь. Уоллес подождал, пока они не отойдут подальше, и повернулся к остальным.

— Теперь у нас есть преимущество, и мы можем воспользоваться им. Мы...

— Мы уходим, — перебил его Джон Комин.

Уоллес, не веря своим ушам, уставился на него.

— Что?

— Я не желаю предстать перед Эдуардом в кандалах. Если уж у меня нет выбора, то по крайней мере я отправлюсь к этому ублюдку по собственной воле. Если мы сдадимся, то сможем получить обратно свои земли, — сказал он, обращаясь к своим товарищам.

— Нам известно о приближении англичан, вы, идиоты! — взревел Уоллес вне себя от ярости при мысли о том, что придется капитулировать перед людьми, которые отняли у него все — дом, отца, жену и дочь. — Мы можем обороняться здесь! Устроить засаду!

Но Комин уже развернулся и двинулся прочь. За ним последовали Инграм де

Умфравилль, Темный Комин, Макдуалл и Лишенные Наследства, Ментейт и прочие дворяне. Уоллес лишний раз убедился в том, что командовать людьми на поле боя он умеет, а вот политик из него никудышный. Ему оставалось лишь смотреть, как заспешили и остальные, криками приказывая оруженосцам седлать лошадей, забрасывая снегом костры и наспех собирая припасы.

К Уоллесу, прихрамывая, подошел Роберт Вишарт, загребая снег полами своей подбитой мехом накидки. Епископ был слишком маленького роста, чтобы положить руку гиганту на плечо, тем не менее он сделал такую попытку.

— Друг мой, вы знаете, что я всегда поддержу вас душой, а вот телом, увы, я стар и немощен. — Он загородил Уоллесу дорогу, когда тот хотел развернуться и уйти. — Быть может, нам стоит сложить оружие, Уильям?

— Я скорее умру. — Уоллес вперил в епископа негодующий взгляд. — Я уже поднимал восстания против англичан и раньше. И могу сделать это снова.

Он крикнул, подзывая к себе Грея и остальных.

Вишарт покорно вздохнул.

— Что будет с нашим информатором? — Он махнул рукой в ту сторону, куда дозорные увели Несу.

— Если мы задержим его, — вмешался Ламбертон, — а англичане придут и застанут лагерь брошенным, их подозрение падет на Роберта.

— А что, если он шпионит для них? — проворчал Грей. — Если отпустить его, он может рассказать им о нашей численности и местонахождении.

— Это уже не будет иметь никакого значения, если мы уйдем, — возразил Ламбертон. Он взглянул на Уоллеса. — До тех пор, пока мы не услышим объяснений из уст самого сэра Роберта, предлагаю верить ему.

Уоллес кивнул одному из своих людей.

— Пусть его отведут за границу лагеря и отпустят на все четыре стороны. — Он повернулся к Вишарту. — До встречи в лучшие дни. — Голос предводителя повстанцев был сухим и безжизненным. Приняв кожаный мешок, который протянул ему один из его людей, он закинул его на плечо.

— Я позабочусь, чтобы с ним ничего не случилось, сэр Уильям, — пообещал Ламбертон, останавливаясь рядом со старым епископом.

Джеймс Дуглас согласно кивнул, положив ладонь на рукоять меча.

Понутив голову, Уоллес скрылся за деревьями. За ним потянулись Грей, Нейл Кэмпбелл, Саймон Фрейзер и еще около двухсот пехотинцев и лучников, многие из которых были с ним с самого начала восстания.

Следом за ними направился и Кристофер Сетон. Приостановившись, он оглянулся на Александра, который не двинулся с места, стоя в кругу света костра.

— Кузен?

— Пожалуй, мы должны спасти свою шкуру, как Комин и прочие.

Кристофер вернулся к нему.

— Ты слышал, что сказал Нес. Очевидно, происходит нечто большее, чего он попросту не знает. Роберт предупредил нас. Мы должны внять ему.

— Ему легко говорить, что нам делать, сидя за столом короля и угощаясь его мясом и вином. Может, нам лучше сдаться, Кристофер. И получить обратно свои земли, как это сделал он. — Лицо Александра окаменело. — Я более не питаю надежды победить.

— Мы не знаем, что происходит при дворе и что задумал Роберт. Джон Атолл полагает, что Джеймс Стюарт не сказал нам всего, помнишь?

— И где сейчас Атолл и сенешаль? Быть может, они уже сдались.

— Прошу тебя, кузен! — взмолился Кристофер, глядя в ту сторону, где за деревьями готовы были скрыться последние из людей Уоллеса. Комин со своими соратниками уже ушел. — Мы не можем оставаться здесь.

Александр поднял голову и взглянул ему в глаза. Возникла тягостная пауза. Наконец он нехотя кивнул. Когда кузены заспешили вслед отряду Уоллеса, последние повстанцы собрали свои пожитки и растворились меж деревьев. Не прошло и часа, как в опустевшем лагере воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь треском нескольких забытых костров.

Англичане поняли, что что-то не так, когда дозорные скоттов, которых они давеча заприметили за милю от внешней границы лагеря, куда-то подевались. Ситуация прояснилась окончательно, когда они подошли к логову мятежников вплотную.

Снег был перемешан в грязную кашу ногами и копытами. Земля была усеяна мусором и отбросами; некоторые были настолько старыми, что вмерзли в стылую землю. Взорам англичан предстали кости животных, обрывки веревок, поленицы дров, сгнившее деревянное ведро и огрызок факела, торчавший из снега. Остальные вещи явно были брошены за ненадобностью: мешок с порванной лямкой, оловянный кубок, от которого по снегу расползлось алое пятно, меч в ножнах, прислоненный к стволу дерева, и одеяла вокруг кострища, над которым еще вилась тоненькая струйка дыма.

Когда англичане достигли самого сердца лагеря, пройдя вдоль реки, берега которой подернулись тонким льдом, стало ясно, что он пуст. Среди разбросанных деревянных мисок с засохшими остатками еды и кострищ, в которых тлели янтарные угли, там и сям виднелись палатки с откинутыми пологам, жалобно хлопавшими на ледяном ветру. Внутри рядом с сундуками на соломенных тюфяках валялись скомканные меха и одеяла, груды одежды и прочих личных вещей. В несколько шатрах еще тлели лампы.

Рыцари авангарда придерживали лошадей, выехав на поляну в самом центре лагеря. Вокруг, насколько хватало глаз, среди деревьев виднелись палатки, шатры и импровизированные навесы, равно как и более долговременные жилища из сосновых стволов, крытые дерном и сейчас засыпанные снегом. Здесь были даже отгороженные загон для животных с корытами и кормушками. Но, несмотря на все признаки обитаемой стоянки, в лагере не осталось ни единой живой души.

— Что это такое? — осведомился Клиффорд, останавливая коня и сдвигая на лоб забрало. Он вперил гневный взгляд в лазутчиков, которых они высылали только вчера. — Вы докладывали, что видели дозорных?

— Да, сэр, — ответил один из них.

— Тогда куда же, черт возьми, подевались скотты?

На поляну шагом въехал Валанс. Свесившись с седла, он острием меча потыкал в груды одеял возле кострища, словно надеясь обнаружить кого-нибудь под ними. Резким окриком подзвав к себе своих рыцарей, он принялся лезвием клинка откидывать один за другим пологи палаток.

Хэмфри развернулся в седле, когда с ним поравнялся Роберт.

— Это и есть лагерь Уоллеса? — резко спросил он. Лицо его было напряженным и озабоченным.

— Да, — ответил Роберт, стараясь ничем не выдать своего облегчения. — Вон там логово Уоллеса. — Он кивнул на деревянную избушку, выстроенную меж двух высоченных сосен. Перед ней стояло несколько повозок, груженных бочками и мешками с зерном.

— Обыщите ее, — приказал Хэмфри двум своим людям. Когда те спешили, он огляделся по сторонам. — Помнишь Уэльс? — едва слышно пробормотал он.

Роберт вспомнил засаду, которую устроили на них валлийские повстанцы в заброшенной деревушке на дороге к Конви. Тогда они с Хэмфри лишь чудом остались в живых. Он на мгновение задумался, а не приготовил ли Уоллес — после того как его предупредили о готовящемся нападении англичан — для них ловушку. Он оглянулся на Неса, неподвижно сидевшего рядом на своей лошадке.

Сегодня утром он с беспокойством заметил красноречивые царапины на лице и руках своего оруженосца, но большинство воинов тоже не смогли уберечься от неожиданных ударов еловых лап и колючих веток. Да и ночное отсутствие Неса тоже, кажется, осталось незамеченным, но под бдительным оком Эймера у него не было ни малейшей возможности обстоятельно расспросить своего оруженосца, и он смог лишь перекинуться с ним несколькими словами. Нес уверил его, что благополучно передал предупреждение повстанцам. Спасая их, Роберт открылся перед ними, но у него не было иного выхода.

Он обвел взглядом деревья. На первый взгляд в Лесу царило какое-то сверхъестественное спокойствие и умиротворение, нарушаемое лишь пением птиц да капелью тающего на ветках снега. Если повстанцы лишь притворялись, что ушли из лагеря, то делали это мастерски.

Несколько рыцарей Валанса и Клиффорда спешили и рассыпались по лагерю, выбивая ногами двери, вышвыривая наружу меха и одеяла, опрокидывая палатки. Остальные, объехав всю территорию стоянки, вернулись на поляну.

— Следы ведут во всех направлениях, — сообщил один из рыцарей Валанса. — Преследовать их просто невозможно.

— Вон там! — вдруг выкрикнул Клиффорд, показывая налево, на деревья.

Проследив за взглядом рыцаря, Роберт разглядел чей-то смутно различимый силуэт. Клиффорд, Хэмфри и Эймер дали шпоры своим коням и устремились в ту сторону, замахиваясь мечами, и он последовал за ними. Сердце гулко стучало у него в груди. Кто это, Уоллес? Прогнавшись сквозь кусты следом за рыцарями, он вдруг заметил, что фигура свисает с ветки. Это была мишень, набитое соломой чучело с грубо намалеванной золотой короной и красной туникой с тремя золотыми львами на груди. Из него торчали несколько стрел.

— Ублюдки! — прошипел Эймер. Он подъехал к дереву и ударом меча перерубил веревку, на которой оно было подвешено к ветке. Чучело повалилось в снег.

— Откуда, черт возьми, они узнали о нашем появлении? — спросил Хэмфри, снимая с головы шлем и вешая его на луку седла. Он спешился, и под его сапогами заскрипел снег, когда он двинулся по кругу, глядя на высоченные сосны, обступившие поляну. — Или они нас заметили?

Роберт тоже соскочил с седла и присоединился к нему.

— Очевидно. — Он расправил плечи и вдохнул полной грудью, с трудом подавляя совершенно неуместное желание расхохотаться. — Может, был еще один дозор, которого не заметили наши лазутчики? Уоллес всегда выставлял несколько групп часовых. Он предпочитал не рисковать.

— Ты! — Эймер прыгнул с седла и подскочил к Роберту, уперев острие меча ему в грудь. — Это ты предупредил их!

Роберт рассмеялся.

— Польщен, что ты полагаешь меня столь ловким — способным находиться в двух местах одновременно. Может, я и летать умею заодно? Или превращать воду в вино? — Веселость его угасла. — Ты же, по своему обыкновению, шпионил за мной всю ночь.

— Один из твоих людей, — зло бросил Эймер, кивая на рыцарей Каррика, красные шевроны на накидках которых вызывающе алели меж деревьев. — Ты послал одного из этих щенков предупредить их, что мы рядом!

— Эймер, — предостерегающе произнес Хэмфри, становясь между ним и Робертом, — сейчас не время для твоих навязчивых идей.

Эймер тут же переключился на него:

— Я не удивляюсь тому, что ты защищаешь эту змею. В конце концов, один раз он уже обманул тебя. — Он перевел взгляд на Роберта, направив на него меч, словно обвиняющий перст. — Ты — слепой и доверчивый глупец, и он обманет тебя снова!

Хэмфри схватился за собственный меч, и в его зеленых глазах сверкнула молния.

— Братья, — примиряющим тоном начал Клиффорд, собираясь вмешаться.

Эймер оттолкнул Хэмфри, глядя на Роберта.

— Нам с самого начала не следовало принимать его в свой круг. Он никогда не был одним из нас.

Роберт обнажил свой клинок, глядя ему в глаза.

— Как быстро ты возомнил себя братом этих людей! Вот только мне интересно, задумаешься ли ты хоть на мгновение, прежде чем предать одного из них ради собственных навязчивых идей? — Роберт кивнул, видя, что Эймер замер на месте и в глазах его мелькнуло какое-то новое выражение. — Ты ведь пронюхал о Ральфе и леди Джоан, верно? — Роберт повернулся к Хэмфри: — Прости меня, вчера я не сказал тебе всего. Я случайно узнал об их романе в Данфермлине. Это не было изнасилованием. Они любят друг друга. — Он продолжал, не давая Эймеру перебить себя: — Ральф сказал, что Эймер уговаривал короля разрешить ему отправиться в поход, чтобы шпионить за мной, и взбесился, когда тот отказал ему в просьбе. Ну, Валанс, признайся, ведь это ты донес на Ральфа, чтобы занять его место и стать моей тенью. Знаешь, я даже не удивлюсь, если это ты предупредил скоттов, чтобы обвинить меня в их исчезновении!

— Это безумие! — выплюнул Эймер, обращая свой взор на Клиффорда и Хэмфри в поисках поддержки. Но оба молчали, глядя на него. За их спинами начали собираться рыцари. Эймер рассмеялся, словно не веря своим ушам. — Неужели вы поверили этому сыну шлюхи?

— Я тебе никогда не нравился, — продолжал Роберт, — ты ясно дал это понять с самого начала, но с тех пор, как я избил тебя в Уэльсе, ты меня возненавидел. Как ты себя чувствуешь, Эймер? Зная, что человек, которого ты ненавидишь, наградил тебя этой улыбкой?

Взревев от бешенства, Эймер бросился на него. Но прежде чем Роберт, у которого руки чесались дать сдачи, успел замахнуться, Хэмфри нанес удар. Он попал Эймеру в челюсть, и стальная латная рукавица придала его апперкоту сокрушительную силу.

Эймер отлетел в сторону, и с его губ, разбитых о железную проволоку на зубах, брызнула кровь. Он с трудом выпрямился, сплюнул кровавую жижу и повернулся к графу. Несколько рыцарей Хэмфри шагнули вперед. Обнажив мечи, они встали полукольцом, защищая своего сюзерена. Валанс медленно опустил клинок.

— Он предаст тебя снова, — выдохнул он, сплевывая на снег сгустки крови. — Готов

прозакладывать свое графство. — Эймер метнул последний взгляд на Роберта, который подошел и встал рядом с Хэмфри. — А когда он это сделает, Хэмфри, вот тогда я тебе все припомню.

Эймер развернулся и, пошатываясь, двинулся прочь. К нему поспешил один из его рыцарей, но он грубо оттолкнул его.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Тернберри, Шотландия

1304 год

День клонился к закату, когда Роберт со своими людьми выехал на дорогу, ведущую к Тернберри. По обеим сторонам, вплоть до самого леса на горизонте, тянулись болотистые поля, усеянные терновником. А еще дальше, за частоколом вязов и ясеней, высились в сумраке холмы и горы Каррика, верхние склоны которых все еще были покрыты снегом. Впереди простиралась морская гладь, на которой маячил угрюмый купол острова Айлза Крейг. Ветер донес до Роберта мерный рокот волн, и он уже ощутил на языке солоноватый привкус моря. Дорога упиралась в отвесную скалу, вздымавшуюся над берегом, поросшим армерией и ромашкой, на которой стоял замок его детства.

Если не считать недолгой высадки на пустынный берег, где Джеймс Стюарт вручил ему посох Малахии, минуло четыре года с той поры, как нога Роберта ступала на землю его графства. Но теперь, когда он приближался к деревушке, в которой прошло его детство, ему казалось, будто он и вовсе никуда не уезжал. Он вернулся домой, и на душе у него потеплело. Каждой складкой скалы и песчинкой на берегу знакомый до боли пейзаж навевал воспоминания.

Вон на те утесы они с Эдвардом однажды вскарабкались еще мальчишками, чтобы не дать застигнуть себя приливу, а под ними протянулся берег, на котором Йотр, его наставник, учил Роберта владеть мечом, копьем и щитом. А вон в том лесу он играл со своими братьями и сестрами и там же однажды встретил Эффрейг. За просоленными морем стенами замка он узнал о смерти короля Александра и сидел рядом с дедом, когда клан Брюсов и его союзники планировали набег на Баллиола в Галлоуэе, чтобы положить конец его мечтам о восшествии на престол. Много лет спустя, стоя на высокой стене с бойницами, он швырнул красный щит с драконом в пенные волны, нарушив клятву, данную братству и королю Эдуарду. В ту же самую ночь, когда Эффрейг вплела его судьбу в венец из вереска, он стоял во дворе перед своими людьми и поклялся стать королем.

Подъезжая к стенам замка и вслушиваясь в заунывные крики чаек, Роберт погрузился в воспоминания, одно из которых было наиболее ярким.

Тернберри, Шотландия

1284 год

Двадцатью годами ранее

Роберт стоял у дверей спальни родителей, прислушиваясь к негромким голосам отца и матери. В щель между стеной и дверью, там, где полотно ее покособилось после

наступления весны, пробивались неяркие отсветы пламени камина. Он обнаружил, что, прижавшись к ней лицом и закрыв один глаз, может видеть небольшую часть комнаты, главное место в которой занимала огромная кровать под балдахинном.

Его отец сидел на краю тьюфяка. С плеч его ниспадала подбитая мехом мантия, а в кулаке он сжимал кубок с вином. Он успел только скинуть сапоги, которые лежали на ковре перед ним. Не слишком хорошо вычищенные, хотя Брюс вернулся домой уже неделю назад, они были заляпаны грязью и пылью чужой земли, по которой он странствовал целый год. Рядом с ним стояла мать Роберта, и распущенные длинные черные волосы закрывали ей спину. Пока Роберт смотрел на нее, она положила руку отцу на плечо.

— Не вини себя в их смерти, Роберт. Твои люди выполняли свой долг, служа тебе. — Она попыталась мягко отобрать у него кубок, но он качнулся назад, яростно глядя на нее остекленевшими от выпитого глазами.

— Они захватили Дональда и его сына Алана живыми, после внезапного нападения на наш отряд неподалеку от Коней. — Брюс говорил медленно, заплетаясь языком. — Мы прошли по их следам и обнаружили лагерь на нижних склонах Сноудона. Мятелжники Льюэллина давно ушли оттуда, но оставили нам подарок на память. В снегу лежали тела людей, которых они захватили во время налета. Их животы были вспороты тонкими, аккуратными разрезами. Недостаточно глубокими, чтобы убить. Не сразу, во всяком случае. Но достаточными, чтобы привлечь волков. Звери еще были в лагере, когда мы вошли в него. — Лицо его исказилось от горечи воспоминаний. — В ту зиму волки осмелели. Повсюду было полно мертвечины. Нашим лучникам пришлось подстрелить парочку, прежде чем остальные разбежались. — Отец поднес кубок ко рту и запрокинул голову, одним глотком осушив его. — Лицо Алана — я его никогда не забуду. Боюсь, что они с отцом были еще живы, когда волки начали пиришество.

Роберт помимо воли поморщился. Его мать прижала руку ко рту.

— Хочешь знать, какую я получил компенсацию? — Брюс полез за шкатулкой, выглядывавшей из мешка, лежавшего на кровати. Взяв ее в руки, он отшвырнул ее, и внутри загремели монеты. — Линкольн, Суррей и прочие получили земли и замки за принесенные ими жертвы. — Выругавшись, он отбросил и мешок. — Я слышал, король Эдуард хочет создать новый орден, элитное братство в честь победителей, завоевавших для него Уэльс. Но мне он о нем и словом не обмолвился. Я потерял пятнадцать человек на его службе. И где моя награда?

Марджори вновь потянулась к нему, и на сей раз ей удалось забрать у него из рук кубок.

— Эдуард — король Англии, любовь моя. Поэтому в первую очередь он вознаграждает своих. Разве не об этом всегда говорил твой отец?

Он поднял на нее глаза и нахмурился.

— Лучше бы ты его не звала. Последнее, что мне сейчас нужно, — это его вмешательство. — Теперь, когда кубка с вином в руке у него больше не было, плечи его ссутулились. Он невидящим взором уставился на свои сапоги, лежащие на ковре. — Алану было всего шестнадцать, Марджори. — Лицо отца сморщилось, и вдруг по его щекам потекли слезы.

Марджори обняла мужа за плечи и прижала к себе, а он уткнулся ей головой в живот и заплакал.

Роберт резко выпрямился и отступил на шаг, когда из-за двери донеслись сдавленные рыдания отца. За все свои десять лет он ни разу не видел, чтобы мужчины плакали.

Зрелище было ужасным. Он устыдился и испугался того, что стал его свидетелем.

— Роберт.

Резко развернувшись, он увидел в коридоре гигантский силуэт с серебряной гривой, озаренной, словно нимбом, светом единственного факела на стене. Дед поманил его пальцем. С облегчением оставляя позади хриплые рыдания отца, Роберт зашагал по коридору. Старый лорд ничего не сказал, лишь положил ему крепкую руку на плечо, направляя его мимо комнаты, которую он делил со своими младшими братьями. Они прошли в арку и по винтовой лестнице поднялись на стену. В прохладном вечернем воздухе далеко разносились пронзительные крики чаек. Далеко внизу волны с грохотом разбивались о скалы, и вода там вскипала пеной.

Роберт неуверенно посмотрел на деда, а старик оперся обеими руками о парапет и стал смотреть на купол острова Айлза Крейг.

— Дедушка, я...

— Подслушивать нехорошо, Роберт. Это недостойно настоящего мужчины.

После паузы Роберт кивнул.

— Я всего лишь хотел узнать, почему он отсылает меня прочь. — Глаза его прищурились, когда он проследил за взглядом деда, устремленным на Айлза Крейг, а потом переместился на волшебную скалу, к югу от которой на горизонте темнела полоска, отмечающая самую северную оконечность Ирландии. — Меня наказывают?

— Наказывают? — Старый лорд повернулся к нему. — Воспитание в чужой семье — это не наказание, Роберт. Это — освященный временем обычай нашего клана. Сыновья семьи твоей матери вот уже долгие годы совершают этот ритуал. Кроме того, — он вновь посмотрел на море, — его предложил вовсе не твой отец, а я. Тебе уже давно пора взглянуть на земли, которые ты унаследуешь. Лорд Донах — один из вассалов твоего отца в Гленарме. Он — хороший человек. Ты станешь пажом и будешь прислуживать за его столом и применишь на практике те охотничьи приемы, которым я обучил тебя. А еще тебя станут учить искусству войны — ездить верхом и владеть мечом. Это будет твоим первым шагом на пути к посвящению в рыцари.

Роберт во все глаза смотрел на деда. При мысли о том, что его будут учить сражаться, мальчика охватил восторг. Но все-таки Ирландия была слишком далеко от единственного дома, который он знал до сих пор.

— А почему Антрим? Разве нельзя отдать меня в какую-нибудь семью в Эйре или еще ближе? — Тут ему в голову пришла блестящая мысль, и лицо его просветлело. — Или у тебя в Лохмабене, дедушка?

— Быть может, со временем так и будет. А пока тебя ждет иной путь. У лорда Донаха есть свои сыновья, и, по-моему, один из них, Кормак, примерно твой ровесник.

Роберт отвернулся, расстроенный.

Но дед взял его за плечи и развернул лицом к себе, глядя на него своими темными ястребиными глазами.

— Род твоей матери уходит корнями к королям Ирландии О'Нейлам, а мой через графа Хантингдона восходит к королю Дэвиду и его отцу Малкольму Канмору. В твоих жилах течет кровь королей, Роберт. Ты знаешь об этом. Но я не рассказывал тебе о том, что отец нашего нынешнего короля, Александр II, назвал меня своим преемником.

Роберт изумленно уставился на деда.

— Но его сын...

— Это было еще до того, как родился наш король. В то время у Александра не было наследников. — Старый лорд убрал руки с плеч Роберта и вновь уперся ими в паранет. Ветер взъерошил гриву его волос. — В королевском парке Стирлинга его величество устроил охоту на оленя. Я поехал с ним, так же как и многие придворные вельможи. Во время погони конь под королем упал. Александр приземлился крайне неудачно, жеребец придавил его и сломал ему несколько ребер. Но все могло быть намного хуже, и он знал об этом. Страдая от сильной боли, Александр настоял на том, чтобы назвать своего преемника, прежде чем кто-нибудь из нас поскачет в замок и привезет носилки. И он выбрал меня. Он заставил всех вельмож опуститься на одно колено в пыль лесной дороги и признать меня наследником трона. В то время мне было восемнадцать. — Он резко выдохнул. — Через два года у Александра родился сын — наш король, — и продолжение его рода было обеспечено, но я никогда не забывал то чувство гордости и целеустремленности, которое охватило меня в тот день. Все было так, словно... — он нахмурился, подбирая слова, — ...словно моя кровь пробудилась ото сна. Я вдруг осознал свое место в этом мире и то, что принадлежу к великому роду, многочисленные и славные представители которого передавали свои заветы от отца к сыну, пока через поколения они не воплотились во мне. Теперь и ты, Роберт, стал неотъемлемой частью этого древа. Когда-нибудь мы с твоим отцом умрем, и ты унаследуешь не только наше состояние, но и наше место в этом мире, нашу... — Дед слабо улыбнулся, и в глазах у него появилось какое-то странное мечтательное выражение. — Можешь назвать это судьбой, если хочешь. И ты должен быть готов принять эту ношу.

Роберт молча кивнул, вдохновленный рассказом старого лорда.

— Я буду готов, дедушка. — Он помолчал, глядя поверх бурного моря на Ирландию. — Ты еще будешь гордиться мною.

— Я знаю, сынок.

Старый лорд отвернулся, глядя на бушующие волны, так, похоже, и не заметив, что оговорился. Роберт вспомнил об отце, который плакал, уткнувшись матери в живот, и не стал поправлять его.

Тернберри, Шотландия

1304 год

Отряд Роберта приблизился к замку, и тут стали заметны разрушения, причиненные войной. Стены Тернберри почернели от дыма и зияли закопченными дырами в тех местах, где сгорели дубовые балки. Ворота исчезли, и стены по обоим краям обвалились, так что в проеме был виден внутренний двор. Комендант замка Эндрю Бойд в точности выполнил его распоряжения, и обломки уже почти были убраны, а снаружи, на месте бывших ворот, громоздились груды камней. Тем не менее замок производил гнетущее впечатление.

Глядя на деревню, сбегавшую по продуваемому ветром склону к морю, Роберт заметил кое-где признаки восстановительных работ, хотя домов было намного меньше, чем он помнил. Сожженные остовы тут и там торчали среди новых построек, словно гнилые зубы. Он заметил нескольких деревенских жителей, занимавшихся своими делами: они запирали

курятники, закрывали ставни в домах, оставляли у порога заляпанные грязью деревянные башмаки или звали детей с вечерней прохлады. Но, хотя Нес держал над головой баннер Каррика, никто из обитателей деревни не спешил к ним приветствовать своего графа. Возвращение Роберта встречали не фанфарами, а подозрительными взглядами и закрывающимися дверями. Люди, которые прослужили в его отряде весь минувший год, могли, конечно, смириться с его долгим пребыванием в Англии, а вот у мужчин и женщин Тернберри повода и причины прощать его не имелось.

Миновав груды битого камня, обгоревших балок и стропил у входа в замок, Роберт заметил расщепленный ствол дерева, опутанный цепями. Скорее всего, его использовали как таран. Он представил себе Хэмфри, как он стоит на этом самом месте, посреди армейского лагеря, и отдает приказания, а его люди бьют тараном в ворота. Мысль эта вызвала в памяти воспоминание о том, как граф заслонил его собой и избил Эймера. Роберт часто прокручивал в голове эту сцену. После того как они вышли из Леса, Хэмфри сказал ему, чтобы он продолжал путь в Тернберри, как и задумывал изначально, а они вернутся в Данфермлин. То, что граф вступился за него, вызывало у Роберта чувство вины. Ублюдок Валанс, конечно, получил то, чего заслуживал, а вот сам он предал Хэмфри снова.

Во дворе, рядом со сколоченными на скорую руку стойлами, стояли крытые повозки и телеги. От старой конюшни и псарни, как и от остальных деревянных и соломенных построек, не осталось и следа. Впрочем, здесь появилось несколько временных сооружений. Когда Роберт со своими людьми подъехал к воротам, откуда-то вынырнули двое стражников. Завидев своего лорда, один из них со всех ног бросился в замок.

Не успел Роберт спешиться, как встречать его выбежал Эндрю Бойд.

— Сэр Роберт, имею честь поздравить вас с возвращением домой.

— Это вы оказываете мне честь, Эндрю, — возразил Роберт, пожимая протянутую ему руку. — Я очень рад видеть вас.

— Получив ваше послание, я ожидал вас раньше. В пути вы столкнулись с трудностями?

— Мне пришлось сделать крюк, выполняя поручение короля. Но теперь я здесь, и мне не терпится приступить к делу.

Роберт решительным взором окинул двор. Он прибыл сюда в надежде отыскать Джеймса Стюарта, а затем с его помощью убедить Уильяма Уоллеса вновь примкнуть к нему, после того как он сорвал карательный рейд в Лес, но теперь, оказавшись дома, он загорелся желанием немедленно приступить к восстановлению замка, на что получил разрешение короля.

— Как видите, мы уже вполне готовы начинать. — Взгляд Эндрю скользнул по закопченным стенам и парапетам замка. — Тернберри пострадал не слишком сильно. Не успеете оглянуться, и он будет как новенький.

— У вас найдется место, где я со своими людьми смогу расположиться на ночлег? Мы проделали долгий путь и устали с дороги.

— Разумеется. Главный зал почти не пострадал. Но сначала вам предстоит принять гостя.

— Кого? — быстро спросил Роберт, в душе которого вспыхнула надежда, что сенешаль опередил его.

— Вашего брата, сэр.

Не успели эти слова слететь с губ Эндрю, как Роберт уже и сам заметил человека, застывшего в арочном дверном проеме. Темноволосый, в коричневой сутане, Александр

Брюс сливался с тенями.

— Я позабочусь о ваших людях, сэр. Вам следует побеседовать со своим братом наедине. — Тон Бойда был мрачен. — Как я уже говорил, в главном зале тепло и сухо.

Оставив своего коменданта определять на ночлег усталых рыцарей, Роберт зашагал по усыпанному каменной крошкой двору к дверям, где его поджидал брат. Он заметил, как по серьезному и даже торжественному лицу Александра промелькнула тень беспокойства. Его брату полагалось бы находиться в Кембридже, завершать обучение. Занять должность настоятеля собора в Глазго, пожалованную ему королем, он должен был лишь в конце года.

— Брат, — приветствовал его Роберт и коротко обнял. — Что привело тебя сюда?

Александр столь же неловко ответил на приветствие.

— Я ждал тебя. Ко двору короля я прибыл две недели назад. Мне сказали, что ты должен будешь появиться здесь. — Взгляд его оставался твердым и обвиняющим, но затем он покачал головой и отвернулся. — Пойдем.

Роберт стиснул зубы, помня, что младший брат всегда старался оставить последнее слово за собой и что, даже если нажать на него, он лишь будет упорно молчать до последнего. Поэтому он без слов последовал за ним по тускло освещенному коридору в главный зал.

А тот являл собой жалкое зрелище. Стены почернели от дыма. Исчезли длинные столы и лавки, некогда заполнявшие большое помещение, сейчас превратившееся в пустую скорлупу не первой свежести, в которой гуляло эхо разбивающихся о скалы волн. На полу валялись одеяла и груды вещей — главный зал явно служил казармой Бойду и его людям. На стенах в железных кронштейнах горели несколько факелов.

Увидев на стене обгорелую тряпку, Роберт подошел к ней. Приподняв обугленный край, он сообразил, что это — все, что осталось от гобелена, на котором Малкольм Канмор убивает своего соперника Макбета и захватывает трон, положив тем самым начало династии, к которой принадлежал и клан Брюсов.

Александр несколько мгновений смотрел на него, прежде чем заговорить.

— У меня есть для тебя новости, брат. — Он глубоко вздохнул, когда Роберт повернулся к нему. — Наш отец скончался.

Роберт выпустил из рук изуродованный гобелен, и тот, съежившись, прильнул к стене.

— Зимой он простудил легкие и больше так и не оправился. Он умер вскоре после Рождества.

Роберт прислонился к стене. Перед его внутренним взором промелькнуло воспоминание: вот этот самый зал полон музыки и света, его отец стоит за главным столом, держа в руке кубок, и смотрит, как Марджори танцует с их новорожденной дочерью Кристиной на руках. Пока его супруга кружилась в такт музыке, Кристина громко агукала от восторга, а на губах отца играла счастливая улыбка.

Стена вдруг показалась ему сырой и холодной. Он чувствовал на губах привкус сгоревшего дерева, заплесневелого камня и соленой воды.

— Я отправил послания Изабелле в Норвегию, а Кристине, Мэри и Матильде — в Мар, — высокопарно продолжал Александр. — Полагаю, ты сумеешь известить о случившемся наших братьев?

— Томаса и Найалла я не видел уже давно. Когда я слышал о них в последний раз, они были вместе с Джеймсом Стюартом. Его смерть была легкой? — внезапно спросил Роберт, оглядываясь на брата.

Александр ответил ему долгим взглядом, а потом отвернулся.

— Да, — негромко ответил он. — Он умер во сне. А за день до этого исповедался. Соборование прошло по всем правилам.

— Ты проводил его?

— Нет. Но я присутствовал при этом.

— Спасибо тебе, брат.

На лице Александра отразилось удивление. Морщины на его лбу разгладились, и он сразу же стал похож на мальчишку из детства, которого так хорошо помнил Роберт, вот только одет он был в коричневую рясу священника. Александр неуверенно шагнул к нему.

— Роберт, я...

И тут снаружи раздались громкие голоса.

Роберт оглянулся, недовольно хмурясь, но, когда он вновь посмотрел на Александра, тот уже выпрямился и вновь замкнулся в себе.

— Я должен посмотреть, в чем там дело, — сообщил он брату.

Александр молча кивнул, отпуская его.

Роберт подошел к двери, ведущей во двор, и уже протянул руку, чтобы открыть ее, как в зал влетел Нес, едва не сбив его с ног. За спиной оруженосца Роберт увидел двух мужчин у ворот, они держали в поводу лошадей. С ними был и Эндрю Бойд, окруженный группой рыцарей. Они разговаривали на повышенных тонах, пытаясь перекрычать друг друга.

— В чем дело? — обратился к Несу Роберт.

— Двое слуг сэра Эндрю вернулись из Эйра, куда они отправились, чтобы нанять новых рабочих. Туда прибыл отряд, спасающийся бегством из Леса. Они говорят, что Джон Комин и его армия намерены сдаться королю Эдуарду. Сэр, они говорят, что война окончена.

Шотландские вельможи до отказа заполнили большой зал Сент-Эндрюсского замка, и с их насквозь промокших накидок на каменные плиты пола ручьями стекала вода. Запахи мокрых мехов и застарелого пота смешивались с металлическим привкусом доспехов. В сыром воздухе мужчины чихали и кашляли. А снаружи шел проливной дождь, заливая город и продуваемые всеми ветрами песчаные дюны, полумесяцем окружившие скалу, на которой высился замок.

Король Эдуард взирал на жалких и промокших гостей с высоты своего трона, стоявшего на помосте. Ожидая, когда в зал набьются последние из представителей знати, он лениво рассматривал пестрое сборище, с удовлетворением отмечая, что очень немногие из них могли выдержать его взгляд. В первом ряду, понунив голову, с мокрыми волосами, с кончиков которых капала дождевая вода, переминался с ноги на ногу Инграм де Умфравилль. Рядом стояли Джон Ментейт и Роберт Вишарт. Чуть поодаль расположился Темный Комин со своим племянником, четырнадцатилетним графом Файфом. Один или двое с вызовом ответили на его взгляд, в том числе и Уильям Ламбертон, но эти немногочисленные акты неповиновения не имели для короля никакого значения. Его победа отчетливо читалась на мрачных лицах и в унылых взглядах большинства скоттов, собравшихся перед ним.

Когда привратники закрыли высокие двери, Эдуард вперил взор в Джона Комина, стоявшего прямо перед возвышением. Лорд Баденох был одет куда более изысканно и тепло, чем на прошлой неделе, когда предстал перед королем, дабы передать ему условия, на которых скотты согласны были сдать. Он побрился, а его длинные волосы, неухоженные и отросшие за зиму, проведенную в Лесу, были подстрижены и вымыты. Эдуард подивился тому, как разительно он отличается от своего дяди, Джона Баллиола, который выглядел настоящей развалиной, когда восемь лет назад капитулировал перед ним. Что ж, Комина можно уважать хотя бы за это. Что касается собственно условий, они оказались довольно обширными, но Эдуард мог позволить себе быть великодушным.

— Приветствую вас, мужи Шотландии. — Голос короля гулким эхом прокатился по переполненному залу. Негромкий ропот и шарканье ног стихли, как по мановению волшебной палочки. — Мне радостно видеть, что столь многие из вас стоят сегодня передо мной с миром. Никто из нас не желал продолжения этой войны. Настоящим я принимаю условия вашей капитуляции, переданные мне вашим хранителем, сэром Джоном Комином из Баденоха. — Король кивнул сэру Джону Сигрейву, стоявшему рядом с тронном со свитком пергамента в руках.

Когда лорд-наместник Шотландии подошел к краю возвышения, в глаза бросилась его хромота из-за раны, полученной в битве при Рослине. Развернув свиток, он начал читать.

— Эдуард, милостью Божьей блистательный король Англии, герцогства Гасконь, владетель Ирландии, завоеватель Уэльса и верховный владыка Шотландии, принимает

капитуляцию народа Шотландии и дает согласие на то, что никто, включая тех, кто участвовал в восстании против него, не будет лишен наследства. Равным образом никто из вас не будет подвергнут тюремному заключению, хотя список тех, кто отправится в ссылку на некоторый период времени, прилагается и вступает в силу. При условии, что все англичане, находящиеся в заключении в Шотландии, будут освобождены немедленно и безо всякого наказания, та же свобода будет предоставлена всем шотландцам, пребывающим ныне в качестве пленников в Англии. — Сигрейв сделал паузу, дабы прочистить горло, и кашель его оглушительно прозвучал в мертвой тишине. — Те, у кого поместья были конфискованы, смогут получить свои земли обратно, уплатив доход в размере от одного до пяти лет стоимости владения ими, в зависимости от тяжести участия каждого из вас в мятеже. Шотландия сохранит за собой все свободы, законы и обычаи, которыми она пользовалась при короле Александре III. Но король Эдуард более не признает Шотландик королевством. Отныне она считается лишь территорией, и он выработает новый статут для ее правительства. С этой целью он берет под свою опеку графа Дункана Файфа.

Эдуард напрягся, заслышав недовольный ропот, прокатившийся по залу, но тут же с радостью отметил, как Джон Комин обернулся и окинул собравшихся гневным взглядом, который быстро утихомирил всех несогласных. Это условие было одним из самых главных, и здесь идти на уступки он не намеревался. Камень Судьбы мог, конечно, покоиться в основании коронационного трона в Вестминстере, а Джон Баллиол — прозябать во Франции, но он хотел показать скоттам раз и навсегда, что на их троне более никогда не будет нового сюзерена. И четырнадцатилетний граф, которому по праву наследства полагалось возлагать корону на церемонии коронации, был их последней надеждой. Но теперь Файф останется в Англии навсегда.

Король с удовлетворением смотрел, как два его рыцаря беспрепятственно приблизились к юному графу, стоявшему рядом со своим дядей. Темный Комин был вне себя от ярости, но тем не менее отступил в сторону, позволяя рыцарям препроводить племянника, который выглядел бледным и потрясенным, в переднюю часть зала, чтобы все присутствующие могли видеть и осознать всю символичность такого акта.

Лицо Джона Комины напряглось и заострилось, но он не протестовал. Он столкнулся с перспективой потерять Файфа или получить обратно свои огромные владения, пусть даже дорогой ценой, и можно было не сомневаться, какой выбор он сделает. Когда Сигрейв закончил и скатал свиток, Комин поклонился Эдуарду:

— Милорд король, от имени народа Шотландии я принимаю ваши условия.

— И последнее, — провозгласил король, поднимаясь на ноги, когда Сигрейв вернулся на свое место. — Есть один человек, на которого мирный договор не распространяется. — Голос его повелительно прокатился по залу. — Уильям Уоллес отказался сдаться на мою милость, и, таким образом, он лишается права рассчитывать на нее. Я хочу, чтобы его выследили, поймали и привели ко мне. — Король обвел взглядом мужчин в первом ряду, задержав его на трех хранителях: Джоне Комине, Инграме де Умфравилле и Уильяме Ламбертоне. — Тот, кто захватит его в плен, будет освобожден от всех обязательств по нашему договору. Этот человек не отправится в ссылку, и ему не придется выплачивать репарации за возврат своих земель.

Искорка интереса в глазах Джона Комины не осталась незамеченной королем.

Когда его представители объявили заседание парламента закрытым и скотты медленно потянулись к выходу в соседнюю комнату, где им предстояло скрепить договор печатями,

король опустил на трон. После восьми долгих лет Шотландия наконец склонилась перед ним. Его власть над Британией стала почти безграничной. Почти, потому что оставались две торчащие занозы: замок Стирлинг, гарнизон которого отказался капитулировать, и Уильям Уоллес, пустившийся в бега с бандой таких же воров и разбойников, как и он сам. Стоит хорошенько потянуть один раз, и обе будут вырваны. Эдуард улыбнулся, ощущая непривычное спокойствие и умиротворение.

— Милорд.

Он оглянулся, с удивлением услышав женский голос, и увидел рядом свою старшую дочь Джоан.

— А я и не знал, что ты присутствовала при сем, дорогая.

Джоан кивнула, не поднимая глаз.

— Я не хотела пропустить миг вашего торжества. — Поколебавшись, она все-таки подошла к трону и присела перед королем на корточки. — Отец, я смотрела, как сегодня ты простил своих врагов — мужчин, которые сражались против тебя огнем и мечом. А единственное преступление Ральфа де Монтермера состоит в том, что он любит меня. Разве ты не можешь простереть свою милость и на человека, который верно служил тебе долгие годы?

С долгим вздохом Эдуард откинулся на спинку трона. Он закрыл глаза, чувствуя, как холодные руки дочери стиснули его ладонь. Он был вне себя от ярости, когда Эймер де Валанс рассказал ему об этом романе, но за прошедшие несколько недель, видя печаль старшей дочери, он умерил свой гнев.

— Я люблю его, отец.

Открыв глаза, Эдуард увидел, что по щекам Джоан текут слезы. Спустя мгновение он накрыл ее руки своей ладонью.

— Успокойся, дочь моя. Я сегодня же отдам приказ об освобождении Ральфа. — Когда Джоан облегченно всхлипнула, он продолжал: — Когда он прибудет ко двору, мы обсудим условия вашего брака.

Джоан вскрикнула от радости и расплакалась. Она поцеловала его руки, смеясь сквозь слезы. Наконец, справившись с собой, она встала на ноги.

— Благодарю вас, милорд.

Пока Эдуард смотрел ей вслед, на глаза ему попался сын. Толпа поредела, и он увидел принца, прислонившегося к дальней стене рядом с Пирсом Гавестоном. Оба о чем-то увлеченно разговаривали, головами почти касаясь друг друга. Принц улыбнулся чему-то, что сказал ему Гавестон, и положил руку ему на плечо. Король заметил движение большого пальца сына, которым тот медленно водил по бархату мантии Пирса. Спокойствие Эдуарда улетучилось. Вот уже некоторое время он с растущей тревогой отмечал близость, связывавшую молодых людей, однако был слишком занят, чтобы предпринять что-либо. Но теперь, когда война с Шотландией закончилась, он непременно обратит свое внимание на вопрос, которым пренебрегал непростительно долго: брак своего сына с Изабеллой Французской.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1304–1306 годы

*...сияние солнца потускнеет в янтарных лучах Меркурия, и
взирающие на это будут охвачены ужасом. Стил-бон Аркадский
сменит свой щит, и шлем Марса призовет Венеру.*

*Под ударами луча поднимутся воды... и древний прах обносится.
В диких порывах столкнутся ветры, и рев их достигнет светил.*

Гальфрид Монмутский. История королей Британии

Над зубчатыми вершинами гор Очил-Хиллз вставало солнце. Когда его первые малиновые лучи коснулись парапетных стен замка Стирлинг, зазвонил колокол, и эхо его покатилося вниз со скалистых утесов, на которых высилась крепость, прежде чем затеряться среди болот и лугов, раскинувшихся по обоим берегам реки Форт. Лагерь пробудился к жизни, и негромкие голоса просыпающихся мужчин заглушили треск пламени, когда новые поленья полетели в костры, за ночь прогоревшие до углей. Повара взялись за вертела и горшки, и густой дым поплыл над английской армией, вставшей лагерем на склонах между замком и городом.

Роберт шел по бивуаку, прикрывая ладонью глаза от солнца, которое заливало золотом утесы и сверкало на баннерах, воздетых над морем палаток. Наружу вылезали сонные воины, зевали и потягивались, принимаясь за свои дела. Кое-кто кивал ему, когда Роберт проходил мимо, но большинство из них просто не замечали его, занятые обыденными хлопотами. Колокол смолк, и теперь отчетливо слышался лязг цепей — это осадные машины готовились к очередному раунду сражения.

На окраине лагеря, позади палаток, загонов для лошадей и крытых повозок с припасами, стояли телеги, груженные камнями и свинцом, сорванным с крыш соборов в Сент-Эндрюсе и Перте. А еще дальше виднелись шестнадцать осадных орудий, установленных на склоне горы, черные контуры которых отчетливо выделялись на фоне рассветного неба. Вокруг каждой уже кипела работа: инженеры занимались наладкой и ремонтом, а расчеты укладывали камни в захваты требушетов и ложи баллист. Всю территорию обнесли деревянными щитами, на которых дополнительно укрепили вязанки хвороста, дабы смягчить удары снарядов противника.

После трех месяцев осады машины стали для Роберта столь же близкими и привычными, как и лица людей, обслуживающих их. «Викарий», «Громовержец», «Завоеватель», «Буйвол» — все они были доставлены сюда из Шотландии для участия в последней осаде восьмилетней войны. Вдали лучи солнца заливали стены замка, обнажая все трещины и выбоины на их поверхности. От осадных линий вверх по поросшему травой склону вела дорога, которая заканчивалась у моста, переброшенного через ров у наружных стен замка. Его каменная кладка резко обрывалась в нескольких метрах от массивной надвратной башни, вход в которую наглухо закрывал поднятый подъемный мост. Мост и дорога была усыпаны обломками, так же как и склон горы. Берега рва были усеяны стрелами, и на ветру трепетали обрывки одежды там, где среди обломков лежали мертвые тела. Роберт окинул взглядом стены Стирлинга, выискивая новые повреждения, появившиеся после того, как он смотрел на них в последний раз. Это вошло у него в привычку; ритуал, отмечавший наступление нового дня ожидания, в то время как нетерпение жгло его изнутри, как огнем. Минуло уже четыре месяца, а он до сих пор не получил никаких известий.

И тут его внимание привлекла группа людей, собравшихся возле двух двадцатифутовых

баллист — «Победоносца» и «Громовержца». Среди них был и король Эдуард, на целую голову возвышавшийся над остальными. В лучах рассвета его мантия казалась залитой кровью, и на ней сверкали золотом три льва. Король разговаривал с одним из своих старших инженеров. Рядом стоял Хэмфри де Боэн, который приветственно помахал рукой, завидев Роберта. Подойдя к графу, Роберт сразу же ощутил атмосферу всеобщего восторженного ожидания: мужчины возбужденно переговаривались, потягивая вино, которое пажи короля раздобыли в городе позади лагеря. Он заметил три новые телеги, которых не было раньше — должно быть, они прибыли ночью, — и из двух еще не выпрягли быков. Из одной телеги выгружали сферические глиняные сосуды, горлышки которых были заткнуты войлоком. С задка другой солдаты опускали на землю большие деревянные бочки.

— Доброе утро, — с улыбкой приветствовал его Хэмфри.

— Что это? — поинтересовался Роберт, обратив внимание, с какой осторожностью солдаты передают друг другу горшки и складывают их подле «Громовержца».

— Королевский сюрприз. — Хэмфри подал знак пажу; тот подбежал к ним с кувшином и кубком, наполнил его и передал Роберту.

Роберт уже слышал о сюрпризе, который Эдуард приготовил для гарнизона Стирлинга, но помимо слухов о том, что король познакомился с ним во время крестовых походов, ничего конкретного разузнать не смог. Но, что бы это ни было, он видел, с каким нетерпением ожидает его король, особенно учитывая тот факт, что осадные машины, количество которых само по себе внушало уважение, лишь бессильно клевали стены замка. Стирлинг, вознесшийся на скале и охранявший единственный мост через Форт, оставался неприступным.

Замок защищал небольшой шотландский гарнизон под командованием капитана Уильяма Олифанта, который упорно отказывался сдаваться, заявив на переговорах, что замок был вверен его попечению Джоном Баллиолом и только по его приказу он готов будет сдать его. Имея обширные припасы, он со своими людьми мог держать оборону сколь угодно долго. Поговаривали, что защитники крепости пережидают ожесточенные бомбардировки в пещерах, вырубленных прямо в скале, а в промежутках между ними вылезают наружу, чтобы подстрелить неосторожного инженера. С мрачным удовлетворением Роберт наблюдал за растущим раздражением Эдуарда, поскольку осаде не было видно ни конца, ни края. А ведь король был очень близок к победе. Большинство шотландских магнатов капитулировали, разрабатывался новый статут для управления страной, и Эдуард подчинил своей власти почти все замки. И только Стирлинг и Уильям Уоллес — пропавший без вести после неудавшегося рейда в Лес — не давались ему в руки, хотя оба имели жизненно важное значение для его господства над Шотландией.

— Осторожнее!

Это заорал старший инженер. Двое мужчин, выгружавших бочку из телеги, уронили ее на землю. Роберт заметил, как из трещины в боку просыпался мелкий серо-желтый порошок.

Оставив короля, инженер поспешил к ним.

— Собрать все до последней крупинки! Клянусь Господом, вы что, хотите сжечь весь лагерь? Милорд, — взмолился он, поворачиваясь к королю, — отошли бы вы в сторонку, ради Христа.

После того как король со свитой из графов и рыцарей отошел на безопасное расстояние, Хэмфри наклонился к уху Роберта и прошептал:

— Греческий огонь.

Роберт с удивлением воззрился на него. Он слышал об этом веществе от деда, который видел, как его использовали в Святой Земле. Греческий огонь, который обожали арабы, представлял собой горючую смесь масла, селитры и серы, способную гореть на чем угодно и затушить которую можно было только песком или мочой. Старый лорд рассказывал о ее ужасающей силе — он называл ее «молнией Господней».

— Оружие сарацин? Здесь, в Шотландии?

— Нужда заставит калачи есть, — ответил Хэмфри и кивнул на бочки. — Даст Бог, уже к концу дня осада принесет свои плоды. — Он обернулся к Роберту, его глаза сияли неподдельным энтузиазмом. — И на этом все закончится. Наши королевства вновь объединены, как было когда-то при Бруте. Теперь мы можем начать восстанавливать былое величие — мы все. Британия станет только сильнее, вот увидишь, друг мой.

— «Вервольф» готов.

Роберт и Хэмфри оглянулись на голос, раздавшийся за их спинами. Это был Ральф де Монтермер.

— Король намеревается установить его уже сегодня.

Томас Ланкастер, услышав их разговор, обернулся к ним с жестокой улыбкой:

— Как только скотты попробуют на вкус нашего зверя, то падут ниц, умоляя о пощаде.

Роберт знал, что всего несколько месяцев назад эти люди тщательно взвесили бы его ответ на такую реплику, выискивая любые признаки лояльности к его соотечественникам. Но только не сейчас. Спустя два года он вновь стал одним из них. Король доверял ему настолько, что даже привлек к переговорам со скоттами относительно нового правительства. Хэмфри обращался с ним, как с братом, а Ральф, недавно помолвленный с леди Джоан, готовившийся унаследовать графство Глостер, поклялся, что считает себя в неоплатном долгу перед Робертом, когда узнал, что тот раскрыл предательство Эймера де Валанса. Что до последнего, то Валанс оставил Роберта в покое. Рыцарь, стоявший вместе с Генри Перси и Ги де Бошамом, наблюдая за работой инженеров, ни разу не заговорил с ним или Хэмфри после налета на Лес.

— За победу, — провозгласил Хэмфри, поднимая кубок.

Томас и Ральф последовали его примеру, и Роберт присоединился к ним.

Проревел рог, и звук его разнесся над лагерем. Расчеты требушетов налегли на рукояти лебедок, и цепи с лязгом потянули вверх огромные корзины, полные свинца. Обратная часть стрелы осадной машины опустилась к земле, чтобы в петлю можно было зарядить камень. Расчеты же баллист — за исключением обслуги «Победоносца» и «Громовержца» — загружали камни в выемки ложементов, опускающихся на шарнирах.

Осадные машины одна за другой пришли в действие, словно гиганты, просыпающиеся от спячки. Их деревянные руки со стоном взлетали кверху, швыряя смертоносный груз в сторону замка. Камни врезались в стены и башни, так что осколки разлетались в разные стороны. После удара последнего снаряда наступила звенящая тишина, и лишь клубы пыли вздымались в чистое небо. Затем, описав полукруги, руки осадных машин опустились. Инженеры принялись выкрикивать распоряжения, и солдаты покатали камни на загрузку.

На сей раз в подготовку к залпу включились и расчеты «Победоносца» и «Громовержца», уложив несколько круглых глиняных сосудов в пустотелые выемки ложементов. К каждой осадной машине подошли мужчины с тлеющими факелами в руках. Когда они прикоснулись ими к войлочным пробкам в горловинах сосудов, вспыхнуло пламя, едва видимое в лучах яростного солнца. Задранные в небо концы балок опустили к земле с

помощью сложной системы веревочных талей, отчего заряженные ложементы взлетели вверх, ударившись об обитую войлоком тормозную поперечину. Под напором воздуха пламя разгорелось и стало ярче, когда горшки перелетели через стену замка и упали на здания за ней. Разбиваясь, они вспыхивали пламенем, которое растекалось, как вода, пожирая все на своем пути. А в это время камни из остальных орудий продолжали бомбардировать стены и башни. На крышах вспыхнул разлитый греческий огонь, и в небо устремились клубы дыма. Роберт, вместе с остальными наблюдавший за происходящим, понял, почему некоторые полагали это вещество колдовским. То, что огонь вел себя как вода, противно своей природе, внушало ужас. Многие вельможи, окружавшие короля, захлопали в ладоши, преисполнившись почтительного и благоговейного трепета.

Эдуард кивнул своему старшему инженеру, а тот в свою очередь развернулся и что-то коротко рявкнул расчетам «Победоносца» и «Громовержца». Теперь в выемки ложементов уложили не глиняные горшки, а бочки. Вновь наступила очередь солдат с факелами, но на сей раз они подожгли короткие шнуры, торчавшие из каждой бочки. Камни требушетов начали один за другим бомбардировать стены. Руки баллист были отпущены одновременно, и бочки, крутясь в воздухе, полетели в сторону замка; горящие концы веревок придавали им вид комет. Одна из них не попала в цель, угодив в ров. Несколько секунд ничего не происходило, а потом гору потряс оглушительный взрыв и в воздух взлетели фонтаны земли и осколки камня. Вторая бочка перелетела через стену и ударилась о крышу замковой часовни. Прогремел второй взрыв, за которым последовал грохот рушащихся камней.

Роберт, стоя в окружении торжествующих товарищей, стиснул кубок и изобразил на лице восторг.

— Это как бить молотком по панцирю черепахи, — заметил Томас Ланкастер. Племянник короля потрясенно покачал головой. — Будь они прокляты, но сарацины знают, как разрушить замок.

— Где мой сын?

Томас обернулся, заслышав резкий голос короля.

— Полагаю, он готовится к турниру, милорд. Я видел, как он спускался на луг сразу же после восхода солнца. Вместе с Гавестоном.

Роберт отметил, как гримаса отвращения перекосила лицо Томаса, когда он произнес имя гасконца. Они с Пирсом терпеть друг друга не могли. Однажды он слышал, как Ланкастер, перебрав вина, с содроганием рассказывал о неестественной дружбе своего кузена с Гавестоном.

— Он должен быть здесь, чтобы увидеть все собственными глазами.

— Я позову его, милорд.

Когда Томас поспешил прочь, Роберт заметил двух мужчин, которые направлялись к ним в сопровождении королевских стражников. Один был невысоким и худым, облаченным в черную сутану, подбитую серебром, и тонзура его блестела от пота после крутого подъема по склону к лагерю. Роберт узнал его, и его охватила нервная дрожь. Это был Уильям Ламбертон, епископ Сент-Эндрюсский. А высокий и мускулистый молодой человек рядом с ним оказался Джеймсом Дугласом, и он уверенно шагал вперед, не обращая внимания на вооруженный эскорт. Юноша, которого Роберт когда-то спас от когтей Эдуарда, присутствовал в Сент-Эндрюсе четыре месяца назад, когда епископ и большая часть магнатов сдались на милость короля. Узнав о массовой капитуляции, Роберт вернулся ко двору Эдуарда, чтобы выяснить, какие последствия столь неожиданное событие может

иметь для его плана. Именно там его и разыскал епископ.

Ламбертон не подал виду, что заметил Роберта, когда его подвели к королю, и лишь скользнул взглядом по осажденному замку.

— Милорд, — приветствовал он короля, повысив голос, чтобы быть услышанным в грохоте канонады: в стены летели камни и бочки, раздавались оглушительные взрывы, сопровождаемые восторженными криками англичан. — У меня для вас послание. — Под внимательными взглядами стражников епископ сунул руку в кожаный мешок, который принес с собой, и вынул оттуда свиток. — Лорд-сенешаль Шотландии сэр Джеймс Стюарт хочет заключить с вами мир. Свою капитуляцию он скрепил печатью.

Роберт жадно прислушивался к их разговору. Значит, Ламбертон сделал то, что обещал, и нашел сенешаля? Роберт не ожидал, что Джеймс пожелает сдаться. Но его поступок имел смысл — следовало умиловить короля и отвлечь его внимание от возможной опасности. Его вновь охватило нетерпение. Принес ли епископ те известия, которых он так долго ждал?

Эдуард развернул свиток и пробежал его глазами, после чего протянул одному из своих рыцарей.

— Я подумаю над этим. Как вы сами видите, у меня есть более срочные дела. — Король холодно улыбнулся. — Командиру Стирлинга недостает здравого смысла, свойственного его соотечественникам. Сегодня он об этом пожалеет.

И король отвернулся, чтобы наблюдать за бомбардировкой, оставив епископа. Взрывы один за другим сотрясали горный склон. Взгляд Ламбертона остановился на Роберте.

Два всадника стояли друг напротив друга на лугу. Роса блестела под копытами их коней, пока животные нервно перебирали ногами и фыркали. Один из всадников крепко сжимал вожжи, пытаясь удержать своего скакуна на месте, а его паж стоял рядом, ожидая команды подать хозяину копьё. На нем были стеганный гамбезон, наголенники, наручи и простой железный шлем. Левую сторону тела прикрывал изогнутый красный щит.

На другом конце луга второй всадник небрежно откинулся на луку седла, пока его конь нервно грыз удила. Поводья свободно лежали в его латной рукавице, а на руке, продетой в ремни, висел черный щит с нарисованным на нем белым лебедем. На ногах у него были латные поножи; его кожаная куртка была расшита серебром и перехвачена на поясе ремнем. Голову закрывал шлем с лебедиными крылышками на гребне. Увидев, что его противник остановил коня на стартовой линии и потянулся за копьём, мужчина протянул руку собственному пажу, который передал ему оружие. Пальцы рыцаря сомкнулись на ясеневом древке, чуть позади выгнутого стального диска, защищавшего руку. Тронув бока жеребца кончиками шпор, он пустил его в галоп.

Стоя поодаль, Эдвард Брюс смотрел, как всадники помчались навстречу друг другу. Он чувствовал, как дрожит под ногами земля от ударов копыт. Вокруг него разразились приветственными криками придворные принца — в большинстве своем сыновья или внуки рыцарей и графов. На окраине луга выстроились в ожидании паж и оруженосцы, сгибаясь под тяжестью щитов и шлемов, дабы их молодые хозяева могли невозбранно наслаждаться вином и забавой. Прикрыв глаза ладонью от слепящего света восходящего солнца, Эдвард заметил, как опустились копьё, целясь в противников, и как быстро сокращается расстояние между всадниками. Черное копьё оставалось прямым, как стрела, а красное подпрыгивало в такт скачкам лошади. За спиной он слышал звон монет — кто-то заключал пари, но большинство зрителей не желали испытывать судьбу. Исход схватки был ясен всем.

Когда противники сблизились вплотную, всадник в черном подался вперед и нанес сильный удар прямо в центр красного щита. Это были учебные копья, у которых вместо острия на конце помещались трехзубые железные лапы, позволяющие рассредоточить силу удара. Но даже при этом щит и копье разлетелись вдребезги. Осколки полетели всаднику в лицо, и его отбросило на луку седла. Всадник в черном промчался мимо, а его противник с лязгом обрушился в траву, и лошадь его поскакала дальше уже без седока. Он перекатился несколько раз и замер неподвижно. На помощь к нему бросились пажы. На другом конце поля победитель резко осадил своего коня, так что тот загарцевал на месте, и с торжеством воздел сломанное копье над головой.

— Блестяще, Пирс! Просто блестяще!

Эдвард Брюс обернулся на голос и увидел, что принц разразился аплодисментами.

Тот поймал его взгляд и улыбнулся.

— Вы выглядите встревоженным, сэр Эдвард.

— Напротив, милорд, я с нетерпением жду возможности встретиться со столь достойным противником.

Принц рассмеялся.

— Хорошо сказано.

Высокий и прекрасно сложенный, как его отец, он выглядел импозантно в своих полированных доспехах. На его алой тунике красовались такие же золотые львы, как у отца, и единственная разница заключалась в зигзагообразной синей полосе поверху. Лицо его казалось более мягким, чем у короля, а светлая борода делала менее жесткой линию челюсти и подбородка. Голубые глаза принца сияли в солнечном свете, пока он следил за Пирсом Гавестоном, который рысью послал своего возбужденного скакуна обратно к стартовой линии.

— Когда война закончится, я намерен взять с собой отряд и отправиться во Францию. С Пирсом в наших рядах мы выиграем любой турнир.

— Нисколько не сомневаюсь в этом.

После семи месяцев, проведенных при дворе принца, Эдвард Брюс научился многим вещам, в первую очередь тому, что следует соглашаться со всем, что касалось гасконца. С самого начала неукоснительно соблюдая это правило, он быстро завоевал расположение принца в надежде, что это позволит ему сблизиться с сыном короля и получить ценные сведения, которые могут оказаться полезными Роберту, когда его брат наконец разорвет ненавистные путы лояльности и открыто выступит против англичан. Но весьма скоро он обнаружил, что в присутствии Пирса рядом с принцем более ни для кого не оставалось места.

Далекий рев рога вторгся в его мысли. За ним последовал слабый грохот камней, ударяющихся о стены замка, — начался очередной день осады. Эхо вспугнуло нескольких ворон, которые с карканьем взмыли в воздух с деревьев, растущих на краю луга. Над их верхушками в небо вонзалась скала, на которой стоял замок, и баннер, свисавший с его стены, с такого расстояния казался просто золотистой точкой.

— А до тех пор нам придется довольствоваться завоеваниями, которые спланировал мой отец, — продолжал принц, передавая Эдварду мех, расшитый драгоценными камнями.

Эдвард сделал глоток, не сводя глаз с поверженного всадника, которого пытались поднять пажы. Через мгновение молодой человек сердито отогнал их. Схватив новый красный щит, поданный ему, он неуверенной походкой направился к своей лошади. Зрители

заплодировали его решимости. Пирс Гавестон ждал у стартовой линии, разминая руку, прежде чем взять новое копьё, которое протянул ему паж.

— Покорив Уэльс, отец устроил турнир в честь своего нового ордена — Круглого Стола. — Принц не отрывал взгляда от Пирса. — В Нефине. Я этого не помню, конечно. Я тогда только-только родился. Но люди до сих пор вспоминают его — схватки, призы. Все, кроме отца. Он помнит лишь свою победу.

На вершине скалы Стирлинга раздался громopodobный взрыв, и на сей раз в лесу взлетела с деревьев целая стая птиц. Молодые люди на лугу обернулись, глядя на далекую крепость. Эдвард увидел поднимающиеся в небо клубы дыма и спросил себя, что за дьявольскую штуку удумал король, дабы сломить непокорный гарнизон.

Один принц, похоже, не обратил на происходящее никакого внимания, глядя на луг, где всадники осадил своих взбудораженных коней, и в глазах его стояло отсутствующее выражение, словно он видел перед собой совсем другой ландшафт и совсем другое время. Под светлой челкой на его лбу собрались морщины.

— Вот интересно, если Стирлинг падет сегодня, что отец будет делать дальше? Он всю жизнь провел на войне. Вряд ли он умеет делать что-либо еще. — Но тут принц, похоже, пришел в себя, когда Пирс перевел коня в галоп, яростно подгоняя его ударами шпор. — Мне это представляется забавным, — вдруг сказал он, поворачиваясь к Эдварду с любопытной улыбкой. — Мы оба названы в честь моего отца, тем не менее мы не первенцы. Как будто при нашем рождении родители не думали, что мы доживем до того возраста, когда сможем оправдать данное нам имя. — Он рассмеялся, но в смехе его не было веселья. — Мой брат Алонсо, отцовский первенец, умер всего через месяц после моего рождения. Но иногда мне кажется, что я до сих пор остаюсь вторым сыном.

А на поле Пирс Гавестон вдребезги разбил третье копьё о щит своего противника.

Эдвард во все глаза уставился на принца, удивленный его искренностью.

— Я знаю, что это такое — все время пребывать в тени своего брата. — Он нахмурился, чувствуя горькую правду в собственных словах. — Думаю, Александру, Томасу и Найаллу было легче, они никогда и не рассчитывали стать наследниками. А вот я... Я всегда был ближе к этой надежде. Но теперь, когда мой отец умер... — Он запнулся. — Словом, теперь я понимаю, сколь широка пропасть передо мной.

Принц кивнул и положил руку ему на плечо.

— Теперь вы — мой придворный. И мы с вами еще прославим наши имена!

— Вы, кажется, намерены отсидеться, сэр Эдвард?

Эдвард Брюс оглянулся, заслышав язвительный голос. Оказывается, пока они разговаривали, к ним подъехал Пирс Гавестон. Он снял шлем, и на лице его было написано оскорбительное любопытство.

— Для вас я готов всегда, мастер Пирс, — парировал Эдвард, с удовлетворением отметив, что в угольно-черных глазах Пирса блеснуло бешенство. Уловка была детской, зато действенной — он при каждом удобном случае напоминал самоуверенному молодому петушку, что тот еще не стал рыцарем, подобно ему самому.

Принц убрал руку с плеча Эдварда и одобрительно улыбнулся.

— Что ж, — приступайте! — сказал он, жестом указывая на турнирное поле.

Пирс развернул коня, а Эдвард подошел к своему оруженосцу Эйну. Молодой человек, родом из Аннандейла, крепко удерживал на месте его серую кобылу, пока Эдвард вставлял ногу в стремя и поднимался в седло. Эйну передал ему шлем, который он надел поверх

койфа и сразу же ощутил во рту привкус металла. Приняв щит, украшенный гербом Аннандейла, Эдвард продел левую руку в ремни на тыльной его стороне, а правой подобрал поводья. Вонзив шпоры в бока своей кобылы, он послал ее рысью через луг. Эойн последовал за ним, держа в руках три желтых копыя.

Пирс повернулся в седле, когда Эдвард догнал его. Он уже надел свой шлем с лебедиными крылышками, но забрало оставалось поднятым.

— Может показаться, что вы понравились моему принцу. — Его французский разительно отличался от того языка, на котором говорили его английские спутники, поскольку детство Пирса прошло в Гаскони. Его взяли ко двору короля в ранней юности, вскоре после смерти отца, прославленного рыцаря при дворе Эдуарда. — Надеюсь, вы простите его за демонстрацию того, что могло показаться вам искренней привязанностью. — Пирс улыбнулся и отвернулся. — Эдвард питает слабость к грубиянам. Хамство забавляет его.

Прежде чем Эдвард успел ответить, Пирс пустил своего коня галопом, направляясь на противоположный край луга. Эдвард легкой рысью подвел кобылу к стартовой линии, а потом принял первое копьё у своего оруженосца.

— Ты заплатишь мне за «грубияна», сукин ты сын, — пробормотал он.

Видя, что Пирс вооружился новым черным копьём, Эдвард вонзил шпоры в бока своей кобылы, посылая ее в галоп. Полная огня, она с удовольствием откликнулась на его призыв. Хотя сегодня дул совсем слабенький ветерок, Эдварду показалось, что воздух сжался и ударил ему в лицо. Он подался вперед под грохот копыт своей кобылы, а потом привстал на стременах, покачиваясь в такт ее движению, как учил его лорд Донах еще во времена отрочества в Антриме. Эдвард опустил копьё и прищурился за прорезью шлема, сосредоточив все внимание на стремительно приближающейся фигуре Пирса Гавестона.

Эдвард оскалился, собравшись для удара, и с силой вонзил копьё прямо в центр черного щита. Уже в момент столкновения он понял, что удар получился превосходным, и ощутил, как дрогнуло в руке копьё, ломаясь после столкновения со щитом. Пирс завалился на бок, выронил собственное копьё и с величайшим трудом удержался в седле. Пока гасконец неловко останавливал своего коня, Эдвард с шиком развернул кобылу и, красуясь, воздел над головой сломанное копьё. На другом конце луга ему зааплодировали принц и его свита.

Задыхаясь от радостного возбуждения, Эдвард Брюс проехался по лугу, подметив блеск серебра среди зрителей — придворные обменивались выигрышем. Он разминулся с Пирсом, которому наконец-то удалось справиться с конем.

— Недурная попытка, мастер Пирс.

Гавестон пробурчал сквозь забрало нечто нечленораздельное, и Эдвард весело улыбнулся под шлемом, возвращаясь к стартовой линии, чтобы принять у Эойна новое копьё.

Они вновь рванулись навстречу друг другу, до предела разгоняя своих коней. Эдуард увидел, как качнулось к нему копьё Пирса и как тот привстал на стременах. Он тоже подался вперед, целясь, как и прежде, в самый центр черного щита, что сделал и гасконец. В самую последнюю секунду Пирс пошел на подлость и нацелил копьё Эдварду в лицо. Даже защищенный шлемом, Эдвард сжался и инстинктивно попытался отклониться. Рука его откинулась в сторону, и копьё вместо центра бессильно царапнуло край щита противника и вырвалось из ладони. Тем временем трехлапый наконечник копья Пирса ударил его в бок шлема. Эдвард покачнулся, голова его откинулась назад, а позвоночник едва не переломился, когда его отбросило на луку седла. Доспехи спасли его от самого худшего, но

он был оглушен и утратил контроль над кобылой, которая понесла его по лугу, не разбирая дороги.

С трудом остановив ее, Эдвард потрянул головой, чтобы зрение прояснилось, и стиснул зубы, услышав приветственные крики, на этот раз адресованные Пирсу. Эдвард развернул кобылу и направился на противоположный край поля, намереваясь прикончить ублюдка, но тут его внимание привлек всадник, вынырнувший из-под деревьев, куда уходила дорога, ведущая к Стирлингу. Это был Томас Ланкастер.

Граф подъехал к принцу, и тот после недолгого разговора со своим кузеном подал знак Пирсу.

Видя, что остальные рыцари садятся в седла, Эдвард дал шпоры своей кобыле, намереваясь догнать принца.

— Милорд, мы уезжаем? — крикнул он, срывая с головы шлем, раздосадованный тем, что состязание завершили, не дав ему возможности доказать, кто есть кто на самом деле.

Но принц уже вскочил в седло и умчался прочь. Пирс не отставал от него.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Эскорт принца Эдварда въехал в лагерь, и встречные поспешно освобождали ему дорогу, видя, что молодые вельможи прищипоривают своих покрытых пеной коней, проезжая мимо рядов палаток. Приблизившись к осадным линиям, принц придержал своего жеребца и сначала отыскал глазами отца, а потом перевел взгляд на стены замка Стирлинг, почерневшие и изуродованные огнем и камнями. От дыма и пыли над крепостью повисла мутная дымка, рассеивающая солнечный свет. У принца запершило в горле, и он закашлялся.

Король, завидев сына, поднял руку, затянутую в латную рукавицу, и поманил его к себе. Эдвард внутренне подобрался, спешиваясь, и, стараясь держать голову высоко, зашагал к отцу. С ним отправились Томас Ланкастер и Пирс Гавестон, беспечно игнорирующий мрачные взгляды, которыми его провожали некоторые бароны, когда он вразвалочку шествовал сквозь их ряды. Впрочем, ему хватило здравого смысла поклониться, когда он предстал перед королем.

— Вы звали меня, отец?

— Ты нужен мне здесь. — Взгляд светлых глаз короля переместился с принца на Пирса. — Думаю, ты уже достаточно наигрался.

Эдвард почувствовал, как загорелись его щеки, когда он остро осознал присутствие лордов и графов. Бароны разговаривали о чем-то между собой, но он был уверен, что они, все до единого, напрягают слух, стараясь не пропустить ни слова из их беседы.

— Огонь сарацин показал себя очень хорошо, — неловко заметил он, проследив за взглядом отца, направленным на замок.

За его стенами над разрушенной крышей часовни клубился дым. Осадные машины на время приостановили бомбардировку, и их расчеты производили мелкий ремонт и подкатывали новые камни, привезенные на телегах.

— Он не сможет разрушить стены, — заметил король. — А вот «Вервольфу» это по силам. После полудня его начнут устанавливать.

Заслышав женские голоса, пробивающиеся сквозь хор мужских, принц обернулся и увидел, как в королевский шатер, расположенный в самом центре лагеря, входит королева в сопровождении своих придворных дам. Полог его был откинут, и внутри, на ковре, стояло несколько кресел. Вокруг женщин суетились пажи, рассаживая их по местам и передавая им кубки с вином, разбавленным водой, дабы они могли утолить жажду. Прохладная свежесть рассвета рассеялась под теплыми лучами утреннего солнца, обещавшего жаркий день. В воздухе поплыли звуки арфы — это заиграл один из менестрелей королевы.

Принц Эдвард заметил, что отец улыбнулся, глядя, как Маргарита опускается на трон, сиденье которого было выстлано подушечками. Королева, которая всего на два года была старше его самого, жила вместе со своими фрейлинами в каменном доме в городе, но отец пожелал, чтобы она присутствовала на завершающей стадии его трехмесячной осады, словно стены Стирлинга были сценой, подготовленной для какого-то грандиозного представления.

— Пойдем, Эдвард, — коротко бросил король, внезапно преисполнившись кипучей энергией. — Проедемся верхом со мной. Я хочу осмотреть повреждения. — Когда принц направился за ним, король обернулся. — Ты один. — Он впериł тяжелый взгляд в Пирса.

Жеребец короля Байярд был уже оседлан, и его огромный круп покрывала ярко-алая попона, украшенная королевским гербом. Обменявшись репликами со своим старшим

инженером, король поднялся в седло, стараясь держать спину прямо. По его жесту Томас Ланкастер и Хэмфри де Бозн присоединились к ним вместе с еще несколькими королевскими рыцарями.

Принц, сядя на своего коня, с тревогой посмотрел на замок.

— Разве не лучше будет, если стены осмотрит кто-нибудь из инженеров?

— Мне не нужны чужие глаза, когда я прекрасно вижу своими собственными. Кроме того, это даст нам возможность поговорить.

Чувствуя, как похолодело у него в животе, Эдвард последовал за отцом через осадные линии, когда король пустил Байярда вверх по склону. Он объезжал осадные машины по очереди, ненадолго задерживаясь, чтобы поговорить с расчетами, постепенно приближаясь к стенам Стирлинга. Два графа и королевские рыцари следовали за ними на почтительном расстоянии. Король явно получал удовольствие от поездки, с небрежным изяществом восседая в седле своего боевого скакуна, которым он управлял с легкостью, пуская его то шагом, то танцующей рысью, а иногда касаясь сверкающими шпорами мускулистых боков животного, отчего Байярд вставал на дыбы и бил копытами по воздуху. Эдвард поймал взгляд отца, брошенный на королевский шатер, и понял, что тот красуется перед молодой женой. Он даже распорядился расширить окно дома, в котором остановилась Маргарита, дабы она могла наблюдать за осадой. И вот сейчас он в полном блеске предстал перед своей львицей, загоняя законную добычу.

Чем ближе они подъезжали к стенам замка, тем гуще становился дым, грязной пеленой застилающий парапеты с бойницами. Принц обвел их взглядом, выискивая признаки движения. Под стенами он заметил руки и ноги, торчащие из мусора и обломков, устилавших дорогу к подъемному мосту. Теперь, когда в бомбардировке наступила пауза, на груды битого камня слетелись вороны и принялись склеивать гнилую плоть с тел воинов, павших жертвами редких контратак защитников крепости.

— Эдвард!

Резкий окрик отца заставил принца оторвать взгляд от стен. Король остановился неподалеку от одного из требушетов. Он вольготно откинулся на луку седла, позволяя Байярду щипать жесткую траву. Эдвард дал шпоры коню, подъезжая к отцу.

— Да, милорд? — Он надеялся, что отец не услышит дрожь в его голосе.

Король в упор рассматривал сына.

— Осада скоро закончится, Эдвард, а вместе с ней и война. Я намерен вернуться в Вестминстер, а здесь оставить своего наместника. Слишком долго Англия пребывала без моего надзора. Мне все чаще поступают донесения, что в центральных графствах неспокойно. Пока шерифы и бароны сражались на войне, банды вооруженных разбойников начали терроризировать города по всей стране. Повсюду ширятся убийства, разбой и грабежи. Слишком долго королевство оставалось без своего сюзерена и повелителя. — Король помолчал. — Мне пришлось на время отложить и другие вопросы. Твою женитьбу, например.

Принц озабоченно нахмурился. Он и впрямь старался всеми силами избегать этой скользкой темы, будучи в душе благодарным упорству защитников Стирлинга и исчезновению Уильяма Уоллеса, которые занимали все мысли отца и не давали ему подумать о чем-либо другом.

— Меня ведь даже еще не посвятили в рыцари. К чему спешить с женитьбой, пока я только изучаю искусство войны?

— Война и есть та причина, по которой следует ускорить твой брак, — возразил король, оглядываясь на Хэмфри, который ожидал неподалеку вместе с Томасом Ланкастером. — В середине зимы твоя сестра Бесс родит своего первого ребенка, а у тебя появится племянник. Но я хочу, чтобы у тебя был сын. Я не вечен, Эдвард. Когда тебе придет время принять у меня корону, нужно, чтобы твой род был обеспечен продолжением. Я уже написал королю Филиппу, — бесцеремонно продолжал он, видя, что сын опустил глаза, — чтобы обговорить условия.

Пока отец продолжал обсуждать матримониальные планы, принц хранил молчание, представляя себе мрачное будущее, которое его ожидает. Он увидел себя, надевающего кольцо на палец невесте под вуалью. Ее ручки будут холодными и маленькими. Перед его внутренним взором предстало брачное ложе, изукрашенное лентами. Он стиснул зубы, воображая, как ложится на него с этой маленькой холодной незнакомкой. Эдвард постарался поскорее отогнать от себя этот образ, он внушал ему ужас и отвращение. В поисках утешения он огляделся по сторонам, и взгляд его метнулся к осадным линиям, где его ждал Пирс Гавестон. Изабелле Французской, дочери короля Филиппа и племяннице королевы Маргариты, сравнялось всего восемь лет от роду. Она не могла выйти замуж, пока ей не исполнится хотя бы двенадцать. Ему осталось всего четыре года свободы.

— Изабелла станет тебе достойной парой, — закончил король. — Теперь, когда конфликт с Францией исчерпан, а Гасконь возвращена мне, этот союз только укрепит связи между нашими королевствами.

Эдвард встретил жесткий взгляд короля:

— Да, отец.

Король открыл было рот, чтобы добавить что-то еще, но не успел вымолвить ни слова. Его швырнуло вперед, и он грудью ударился о переднюю луку. Байярд, напуганный неожиданным движением, взбрыкнул и едва не выбросил короля из седла. Принц увидел, что из плеча отца торчит нечто длинное и тонкое. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить: это — стрела. Он испуганно заверещал, когда вокруг них в землю воткнулись еще несколько стрел. И вдруг все пришло в движение. Перед его глазами промелькнула синяя вспышка. Это подлетел на своем коне Хэмфри де Боэн, подняв над головой щит, и схватил Байярда под уздцы. Стиснув коленями бока своего жеребца, он понесся вниз по склону, волоча за собой на буксире королевского скакуна с обмякшим Эдуардом в седле. К принцу подскочил Томас Ланкастер и заорал на него, заставляя двинуться с места. Эдвард встрепенулся и изо всех сил вонзил шпоры в бока своего коня, пуская его вскачь к осадным линиям, где с криками метались мужчины, а лучники уже выстраивались в шеренгу, чтобы ответить на беспорядочную стрельбу со стен Стирлинга. Кровь стучала у Эдварда в висках. Прямо перед собой он видел тело отца, навалившееся грудью на переднюю луку седла, и стрелу, торчавшую у него из плеча, подобно восклицательному знаку. А потом и короля, и Байярда поглотила набежавшая толпа.

Пока Нес показывал Джеймсу Дугласу, где можно оставить коней, Роберт поспешно повел Уильяма Ламбертона в свои апартаменты на главной улице Стирлинга. Фионн приветствовал их хриплым лаем и неторопливо подошел, чтобы обнюхать епископа.

— Вы нашли сенешаля, — сказал Роберт, отталкивая гончую и закрывая за ними дверь. — Где он?

Епископ окинул взглядом помещение, и его жемчужно-белый глаз засверкал в косых

лучах солнца, проникающих в комнату сквозь закрытые ставни. Жилище представляло собой уютный деревянный домик с большим залом и двумя соседними комнатами поменьше. У одной стены была расположена кровать, полускрытая портьерой, а у домашнего очага разместили лавку и длинный стол, на котором в кувшине стояли увядшие цветы. Пол покрывала таволга, заглушая слабый запах, исходивший из отхожего места, спрятанного за плетеной из лозы ширмой. На полках, тянувшихся вдоль стены, громоздились оловянные кубки и тарелки, сверкающие патиной после долгого использования.

Ламбертон взял Часослов, лежавший на краю полки и покрытый тонким слоем пыли, и покрутил его в руках.

— Интересно, чей это дом? Какого-нибудь буржуа? — Он перевел взгляд на Роберта. — Вы определенно снискали благосклонность короля Эдуарда, сэр Роберт.

— Ваше преосвященство!

Расслышав резкие нотки в тоне Роберта, епископ отложил книгу в сторону.

— Сэр Джеймс находится в Атолле вместе с вашим свояком.

Для Роберта приятное известие о том, что сенешаль наконец-таки нашелся, оказалось приправлено вдвойне хорошими новостями. Он ничего не слышал о Джоне Атолле вот уже много месяцев и опасался самого худшего.

— А Томас и Найалл?

— Ваши братья с ними. Они живы и здоровы.

Облегчение смягчило нетерпение Роберта. Не находя себе места от долгого ожидания и вынужденной задержки в реализации своих планов, он не отдавал себе отчета в том, насколько сильно тревожится о братьях.

— Значит, сэр Джеймс почел за благо сдаться королю?

— Сенешаль счел это вполне уместным. Он совсем не хочет, чтобы на него охотились, как на сэра Уильяма, назначив цену за его голову и лишив последнего прибежища. Он, кстати, был не единственным. Сэр Джон также предложил королю свою капитуляцию.

Роберт кивнул, переваривая новости.

— Значит, теперь мы можем приступить к реализации моего плана, не вызывая ненужного интереса у короля. Чем больше угроз его благополучию мы устраним, тем сильнее он сосредоточится на оставшихся. — Роберт принялся расхаживать по комнате. — Хотя здесь есть и свои трудности. Когда мы беседовали в Сент-Эндрюсе, вы сказали, что понятия не имеете, где Уоллес залег на дно. — Роберт повернулся к епископу. — Джеймс случайно не знает, как с ним связаться? — Он продолжал, прежде чем Ламбертон успел ответить: — Чем скорее мы сделаем это, тем лучше. Стирлинг долго не продержится. А с падением замка Уильям Уоллес превратится в главную цель короля, и тот прибегнет к любым способам, лишь бы выследить и схватить его. Это чудо, что его не нашли до сих пор, учитывая количество наших соотечественников, уже принимающих участие в охоте на него. — Роберт запнулся, всматриваясь в лицо Ламбертона. — Вы ведь говорили сэру Джеймсу о моих намерениях? — Он нахмурился, когда епископ не ответил. — В Сент-Эндрюсе вы дали мне слово, ваше преосвященство.

Роберт смотрел, как Ламбертон подошел к столу и опустился на лавку. Четыре месяца назад, вскоре после кончины отца Роберта и возвращения ко двору Эдуарда, епископ разыскал его, чтобы поинтересоваться, для чего он отправил Неса предупредить их о налете англичан на Селкирк. Понимая, что своими действиями он выдал себя мятежникам, и зная, что ему понадобится вся возможная поддержка, дабы привести свой смелый план в

действие, Роберт доверился ему. Признав, что, оставаясь с королем телом, душой он давно восстал против него, Роберт рассказал Ламбертону о надежде, которую они с Джеймсом вынашивали все это время. Если Баллиол окончательно лишится возможности вернуться на трон Шотландии, то в один прекрасный день он, Роберт, сможет предъявить свои права на него. Король Эдуард, пояснил он, выступил в роли заслона и, сам того не зная, защищал его интересы.

Роберт даже посвятил Ламбертона в свои планы, окрыленный возвращением Уоллеса: он хотел убедить лидера повстанцев тайно собрать еще одну армию, наподобие той, что разбила англичан под Стирлингом. С этими силами они нанесут удар по Эдуарду, воспользовавшись тем, что Роберту известны его слабые места. В случае успеха он захватит трон и заручится поддержкой всего народа, а репутация Уоллеса станет ему в том подмогой. Он закончил тем, что попросил Ламбертона разыскать сенешаля; единственного человека, который может убедить Уоллеса помочь ему.

Епископ согласился, сказав Роберту, чтобы он ничего не предпринимал до его возвращения. Поначалу вдохновленный подобной перспективой, со временем Роберт стал все с большим нетерпением ждать от него известий. И теперь, глядя на мрачное лицо епископа, он вдруг заподозрил, что его вера в Ламбертона оказалась неоправданной.

— Я разговаривал с сэром Джеймсом, как и обещал, — сказал Ламбертон, глядя на него. — Я передал ему все, что вы рассказали мне. Слово в слово.

— Он не согласился со мной?

— Мы с ним сошлись на том, что возможность ослабить и даже подорвать власть Эдуарда существует. Как только король создаст новое правительство, он вернется в Лондон с большей частью своих людей. В Англии нарастают беспорядки, распространяются преступность и нищета. Ему придется обратить внимание на собственное королевство, если он хочет предотвратить его сползание в пучину хаоса. Вот тогда и наступит момент для решительных действий. Для нового восстания.

Роберт кивнул.

— Совершенно верно.

— В прошлые кампании наша борьба была ослаблена разногласиями среди наших лидеров. Наши восстания походили на лесные пожары, быстро вспыхивающие и жарко горящие, но потом неизбежно пожирающие сами себя. Вражда и личные амбиции вбивали клинья в каждый совет хранителей. Но мы с сенешалем полагаем, что сможем поднять восстание, которое продержится более одного сезона, если во главе его будет один человек. Мы можем вернуть себе Шотландию. Но для этого нужно объединить ее.

— Именно это я и собираюсь сделать, когда стану королем. А Уоллес будет моим разящим мечом.

Ламбертон положил руки на выщербленную поверхность стола и сплел пальцы.

— Уильям Уоллес больше не сможет помочь вам в этом, Роберт. Вы сами сказали, что он превратился в главную мишень короля. Многие вельможи загорелись желанием изловить его, заручившись обещанием Эдуарда сократить им срок ссылки или сумму выкупа конфискованных владений. Уоллес не сможет объединить Шотландию; скорее уж его присутствие разрушит все наши попытки обрести единство. Эти ублюдки будут драться друг с другом за право заковать его в кандалы и доставить к королю. — Он впери в Роберта строгий взгляд. — И вы знаете, что я прав.

Роберт покачал головой, но без внутренней убежденности. Слова епископа прозвучали в

унисон его тревоге, нараставшей в нем на протяжении последних месяцев, когда он видел, как стремление короля поймать Уильяма Уоллеса перерастает в одержимость и как внимательно Эдуард изучает сообщения, многие из которых приходят от самих шотландцев, видевших преступника то в одном, то в другом месте.

— В глазах многих, — продолжал Ламбертон, — Джон Баллиол по-прежнему имеет больше прав на престол. Не забывайте, что, пока он жив, вы говорите о его низвержении. А это не простая задача. Если вы завтра возложите корону себе на голову, за вами последуют очень немногие. Даже те люди, что раньше поддерживали вас, теперь видят в вас предателя. Для того чтобы в вас признали короля, а мы добились единства, которое позволит нам вернуть себе страну, нужно, чтобы за вас встала вся Шотландия. А ради этого нам нужно заручиться поддержкой единственного человека, который обладает самой большой властью во всем королевстве. И этот человек — не Уильям Уоллес. Это — Джон Комин.

Роберт, не веря своим ушам, в оцепенении смотрел на епископа.

— Это и есть ваш план? — Он коротко рассмеялся хриплым, лающим смехом. — План сенешаля?

— В качестве хранителя Джон Комин наделен правом говорить от имени народа страны. Более того, за прошедшие годы он привлек к себе многих последователей и заручился поддержкой армии Галлоуэя. Будучи лордом Баденохом, он имеет многочисленных вассалов. А ведь есть еще его родственники — Темные Комины и Комины Килбрида. Но самое главное, своими победами при Лохмабене и Рослине он вселил надежду на победу.

— Победу? — огрызнулся Роберт. — Его жадность стала причиной гибели сотен шотландцев!

— А от чьих рук они приняли смерть? — парировал Ламбертон и внезапно встал. В глазах его горело обвинение. — Вот это и увидят люди, если вы предстанете перед ними сейчас, Роберт: ваше участие в нашем поражении. Признаюсь вам, мне и самому трудно не заметить этого. В одиночку, так же, как и Уоллес, вы стали разъединяющей силой. Комин же, напротив, превратился в цемент, скрепляющий собой все королевство.

— Не могу поверить, что Джеймс согласился с вами.

— Мне пришлось очень постараться, чтобы убедить его, — признал Ламбертон. — Но в конце концов он понял, что я прав.

Роберта захлестнула ярость. Гнев на сенешаля за то, что тот согласился с этими доводами, на Ламбертона — за то, что он выдвинул их, и даже на крошечную часть самого себя, которая понимала, что епископ говорит правду. Но принять ее он не мог.

— Джеймс убедил меня сдаться на милость Эдуарда. Это из-за него я оказался в таком положении!

— Он поступил правильно. В то время он верил, что король Джон вернется. Мы все верили в это. И капитуляция перед Эдуардом стала для вас единственным способом защитить свои интересы. Если бы вы продолжали сражаться против короля на стороне повстанцев, то сейчас пытались бы выкупить свои конфискованные земли или отправились бы в ссылку. Вместо этого вы счастливо избегли преследования и теперь пребываете в уникальном положении, позволяющем вам влиять на формирование нового правительства. Вы обладаете властью в покоренной Шотландии.

Роберт в упор взглянул на епископа.

— Все это время вы боролись за реставрацию Баллиола, ваше преосвященство. Вы

возглавили делегацию в Париж. Почему же теперь вы помогаете мне занять его место?

— Потому что теперь я знаю, что Джону Баллиолу больше не суждено сидеть на троне Шотландии. И мне также известно, что сенешаль и Роберт Вишарт на протяжении вот уже многих лет оказывают вам поддержку в борьбе за престол. Я доверяю их мнению.

— Есть и другие претенденты, — пробормотал Роберт. — Включая Джона Комина.

— Но их права на трон выглядят далеко не так убедительно, как ваши. Ваш дед стал бы королем, избранным народом, если бы Эдуард не отдал предпочтение Баллиолу. Многие считали, что у лорда Аннандейла было намного больше прав занять трон. Полагаю, будет вполне справедливо, если на престол взойдет его потомок. Нужно сделать мир таким, каким он должен быть. Начать с чистого листа. И мы способны этого добиться. Но для начала необходимо укрепить вашу репутацию среди народа королевства.

Роберт перевел взгляд на букет с засохшими цветами. Лепестки стали коричневыми и хрупкими, скрюченными, словно дохлые пауки. А перед его внутренним взором появился круглый зал в Пиблзе, где он сам стоял напротив Джона Комина в окружении толпы мужчин. Он увидел ненависть на лице Комина, ненависть, отравившую многие поколения, которые не давали ей угаснуть; ненависть, которая наконец вызрела в них до открытого противостояния. Он увидел лезвие кинжала, прижатого к его горлу, руку Комина, обхватившую его за шею; увидел, как их сторонники обнажают клинки, готовые броситься друг на друга.

— Вы говорите о необходимости объединиться, ваше преосвященство. Но вы же были в Пиблзе. Вы своими глазами видели то, что случилось в последний раз, когда нас с Комином избрали хранителями. — Роберт покачал головой. — У нас ничего не получится.

— Должно получиться, Роберт. Никто из нас не в состоянии сражаться с королем Эдуардом в одиночку. Потребуется влияние Джона Комина и законность вашего права на трон, чтобы объединить страну и сломить его волю.

Роберт отвернулся от епископа в полном смятении чувств и мыслей. С одной стороны, ему отчаянно хотелось сделать хоть что-нибудь — разорвать цепи лояльности монарху, которого он презирал и ненавидел всей душой, выпрямиться во весь рост и взять то, что отняли у его семьи. И, похоже, именно это и предлагает ему Ламбертон. Но какой ценой?

Они с Уоллесом не всегда находили общий язык, но Роберт уважал его: его неизменное стремление видеть Шотландию свободной, его целеустремленность и верность людям, которые пошли за ним, его неутомимую ярость на поле брани. Джон Комин был совершенно другим человеком. Он был его кровным врагом. И Ламбертон просил его забыть о десятилетиях ненависти, простить все зло, что причинили Комины его семье, а сами они — семья Коминов. Проще говоря, довериться ему. Заключить сделку с дьяволом или погибнуть.

Роберт принял нелегкое решение.

— Как вы сами только что сказали, король Эдуард наделил меня властью. Более того, ему понадобится наместник в Шотландии, когда сам он уйдет отсюда. — Он повернулся к Ламбертону. — Я еще не окончательно потерял надежду. Но если вы правы и я более не могу рассчитывать на то, что Уоллес соберет новую армию, тогда я воспользуюсь своим положением, дабы укрепить свое влияние в Шотландии. Позже, возможно, мне удастся убедить его назначить меня единственным хранителем. Да, на это уйдет больше времени, но уже с позиции власти мне будет легче бороться за трон.

— Только смотрите, не повторите ошибку своего отца, Роберт, — предостерег его Ламбертон. — Он поверил обещаниям короля. А что они принесли ему в итоге, кроме

одинокой смерти в Англии?

Фионн вдруг вскочил со своего места у кровати и залаял. Мгновением позже отворилась дверь и на пороге появился Нес.

— Сэр, с королем случилось несчастье. Он ранен.

Роберт протиснулся сквозь толпу, собравшуюся у королевского шатра, полог которого был плотно задернут. В воздухе висел возбужденный гул голосов — рыцари и бароны обсуждали трагический момент, когда стрела со стены осажденного замка угодила в монарха. Кое-кто сокрушался оттого, что не смог предвидеть подобной опасности. Другие на все лады проклинали скотта, выпустившего злосчастную стрелу, и грозили гарнизону страшной местью.

Разлитое в воздухе напряжение, от которого над толпой, казалось, вот-вот разразится гроза, породило в Роберте странное возбуждение, ощущение того, что мир должен измениться, а с ним — и его место в нем. Если Эдуард умрет, королем станет его двадцатилетний сын. Принц, судя по словам брата, отнюдь не разделял одержимости короля непременно покорить Шотландию, и его собственные страсти лежали в совсем иной плоскости. Более того, в начале своего правления молодому Эдварду придется во всем полагаться на опыт и подсказки людей постарше, много повидавших. Если Роберт станет одним из них, быть может, ему удастся убедить принца вернуть Шотландии свободу? Убедить его в том, что стране нужен король, если он хочет сохранить в ней мир и процветание?

Когда Роберт подошел к шатру, полог откинулся и оттуда вынырнул Хэмфри. Граф выглядел измученным, но нашел в себе силы улыбнуться и поднять обе руки, обращаясь к толпе и требуя тишины.

— Наш король жив и чувствует себя хорошо.

Вздых облегчения, прокатившийся над головами собравшихся, сменился аплодисментами.

— Стрела попала в плечо, но рана неглубокая. Его лекарь ожидает скорого выздоровления.

Роберт в оцепенении слушал, как мужчины вокруг издают крики радости после этих слов Хэмфри. Он уставился на Хэмфри, чувствуя, как угасает в душе надежда. Неужели старый ублюдок остался жив?

— Король Эдуард требует, чтобы прискорбный инцидент не помешал дальнейшей осаде Стирлинга. Он намерен присоединиться к нам во время инаугурации «Вервольфа».

Толпа вновь разразилась бурными аплодисментами.

— Приведите зверя! — проревел Хэмфри.

Инженеры начали выбираться из толпы, чтобы выполнить приказ, и тут Хэмфри заметил Роберта. Он подошел к нему, озабоченно хмурясь.

— Роберт? — Он положил ладонь ему на плечо. — Ты побледнел как полотно.

Роберт встряхнулся и взял себя в руки.

— Я только что узнал о том, что произошло.

— Это стало потрясением для всех нас. — Хэмфри понизил голос. Толпа начала расходиться, мужчины возвращались к своим обязанностям, и лагерь ожил в предвкушении отмищения. — Должен признаться, я уж думал, что ему конец. Лекарь говорит, что от боли король лишился чувств. Он пришел в себя, когда мы снимали с него доспехи. — Граф изумленно покачал головой. — Клянусь, из его плеча вытаскивали стрелу, а он сидел и говорил мне, что еще до заката отомстит гарнизону. У быков, по-моему, и то меньшая...

— Я могу его видеть?

Хэмфри оборвал себя на полуслове.

— Прямо сейчас?

— Его ранил один из моих соотечественников. — Роберт встретил взгляд графа, найдя, как ему показалось, убедительную причину. — Я не хочу, чтобы этот инцидент поставил под угрозу мир, которого мы все с таким трудом добились. Я хочу быть уверенным, что дурные поступки отдельных людей не повлияют на судьбу большинства.

После недолгой паузы Хэмфри согласно кивнул.

— Подожди минутку, я узнаю, готов ли он дать тебе аудиенцию.

Роберт остался ждать, чувствуя, как гулко стучит у него в груди сердце, когда граф скрылся внутри шатра. Он вновь мысленно вернулся к своему разговору с Ламбертоном, прерванному известием о возможной смерти короля. Его снедало желание действовать немедленно. Он прождал много месяцев, надеясь, что епископ вернется с ответом, которого он искал. Но ему предложили лишь отравленный кубок. Ему хотелось доказать, что Ламбертон ошибается, доказать, что он способен добиться своего и что для этого ему не нужно сотрудничать с Комином. Епископ был прав — он завоевал благосклонность короля. Пришло время посмотреть, что это ему даст.

Появился Хэмфри и знаком подозвал его к себе. Когда Роберт приблизился к нему, граф положил руку ему на плечо.

— Король может казаться крепким, как столетний дуб, но все-таки постарайся не утомить его.

Пройдя мимо стражников на входе, Роберт вошел внутрь королевского шатра. Масляные лампы заливали интерьер медным сиянием, подсвечивая позолоту на резном троне с подушками и на стульях королевы и ее придворных дам, расставленных полукругом. Они были пусты. Мимо Роберта проскользнул слуга с тазом в руках, вода в котором была окрашена розовым. Во второй половине шатра, полускрытой богато вышитыми драпировками, он увидел короля.

Эдуард сидел на стуле, и его лекарь с иглой в руках трудился над его плечом. Король был обнажен до пояса, одетый в одни лишь панталоны. На животе у него собралась складками обвислая кожа, но грудь его, поросшая седыми волосами, оставалась столь же широкой и мускулистой, как и руки, напряженно лежавшие на коленях. Над самым сердцем у него змеился длинный шрам от старой раны, показывая, как близко от цели прошел кинжал наемного убийцы. Эдуард уцелел в смертельных стычках на поле брани в Англии, Шотландии, Уэльсе, Франции и Святой Земле, пережил несчастные случаи на охоте лихорадку, обрушение башни, в которую попала молния, штормы и ураганы на море. Казалось, сама смерть боится предьявить свои права на него.

В шатре король был не один. Рядом стояла королева Маргарита, жалобно морщась всякий раз, когда игла протыкала кожу короля, стягивая края раны. Еще дальше, у стены, застыл принц Эдвард, на лице которого читались страх и дурные предчувствия. Были здесь и другие — епископ Бек и Томас Ланкастер, несколько королевских советников и пажей, — но Роберт видел только короля.

Эдуард смотрел, как он приближается.

— Сэр Роберт, Хэмфри сказал, что вы хотите что-то сообщить мне.

— Я желал засвидетельствовать вам свое почтение, милорд, и еще раз заверить в своей лояльности. Мне бы хотелось убедиться, что действия гарнизона Стирлинга не скажутся на

вашем отношении ко всем шотландцам.

Пока король молча смотрел на него, между ними поплыли клубы благовоний, возжигаемых в кадильнице в углу. Но дымный аромат не мог забить запах пота и крови. Уголком глаза Роберт заметил лежащую на сундуке сломанную стрелу, древко которой лоснилось красным. Он вдруг ощутил укол боли в плече, пронзенном арбалетным болтом. «Теперь мы в расчете», — подумал он, встретив взгляд прозрачных глаз Эдуарда.

— Стрелу выпустил один человек, а не все королевство, — проговорил наконец король. — Я был слишком беспечен. Этот случай преподал мне урок осторожности и напомнил о том, что нужно беречь собственную спину от врагов. Скотты — дьявольски хитрый и злопамятный народ.

От внимания Роберта не ускользнула улыбка, искривившая губы епископа Бека.

Как только лекарь закончил зашивать рану и обрезал концы нитки, Эдуард осторожно пошевелил плечом и встал.

— Вы хотели сказать мне что-то еще?

Роберт заколебался, не желая разговаривать в присутствии Бека и остальных.

Король нахмурился, но потом резко взмахнул рукой, приказывая домочадцам и советникам удалиться.

— Оставьте нас.

Проходя мимо, епископ Бек поймал взгляд Роберта и попытался что-то передать ему глазами: некое предупреждение или угрозу. Принц, похоже, с облегчением воспринял возможность удрать и быстро выскользнул из шатра впереди королевы, которую сопровождали ее фрейлины.

Паж помог королю облачиться в свежую сорочку, и Эдуард взял кубок с вином.

— Говорите, сэр Роберт. Я не в настроении разгадывать загадки.

— Я много думал, милорд, о будущем Шотландии и ваших планах по формированию нового правительства. И сегодняшний инцидент лишь подтвердил то, что беспокоит меня более всего, — необходимость укрепления союза между нашими народами ради поддержания мира и обуздания бунтарей, способных поколебать его, особенно учитывая, что Уильям Уоллес до сих пор на свободе. — Роберт с удовлетворением отметил, как на бледных щеках короля заалели пятна румянца при упоминании его злейшего врага.

— Продолжайте, — хрипло повелел Эдуард, отпивая глоток вина.

— Более указов и чиновников вам необходимы преемственность и взаимодействие, которые и способен обеспечить только сильный лидер, после того как вы вернетесь в Англию. Я уже доказал, что могу поддерживать мир и порядок на западе в качестве шерифа Ланарка и Эйра. Полагаю, в качестве лорда-наместника Шотландии я могу сделать намного больше. Я знаю этих людей, милорд, — продолжал Роберт, не давая королю возможности возразить. — Мне известны их страхи и надежды. Я бы заметил первые признаки нового мятежа задолго до того, как он вспыхнет ярким пламенем.

Король допил вино.

— Я уже выбрал своего наместника. Им станет мой племянник Джон Бретонский.

Удар оказался неожиданным, но Роберт попытался взять себя в руки.

— Ему будет нужен советник. Кто-нибудь, кто знает Шотландию и ее народ. Я мог бы...

— Я также назначил своего казначея и камерария, ^[48]а сейчас подбираю судей и шерифов, и некоторые из них и впрямь будут шотландцами. — Эдуард заговорил повелительным тоном. — Шотландия — далеко не первая страна, которую я беру под свою

руку, сэра Роберт. Я не столь наивен, чтобы не разбираться в деликатных вопросах завоевания. И я вполне понимаю все выгоды от назначения местных жителей на важные посты. — Он повернулся к кровати, на которой лежала его накидка, и взял ее в руки, с неудовольствием глядя на окровавленную дыру, которую проделала в ней стрела. — И при этом смотрю, чтобы они не преисполнились сознания собственной незаменимости. — Подойдя к гардеробу, он снял с крючка свою ярко-алую мантию. — Шотландия останется почти такой, какой она была после низложения Баллиола. Она сохранит все свои свободы и вольности, но подчиняться станет мне. Не будет ни хранителей, ни регента. — Он повернулся к Роберту. — Никакого короля. — Эдуард долго смотрел на него, а потом попытался набросить мантию себе на плечи. Лицо его исказилось от боли. — Помогите мне надеть ее, — брюзгливо приказал он.

Роберт заставил себя сделать шаг и принял у короля мантию, сминая пальцами мягкую ткань. Он встал позади Эдуарда, вдыхая запах трав, исходивший от мази, наложенной лекарем. Король был на несколько дюймов выше его, но сейчас Роберт заметил, что годы берут свое и Эдуард начинает горбиться. Он встряхнул мантию, и золотые львы на ней глумливо оскалились, глядя на него. Возлагая мантию на широкие плечи Эдуарда, он вспомнил красного льва Шотландии, сорванного с накидки Баллиола.

Время замедлило свой бег. Роберт увидел родинку на шее короля под прядями его редющих седых волос. Он увидел, как просвечивает кожа черепа, обожженная солнцем. Господи, да ведь он — самый обычный человек, облеченный столь же хрупкой телесной оболочкой, как и все прочие! Как мог этот шестидесятипятилетний человек, ослабленный старческими немощами, стать причиной стольких смертей и разрушений? Руки Роберта — сильные, загорелые руки тридцатилетнего мужчины — замерли над плечами короля по обе стороны от шеи.

Эдуард резко обернулся, застегивая брошь на горле.

— Я ценю ваше предложение помощи, сэра Роберт. В самом деле, я приветствую его. Война окончена, и я желаю, чтобы так оставалось и в дальнейшем. Шотландский Совет должен будет регулярно сноситься с моим наместником и его подчиненными. Я желаю, чтобы среди его членов были Джон Комин и епископ Ламбертон. Но более всего мне нужны вы. Вы станете моими глазами и ушами в этой новой Шотландии.

— Вы оказываете мне честь, милорд, — пробормотал Роберт.

— Пойдемте, — сказал король, и жестокая улыбка пробежала по его губам. — Я хочу собственными глазами увидеть, как работает «Вервольф».

Эдуард широким шагом вышел из шатра, и Роберт последовал за ним. Оказавшись на ярком солнечном свете, он едва расслышал крики радости, которыми рыцари приветствовали появление своего короля. В его ушах звучал голос Ламбертона, заглушая все остальное: «Только смотрите, не повторите ошибку своего отца. Он поверил обещаниям короля. А что они принесли ему в итоге, кроме одинокой смерти в Англии?»

Еще до низложения Баллиола Эдуард пообещал отцу Роберта трон Шотландии в обмен на его лояльность. Роберт вспомнил нетерпение, снедавшее его отца, пока они ехали в Монтроз в тот судьбоносный летний день. Его не было рядом, когда отец отправился требовать своей награды, но впоследствии ему рассказали о том, что случилось. «Вы что же, думаете, — пожелал узнать король, — что мне нечего больше делать, кроме как завоевывать для вас королевства?» А отец так и не оправился от этого унижения и краха своих надежд.

Английские вельможи обступили своего короля, вознося благодарственные молитвы за

его чудесное избавление от смерти, а Роберт стоял в одиночестве, всеми забытый, и в голове у него царил сумбур.

«Вервольф» медленно двигался по лагерю, влекомый четырьмя десятками быков. Животные жалобно стонали от натуги, когда погонщики охаживали кнутахми их окровавленные бока, заставляя ускорить шаг. За ними катилась осадная машина с волочащимися канатами и цепями, деревянные колеса которой перемалывали почву, и казалось, что ее колоссальный корпус достигает облаков. «Вервольф» был требушетом, но таких размеров, каких еще никогда не видели глаза человека. Для его постройки понадобилось два месяца и более пятидесяти инженеров. Его возводили, балка за балкой, на лугу под городом, используя доски и бревна, сорванные с ближайших домов и доставленные из леса. Англичанам приходилось задираТЬ головы, чтобы окинуть его взглядом, когда он проплывал мимо; его гигантская корзина мирно покоилась на колесной платформе, а балка с обратной стороны цепляла облака.

На стенах замка царила тишина. Нигде не было видно и следа его защитников. Над бастиянами серой пеленой клубился дым, взвиваясь в небо там, где за стенами бушевал невидимый отсюда пожар. Когда «Вервольф» остановился, погонщики бросились выпрягать быков из передней платформы, в то время как инженеры натягивали веревки и цепи, обильно смазывая колесо лебедки, дабы обеспечить гладкое скольжение. Солдаты, кряхтя от натуги, стали опускать балку с петлей. Наконец корзина со свинцом поднялась в воздух, а стрела опустилась. Солдаты принялись закатывать огромный камень, намного больше предыдущих, в кожаную петлю. Едва он устроился внутри, как петлю прикрепили к крюку на стреле.

Мужчины, копошившиеся вокруг осадного орудия, поспешно отошли назад. Старший инженер взглянул на короля, который утвердительно кивнул. По его приказу расчет освободил тормоз лебедки. Корзина на мгновение замерла в воздухе, пока цепь с лязганьем разматывалась, а потом ухнула вниз, как якорь. Одновременно стрела «Вервольфа» с кожаной петлей на конце взмыла вверх, описав широкую дугу. Когда она достигла зенита, катапульта петли выплюнула камень, и тот полетел к стенам Стирлинга, угодив прямехонько в одну из надвратных башен замка. Осколки камней брызнули во все стороны, и верхняя часть башни с грохотом обрушилась в ров. При виде зияющей раны, которую «Вервольф» прокусил в боку замка, англичане разразились радостными криками, и эхо от них прокатилось по склону.

— Еще! — яростно выкрикнул король. — Все машины, разом!

Расчет «Вервольфа» вновь налег на рукоять, поднимая корзину со свинцом. Когда в сторону Стирлинга полетел очередной камень, к обстрелу замка подключились требушеты и баллисты, и земля под ногами задрожала от их грохота. Там и сям вспыхивал греческий огонь, и дым стал гуще, затягивая небо непроницаемой пеленой.

В непрерывной бомбардировке прошел час, и вдруг солдаты близ стены закричали, показывая руками на надвратную башню. Там медленно опускался подъемный мост. Стрельба прекратилась, когда из замка вышли человек пятьдесят или около того и медленно двинулись по дороге, осторожно пробираясь среди обломков. Их встретили рыцари короля, грубо обыскали на предмет оружия и погнали к тому месту, где ждал Эдуард.

Они являли собой жалкое зрелище. Некоторые были ранены, но большинство выглядели изможденными от нехватки еды и сна. У всех были серые лица и одинаковые бесформенные

одеяния. Когда они приблизились, окруженные рыцарями, Роберт, стоявший рядом с королем, понял, что защитники Стирлинга надели мешки поверх накидок и доспехов. Одновременно стало понятно, почему у них такой странный цвет кожи. Они вымазали себе лица золой. Мешковина и зола: демонстрация раскаяния и покорности. Явно зная о том, что часть солдат гарнизона Карлаверока повесили после капитуляции, Уильям Олифант и его люди искали милости короля.

Олифант опустился на одно колено.

— О великий король, — хриплым голосом проговорил он, протягивая ему ладонь, в которой был зажат большой ключ на кольце. — Стирлинг ваш. Я смиренно прошу вас принять мою безоговорочную капитуляцию. И молю лишь пощадить моих людей, сохранив им жизнь.

Роберт покосился на короля, который хранил молчание, глядя сверху вниз на коленопреклоненного воина.

— Нет, — после долгой паузы ответил Эдуард. — Я ее не принимаю.

Приближенные короля в недоумении уставились на него. Хэмфри нахмурился. Уильям Олифант вскинул голову, и глаза его наполнились страхом.

— На строительство «Вервольфа» ушло два месяца, и я хочу испытать его должным образом. Я обдумываю вопрос о вашей капитуляции, когда буду удовлетворен работой моей новой осадной машины. И вы сдадитесь, когда я решу, что настало время. Ни минутой раньше. — Король жестом приказал своим рыцарям: — Отведите их обратно и забаррикадируйте двери.

Уильям Олифант поднялся, обводя взглядом лица людей, окружавших короля. Никто не пришел ему на помощь. Спустя мгновение он повернулся и зашагал обратно к разрушенной надвратной башне Стирлинга, и его спутники последовали за ним. Стрела «Вервольфа» медленно поднималась в небо.

Роберт смотрел на короля, чувствуя, как в душе у него просыпается холодная ненависть. Отвернувшись от Эдуарда, он окинул взглядом толпу. Ему не понадобилось много времени, чтобы отыскать тонзуру Уильяма Ламбертона.

Они собрались на рассвете во дворе королевского особняка, баюкая в ладонях кубки с горячим вином, пока грумы седлали их коней, а слуги выводили собак из псарен. Кроме двенадцати гончих, здесь были и два алаунта ^[49] в кожаной сбруе и шипастых ошейниках, мощные челюсти которых способны были перекусить добычу пополам. Когда прискакали егеря и доложили, что лаймеры взяли след, собравшиеся выехали со двора, трубя в рога, дабы взбодрить гончих перед охотой. Солнце только-только показалось над горизонтом, когда они въехали в лес. К восторгу молодых людей примешивалась опаска, поскольку сегодня они собирались охотиться не на оленя или зайца, а на дикого кабана.

Рассыпавшись меж деревьев, мужчины продирались сквозь густой подлесок и заросли шиповника, понукая коней перепрыгивать через узкие ручьи и упавшие стволы и следуя за гончими, неизменно остававшимися впереди. Иногда их было видно, но чаще охотники ориентировались лишь на их залиvistый лай. В самой середине легким галопом скакал и принц Эдвард, и изумрудно-зеленая мантия вилась за его плечами. Под попоной бока его жеребца уже покрывал пот. Сердце бешено стучало у него в груди, а в жилах кипела кровь. Чувства его обострились, взглядом он выхватывал золотые блестки солнечного света на упавших листьях, уши улавливали малейшую перемену тональности в реве рогов, которые сейчас уводили всю компанию на запад, по следам гончих, а рот и нос забивали запахи сырого мха и гниющих желудей. Вокруг пышной смертью умирало лето, охваченное гаснущим пожаром опавших листьев.

Забирая вправо, Томас Ланкастер вонзил шпоры в бока своего белого скакуна, заставляя его перепрыгнуть через ствол упавшего дерева. Он улыбался во весь рот, щеки его покраснелись. Эдвард Брюс держался позади, подгоняя своего жеребца и стараясь не отставать от графа. В правой руке шотландец сжимал короткое копьё. Накидка его была заляпана грязью, а на лбу красовалась длинная царапина, заработанная во время падения, но он, как и все остальные, был полон радостного возбуждения и сладостного предвкушения удачной охоты.

Вот уже три часа они шли по следу, пересекая поросшие густой травой поляны и мелкие речушки, и небо над их головами постепенно светлело, обретая прозрачную голубизну. Добыча оказалась хитрой, зверь пытался уйти от преследования и обмануть их, петляя и возвращаясь обратно по своим следам, но и егеря не уступали ему в сноровке. Они с легкостью читали его следы на мягкой почве, находили пятна грязи на стволах, которые оставляло животное, обдирая о них бока, определяли на глаз свежесть помета — и сокращали разделявшее их расстояние. Принц с восторгом отметил в экскрементах кабана желуды, которые придадут сладость его мясу. Это будет отличный подарок отцу, управляющемуся от раны в маноре и ослабевшему после неожиданной болезни желудка, приключившейся с ним на обратном пути из Шотландии. Наверняка порадуется и его сестра Бесс, беременность которой уже изрядно утомила ее.

Пригнувшись, чтобы не удариться о низконависшие ветви дуба, Эдвард заметил блеск черной бархатной накидки, мелькнувшей впереди меж деревьев. Он улыбнулся и прищепил коня, не обращая более внимания на сучья, со свистом пронесившиеся в опасной близости. Принц постепенно сокращал разделявшее их расстояние, и бархатная мантия, расшитая узорами из цветов и листьев, стала видна отчетливее. Всадник впереди обернулся, услышав топот копыт у себя за спиной. Пирс улыбнулся, завидев принца, и прищепил своего коня, и они сумасшедшим галопом понеслись по лесу, оставив остальных охотников далеко позади.

Деревья впереди поредели, разбегаясь по широкому склону. Оба выскочили на него на взмысленных конях, из-под копыт которых во все стороны разлетались листья и комья земли. Эдвард сумел подвести своего скакуна вплотную к Пирсу, и теперь они мчались рядом. Деревья по бокам слились в золотисто-коричневую смазанную полосу, и солнечный свет взрывался ослепительными брызгами. По спине принца больно колотил охотничий рог в чехле. Задышавшись, он склонился к передней луке. Уголком глаза он отметил, что Пирс последовал его примеру, оскалив зубы. Прямо впереди тропа сужалась, и деревья подступали к ней с обеих сторон. Эдвард вонзил шпоры в бока своего жеребца, заставляя его совершить рывок из последних сил и опередить гасконца. Но тот и не думал сдаваться. Впереди стремительно вырастал толстый ствол бука.

В последний миг у Эдварда сдали нервы. Рванув повод, он направил своего коня левее и понесся по некрутому откосу вниз, едва не вылетев из седла, когда жеребец перепрыгнул через поваленное дерево и вломился в густой подлесок. Ветви хлестали его по лицу. Он отчаянно пытался усмирить коня, натягивая поводья и откидываясь всем телом назад, пока тот наконец не остановился. Принц неподвижно замер в седле, чувствуя, как успокаивается дыхание и утихает дрожь в руках и ногах.

— Милорд! — окликнул его Пирс, подъезжая к нему. На губах его коня выступила пена, ноздри животного раздувались. — Вы не ранены?

— Нет, благодаря тебе со мной все в порядке, — огрызнулся Эдвард, на которого только теперь навалился страх. — Почему ты не остановился?

— Я ждал, пока это сделаете вы. — Пирс похотливо улыбнулся. — Разве вам не понравилась скачка?

При виде ухмылки друга Эдвард почувствовал, как и его губы растягиваются в улыбке, но постарался сдержать ее.

— Лучше передай мне вино, черт бы тебя побрал.

Выпростав носки сапог из стремян, Пирс спрыгнул на землю и принялся отвязывать мех от седла, а потом передал его Эдварду, который жадно приложился к нему, вливая вино в пересохшую глотку. И тут вдали едва слышно проревел рог. Принц развернулся в седле, пытаясь понять, где находятся остальные охотники.

— Смотрите.

Эдвард повернулся к гасконцу и увидел, что тот подошел к дереву, кора у корней которого была содрана. Принц сразу же понял, что это за отметины. Их оставил дикий кабан, когда точил свои клыки о дерево. Он опустил руку, в которой был зажат мех с вином, охваченный беспокойством.

— Пирс, садись на коня.

Но гасконец и не думал повиноваться.

— А вот еще, — сказал он, раздвигая кусты.

Выругавшись, принц спешил и обнажил меч. После долгой и отчаянной скачки он

нетвердо стоял на ногах, а вдобавок, выйдя из тени на яркий свет, еще и растерянно шурился. В воздухе пахло сырой землей и прелыми листьями. Принц напрягал слух, чтобы не пропустить любой звук в кустах вокруг. Преследовать кабана верхом было делом опасным, но идти за ним пешком — чистым безумием. Клыки зверя с легкостью могли вспороть человеку живот.

Пирс присел на корточки у корней дуба и рукой в перчатке потрогал царапины на стволе.

— По-моему, они совсем свежие.

— Нужно позвать остальных, — всполошился Эдвард и потянулся за своим охотничьим рогом.

Но не успел он поднести его к губам, как Пирс схватил его за запястье.

— Они и так скоро найдут нас.

— Или то, что от нас останется, если кабан и впрямь рыщет поблизости. — Эдвард попытался настоять на своем, но, ощутив прикосновение пальцев Пирса, жалобно понизил голос. Гасконец стоял так близко, что он видел капельки пота на его верхней губе и темный пушок пробивающейся щетины. Он с усилием отвел взгляд. — Пирс...

— Я надеялся, что нам представится случай поговорить без помехи, — сказал гасконец, не ослабляя хватки. — Что король говорил обо мне, Эдвард?

— Говорил о тебе? Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Не играй со мной. Мы слишком давно знаем друг друга.

Эдвард покачал головой:

— Клянусь, Пирс, он ничего не говорил.

Гасконец вдруг отпустил руку Эдварда.

— Я вижу, какие усилия он прилагает, чтобы разлучить нас. За последние два месяца наши отношения очень изменились. Неужели ты этого не замечаешь?

Эдвард задумался. После захвата замка Стирлинг, который отец приказал бомбардировать еще некоторое время, прежде чем наконец принял капитуляцию его гарнизона, король повел свою армию на юг, в Англию. Они двигались медленно, их задерживала внезапная болезнь короля. Да, действительно, отец требовал, чтобы он принял на себя больше ответственности, но принц решил, что всему виной его слабость и недомогание.

— Нет, — резко бросил Пирс, когда Эдвард изложил ему свои доводы. — Дело не только в здоровье твоего отца. Он перестал приглашать меня на совещания, назначает других на высокие должности при твоём дворе, обходя меня. Эдвард Брюс — чертов *скотт* — пользуется большим влиянием, чем я. А твой отец так часто заговаривает о твоём браке, что, клянусь, у меня такое чувство, будто ты уже женат.

Эдвард нахмурился и сердитым толчком загнал меч в ножны. У них с Пирсом существовала негласная договоренность, что они не будут обсуждать его предстоящий брак с Изабеллой Французской.

— Не тебе одному светит подобная перспектива.

— Нет, меня ждет вовсе уж печальное будущее, — парировал Пирс. — Когда этот день настанет, я потеряю тебя навсегда. — Отодвинув принца, он направился к лошадям.

Эдвард остановил его, схватив за плечо.

— Давай не будем ссориться. — Они стояли друг напротив друга, и ветер кружил листья между ними. Звуки рогов по-прежнему были едва слышны, но вот тональность их

изменилась — в них появился призыв. Эдвард понимал, что их уже ищут. — Не имеет значения, что говорит или делает мой отец. Я не позволю ни ему, ни кому-либо еще разлучить нас.

— Я должен иметь больше власти и занимать более высокое положение при дворе, Эдвард. Только так я смогу оставаться рядом с тобой. Ты должен противостоять отцу.

Принц хрипло рассмеялся.

— Противостоять ему?

— Он будет уважать тебя за это.

— Поле того как изобьет меня до полусмерти? — Деланое веселье Эдварда испарилось. — Ты даже не представляешь, на что он способен.

Пирс рукой в перчатке погладил его по щеке.

— Зато я представляю, на что способен ты. — Он сделал шаг вперед.

— Не надо, — пробормотал Эдвард, пытаясь отвернуться.

Но Пирс не позволил ему этого сделать. Взяв лицо принца в ладони, он наклонился и поцеловал его.

Помимо воли Эдвард почувствовал, как в нем просыпается страсть. Губы его друга были теплыми и пахли вином со специями и солью. От него самого исходил запах пота и кожи. Эдвард с силой схватил гасконца за плечи, всей душой желая его и одновременно презирая себя за это, и впился в губы Пирса жадным поцелуем. С момента их последней близости прошло уже несколько недель.

Кусты справа от них взорвались шорохом и треском, за которыми последовал топот копыт. Принц и Пирс отпрянули друг от друга, когда на поляну в пылу погони за кабаном вылетел Эдвард Брюс. Завидев их, шотландец резко осадил коня, и пика замерла в его руке, а на лице застыло ошеломленное выражение. Несколько мгновений трое мужчин молча смотрели друг на друга. А потом на поляне зазвучал лай, и из-за кустов вылетели гончие, вслед за которыми скакали егеря и вельможи. Некоторые остановились, с облегчением обнаружив, что принц жив и здоров, но остальные промчались мимо, идя по следу кабана, охваченные пылом погони.

— Милорд принц, — выдохнул один из егерей, — вы не ранены?

Принц с трудом оторвал взгляд от Эдварда Брюса.

— Со мной все в порядке, — грубо ответил он. Оставив Пирса обмениваться ненавидящими взглядами с шотландцем, он быстрым шагом подошел к своему коню, чувствуя, как горит у него лицо.

Стоя по другую сторону поляны, скрытый густыми кустами, Томас Ланкастер смотрел, как пристыженный кузен садится в седло. Принц дал шпоры своему коню, посылая его вслед за погоней, и Эдвард Брюс последовал за ним, по-прежнему сжимая короткое копьё в опущенной руке. Пирс Гавестон метнул в спину шотландцу убийственный взгляд, прежде чем взлететь в седло своего коня и послать его с места в карьер. Лицо его было мрачнее тучи. Томас же еще несколько мгновений стоял на месте, крепко сжимая в кулаке поводья.

Тернберри, Шотландия

1304 год

Элизабет стояла у окна, глядя на кружащих над водой чаек и машинально вслушиваясь в неумолчный шум волн, разбивающихся о скалы. За темным куполом острова Айлза Крейт пелена дождя скрывала из виду остров Арран. Было уже слишком темно, чтобы разглядеть на горизонте тонкую линию, обозначающую самый северный мыс Ирландии. Внизу пенилось и стонало море, от вида которого у нее кружилась голова. В отличие от озера Лох-Ри, чьего безмятежного простора она научилась избегать еще девчонкой, скрыться от моря на этом скалистом утесе, далеко выдающемся от берега, было невозможно. Сны ее, точнее, ночные кошмары, часто бывали наполнены борьбой, паникой и неспособностью дышать — это всплывали на поверхность детские страхи, — и, просыпаясь под шум волн, она лишь через несколько мгновений понимала, что не тонет.

Элизабет опустила взгляд на письмо в руке, недавно полученное от отца. Оно было написано в его типичной суховатой манере — вначале шли кое-какие новости о ее сестрах, после чего следовало описание нескончаемых стычек с ирландцами, по-прежнему бесчинствовавшими на границах Коннахта и Ольстера. Между строк отцовского письма она уловила его надежду на то, что теперь, когда война в Шотландии закончилась, король Эдуард обратит внимание на другие свои беспокойные владения.

Элизабет подошла к столику, на котором хранила свои личные вещи: зеркало, щетку для волос, флакончик духов и драгоценности, среди которых был и крестик слоновой кости, ныне покоящийся в атласном кошельке. Она почти перестала брать его в руки, потому что теперь он приносил больше боли, нежели утешения, напоминая ей о том времени, когда ее вера в отца и в Господа была абсолютной. Она не могла отделаться от ощущения, что оба наказали ее, спасши от супруга, который желал ее слишком сильно, но вместо этого передали мужу, который не желал ее вовсе. Сложив письмо, она опустила его на столик, и в это время в соседней комнате раздались тяжелые удары. Закончив ремонт снаружи, каменщики, плотники и подсобные рабочие перенесли внимание на изуродованный интерьер Тернберри.

Вот уже неделю Элизабет не знала, куда деваться от бесконечного стука и грохота, а тут еще осенние штормы обложили блокадой побережье Каррика, превратив дороги в непролазную грязь. Впрочем, и за пределами замка ей было некуда податься; повсюду глаз натывался на унылые, продуваемые всеми ветрами дюны и вересковые пустоши, перемежающиеся редкими рошицами да холмами. Деревенские жители казались ей нелюдимыми и подозрительными, и те редкие вылазки, которые Элизабет предприняла за стены Тернберри, не изменили ее мнения о них. Однажды, катаясь на лошади в ближайшем лесу, она заметила старуху со спутанными седыми волосами, глядящую на нее из-за деревьев. За ее юбку держалась маленькая девочка с обожженным лицом. Повернув свою кобылу, чтобы поприветствовать странную парочку, Элизабет обнаружила, что они куда-то исчезли. Вспоминая об этом случае, она все чаще спрашивала себя, уж не привиделись ли они ей.

Роберт привез ее в Тернберри вскоре после падения Стирлинга, но задержался ровно на столько, сколько потребовалось, чтобы проинспектировать произведенный в замке ремонт. Ей он сказал, что должен встретиться с Джоном Комином по поручению короля, дабы дать формальный толчок формированию Совета Шотландии, но Элизабет чувствовала, что он не рассказывает ей всего. После отъезда из лагеря англичан она заметила произошедшие в муже перемены. Он стал сдержаннее и был занят более обыкновенного, принимая посланцев среди ночи, отправляя своего оруженосца Неса с какими-то таинственными поручениями и

встречаясь за закрытыми дверями с людьми, которых она не знала.

Там, в Данфермлине, Элизабет показалось, что он начал сочувственно относиться к охватившему ее ощущению безысходности и тоски, потому что после возвращения из неудавшегося рейда в Лес он согласился нанять гувернантку для Марджори. Эмма, жена одного из оруженосцев сэра Хэмфри, оказалась добродушной и домашней женщиной, способной и утешить, и поставить на место; она быстро приструнила девчонку. За последние месяцы Марджори, с головой ушедшая в учебу, доставляла намного меньше неприятностей, чем раньше. Испытывая облегчение, Элизабет одновременно ощущала и тоску, поскольку заполнить ставшее свободным время ей было нечем, и она все сильнее хотела иметь собственного ребенка.

Отвернувшись от окна, она подошла к кровати и села. Совсем недавно комната была побелена, чтобы скрыть следы огня и дыма, и у нее болела голова от резкого запаха извести. Массируя виски кончиками пальцев, она вспомнила Бесс, которая наверняка скоро родит, если уже не родила. Она очень скучала по подруге. Пустота внутри грозила захлестнуть ее, вытесняя все прочие чувства, пока она не стала казаться себе раковиной, в которой слышен лишь воображаемый шум моря.

— Почему ты плачешь?

Элизабет подняла голову, поспешно вытирая слезы, и увидела на пороге Марджори.

— Разве у тебя нет уроков?

— Я прочла без ошибок целый псалом, и мистрис Эмма разрешила мне поиграть до ужина. — Марджори, немного потоптавшись на пороге, все-таки вошла в комнату.

Элизабет заметила, что в руке она держит куклу, которую отец подарил ей еще в Риттле. Она выглядела потрепанной и грязной, а одна из черных бусинок-глаз вообще потерялась.

— Я нашла ее на дне своего сундука, — сообщила Марджори, ласково поглаживая пальцами одну косу куклы. Вторая расплелась, и шерстяные прядки спутались. — Я думала, что потеряла ее. Помнишь?

Еще бы ей не помнить. Девчонка рыдала пять дней напролет. Элизабет с трудом подавила улыбку.

— Помню.

Марджори протянула ей куклу.

— Ты мне поможешь? Я не умею заплетать косы.

— Я? — переспросила Элизабет, не в силах скрыть удивление. — А почему не Джудит?

— Она спит, — ответила Марджори, усаживаясь на постель.

Элизабет взяла куклу и стала расчесывать ей волосы пальцами, а Марджори придвинулась поближе, внимательно наблюдая за ее действиями.

Вдруг девочка протянула руку и коснулась ее обручального кольца.

— Оно очень красивое.

Элизабет вздрогнула, когда пальчики девочки коснулись ее руки. Прикосновение другого существа стало для нее шоком. Она замерла, позабыв про куклу, а Марджори принялась крутить кольцо у нее на пальце, восхищаясь игрой света в рубине.

— У мистрис Эммы тоже есть кольцо, но не такое красивое. — Марджори нахмурилась. — А почему женщины носят его именно на этом пальце?

— Потому что на нем есть жилка, которая идет прямо к сердцу. — Поколебавшись, Элизабет нерешительно обняла девочку за плечи и закрыла глаза, слушая, как крики чаек перекликаются с шумом разбивающихся о скалы волн.

На вересковые пустоши опускалась ночь, и тени в складках земли стали глубже. Поднимаясь во главе отряда по извилистой тропе на верхние склоны, Роберт заметил, что с края над головой ему подмигивают огоньки костров. Он тронул бока своего жеребца каблуками, посылая его вверх по заросшему папоротником склону к тому месту, где на фоне неба выделялась черная груда камней. Подъехав ближе и откинув со лба прядку волос, которую швырнул ему в лицо пронизывающий ветер, он увидел, что вокруг стоят палатки, стены которых подсвечивает изнутри пламя ламп.

На самой окраине лагеря его остановили двое часовых, но потом позволили проехать внутрь. Не дожидаясь, пока его нагонит основной отряд, Роберт миновал несколько рядов палаток и спешил к возле нагромождения стоящих вертикально камней. В центре образованного ими кольца горел большой костер, вокруг которого сидели люди с мисками в руках, и на их лицах играли причудливые отблески пламени. Некоторые оглянулись на него. И хотя на их лицах он не заметил особого дружелюбия, на глаза ему попалось и несколько знакомых гербов, что не могло не радовать.

— Сэр Роберт.

Оглянувшись, он увидел, как из темноты к нему шагнула чья-то высокая фигура, и сразу же воспрянул духом.

— Сэр Джеймс! — Он крепко пожал протянутую сенешалем руку. — Рад видеть вас.

Джеймс Стюарт приветствовал его одной из своих редких улыбок.

— Я тоже, Роберт. Я тоже. — Улыбка его быстро увяла, но карие глаза светились теплом. — Мы проделали долгий путь, прежде чем встретиться здесь. Чуть позже я буду готов выслушать все твои новости, а пока... — Он умолк, глядя поверх плеча Роберта на отряд, въехавший в лагерь. — Добро пожаловать, ваше преосвященство.

К ним подошел епископ, за которым по пятам следовал Джеймс Дуглас. Встретившись с Ламбертоном в Перте, откуда они двинулись на север уже вместе, Роберт обратил внимание, что молодой человек не отходит от епископа ни на шаг.

Взгляд сенешаля остановился на молодом человеке, и лицо его просветлело.

— Джеймс? Клянусь Богом! Я надеялся, что ты приедешь, но теперь понимаю, что ожидал встретить мальчика. Ламбертон, — шутливо упрекнул он епископа, — вы не предупредили меня, что я увижу перед собой мужчину. — Когда Дуглас воззрился на епископа с вопросом в голубых глазах, сенешаль нахмурился. — Ты разве не хочешь поздороваться со своим крестным отцом?

— Дядя? — Темноволосый молодой человек неуверенно шагнул вперед.

— Неужели я настолько изменился? — В два шага покрыв разделявшее их расстояние, сенешаль обнял племянника. — О, да у тебя отцовская силушка! — со смехом воскликнул он, когда Джеймс крепко сжал его в объятиях. Спустя мгновение сенешаль отстранился. — Как твои дела в Стирлинге? Ламбертон говорил мне, что собирается просить о возврате

твоих земель.

— Король сказал, что обдумает этот вопрос, сэр, — с готовностью откликнулся Джеймс. Лицо его потемнело. — Но я знаю, что Роберт Клиффорд пользуется его доверием так что, боюсь, он назовет такую цену за мои поместья, заплатить которую я не смогу, и это помешает мне заполучить их обратно.

— Не спешите предполагать худшее, мастер Джеймс. Эдуард не отмахнулся от моей просьбы, и это хорошо. — Ламбертон перенес свое внимание на сенешаля. — Мои посланцы передали вам, что король принял вашу капитуляцию?

— Да. Благодарю вас, ваше преосвященство. — Сенешаль задержал взгляд на епископе и, похоже, без слов выразил намного более горячую благодарность. Он посмотрел на племянника и улыбнулся. — Какое все-таки счастье, что ты вернулся!

Внимание Роберта привлекла группа людей, направлявшаяся в их сторону. При виде знакомых лиц в душе у него вспыхнула радость.

Первым шел Найалл, ставший еще выше ростом. В его темных глазах читалась мудрость уже взрослого человека, а в движениях сквозила уверенность. Пораженный произошедшими с ним переменами, Роберт вдруг сообразил, что в последний раз видел брата на берегу озера Лох-Луох, передавая ему посох Малахии, когда за спиной уже стучали копыта коней солдат Ольстера. Он спросил себя, что думает о нем его младший брат — который в детстве обожал его — сейчас. Он получил ответ на свой вопрос, когда Найалл обнял его.

— Я знал, что ты не мог предать нас, — смущенно пробормотал Найалл.

Когда младший брат выпустил Роберта из своих объятий, настала очередь Томаса Брюса, грубоватого и сдержанного, по своему обыкновению. Он крепко пожал руку старшему брату.

— Добро пожаловать домой, Роберт.

— Вы рассказали им? — спросил Роберт, оборачиваясь к Джеймсу.

— Так было нужно, — прозвучал чей-то голос, прежде чем сенешаль успел открыть рот. Из толпы вышел Джон Атолл. За графом шел его сын Дэвид, одетый в цвета своего отца.

— Я так и знал, что ты что-то задумал, — пояснил Джон, обнимая Роберта за плечи и с улыбкой оглядывая его с ног до головы. — И сэр Джеймс подтвердил мои догадки.

— К завтрашнему дню Джон Комин будет знать о твоих планах, — вмешался сенешаль. — Я не видел смысла скрывать правду от твоих братьев. В конце концов, — добавил он, окидывая их взглядом, — тебе понадобится их поддержка, если ты намерен победить.

— Она у него есть, — сказал, выходя из тени, Кристофер Сетон.

Роберт даже рассмеялся от радости при виде его, испытывая безмерную благодарность оттого, что его братья и друзья пережили бурю и сейчас собрались вокруг него, простив ему все, что он натворил. Все эти последние годы мысль о том, что они считают его предателем, грызла его изнутри и подтачивала душу.

Стиснув Роберту руку, Кристофер опустился на одно колено.

— Мой меч принадлежит вам, сэр Роберт. И всегда принадлежал.

Роберт заставил йоркширского рыцаря подняться на ноги и обнял его. За спиной Кристофера, чуть поодаль, он увидел Александра Сетона. На лице лорда не было и следа улыбки, но он хотя бы склонил голову в знак приветствия.

— Как вы оказались здесь? — спросил Роберт у Кристофера. — Я слышал, вы были в отряде Уоллеса?

— Мне следовало бы знать, почему вы прислали Неса предупредить нас в Лесу, — отозвался Кристофер, глядя мимо Роберта туда, где стоял с лошадьми оруженосец. — Уоллес отпустил меня и Александра, чтобы мы разыскали сэра Джона. И ваш зять рассказал нам все: что вы капитулировали перед королем Эдуардом телом, но не сердцем. И что вы по-прежнему намереваетесь взойти на трон.

— Вы знаете, где сейчас Уоллес?

— Нет. Он затаился в какой-то глуши, чтобы его не нашли охотники.

— Нам нужно многое обсудить и еще больше сделать, — вмешался в разговор Джон Атолл. — Но давайте сначала порадуем свои желудки. — Граф кликнул своих пажей, велел им принести еды и питья. — Пойдемте к моему костру, — пригласил он Роберта и Ламбертона. — Мои люди покажут вашим оруженосцам место, где можно разбить лагерь.

— Первым делом я должен поговорить с сэром Джеймсом, — заявил Роберт, глядя на сенешаля. Он улыбнулся Найаллу, который старался не оставлять его одного. — А ты ступай вперед.

Когда его младший брат ушел вместе с остальными, улыбка Роберта увяла. Еще до окончания сегодняшней ночи ему придется сообщить Найаллу и Томасу о том, что их отец умер.

— Роберт.

Обернувшись на голос сенешаля, он двинулся вслед за ним через лагерь туда, где их не могли слышать остальные.

Остановившись в темноте возле неровной пирамиды из камней, сенешаль повернулся к нему. Тусклый свет ущербной луны высветил серебряный блеск седины у него в волосах.

— В своем последнем послании епископ Ламбертон сообщил мне, что тебя одолевают сомнения. И теперь я вижу их сам на твоём лице.

— Разве можно меня в этом винить? — парировал Роберт. — Это — совсем не то, о чем мы договаривались.

— Наши планы зиждились на надеждах, а не на трезвых расчетах. Мы были уверены, что Джон Баллиол вернется, а ты отправишься в ссылку. Мы не могли знать наверняка, что наступит такой день, когда война закончится, а трон окажется свободным. Вплоть до сегодняшнего момента мы и предполагать не могли такую возможность.

— Сделав то, что вы предлагаете, я окажусь во власти человека, который является моим врагом. Я рискую всем. Даже если Комин согласится, никто не может знать, что получится из нашего альянса. Вы же знаете, что между нашими кланами существует кровная вражда.

— Ты выдал себя, когда отправил Неса предупредить людей в Селкирке, — напомнил ему сенешаль. — Джон Комин должен понимать, что у тебя имеются какие-то свои тайные планы. Он сдался Эдуарду, потому что не видел другого способа уцелеть. А ваш альянс дает ему надежду, что ему не придется жить на положении раба англичан. Полагаю, он по крайней мере выслушает, что у тебя есть ему сказать. А награда, которую ты предложишь ему за поддержку, — не пустой звук.

Роберт стиснул зубы.

— Награда? — с горечью переспросил он. — Эта награда превосходит все, о чем я мог когда-либо мечтать. Вы с Ламбертоном требуете от меня огромной жертвы.

— Разве не стоит заплатить такую цену, если она принесет тебе королевство, а нашим людям — свободу?

Роберт отвернулся. Отвечать ему не хотелось. Вокруг них холодный ветер шелестел

вереском. Несмотря на радость встречи, он чувствовал, как горечь и сомнения последних недель вновь отравляют ему душу.

— Это — единственный способ, Роберт. За меньшую награду Комин не согласится на наши условия.

— Должен же быть какой-то другой способ! Я не сумел получить доказательств того, что Эдуард приказал убить короля Александра, но я знаю, где можно найти ответы — по крайней мере, насчет пророчества.

— Я же говорил тебе, чтобы ты и думать забыл об этом! — прошипел сенешаль. — Если Эдуард заподозрит, что ты...

— Не заподозрит. Он думает, что я не знаю, кто напал на меня в Ирландии. Джеймс, клянусь, в его глазах был страх, когда он увидел вот это. — Сунув руку под накидку, Роберт вытащил наконечник арбалетной стрелы на шнурке. Кусочек металла тускло блеснул в лунном свете. Он выдохнул, думая о Тауэре — о страже, ловушках и запертых дверях между ним и шкатулкой с пророчеством. — Пока я не смог добраться до пророчества, но есть шанс, что я сумею найти улики, которые позволят нам диктовать Эдуарду свою волю.

— Нет. Довольно, — решительно заявил сенешаль. — Чтобы этот план сработал, ты должен оставаться на хорошем счету при английском дворе. Даст Бог, Джон Комин согласится поддержать нас, но даже в этом случае пройдет много месяцев, прежде чем мы сможем приступить к активным действиям. Нам придется тайно вербовать союзников и сноситься с нашими вассалами, создавать армию и разрабатывать стратегию нападения. Потом надо подумать о твоей коронации. И за все это время мы не должны возбудить у короля Эдуарда ни тени подозрений. Тебе придется демонстрировать ему свою подчеркнутую лояльность и работать над созданием Совета Шотландии, чтобы он был готов к следующему созыву парламента, как и повелел король. Время — на нашей стороне; чем дольше мы будем готовиться, тем увереннее будет чувствовать себя король. И когда грянет гром, это станет для него полной неожиданностью. — Джеймс положил руку на плечо Роберту. — Не рискуй всем этим ради призрачного шанса, Роберт. Ради своей фантазии.

— Фантазии? Эдуард может быть виновен в смерти нашего короля!

— А я пытаюсь сделать нового, — с нажимом ответил Джеймс. — Ни ты, ни я не можем вернуть Александра к жизни, какова бы ни была причина его гибели. Но если даже подобное злодеяние и было совершено, мы можем исправить его, посадив тебя на трон. Наши люди многого лишились и много выстрадали. Свобода стоит больше справедливости.

Роберт оглянулся на лагерь, откуда долетали смех и мужские голоса.

— Вот интересно, если бы я разыскал вас раньше Ламбертона, поддержали бы вы мой первоначальный план?

— Когда Ламбертон рассказал мне, что с помощью Уоллеса ты хочешь собрать новую армию против короля Эдуарда, я решил, что это безнадежная затея. Я и сейчас придерживаюсь такого же мнения. Надеюсь, со временем сэр Уильям сможет вновь занять видный пост в королевстве, но только после того, как мы победим. Лучшее, что он может сделать сейчас, — это продолжать скрываться. — Джеймс нахмурился. — Хотя, боюсь, его ненависть к англичанам рано или поздно заставит его выйти из своего убежища.

Роберт понял, что проиграл. Откровенно говоря, это случилось еще тогда, когда он сделал первый шаг по дороге на север. Несмотря на глубокое внутреннее предубеждение, он не видел изъянов в плане Ламбертона, особенно когда его собственный до сих пор не принес никаких плодов. Но чтобы дело дошло до такого? Он вспомнил своего деда, брошенного

Симоном де Монфором в темницу после битвы при Льюисе. Из-за предательства Коминов клан Брюсов едва не разорился после того, как был вынужден заплатить выкуп за освобождение лорда. Роберт попытался представить, что сказал бы дед, если бы знал, что он собирается сделать. Он отогнал от себя эту мысль. Его дед не дожил до этого дня. Джеймс прав. Стоит заплатить любую цену, если она принесет ему трон Шотландии.

— Комин знает, что я намерен предложить ему?

— Нет. Он думает, что ты хочешь пригласить его в новый Королевский совет. Хотя раз, — Джеймс криво улыбнулся, — мы скажем ему правду.

— Когда мы выступаем?

— С рассветом. Смотри, — сказал Джеймс, подходя к краю вересковой пустоши, которая уходила вдаль, теряясь в темноте. — Лохиндорб недалеко.

Стоя рядом с сенешалем, Роберт увидел огромное озеро, раскинувшееся в горной расщелине. На дальнем его конце, озаренный лунным светом, виднелся замок, на стенах которого мелькали огоньки факелов. В их отблесках он даже разглядел красный баннер.

— Значит, завтра, — пробормотал он. — И пусть это будет последняя жертва, на которую я вынужден пойти.

Джон Комин смотрел вслед удаляющейся лодке. На носу отчетливо виднелась фигура Роберта Брюса, которого можно было отличить от его спутников по белой мантии. Заслышав над собой приглушенные голоса, Комин обернулся. Взгляд его скользнул по отвесной стене замка вверх, где на парапет облокотились два стражника в красных ливреях его цветов. За спинами у обоих торчали кончики луков.

Оглянувшись на лодку, которая направлялась к южному берегу, Комин представил, как выкрикивает команду. Он услышит скрип натягиваемой тетивы и увидит, как по высокой дуге понесутся к лодке стрелы. Брюс неловко рухнет в воду, и его мантия на миг расстелется по поверхности, прежде чем исчезнуть в кровавом водовороте. Само действие было бы быстрым и легким, а вот его последствия... Комин знал, что его поступок стал бы подобен камню, брошенному в спокойную воду. Он частенько проделывал этот фокус мальчишкой, неизменно изумляясь тому, как далеко разбегаются по воде круги.

— Нам многое нужно обсудить.

Комин облизнул пересохшие губы, когда рядом раздался голос Темного Комина. Граф Бучан не сводил глаз с лодки.

— Да, — пробормотал Комин и пошевелил плечами, чувствуя, как уходит напряжение, которое не отпускало его во время переговоров с Брюсом и его союзниками. — Пойдемте внутрь. — И первым стал подниматься по скользким, позеленевшим от плесени доскам причала, мимо рыцарей, стоявших на страже, направляясь к арочному проходу в восточной стене. Во дворе замка их встретил Дунгал Макдуалл.

Капитан склонил голову, приветствуя обоих лордов, но лицо его было мрачнее тучи.

— Прошу простить меня, сэр, — сухо процедил он, — но могу я поинтересоваться, чем заслужил ваше недоверие?

— Недоверие? — Комин нахмурился.

— Не могу представить себе иной причины, по которой вы не пригласили меня на совещание с Брюсом и сенешалем.

— Уймись, Дунгал, — с раздражением бросил Комин. — Я не стал приглашать тебя, потому что ты не смог бы находиться в одной комнате с человеком, изуродовавшим тебя, не попытавшись отомстить.

Дунгал скривился, и левая рука его непроизвольно дернулась. Из рукава рубашки торчал обезображенный обрубок запястья, испещренный багровыми шрамами.

— Идемте, — сказал Комин и зашагал по двору замка к главному залу. — Нам нужно поговорить. Встреча прошла совсем не так, как планировалось.

Макдуалл пристроился рядом с ним.

— Брюс не пригласил вас участвовать в Королевском совете?

— Пригласил. Но не это было главной целью его приезда.

Завидев приближающихся лордов, привратник распахнул высокие двойные двери.

В главном зале в глаза прежде всего бросалось возвышение, рядом с которым на стене висел красный штандарт с гербом Джона Комина. Помещение с высоким потолком, под которым перекрещивались балки, было роскошно убрано гобеленами с изображениями глав клана нескольких последних веков. Один стоял за спиной короля, пока тот заверял печатью какой-то документ, второй склонялся перед троном в знак благодарности за пожалованные ему новые земли. Был здесь и дед Джона Комина, сражающийся бок о бок с королем Генрихом и молодым Эдуардом в битве при Льюисе. В каминах трещало и шипело пламя, и в большом зале уютно и сладко пахло дымком и свежей соломой, разбросанной по полу на зиму, — летний тростник был уже убран.

Слуги поспешно прибирали со стола тарелки и кубки, оставшиеся после совещания. Комин хриплым рыком разогнал их, после чего уселся во главе стола. Темный Комин тяжело опустился на скамью, рукавом смахнув на пол объедки. Дунгал Макдуалл устроился напротив, сумрачно оглядев стол, словно надеялся отыскать там следы своего врага.

Комин дождался, пока двери зала не закрылись с гулким стуком, после чего заговорил, посвящая Макдуалла в подробности переговоров и их неожиданный результат.

Капитан долго молчал, выложив на стол сжатую в кулак правую руку.

— Значит, Брюс намерен свергнуть короля Джона? — осведомился он негромким голосом, который вполне мог быть криком, если судить по силе чувств, прозвучавших в нем.

— Он давно уже метит на трон, — проворчал Темный Комин, — так что здесь нет особого секрета. Это честолубивое стремление живет в его семье вот уже три поколения. Удивления достойно лишь подтверждение того, что все эти годы Брюс успешно обманывал своего английского господина, а теперь готовится объявить ему войну.

— Не нахожу здесь ничего удивительного, — возразил Комин. — Сукин сын столько раз вертелся по ветру, словно флюгер, что теперь уже невозможно сказать, в какую сторону он смотрит.

— И он действительно верит, что вы поможете ему в этом? — Макдуалл явно не мог поверить в происходящее.

— Сенешаль и этот проныра Ламбертон изо всех сил старались убедить меня, что подобный союз — в моих же собственных интересах. Если я поддержу Брюса в его борьбе за трон, то взамен получу манор Аннандейл и графство Каррик.

— Только в том случае, если он станет королем, — подчеркнул Темный Комин. — Помни, Джон, этот уговор ничего не стоит, если он не взойдет на трон. Он рассчитывает, что ты окажешь ему полную поддержку в этом предприятии — своими людьми, вассалами, родственниками и союзниками. — Граф покосился на Макдуалла. — И Лишенные Наследства тоже.

Макдуалл хрипло рассмеялся и поднялся со своего места.

— Не может же Брюс всерьез полагать, что мы пойдем на это!

Комин встретил его яростный взгляд.

— Полагаю, они сочли свое предложение настолько щедрым, что уверовали: я не смогу от него отказаться.

Мыслями он вновь вернулся к совещанию, к тому моменту, когда Джеймс Стюарт изложил условия. После того как миновало первое удивление, Комин посмотрел на Роберта Брюса. По выражению открытой неприязни у него на лице Комин понял, что предложение отдать родовые земли и титулы исходит не от него.

— Они даже не подозревают о том, что я сам вынашиваю планы взойти на трон. То есть

свергнуть короля, — сухо добавил он, с вызовом глядя на капитана.

— Я скорее предпочту видеть на месте вашего дяди вас, сэр, чем тысячу Брюсов, — отозвался Макдуалл. Он вновь опустился на скамью, здоровой рукой пододвинул к себе один из оставшихся на столе кубков и доверху наполнил его вином. Рука его дрожала, и он пролил рубиновую жидкость на стол.

Темный Комин меж тем пристально вглядывался в своего родственника.

— Меня по-прежнему удивляет, что твой отец дал тебе свое благословение, Джон. Это противоречит всему, что до сих пор исповедовал клан Коминов, всему, чего добились наши предки. Мы — создатели королей, но не короли.

— Времена изменились. И мы должны измениться вместе с ними, если хотим, чтобы наша семья вернула себе былую славу, — возразил Комин, явно чувствуя себя неловко под пристальным взглядом графа.

Двоюродный брат его отца, будучи на пятнадцать лет старше самого Джона, обладал незаурядным умом и проницательностью, долгие десятилетия занимаясь хитросплетениями шотландской политики. Во время правления Джона Баллиола он был назначен коннетаблем Шотландии и не принадлежал к числу людей, которых легко обмануть. Поэтому Комин испытал огромное облегчение, когда граф кивнул головой в знак согласия.

— Это все так, — заметил Темный Комин, — но ни амбиции, ни стремление к переменам не изменят того факта, что притязания Роберта Брюса на трон гораздо весомее твоих. Какова вероятность того, что ты сможешь взойти на престол вместо него? — Прежде чем Комин успел ответить, дядя продолжал: — Если Брюс добьется своего, он сделает тебя графом. Это — не тот титул, от которого можно легко отмахнуться, клянусь Богом. Титул графа Каррика передает в твое владение земли в Ирландии и манор Аннандейл, что, вкуче с твоими поместьями в Галлоуэе, означает, что весь запад Шотландии будет пребывать под твоей властью. Он предлагает тебе большое вознаграждение.

— Но сам станет верховным сюзереном, — возразил Комин, и лицо его залила краска гнева. — Я не склонюсь перед ним даже ради спасения собственной жизни. Уж лучше оставаться под владычеством англичан.

— А вы можете предъявить свои права на трон до того, как это сделает он? — спросил Макдуалл, потягивая вино. — Теперь, когда надежды на возвращение короля Джона нет, знать королевства наверняка поддержит вас. Пусть у Брюса больше прав на престол, но вы — родственник Баллиола. Это много значит в глазах ваших союзников. Почему бы не воспользоваться представившейся возможностью вместо него? Сейчас, когда король Эдуард вернулся в Англию, почему бы вам не собрать своих сторонников и не выступить против него? Уже в качестве короля?

— Это невозможно, — ответил Темный Комин. — По той же самой причине, по которой Брюс был вынужден просить нашей помощи. Чтобы его — или наш — план сработал, его должно поддержать все королевство. Ни одна из фракций не в состоянии противостоять англичанам в одиночку. — Он взглянул на Комина. — Твоя капитуляция перед королем Эдуардом дорого тебе обошлась. Тебе удалось избежать ссылки, когда ты пообещал изловить Уильяма Уоллеса, но ты заплатил высокую цену за возврат Лохиндорба, и, если ты не предъявишь королю мятежника, тебе предстоит заплатить еще больше, чтобы вернуть себе остальные земли. — Он помолчал. — Я согласен с Ламбертоном. По крайней мере в этом: Шотландия должна объединиться, если мы хотим освободиться из-под гнета англичан. У тебя много союзников, под твоим командованием находится целая армия, но с

тех пор, как Брюс унаследовал земли своего отца, его сила существенно возросла. У него тоже имеются влиятельные друзья: высокий сенешаль Шотландии, епископы Глазго и Сент-Эндрюса, граф Джон Атолл, граф Гартнет Мар, Макдональды Ислея, многие другие лорды и рыцари. Если ты попытаешься взойти на трон вместо него, они ополчатся на тебя.

— Значит, нас ждет будущее под властью английской короны? — пробормотал Комин. — Выбор невелик, вы не находите?

— Вовсе не обязательно. — Темный Комин сцепил пальцы рук. — Если Брюс лишится надежды стать королем, его сторонникам будет труднее опротестовать твои собственные притязания. Я наверняка знаю, что они со временем предпочтут, оказавшись перед выбором власти — твоей или английской.

— Лишится надежды? — Комин нахмурился. Он мельком подумал, а не пришла ли в голову Темному Кому там, на причале, та же самая фантазия, что и ему. — Мы не можем устранить Брюса без риска вызвать гражданскую войну.

— Мы не можем. А король Эдуард может.

Комин выпрямился и подался вперед.

— Что вы имеете в виду?

— Теперь мы знаем, что Роберт Брюс предал англичан. Если Эдуарду станет известно о том, что он задумал, то я готов прозакладывать свое графство, что остаток дней Брюс проведет в лондонском Тауэре.

Комин покачал головой.

— Идея недурна. Но у нас ничего не получится. Король Эдуард доверяет Брюсу намного больше, чем любому из нас. Моя ненависть к нему хорошо известна. Эдуард же далеко не дурак. Он сочтет это жалкой попыткой с моей стороны дискредитировать Брюса, чтобы возвыситься самому. Я даже могу лишиться своего места в этом новом Совете. Если только у меня не будет реальных доказательств, чего-то более весомого, нежели мои слова, король ни за что не поверит в предательство Брюса.

— Нам нужно не искать подобные доказательства, а сделать их самим.

Изабелла, графиня Бучан, без сна лежала на кровати. На соседней стене висел гобелен с изображенным на нем мужчиной в сутане священника и нимбом над головой. Он стоял на носу корабля, а на заднем плане виднелся остров с крестом, который горел ярким пламенем в столбе света, падающем с небес. «Святой Колумба, [\[50\]](#) — решила она, — приближающийся к Ионе». Сквозняк, задувающий в окно, шевелил гобелен, отчего казалось, будто море на нем покрыто рябью. После ухода супруга дрова в камине прогорели, и в комнате было холодно, как в могиле. Изабелла дрожала от озноба, но не пыталась ни забраться под одеяло, ни позвать служанок из соседней комнаты, чтобы развести огонь. Вместо этого она закрыла глаза и вновь мысленно принялась репетировать свою речь, беззвучно шевеля губами.

Некоторое время спустя в коридоре раздались тяжелые шаги. Графиня приподнялась на локтях и соскользнула с кровати. На мгновение она запаниковала, не зная, где ей лучше встать. В замках своего супруга или собственных поместьях она знала свое место. Но здесь, в северной твердыне Джона Коми́на, она была гостьей, и незнакомая обстановка вселяла в нее неуверенность. В конце концов она подошла к окну и присела на диван, поправляя сеточку на волосах, и в это время отворилась дверь.

В комнату вошел супруг. Изабелла выдавила улыбку, которая замерла на ее губах, когда женщина увидела желваки на его скулах и нахмуренный лоб. Она уже знала, что такой его

вид не сулит ей ничего хорошего. Она смотрела, как он расстегивает булавку на вороте своей мантии и сбрасывает ее со своих широких плеч.

— Почему огонь почти погас? — проворчал он наконец, соизволив заметить ее.

— Я распоряжусь, чтобы Радульф развел его вновь, — пообещала Изабелла, когда муж швырнул мантию на постель. Она сидела почти неподвижно, лишь разглаживая складки на платье. — Переговоры прошли удачно?

Граф пробормотал нечто неразборчивое и подошел к тому месту, где на вбитом в стену крюке висела его дорожная накидка.

— Прикажите вашим служанкам собираться, — сказал он, набрасывая ее поверх камзола. — Через час придут носильщики, чтобы забрать сундуки.

— Мы уезжаем?

— У меня срочные дела.

Слова, которые мысленно репетировала Изабелла, требовали выхода. Она уже открыла рот, но так и не смогла произнести их.

— Новый Королевский совет? — спросила она. — Сэр Роберт пригласил вас принять в нем участие?

Граф резко обернулся, и морщины на его лбу стали глубже. Он рассмеялся издевательским лающим смехом, а потом подошел к ней вплотную. Она встала с дивана.

— Воспитанная и добродетельная, как всегда, — пробормотал он и взял ее лицо в ладони. — Сэр Роберт сделал неожиданный ход. Правила игры изменились. И теперь мы, Комины, должны по-новому расставить свои фигуры. Но да, король Эдуард хочет, чтобы я участвовал в его новом Совете.

Изабелла закрыла глаза, ощущая прикосновение его мозолистой руки, загрубевшей после долгих лет обращения с мечом. Эта неожиданная ласка придала ей смелости.

— Это и впрямь очень хорошо. — Она накрыла его ладонь своей и прижала к щеке. — Я подумала, что раз война закончилась, мы можем обратиться к королю с просьбой освободить моего племянника? — торопливо заговорила Изабелла, и слова хлынули потоком, радуясь, что вырвались на волю. Она вот уже много месяцев обдумывала их, с тех самых пор, как пообещала своей сестре попросить об этом мужа.

Граф отнял руку.

— После Сент-Эндрюса я уже говорил вам, что надежды на освобождение вашего племянника нет. Эдуард дал ясно понять, что нога графа Дункана более никогда не ступит на землю Файфа. Он опасается присутствия создателя королей в Шотландии.

— После Сент-Эндрюса прошло уже несколько месяцев, — быстро продолжала Изабелла. — Многие шотландцы уже отбыли сроки своей ссылки и вернулись домой. Почему этого не может случиться с моим племянником? Быть может, король Эдуард уже передумал? Дункан совсем еще мальчик.

— Довольно. Я не стану объяснять политические резоны женщине.

Изабелла схватила его за руку, когда он повернулся, собираясь уходить.

— Но когда вы станете заседать в новом Совете, быть может, короля удастся убедить...

— Я сказал — довольно! — Темный Комин сорвался на крик и оттолкнул супругу.

Изабелла была хрупкой женщиной. От сильного толчка мужа она отлетела в сторону и ударилась о столбик кровати головой и спиной. Сеточка, прикрывавшая ее волосы, не могла смягчить удар, и перед глазами у нее все поплыло. Оглушенная, Изабелла сползла на пол, держась за затылок.

Граф сверху вниз уставился на жену, сжав кулаки. Лицо его исказилось от гнева.

— Не зли меня, Изабелла, — прорычал он, грозя ей пальцем. — Иначе у меня лопнет терпение. Вопрос закрыт. — Он выпрямился, когда дверь в соседнюю комнату отворилась.

На пороге появилась Агнесса, одна из служанок Изабеллы.

— Милорд? — Она неуверенно посмотрела на графа, после чего перевела взгляд на Изабеллу, сидящую на полу. — Мне показалось, я слышала шум... Несчастный случай?

— Моя супруга споткнулась, Агнесса, — сказал граф. — Помогите ей.

Агнесса поспешила к графине, а Темный Комин направился к двери.

— Я пришлю носильщиков через час. К тому времени вы должны быть готовы к отъезду. — И он захлопнул за собой дверь.

Изабелла отняла руку от затылка и уставилась на пятно крови у себя на ладони. Ее всегда изумляло, какая она красная.

— Все будет хорошо, миледи, — успокаивающе забормотала служанка, помогая графине подняться на ноги. — Пойдемте к зеркалу. Я поправлю вам прическу.

— Со мной все в порядке, Агнесса, — пробормотала графиня, но позволила усадить себя на стульчик перед маленьким столиком, на котором стояло серебряное зеркало.

Она уставилась на свое бледное отражение, пока Агнесса вынимала заколки и снимала сеточку. Черные волосы водопадом обрушились ей на плечи. Глядя на себя в зеркало, Изабелла отстраненно подумала, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим. На нее нашло какое-то оцепенение. Между тем отражение послушно повиновалось просьбам служанки наклонять голову то в одну, то в другую сторону. И лишь в глазах наблюдались признаки жизни. Темно-синие, почти черные, они походили на замерзшие озера, в глубине которых вспыхивали и гасли искры. В душе у Изабеллы бушевала ярость, но под ледяным гнетом страха и нерешительности эта сила никак не могла проявить себя и вырваться на поверхность.

Уже сгущались сумерки, когда Роберт со своими людьми въехал в королевский замок, и стук копыт эхом отразился от стен зданий. В окнах мерцал свет факелов, а в воздухе ощущался резкий запах дыма. По двору сновали слуги, за которыми наблюдали стражники, стоявшие на часах у входа в главный зал. Из конюшен и загонов доносилось ржание и запах нескольких сотен лошадей.

Спешившись, Роберт увидел на лугу напротив замка палатки и крытые повозки, между которыми в сумерках расхаживали люди. Английская армия после взятия Стирлинга была распущена, пехотинцы потихоньку возвращались в свои фермерские хозяйства и деревни, рыцари и лорды потянулись в свои поместья, и только внушительный двор короля оставался на месте. Роберт, без остановок скакавший из Баденоха до границы, а потом въехавший в Англию буквально по следам короля, с удивлением узнал, что Эдуард не торопился выступить дальше на юг. Когда из конюшен появились грумы, чтобы принять лошадей, и к ним деловито отправился Фионн, чтобы обнюхать и приветствовать их, он спросил себя, что же могло послужить причиной подобной задержки.

Оглядываясь по сторонам, он вдруг заметил, что над манором нависла непривычная тишина. Из лагеря не доносилось ни музыки, ни смеха. Слуги молча занимались своими делами, и даже часовые выглядели подавленными. Оставив своих людей разгружать багаж, Роберт уже собрался заговорить с ними, когда дверь одного из зданий отворилась и из нее вышел его брат.

Эдвард Брюс подошел к нему, дую на озябшие руки, — в воздухе уже ощущалась прохлада.

— Я так и думал, что это ты. Добро пожаловать, брат.

Роберт улыбнулся ему.

— Я рассчитывал увидеться с тобой только в Вестминстере. Почему король до сих пор здесь?

— Он захворал вскоре после того, как мы покинули Шотландию. Его лекарь посоветовал ему отдохнуть здесь.

— Это настолько серьезно?

— Нет. Собственно, он уже выздоравливал. Мы должны были выступить отсюда еще на прошлой неделе, однако потом... — Эдвард помолчал. — Но сначала расскажи мне свои новости, брат. — Он оглянулся на стражников, но те разговаривали между собой и не обращали на них внимания. Тем не менее Эдвард понизил голос. — Как прошла твоя встреча с Комином?

— Он выслушал меня. Вот все, что я могу утверждать со всей определенностью. Он сказал, что даст мне ответ, когда обдумает мое предложение. В итоге мне не остается ничего иного, кроме как ждать. — Роберт передернул плечами, словно сбрасывая с них невидимую ношу. — В Лохиндорбе я встретился с нашими братьями. Найалл и Томас передают тебе

привет. С ними все в порядке.

На лице Эдварда появилась улыбка.

— Слава богу. — Он с облегчением рассмеялся. — Я опасался самого худшего, когда ирландцы напали на Ротсей.

— Сэр, куда прикажете перенести ваши вещи?

Когда Нес окликнул его, Роберт увидел, что его люди уже сняли выюки с лошадей. Он нахмурился, недоумевая, почему управляющий или иной служащий не вышел встречать его.

— Я могу пока сложить свои вещи у тебя? — обратился он к брату. — Я должен поговорить с королем, если он примет меня. Джон Комин и граф Бучан согласились стать членами его нового Совета. Даст Бог, — пробормотал он, — это займет его на некоторое время.

— На твоём месте я бы подождал, — посоветовал ему Эдвард. — Его дочь скончалась пять дней назад.

— Леди Джоан? — Мысли Роберта устремились к Ральфу де Монтермеру.

— Нет, брат. Умерла Бесс. Во время родов. Вместе с ребенком.

Перед мысленным взором Роберта всплыла освещенная огнем камина комната, его жена, лежащая на кровати, и ее пепельно-серое лицо, покрытое крупными каплями пота. Между ног Изабеллы набухла кровью скомканная простыня. Кровью были пропитаны покрывала, и ее медный привкус смешивался с едким дымом костров, которые все еще горели вокруг Карлайла. Его дочь, родившуюся во время осады, баюкала на руках повитуха, завернув в чистый кусок тряпки. Над его умирающей женой, словно ворон над падалью, суетился священник.

— Где сэр Хэмфри? — быстро спросил он.

— Он уезжал по поручению короля и вернулся только вчера вечером.

— Отведи меня к нему.

— Роберт, не думаю... — Эдвард оборвал себя на полуслове, заметив решительное выражение на лице брата. — Ну хорошо. Идем.

Роберт последовал за братом через двор и вошел в один из бревенчатых домиков. Шагая по коридору, он не мог отделаться от образа комнаты, которая так и стояла перед его внутренним взором. Он был женат на Изабелле Мар всего год, и брак был заключен по настоянию его семьи, не из любви, а ради выгоды. Тем не менее смерть супруги причинила ему нешуточную боль. А ведь для Хэмфри и Бесс брак лишь укрепил их чувства друг к другу. И если Роберт обрел утешение в дочери, появившейся на свет на том кровавом ложе, то Хэмфри за одну ночь лишился двух жизней сразу.

Подойдя к комнате в конце коридора, он увидел, что дверь в нее открыта. Изнутри доносились хриплые крики. Роберт перешагнул порог, и глазам его предстала сцена полного разгрома. На полу, среди предметов амуниции, валялись простыни, сорванные с кровати. Опрокинутый столик со сломанными ножками был засыпан осколками разбитого кувшина и таза. Сундуки у стены были открыты, и вокруг были разбросаны книги и одежда. Один из столбиков кровати выглядел так, словно кто-то испробовал на нем свой меч. В комнате находилось четверо мужчин — Роберт Клиффорд, Ральф де Монтермер и двое рыцарей Хэмфри, — которые с опаской глядели на пятого человека в центре. Роберту понадобилось несколько секунд, чтобы узнать в нем своего друга.

Хэмфри де Боэн нетвердо стоял на ногах, его каштановые волосы были примяты после того, как он снял шлем, а нижнюю рубашку пятнали следы рвоты. Лицо его покрывал

лихорадочный румянец, а налитые кровью глаза превратились в щелочки. Водной руке он сжимал мех с вином, в другой — свой меч. Искусно украшенные чеканкой ножны — подарок Бесс — валялись на полу у него под ногами. Он орал на мужчин, стоявших перед ним, требуя привести ему коня.

Ральф де Монтермер что-то говорил ему увещающим тоном, пытаясь успокоить, но Хэмфри не слушал его. Ральф удивленно обернулся, когда Роберт отодвинул его в сторону. Не обратив внимания на предостерегающий возглас рыцаря, Роберт подошел к Хэмфри, перешагивая через обломки. Хэмфри с трудом сфокусировал на нем взгляд и неуверенно замахнулся мечом. Удар вышел медленным и неуклюжим, и Роберт легко уклонился от него. Он перехватил руку Хэмфри с мечом за запястье, а другой стиснул графу плечо.

— Хэмфри, — сказал он, глядя в затуманенные глаза друга, — брось его.

Хэмфри тряхнул головой.

— Роберт? — прохрипел он.

— Брось меч, Хэмфри.

Пальцы графа разжались. Оружие выскользнуло у него из ладони и с лязгом упало на пол. Роберт наклонился, чтобы поднять его. Хэмфри обмяк, колени у него подогнулись, и Роберт опустился на пол вместе с ним, по-прежнему сжимая ему плечо. Мех с вином выпал из другой руки Хэмфри. Из него ударила темная струя кларета, заливая ковер, а сам он упал Роберту на грудь.

Сидя среди обломков мебели и чувствуя, как Хэмфри крепко держит его за руку, Роберт позабыл обо всех своих планах и заботах. Стремление занять трон Шотландии, подгонявшее его, словно заноза в пятке, утихло. С ним вместе ушла и тревога о том, каким будет ответ Комина на его предложение, и осознание того, что впереди его ждет отчаянная борьба, если его враг согласится поддержать его притязания. Сейчас он был просто мужчиной, сжимающим в объятиях друга, который мог утонуть в своем горе.

Скиннесс, Шотландия

1305 год

— Милорд, у вас гости.

Джон Ментейт выпрямился, отвернувшись от стола, над которым склонился. В дверях стоял его управляющий.

— Продолжайте работать, — приказал он счетоводу, ткнув пальцем в свитки, лежащие на столе. — Кто там? — хмуро любопытствовал он, подходя к двери.

Глядя поверх плеча управляющего в зал, располагавшийся сразу за его комнатой, он увидел там группу людей, которую возглавлял человек в белой мантии.

Ментейт почувствовал, как у него похолодело в животе.

— Капитан Макдуалл, — приветствовал он своего гостя, входя в зал, после чего прочистил горло и выдавил скупую улыбку. — Какая неожиданность.

Рука Дунгала Макдуалла, обтянутая перчаткой, лежала на рукояти его широкого меча. Вторая висела вдоль тела, но кисть из рукава гамбезона не выглядывала.

— В самом деле? — ледяным и невыразительным тоном осведомился он. — Граф Бучан

предупреждал вас о моем приезде.

— Да-да, действительно, — Ментейт делано рассмеялся, — но поскольку бароны Шотландии охотятся на Уоллеса без особого успеха, я решил, что это дело несколько... э-э... затянется. — Он вдруг умолк, сообразив, что за спиной капитана в окружении его людей стоит еще одна фигура, которую держат за руки два человека. Капюшон покрывал ее голову, которая слепо подергивалась из стороны в сторону. — Это еще кто такой?

Макдуалл не сводил глаз с Ментейта.

— Вы по-прежнему регулярно навещаетесь в Глазго?

Ментейт покраснел, сообразив, что капитану прекрасно известно о том, что он действительно регулярно навещается туда, если судить по состоянию его замка. Он внутренне поежился, когда взгляд его скользнул по побеленным стенам, на которых остались яркие прямоугольники, показывающие, где раньше висели гобелены, теперь снятые. Зимняя солома еще не была выметена и заменена на тростник, хотя уже наступила весна, а у стола на возвышении до сих пор была сломана ножка, кое-как подвязанная веревкой. За последний год большая часть денег на содержание замка утекла в руки ловкачей, организующих травлю медведей и петушинные бои в городе.

— Да, — пробормотал он, — я по-прежнему наезжаю в Глазго.

— Хорошо. Потому что из поселений вокруг города пришли последние сообщения о том, что его видели именно там. Но Уоллес по-прежнему имеет друзей среди крестьян, и поэтому он до сих пор ускользает от охотников. Его нужно выманить из норы, как мы уже говорили вам.

Ментейт отвернулся.

— Я до сих пор не представляю, как я могу сделать это.

Голос Макдуалла прозвучал грубо и жестко:

— Вам бы лучше сохранять присутствие духа, сэр Джон. Вы обещали моему лорду, что поможете нам, когда придет время. — Он помолчал, явно стараясь взять себя в руки. — Нам известно, что после капитуляции дела ваши идут не слишком хорошо; выплаты, которые потребовал король Эдуард за возврат конфискованных поместий вашей семьи, едва не разорили вас. И теперь у вас есть шанс вернуть себе состояние.

— Но как я могу выманить его в чистое поле? — взмолился Ментейт, глядя Макдуаллу прямо в глаза. — Откуда вы знаете, что он вообще придет?

Макдуалл кивнул тем, кто держал за руки человека в капюшоне. Один из них сорвал его, обнажая бритую голову и покрытое синяками лицо. Несмотря на разбитые в кровь и распухшие губы, иссиня-багровые щеки и заплывший глаз, Ментейт узнал Грея — заместителя Уоллеса и его правую руку.

— Мы схватили его в Ланарке, где он собирал припасы, — пояснил Макдуалл, с удовлетворением оглядывая пленника. — Мои люди наблюдали за городом несколько месяцев.

Ментейт уже собрался взять капитана под руку, но потом передумал и, дернув головой, отвел Макдуалла в сторону от Грея, который смотрел на них налитыми кровью глазами.

— Зачем, ради Христа, вы позволили ему увидеть нас? — прошипел он. — Теперь он знает, что мы оба замешаны в этом деле!

— Это уже не имеет никакого значения. Он — всего лишь наживка. Мне нужно, чтобы вы отправились в Глазго и через своих знакомых начали распространять слухи о том, что захватили Грея и готовы освободить его за соответствующее вознаграждение. Будьте

осторожны. Мы хотим, чтобы Уоллес узнал только о том, кто захватил его человека, а не о том, что на него охотятся все остальные, включая англичан. Именно вы должны будете захватить преступника, иначе наш план провалится. — Макдуалл кивнул одному из своих людей, и тот отделился от группы.

Ментейт заметил, что человек держит в руках небольшую шкатулку.

— Это вам для того, чтобы подмазать, кого нужно, — пояснил Макдуалл. — В случае успеха вы получите намного больше.

Ментейт принял шкатулку, ощущая ее приятную тяжесть.

По щеке Ментейта сбежала струйка пота. Он смахнул ее ладонью, но тут с боков его коня взвился целый рой мух. Был уже почти полдень, и небо раскалилось от жары добела. Над дорогой в неподвижном воздухе дрожало и переливалось марево. Насекомые, привлеченные запахом пота, тучами роились вокруг людей и лошадей, изнывавших от зноя на перекрестке.

Ментейт отстегнул от седельной луки мех с вином и окинул взглядом своих людей. Их было восемнадцать, и они сгруппировались вокруг повозки с крытым верхом. Его рыцари сгибались под тяжестью раскаленных доспехов, подняв забрала шлемов в тщетном ожидании дуновения ветерка. Некоторые оставались в седлах, но остальные предпочли укрыться в жалкой тени повозки, а оруженосцы отпустили их коней попасть на обочине. Слева дорога уводила в лес. С правой стороны она по горбтому каменному мостику пересекала небольшой ручей и принималась петлять по лугу, на котором стоял полуразвалившийся сенной сарай. Еще дальше виднелись холмы, и дорога, огибая их, уходила к Глазго. Вскоре после прибытия один из его рыцарей доложил, что вроде бы заметил людей в лесу, с левой стороны, но лазутчики, которых Ментейт отправил на разведку, вернулись ни с чем. С тех пор прошло три часа.

Ментейт поднес мех к губам и, кривясь, сделал глоток. От жары вино нагрелось и стало густым и сладким, как сироп. Он вновь окинул взглядом дорогу в обе стороны, но, если не считать стайки птиц вдалеке, она была пуста. Быть может, Уоллес не придет вовсе. Или, не исключено, он уже давно здесь и теперь наблюдает за ними, дожидаясь, пока жара не dokonает их окончательно, и только потом сделает первый ход. Судя по тому, что ему было известно о предводителе мятежников, именно к такой тактике выжидания и должен был прибегнуть Уоллес. С начала войны он грабил, убивал и устраивал засады, огнем и мечом пройдясь по Среднешотландской низменности и Северной Англии. И, хотя он ненавидел его всей душой, Ментейт не мог отказать Уоллесу в уме и хитрости.

Здесь, на открытом всем ветрам перекрестке, под лучами палящего солнца он чувствовал себя голым. Вокруг них, в лесу и холмах, было полно укромных местечек, в которых запросто могла расположиться небольшая армия. Кроме того, в банде Уоллеса были и лучники из Селкиркского леса. Возможно, где-то там, за деревьями, в них уже целятся из луков. Ментейт вернул мех с вином на пояс и взял в руку поводья, чувствуя, что задыхается. Проглотит ли Уоллес наживку? Или же он нападет без предупреждения, вызволит из плена своего товарища, а их всех порубит в капусту? Кожа у него чесалась от пота, укусов мух и ледящего чувства приближающейся опасности. Ментейт толкнул коленями бока своего жеребца.

— Будь он проклят!

— Сэр? — осведомился один из его рыцарей, когда Ментейт направил коня к повозке.

Не обратив на него внимания, Ментейт наклонился к задернутому пологу.

— Я сдохну еще до того, как появится этот сын шлюхи!

— Терпение, — раздался изнутри напряженный голос. — Уоллес придет обязательно. Но сначала он захочет убедиться, что у вас нет подкреплений, и только потом покажется во всей красе.

— И сколько мы еще будем ждать?

— Сэр...

Ментейт не оглянулся, когда один из рыцарей окликнул его, продолжая прожигать взглядом полог повозки.

— Сколько?!

— Сэр Джон!

— Что, черт бы вас побрал?

— Всадники, сэр. — Рыцарь показал рукой на лесистый склон слева от них.

Выпрямившись в седле, Ментейт проследил за его взглядом. На опушке леса показался отряд численностью человек в десять, не больше. Они ехали не спеша, откидываясь назад в седлах.

— Это он? — требовательно спросил голос из повозки.

Ментейт, прищурившись, разглядывал приближающихся всадников, высматривая среди них Уильяма Уоллеса. Но ни один из них не обладал внушительными габаритами преступника, хотя с такого расстояния трудно было судить наверняка. На многих всадниках были капюшоны или шляпы, так что рассмотреть их лица он тоже не мог. Если это и впрямь банда Уоллеса, то, как и ожидалось, они пришли не по дороге, но Ментейта изрядно удивила ее малочисленность. После того как восстание было подавлено, с разбойником ушли несколько сотен человек, и, даже делая скидку на смерти и дезертирство, не могло же их остаться так мало? Он не мог представить себе, что Уоллес окажется настолько глуп и придет на встречу с таким крошечным отрядом. Даже его собственный, состоящий из восемнадцати человек, превосходил его числом. Ментейт слизнул пот с верхней губы, чувствуя, как по коже пробежали мурашки.

Один из всадников отделился от остальных и, прищипав коня, понесся к ним, вниз по склону, но остановился на расстоянии полета стрелы. Ментейт узнал Нейла Кэмпбелла. Рыцарь из Аргилла присоединился к Уоллесу еще в первые дни восстания.

— Я привез тебе выкуп, Джон Ментейт! — крикнул Кэмпбелл. — Где Грей?

— Это он?

Когда из повозки вновь прозвучал голос, Ментейт рассеянно оглянулся.

— Нет, — пробормотал он. — Это один из его людей, Кэмпбелл. — Он перевел взгляд на рыцаря из Аргилла. — Что мне делать?

В повозке началось какое-то движение. Полог откинулся, изнутри появилась высокая фигура и спрыгнула наземь. На человеке был железный шлем и простая накидка поверх хауберка и гамбезона. В его одежде не было никаких знаков отличия — ни герба, ни эмблемы — словом, ничего примечательного, если не считать недостающей левой руки. Вслед за Макдуаллом появились еще двое. Одетые столь же непритязательно, они выволокли из повозки Грея, с капюшоном на голове и со связанными руками. Пленник забился, пытаясь вырваться, но Макдуалл обнажил меч и встал у него за спиной. Обхватив левой рукой Грея за горло и грубо запрокинув ему голову, он правой прижал к его шее лезвие клинка.

— Скажите ему, что выкуп должен был доставить Уоллес. Скажите ему: раз они не соблюдают уговор, ваши условия изменились. — Голос Макдуалла глухо звучал из-под

шлема. — Скажите, что вы требуете больше денег, в противном случае перережете Грею горло.

Ментейт хрипло прокричал Кэмпбеллу то, что от него требовали.

Нейл Кэмпбелл обернулся, глядя на своих людей.

— Выходи же, грязный пес, — пробормотал Макдуалл, не убирая клинка от горла пленника, который продолжал вырываться.

Спустя мгновение он сорвал капюшон с его головы. Грей зажмурился, отвернув изуродованное лицо от слепящего солнечного света. Рот его был заткнут кляпом, губы покрывала корка запекшейся крови. Макдуалл сильно толкнул его в спину, и он упал, ударившись коленями о землю и застонав от боли. Руки у него были связаны за спиной. Макдуалл встал над ним, уперев острие меча в шею пленнику.

Из тени деревьев на склоне раздался крик. Из леса выехал всадник и, дав шпоры коню, понесся к ним вниз по склону.

Ментейт резко втянул воздух сквозь сжатые зубы. Только один человек обладал такой статью. Всадник подъехал ближе, и уже можно было разглядеть копну каштановых волос и черты его испещренного шрамами, словно вырубленного из камня лица с носом, который выглядел так, словно был сломан несколько раз. Уильям Уоллес облачился в грязные штаны, грубую синюю тунику, перетянутую ремнем на его мощной талии, и сморщенные башмаки, перевязанные полосками кожи. Он бы мог сойти за крестьянина, если бы не доспехи, видневшиеся под одеждой, и двуручный топор, покачивавшийся в петле, притороченной к седлу. Ментейт с усилием оторвал взгляд от Уоллеса, когда из леса вышел другой отряд. В нем было несколько всадников, но большинство шли пешком, вооруженные копьями, дубинками, луками и кинжалами. Было их человек шестьдесят, может, восемьдесят, и они целеустремленно двигались вниз по склону вслед за своим предводителем.

Ментейт вцепился в поводья. Позади него раздался резкий свистящий звук — это его люди выхватывали клинки из ножен.

— Что будем делать? — крикнул он Макдуаллу.

Подъехав к Нейлу Кэмпбеллу, Уоллес остановил коня.

— Отпусти моего человека, Ментейт, — грубо приказал он.

Завидев своего товарища и командира, Грей попытался вскочить на ноги, но два стражника крепко схватили его за руки. Он что-то кричал Уоллесу, но слова его из-за кляпа во рту звучали неразборчиво. Один из людей Макдуалла ударил его кулаком в латной перчатке в лицо. Из раны хлынула кровь, Грей обмяк и не упал только потому, что стражники держали его.

— Отпусти его, и я не стану убивать тебя и даже позволю уйти.

Он остановился совсем близко от них, но на расстоянии полета стрелы, сообразил Ментейт, так что оба его лучника оказались бесполезны. Вдруг Грей резко развернулся и пнул одного из своих стражников в пах. Тот согнулся пополам, а пленник прыгнул вперед, ударив головой в лицо второго охранника. У того хрустнула, ломаясь, переносица, и он отлетел на несколько шагов. Макдуалл шагнул к Грею, но тот побежал к Уоллесу, стараясь криком предупредить его о чем-то, однако ему мешал кляп. Макдуалл развернулся, проревел команду, и из повозки выпрыгнули еще четверо солдат. Двое держали в руках рога и затрубили в них, резко и призывно. При этих звуках отряд Уоллеса, спускавшийся по склону, остановился и растерянно затоптался на месте. Размахивая оружием, мятежники принялись озираясь по сторонам в поисках опасности. Несколько человек закричали, обращаясь к

своему предводителю, но он не обратил на них внимания, послав своего коня вскачь навстречу Грею.

Макдуалл, злобно оскалившись, повернулся к лучникам Ментейта:

— Стреножьте его!

Лучники выступили вперед, натягивая тетивы. Завидев их, Уоллес закричал. Две стрелы рванулись вперед. Одна угодила Грею в спину между лопаток, и ее железный наконечник, пронзив ветхую ткань, вонзился ему в позвоночник. Он выгнулся, а потом упал лицом вперед, в траву, по-прежнему держа связанные руки за спиной. Вторая стрела пролетела над ним и впилась в шею лошади Уоллеса. Животное заржало от боли, встало на дыбы и опрокинулось на спину, сбросив Уоллеса с седла. Перекатившись по земле, тот в мгновение ока вскочил на ноги. Подбежав к бьющейся на земле лошади, он, улучив момент, вырвал из петли свой топор. В воздухе зазвучали боевые крики, когда его люди бегом устремились вниз по склону, ему на помощь. Ментейт, объятый страхом, медленно потянул меч из ножен. Но тут из высокой травы, растущей на лугу и по крутым берегам ручья, поднялись сплошные ряды воинов.

В зеленых накидках, намокших от росы и пота, с затекшими от долгого ожидания конечностями, они вылезали из своих укрытий, повинуваясь реву рогов. У всех в руках были луки. Вдалеке, на дороге, ведущей к Глазго, появилось облако пыли, пятная небо, и оттуда донесся слабый, но безошибочно узнаваемый стук копыт. Макдуалл выкрикивал команды лучникам, которые поспешно натягивали тетивы. Подняв луки, они одновременно выпустили град стрел.

Нейл Кэмпбелл воздел над головой щит, когда небо потемнело от них, но целью лучников был не он и не Уоллес. Стрелы взмыли вверх, после чего отвесно обрушились на незащищенную толпу людей. Лишь у нескольких человек в отряде были доспехи, и стрелы легко находили жертвы, вонзаясь в шеи и руки, пробивая насквозь кожаные куртки и гамбезоны. Раздались отчаянные крики, когда залп лучников буквально выкосил первый ряд людей и лошадей. Но остальные продолжали движение, с диким ревом перепрыгивая через тела упавших товарищей.

Небольшая группа мятежников с Нейлом Кэмпбеллом во главе устремилась к Уоллесу, пытаясь прикрыть его с флангов. Макдуалл прокричал что-то своим лучникам, указывая им на новую опасность. Они дали очередной залп, на сей раз целясь в Кэмпбелла. Едва рыцарь успел вскинуть щит над головой, как в него с глухим стуком вонзились две стрелы. Третья угодила его лошади в круп, и та понесла, обезумев от боли. Тем временем под губительный обстрел попал конный отряд. Лошади вставали на дыбы, натываясь друг на друга, когда железные наконечники впились в них, причиняя невыносимую боль. Людей вышвыривало из седел под копыта коней, и многие были безжалостно растоптаны в возникшей панике. Несколько человек, впрочем, сумели вырваться из мясорубки, яростно нахлестывая своих коней.

Уоллес подхватил Грея на руки и волоком тащил обмякшее тело товарища к своей упавшей лошади, которая все еще билась в агонии. Предводитель мятежников упал на землю рядом с умирающим животным, ища за ним укрытия, а в это время новый град стрел обрушился на поле боя, выкашивая его сподвижников, словно траву. Несмотря на потери, мятежники продолжали двигаться вперед, быстро сокращая расстояние между собой и отрядом Ментейта, стоящим на перекрестке. Несколько лучников Уоллеса остановились, вскидывая луки для ответного огня.

Повернувшись в седле, Ментейт нашел взглядом всадников, мчавшихся к ним по дороге из Глазго, — еще один отряд Макдуалла. Они не успевали. Один из его рыцарей закричал, когда вокруг засвистели стрелы. Одна попала в повозку, другие — в лучников на берегу ручья. Один из тамошних стрелков получил болт прямо в лицо и спиной вперед полетел в воду. Другому стрела угодила в плечо, и он со стоном опустился на колени, пытаясь вырвать древко из своего тела. Ментейт, задыхаясь от страха, направил коня к повозке, пытаясь укрыться за ней. Макдуалл пригнулся, уклоняясь от выпущенной стрелы, а потом вновь выпрямился во весь рост и заорал на своих лучников.

Нейл Кэмпбелл сумел справиться со своей лошадей и уже присоединился к своим товарищам, но весь отряд Уоллеса оказался в пределах досягаемости лучников Макдуалла. Те, кто не был убит или ранен, оказались ослеплены и сбиты с толку, тщетно пытаясь найти спасение за щитами. Лошади в панике разбегались во все стороны, сбивая людей с ног. Лучники Уоллеса стреляли непрерывно, но они не могли противостоять ливню смерти, который обрушили на них стрелки Макдуалла. Отряд мятежников начал понемногу останавливаться, люди старались найти укрытие за щитами и телами павших товарищей. Между ними и Уоллесом, укрывшимся за крупом убитой лошади, оставалось менее ста ярдов открытого пространства. Еще несколько стрел вонзились в мертвое животное, и тело его вздрогнуло от ударов.

— Приведи его ко мне, Колбан, — распорядился Макдуалл, поворачиваясь к человеку, который прятался вместе с ним в повозке. Колбан решительно двинулся вперед, и капитан жестом отправил ему на подмогу еще пятерых солдат. — Он нужен мне живым! — крикнул капитан им в спину.

Пока лучники продолжали обстреливать деморализованную толпу на склоне, откуда доносились стоны и крики раненых и умирающих, шестеро солдат Макдуалла приблизились к мертвой лошади. Нейл Кэмпбелл, чья лошадь тоже пала, криком предупредил Уоллеса, высунувшись из-за края щита. Предводитель мятежников поднялся с топором в руках, и Колбан с остальными атаковал его. Колбан успел подставить щит под топор Уоллеса, когда лезвие с хрустом врезалось в дерево, разнося его в щепы и перерубив руку Колбана. Тот с воем упал на колени, а Уоллес вырвал застрявший клинок, небрежно отбив в сторону остатки щита вместе с безжизненной рукой Колбана. На мгновение Колбан замер, снизу вверх глядя на Уоллеса, а потом тот с размаху опустил ему на голову топор, раскроив череп пополам, так что мозги и кровь брызнули во все стороны. Колбан повалился на землю, а Уоллес, перехватив топор обеими руками, круговым движением вогнал его в еще одного солдата Макдуалла, рискнувшего сойтись с ним врукопашную.

Всадники Макдуалла, числом в пятьдесят человек, галопом мчались к перекрестку, и пыль столбом вилась за ними. По команде своего капитана они свернули с дороги и помчались прямо на людей Уоллеса. Лучники Макдуалла прекратили огонь, но мятежники, укрывшиеся за щитами, оказались захвачены врасплох. Слитная масса людей распалась на отдельные группы. Одни побежали навстречу конникам, рубя мечами и дубинами ноги животных, другие же бросились вверх по склону, пытаясь добраться до вершины и укрыться за деревьями. Нейл Кэмпбелл, с боем пробивавшийся на помощь Уоллесу, вынужден был остановиться, когда его атаковали сразу два конных рыцаря.

Ментейт, выглянув из-за угла повозки, увидел, как Уоллес разрубил топором грудь еще одного из солдат Макдуалла. Предводитель мятежников ревел, как загнанный олень, крутясь в смыкающемся кольце врагов и отбивая нацеленные в него клинки. Он с легкостью

размахивал своим двуручным топором, заставляя нападающих опасливо пятиться. Он убил уже двоих и сейчас готовился завалить третьего, перерубив его меч. Ментейт понял, что живым они его взять не смогут. Он попытался найти взглядом Макдуалла, но капитан смотрел на всадников, рассеявших мятежников по склону. Ментейт смахнул пот с глаз. Он не мог допустить, чтобы Уоллес живым ушел с поля боя. Плевать на то, что ему не достанется награда; предводитель повстанцев будет считать, что вся эта затея — его рук дело. Уоллес убил шерифа Ланарка в его постели. Ментейт не собирался остаток жизни провести в страхе, вздрагивая ночами при каждом шорохе и ожидая смерти из темноты. Повернувшись к своим лучникам, он принялся что-то быстро втолковывать им.

Макдуалл обернулся в тот самый момент, когда один из лучников Ментейта вышел из-под прикрытия повозки и прицелился. Зазвенела тетива, и стрела отправилась в полет. Уоллес тем временем расправился с третьим солдатом и завладел его щитом. Он уже поворачивался к четвертому, когда в бедро ему вонзилась стрела. Он покачнулся и на мгновение потерял равновесие. Этого оказалось достаточно, чтобы один из трех оставшихся солдат Макдуалла схватил его за руку с топором, отводя ее в сторону, а его товарищ нанес ему страшный удар в висок. Уоллес нелепо взмахнул руками и согнулся пополам, и тут третий солдат ударил его коленом в лицо. Кровь брызнула у него из носа, и он опустился на одно колено.

Казалось, что с разбойником покончено. Но тут, собрав свою чудовищную силу в кулак, Уоллес с рычанием выпрямился и краем щита ударил одного из нападающих в лицо, раздробив ему челюсть. Увидев это, Макдуалл сорвался с места и побежал к ним. Когда Уоллес схватился с двумя последними солдатами, капитан перепрыгнул через его павшую лошадь и огрел главаря по затылку рукоятью своего меча. Издав удивленный вскрик, Уоллес рухнул на колени, и топор вывалился у него из руки. Макдуалл ударил его в спину, и мятежник повалился на живот. Когда один из уцелевших солдат, кряхтя от натуги, взгромоздился на Уоллеса, прижимая его к земле, второй отцепил от пояса моток веревки и грубо связал ему руки за спиной.

А на склоне холма разбегались остатки банды Уоллеса, которые рассеяли конники Макдуалла, оставив на земле более тридцати человек убитыми. Нейла Кэмпбелла успели вынести с поля боя его товарищи. Последние мятежники исчезли за деревьями, когда Ментейт подъехал к Макдуаллу, который наблюдал за тем, как его солдаты связывают Уоллеса. Несколько лучников капитана отложили луки в сторону и пришли им на помощь. Главарь мятежников пребывал в сознании. Его огромное тело время от времени напрягалось, пытаясь сбросить с себя врагов, но раны обессилили его, и у него ничего не получалось. Земля вокруг него была залита кровью и усеяна внутренностями Колбана и других солдат, которых он буквально разрубил на куски. Из-за жуткого запаха опорожненных кишечника невозможно было дышать. Ментейт придержал коня и отвернулся, чувствуя, как рот его наполнился желчью.

Макдуалл выпрямился, заведя его.

— Вы идиот! — прорычал он, направляясь к нему. — Вы могли убить его!

— Кто-то же должен был остановить его, — парировал Ментейт. — Он косил ваших людей, как сорную траву!

— Грей еще жив.

Макдуалл обернулся на голос одного из своих солдат. Ментейт последовал за капитаном, который подошел к тому месту, где заканчивали связывать Уоллеса. Грей и в

самом деле был еще жив и стонал, оскалив окровавленные зубы. Рубашка у него на спине пропиталась кровью из раны.

Макдуалл кивнул своему солдату:

— Прикончи его.

Уоллес, понимая, что сейчас произойдет, зарычал от ярости, но не смог даже пошевелиться, когда Грею задрали голову и перерезали горло кинжалом. Уоллес все еще бесновался, когда люди Макдуалла накинули ему на голову капюшон и втроем поволокли к повозке.

Теперь, когда главарь мятежников был связан и не представлял опасности, Макдуалл сорвал с головы шлем. К нему подскакали всадники, которые преследовали остатки банды Уоллеса.

— В лесу скрылись единицы, капитан, — доложил один из них. — Преследовать их дальше?

— Не надо, — отозвался Макдуалл. — Мы взяли того, за кем приходили.

Он кивнул своему солдату, стоявшему у повозки. Когда тот приблизился, Ментейт увидел, что он держит в руках потрепанный кожаный мешок.

Он протянул его Макдуаллу, который обернулся к Ментейту.

— Доставьте Уоллеса в английский гарнизон в Лохмабене. — Он протянул ему сумку. — Передайте им и это тоже. Скажите им, что нашли сумку при нем. Вы меня поняли?

— Что в ней? — поинтересовался Ментейт, принимая сумку. Она была очень легкой.

— То, чем вам не стоит забивать себе голову. Запомните, Ментейт, вы схватили Уоллеса в одиночку. Меня и моих людей здесь не было.

Августовский день, душный и пасмурный, клонился к вечеру. Небо грозило пролиться дождем, когда Роберт со своим отрядом пробирался на запад по предместьям города. Впереди уже вырастали стены Лондона, вставая над домами, церквями и мастерскими ремесленников, которые тесно лепились к их каменной линии, постепенно уступая место лугам и пустошам с разбросанными по ним деревнями, приютами для прокаженных и импозантными монастырскими обителями, между которыми петляла дорога, упираясь в Вестминстер. Дым пекарен, жилых домов и открытых костров поднимался кверху, серым туманом окутывая окрестности. В воздухе ощущался солоноватый запах прибрежных болот.

Дорога, по которой они ехали, была непривычно пуста, а в деревнях царила неестественная тишина. Роберту показалось, что откуда-то из-за стен доносятся радостные вопли, и он мельком подумал, нет ли сегодня какого-либо гулянья, ради которого жители пригородов потянулись в город. Но мысль эта не вызвала у него интереса, и ее быстро вытеснили более насущные размышления.

Смерть дочери короля набросила мрачную траурную вуаль на Рождество. Угнетенное и унылое настроение не развеялось и с наступлением нового года, когда двор наконец оставил Йоркшир и двинулся на юг, через Линкольн к Вестминстеру. Роберту казалось, будто невидимые руки неотвратно и безжалостно влекут тем же путем и судьбу Шотландии, чтобы уже навсегда заковать в каменные путы закона на осенней сессии парламента. Поздней весной, направляясь в Риттл, он надеялся, что известия, которых он так долго ждал, встретят его там. Но его поджидали лишь отрывочные отчеты, здания, нуждающиеся в ремонте, да растерянные арендаторы, которым срочно требовалось внимание здравомыслящего и рассудительного хозяина.

Когда на смену весне пришло лето, нетерпение, с которым он ждал ответа Джона Комина, достигло такой степени, что топот конских копыт, приближающихся к поместью, заставлял его бросаться к ближайшему окну. А новостей все не было. И теперь, проведя два месяца в Эссексе, где он разбирался с делами, оставшимися после отца, Роберт возвращался ко двору короля, снедаемый парламентскими тревогами. Послезавтра вступит в силу новая конституция Шотландии и будет создан Совет, подконтрольный английским хозяевам.

Взрыв грубого смеха отвлек его от невеселых мыслей. Оглядевшись по сторонам, он заметил четверых мальчишек, вприпрыжку бегущих по обочине. Пятый, самый младший из них, безнадежно отстал, но упрямо пытался догнать своих товарищей. Мальчишки постарше не обратили никакого внимания на кавалькаду, а вот младший остановился и заулыбался, когда к нему подбежал Фионн.

— Стивен, ты что, не хочешь посмотреть, как он задержается в петле? — крикнул один из мальчишек, оглядываясь на него.

Погладив гончую по голове, пацаненок припустил вслед за остальными.

— Нужно было идти через Ньюгейт, — запыхавшись, выдохнул он с акцентом истого

англичанина, никогда не знавшего другого языка.

— Тупица! Улицы забиты битком. Здесь быстрее. Мы еще успеем занять место на Варфоломеевской стене. И уже оттуда увидим, как ему вспорют брюхо!

Раздался новый взрыв смеха, и мальчишки помчались дальше. Издалека до Роберта снова донеслись звуки грубого веселья, еще громче прежнего. Он вдруг понял, что слышит приглушенный гул голосов, время от времени прерываемый невнятными выкриками. Дорога впереди резко поворачивала налево, следуя изгибу городских стен, отклонявшихся на юг, к Крипплгейту. Следуя по ней, отряд Роберта вскоре увидел менее чем в полумиле впереди огромные здания приората ^[51]Святого Варфоломея. За ними, в туманной полуденной дымке, раскинулось ровное поле Западного Смитфилда. И представшее взору Роберта зрелище заставило его резко натянуть поводья, останавливая коня.

Зеленая равнина, ограниченная водами Флита, была заполнена массой людей — здесь их были сотни и тысячи. Пока Роберт смотрел на поле, к ним присоединялись все новые толпы, прибывающие через Ньюгейт и Олдерсгейт. Подобно темному приливу, они перехлестывали через край Смитфилда. Стало понятно, почему так необычайно тихо и пустынно было в пригородах и на дороге. Складывалось такое впечатление, что на поле перед ним собрался весь Лондон. Сперва он подумал, что началась августовская ярмарка, с которой много лет назад его познакомил Хэмфри. Но, обводя взглядом море голов, Роберт не увидел ни палаток, где продавались бы всевозможные товары, ни арены для лошадиных скачек, ни жаровен.

— Что здесь происходит?

Роберт оглянулся, когда заговорил один из его рыцарей-англичан по имени Мэттью. Взгляд его, как и всех остальных, был прикован к необычному зрелищу. Роберт вновь посмотрел на поле и теперь заметил огромную виселицу, возвышавшуюся над толпой. На ней часто раскачивались трупы. Но сегодня она оказалась во власти не мертвых, а живых — на помосте, под пустыми петлями, толпились люди. В памяти у него всплыли обрывки подслушанного разговора лондонских оборванцев, и он ощутил смутное беспокойство.

— Казнь.

Переводя коня на рысь, Роберт повел свой отряд по дороге. С угрюмого серо-свинцового неба на землю упали первые капли дождя. Шум толпы стал громче, когда они подъехали к Смитфилду, и вскоре дорога стала непроезжей — ее запрудили люди, прибывающие через Олдерсгейт. Роберт со своим эскортом вынужден был перейти на шаг, медленно пробираясь через толпу. Здесь собрались представители самых разных сословий: простолюдины в грубых туниках и деревянных башмаках, крупные и решительные ремесленники — некоторые даже не сняли промасленных фартуков, и публика почище, в шапочках с перьями и украшенных вышивкой накидках. Роберт, в своей парчовой мантии и сапогах из мягкой кожи, с длинным мечом на боку и со свитой из рыцарей и слуг, выделялся, как бриллиант в куче речной гальки. Нес, заметил он, старался держаться поближе к нему, подозрительно поглядывая на проходящих мимо лондонцев.

— Лучше двинуться в объезд, сэр, — окликнул его Мэттью, хмуро глядя на пару прыщавых подростков, которые пытались потрогать его пугливую кобылку. — Повернуть на север, к Бару, а потом спуститься вниз по Холлборну.

— Правильно! — крикнул еще один рыцарь, разворачивая своего коня против все усиливающегося людского потока. Фионн побежал за ним, оглашая воздух возбужденным лаем.

Наклонившись с седла, Роберт ухватил за шиворот одного из прыщавых юнцов.

— Кого здесь казнят? — Мальчишка попытался вырваться, но Роберт крепко держал его. — Отвечай!

— Уильяма Уоллеса, — выпалил парнишка. — Людоеда с севера!

Роберт отпустил его, не обратив внимания на то, что юнец обругал его, прежде чем нырнуть в толпу.

— Сэр!

Роберт пропустил возглас Мэттью мимо ушей и повернулся к Несу.

— Возьми моего коня! — крикнул он оруженосцу, высвобождая ногу из стремени и спрыгивая на землю. Пройгнорировав предостерегающий оклик Неса, он стал проталкиваться сквозь толпу, благо рост и сила позволяли ему продвигаться вперед.

Краем глаза он заметил на обочине нищих. Они протягивали руки людям, проходящим мимо. Сквозь неумолчный гул голосов до него иногда долетал стук колотушек прокаженных. Здесь были менестрели и жонглеры, знахари со своими снадобьями и продавцы индульгенций, которые слетелись на шумное сборище, словно мухи на мед. Казалось, что сейчас начнется народное гулянье, вот только толпа жаждала не игрищ, пира и танцев. Людей сюда согнала жажда крови. Они безжалостно толкались, стараясь пробраться поближе к виселице, чтобы отвоевать себе местечко, откуда можно было бы наблюдать за казнью.

Роберт упрямо лез вперед. Он должен был увидеть все своими глазами. В обрывках разговоров до него то и дело долетало имя Уоллеса. Как они сумели его схватить? Когда? Дождь окрашивал в темный цвет головы и плечи собравшихся. Он наступил кому-то на ногу, а в ответ его толкнули в спину. Дорогу ему загородила женщина, распущенные волосы которой ниспадали ей на плечи. Она улыбнулась, окинув его с ног до головы оценивающим взглядом. Одной рукой она распахнула ворот платья, обнажая груди. Вторую руку она протянула к нему, раскрыв грязную ладонь.

— Пенни за удовольствие потрогать их, милорд.

Роберт почувствовал, как его подхватил общий поток, сжимая со всех сторон. На него пахнуло гнилостным запахом, когда какой-то беззубый старик обернулся и уставился на него с похотливой улыбкой, а в ушах зазвенело от восторженного вопля, который издали два юнца, зажатые в толпе рядом с ним, при виде обнаженного тела. Он заметил, что женщина перенесла внимание на молодых людей, и увидел темную родинку у нее на груди, пока она проталкивалась к ним. Когда ее поглотил людской водоворот, Роберта подхватил и понес новый поток. Под ногами у него чавкала грязь и отбросы. Он почувствовал, как его дернули за пояс, и понял, что остался без кошеля, но не мог даже пошевелить рукой, чтобы схватить вора. Он наступил на что-то мягкое и податливое — скорее всего, труп какого-то животного, который с отвратительным хрустом подался у него под ногой. В воздухе висел одуряющий запах пота, грязных волос, дыма и экскрементов, словно вся гниль большого города бурлила в этом кипящем котле человеческих тел.

Впереди, уже недалеко, на фоне свинцового неба отчетливо вырисовывалась виселица. В толпе, запрудившей помост, стояли люди в ярко-алых королевских ливреях. Остальные были одеты в черное. Вдруг на дальнем краю поля, у городских стен, раздался громкий рев, который прокатился и затих, подобно морской волне. А потом Роберт услышал бой барабанов.

— Везут, везут! — заверещал круглолицый светловолосый мальчишка, сидевший на

плечах какого-то мужчины. Его розовощекое личико херувима вспотело от возбуждения. — Я вижу людей короля!

— Я слышал, будто он — настоящий гигант, — заявил мускулистый здоровяк, зажатый между ними. — Десять футов росту.

— Он станет еще выше, когда его растянут, — ответил третий, чем вызвал злорадные смешки вокруг.

Роберт с трудом подавил желание выхватить меч и начать рубить их налево и направо, чтобы они заткнулись, и лишь крепче стиснул рукоять своего клинка.

— Нет, слушайте, мой двоюродный брат работает архивариусом в суде лорда-канцлера. Он сам слышал это во время вчерашнего заседания. Уильям Уоллес признал себя виновным во всех преступлениях, вменяемых ему, *кроме* государственной измены. Он заявил, что его нельзя обвинить в измене, поскольку он никогда не признавал Эдуарда своим королем.

Роберт повернул голову и увидел двух мужчин постарше и лучше одетых, чем прочие, с печатью некоторой рассудительности на лицах.

— И что сказал на это король Эдуард? — поинтересовался товарищ рассказчика, вопросительно выгнув бровь.

— Очевидно, король отправился на охоту. Он не присутствовал на заседании.

Приветственные возгласы сменились громовым ревом. Теперь и Роберт увидел конных рыцарей в ярко-алых накидках, едущих сквозь толпу, которая послушно расступалась перед ними. За ними солдаты вели в поводу двух ломовых лошадей, которые нервно встряхивали гривами. В просвет между головами тех, кто стоял впереди, Роберт увидел, что они впряжены в повозку, к которой привязан обнаженный человек, лежащий лицом вверх, к дождю, с раскинутыми в стороны руками, словно Иисус Христос, распятый на кресте.

Роберт понял, что это Уоллес, лишь по его могучей стати, потому что лицо гиганта было неузнаваемым. Тело его было покрыто грязью: фекалиями, требухой, гнилыми фруктами, конским пометом — всем, что лондонцы только смогли найти на улицах, чтобы швырнуть в него, когда его везли по их городу. Лицо его было окровавлено, а на груди и бедрах багровели синяки в тех местах, куда попадали камни и палки, которые бросали в него жители. Тело его подрагивало в такт движению повозки, а босые ноги волочились по земле. Толпа приветствовала главаря мятежников воплями ярости, а потом просвет впереди сомкнулся, и Роберт потерял Уоллеса из виду.

Люди короля остановились у виселицы. Последовала заминка, во время которой толпа вокруг эшафота кричала и улюлюкала, пока Уоллеса отвязывали от повозки. Через несколько минут, поддерживаемый двумя стражниками, он взошел на плаху. Теперь руки у него были связаны за спиной. Толпа злорадно взывала, когда он голым предстал перед нею, осыпая его оскорблениями, как раньше осыпала экскрементами и камнями. Роберт вспомнил, как Уоллес стоял в Лесу на поляне, обращаясь к мужам Шотландии, и голос его был полон силы и властности, а синие глаза внимательно оглядывали каждого из них по очереди. Он собственным мечом произвел этого человека в рыцари. Ему хотелось закричать — и остановить то, что должно было произойти. Но с таким же успехом он мог попытаться остановить начинающийся прилив.

С перекладины виселицы опустили петлю, которую накинута Уоллесу на шею. Толпа притихла, когда один из палачей в черном затянул ее, аккуратно пристроив узел за ухом, чтобы шея приговоренного не сломалась и смерть не наступила раньше времени. Наказание за измену предусматривало повешение, вспарывание живота и четвертование. Его еще

именовали тройной смертью, потому что жертвы умирали трижды. Палач отступил на шаг и кивнул своим помощникам. Роберт увидел, как Уоллес закрыл глаза. Кажется, он сделал глубокий вдох. А потом трое мужчин налегли на другой конец веревки, переброшенной через перекладину. Петля внезапно затянулась у Уоллеса на шее, свернув ему голову на сторону. Когда ноги его, окровавленные и покрытые синяками после путешествия по улицам Лондона, оторвались от помоста, толпа взорвалась радостными криками. Мужчины тянули веревку изо всех сил, поднимая вверх все семь футов Уоллеса. Пепельно-серое лицо его побагровело, а глаза вылезли из орбит, когда ему стало нечем дышать. Медленно тянулись секунды, и толпа шумно зааплодировала, когда ступни Уоллеса задержались. Глаза его, казалось, готовы были лопнуть, на шее вздулись жилы, а лицо обрело синюшный оттенок. Тело его начали сотрясать конвульсии, а между зубами вывалился язык. Роберт, сообразив, что стоит затаив дыхание, шумно выдохнул.

Аплодисменты постепенно замерли. Некоторые женщины отвели глаза, будучи не в состоянии наблюдать за медленным и болезненным умерщвлением. Наконец один из одетых в черное палачей, пристально наблюдавший за Уоллесом, кивнул мужчинам, натягивавшим веревку, которые уже тяжело дышали и обливались потом. Они дружно отпустили свой конец, и тело Уоллеса с глухим стуком повалилось на эшафот. Один из помощников палача подошел к нему и окатил холодной водой из ведра, чтобы привести в чувство. Через несколько мгновений над замершей толпой разнеслись судорожные вздохи. В воздухе разлилось странное облегчение, и люди вновь начали разговаривать и смеяться. Уоллеса подняли на ноги и подвели к столу, установленному на эшафоте. Гиганта уложили на него и привязали ремнями для второй смерти. Дождь усилился, и зрители стали жаться друг к другу. На эшафоте в руках палачей блеснули лезвия изогнутых ножей и пыточных приспособлений.

Сначала ему отрезали гениталии, и с губ его сорвался глухой вой. Потом, когда кровь оросила его бедра, палачи начали вспарывать ему живот снизу вверх. Роберт взглянул на светловолосого мальчишку, который так радовался тому, что увидит, как умрет преступник. По-прежнему сидя на плечах мужчины, тот отвернулся. Крепко зажмурившись, он зажал уши ладонями, чтобы не слышать нечеловеческого крика Уоллеса и не видеть, как его потрошат заживо. Уоллесу вырвали внутренности и швырнули их в жаровню, где они зашипели и затрещали на углях. Многие зрители по-прежнему наблюдали за казнью, хотя и молча. Вскоре должна была наступить последняя смерть. Милосердное обезглавливание. Роберт повернулся и стал выбираться из толпы. По щекам его стекали капли дождя.

Вестминстер, Лондон

1305 год

Сэр Джон Сигрейв застыл в ожидании перед входом в Зал приемов Вестминстерского дворца, когда король Эдуард со свитой въехал во двор. Ноги лошадей были забрызганы грязью Миддлсекского леса. За лордами, рыцарями и оруженосцами, сопровождавшими короля, гроыхала на камнях повозка, нагруженная тушами полудюжины убитых оленей. Одна, принадлежавшая самцу с четырнадцатью отростками на рогах, была уже разделана.

Его огромную голову, увенчанную ветвистыми рогами, нес на шесте егерь, и по древку стекала кровь. Под ногами у лошадей носились гончие, заливаясь восторженным лаем.

Сигрейв, неловко ступая, зашагал по двору. Хромота его — память о битве с отрядом Комина под Рослином — неизменно усиливалась в сырую погоду. В руке он держал потрепанный кожаный мешок, направляясь к королю мимо пажей, которые принимали копья и шлемы у спешивающихся рыцарей. Лица их блестели от дождя. Король Эдуард, возвышавшийся над ними в зеленой охотничьей накидке, похоже, пребывал в хорошем настроении, поскольку смеялся чему-то, что говорил ему зять, Ральф де Монтермер. С ними были и Генри Перси, и Ги де Бошам. Сигрейв внутренне подобрался, молясь, чтобы король не обрушил свой гнев на того, кто принесет ему дурные известия.

Когда Эдуард увидел, что к нему приближается Сигрейв, улыбка его исчезла, а в глазах появился немой вопрос. Он широким шагом двинулся навстречу своему наместнику, стягивая на ходу перчатки телячьей кожи.

— Дело сделано?

Зная, что он имеет в виду, Сигрейв кивнул.

— Да, милорд. Сегодня днем Уильяма Уоллеса отправили на виселицу, где с ним поступили в соответствии с вашими указаниями.

Эдуард выдохнул через нос, медленно кивая головой, словно наслаждаясь услышанным.

— Труп предателя?

— Он был четвертован. Как только толпа вокруг Смитфилда разойдется, конечности будут готовы к перевозке. Голову опустили в смолу, дабы сохранить ее в целости. Она будет выставлена на Лондонском мосту еще до всенощной.

— Хорошо.

— Милорд. — К ним подошел Эймер. Голос его звучал невыразительно, а настроение, в отличие от настроения других участников охоты, явно оставляло желать лучшего. — Главный егерь спрашивает, окажете ли вы ему честь первым приступить к разделке.

Сигрейв заметил, что рыцарь избегает смотреть королю в глаза. Он слышал, что одержимость Валанса Робертом Брюсом стоила ему утраты милости короля. Сигрейв крепче стиснул мешок, прекрасно сознавая, каких демонов ада сейчас выпустит наружу.

Эдуард в предвкушении потер руки, улыбнувшись одной из своих редких улыбок.

— Разумеется, окажу.

— Милорд, — вмешался Сигрейв, — это еще не все.

Тон наместника заставил короля нахмуриться.

— Да?

— Это передали мне вместе с одеждой и оружием, захваченными у Уоллеса в момент пленения. — Лорд-наместник показал королю мешок. — По словам моих людей, Джон Ментейт обнаружил его в вещах преступника. — Сунув руку в мешок, он достал оттуда свиток пергамента. — Это было внутри.

Эдвард принял у него свиток. Когда егеря принялись стаскивать туши оленей с повозки, а рыцари и лорды оживленно заговорили, обсуждая охоту, он развернул его и стал читать. Сигрейв смотрел, как изменился в лице король и здоровый румянец схлынул с его щек.

— Что это, милорд? — осведомился Эймер. Выражение лица кузена заставило его нахмуриться.

Эдуард поднял голову. Глаза его метали молнии.

— Где Роберт Брюс?

Вестминстерское аббатство возвышалось над соседними зданиями, белый гигант на фоне свинцового неба, и его остроконечные арки и контрфорсы блестели влагой. Из разинутых пастей горгулий хлестала вода, стекая по запрокинутым лицам ангелов. Казалось, красное витражное стекло окна-розетки ^[52]кровоточит струями дождя. Далеко внизу, у колоссальных арочных дверей, выстроились длинные очереди мужчин и женщин, прячущих лица от ливня.

Роберт, скакавший, не жалея коня, по Королевскому тракту, направился напрямик к белым стенам аббатства. Пришпорив коня, он промчался по мосту через Тайберн и влетел под огромную каменную арку, после чего осадил своего скакуна у входа на территорию аббатства. Спешившись, он отыскал взглядом крышу Зала приемов, торчавшую над разномастными зданиями позади него: именно там состоялся суд над Уоллесом. Промокшая накидка давила Роберту на плечи, а сапоги его были заляпаны грязью Смитфилда. С кончиков волос на щеки стекала вода, а перед глазами стоял Уоллес, простертый на столе для казней. Роберт много раз видел кровавую смерть на поле брани, видел, как страшно умирали люди, пронзенные насквозь копьями или разрубленные топорами, становясь добычей стервятников. Но в том, как поступили с предводителем повстанцев, было нечто богопротивное; надругательство не только над плотью, но и над душой. Воин не заслуживал подобного медленного умерщвления. Это — не та смерть, которой желает мужчина.

За спиной у него застучали копыта; его догнал отряд. Нес спешил первым и направился прямо к нему.

— Сэр? — осведомился он, принимая у Роберта поводья, и в голосе его прозвучала тревога. Нес заколебался. — Милорд, вы ничем не могли ему помочь.

Роберт устремил взгляд на процессию оборванных мужчин и женщин, входящих в аббатство. Он знал, что так быть не должно. Если бы он действовал в соответствии со своим планом, проигнорировал бы Джеймса Стюарта и Ламбертона, то сейчас мог бы вести за собой армию, созданную Уоллесом, и они вдвоем сражались бы за свободу своего королевства. А вместо этого он напрасно ждал ответа Комина, который так и не пришел. И какой выбор отныне остался у него? Или у Шотландии? Он вспомнил пророчество, спрашивая себя, а не мог ли он сам ошибиться, не было ли оно подлинным, в конце концов? Быть может, именно поэтому все его замыслы пошли прахом? Он должен знать правду. Оставив Неса с лошадьми, Роберт нырнул в арочный проход в стене аббатства.

После того как публичная казнь в Западном Смитфилде совершилась, толпа вокруг виселицы начала расходиться. Одни отправились искать развлечений в гостиницы и постоялые дворы города, другие вернулись к своим обязанностям, оставив дождь смывать кровь с эшафота, а топор палача — со стуком разрубать тело Уоллеса на части. Роберт, найдя своих людей по лаю Фионна, продолжил путь в Вестминстер, рассчитывая оставить столпотворение позади, но обнаружил, что Королевский тракт битком забит людьми, многие из которых страдали увечьями или болезнями кожи, исхудав от нищеты и недоедания. Расспросив группу паломников, он выяснил, что король объявил о раздаче пожертвований беднякам в усыпальнице Исповедника. Но, самое главное, как рассказали ему паломники, там же на всеобщее обозрение будут выставлены все четыре реликвии Британии.

Роберт не мог изменить судьбу Уоллеса, как не мог силой воли заставить Комина заключить с ним союз. Зато он мог открыть ту черную шкатулку. Ускорив шаг, он направился к дверям аббатства, не обращая внимания на лужи.

— Роберт?

Он резко обернулся, слышав знакомый голос, и увидел, что к нему по двору идет Хэмфри, поднимая капюшон, чтобы защититься от дождя. Роберт оглянулся; он был уже у самых дверей, за которыми виднелась внутренняя часть аббатства, озаренная тусклым пламенем свечей. Очередь бедняков в рванье тянулась туда, где чиновники, раздающие милостыню, по одному пропускали их внутрь. Рядом стояли и несколько королевских стражников, наблюдая за порядком и высматривая воров.

— Я не знал, что ты вернулся, — сказал Хэмфри, подходя к нему.

— Только что.

Хэмфри окинул взглядом грязные сапоги Роберта и промокшую одежду.

— Ты выглядишь так, словно переплыл реку, чтобы добраться сюда, друг мой.

— Я был в Смитфилде.

После паузы Хэмфри кивнул.

— Дай Бог, чтобы то была последняя кровь, пролитая на этой войне. — Несмотря на оптимизм его слов, тон его голоса был невыразительным и тусклым, а в зеленых глазах стояло отсутствующее выражение. Скорбь, поселившаяся в его душе в ту ночь, когда умерли Бесс и его нерожденный ребенок, стала его частью, и отпечаток ее лег на лицо Хэмфри. — Ты идешь внутрь? — Он устремил взор на аббатство. — Я хочу зажечь свечу в память о Бесс. Прошел уже почти год с тех пор, как... — Он оборвал себя на полуслове. — Прости меня. Последние дни выдались очень нелегкими. На прошлой неделе она отметила бы свой день рождения.

— Я понимаю.

— По пути сюда я видел короля, возвращавшегося с охоты. Я должен встретиться с ним сегодня вечером, чтобы обсудить завтрашнее заседание парламента. — Хэмфри жестом показал на аббатство. — Присоединишься ко мне в моих молитвах? Буду рад, если ты составишь мне компанию. А потом мы вместе отправимся к королю. Я знаю, он с нетерпением ожидает наших предложений относительно нового Совета, прежде чем условия будут согласованы окончательно.

Роберт прикидывал, как бы ответить, и в этот момент к нему подбежал Нес.

— Сэр Роберт! У меня для вас... — Оруженосец запнулся, увидев Хэмфри, лицо которого было скрыто под капюшоном. — ... послание, — закончил он, многозначительно глядя на Роберта. — У меня для вас послание.

Роберт нахмурился, заметив, как взгляд Неса метнулся к Хэмфри. Он кивнул графу.

— Иди, я догоню тебя. — Подождя, пока Хэмфри не скроется внутри, он повернулся к Несу. — В чем дело?

— Сэр Ральф де Монтермер увидел, что я жду вас. — Голос у Неса был напряженным. Он окинул взглядом двор аббатства и посмотрел на стену, за которой лежали здания Вестминстерского дворца. — Он только что вернулся с охоты вместе с королем. По возвращении королю передали письмо, найденное в вещах Уоллеса, когда его захватил в плен Джон Ментейт. Ральф не знает, о чем шла речь в письме, но он слышал, как король приказал Эймеру де Валансу арестовать вас.

— Арестовать меня? — Роберт похолодел. — За что?

— Ральф не знает. — Нес перевел дыхание. — Но он сказал, что должен вам вот это. — Нес протянул руку и разжал ладонь. Там лежала пара шпор, перепачканных после целого дня, проведенного в седле.

Послание получилось предельно ясным.

— Бежать? — Роберт взглянул на Неса. — Только вместе с братом.

Войдя в покои принца, Эдвард Брюс откинул капюшон с головы. Капли дождя, скатываясь с его одежды, блестели в свете факелов, освещавших коридор. Если не считать шуршания метлы по полу где-то наверху, в здании царила благословенная тишина. Принц и его свита после Смитфилда отправились напрямик на дворцовые кухни, требовать еды и эля. Эдвард под каким-то предлогом отказался; ему были противны их шуточки и грубый смех. Предсмертный крик Уоллеса еще звучал у него в ушах. Казнь оставила у него во рту горький привкус, уничтожив иллюзию дружбы и комфорта, которую ему удалось выстроить вокруг себя за последние несколько лет, что и позволило ему играть роль лояльного вассала. Холодная ярость, сдерживаемая в силу необходимости, сейчас вырвалась наружу.

Он злился на себя. Ему было неловко и стыдно вспоминать те времена, когда он сидел за одним столом и пил с этими людьми, смеялся их шуткам над дикарями-ирландцами, злобными валлийцами и недоразвитыми скоттами. Как мог отец назвать его в честь короля? Варвар? Дикарь? Он не мог найти других слов, чтобы описать то, что Эдуард повелел сегодня сделать с Уоллесом на плахе.

И завтрашнее заседание парламента, какие бы свободы ни пожаловал им король своими указами, не сможет замаскировать кандалы, которыми Шотландия отныне будет прикована к Англии. Роберт должен был приехать из Риттла со дня на день, но, насколько было известно Эдварду, брат так и не получил ответа от Джона Комина относительно предлагаемого альянса, так что надежды на решительные действия, о которых он мечтал, практически не осталось. Если бы все зависело от него, он, Эдвард, пошел бы другим путем. Будь он первенцем, он бы сейчас не ждал, чтобы Комин решил судьбу Брюсов и всего королевства. Он завтра же отправился бы на север и провозгласил себя королем, объявив Уоллеса мучеником, погибшим за свободу Шотландии, дабы собрать под свои знамена настоящих мужчин, и да будут прокляты те, кто встанет у него на пути.

Дойдя до лестницы, ведущей в его комнату, Эдвард начал подниматься по ней. Он так углубился в свои мысли, что даже не услышал шаги у себя за спиной. Но тут кто-то окликнул его по имени, и он остановился на середине лестницы. Обернувшись, он увидел, что к нему идут четверо мужчин, и тени их, гигантские и черные, скачут по освещенным факелами стенам. Когда они подошли ближе, он понял, что возглавляет их Пирс Гавестон. В угольно-черных глазах гасконца застыло голодное выражение. Когда Пирс подошел к нему вплотную, Эдвард заметил, что он сжимает в руке меч.

— Мастер Пирс, — приветствовал его Эдвард, не сводя глаз с оружия. Спутников гасконца он тоже хорошо знал, все они были придворными принца. Они держали ладони на рукоятках своих мечей, готовые выхватить их в любую секунду. — Что, эль перестал литься рекой?

— Отчего же, он льется, как и прежде, — отвечал Пирс. — Во всяком случае, лился до появления людей короля, которые приказали нам разыскать вас.

— Вы меня разыскали, и что же дальше?

— Мы должны арестовать вас.

Эдвард почувствовал, как рассеиваются уныние и темнота. Мир вокруг обрел кристальную ясность. Сердце гулко забилося у него в груди, но внешне он сохранял невозмутимость и спокойствие. С тех пор как он стал свидетелем совсем не дружеских объятий в лесу под Берствиком, Пирс стал вести себя с ним совершенно по-другому. Принц тоже, но если он старался приблизить Эдварда к себе, то Пирс стал холоднее и намного агрессивнее. Быть может, он решил еще раз пролить сегодня шотландскую кровь, чтобы навсегда похоронить тайну, объединявшую их троих?

— Арестовать меня? — Между ним и четверкой мужчин оставалось семь ступенек. Он был ближе к верхней площадке лестницы, чем к нижней. — Это что, какая-то шутка?

Пирс улыбнулся.

— Вашим братом займутся люди короля. А принц оказал мне честь, разрешив арестовать вас.

Гасконец прыгнул, собираясь проткнуть Эдварда мечом, но тот развернулся и бросился вверх по ступенькам. У него не было с собой меча, а лишь кинжал на поясе, с которым сражаться против мечей как-то несподручно. На верхней площадке лестницы коридор тянулся в обе стороны. Выскочив на нее, Эдвард увидел слугу, который на коленях чистил плитку, а рядом с ним на полу стояло деревянное ведро. Схватив его, он швырнул его вниз по лестнице. Из ведра ударила струя грязной воды, и Пирс пригнулся. Услышав, как ведро с грохотом покатилося по ступенькам, а вслед за этим раздался крик боли, Эдвард помчался по коридору к своей комнате. Он не оглядывался, слыша за спиной топот ног и встревоженные крики слуги. Влетев в свою комнату в конце коридора, он обернулся, увидел Пирса, мокрого до нитки и взбешенного, который мчался на него, и захлопнул дверь у него перед носом.

Задвинув засов и в спешке ободрав костяшки пальцев, Эдвард окинул комнату взглядом, задержав его на огромном гардеробе, стоявшем у стены. Сзади раздался тяжелый удар в дверь. Ухватившись за край тяжеленного шкафа, он поволок его по полу, скомкав ковер. Раздался новый удар, и засов заходил ходуном в петлях, грозя выскочить. Третий удар сопровождался треском расщепленного дерева.

— Тебе некуда деваться, сукин сын! — услышал он рычание Пирса.

Издав протестующий скрип, гардероб наконец придвинулся к двери, загородив собой проем. Эдвард навалился на него, переводя дыхание и вслушиваясь в беспорядочные удары, перемежаемые угрозами и руганью Пирса.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

После нескольких неудачных попыток выломать дверь плечом они решили сделать передышку.

С другой стороны до Эдварда донесся голос Пирса:

— Джеффри, Брайан — вы двое остаетесь здесь. Смотрите, не дайте ему удрать. А мы принесем топор со двора.

Эдвард, всем телом налегавший на гардероб, не сомневался: Пирс хотел, чтобы он услышал его слова. Гасконец понимал, что загнал его в ловушку. В комнате имелось всего одно окно, забранное свинцовым переплетом, но оно было слишком маленьким, чтобы протиснуться в него. Побеленные известкой стены были сложены из массивных камней. Прислушиваясь к шагам, замирающим в коридоре, Эдвард окинул взглядом доски пола, обнажившиеся под смятым ковром, лихорадочно раздумывая, сможет ли он поднять их и пробиться на нижний этаж. Джеффри и Брайан вновь начали ломиться в двери, отчего гардероб застонал и зашатался. Вооружившись топором, они ворвутся внутрь в течение нескольких секунд.

Поначалу Эдвард решил, что Пирс решил устроить ему персональную вендетту, но теперь отказался от этой мысли, учитывая серьезность ситуации. Причина, из-за которой его с Робертом собирались арестовать, явно была очень весомой. Он вспомнил казнь Уильяма Уоллеса. Мог ли знаменитый разбойник, пребывая в отчаянии или под действием пыток, выдать своим мучителям сведения, благодаря которым те раскрыли планы его брата возглавить новое восстание против короля и самому взойти на трон? Эдвард не верил, что Уоллес оказался способен на такую подлость, но сегодня он собственными глазами видел, что они с ним сделали. И мог ли человек, зная, какие кошмарные мучения ему предстоят, не выдать тайны, которую в ином случае унес бы с собой в могилу?

Отойдя от двери, Эдвард подошел к своему сундуку, стоявшему у кровати. Открыв его, он достал свой меч. За спиной у него гардероб содрогнулся от очередного тяжелого удара. Топая ногой по доскам, он выбрал ту, которая, как ему показалось, откликалась глухим стуком.

— Открывай, Эдвард, — донесся до него приглушенный голос Джеффри. — В чем бы тебя ни обвиняли, будет лучше, если ты сдашься по доброй воле.

Эдвард оглянулся на дверь. Значит, они даже не знают, в чем его обвиняют? Слова Джеффри звучали разумно, а вот события сегодняшнего дня — нет. Он более не доверял людям, в обществе которых провел два последних года. Сунув кончик лезвия в щель между досками, он всем телом налег на рукоять, пытаясь вырвать доску из пола. Эдвард выругался, поняв, что прибита она очень надежно, держится крепко и поддаваться не желает. По шее у него стекали капли дождя и пота, когда он предпринял еще одну попытку и заметил, что лезвие начинает гнуться. Голоса в коридоре зазвучали слабее, как если бы люди принца отошли от двери. О чем они говорят, он не слышал.

Внезапно неясное бормотание сменилось тревожными криками. Мгновением позже в коридоре раздался топот ног и звон клинков. Выдернув меч, Эдвард перехватил его обеими руками и с недоумением уставился на дверь, из-за которой доносился шум схватки. Знакомый голос выкрикнул его имя, и он подскочил к шкафу, отодвигая его в сторону. Откинув засов, Эдвард распахнул дверь и увидел, что его брат схватился с Брайаном.

Джеффри уже лежал на полу и корчился от боли. Он держался за плечо, и между пальцами у него струилась кровь.

С Роберта ручьями текла вода, он промок до нитки, а одежда его была заляпана грязью. В свете факелов он являл собой страшное зрелище, и глаза его яростно пылали, пока он сражался с более молодым соперником. Коридор был узким, и Роберт не столько дрался на мечах, сколько боролся врукопашную. Перепрыгнув через Джеффри, Эдвард бросился ему на помощь. Проскочив за спину Брайану, он обхватил его сзади рукой за шею. Тот начал задыхаться и в панике вцепился в руку Эдварда, что дало возможность Роберту вырвать у него меч. Эдвард держал Брайана за шею до тех пор, пока тот едва не лишился чувств, и только потом отпустил его. Молодой человек осел на пол.

— Уходим отсюда, — скомандовал Роберт, протягивая брату меч Брайана, и быстро зашагал по коридору.

Эдвард бросился за ним вдогонку.

— Что происходит? — пожелал он узнать, когда они помчались вниз по лестнице, перепрыгнув через ведро, которое он метнул в Пирса. — Они пытались арестовать меня.

— Это как-то связано с письмом, найденным в вещах Уоллеса, когда его схватили. Ральф успел предупредить меня. — У двери, ведущей во двор, Роберт остановился. Затаив дыхание, он осторожно приоткрыл ее и выглянул наружу. — Сейчас у нас нет времени искать ответы. Нес и мои люди ждут нас с лошадьми на другом берегу Тайберна.

— Гавестон может вернуться в любую минуту.

— Тогда давай сделаем так, чтобы к тому моменту мы были уже в Шотландии. — Открыв дверь пошире, Роберт выскользнул наружу, в сырой полдень.

Дождь почти прекратился. Во дворе блестели лужи, в которых отражалось небо. Вокруг них высились здания дворца, но все они казались карликами по сравнению с Залом приемов. Как обычно, здесь было полно клерков и стряпчих, слуг и придворных. В просветах между домами Эдвард заметил Темзу, медленно катящую свои свинцовые воды. Следуя примеру Роберта, он накинул на голову капюшон и прикрыл меч полами накидки, когда они зашагали вдоль дворцовых палат, выходящих в сады и на огороды. Оглянувшись, чтобы посмотреть, не появился ли Пирс, Эдвард увидел в главном дворе перед Залом приемов группу людей. Одни были пешие, другие — на конях. Многие держали в руках обнаженные мечи. Среди прочих он узнал цвета Генри Перси и Ги де Бошама. Пока Эдвард смотрел на них, к ним присоединились еще несколько человек.

— Как ты думаешь, это не по нашу душу?

Роберт проследил за его взглядом.

— О том, что я вернулся, знают только Ральф и Хэмфри. Прочие и не догадываются об этом, если только не заметили моих людей.

— Они скоро узнают о нем, когда Пирс найдет Брайана и Джеффри, — угрюмо заметил Эдвард. — Надо было сделать так, чтобы они никому и ничего не смогли больше рассказать.

— Я не намерен добавлять убийство к тем обвинениям, которые выдвинуты против меня, в чем бы они ни заключались.

Роберт нырнул в проход между кустами роз и зашагал между фруктовыми деревьями, шлепая по лужам. На мгновение выглянуло яркое солнышко, и все вокруг засверкало серебром, но оно тут же вновь скрылось за тучу.

Впереди показалась черда амбаров. Вестминстерское аббатство высилось за стеной, вдоль которой тянулась дорога, пересекавшая Тайберн и уводящая в Лондон. Роберт

проскользнул между двумя сараями, из которых доносился резкий запах перебродивших яблок. Эдвард последовал за ним и зацепился накидкой за ржавый гвоздь. Примерно на половине узкого прохода он услышал доносящийся спереди стук копыт, лошадиное ржание и громкий мужской голос. Эдвард моментально узнал этот резкий заносчивый тон.

А Роберт, стремясь поскорее выйти на дорогу, похоже, ничего не замечал. Он едва не вышел из проулка между сараями на открытое место, но Эдвард успел вовремя. Схватив брата за плечо, он прижал его к стене, обнаружив всадников в нескольких ярдах от них. Все они были в цветах Пембрука.

Хэмфри вышел за ворота аббатства. Слова молитвы, вознесенной им за упокой души Бесс, все еще звучали у него в ушах. Слова эти вновь отворили врата ставшей уже привычной пустоты у него в груди, из которой была вырвана какая-то самая важная часть его существа. Он старался заполнить ее чем только мог: выполнением поручений короля, управлением своими поместьями, сладким забытием вина и даже однажды объятиями шлюхи. Но все было бесполезно, душа его стонала и рыдала в тоске.

Пройдя под аркой в стене, он стал пробираться сквозь толпу паломников и попрошайек, направлявшихся к аббатству в надежде хоть одним глазком взглянуть на четыре реликвии Британии или получить милостыню. От мрачных мыслей Хэмфри отвлек Эймер де Валанс попавшийся ему навстречу верхом на коне, в сопровождении нескольких рыцарей. Белоголубая в полоску мантия Валанса была забрызгана грязью, и Хэмфри решил, что это — последствия охоты. Король приглашал его присоединиться к забаве, но он отказался.

— Ты видел Роберта Брюса? — требовательно спросил у него Эймер.

— Зачем он тебе понадобился? — вопросом на вопрос ответил Хэмфри, не давая себе труда скрыть неприязнь в голосе. В те времена, когда оба были Рыцарями Дракона, они с Эймером часто скрещивали мечи, но при этом умудрялись сохранять некое подобие учтивости в отношениях, несмотря на свои разногласия. Вплоть до злополучного рейда в Лес.

— Король приказал мне арестовать его.

— Предупреждаю тебя, Эймер, — ровным и невыразительным голосом отозвался Хэмфри, — что я не в настроении для твоих безумств. — Он повернулся, чтобы уйти, но Эймер загородил ему дорогу конем.

Рыцарь наклонился к нему с седла. Черные глаза его горели нескрываемым торжеством.

— Когда схватили Уоллеса, при нем было найдено письмо. Оно изобличает Брюса в заговоре против короля. — Злорадное удовлетворение в глазах Эймера лишь усилило раздражение Хэмфри.

— Каком еще заговоре?

— Письмо было адресовано высокому сенешалю Шотландии. Оно содержало приказ поднять арендаторов для мятежа против короля Эдуарда и английских гарнизонов в Шотландии и быть готовым к коронации нового сюзерена. — Эймер оскалился, обнажая проволоку на передних зубах, которая скрепляла их вместе.

Хэмфри покачал головой, отказываясь верить услышанному. Роберт провел с ними три года. Он жил среди них, пил и смеялся вместе с ними, пировал и молился. Он дрался вместе с ними, проливая кровь своих соотечественников, чтобы помочь их королю. А сейчас он трудится на благо мира, чтобы положить конец войне и создать королевство, объединенное под знаменем Эдуарда.

— В письме подробно изложен план возвращения Брюса в Шотландию, — продолжал Эймер, — где он намерен провозгласить себя королем и возглавить восстание, пользуясь слабостью гарнизонов в Стирлинге, Эдинбурге и Лохмабене. Уоллес, вне всякого сомнения, намеревался доставить его Джеймсу Стюарту, и поэтому вылез из своей норы, отчего Ментейту и удалось схватить его.

— Ты хочешь сказать, что оно было написано самим Робертом? И скреплено его печатью?

— Печати не было, но авторство не вызывает сомнений.

— Кто-то подбросил его Уоллесу, — гневно заявил Хэмфри. — Кто-то очень хотел, чтобы ты нашел его. Чтобы дискредитировать его.

Эймер с отвращением покачал головой.

— Почему ты всегда готов оправдать его, ведь он уже обманывал нас раньше? Предавал нас! Ни один скотт не станет дискредитировать Брюса, если таков был его план. Они бы сделали все, чтобы он осуществился!

— Должно быть какое-то иное объяснение, — настаивал Хэмфри. Он вспомнил, как Роберт нашел для него слова утешения после смерти Бесс и их нерожденного ребенка. Это не могло быть ложью. — Я не поверю... — Хэмфри оборвал себя на полуслове, заметив, что со стороны дворца к ним скачут два всадника. Он узнал их — это были придворные принца.

— Сэр Эймер! — еще издалека закричал один из них, не обращая внимания на паломников, которые бросились врассыпную, чтобы не угодить под копыта его коня, когда он резко осадил его. — Мастер Пирс запер Эдварда Брюса в его комнате. Роберт Брюс помог брату бежать, напав на наших людей. И теперь рыцари короля обыскивают все здания.

Эймер коротко выругался и обернулся к Хэмфри.

— Скажи мне, стал бы тот, кто считает себя невиновным, убегать? — Он поспешно обратился к своим рыцарям: — Мы расставим людей у каждого выхода. Они не могли уйти далеко.

— Стойте! — крикнул Хэмфри, когда Эймер уже дал шпоры своему коню.

Эймер обернулся в седле.

— Я видел Роберта. Он собирался помолиться вместе со мной в аббатстве, но тут появился его оруженосец с посланием, и он так и не присоединился ко мне.

— Рассредоточьтесь, — приказал Эймер своим людям. — Общитесь здесь все. Переверните дворец вверх дном. Найдите ренегата!

Когда Эймер и его люди ускакали прочь, Хэмфри остался стоять на прежнем месте. Запрокинув голову и подставив лицо дождю, он закрыл глаза. Роберт, наблюдавший за ним из своего укрытия между амбарами с яблоками, ощутил сомнения и страдания, терзавшие друга. В сердце ему закралось чувство вины. Прижавшись спиной к стене, он уперся затылком в холодный камень. Вот он и наступил, этот момент, которого он так боялся. Его предательство вскрылось. Его брат украдкой выглянул из-за угла амбара и озабоченно нахмурился.

— Валанс отправил двух своих людей к мосту. Там нам не пройти. — Эдвард оглянулся на него. — Роберт, что они говорят, какое письмо? — Он покачал головой. — Как вообще могло оказаться нечто подобное у Уоллеса? Прошу тебя, скажи мне, что ты не писал его!

— Я не писал. Это сделал тот, кому известна правда. — Роберт оттолкнулся от стены. — Как только они убедятся, что нас нет во дворце, то начнут искать на дороге. А там

ждет Нес с лошадьми. Если они найдут его первыми, нам конец. — Позади заросшей кустарником полосы земли с низким забором виднелась дорога, по-прежнему запруженная людьми, направлявшимися в аббатство. Хэмфри двинулся по двору к Залу приемов. Роберт заколебался. — Быть может, мне стоит остаться? Отрицать все? Ты сам слышал, что сказал Хэмфри: он думает, что письмо Уоллесу подбросили. Быть может, я смогу убедить их в том, что так оно и было?

— Нет, — сказал Эдвард, положив руку ему на плечо. — Я видел, что они сделали с Уоллесом, видел глубину королевской ненависти, которая проявилась в каждом мгновении его казни. Ты замаран уже тем, что имя Уоллеса связано с твоим. А это письмо напрямую соединяет вас. И теперь король, глядя на тебя, будет видеть в тебе Уоллеса и бояться, что призрак мятежника вернулся. Валанс, конечно, тот еще ублюдок, но он прав. Ты уже один раз предал их. Так что теперь им легче поверить в твою виновность, чем оправдать тебя, а я не хочу, чтобы с тобой случилось то же самое, что с Уоллесом.

Роберт, глядя на брата, увидел на его лице страх, который тот испытывал нечасто.

— Хорошо. Мы пойдем через аббатство и попробуем затеряться в толпе. Левый трансепт [\[53\]](#) выходит на кладбище. Там можно перелезть через стену и выйти к реке, а дальше мы пойдем вдоль берега.

Держась рядом, братья вышли из проулка между амбарами, быстро пересекли грязный двор и перепрыгнули через низенький заборчик. Впереди показались двое мужчин — крестьяне, судя по их простой одежде и башмакам на деревянной подошве, — которые направлялись в аббатство.

Роберт посмотрел на них, и в голове у него забрезжила смутная идея.

— Эй, вы, — окликнул он их, ныряя в арочный проем в стене. — Мне нужны ваши накидки.

Мужчины оглянулись. Странная просьба привела их в замешательство. Один уже покачал было головой, но остановился, когда Роберт расстегнул заклепку, которой крепилась его мантия.

Сбросив ее с плеч, он протянул ее мужчине, с опаской оглядываясь по сторонам.

— Взамен мы отдадим вам свои, — сказал он, кивая Эдварду, который уже догадался, что он задумал.

Мужчины изумленно уставились на них. Атласные накидки с подкладкой сверкали в тусклом свете полудня золотым и серебряным шитьем. После недолго размышления оба сбросили свою промокшую от дождя и местами заштопанную одежку, цветной узор на которой был уже неразличим. Роберт взял одну накидку, Эдвард — другую. Завернувшись в них и оставив крестьян с неожиданной добычей, братья бегом припустили по траве, чтобы смешаться с толпой паломников и нищих, бредущих в аббатство.

Роберт опустил на лицо капюшон, и на него пахло потом другого мужчины. Он постарался задрапировать свой длинный меч полами накидки, но тонкая ткань не сможет спрятать клинок от первого же внимательного взгляда. Когда они подошли к дверям, пройдя под скалящимися мордами горгулий, он вклинился в толпу нищих, пытаясь укрыться от глаз стражников, которые разговаривали друг с другом, стоя у входа и разглядывая проходящую мимо бесконечную череду просителей. Наклонив голову и ссутулившись, он отчаянно старался стать невидимым. Но беспокоился он напрасно. Быть крестьянином и означало стать невидимым. Рыцари не обращали ни на него, ни на его оборванных спутников ни малейшего внимания, глядя сквозь них. Они не заметили графа в облике нищего, пронесшего

меч в храм Господень. Они видели лишь очередную заношенную до дыр одежду, скрывавшую нищету и голод.

Через несколько мгновений братья оказались внутри, медленно двигаясь в толпе мужчин и женщин, и аромат ладана заглушил запах бедности. Многие новоприбывшие смотрели на альмонариев, [\[54\]](#)раздающих монеты. Другие вертели головами, двигаясь по проходу к тому месту, где стояли чиновники, откидывая промокшие капюшоны и с раскрытыми ртами глаза на огромные колонны, которые ярус за ярусом возносились к небесам и Господу. Похожее на пещеру пространство было освещено свечами, пламя которых дробилось на золотых и бронзовых статуях, отражаясь в настенных фресках, украшавших стены позднейшей части здания, возведенной по приказу Генриха III, отца нынешнего короля. Аббатство поражало роскошью и великолепием, достойным самого Иисуса Христа и недостижимым в их повседневной жизни, полной тяжелого труда.

Роберт заметил и других стражников, охранявших две святые реликвии, хранившиеся в аббатстве, — зуб одного из волхвов и камень с отпечатком ноги самого Христа, — специально выставленные на обозрение паломников, многие из которых опускались перед ними на колени, молитвенно сложив руки. Страстный шепот звучал под сводами аббатства. Роберт не поднимал головы, старательно глядя в пол, на котором потертый песчаник сменился в средокрестии плитами с вмурованными в них драгоценными камнями. Людской поток впереди раздваивался; одни шли к альмонариям за едой, другие направлялись к резным перегородкам в самом сердце аббатства, за которыми находилась усыпальница Исповедника. Здесь Роберт остановился.

— Брат, — прошептал Эдвард, кивая на неприметную дверь в северном трансепте, которая вывела бы их на кладбище. — Смотри. Путь открыт.

— Пока еще нет, — пробормотал Роберт, не сводя глаз с перегородки. За ней лежали ответы, которые он искал.

Все это время реликвии были заперты в Тауэре, находясь вне пределов его досягаемости. А сейчас они были здесь, лежали на самом виду, всего в нескольких ярдах от него, воплощая в себе могущество короля, которое он демонстрировал своим подданным, собираясь навеки скрепить печатью судьбу Шотландии. Старый хитроумный ублюдок соблазнял их кровью, хлебом и благословениями, дабы они распространяли слухи о его власти, человеколюбии и величии. Роберт уже приходил сюда однажды. И сейчас никто не заставит его свернуть с избранного пути. Риск не мог ничего изменить. Наоборот, он придавал ему решимости. Он знал, что это — его последний шанс.

Не обращая внимания на протесты Эдварда, он стал пробираться сквозь толпу паломников к резной перегородке. Он отыскал взглядом трон для коронаций, стоявший на покрытом ковром возвышении, в основании которого покоился Камень Судьбы. Его вдруг потянуло к нему — в голове у него крутились мысли о спасении и искуплении — но он постарался отогнать их от себя. Понадобились усилия трех человек, чтобы поднять Камень, когда Рыцари Дракона забирали его из аббатства Скоун. Сосредоточившись на том, ради чего он пришел сюда, Роберт обошел перегородку. Брат следовал за ним по пятам.

У основания усыпальницы толпились страждущие. Одни стояли на коленях в нишах, стараясь оказаться как можно ближе к телу святого, а другие, кому повезло меньше, окружали их плотными рядами. Третьи задерживались поодаль, перед тем как обойти перегородку с другой стороны, но людской водоворот не останавливался ни на мгновение. Очень многие, как обратил внимание Роберт, страдали всевозможными увечьями, а кости

Исповедника как раз и обладали, по всеобщему поверью, исцеляющим действием. Над каменным основанием усыпальницы был подвешен расписанный красками полог, под которым виднелась рака с останками святого.

Взгляд Роберта был прикован к задрапированному тканью алтарю, на котором покоились четыре предмета. На бархатной подушечке лежала Корона Артура, отобранная у валлийского принца Мадога ап Льюэллина после подавления последнего восстания. Рядом с ней лежала куртана — Меч Милосердия, принадлежавший самому Исповеднику. Между ними, поперек алтаря, вытянулся посох Малахии, и его инкрустированная драгоценными камнями поверхность сверкала и переливалась в пламени нескольких свечей. Наконец Роберт разглядел черную лакированную шкатулку, в которой король хранил «Последнее пророчество». Два стражника в ярко-алых ливреях стояли по бокам алтаря, охраняя сокровища.

Роберт едва слышным шепотом заговорил с братом:

— Я хочу взять шкатулку с пророчеством.

— Роберт, нет. Она не стоит твоей жизни!

— Прошу тебя, Эдвард, ты должен помочь мне. Верь мне, я должен это сделать.

Эдвард пристально всматривался в его лицо, удивленный просительными нотками в голосе старшего брата. Вместо ответа он сунул руку в складки своей поношенной накидки и стиснул рукоять меча, отобранного у Брайана.

Они стали медленно пробираться вперед сквозь ряды паломников. Некоторые из них, раздосадованные вторжением, поднимали головы, недовольно глядя на них. Кто-то пробормотал братьям, что они должны дождаться своей очереди. Стражники посмотрели в их сторону, но ничего не сказали. Братья были уже почти у самого алтаря, когда за перегородкой раздались громкие крики. Роберт похолодел, узнав резкий и пронзительный голос Эймера де Валанса.

— Они где-то здесь! Эти крестьяне видели, как они входили сюда. Найдите их!

У Роберта упало сердце, когда он понял, что накидки выдали их. В отчаянии он прыгнул к алтарю, расталкивая людей в стороны. Стражники, внимание которых отвлекли громкие возгласы по другую сторону перегородки, заметили его в самый последний момент. Один из них крикнул, предупреждая товарища об опасности, и потянулся за мечом, но Роберт уже обнажил свой. Выхватив клинок из складок своей мантии, он ткнул им в стражника, и тот, попятившись, налетел на паломника, стоявшего у него за спиной на коленях, и рухнул навзничь, ударившись затылком о каменное основание усыпальницы.

Вид обнаженного меча и крик упавшего стражника вывели паломников из молитвенного транса. Повсюду люди вскакивали на ноги, а в это время второй стражник выхватил свой меч и атаковал Роберта. Звон клинков взбудоражил остальных верующих. Человеческое море пришло в движение, люди старались отойти от алтаря и двух мужчин, сражающихся перед ним. В это время к усыпальнице продолжала двигаться вереница страждущих со двора, и началась давка — тем, кто стремился выбраться наружу, не давали выйти те, кто хотел попасть внутрь. Раздались крики боли и страха, когда толпа начала топтать стариков и больных. Первый стражник сумел встать на колени, но в суматохе он выронил меч и теперь шарил руками по полу в попытке найти его.

— Я возьму его! — крикнул Эдвард, загоразивая Роберта от второго стражника.

А Роберту только этого и надо было. Он рванулся к шкатулке. Но тут толпа внезапно подалась в его сторону, он потерял равновесие и повалился на алтарь. Куртана, подпрыгнув,

сбила Корону Артура с подушечки, а посох Малахии врезался в черную шкатулку, заскользившую по ткани, которой был задрапирован алтарь. Роберт прыгнул, но было уже слишком поздно. Шкатулка с треском ударилась о каменные ступени. В это же время две свечи опрокинулись, и тонкий атлас алтарного покрывала вспыхнул ярким пламенем.

Роберт слышал за спиной крики Эймера и его людей, пытавшихся пробиться к усыпальнице. Среди паломников началась паника. Повсюду раздавались испуганные крики, когда людей сбивали на пол и топтали ногами. Его брат ударил второго стражника рукоятью меча в лицо, сломав ему нос, а после пнул ногой в живот, отчего тот согнулся пополам. Роберт наклонился и подхватил шкатулку с пророчеством. Крышка ее осталась закрытой, но в боку зияла широкая трещина, в которой виднелось ее содержимое. По коже Роберта пробежали мурашки. Там ничего не было — ничего, кроме темной блестящей поверхности, отражавшейся в самой себе. Ни клочка пергамента, ни даже пыли. Шкатулка была пуста.

— Уходим! — крикнул Эдвард, подбегая к нему.

Роберт помедлил, глядя на алтарь, где уже всюду полыхала ткань. А потом, сунув шкатулку брату, он схватил посох Малахии.

Пока Эймер и его солдаты пробивались сквозь волны людей, во все стороны разбегавшихся из аббатства, Роберт и Эдвард смешались с этой человеческой массой. Сунув мечи в ножны и накинув капюшоны, они спрятали сокровища под накидками, став неотличимыми от обнищавших паломников в таких же лохмотьях. Добравшись до двери в северном трансепте, в которую ломилась толпа, Роберт оглянулся. К усыпальнице Исповедника бежали каноники, чтобы погасить пламя, оглашая встревоженными криками своды, под которыми уже плавали клубы дыма. Он увидел, как Эймер де Валанс в бешенстве срывает капюшоны с голов тех, кто попадался ему навстречу, но тут людской поток вынес Роберта через дверь в серый полдень. Он по-прежнему крепко сжимал в руке посох Малахии. Когда Эдвард с Робертом бежали по кладбищу, перепрыгивая через могилы и направляясь к стене, тянувшейся вдоль Тайберна, перед мысленным взором Роберта всплыло лицо. Лицо человека, который, как он теперь был уверен, предал его.

Это было лицо Джона Комина.

Несколько человек быстро пробирались по пустырю, раскинувшемуся позади глинобитных хижин и домишек. Здесь они не рисковали столкнуться с жителями городка, которые запрудили главную улицу, расходясь по домам и пряча лица от холодного ветра, налетающего с реки Нит. ^[55] Наступил вечер, время близилось ко всеобщей, и вокруг новорожденного месяца зажглись первые звезды, похожие на осколки драгоценных камней. В холодном воздухе ощущалось приближение снегопада. По бокам тропинки лежали сугробы, перемешанные ногами людей и животных в жидкую кашу.

Люди шли по вонючим переулкам, мимо выгребных ям, бочек с водой и загонов для животных, давя сапогами подмерзшие отбросы, а перед ними черным приливом разбегались крысы. Когда они миновали очередной забор, за ним раздалось злобное рычание, и чье-то тяжелое тело с разбегу ударило об него. Кристофер Сетон прижался спиной к бревенчатой стене дома, хватаясь за рукоять своего меча, когда рычание сменилось звонким лаем.

— Господи Иисусе!

— Идем! — скомандовал Томас Брюс, устремляясь дальше по переулку.

Услышав чей-то возглас у себя над головой, Кристофер взглянул наверх и успел увидеть в темном провале окна белое пятно женского лица. Завидев проходящих внизу мужчин, она с громким стуком захлопнула ставни, что вызвало новый взрыв собачьего лая. Опустив пониже капюшон накидки, Кристофер поспешил вслед за своими товарищами.

В конце ряда убогих домишек перед ними открылась улица, булыжная мостовая которой белела пятнами инея. На другой ее стороне вздымалась стена монастыря францисканцев. Мужской монастырь, построенный по приказу матери Джона Баллиола более сорока лет назад, доминировал над всей северной частью Дамфриса. Еще дальше из окон жилых домов лился свет и доносились голоса; люди готовились отойти ко сну, запирая двери и окна, прячась от ночного холода и темноты. В воздухе висел резкий запах дыма.

У выхода из переулка Роберт, заслышав приближающийся стук копыт, остановился. На улице появилась четверка всадников, направляющихся в верхнюю часть городка от моста через Нит. Они не заметили людей, наблюдавших за ними из темноты. Из-под накидок у конников торчали мечи, и Роберт принял их за очередной отряд, прибывший на завтрашнюю ассамблею: одно из первых заседаний юстициаров, назначенных королем Эдуардом. Он ощутил укол страха, сознавая, сколь велика грозящая им опасность: английский гарнизон располагался менее чем в двух милях отсюда, в королевском замке. Одна ошибка, и солдаты сядут им на хвост. Большую часть собственного отряда с лошадьми он оставил на окраине Дамфриса — вынужденная мера предосторожности, хотя до них было относительно недалеко, если им придется спастись бегством.

Когда всадники проехали мимо, Роберт обернулся к своим людям и кивнул. Его брат Эдвард двинулся первым, выскользнув из аллеи и бесшумно перебежав через улицу. За ним последовал Найалл, стройный силуэт которого удлиняла черная накидка; он надел ее, чтобы

скрыть меч и кольчугу. Вслед за ними отправились четверо рыцарей из поместий Роберта, которых сопровождали Томас, Кристофер и Александр Сетон. Роберт пропустил остальных, цепко ухватив Александра за руку.

— Вы со мной?

Александр прямо встретил его взгляд.

— Будь это не так, меня бы здесь не было.

Спустя мгновение Роберт отпустил его, глядя, как тот окинул взглядом улицу, прежде чем последовать за остальными. Он и не рассчитывал, что их дружба, скрепленная кровью еще девять лет назад, когда он в первый раз присоединился к восстанию, вновь станет такой, как прежде. Он вполне понимал гнев и недовольство Александра. Верой и правдой решив служить Роберту много лет назад, лорд лишился своих поместий в Восточном Лотиане, которые достались англичанам, надеясь, что претензии Брюса на трон помогут ему вернуть утраченное. Надежда эта пошла прахом после того, как Роберт перешел на сторону короля Эдуарда, отчего между кузенами пробежала кошка. Но теперь ему казалось, что ледок в их отношениях начинает таять. В конце концов, минуло уже два месяца с той поры, как двоюродные братья вновь влились в его отряд.

На мгновение он заколебался, спрашивая себя, не совершил ли он ошибку, решив привлечь Сетонов к сегодняшней миссии. Но теперь было уже поздно сожалеть о содеянном. Он находился здесь, и никто, будь то друг или враг, не посмеет встать на пути справедливости. Он и так ждал этого момента целых пять месяцев.

Роберт бегом перебежал через улицу, давя подошвами сапог хрусткий иней на булыжной мостовой. Достигнув монастырской стены, он подпрыгнул и ухватился за ее край кончиками пальцев. Большинство его товарищей уже перебрались на другую сторону, затаившись под прикрытием деревьев. Упираясь ногами в неровности грубой каменной кладки, он с усилием подтянулся — тяжелая кольчуга влекла его вниз. Он был уже почти на самом верху, когда услышал голоса. Двое мужчин шли по залитой лунным светом улице в его сторону. В спешке нога его соскользнула, и он едва не свалился со стены, но тут сверху протянулись две пары рук и втащили его на стену. Перебросив ноги на другую сторону, Роберт спрыгнул в темноту. На мгновение ему показалось, будто он вновь очутился в Вестминстере, только что перемахнув через стену аббатства, с посохом Малахии за поясом и звуками погони за спиной. Но тут он ударился о землю и присел на колени, кивнув в знак благодарности Томасу и Кристоферу, которые помогли ему. Со стороны улицы донеслись голоса мужчин, когда они проходили мимо, но быстро затихли вдали.

Поправив ножны, Роберт зашагал к крайним деревьям, где начинались замерзшие огороды, на грядках которых уже лежал снег. Впереди поднимались здания монастыря, белые в лунном свете, выстроившиеся вокруг клуатра, ^[56]а над ними вздымалась внушительная и импозантная церковь. Вспомогательные здания помельче лепились к главным корпусам: пекарня и пивоварня, уборная и конюшня. Кое-где в окнах мерцало тусклое пламя свечей. Десять мужчин гуськом потянулись через сад, их черные накидки сливались с темнотой, а шаги заглушал снег.

Дойдя до угла первого здания, Роберт прижался к стене, и остальные выстроились позади него. Прямо перед ним лежал маленький двор, на другой стороне которого располагалась конюшня. На него пахло резким запахом прелой соломы и конского навоза. На гвозде висела лампа, со скрипом раскачивавшаяся на ветру, и круг света метался по двору. Изнутри доносилось лошадиное ржание, шуршание метлы и голоса. Из конюшни

вышли двое мужчин и направились через двор. Когда они проходили под фонарем, Роберт впился взглядом в их алые накидки, отметив знакомый герб на груди. Его лазутчики не ошиблись, что лишь укрепило его решимость.

Теперь, когда мужчины ушли, из конюшни доносилось лишь шуршание метлы. Роберт повернулся к Эдварду и Томасу:

— Узнайте, где он.

Его братья подошли к краю стены, сжимая в руках кинжалы. Осторожно выглянув наружу, оба бегом бросились к конюшне.

— Вы думаете, он вас послушает?

Голос Александра заставил Роберта обернуться. Лицо лорда едва виднелось в темноте под капюшоном. Он не мог разглядеть его выражения, а вот сомнение в голосе слышалось отчетливо.

— А разве у него есть выбор?

— Он может предпочесть драку. Если он или его люди предупредят английский гарнизон...

— Мы не дадим ему такой возможности, — перебил его Роберт.

Оглянувшись, он увидел, как Эдвард, задержавшись на мгновение у дверей конюшни, нырнул внутрь, и Томас последовал за ним. Оттуда донесся звонкий молодой голос с вопросительными интонациями, перешедший в крик, который резко оборвался. Звуки борьбы и лошадиное ржание сменились тишиной. Наконец прозвучал стон боли, а потом что-то тяжелое поволокли по полу. Из дверей конюшни вышли Эдвард и Томас и быстро перебежали через двор к поджидавшим их товарищам. Когда они засовывали кинжалы за пояс рядом с мечами, Роберт заметил, что клинки остались чистыми. И лишь у Томаса были содраны костяшки пальцев.

— Он действительно здесь, — прошептал Эдвард. — Он и его люди разместились в гостевой комнате в доме аббата.

— Где он сейчас? — спросил Роберт, пожирая взглядом два здания, на которые кивнул Эдвард.

— Грум сказал, что он ужинает, — ответил Томас. — В трапезной.

Роберт выругался. Он-то надеялся застать своего врага врасплох и одного.

— Сколько лошадей в конюшне?

Томас покачал головой:

— Трудно сказать. Не меньше дюжины.

Эдвард пристально посмотрел на Роберта.

— Если ты думаешь о том, чтобы напасть на трапезную, это может плохо кончиться для нас. Мы не собирались устраивать здесь кровавую баню.

Приняв решение, Роберт оттолкнулся от стены и скользнул по двору к зданию, в котором скрылись двое мужчин. Остальные осторожно последовали за ним, оглядываясь по сторонам. Над ними протянулась череда высоких стрельчатых окон, подсвеченных изнутри янтарным пламенем очагов. Остановившись под одним из них, Роберт услышал доносящиеся изнутри голоса, приглушенный смех и звон посуды. Жестом махнув Найаллу, самому высокому и легкому из них, он присел, сложив ладони ковшиком и кивком показав Томасу, чтобы он последовал его примеру. Найалл встал на их ладони и оперся о стену, чтобы не упасть, а Роберт и Томас выпрямились, поднимая его вверх. Остальные сгруппировались вокруг, следя за двором и темными дверными проемами.

— Двадцать человек, — прошептал Найалл, когда они опустили его. — Трое из них — пажи, судя по внешнему виду. Но его там нет, — закончил он, глядя на Роберта.

— Нам пора уходить, — заявил Александр. — Скоро всенощная. Мы можем еще раз вернуться сюда сегодня ночью, после того как все улягутся спать.

— Нет, — пробормотал Роберт, которого снедало нетерпение. — Мы разделимся и найдем его. Если он где-нибудь здесь и один, то это наш последний шанс.

Не обращая внимания на очевидное недовольство Александра, он приказал лорду осмотреть гостевые помещения монастыря.

— Ступайте с ним, — приказал Роберт трем своим братьям и одному из рыцарей. — А мы возьмем на себя жилище аббата. — Он поймал взгляд Эдварда. — Если вы найдете его, то расспрашивать его я буду сам, понятно?

Отряд разделился на две части. Роберт повел Кристофера и еще трех рыцарей к домику аббата, выстроенному чуть в стороне от церкви. Окна его зияли не внушавшей надежд темнотой. Подходя к дверям, он вдруг услышал скрип снега под чьими-то ногами. Едва Роберт со своими людьми успел скользнуть в темноту портика, как мимо прошли трое монахов, призрачно-невидимые в своих серых рясах с клобуками, и лишь пар от дыхания выдавал их присутствие. Роберт выглянул из темноты, провожая их взглядом, пока они не скрылись в одном из зданий, стоявших вокруг клуатра. Он уже поворачивался к двери, как вдруг заметил цепочку одиноких следов, уходящих от дома аббата. Монахи протоптали в снегу целую тропинку, направляясь на ежедневную службу, следуя одним и тем же маршрутом. А эти следы были оставлены одним человеком, который прошагал к церкви по траве, на которой лежал еще девственно чистый и нетронутый снег. Заметив тусклый свет в окнах, Роберт вдруг ощутил прилив возбуждения.

— Сначала проверим церковь.

— А монахи? — предостерег его Кристофер.

Но Роберт уже не слышал его, шагая по траве. Достигнув паперти, он подошел к двери и опустил щеколду. Раздался легкий скрип, и дверь приотворилась. Он прижался лицом к щели, обводя взглядом неф, проходы по сторонам которого терялись в темноте. В самом конце его тусклый свет сочился из-под крестной перегородки, отделявшей клирос от нефа. До него долетел сильный запах благовоний, и он понял, что монахи готовили церковь к вечерней службе. Александр был прав — времени у него оставалось совсем немного.

Со своего места он мог разглядеть немного, и потому Роберт шагнул внутрь. Четверо его спутников последовали за ним, по его сигналу оставшись сторожить у дверей. Роберт двинулся вперед по холодному нефу, и шаги его гулким эхом прокатились по помещению, а огоньки свечей впереди затрепетали от сквозняка, врывавшегося в приоткрытую дверь у него за спиной. Подойдя к клиросу и никого там не обнаружив, он почувствовал, как его охватывает отчаяние. На средокрестии Роберт остановился, настороженно вглядываясь в такую мирную темноту. Он уже развернулся, чтобы уходить, когда до его слуха донесся какой-то звук.

Скользнув за колонну, он стал вглядываться в темноту в дальнем конце прохода. Лунный свет косо проникал в высокие стрельчатые окна, через равные промежутки освещая пол. Вдалеке невысокие каменные ступени вели к проему, за которым скрывалась небольшая часовня, как решил Роберт. Оттуда вышел человек, спустился по ступеням и зашагал по проходу в его сторону. Когда он миновал одно из пятен лунного света, лицо его резко выступило из темноты. Это был Джон Комин.

Роберт впился взглядом в это острое и злое лицо. Именно его образ преследовал Роберта после бегства из Вестминстера, когда он пробирался по топким берегам Тайберна к тому месту, где его ждал Нес с лошадьми. Именно его образ погнал Роберта в Миддлсекский лес, пока Эймер де Валанс преследовал его по пятам. Мчась через него напрямик, не разбирая дороги и останавливаясь только для того, чтобы сменить загнанных лошадей, он со своими людьми избежал плена, но ожидание ареста не покидало его на протяжении всего долгого пути на север. Они обходили города стороной, что лишь удлиняло их маршрут, и только в сентябре Роберт пересек границу. К концу месяца он прибыл в Тернберри и встретился с женой и дочерью, и уже оттуда, из своего заново отстроенного замка, стал рассылать приказы своим арендаторам и союзникам. Выпавший в октябре снег дал ему передышку, но Роберт понимал, что долго она не продлится. Игра началась: предательство его раскрылось. Он должен был быстро составить план действий, прежде чем за ним придут. Последовали недели тайных встреч и договоренностей, и все это время перед его внутренним взором стояло лицо Джона Комина, омрачая его мысли.

Комин остановился как вкопанный, когда из темноты к нему шагнула закутанная в накидку фигура с мечом в руке. Роберт откинул с головы капюшон, и выражение удивления сменилось на лице Комина ужасом.

При виде потрясения на лице своего врага Роберт почувствовал, как у него улетучиваются последние остатки сомнений относительно авторства письма, обнаруженного среди вещей Уильяма Уоллеса.

— Что с вами, сэр Джон? У вас такой вид, словно вы узрели привидение. — Голос его подрагивал от сдерживаемой ярости. — Полагаю, так оно и есть, поскольку вы явно рассчитывали, что жизнь моя оборвется в Лондоне, а кости сгниют в Тауэре.

Комин облизнул губы.

— Почему вы здесь?

— Разве король Эдуард не сообщил вам, что я вернулся в Шотландию? — Голос Роберта сочился язвительной насмешкой. Он наслаждался выражением лица Комина, которое говорило ему, что тот ничего не знает. Роберт понял, что король сомкнул шеренги после его бегства. — Мне представляется, что, придя завтра на Совет юстициаров, вы обнаружите, что я стал главной повесткой дня. — Он шагнул к Комину. — Но сначала покончим с нашим общим делом.

Джон Комин не сдвинулся с места, но взгляд его метнулся от Роберта к двери церкви, которую охраняли Кристофер с рыцарями.

— Монахи могут вернуться в любой момент. Они предупредят моих людей.

— У меня всего один вопрос. Это не займет много времени.

— Вопрос?

— Несколько месяцев я ломал голову над тем, почему вы так долго тянете с ответом на мое предложение. Теперь я понимаю почему: у вас были другие планы. Я одного не понимаю — зачем? — На лбу у Роберта собрались морщинки. — Зачем вы это сделали, Джон? Для чего вы подбросили письмо Уоллесу, выдав меня англичанам? Неужели вы согласны терпеть короля Эдуарда?

В глазах Комина вспыхнула ярость.

— Вы с Эдуардом — не единственные претенденты. На Совете рассматривались еще одиннадцать кандидатур, помимо вашего деда и Джона Баллиола. — Он ударил себя кулаком в грудь. — Моего отца в том числе.

Роберт уставился на него, не веря своим ушам.

— Вы хотите стать королем?

— Почему нет? — вспыхнул Комин. — Когда вы отказались от должности хранителя, я стал управлять королевством. Пока вы кланялись Эдуарду, я вел нас к победам. Баллиол — мой родственник, и моя семья по-прежнему пользуется здесь уважением, тогда как о вашей уже почти забыли. Вы стали пережитком прошлого и теперь цепляетесь за последние нити власти, оставшиеся после вашего деда. Но, говорю вам, они уже проскользнули у вас между пальцев. И пока я жив, вы не получите корону Шотландии. — Лицо Коми́на исказилось от бешенства. — Вы — двуличный негодяй, желающий урвать добычу, которая ему не по зубам!

— Двуличный? — Роберт с такой силой стиснул рукоять меча, что костяшки пальцев у него побелели. Он ткнул им в Коми́на, уперев острие тому в горло. — Может, рассказать тебе, как умер Уоллес, сукин ты сын? — Свободной рукой он махнул в сторону часовни, из которой вышел Комин: — Будь ты проклят! А я-то думал, что ты молил о прощении!

Комин хрипло расхохотался, не сводя глаз с меча.

— Прощение? Оно мне без надобности. Уоллес стал загнанной крысой. Рано или поздно Эдуард все равно вздернул бы его. Так что в его смерти нет моей вины.

— Нет? Это ведь ты выманил его из укрытия, использовав Джона Ментейта. — Роберт заметил удивление, мелькнувшее в глазах Коми́на. — Ко мне в Тернберри пришел Нейл Кэмпбелл. Он и рассказал мне о засаде под Глазго, о том, что у Ментейта откуда-то взялся большой отряд, хотя стольких людей у него отродясь не было, и что у одного из них не доставало кисти руки. Мы с тобой знаем, что это был Макдуалл. Так же, как мы оба знаем, что только ты, один из немногих, кто посвящен в мои планы, мог предать меня.

— Ты ничего не сможешь доказать. Ничего!

Роберт мрачно улыбнулся.

— В некотором смысле я должен быть тебе благодарен. Твоя двуличность заставила меня действовать. Наконец-то я освободился от кандалов Эдуарда. Пока мы с тобой здесь мирно беседуем, мои союзники готовят мою коронацию. Более того, ты поддержишь меня в моих требованиях.

Джон Комин злобно оскалился.

— Да я скорее...

— Ты поддержишь меня, или я расскажу всем о твоём предательстве. Ты выдал защитника Шотландии врагам, чтобы его могли казнить на плахе. Уоллес до сих пор пользуется уважением. Разве ты не слышал криков ярости, когда весть о его гибели дошла до северных земель? Что сделают эти самые люди, когда узнают, что в его смерти повинен ты? Или ты думаешь, что они пойдут за тобой? Да они вздернут тебя на ближайшем суку!

— Роберт!

Оглянувшись, он увидел, что Кристофер отошел от двери.

— Монахи, — прошипел рыцарь. — Они идут сюда!

— Заприте дверь, — прорычал в ответ Роберт.

Он отвлекся всего на миг, но Комину этого оказалось достаточно: он толкнул его в грудь с такой силой, что Роберт отлетел к одной из колонн. Пока он приходил в себя, Комин бросился бежать. Нырнув за крестную перегородку, он устремился к боковой двери в противоположном проходе. Роберт помчался за ним. Огоньки свечей бешено затрепетали, когда они пробежали мимо, и на стенах заплясали гигантские тени.

Роберт в прыжке ухватил Коми́на за край накидки, и та затрещала по швам, когда он

заставил своего врага остановиться. Комин резко развернулся и нанес ему удар в лицо, но Роберт успел пригнуться. Выпустив ткань из рук, он зарычал и ткнул в него мечом, намереваясь принудить Комина сдаться. Тот попятился, дико оглядываясь по сторонам в поисках оружия. Прыгнув к алтарю, он схватил большой серебряный подсвечник. От толчка свеча выпала из него и погасла, ударившись об пол. Комин перехватил подсвечник обеими руками, словно меч. По длине он почти не уступал клинку Роберта. Внезапно он замахнулся им, как топором, целясь Роберту в голову.

Роберт отскочил в сторону.

— Поддержи мое право на трон! А если откажешься, то, став королем, я изгоню тебя и все твоё поганое племя из Шотландии!

В ответ Комин с ревом кинулся на него. Отбив подсвечником меч Роберта в сторону, он с размаху ударил его в бок. От такого удара ребра у Роберта непременно затрещали бы, если бы не кольчуга. Но и так его отбросило на сиденья клироса, и одна из скамей со скрежетом поехала по выложенному плитками полу, когда он обрушился на нее. Роберт выронил меч. Кристофер что-то кричал ему. Снаружи тоже донеслись слабые выкрики — это монахи попытались войти в церковь и обнаружили, что дверь заперта.

Подхватив с пола меч, Роберт оттолкнулся и встал. Комин вновь атаковал его. Уклонившись от удара, нацеленного ему в голову, Роберт замахнулся мечом. Кровь вскипела у него в жилах. Кончик клинка скользнул по предплечью Комина, вспарывая ткань и кожу под ней. Комин взревел, но не выпустил подсвечник из рук. Сердце гулко застучало у Роберта в груди, когда они закружились в смертельном танце, словно враги на поле брани. Залитый трепетным пламенем свечей клирос, стук в двери и крики монахов — все это отошло на второй план вместе с его благими намерениями. Он пришел сюда, чтобы угрожать репутации Комина и его положению, но не жизни. Однако сейчас его охватило жгучее желание покончить с ним раз и навсегда.

Он шагнул вперед, намереваясь еще раз ранить своего врага. Комин отреагировал очень быстро, парировав его удар. Серебро и сталь столкнулись с гулким звоном, эхо которого раскатилось по всей церкви. Роберт почувствовал, как треснул его клинок, еще до того, как увидел это собственными глазами: меч его вздрогнул и переломился. Верхняя половина его с лязгом улетела на хоры клироса, а у него в ладони остались лишь рукоять и зазубренный обрубок металла. Он в ужасе уставился на меч, подаренный ему дедом в тот день, когда его произвели в рыцари. И тут Комин подскочил к нему вплотную и вонзил ему подсвечник в живот. На сей раз кольчуга не смогла погасить удар, и Роберт согнулся пополам.

— Роберт!

Когда по нефу разнесся крик Кристофера, за которым раздался топот ног, Роберт схватился за кинжал и сорвал его с пояса. Выпрямившись, он выставил его перед собой, целясь в Комина, который вновь бросился на него. Воткнув лезвие ему в бок, он с силой рванул его кверху. Глядя Комину прямо в глаза, Роберт почувствовал сопротивление, когда кинжал наткнулся на ребра, а потом раздался отвратительный хруст: клинок вошел в плоть, круша кости. На руку ему хлынула горячая струя. Из раны полилась кровь, черная в пламени свечей. Комин выпустил подсвечник, и тот с лязгом упал на пол. Он схватил Роберта за плечо, и ярость на его лице сменилась безмерным удивлением. Роберт, оскалив зубы, повернул клинок в ране, наслаждаясь агонией в глазах своего смертельного врага.

Комин оттолкнул его, а потом неуверенно попятился обратно к алтарю. Опустив взгляд на кинжал, рукоять которого торчала у него в боку, он ухватился за нее. Закрыв глаза, с

искаженным лицом, он, сдавленно зарывчав, вырвал его. Стук в дверь церкви усилился. Комин, обессилив, привалился к алтарю. Кровь толчками била у него из раны. Она пошла у него ртом, окрасив стиснутые зубы. Роберт, согнувшись пополам и тяжело дыша, вздрогнул от неожиданности, когда рядом с ним вырос Кристофер.

На лице рыцаря отразился шок, когда он увидел Комина.

— Надо уходить, — сказал он Роберту, с трудом отрывая взгляд от раненого. — Быстрее!

Беспорядочный стук в двери сменился ритмичными гулкими ударами. Очевидно, монахи пытались чем-то вышибить ее. В любой момент могли появиться люди Комина, если уже не сбежались на шум. Пребывая в холодном оцепенении, Роберт понял, что его братья все еще оставались в монастыре, обшаривая его территорию. Он перевел взгляд на Комина, привалившегося к алтарю. У ног его уже натекла лужа крови. Угроза плена привела его в чувство. Господи, что же он наделал?

Кристофер подтолкнул его к боковой двери в проходе.

— Уходим отсюда!

Когда они повернулись, чтобы броситься к ней, за их спинами раздался хриплый рык. Роберт оглянулся и увидел, что к нему прыгнул Комин, оскалив зубы и зажав в кулаке окровавленный кинжал. Но тут Кристофер резко развернулся и поднял меч, а потом всадил его в живот Комину. Лорд забился в судорогах, пронзенный насквозь, изо рта у него вновь хлынула кровь, и тогда рыцарь рывком высвободил клинок. Джон Комин повалился на пол и замер. Вокруг него быстро расплзлась темная лужа.

Рыцари криками подгоняли их. Снаружи до Роберта донесся голос его брата Эдварда. Подталкивая перед собой Кристофера, он направился к двери, и они вдвоем вывалились в морозную прохладу церковного двора. Со всех сторон на крики сбежались люди Комина, и свет их факелов разогнал темноту. Эдвард, Найалл и остальные уже поджидали их с мечами в руках.

— Они видели нас, — выдохнул Эдвард, заметив Роберта.

— Сюда! — крикнул Найалл, направляясь к церковной стене.

Они вдесятером бросились к стене, опередив людей Комина. Сунув сломанный меч за пояс, Роберт подтянулся на руках. Его примеру последовали братья и остальные рыцари, по одному спрыгивая на другую сторону. Кристофер замешкался, подыскивая опору для ног. Лицо его белело в темноте. Вдруг он сорвался и с криком упал вниз, простершись на снегу. Люди Комина торжествующе заорали, устремившись к нему, и красноватые отблески их факелов заплясали на каменных плитах двора. Роберт, оседлав стену, наклонился и протянул рыцарю руку. С трудом поднявшись на ноги, Кристофер ухватился за нее. Собрав последние силы, Роберт, застонав от натуги, потянул его на себя. Кристофер ухватился за верхний край стены и перевалился на другую сторону. Люди Комина подбежали к стене, и свет их факелов упал на нее, на мгновение ослепив Роберта.

— Брюс! — раздался крик, когда он спрыгивал вниз. — Это Роберт Брюс!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

1306 год

...итак, торопись принять то, чем не преминет одарить тебя Бог; торопись поработить тех, кто готов взвалить на себя твое ярмо; торопись подвигнуть на это всех нас, которые не будут бежать ни ран, ни самой смерти. И я предстану перед тобой с десятью тысячами вооруженных, лишь бы ты преуспел.

Гальфрид Монмутский. История королей Британии

В середине февраля, когда в низинах стали отступать снега, луга покрывались зеленью, а ручьи и реки взламывали свои ледовые панцири и текли невозбранно, появились первые слухи.

Все началось с передаваемых шепотом историй, которые приносили с собой странники, бредущие по только что расчищенным трактам; это были истории о восстании на юге. Через несколько дней стало ясно, что это не сказки, а самая настоящая, доподлинная правда. Поселения вдоль границы были взбудоражены сообщениями о том, что среди ночи в Дамфрисе объявился Роберт Брюс и поднял горожан на бунт, штурмом взял замок и изгнал оттуда вновь назначенных королем Эдуардом юстициаров, собравшихся на ассамблею. Вскоре стало известно, что Брюс со своими людьми захватил замок Далсвинтон, цитадель Коминов. Волна гнева вздымалась все выше, и после захвата Тибберса, Эйра, Ротсея и Данаверти силами Брюса английские гарнизоны по всей Шотландии начали поднимать мосты и запирают ворота замков. К королю Эдуарду полетели срочные донесения. Они гласили, что Роберт Брюс поднял знамя восстания. И что к нему, под это знамя, стекаются все новые люди.

Первые несколько недель после восстания в Дамфрисе многие скотты говорили о нем как о чем-то далеком и не имеющем к ним прямого отношения, хотя и горячо обсуждали его на полях и в церквях своих деревень, где жизнь текла размеренно и спокойно, несмотря на бурные события, разворачивающиеся вокруг. Вздошные, встревоженные и возбужденные, все они спрашивали себя, а докатится ли до них грозовой вал перемен или же буря утихнет сама собой. И вдруг в начале марта далекие раскаты мятежа стали ближе, зазвучав совсем рядом, и все поняли, что восстание идет к ним.

К одним оно пришло с холодным рассветом, к другим — днем или ранним вечером, с горящим факелом; из королевского города до затерянной в лесах глухой деревеньки, из кишачего деловой суетой морского порта до сонного горного поселения. Оно передавалось от человека к человеку, словно живой маяк, который для всех, кто его видел, означал только одно. Это был огненный крест — старинный шотландский призыв к борьбе. По всему королевству мужчины брались за оружие, доставая из сундуков мечи, спавшие мирным сном после минувшей войны, правили на оселках лезвия топоров, вбивали новые гвозди в неровные края дубинок и прилаживали новое оперение к стрелам. На западе, в Эйре и Ланарке и вокруг Селкиркского леса, огненный крест прошелся по селениям, где люди все еще были взбудоражены казнью Уильяма Уоллеса, известие о которой дошло до них осенью. Здесь слухи о восстании оказались факелом, поднесенным к сухой вязанке дров, и пожар вспыхнул в мгновение ока и начал стремительно распространяться по округе. За оружие брались мужчины, сражавшиеся вместе с Уоллесом в самые первые дни восстания, те, кто праздновал с ним его победу под Стирлингом, те, чьи сыновья и братья пали под Фолкирком под стальными ударами английской армии. Это были мужчины, потерявшие надежду, но не

утратившие веры.

И пока шли эти приготовления к обороне и нападению, слухи о восстании и быстрых победах Роберта Брюса на западном побережье распространялись со стремительностью лесного пожара. Говорили, что Брюс поднимает армию на новую войну против Англии и намерен объявить себя королем. Известия эти встречали со смесью недоверия, гнева и восторга. Но были и другие слухи, мрачные и гнетущие, ползущие по владениям Комина в Галлоуэе и Баденохе, Килбриде и Бучане, словно подводное течение, таящееся в глубине под высоким валом призыва к оружию.

Говорили, что Роберт Брюс убил Джона Комина.

Роберт присел на корточки, щекоча малыша, который приковывал к нему в объятия. Его племянник Дональд протянул ручонку и схватил наконечник арбалетного болта, висевший у него на шее. Зажав кусочек железа в пухлом кулачке, он с любопытством уставился на него, а потом поднес ко рту, намереваясь попробовать на вкус. Роберт отобрал медальон у малыша и встал, подбросив ребенка в воздух. Дональд завизжал от восторга.

— Ты ему понравился, — сказала Кристина, подходя к ним и приглаживая вихры сына, такие же светлые, как у нее самой. Она улыбнулась, глядя на Роберта. — Ему полезно побыть с другим мужчиной теперь, когда его отца больше нет с нами.

Улыбка Кристины не угасла, когда она наклонилась и подхватила сопротивляющегося сына на руки, но Роберт заметил в ее глазах подозрительный блеск при упоминании покойного мужа. Гартнет скончался год назад, оставив Кристину вдовой, а их сын стал графом Маром. Роберт смотрел, как она несет Дональда к столу, стоящему в центре шатра, полотняные стены которого колыхал ветер. Снаружи доносился шум лагеря.

Передав мальчугана кормилице, Кристина села за стол, чтобы отведать еды, приготовленной ее слугами. Ее сестры Мэри и Матильда уже заканчивали трапезу.

Мэри Брюс взглянула на Роберта.

— Быть может, ты все же передумаешь и присоединишься к нам, брат? — спросила она, склонив голову к плечу. — За то время, что ты стоишь здесь, можно было уже разговеться дважды.

Роберт встретил острый взгляд Мэри, поразившись ее сходству с Эдвардом. У сестры были такие же черные, как вороново крыло, волосы и правильные, хотя и резкие черты, придававшие ее лицу жесткое, почти коварное выражение. Его сестры прибыли в Тернберри незадолго до Рождества из замка Килдрамми, повинуясь его приказу. А он до сих пор удивлялся тому, как сильно изменились они с тех пор, как он видел их в последний раз, особенно самые младшие, Мэри и Матильда, которым исполнилось двадцать и девятнадцать лет.

— Мне надо присутствовать на совете.

— Сегодня вечером к нам присоединятся Элизабет и Марджори, — заметила Кристина, протягивая свой кубок пажу, который наполнил его разбавленным водой вином. В ее тоне прозвучал недвусмысленный намек. — Мы ведь так редко собираемся вместе.

Лицо Матильды просветлело.

— Леди Элизабет привезет с собой менестреля. — Голосок ее, мягкий и негромкий, вполне соответствовал застенчивому и робкому характеру девушки. Роберт заметил, что во время разговора она то и дело поглядывала на Мэри, словно спрашивая ее разрешения.

Он метнул на Кристину раздраженный взгляд, недовольный тем, что сестра без спросу

пытается сгладить шероховатости в его браке. По возвращении в Шотландию наступил период недолгого благополучия, когда ему удалось навести мосты в отношениях с супругой. Но эти нити, непрочные и ненадежные, порвались под грузом последних недель. Элизабет явно охладела к нему после событий в Дамфрисе, но, занятый подготовкой к войне, он не имел ни времени, ни желания поговорить с ней по душам.

— Это — военный лагерь, Кристина. Мы ведем осаду, а не развлекаемся на ярмарке. — В спину ему ударил порыв холодного ветра, когда кто-то вошел в шатер. Роберт обернулся, втихомолку радуясь поводу прекратить ненужный спор, и увидел Кристофера Сетона.

Рыцарь церемонно кивнул трем женщинам, задержав взгляд на Кристине, прежде чем перенести внимание на Роберта.

— К вам прибыли новые люди, включая тех, кого вы ждали. Приехал епископ Вишарт. Я проводил его в штабную палатку. Сейчас там собираются и остальные.

Роберт довольно крякнул:

— Его преосвященство точен, как всегда.

Кристина встала из-за стола.

— Сэр Кристофер, — окликнула она, когда Роберт направился к выходу.

Рыцарь оглянулся:

— Да, миледи?

— Я пытаюсь уговорить своего брата поужинать с нами сегодня вечером. Быть может, вам это удастся лучше? — Кристина улыбнулась. — Здесь хватит места для вас обоих.

Роберт уже открыл было рот, чтобы отчитать ее, но промолчал, заметив выражение лица своего друга. Тот расплылся в совершенно идиотской улыбке.

В это мгновение следы многих лет войны и лишений словно растаяли, и Кристофер опять превратился в честного и пылкого молодого человека, каким был во время первой встречи с Робертом при осаде Карлайла, когда перед ним простиралась целая жизнь, полная обещаний и невиданных возможностей. Даже в Лесу, питаясь впроголодь и страдая от боли и голода, он умудрялся сохранять добродушие и чувство юмора, наигрывая у костра на флейте, чтобы поднять настроение своим боевым товарищам, смеясь и перешучиваясь с Эдвардом и Найаллом. Но четыре недели назад все изменилось.

Роберт молча смотрел на него, спрашивая себя: а если бы его друг узнал тогда, на стенах Карлайла, в тот день, когда он спас ему жизнь, что десять лет спустя станет соучастником убийства человека в храме Божьем, присоединился бы он столь охотно к его делу? С той ночи в Дамфрисе он ушел в себя и замкнулся, став неразговорчивым за едой, молчаливым и напряженным.

И Роберт с облегчением убедился, что Кристофер, оказывается, еще не разучился улыбаться и что жизнь еще может повернуться к нему своей яркой и счастливой стороной, несмотря на события последнего месяца. Еще в Тернберри он заметил, что его вдовую сестру и рыцаря тянет друг к другу. Если Кристина сможет вернуть к жизни того беззаботного юношу, которого он знал, то кто он такой, чтобы мешать им?

— Мы придем, — пообещал он сестре. — Оба.

Выходя из шатра, Кристофер несколько раз оглянулся, пока полог не опустился за ним и они не окунулись в бурлящую суету лагеря.

Мартовское утро выдалось свежим и прохладным. По небу скользили огромные пушистые облака, отбрасывая бегущие тени на бурые воды Клайда. От устья налетал порывистый ледяной ветер, и Роберт запахнул полы своей подбитой мехом мантии. Вокруг

него колыхались стены палаток и хлопали пологи, а в глазах рябило от разноцветья гербов и флажков. Каждый день к ним прибывали все новые баннеры: люди откликались на его призыв к оружию. Над лагерем висел дым от костров, смешиваясь с вонью отхожих мест и куч конского навоза вокруг импровизированных конюшен. Лагерь раскинулся на равнине у берега могучей реки. Сразу же за полосой грязи и ила, обнажившейся после отлива, торчали два величественных утеса, между которыми в зеленой расщелине высился старинный замок Дамбартон.

От заиленных берегов скалистая тропинка карабкалась к нижним стенам замка, за которыми виднелось скопление каменных и деревянных построек. За ними вздымались две высокие скалы, по бокам обнесенные стенами. На их вершинах стояли белая башня и главный зал. Здесь, в округе, имелось немало грозных крепостей, но Дамбартон был, пожалуй, самой неприступной из них. Внутри под надежной охраной, на скале, обнесенной ровом с водой, затаился Джон Ментейт. Предатель, захвативший в плен Уильяма Уоллеса и выдавший его англичанам, получил щедрое вознаграждение от короля Эдуарда, который простил ему долг перед короной и назначил хранителем замка.

Это была уже шестая крепость, которую Роберт осадил за последние четыре недели. Его кампания, начавшаяся столь неожиданно в Дамфрисе, была похожа на камень, который покатился вниз по склону и набирал силу, подхватывая камешки помельче и валуны, пока камнепад не превратился во всесокрушающую лавину. Вместе с Ротсеем, Данаверти и Эйром Дамбартон охранял западные подступы Шотландии — жизненно важный маршрут, по которому Роберт рассчитывал получать припасы и подкрепления с островов. Даже отбросив в сторону стратегическое значение замка, он горел желанием захватить его во что бы то ни стало. Он намеревался заставить Ментейта заплатить за предательство. Остальные замки пали быстро, один за другим, покоровшись его воинскому таланту, хитрости или угрозам, но Ментейт держался крепко, и, не имея в своем распоряжении осадных машин, которыми только и можно было разрушить стены, Роберт был вынужден удовлетвориться тем, что он перерезал пути снабжения и вселил страх Господень в ублюдка своей все увеличивающейся армией.

— Вот еще новички, — заметил Кристофер, привлекая внимание Роберта к небольшому отряду человек в двадцать. Они стояли у своих взмыленных и запыленных лошадей.

Подойдя ближе, Роберт с удивлением увидел, как навстречу ему выступила женщина в темно-красной накидке, застегнутой у горла серебряной брошью. Возраст ее приближался к сорока годам, и у нее было гордое обветренное лицо и песочного цвета волосы, поседевшие на висках. Он удивился еще сильнее, когда она шагнула к нему и крепко обняла его. Взяв ее за руки, Роберт отстранился, вглядываясь в нее.

— Миледи... — начал он, сознавая, что вновь прибывшие смотрят на него.

Один, стоявший в первом ряду, был моложе остальных, и на вид ему едва сравнялось двадцать лет. С такими же песочными волосами и близко посаженными глазами, он был настолько похож на женщину, что наверняка являлся ее близким родственником. В чертах обоих было нечто знакомое, но Роберт никак не мог понять, что именно. Молодой человек скрестил руки на груди, холодно глядя на него.

Растерянность Роберта заставила женщину рассмеяться.

— Так ты не помнишь меня, маленький братец?

На Роберта снизошло озарение. Женщина была его сводной сестрой Маргарет, единственным ребенком от первого брака его матери. Последний раз Роберт видел ее еще в

детстве, поскольку ее выдали замуж в пятнадцать лет. Поначалу он слышал о ней от матери, а потом, с течением времени, все реже и реже — от отца, хотя и знал, что супруг Маргарет, рыцарь из графства Роксбург, умер некоторое время назад.

— Сестра! — смеясь, он вновь раскрыл ей объятия.

Широко улыбаясь, Маргарет кивнула на молодого человека с песочными волосами:

— Это — Томас Рандольф, мой сын. Твой племянник.

Роберт улыбнулся и протянул руку. Томас Рандольф поначалу не сделал попытки принять ее, но после многозначительного взгляда, брошенного на него матерью, шагнул вперед и коротко пожал ее.

— Я даже не знала, что ты вернулся в Шотландию, — сказала Маргарет, глядя на Роберта, — пока огненный крест не пронесли через нашу деревню, а люди не заговорили о том, что ты собираешь армию.

— Мне нельзя было высовываться, пока я не заручился сильной поддержкой. Я знал, что англичане обязательно придут за мной и что это — лишь вопрос времени.

— Я привела тебе самых надежных людей моего покойного супруга. — Маргарет оглянулась на всадников у нее за спиной. — Их мечи принадлежат тебе, братец.

— С благодарностью принимаю вашу помощь, — сказал ей Роберт, приветствуя мужчин кивком. — В самые ближайшие дни мне понадобятся все люди, которых я смогу собрать.

— А правдивы ли слухи, сэр Роберт? — Холодный и сухой голос Томаса прервал их разговор. — О том, что случилось с Джоном Комином?

Маргарет прищурилась.

— Томас, клянусь Богом, я...

— Нет, сестра, — вмешался Роберт, — я уверен, что вопросы есть у вас обоих. — Он смерил племянника выразительным взглядом. — Но у нас еще будет время поговорить об этом. А пока я должен провести военный совет.

Томас Рандольф смешался под его пристальным взглядом и отвел глаза.

Роберт вновь посмотрел на Маргарет, и лицо его просветлело.

— Мы здесь собрались всей семьей, так что тебя ждет приятный сюрприз. — Он окликнул оруженосца одного из своих рыцарей, который проходил мимо. — Артур, покажите моей сестре и ее людям место, где они могут разбить лагерь, после чего проводите ее в шатер леди Кристины.

Оставив Маргарет и ее враждебно настроенного сына на попечении оруженосца, Роберт направился к своему шатру, отметив про себя, что робкий намек на улыбку, появившийся на губах Кристофера, увял после упоминания Джона Комина.

Штабная палатка стояла в самом центре лагеря. Рядом на ветру трепетали два баннера, один белый, с красным шевроном Каррика, а второй желтый, с красным косым крестом Аннандейла. Здесь же собралась толпа людей с лошадьми, в которой Роберт признал свиту епископа Вишарта. С ними разговаривал Нес, на котором красовался новый кольчужный хауберк, и мелкие его колечки сверкали под накидкой. Две недели назад Роберт произвел молодого человека в рыцари за его участие в победе из Дамфриса.

В ту ночь Нес, заслышав шум и крики, поднятые людьми Комина, привел отряд Роберта с лошадьми в город, где и обнаружил своего господина, спасающегося бегством из монастыря. Вскочив на коня, Роберт со своими рыцарями поскакал по улицам прочь из города, но люди Комина упорно преследовали их. Пытаясь задержать погоню, Роберт разбудил жителей городка, призывая их вооружиться, а не отсиживаться за стенами своих

жилищ. Его люди присоединили свои голоса к этому призыву, пока эхо их криков не заметалось меж стенами домов. Решив, что они подверглись нападению мародеров, жители Дамфриса хлынули на улицы, размахивая ножами и горящими факелами.

Столкнувшись со все увеличивающейся толпой, запрудившей проезжую часть, люди Комина бросились к замку на окраине, где должно было состояться первое заседание созданного королем Эдуардом нового Совета Шотландии. Роберт, догадавшись, что они отправились за подкреплениями, принял смелое решение. Крикнув возбужденным горожанам, что пришел освободить их от владычества английских угнетателей, он возглавил толпу и вместе со своими людьми повел ее на штурм замка. Гарнизон почел за благо сдаться, когда он пригрозил сжечь крепость вместе с солдатами, заперев их внутри. Роберт позволил им уйти. Их бегство уже не имело никакого значения. С этого отчаянного шага и началась его кампания, и теперь уже ничто не могло встать у него на пути.

Завидев приближающегося Роберта, Нес пошел ему навстречу.

— Все в сборе, сэр, — доложил он, пристраиваясь рядом.

Когда они подошли к палатке, Роберт заметил, как из шатра, который она делила вместе с Марджори, пригнувшись, вышла Элизабет. Она прикрыла глаза рукой от солнца, глядя на лагерь, и, кажется, не замечала мужа. Он поразился, как сильно исхудала жена: платье висело на ней, как на вешалке, и она вовсе не выглядела способной выносить жизнь, о которой так страстно мечтала. Роберт вдруг вспомнил о Катарине, служанке своей первой жены, которая одно время была его любовницей, пока он не уличил ее в неверности. Когда он повелел ей убираться с глаз долой, она заявила ему, что беременна. Он редко вспоминал о ней, но сейчас вдруг усомнился в том, что она говорила неправду. Мысль эта мелькнула и пропала, когда Элизабет посмотрела в его сторону. Роберт встретил ее взгляд. Он подарил ей меха и безделушки, но этого было мало. Он должен дать ей ребенка — ребенка, которого хотела она и который был нужен ему. Уже скоро, пообещал он себе, после коронации, она получит то, чего хочет.

Нес откинул для него полог палатки, и Роберт вошел внутрь. Взгляд его сразу же устремился к большому круглому столу в самом центре. Вокруг него расположились четырнадцать человек. Здесь был Джон Атолл, который положил на стол сжатые кулаки; на лице его читалось напряженное внимание. Рядом с ним сидел его сын Дэвид. Эдвард Брюс стоял вместе с Нейлом Кэмпбеллом, который обзавелся новым шрамом на лице после стычки с Ментейтом. Томас Брюс кивнул, завидев Роберта, а Найалл приветствовал его легкой улыбкой. Между ними застыл Александр Брюс, который присоединился к ним еще осенью после того, как Роберт повелел ему оставить должность настоятеля собора Глазго. Он тревожился о безопасности брата, поскольку на этот пост его назначил король Эдуард, но Александр не считал нужным поблагодарить его за заботу. Роберт с облегчением вспомнил, что сегодня он уезжает. Сейчас ему не требовались рядом священники. Он и сам прекрасно сознавал всю тяжесть своих прегрешений.

Уильям Ламбертон оглянулся, когда Роберт подошел к столу вместе с Кристофером и Несом. Поблизости от епископа находился и Джеймс Дуглас, в позе которого чувствовалась юношеская решимость. Рядом с ним стоял Гилберт де ля Хэй, лорд Эрролл, один из самых убежденных сторонников Уоллеса. Сложением лорд напоминал каледонскую сосну, а копна его светлых волос цеплялась за наклонный потолок палатки. Последними четверьмя присутствующими на совете оказались Джеймс Стюарт, Александр Сетон и двое новоприбывших. Грузного и ссутулившегося епископа Вишарта Роберт ожидал увидеть. А

вот появление второго мужчины, его ровесника, с приятным ястребиным лицом и гладкими черными волосами, стало для него сюрпризом. Роберт нахмурился, встретившись взглядом с Малкольмом Ленноксом. Последний раз он виделся с графом в Лесу после битвы при Фолкирке. А за несколько лет до этого Леннокс был одним из тех, кто осаждал его самого и его отца в Карлайле.

Малкольм тут же шагнул вперед и протянул руку.

— Сэр Роберт, я слышал, вам нужны люди для новой войны против англичан.

Видя, что Роберт колеблется, в разговор вмешался Джон Атолл:

— Сэр Малкольм привел с собой сотню воинов из Леннокса.

— В таком случае добро пожаловать, граф, — ответил Роберт, пожимая ему руку.

— Сэр Роберт.

Хриплый голос, раздавшийся за спиной, заставил его обернуться. На него смотрел епископ Вишарт. Роберт опустился на одно колено и поцеловал кольцо на морщинистой и дряблой руке старика, а потом поднялся, чтобы обнять его. Вот уже много месяцев они сносились друг с другом через посыльных, но последний раз виделись несколько лет назад. Роберт поразился тому, как сильно сдал епископ, один из первых хранителей Шотландии во времена междоусобицы.

— Ваше преосвященство, я очень рад видеть вас здесь.

Вишарт стиснул руки Роберта.

— Сэр Джеймс сообщил мне, что ты был в Лондоне, когда Уильям... — Епископ хрипло вздохнул, и воздух забулькал у него в горле. — Он сильно страдал?

Роберт встретил взгляд водянистых глаз епископа. Перед его внутренним взором промелькнул образ Уильяма Уоллеса, которого везли через зловонный город, обнаженного и привязанного к дрогам. Он положил руку на плечо Вишарта.

— Его страданиям пришел конец.

— В руках Господа, — пробормотал Ламбертон, — все обретают мир и покой.

Вишарт поджал губы. Отвернувшись, он резко махнул рукой двум пажам, застывшим подле сундука, стоявшего у стенки палатки. Они вдвоем взяли за ручки и вынесли его на середину. Вишарт откинул крышку и полез внутрь.

— У меня есть кое-что для тебя, Роберт. Нечто такое, что я долго хранил, надеясь, что придет час, когда оно тебе понадобится.

Роберт смотрел, как Вишарт достает из сундука свернутую в рулон золотистую ткань. Взявшись за края, епископ встряхнул ее, разворачивая. Ткань каскадом обрушилась до пола, и присутствующие увидели стоящего на задних лапах красного льва на сверкающем золотом поле. Мужчины, собравшиеся вокруг стола, впали в восторженное оцепенение, глядя на королевский штандарт Шотландии. В груди Роберта вспыхнула гордость. Он почувствовал, как в нем оживает воля деда, требуя, чтобы он подошел и взял знамя, символ законности притязаний Брюса на престол, его наследие. Ощувив в пальцах золотистую ткань, он понял, что долгие годы ожидания, лжи и притворства стоили того. Менее чем через две недели он станет королем.

— Господи Иисусе, ваше преосвященство, — пробормотал Джеймс Стюарт. — Откуда у вас это? А я-то думал, что Длинноногий забрал все королевские регалии с собой в Вестминстер после первого завоевания.

— Одну он пропустил, — язвительно отозвался Вишарт. Он мягко отобрал штандарт у Роберта и передал его пажам, которые вновь свернули его и уложили в сундук. — Кроме

того, я привез облачение и на престольную пелену из своего гардероба в Глазго. Для церемонии они придутся весьма кстати.

— Выходит, все готово? — осведомился Нейл Кэмпбелл, переводя взгляд с епископа на Роберта и обратно.

— Настолько, насколько это вообще возможно, — ответил Уильям Ламбертон. Он оглянулся на графа Леннокса. — Мы договорились, что коронация состоится во время праздника Благовещения в аббатстве Скоун. Аббат уже осведомлен об этом и проследит, чтобы все прошло в соответствии с правилами. А церемонию я проведу сам.

Малкольм спокойно кивнул, очевидно, приняв сие ошеломляющее известие как нечто само собой разумеющееся. Роберт понял, что до него уже доходили кое-какие слухи.

— А как же Камень Судьбы? — любопытствовал Гилберт де ля Хэй. — Прошу прощения, — добавил он, обращаясь к Роберту, — но разве можно стать королем без него?

— Во всем остальном ритуал будет соблюден до мельчайших деталей и состоится на холме Мут-Хилл. — Роберт помолчал, чувствуя, как гнетет его тайна, которую он хранил от всех, и то, что он не сумел исправить содеянное. — Мой дед всегда говорил, что короля делает человек.

— Действительно, — поддержал его Ламбертон, кивая в знак согласия. — Учитывая, что мы изготовили скипетр и корону, королевский шпандарт станет прекрасным дополнением к церемонии. Думаю, можно сказать, что мы готовы.

— Значит, осталась еще одна вещь. Последняя. — Роберт посмотрел на Джона Атолла. — Когда вы сможете выехать?

— Как только ты прикажешь. Мои люди готовы.

Стоя рядом с графом, Дэвид с внушительным видом кивнул.

— Значит, сегодня, — сказал им Роберт. — Лазутчики докладывают, что она по-прежнему пребывает в своем маноре, но мы не знаем, надолго ли она там задержится. Когда она окажется в ваших руках, отвезите ее прямо в Скоун. А я встречу вас там.

— А если она не согласится?

— Не оставляйте ей выбора, — ровным голосом ответил Роберт.

— Кому? — любопытствовал Малкольм Леннокс, переводя взгляд с Атолла на Роберта.

— Последней недостающей части церемонии, — коротко ответил Роберт. Он повернулся к остальным. — Лазутчики не сообщают ничего нового? Никаких сведений о передвижениях англичан?

Первым ответил Нейл Кэмпбелл:

— Ничего. С начала нашего восстания гарнизоны забаррикадировались в замках. Полагаю, там они и останутся, пока не получат подкрепления из Англии.

— Английская мышь может испортить воздух в Шотландии, и мы тут же узнаем об этом, — высказался Гилберт де ля Хэй. — Еще никогда они не вели себя так тихо. А учитывая обстоятельства... — Он нахмурился. — Это внушает беспокойство.

— Это — затишье перед бурей, — заметил Ламбертон. — Когда дороги вновь станут проезжими, король Эдуард выступит в поход. С большим войском. Быстрые действия сэра Роберта в последние несколько недель дали нам некоторое преимущество, и, учитывая, что многие гарнизоны на западе сдались, король вынужден будет вторгнуться к нам с востока. Но мы ни в коем случае не должны недооценивать его или силу армий, которые он приведет с собой.

— Нам нужно больше людей, — решительно заявил Эдвард Брюс. — Их у нас не достаточно. Далеко не достаточно. — Он обвел взглядом всех присутствующих, прежде чем остановить его на Роберте. — Ты уже разговаривал со своей супругой? Быть может, если Томас и Александр отложат свой отъезд до коронации, она отправится вместе с ними — и поговорит со своим отцом? В конце концов, ты ведь сделаешь ее королевой.

— Это рискованный путь, и я не желаю идти по нему, — отозвался Роберт. — По крайней мере, до тех пор, пока не исчерпаю все остальные возможности. Граф Ольстер все еще верен королю. Томасу и Александру придется искать в Ирландии более вероятных союзников. Лорд Донах и рыцари Антрима откликнутся на мой призыв. Как, полагаю, и Макдональды Ислея. Наша сестра Маргарет, — добавил он, обращаясь к Эдварду, — только что прибыла из Роксбургшира с двадцатью всадниками. У нас уже есть рыцари Атолла и Мара, а теперь и Леннокса.

— Когда я доберусь до Леса, то смогу привести с собой и уцелевших людей сэра Уильяма, — вмешался Нейл Кэмпбелл. — Нас немного, но зато мы готовы драться.

— Теперь, когда Ротсей вновь оказался в руках сэра Джеймса, мы можем рассчитывать и на поддержку его милости, — закончил Роберт. Впервые с того момента, как он вошел в палатку, он встретился взглядом с сенешалем, который до сих пор хранил молчание.

— Конечно, — после паузы ответил Джеймс. — Это само собой разумеется. Но, — продолжал он, когда Роберт отвел взгляд, — даже со всеми теми, кого ты упомянул, это по-прежнему всего лишь половина страны. — Он посмотрел на Ламбертона. — Мы не планировали начинать войну разделенным королевством, ваше преосвященство.

— Планы изменились, Джеймс, — проворчал Ламбертон. — И теперь с этим ничег уже не поделаешь. Мы должны действовать с тем количеством людей, которым располагаем, и уповать на то, что Господь ниспошлет нам удачу. Король Эдуард выступит против нас вне зависимости от наших планов. У нас нет иного выбора.

— Мы могли отправиться к Коминам, попытаться загладить вину, выплатить репарации, быть может, предложить главам семейств высокие должности в новом королевстве. Сказать им, что, если они поддержат нас в трудный час, все останется...

— Нет, — Роберт перебил сенешаля. — Обойдемся без Коминов. — Он оперся ладонями о стол и обвел собравшихся тяжелым взглядом. — А теперь давайте выработаем стратегию на ближайшие дни. Как бы мне ни хотелось обратного, вынужден признать, что за то время, что у нас осталось, Дамбартон нам не взять. Мы должны двигаться дальше.

Роберт заговорил, делаясь с ними своими намерениями, но кое-кто из присутствующих обменялся тревожными взглядами. Их беспокоило холодное отчуждение, воцарившееся между ним и сенешалем, которое ощущалось буквально физически.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Когда военный совет завершился, Роберт отпустил всех, кроме своих братьев Томаса и Александра. Пока остальные расходились, негромко переговариваясь, он пригласил их в отдельную часть палатки, в которой были сложены сундуки с его личными вещами, перевезенными из Тернберри. Здесь висели его доспехи на особой стойке, к которой был прислонен меч в ножнах. Поцарапанный клинок вручил ему Джон Атолл вместо его собственного, сломанного в ту ночь в Дамфрисе. На одеялах лежал Фионн. Гончий пес приоткрыл один глаз, когда Роберт подошел к нему. Потрепав собаку за ушами, он вытащил на середину один из сундуков. Сняв ключ с цепочки на поясе, он отпер его.

Внутри, под несколькими слоями ткани, лежал завернутый в материю длинный предмет. Роберт, вынимая из сундука посох Святого Малахии, случайно задел черную лакированную шкатулку. Он замер на мгновение, глядя на трещину в гладком боку, чувствуя, как вновь одолевают его вопросы, на которые он так и не получил ответа, а в голове вертятся смутные догадки, но потом все-таки закрыл крышку и запер ее. Сейчас у него не было времени думать и действовать в этом направлении. Пока не было.

— Вот, возьми, — сказал он, протягивая посох Александру. — Когда прибудете в Антрим, отдай его монахам из Бангорского аббатства. Не знаю, сколько они смогут хранить его у себя, но, полагаю, в ближайшее время король Эдуард будет занят более насущными делами, нежели поиски посоха.

Александр с неохотой принял посох.

— Быть может, это ублажит святого Малахию и он снимет с нас родовое проклятие? — предположил Томас, глядя на Александра.

— Возвращайтесь обратно через Ислей, — продолжал Роберт. — Скажите Ангусу Макдональду, что клан Брюсов вызывает к прежнему альянсу с лордами островов. Пока будете там, пошлите словечко и Макруари. Я хочу нанять для грядущей битвы и тяжеловооруженных ирландских солдат. Их помощь придется нам весьма кстати.

— Наемников? — Томас нахмурился. — Прости меня, брат, но Макруари и их родственнички переходят с одной стороны на другую еще чаще тебя.

— Они сражаются за тех, кто им платит, — отрезал Роберт. Открыв еще один сундук, он вынул из него металлическую шкатулку и протянул ее брату. — Скажи им, что они получат намного больше, если помогут своему новому королю.

— Мы двинемся в путь, как только лошади будут готовы, — пообещал Томас, — и постараемся пересечь пролив до наступления сезона весенних штормов. — Он на мгновение положил руку на плечо Роберту. — Жаль, что мы пропустим твою коронацию.

— Я не стану сердиться, если вы приведете с собой половину Ирландии.

Томас рассмеялся и вышел из палатки, а вот Александр задержался на пороге, баюкая в руках посох.

— Прежде чем я уеду, Роберт, ты исполнишь мою просьбу? Ты позволишь мне исповедать тебя?

Роберт отвернулся.

Александр шагнул к нему, озабоченно хмурясь.

— Ты, конечно, смыл кровь со своего меча, но ты не можешь с той же легкостью смыть пятно со своей души. Брат, ты совершил смертный грех. То, что сделали вы с

Кристофером, — святотатство. Ты должен покаяться и искупить свою вину, если не перед Коминами, то уж перед Господом наверняка. Позволь мне остаться. Отправь с Томасом Найалла или Эдварда. Используй меня в качестве своего духовника, а не посланца войны.

Роберт резко развернулся к нему:

— Мне нужны солдаты, Алекс, а не священники!

Ярость в его голосе заставила Александра отшатнуться. Немного помедлив, он вышел.

Роберт выждал несколько мгновений, после чего вернулся в основную часть палатки и замер, когда к нему повернулся Джеймс Стюарт.

— Твой брат все равно будет прав, Роберт. Как бы далеко ты ни отослал его.

— Сейчас у меня нет для этого времени.

Когда Роберт шагнул к выходу, Джеймс загородил ему дорогу.

— Я действительно имел в виду то, что сказал, когда предложил загладить вину перед кланом Коминов. Ты заявил нам, что произошел несчастный случай, что сэр Джон напал на тебя без предупреждения и что ты лишь защищался. Что у тебя не оставалось другого выхода, кроме как убить его.

— Так оно и было, — резко бросил Роберт, которому показалось, будто он расслышал нотки сомнения в голосе сенешаля.

— Тогда и Комины должны узнать об этом. Все произошло слишком быстро. После Дамфриса ты несешься во весь опор. Ты даже не остановился, чтобы подумать о том, что наделал, и о том вреде, который причинил.

— О вреде, который я причинил? Это вы причинили вред — вы и Ламбертон. Это вы заставили меня согласиться с тем дурацким планом. Ничего бы этого не произошло, если бы я не раскрыл свои намерения Коминам. Джон Комин был бы еще жив, король Эдуард ничего не знал бы о моей измене, а голова Уильяма Уоллеса не гнила бы на Лондонском мосту!

Последние его слова заставили сенешаля поморщиться.

— Другого выхода просто не было. Вот почему ты и согласился с этим планом. Ты и сам прекрасно сознаешь, что это правда, поэтому не нужно обвинять меня.

Роберт прошелся по палатке, взъерошив рукой волосы.

— Все то время, что я провел в Англии, скованный по рукам и ногам службой Эдуарду, — предавая своих друзей и сражаясь с соотечественниками, что, по вашему мнению, было совершенно необходимо, — Джон Комин оставался здесь, стараясь заручиться поддержкой во имя собственных честолюбивых устремлений. Будь оно все проклято, Джеймс, этот человек сам хотел стать королем! Естественно, он бы никогда не поддержал меня!

— Никто из нас не может знать наверняка, что он...

— Все эти годы я следовал вашим советам и доверял вам, как и мой дед. Я никогда не спрашивал себя, почему вы хотите, чтобы я взошел на трон. Но теперь, думаю, я все понял. Вы этого вовсе не хотели. Без короля должность сенешаля приобретает особую важность, не так ли? Вы отчаянно стремитесь вернуть себе былую власть и решили воспользоваться для этого мной. Вы говорите об искуплении? — Роберт шагнул к сенешалю. — Так вот, кровь Джона Комина — не только на моих руках, но и на ваших тоже. И нам обоим придется пожинать эту бурю.

На этот раз, когда он направился к выходу, сенешаль не остановил его.

Роберт быстро шел по лагерю, не отвечая на приветствия или вопросы, с которыми обращались к нему те, кто попадался ему на пути. Отыскав укромный уголок на берегу

Клайда, он сел и стал смотреть на эстуарий. Набрав горсть мелких камешков, он начал швырять их в воду. Они подпрыгивали по поверхности, прежде чем утонуть. Ветер трепал его волосы, а в душе, захлестываемый холодным чувством вины, медленно угасал гнев.

«Ты сказал нам, что произошел несчастный случай».

Он мог солгать им всем. Господь свидетель, он был весьма опытен в обмане. Но он не мог обмануть самого себя.

Он пытался оправдать в собственных глазах убийство Джона Комина, говоря себе, что мстил за Уильяма Уоллеса и за преступления Коминов, совершенные ими против его семьи. Говорил себе, что это было честное убийство, совершенное ради его деда. Он говорил себе то же самое, что сказал Джеймсу и остальным: если бы я не ударил первым, Комин убил бы меня. Но это была лишь часть правды. Он не мог отрицать, что в тот момент, когда всадил кинжал под ребра Комину, он сделал это не только из страха или мести. Он сделал это ради чистого наслаждения. В ту долю секунды он хотел лишить Комина жизни не ради кого-то еще, а ради самого себя. Ради того, чтобы испытать жаркое всепоглощающее удовольствие.

Подобрав очередной камешек, Роберт принялся крутить его в пальцах. Мыслями он вернулся в то время, когда ему было всего шестнадцать и он стоял в церкви аббатства Скоун вместе с остальными лордами королевства, а они яростно кричали друг на друга. Только что стало известно о смерти Норвежской Девы и о том, что наследование опять оказалось под вопросом. Он вспомнил мрачный голос деда и то, как отец Джона Комина потянулся за кинжалом, угрожая им старому лорду. Тогда Роберт выхватил свой меч, чтобы защитить деда. Он приставил острое клинка к горлу лорда Баденоха, и все присутствующие разом умолкли. Дед положил руку ему на плечо и приказал убрать меч в ножны. Роберт нахмурился, вспоминая собственный голос, который спустя годы вновь зазвучал у него в ушах.

«Почему ты не позволил мне убить его, когда сам нападал на его замки? Ты же ненавидишь его!»

«Да! И эта ненависть способна разрушить королевство!»

Поднявшись, Роберт отогнал воспоминания. Что сделано, то сделано. Нет смысла оглядываться назад. Через две недели он станет королем. В конце концов, этого хотели они все, эти мужчины, живые и умершие, которые сейчас донимали его своими вопросами. Роберт опустил взгляд на камешек в руке и швырнул его в реку, а потом повернулся и зашагал прочь. Он уже не увидел, как по воде побежали круги.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Вестминстер, Лондон

1306 год

Молодые люди собрались в аббатстве, наполняя его своим теплым дыханием и запахом пота. Их было около трех сотен; они шутили и смеялись, обуреваемые жарким восторгом, пытаясь увидеть, как посвящают в рыцари тех, кто стоит в первом ряду, и с нетерпением ожидая своей очереди. Большинство из них провели ночь на службе в близлежащей церкви Рыцарей Тамплиеров, на ее холодных каменных плитах, чувствуя, как немеют колени. Вокруг них среди мраморных колонн и саркофагов плечом к плечу стояли лорды и леди, наблюдавшие за спектаклем.

Мужчин вызывали по одному, и они останавливались перед возвышением, установленным на средокрестии аббатства. На платформе сидел принц Эдвард Карнарфон в окружении элиты своего двора. Принц, которому исполнился двадцать один год, был одет в белый камзол, расшитый золотом и перехваченный на талии поясом, украшенным рубинами и сапфирами. Его светлые волосы, умащенные маслом с отдушкой, сияли, борода была коротко и аккуратно подстрижена, а на сапогах блестели золотые шпоры. Он держал в руке меч, широкое лезвие которого сверкало в лучах солнца, вливающих в большие окна-розетки аббатства. Мечом его перепоясали только сегодня утром во дворцовой часовне, где отец произвел его в рыцари и герцоги Гаскони.

Принц приказывал каждому претенденту, представавшему перед ним, опуститься на одно колено. Во время каждого посвящения толпа замирала, с напряжением вслушиваясь в слова рыцарской клятвы, после чего принц поднимал меч и плашмя ударял им по плечу кандидата. Тот поднимался на ноги, а зрители встречали его восторженным ревом, который прокатывался по аббатству, достигая ушей тех, кто не мог собственными глазами лицезреть торжественную церемонию. Один из придворных принца, тоже ставший рыцарем только сегодня утром, вручал новичку накидку и шпоры. Среди них был и Пирс Гавестон, не отходивший от принца ни на шаг, черные волосы и оливковая кожа которого казались еще темнее на фоне белой накидки.

Король Эдуард, сидя на троне, смотрел, как его сын посвящает в рыцари очередного кандидата. Он буквально физически ощущал горячее рвение, исходившее от молодых людей, стоявших перед ним, многие из которых долгие годы добивались этой чести. Сегодня они будут отмечать столь знаменательное событие в Вестминстерском дворце, принося торжественную клятву над двумя лебедями, украшенными золотыми цепями и тростником, совершая ритуал, пышности и роскоши которого мог позавидовать Камелот. Глядя на них, Эдуард вспоминал свое собственное посвящение в рыцари — то превращение, что происходило в нем, и чувство того, что он наконец стал мужчиной. В то время ему исполнилось всего пятнадцать, и он был на несколько лет моложе нынешних соискателей. Торжественную церемонию провел в Кастилии король Альфонсо. В тот же самый день он сочетался браком с тринадцатилетней дочерью короля Элеонорой.

Воспоминания причинили Эдуарду боль. Он живо представил себя молодым, полным

сил и честолюбивых устремлений. Но тонкая, как пергамент, кожа на руках, лежащих на подлокотниках трона, ломота в костях и поредевшие волосы, белые, как мех горностая, которым подбита его мантия, служили болезненным напоминанием об ушедших годах и недостигнутой цели. Они приводили его в бешенство, эти молодые щенки с сильными руками и свежими лицами. Душа его горела ненасытным огнем молодости, но теперь она была заключена в дряхлеющую телесную оболочку мужчины, которому скоро должно было исполниться семьдесят.

Смерть уже протягивала к нему свои костлявые руки. Он чувствовал прикосновение ее ледяных пальцев, раздирающих сухожилия и мускулы, безжалостно перемалывающих его внутренности. Зимой недомогание, начавшееся после его ухода из Шотландии, усилилось, отчего в животе у него запылал жидкий огонь. Сытная, жирная еда и сладкое вино, которыми он наслаждался всю жизнь, ныне превратились в источники боли, а не удовольствия. Теперь его повар готовил крошечные порции пресной пищи, которую он едва проглатывал и с трудом удерживал в желудке. Кожа на костях обвисла и сморщилась, а мускулы сохли. Боль стала его постоянным и неизменным спутником, поселившись внизу живота. Но одно чувство поддерживало его, заставляя просыпаться каждое утро и проживать очередной день. Ярость.

В конце прошлого лета он считал, что успешно завершил дело всей жизни. Уэльс, Ирландия и Гасконь пребывали под его властью, равно как и Шотландия, которую он из королевства превратил в территорию, отобрав у нее символы суверенитета — сначала Камень Судьбы, а потом и молодого графа Файфа, обладавшего наследственным правом посвящать в короли. Шотландские магнаты склонили перед ним головы, Джон Баллиол, по всеобщему мнению, тонул в кларете и жалости к себе в Пикардии, а разрубленное на части тело Уильяма Уоллеса гнило на солнце. Собрав в одних руках все реликвии Брута, Эдуард — в глазах своих подданных — спас Британию от хаоса и разрушения, предсказанных в пророчестве Мерлина, став новым королем Артуром. Но при этом он, оказывается, пригрел змею в собственном доме, которая только и ждала удобного момента, чтобы выползти из тени и ужалить.

Когда в день казни Уоллеса вскрылось предательство Роберта Брюса, Эдуарда охватила ярость. Позже, допросив стражников аббатства и узнав, что Брюс прихватил с собой посох Святого Малахии и шкатулку с пророчеством, он думал, что сойдет с ума от бешенства. Но по мере того, как шли месяцы, безумная ярость сменилась жгучим желанием отомстить. Теперь Эдуард осознал то, о чем его с самого начала предупреждал Эймер де Валанс: маниакальное желание покончить с Уильямом Уоллесом заставило его закрыть глаза на угрозу предательства со стороны Брюса. Он недооценил его, полагая копией отца, амбициозного и честолюбивого, но податливого и уступчивого.

И вот сейчас он получал панические донесения из гарнизонов по всей Шотландии. Роберт Брюс убил Джона Комина и поднял мятеж. Замки на западе один за другим переходили в его руки, а первая ассамблея нового Королевского совета была разогнана. Помимо этого ему донесли, что Брюс намерен захватить трон. События разворачивались в точности так, как предостерегало его письмо, найденное в вещах Уоллеса, хотя глаза у него открылись только после убийства Комина.

На протяжении последних недель Эдуард часто спрашивал себя, а не следовало ли ему начать действовать раньше. И не должен ли он был — сразу же после того, как Валанс со своим отрядом, посланный в погоню за Брюсом на север, вернулся ни с чем — немедленно

двинуть армию на скоттов. Но приближался сезон зимних бурь, а ему требовалось время, чтобы вновь созвать своих вассалов и собрать припасы, необходимые для контрудара. Вместо этого Эдуард разослал приказы своим гарнизонам по ту сторону границы, повелев им разыскать и захватить предателя. Ему доложили, что Брюс заперся в Тернберри и что сильные снегопады сделали невозможным перемещение тяжелых осадных машин так далеко на запад. Учитывая, что замок был недавно отстроен заново, а Брюс успел собрать большую армию, его военачальники опасались, что ни о какой эффективной осаде не может быть и речи до тех пор, пока дороги не станут проезжими. Тогда Эдуард приказал им запереться в замках. Он не желал, чтобы Брюс погиб в какой-нибудь случайной стычке. Он хотел лично захватить его в плен. Живым. Он должен сделать это, чтобы оправдаться в глазах подданных, иначе дело всей его жизни пойдет прахом, а его наследство еще до его смерти начнет гнить и разлагаться. Поэтому он ждал, ждал всю зиму, собирая войска и разжигая в душе пламя ослепительной ненависти.

Неделю назад, когда после весенних дождей Темза вышла из берегов, Эдуард сделал Эймера де Валанса новым лордом-наместником Шотландии и отправил его на север с небольшим войском, поставив перед ним задачу задушить восстание и связать руки Брюсу до тех пор, пока сам Эдуард не придет во главе королевской армии, вместе со своим сыном и теми молодыми людьми, которых сегодня произвели в рыцари. Не имело значения, что Брюс был графом и мог даже стать королем к тому времени, как они схватят его. Рыцарское благородство и милосердие отступили перед яростью Эдуарда. Он разорвет негодя на куски на глазах его людей. А его голова, как и головы тех, кто поддерживал его, будут выставлены на всеобщее обозрение рядом с головой Уоллеса, став пищей для ворон.

При расставании король вручил Валансу выцветшее знамя, под которым сражался еще в молодости.

— Подними над собой Дракона, кузен. Никакой пощады к тем, кто присоединится к Брюсу. Убивай всех. Но сам он — мой. Ты понял меня?

— Да, милорд, — с энтузиазмом пообещал Валанс.

Эдуарду, смотревшему, как тот выступает маршем во главе своего войска, казалось, что Валанс отправляется в крестовый поход.

Громкий восторженный рев вернул короля к действительности: очередной соискатель стал рыцарем. Но восторг молодых рекрутов в аббатстве отнюдь не захватил баронов, расположившихся перед тронном Эдуарда. Эти опытные мужи, многим пожертвовавшие ради победы над скоттами, молча наблюдали за действием, разворачивающимся на их глазах. Подобно королю, они понимали, что присутствуют не на празднике, а наблюдают самое начало подготовки к грядущей войне. В Карлайле уже заготавливали зерно и мясо, по всему королевству вводили новые налоги, а военные уполномоченные рекрутировали солдат. Этот ритуал стал для них очередным испытанием терпения, пока они ожидали возможности отомстить. Предательство Брюса коснулось каждого из них, но большее всего ударило по тем, кто был близок к нему, в первую очередь по Хэмфри де Боэну. И теперь все они жаждали крови, были готовы сражаться и умереть за это.

Но проявят ли эти молчаливые и воинственно настроенные люди, посвятившие жизнь служению королю — давшие клятву верности за дубовым Круглым Столом, — такую же готовность умереть за него, если узнают правду? Костяшки пальцев Эдуарда побелели, когда он вцепился в подлокотники трона при мысли о черной шкатулке, которую Роберт Брюс похитил из Вестминстерского аббатства. Шкатулке, в которой хранилась величайшая тайна

его правления.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Балмулло, Шотландия

1306 год

— Давайте ударим по нему прямо сейчас, пока этот ублюдок не сел на трон. — Разговаривая, Дунгал Макдуалл метался по возвышению, и голос его дрожал и срывался от ярости. — Разрешите мне поднять людей Галлоуэя. Мы еще можем остановить его.

Темный Комин сидел за столом, молитвенным жестом сложив руки, хотя глаза его оставались открытыми, устремленные в одну точку зала, где слуги его жены рассыпали по полу тростник.

— Нет. — Широкие плечи графа шевельнулись, когда он глубоко вздохнул. — Мы уже не успеваем. Мои лазутчики доносят, что Брюс намеревается провести коронацию в аббатстве Скоун на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, то есть меньше чем через неделю. Я призвал родственников из Бучана и Баденоха, но на севере еще лежат глубокие снега. Мои люди просто не успеют подойти сюда вовремя, а армия Брюса увеличилась после Дамфриса. Лишенные Наследства, несмотря на всю свою жажду крови, не смогут противостоять его силам.

Макдуалл подошел к столу и навис над ним, вынуждая графа посмотреть себе прямо в глаза.

— Союзники Брюса уверяют, будто в монастыре францисканцев он лишь защищался, но люди Джона сказали мне, что лорд не имел при себе оружия, когда отправился в ту церковь. Брюс хладнокровно убил моего хозяина — вашего родственника! Он не может остаться безнаказанным.

— Он и не останется, — пообещал граф, вперив взгляд своих темных глаз в напряженное лицо Макдуалла. — Но мы должны проявить терпение, пока не составим свой план. Любое наше действие должно быть тщательно продуманным и безупречно исполненным. Я хочу, чтобы месть наша была успешной и долгой.

Макдуалл стиснул зубы, но потом неохотно кивнул в знак согласия.

— Скорее всего, в Лондоне кто-то предупредил Брюса, раз он сумел вырваться из их когтей, верно? Мы знаем, что англичане нашли письмо, которое мы подбросили Уоллесу. Это мы должны были готовиться к коронации, будь оно все проклято! А Брюс должен был гнить в Тауэре!

— Полагаю, мы никогда не узнаем, что там произошло. Мы проиграли, и Джону пришлось дорого заплатить за это. И теперь нам остается лишь отомстить. — Темный Комин поднялся на ноги. — Но месть — это блюдо, которое лучше всего подавать холодным. И когда мы ударим, я хочу, чтобы он сполна ощутил это на своей шкуре.

— Это будет цареубийством, если он успеет стать королем к тому времени.

— А мне плевать, какую корону этот разбойник нацепит себе на голову! — прорычал граф. — Он никогда не будет моим королем.

— А как насчет трона? Кто займет его, когда мы устраним Брюса?

— Это — дело будущего. Сначала мы должны собрать своих сторонников. Рыжие и

Темные Комины, равно как и Комины Килбрида, будут готовы, когда настанет время, но нам нужны и другие. Я поеду на запад, встречу там со своими союзниками. Макдуаллы и их родственники присоединятся к нам, в этом я уверен. Джон приходился племянником лорду Аргиллу. Он должен вернуть долг крови его убийце.

— Тогда я могу отправиться в Галлоуэй? Поднять своих людей на войну?

— Да. Но, собрав Лишенных Наследства, ты выступишь против Брюса не раньше, чем я скажу. Сначала я хочу, чтобы ты заключил для нас другой альянс.

Изабелла смотрела в окно на то, как во дворе замка собираются мужчины. Среди них был и ее муж: облаченный в черную накидку, он решительно двигался вдоль их рядов. Квадратики оконного стекла в свинцовых переплетах дробили его движения и искажали вид, когда он поднялся в седло жеребца, хлестнув его поводьями, чтобы тот стоял смирно. Вокруг него садились на коней оруженосцы и рыцари, а грумы выводили выючных лошадей, нагруженных мешками с провизией. Ее супруг не соизволил сообщить ей, куда направляется, зато это сделал ее старший конюх. Он собрался в Аргилл, чтобы поднять своих тамошних союзников против Роберта Брюса. Капитан Дунгал Макдуалл выехал сегодня утром из манора по дороге на юг. Глядя, как ее муж отправляется в путь по западному тракту, Изабелла ощутила в воздухе дыхание войны.

По обе стороны дороги поля и пастбища сбегали к морю, находившемуся на расстоянии семи миль отсюда, в Сент-Эндрюсе. На бурой земле пробивались первые ростки овса и ячменя, яркая зелень которых искрилась на солнце. Когда-то в этих ростках она видела обещание весны и надежды. Но теперь в ее сердце жила лишь холодная стужа зимы. Когда всадники скрылись из глаз, на поля вновь опустились вороны. Изабелла отошла от окна. Заметив свое отражение в зеркале, она уставилась на лиловый синяк у себя под глазом, изуродовавший левую сторону ее лица.

Она заработала его два дня назад, когда поинтересовалась у мужа, что может означать восстание для ее племянника, который по-прежнему оставался на попечении короля Эдуарда. Ответом стал его кулак, прилетевший из ниоткуда и повергший ее в ошеломленное молчание. Агнесса пыталась сделать ей примочки, но Изабелла отказалась. Подойдя к кровати, графиня прилегла на нее, комкая в пальцах покрывало и глядя в окно, за которым небо меняло свой цвет с бирюзового на темно-синий. На востоке собирались облака, и к тому моменту, как она смежила веки, в комнате стусилась темнота.

Изабелла внезапно села на постели, отбросив покрывало. Она диким взглядом окинула комнату, сбита с толку переменами вокруг. Свеча на столике у кровати потрескивала, и на стене напротив кривлялись изломанные тени. Должно быть, Агнесса зажгла ее, пока она спала. Изабелла уже была готова откинуться на подушки, решив, что ей приснился кошмар, когда снаружи донесся пронзительный вопль, который заглушили громкие крики и топот копыт. Она спрыгнула с кровати, и остатки сна улетучились моментально.

Подбежав к окну, она увидела, как во двор въезжает конный отряд, размахивая факелами, бросавшими зловещие красноватые отсветы на стены амбаров и хозяйственных построек. Поначалу она подумала, что это вернулся супруг, но потом заметила, что мужчины держат в руках обнаженные мечи. Пока она растерянно смотрела на происходящее, из дверей замка выбежали люди, которых граф оставил охранять поместье. Всадники прищипорили лошадей им навстречу, и в ночи раздался лязг клинков. Изабелла резко обернулась, когда дверь спальни распахнулась. Вбежали ее служанки и несколько слуг-

мужчин, включая ее повара и управляющего.

На Агнессе лица не было.

— Миледи! — вскричала она, бросаясь к графине и хватая ее за руки.

— Кто они такие, Фергус? — требовательно спросила Изабелла своего управляющего, который помогал повару и поварятам придвинуть сундуки к двери, чтобы забаррикадироваться изнутри.

— Не знаю, миледи, — задыхаясь, ответил тот. — Разбойники убили охранников в сторожевой башне и атаковали нас из темноты.

Снаружи по-прежнему звенели мечи.

Когда со двора донесся сдавленный крик, Агнесса сжала Изабелле руки с такой силой, что ногти ее впились в кожу графини.

— Господи, спаси и помилуй!

Взгляд Изабеллы остановился на кочерге, стоявшей у камина. Отстранив от себя служанку, она подошла к нему. Ее серое атласное платье перепачкалось сажей, когда она вооружилась железной палкой.

— Предложите им то, что им нужно, Фергус, — приказала она управляющему. — Деньги. Мои драгоценности. Что угодно. Вы меня понимаете?

— Да, миледи.

Снизу донесся глухой удар — нападавшие выломали дверь. Агнесса съежилась в углу. Две служанки, совсем еще молоденькие девчонки, всхлипывая, жались к стене. Трепещущий огонек свечи отбрасывал на них жуткие тени. Фергус и повар, вооружившийся сковородкой, встали напротив двери, позади штабеля из сундуков, тяжело дыша. Снизу вновь донесся грохот, за которым последовал очередной вопль. По лестнице затопали тяжелые шаги. Изабелла поудобнее перехватила кочергу. Сердце готово было выскочить у нее из груди. Она слышала, как в коридоре одна за другой распахиваются двери, слышала громкие голоса. Графиня вздрогнула, когда в двери ее спальни загремел засов. Голоса стали отчетливыми.

— Эта дверь заперта, сэр.

— Ломайте ее.

Дверь содрогнулась, когда снаружи на нее навалились несколько мужчин, и сундуки затряслись от ударов. Агнесса и служанки захлебывались слезами от ужаса, повар и его помощники испуганно попятились. Теперь перед дверью остались только Изабелла и Фергус. От очередного удара засов вылетел из петель, и дверь приоткрылась, отодвинув сундуки в сторону. Изабелла вздрогнула, когда в щели появилось лицо мужчины, подсвеченное со спины пламенем факелов.

Он оказался бородачом в грубой одежде, и глаза его вспыхнули, когда он увидел ее. Губы его искривились.

— Сюда, сэр!

Фергус подошел к Изабелле и встал рядом с ней, когда мужчины налегли на дверь, открывая ее полностью, и сундуки не смогли помешать им. Сначала упал один кофр, за ним другой. Изабелла не двинулась с места, хотя руки ее дрожали. Первым вошел тот самый бородач, сжимая в руке меч. Следом за ним появился второй, ровесник ее мужа, с темными вьющимися волосами. Глаза Изабеллы удивленно расширились, когда она узнала его. Это был граф Атолл.

Он тоже держал в руке меч, но опустил его, как только увидел ее.

— Леди Изабелла.

— Сэр Джон? — Изабелла растерянно покачала головой. — Я уже решила, что вы — обычный разбойник, который пришел ограбить меня. — Облегчение, которое она испытала, сменилось страхом, когда она вспомнила, что графа считают союзником Роберта Брюса, врага ее мужа и убийцы его родственника. — Вы пришли убить всех Коминов? — пробормотала она.

Позади нее Агнесса заскулила от ужаса. Фергус не двинулся с места, но побледнел как полотно.

— Это не входит в мои намерения.

— Вот как? — пролепетала Изабелла, ощущая чудовищную сухость во рту. — Вы убили моих стражников.

— Только тех, кто оказал сопротивление. Остальных мы просто обезоружили. Я отпущу их и всю вашу прислугу живыми и невредимыми, если вы поедете со мной.

— Графиня никуда не поедет, — заявил Фергус срывающимся голосом.

— Поеду куда? — спросила Изабелла, загораживая своим телом управляющего, выставив перед собой кочергу.

Взгляд темных и горячих глаз Джона скользнул по ее импровизированному оружию, после чего вернулся к ее лицу. Уголки его губ дрогнули, но улыбка не выглядела жестокой или издевательской.

— В аббатство Скоун, миледи. Сэр Роберт нуждается в ваших услугах. Через пять дней он взойдет на трон Шотландии. Но он не может стать королем без графа Файфа.

— Мой племянник находится в Англии, под домашним арестом у короля Эдуарда.

— Нам это известно. Нам нужен кто-нибудь из его родственников, чтобы исполнить обязанности в его отсутствие.

Изабелла была настолько изумлена, что едва не рассмеялась. Руки ее упали вдоль тела, и кончик кочерги лязгнул об пол.

— Вы хотите, чтобы я возложила корону на голову нового короля? — Когда Джон Атолл в знак согласия склонил голову, она похолодела при мысли о том, что ей предстоит. — Муж сдерет с меня кожу живьем. Прошу вас, сэр Джон, не требуйте от меня невозможного.

— Сэр Роберт защитит вас, миледи. Ни один волос не упадет с вашей головы в его владениях, уверяю вас. — Взгляд графа вновь скользнул по ее лицу.

Изабелла не сомневалась, что он смотрит на ее синяк. Устыдившись, она уже решила отвернуться, чтобы распущенные волосы скрыли его, но потом передумала.

— У меня есть выбор?

— Мне приказано доставить вас в Скоун, с вашего согласия или без него. Я бы предпочел первое.

— Вы пощадите моих слуг?

— Даю вам слово.

Изабелла наклонилась и положила кочергу на пол, и тут сзади вскрикнула Агнесса:

— Миледи!

Оставив служанок и своего бледного как смерть управляющего, Изабелла шагнула к графу. Выходя в коридор, минуя толпу вооруженных мужчин, стоявших там, она чувствовала, как ее охватывает странное оцепенение. Когда она медленно двинулась по коридору к лестнице, мимо распахнутых дверей и сломанной мебели, ее догнал Джон Атолл, предварительно приказав своим людям запереть всех слуг в одной комнате.

— Мы наблюдали за вашим поместьем. Ваш супруг отбыл сегодня днем. Куда он направился?

— В Аргилл, — сообщила она ему, сама удивляясь той готовности, с какой слова эти сорвались с ее губ. — Чтобы поднять Макдуаллов против сэра Роберта. — Изабелла заметила, как осунулось лицо сэра Джона в свете факелов, пока они спускались по лестнице.

— А Макдуалл?

— Не знаю. Муж отправил его на юг.

Сэр Джон первым вышел во двор, куда согнали стражников ее мужа. Они стояли на коленях в грязи, и руки их были связаны за спиной. Несколько человек были ранены. Они проводили ее взглядами, когда она прошла мимо. Кое-кто окликнул ее, и в голосах их чувствовались гнев и растерянность. Оставшихся лошадей мужа вывели из конюшни, и те галопом умчались в ночь после того, как люди Атолла погнали их прочь ударами мечей. «Это чтобы никто не пустился в погоню», — сообразила она. Сэр Джон отошел к рыцарям, оставив ее одну в кольце своих людей, и Изабелла заметила, как несколько тел потащили в тень амбара.

— Ночь прохладная.

Изабелла вздрогнула и обернулась. Позади нее стоял молодой человек. Он очень походил на графа.

— Вот, — сказал он, протягивая ей подбитую мехом накидку, — возьмите.

Когда молодой человек осторожно набросил мех ей на плечи, Изабелла расслышала, как он пробормотал:

— Мой отец не причинит вам зла.

— Дэвид, — окликнул его Атолл, направляясь к ним. — По коням! Мы уходим.

При виде того, как мужчины прячут мечи в ножны и идут к своим лошадям, Изабелле вдруг захотелось заплакать, но не от страха или грусти. Джон Атолл поднялся в седло и протянул ей руку. Она приняла ее, удивленная ее теплом и силой, а потом поставила ногу в стремя и оттолкнулась, позволяя ему подхватить ее и усадить позади себя. Она села боком, свесив ноги, и подол ее платья прикрыл круп его коня. Изабелла обеими руками обняла Атолла за пояс, крепко держась за него, когда он дал шпоры коню и выехал со двора. Его люди последовали за ним. Когда они поскакали по темным полям и мерцающие огоньки поместья остались позади, холодный мартовский ветер обжег ей лицо. По щекам ее потекли слезы, которые она так долго носила в себе, и ее окутал сладкий аромат свежей зелени. В воздухе все-таки запахло весной.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Скоун, Шотландия

1306 год

Роберт стоял перед холмом Мут-Хилл, обуреваемый самыми разными чувствами. Казалось, горячая кровь вскипает у него в жилах, словно разогретая и пробужденная аурой этого места, где его предки становились королями. Он испытывал гордость оттого, что сумел претворить в жизнь честолюбивые устремления своей семьи, выстояв под натиском врагов, которые стремились любой ценой помешать ему.

У подножия невысокого холма, лежащего посередине между сложенными из песчаника строениями аббатства августинцев и королевским городком, развернулась бурная деятельность. На ветках деревьев развешивали флаги, и цветы боярышника украсили помост из свежесрубленных досок, возведенный в самом центре. Двое пажей под пристальным взглядом епископа Ламбертона волокли туда кресло. Прочие слуги сновали между холмом и огромным лагерем, что раскинулся на территории аббатства, окутанный прозрачной завесой дыма.

Хотя было еще рано, в лагере уже кипела жизнь, и в обрывках разговоров и взрывах смеха ощущалось радостное возбуждение. Высокопоставленные магнаты расположились в городке, тогда как сам Роберт вместе с семьей остановился в самом аббатстве. Он испытывал душевное смятение, вернувшись почетным гостем на место собственного же преступления. Впрочем, он с облегчением узнал, что престарелого аббата, с которым у него вышла стычка, когда он и Рыцари Дракона увозили отсюда Камень Судьбы, сменил энергичный молодой человек, который с радостью предоставил себя в распоряжение будущего короля.

Проследив взглядом за слугами, носившими всевозможные принадлежности для предстоящей церемонии, Роберт заметил парочку, прогуливавшуюся в саду неподалеку. Это были его сестра и Кристофер Сетон. Они шли рядышком, почти касаясь друг друга головами, и о чем-то беседовали. Пока Роберт наблюдал за ними, Кристина остановилась у куста розмарина и наклонилась, чтобы потрогать его листочки. Кристофер присел на корточки рядом с ней, не сводя с нее глаз, пока она что-то с улыбкой говорила ему, и кивнул в знак согласия.

Проявления простой привязанности на фоне подготовки к знаменательному событию подняли Роберту настроение. Он вдруг страстно затосковал о том времени, в котором не будет места войнам и раздорам. Он был решительно настроен предложить мужчинам и женщинам, которые последовали за ним, новую Шотландию под своим правлением, королевство, свободное от ига Англии. Он вспомнил мир, существовавший до того, как Александр III погиб, сорвавшись со скалы, до того, как на трон взошел Джон Баллиол и бездарно растранижил все их свободы. Глядя на своего друга и сестру, Роберт поклялся, что вернет те счастливые дни. Теперь, когда зеленый холм готовили к его инаугурации, когда из лагеря доносились звуки быющей ключом жизни, а он ощущал ласковое прикосновение теплых солнечных лучей к своему лицу, все это казалось возможным.

Услышав звон колычуги за спиной, Роберт обернулся и увидел, что к нему направляются два его рыцаря. Оба выглядели крайне серьезными. Он поставил их охранять внешнюю границу городка и аббатства, не желая рисковать и дать кому-либо из своих врагов шанс испортить этот долгожданный праздник. За рыцарями, чуть поодаль, шли еще три человека. С ними была какая-то женщина.

— Сэр, тут одна женщина утверждает, что является вашей давней знакомой. Она просит разрешения поговорить с вами с глазу на глаз.

Роберт усталился на женщину, одетую в простое платье и кутавшуюся в цветастую шерстяную накидку, в которой тонула ее худенькая фигурка.

— Она сказала, как ее зовут?

— Бригитта, сэр. Она сказала, что вы знаете ее тетку. Эффрейг.

Роберт удивленно выдохнул, услышав это имя, и новыми глазами посмотрел на женщину. Когда-то давно, в прошлой жизни, он крался за ней по поросшим папоротником холмам в окрестностях Тернберри, выискивая жилище Эффрейг. Он смутно помнил, как она сидела рядом с ним на корточках у костра в тот день, когда он упал с лошади, и влажной тряпичей вытирала кровь с его лица.

— Приведите ее сюда, — распорядился он.

Он смотрел, как рыцари ведут ее к нему, взяв в кольцо. По мере приближения лицо Бригитты виднелось все отчетливее; кожа туго обтягивала скулы и подбородок, а из-под капюшона выбивались пряди черных волос. Это изможденное лицо с ввалившимися щеками еще напоминало девчонку с мышинным хвостиком, которую он знал когда-то, но очень слабо. Годы стерли те черты, которые казались ему знакомыми. Он жестом приказал своим людям удалиться, но они отошли на пару шагов и остановились. За спиной у Бригитты болтался мешок, а башмаки на ногах густо облепила дорожная грязь.

Она наклонила голову.

— Сэр Роберт.

— Бригитта? Что ты здесь делаешь? — Он нахмурился, вопросительно глядя на нее. — А...

— Тети со мной нет, — ответила Бригитта прежде, чем он успел задать вопрос. По-гэльски она говорила с западным акцентом, живо напомнив ему мать. — Она хотела бы присутствовать на вашей коронации, но уже слишком слаба для столь дальней дороги. Поэтому вместо себя она прислала меня. — Бригитта помолчала, склонив голову к плечу, и в ее голубых глазах плескалось жидкое золото солнечных лучей. — Она спрашивает, почему вы не навестили ее в Тернберри зимой.

— Я собирался, — ответил Роберт, и ложь легко слетела с его языка, в отличие от гэльского, на котором он не разговаривал уже давно. — Но мне приходилось быть осторожным. Я думал, что англичане придут за мной.

Откровенно говоря, он не хотел видеть старую женщину. Многое изменилось с тех пор, как он пришел к ней и попросил сплести его судьбу. Тогда он был молодым и наивным, взбудораженным своим разрывом с отцом и королем Эдуардом, и у него кружилась голова от новообретенного чувства свободы, независимости и собственного решения стать королем. Каким бы серьезным ни казался ему ритуал, события, произошедшие с ним впоследствии, научили его житейской мудрости и сделали из него циника. Заклинания и молитвы потеряли свою прежнюю значимость. Он вспомнил о черных внутренностях пустой шкатулки, отражающихся в самих себе.

— Ей было бы приятно повидаться с вами.

— А где твой муж? — спросил он, чтобы побыстрее сменить тему. — Не могла же ты проделать такой путь в одиночестве?

— Погиб. Во время нападения англичан на Эйр, — пояснила она, видя, что он недоуменно хмурится. — И мой сын тоже. — Бригитта выставила перед собой руку, когда Роберт собрался что-то сказать. — Эти истории — не для сегодняшнего дня. Я просто пришла от имени своей семьи выразить уважение нашему лорду в день его коронации.

— Тогда оставайся, с моего благословения. — Роберт жестом подозвал к себе рыцарей, переминавшихся с ноги на ногу неподалеку. — Проводите леди в лагерь, — приказал он, — и скажите Несу, пусть позаботится о ней. — Он заколебался, глядя на Бригитту. Перед его внутренним взором все еще стояла шкатулка с пророчеством. — Давай поговорим подробнее после моей коронации. Быть может, в ближайшие недели мне понадобится помощь твоей тетки.

— Еще одна судьба?

— Нет. Кое-что иное.

Когда рыцари увели Бригитту в лагерь, Роберту вдруг отчаянно захотелось все-таки задать вопрос, которого он старательно избегал.

— Моя судьба! — крикнул он ей в спину, думая о короне из вереска и ракитника, висящей в плетеной корзинке на дереве Эффрейг. — Она упала?

Бригитта обернулась, и солнечный свет вновь залил ее лицо.

— Когда я уходила, она висела по-прежнему, сэр Роберт. Быть может, теперь?

Он сухо рассмеялся в ответ, хотя и заметил, что лицо ее оставалось серьезным, когда она отвернулась. Роберт смотрел ей вслед. Ему хотелось верить ей, но теперь он думал, что каждый человек — хозяин своей судьбы.

Они собрались на мартовском солнцепеке, стоя на холме Мут-Хилл, где до них стояли бесчисленные поколения скоттов, глядя, как один из них становится королем. К нарядным графам, дамам и рыцарям присоединились монахи из аббатства, и ветер трепал их черные сутаны. Пронзительный голос Уильяма Ламбертона далеко разносился окрест, когда он произносил слова королевской присяги.

В самом сердце толпы на троне, установленном на помосте, сидел Роберт. Он надел украшенное драгоценными камнями облачение, привезенное из Глазго Вишартом, от которого исходил слабый запах ладана. Аббат Скоуна возложил ему на плечи подбитую мехом горностая мантию, после чего ему вручили скипетр и перепоясали мечом, символизирующим отныне его власть и принесенную им клятву защищать свое королевство. За спиной у Роберта трепетал на ветру королевский штандарт, и стоящий на задних лапах красный лев на золотом поле казался живым. Рядом с ним в мягком кресле сидела Элизабет в платье из белого атласа. Она сложила руки на коленях и склонила голову. Выражения ее лица Роберт видеть не мог.

Взгляд его переместился с жены на Марджори, стоявшую в первом ряду со вплетенными в волосы белыми цветами. При виде серьезного выражения на ее маленьком личике, с которым она слушала слова епископа, ему захотелось улыбнуться. За спиной дочери расположились остальные члены его семьи; все три его сестры выглядели очаровательно и впечатляюще в новых платьях с пелеринами, а его сводная сестра Маргарет буквально лучилась гордостью рядом со своим неулыбчивым сыном. Роберт перевел взгляд на Найалла

и Эдварда. Оба, вне всякого сомнения, прекрасно сознавали, что его власть может перейти к ним, если в будущем у него не появится наследник мужского пола. За ними плотными рядами стояли его друзья, вассалы и сторонники — целое море лиц. Его подданные. Роберт мельком поймал взгляд Джеймса Стюарта и отвел глаза.

Ламбертон, закончив читать присягу, кивнул Джону Атолла. Граф шагнул в сторону, давая дорогу высокой женщине в сером платье со снежно-белой мантией, ниспадающей с ее плеч. Взгляды всех присутствующих были устремлены на Изабеллу Бучан, когда она неуверенно шагнула к помосту после одобрительного кивка Атолла. В руках графиня держала золотой обруч. Когда она подошла ближе, Роберт разглядел уродливый лиловый синяк на бледном красивом лице. Он нахмурился, гадая, уж не получила ли она его во время похищения, но ведь, когда они разговаривали вчера вечером, Атолл заверил его, что с ней обращаются хорошо.

Изабелла шагнула на нижнюю ступеньку платформы и протянула к нему руки. Они дрожали так сильно, что она едва не выронила корону, отчего по толпе пробежал встревоженный шепоток. Улыбаясь, Роберт наклонился к ней, чтобы ей было удобнее. Графиня осторожно водрузила золотой обруч ему на голову. Толпа взорвалась бурными аплодисментами, к явному неудовольствию аббата, который поднял вверх обе руки, требуя тишины. Постаравшись кивком выразить свою благодарность Изабелле, Роберт откинулся на спинку трона, ощущая непривычную тяжесть короны на голове.

Наступила заключительная часть церемонии — чтение свитков, — и поэт звонким голосом, разнесшимся над притихшей толпой, принялся выкликать имена королей Шотландии, начиная с Кеннета мак Альпина, Макбета и Малкольма Канмора и заканчивая Александром III и Джоном Баллиолом. На этом церемония завершилась.

Монахи принялись направлять гостей вниз по холму Мут-Хилл, к церкви, где Ламбертон должен был отслужить торжественную мессу, после чего вельмож ждал праздничный обед в резиденции аббатства. Друзья и члены семьи подошли к нему, чтобы поздравить, и Роберт улыбнулся, но, отклонив все попытки завязать разговор, вместо этого направился к Элизабет. Взяв ее руку, он поцеловал ее. Элизабет подняла на него глаза, и лицо ее осветилось гордостью, а вот руки оставались холодными как лед. Роберт поразился переменам, произошедшим в ней, казалось, за одну ночь. Он вдруг заметил, что она надела на шею крестик из слоновой кости, который еще в детстве подарил ей отец. Он давно не видел его на своей супруге.

— Теперь все будет по-другому, — сказал он ей. — Я был не тем мужем, которого ты заслуживала, но теперь я стану тем королем, который тебе нужен.

Элизабет покачала головой.

— Это все слова, Роберт. Детские игрушки. — Взгляд ее устремился к трону на возвышении. — Вся эта церемония. Ритуал. Королями так не становятся.

Роберт прищурился:

— Быть может, все прошло не так, как мне того хотелось, но моя инаугурация, смею тебя заверить, — это не спектакль. Отныне я по древнему праву — король, а ты — королева.

— Ты находишься здесь не по праву. — Голос Элизабет стал тверже, хотя она понизила его, поскольку мимо сплошным потоком все еще шли люди, смеясь и переговариваясь друг с другом. — Ты вошел сюда, совершив переворот и убийство. Я знаю, что ты сделал в Дамфрисе. На твоих руках кровь Джона Комина. Или ты думаешь, что люди из другой части королевства последуют за тобой, когда узнают, что ты натворил? Ты будешь только

наполовину королем, и остальные твои подданные не признают тебя.

Роберт спросил себя, уж не разговаривала ли она со своим дядей — и не настроил ли ее Джеймс против него.

— Когда англичане нападут на нас, меня признают все. У них не будет иного выхода, если они хотят выжить и победить в предстоящей войне.

— И Комины тоже?

— Я обдумываю, как справиться и с этой угрозой. — Роберт выдохнул свое раздражение и положил руки ей на плечи. — Тебе не стоит беспокоиться об этом, Элизабет. У меня много сторонников, готовых сражаться и умереть, и с каждым днем их становится больше. Я верю, что мы сможем устоять перед королем Эдуардом даже без полной поддержки всего королевства.

— Король Эдуард — не единственный, кто жаждет твоей крови. — Казалось, невероятное напряжение покинуло ее, и лицо жены исполнилось печали. — Хэмфри придет за тобой. И все те, кого ты называл братьями в Англии, тоже придут по твою душу. Скорее всего, и мой отец тоже.

— Я знаю об этом, — негромко ответил Роберт, которого больно укололо напоминание о Хэмфри. На протяжении многих месяцев он тщетно пытался забыть это имя.

Элизабет поколебалась, но потом все-таки накрыла своей ледяной ладошкой его руку, лежавшую у нее на плече.

— Я — твоя жена, Роберт. Все последние годы я воспитывала твою дочь и поддерживала огонь в твоём очаге. Обещаю, что исполню свой долг в качестве королевы, но я не могу верить в то, что ты сделал. Гордыня, как говорит мой отец, всегда означает начало конца. — Она подняла его руку и поцеловала ее, прежде чем спуститься с холма и смешаться с толпой, направлявшейся к церкви.

Роберт смотрел ей вслед, и слова жены, в которых крылось зловещее предостережение, еще звучали у него в ушах. Он стоял под лучами яркого солнца, и корона Шотландии холодным обручем сдавливала ему виски.

Граница, Шотландия

1306 год

Авангард англичан приближался к границе. Раскинувшиеся впереди зеленые холмы, обступившие город Бервик, прорезала широкая лента Твида. Во главе двухтысячного войска ехал Эймер де Валанс. Он небрежно покачивался в седле своего боевого скакуна, и под его накидкой рыбьей чешуей блестела кольчуга. Он не ожидал нападения и потому надел на голову лишь подшлемник вместо полного шлема. Король взял Бервик более десяти лет назад после трехдневной осады в самом начале войны. С тех пор он оставался английским городом. Здесь они пополняют припасы и получают подкрепление, а потом войдут в Шотландию, чтобы выследить и схватить Роберта Брюса.

За спиной Эймера вздымался бело-голубой баннер Пембрука, графства, наследником которого он являлся. Но он казался карликом рядом с гигантским ярко-алым штандартом с драконом, поднять который он приказал сегодня утром, после того как впереди показалась

Шотландия.

— Сэр!

Эймер оглянулся и увидел, как один из его рыцарей показывает рукой на горный кряж. Прикрыв глаза от солнца, он проследил за взглядом соратника. Там, на самой вершине, появился конный отряд. Пока он смотрел на всадников, к ним подходили все новые и новые люди, теперь уже пешие. «Их там несколько сотен», — быстро прикинул он, заметив блеск солнца на шлемах и наконечниках копий. Валанс мгновенно обернулся к своим рыцарям и проревел команду. Затрубили горны, предупреждая об опасности остальное войско, растянувшееся по дороге позади и ставшее еще более громоздким из-за обоза с провиантом и снаряжением. Солдаты, заслышав тревожный рев, спешно вооружались — пехотинцы хватали фальшионы, а лучники снаряжали свои луки.

Люди на вершине не трогались с места, глядя, как рыцари Валанса выстраиваются в боевые порядки, разворачивая коней.

Эймер озадаченно нахмурился, извлекая меч из ножен.

— Почему они не атакуют? — проворчал он.

— Должно быть, эти собаки испугались нас, сэр, — отозвался один из его рыцарей.

Эймер, решив, что он прав, уже собрался повести отряд за собой вверх по склону и напасть первым, спрашивая себя, нет ли среди них самого Брюса, когда от массы людей на вершине отделилась небольшая группа и поскакала к ним. Пехотинцы же остались стоять на месте.

— Сэр? Контратакуем?

Эймер прищуренными глазами рассматривал приближающийся отряд. Над головами всадников развевался синий штандарт с белым львом. Когда они оказались совсем рядом, он понял, что у них нет оружия. В нем проснулось любопытство.

— Подождите, — скомандовал он своим рыцарям. — Не предпринимайте ничего без моей команды.

Всадники остановились на заросшей цветами лужайке неподалеку от дороги, на которой их поджидала английская армия, выстроившаяся на обочине с оружием наготове.

— Кто вы такие? — требовательно крикнул Эймер, и голос его заглушил фырканье лошадей. — Что вы здесь делаете?

— Меня зовут Дунгал Макдуалл, — прозвучал мрачный ответ. — Капитан армии Галлоуэя, верный слуга покойного сэра Джона Коми́на. Я ждал вас. Я прошу аудиенции у короля Эдуарда от имени могущественного дома Коми́нов и всех их союзников. Мы желаем подтвердить клятву верности, данную в Сент-Эндрюсе, и предложить свои мечи для битвы против нашего общего врага — лже-короля Роберта Брюса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Хотя мы располагаем достаточным количеством документальных свидетельств той эпохи, в наших знаниях все-таки имеются пробелы. При создании романа приходится вплетать факты в вымышленный сюжет. Более того, исторические источники зачастую бывают весьма противоречивы, и даже если мы знаем, кто и что совершил в определенный момент, то порой не представляем почему. Следовательно, задачей историка-романиста является поиск ответа на этот вопрос, а также проработка побудительных мотивов героев. Учитывая же, что иногда история бывает настолько запутанной и растянутой во времени, что ее невозможно уместить в границы романа, то приходится, восполняя пробелы, прибегать к упрощениям или даже менять исторические факты ради сохранения темпа повествования и сюжетной линии. Ниже я приведу главные изменения, внесенные мной в фактографическую канву, а для тех моих читателей, кто заинтересовался этим периодом и хочет узнать о нем побольше, привожу в конце список использованной литературы.

Реликвии и пророчество

Считается, что посох Святого Малахии (также известный как Посох Иисуса Христа) имеет некоторое отношение к святому Патрику. Малахии пришлось заплатить за право обладать им, когда Найалл мак Эдан отказался от управления епархией Армы, но с этого момента мой сюжет отклоняется от реальной истории посоха, поскольку в действительности в конце двенадцатого столетия его перевезли в Дублин. Там он и оставался вплоть до шестнадцатого века, когда его сожгли, сочтя языческой реликвией.

Король Эдуард на самом деле вывез Камень Судьбы из Шотландии во время своего вторжения в 1296 году, но участие Роберта в похищении — художественный вымысел, хотя в то время он и состоял на службе у короля. Камень был доставлен в Вестминстерское аббатство и положен в основание трона для коронаций. В 1950 году его похитили оттуда и доставили в Шотландию, затем власти вернули его обратно, пока наконец в 1996 году Камень официально не передали в экспозицию замка Эдинбурга. Корона Артура была захвачена во время покорения Эдуардом Уэльса в 1282–1284 годах и выставлена на обозрение в усыпальнице святого Эдуарда Исповедника. В моем романе «Отважное сердце» ее похищают позднее, во время восстания 1294 года. Меч Милосердия действительно использовали в коронациях английских монархов.

«История королей Британии» и «Пророчества Мерлина» были написаны в двенадцатом веке оксфордским богословом Гальфридом Монмутским, который утверждал, что сделал перевод пророчества по более раннему источнику. В его работах содержится первое описание короля Артура и Мерлина, что и дало толчок к появлению многочисленных романов Артурова цикла. Они пользовались огромной популярностью и, по свидетельству историков, были знакомы и самому Эдуарду. «Последнее пророчество» — моя собственная выдумка, хотя Монмут намекал, что существуют и другие, непереведенные варианты. В одном из эпизодов «Истории» Монмута ангельский голос предсказывает, что бритты не смогут управлять своим королевством до тех пор, пока все четыре реликвии не окажутся в одних руках. Я связала это пророчество с конфискацией Эдуардом королевских регалий и

священных объектов во время его завоевательных походов.

Совершенно очевидно, что Эдуарда интересовали легенды о короле Артуре. Они с королевой Элеонорой перезахоронили останки Артура и Гиневры в Гластонбери. Король устраивал турниры Круглого Стола и даже приказал изготовить свой собственный Круглый Стол, который можно увидеть в Винчестерском замке. Рыцари Дракона — орден вымышленный, хотя члены его — реальные персонажи. Штандарт с драконом также существовал в действительности — Эдуард приказал Эймеру де Валансу «поднять Дракона», отправляя его на север, на войну с Робертом в 1306 году, показывая тем самым, что пощады не будет никому.

Смерть Александра III и порядок престолонаследия в Шотландии

Я уже писала о смерти Александра III в авторском послесловии к своему роману «Отважное сердце». Вкратце изложу основные факты: хроникеры того времени и нынешние историки сходятся на том, что смерть короля по дороге в Кингхорн была следствием несчастного случая. Убийство — художественный вымысел, и не более того. Тем не менее мы никогда не узнаем, что же на самом деле произошло в ту ночь, поскольку король действительно оторвался от своего эскорта, а его тело было обнаружено только на следующее утро. Тот факт, что Александр и впрямь мог обдумывать возможность бракосочетания своей внучки и наследницы с сыном и наследником Эдуарда в 1284 году, хотя после его второго брака рождение любого отпрыска сняло бы этот вопрос с повестки дня, позволил мне ступить на тропу предположений: а что, если?.. Точно так же отсутствуют какие-либо доказательства того, что смерть Норвежской Девы была вызвана чем-то иным, кроме трагической случайности: считается, что принцесса съела несвежий хлеб во время морского вояжа в Шотландию, а не пала жертвой происков клана Коминов.

Дед Роберта действительно имел право претендовать на трон Шотландии благодаря своему происхождению, он также был назван еще и предполагаемым престолонаследником [57] Александра II; я же просто придала этому факту несколько большее значение, чем в реальности. Роберт получил графство Каррик в 1292 году вскоре после того, как Джон Баллиол был назначен королем по приказу Эдуарда, но право претендовать на трон унаследовал его отец. Однако же Роберта обвиняли в посягательстве на корону еще в 1297 году, посему я и предпочла, чтобы право наследования перешло от деда непосредственно к нему.

Роберт в Ирландии

В романе «Отважное сердце» Роберт отказывается от должности хранителя Шотландии сразу же после своей стычки с Джоном Комином на Совете в Пиблзе в 1299 году, перед тем как отправиться в Ирландию на поиски посоха. На самом же деле он снял с себя обязанности хранителя в начале 1300 года и удалился в Каррик. О нем ничего не известно вплоть до лета 1301 года, когда принц Эдвард атаковал замок Тернберри, хотя некоторые историки полагают возможным, что Роберт посещал свои поместья в Ирландии как раз в это время, где и мог познакомиться с дочерью графа Ольстера Элизабет де Бург.

Все, что происходит с Робертом в Ирландии, — художественный вымысел, поскольку нам ничего не известно о нем в этот период. Его приемная семья — также плод моего воображения, хотя у него были владения в Антриме, за которыми должен был присматривать кто-то из его вассалов. Кроме того, в исторических хрониках содержится намек на то, что Роберт и Эдвард Брюс были усыновлены в юности кем-то из гэльских вельмож. Следовательно, лорд Донах — собирательный образ этих людей, а Кормак — названный брат, который, как явствует из более поздних источников, действительно сражался вместе с Робертом в Шотландии.

В «Житии святого Малахии Армаского», написанном святым Бернардом Клервоским упоминается, что монастырь Айбрасенс был основан Малахией еще до того, как он стал архиепископом Армы, но местонахождение его не указано. Некоторые археологи полагают, что руины на острове Черч-Айленд на озере Лох-Курран (бывшее Лох-Луох) принадлежат именно этому монастырю, хотя этот вопрос требует дальнейшей проработки.

Капитуляция Роберта перед королем Эдуардом

Передача Джона Баллиола под покровительство Папы подразумевалась в договоре, заключенном между Англией и Францией через посредство Папы Бонифация VIII, а его последующее освобождение было организовано Филиппом IV. Уильям Уоллес провел год при французском дворе, пытаясь убедить Филиппа поддержать шотландское восстание, и король представил его Папе. Мы не знаем, посещал ли Уоллес папскую курию, но это вполне возможно.

В 1302 году Роберт сдался Эдуарду почти наверняка из-за того, что Баллиол должен был вернуться на трон с помощью Филиппа, что имело бы для Роберта самые катастрофические последствия. Он не ездил в Вестминстер вместе с графом Ольстером, как это описано в моем романе, а сдался английскому губернатору Аннандейла и Галлоуэя. Эдуард принял капитуляцию Роберта, приблизил его к себе и разрешил брак с Элизабет де Бург. Граф Ольстер действительно был союзником клана Брюсов до войны и доверенным лицом Эдуарда в Ирландии, но тайного пакта между Робертом и его будущим тестем на самом деле не существовало. При этом Ольстер был не самым раболепным и покорным из вассалов Эдуарда, и тому пришлось простить весьма значительные долги графа, дабы заручиться его содействием в кампании 1303 года.

После капитуляции я помещаю Роберта в дом его отца в Риттле, но, скорее всего, он еще некоторое время оставался в Шотландии, особенно после того, как Эдуард сделал его шерифом Ланарка и Эйра. Роберт сражался на стороне Эдуарда в его военных походах 1303 года; вместе с Эймером де Валансом принимал участие в боевых действиях против повстанцев Джона Комина и участвовал в конном рейде в Селкиркский лес, хотя в последнем случае отряд возглавляли Роберт Клиффорд и Джон Сигрейв, а не Хэмфри и Эймер. То, что Роберт успел предупредить повстанцев, — тоже моя выдумка, хотя Уоллесу тогда и впрямь удалось ускользнуть от своих врагов.

После сражения под Кортрейком, которое положило конец надеждам Джона Баллиола вернуться на трон, Роберт, очевидно, вновь положил глаз на корону. До наших дней дошел весьма любопытный документ, датированный 1304 годом, в котором говорится, что во время осады Стирлинга Роберт и Уильям Ламбертон подписали некий секретный договор. Текст

его весьма расплывчат, но историки трактуют его как доказательство того, что Ламбертон и Роберт заключили союз, который и должен был привести впоследствии к коронации Роберта.

Хранители

Когда Роберт добровольно подал в отставку с поста хранителя, на этой должности остались Ламбертон и Комин, к которым вскоре присоединился Инграм де Умфравилль. В 1301 году человек по имени Джон де Соулз был избран единственным хранителем. Но уже в следующем году он вошел в состав шотландской делегации, которая отбыла в Париж, дабы убедить Филиппа продолжать оказывать поддержку делу повстанцев, и Джон Комин вновь взял на себя его обязанности. Чтобы упростить и упорядочить эти перестановки, я вообще убрала Соулза со сцены, тем более что все это время он и так оставался в Париже. Джеймс Стюарт также был членом делегации, так что его появление в Англии в это время — плод моей фантазии, хотя войска Ольстера действительно атаковали его владения.

Пленение Уильяма Уоллеса

Уильям Уоллес вернулся в Шотландию в 1303 году и вновь принял самое активное участие в борьбе повстанцев. План Роберта объединить усилия с Уоллесом — художественный вымысел. Сообщается, что в 1304 году, после взятия Стирлинга, Эдуард заболел, так что Роберт, скорее всего, просто дожидался смерти короля, чтобы уже потом попытаться взойти на трон, будучи прекрасно осведомленным о слабостях сына и наследника короля.

Эдуард приказал шотландским магнатам, которые капитулировали перед ним в 1304 году, выследить Уоллеса, и он в конце концов был взят в плен под Глазго Джоном Ментейтом. Согласно утверждениям историков более позднего времени, документы, обнаруженные в вещах Уоллеса в момент его пленения, действительно намекают на участие Роберта в заговоре против Эдуарда. Однако какие-либо современные свидетельства на этот счет отсутствуют.

Заговор, составленный Коми́нами, чтобы вскрыть предательство Роберта, представляет собой художественный вымысел. Равным образом отсутствуют и какие-либо доказательства того, что Джон Комин сам претендовал на трон, хотя имел на это право, переданное ему отцом, что признал и сам Эдуард во время слушаний по выбору преемника Александра. К несчастью, казнь Уоллеса действительно имела место.

Предательство Робертом Эдуарда

Историк Дж. У. С. Барроу пишет: «Не имея каких-либо иных доказательств, кроме тех, коими мы располагаем в настоящее время, невозможно воссоздать последовательность событий, приведших к убийству Коми́на и коронации Брюса» («Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland», стр. 141). Подобная неопределенность не позволяет

сколько-нибудь точно реконструировать их в художественном произведении, но я решила воспользоваться свидетельствами, содержащимися в поэме Джона Барбура «Брюс», написанной через сорок пять лет после смерти Роберта, поскольку они вполне согласуются с элементами художественного вымысла. В поэме приводятся занятные, хотя почти наверняка вымышленные эпизоды: так, например, Ральф де Монтермер, прислав Роберту шпоры, предупреждает его о том, что его собираются арестовать и что он должен бежать.

Барбур и прочие летописцы утверждают, что Роберт Брюс и Джон Комин, недовольные бедственным положением Шотландии, заключили пакт, согласно которому Комин должен был помочь Роберту стать королем, а тот, в свою очередь, обязался передать Комину свои земли. Затем Комин выдает намерения Роберта Эдуарду, что приводит к отлучению в монастыре францисканцев. Есть и иные версии, большую часть которых историки полагают выдумкой, но в них содержится и толика правды, поскольку другие летописцы, заслуживающие большего доверия, утверждают, что Роберт действительно пытался заключить альянс с Комином, чтобы заполучить корону. Но Комин с презрением отверг его предложение, что впоследствии и вылилось в кровопролитие во францисканском монастыре.

Версия событий, изложенная в романе, представляет собой некое обобщение различных предположений, причем я изменила и их хронологию. Ни в одном из исторических документов не говорится о том, что Эдуард отдал приказ арестовать Роберта сразу же после казни Уоллеса, хотя вполне очевидно, что в тот момент он исполнился подозрений на его счет. Бегство Роберта из Вестминстера — художественный вымысел, равно как и похищение им посоха Святого Малахии и реально не существовавшей шкатулки с пророчеством. Следует упомянуть, однако, о забавном совпадении — краже коронных драгоценностей из Вестминстерского аббатства в 1303 году.

Убийство Джона Комина

И вновь мнения летописцев в том, что касается убийства Джона Комина, разнятся. На самом деле Роберт и Комин договорились о встрече в монастыре францисканцев в Дамфрисе для проведения переговоров. Не исключено, что они собирались обсуждать планы Роберта взойти на престол, тогда как в романе появление Роберта стало полной неожиданностью для Комина. Мы не знаем в точности, что произошло дальше, но, скорее всего, между ними вспыхнула ссора и Роберт набросился на Комина с кинжалом в руке. Последовала схватка с участием нескольких спутников Роберта, включая и Кристофера Сетона, в ходе которой Комин был смертельно ранен. Согласно некоторым источникам, его сначала ранили, а потом добили. После этого Роберт захватил замок Дамфрис и начал свое восхождение на трон. Его инаугурация состоялась двумя неделями позже.

Хронологические изменения

Я перенесла осаду Карлаверока с 1300 на 1301 год, чтобы объединить военные кампании этих двух лет, но большая часть описанных в романе событий, включая появление Винчелси с папским эдиктом и нападение принца Эдварда на Каррик, соответствуют

действительности.

Скотты атаковали Лохмабен в 1301 году, но мое изложение тех событий представляет собой исключительно плод моей фантазии. Эдуард действительно сделал сына принцем Уэльским в том же самом году, но это случилось во время заседания парламента в Линкольне, а не во время самой кампании.

Дочь Эдуарда Элизабет (Бесс) и в самом деле умерла при родах, но это произошло намного позже, в 1316 году. Роман Джоан Акрской и Ральфа де Монтермера и их последующий брак тоже имел место, но на семь лет раньше, чем описано в романе.

Прочие хронологические изменения затрагивают, в частности, мирный договор между Англией и Францией, исключавший Шотландию как субъект переговоров, подписанный осенью 1303 года, хотя в действительности он был заключен летом. Эдуард назначил Роберта шерифом Ланарка и Эйра на несколько месяцев ранее, чем упомянуто в романе, а братьям Роберта их новые должности были пожалованы в следующем году. Бойня под Брюгге в романе происходит несколько раньше, а отец Роберта умер в апреле 1304 года, на несколько месяцев позже, чем сказано у меня. Хотя Джеймс Стюарт капитулировал перед Эдуардом в 1304 году вместе с остальными шотландскими вельможами, свои земли он получил обратно не ранее конца 1305 года, после смерти Уоллеса. Принц Эдвард был посвящен своим отцом в рыцари в Вестминстере в 1306 году в преддверии войны с Робертом, но несколько позже, чем это описано в романе, а Кристофер Сетон и Кристина Брюс были уже женаты к моменту коронации Роберта.

Робин Янг,

Брайтон апрель 2012 года

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(* обозначены вымышленные персонажи, родственные связи или группы)

*АГНЕССА— служанка Изабеллы, графини Бучан.

*АДАМ— командир-гасконец в полку арбалетчиков Эдуарда I.

*АЛАН— управляющий Джеймса Стюарта.

АЛЕКСАНДР II— король Шотландии (1214–1249).

АЛЕКСАНДР III— король Шотландии (1249–1286), зять Эдуарда I по первому браку.

Погиб в 1286 году.

АЛЕКСАНДР БРЮС— брат Роберта.

АЛЕКСАНДР СЕТОН— лорд из Восточного Лотиана и *кузен Кристофера Сетона.

*АНГУС— крестьянин из Тернберри.

*БЕТОК— крестьянка из Тернберри.

БОНИФАЦИЙ VIII— Папа Римский (1294–1303).

*БРАЙАН— товарищ принца Эдварда.

*БРИГИТТА— племянница Эффрейг.

ГАРТНЕТ МАР— граф Мар, муж Кристины Брюс.

ГЕНРИХ III— король Англии (1216–1272).

ГЕНРИ ПЕРСИ— лорд Алнвик и внук Джона де Варенна.

ГИ ДЕ БОШАМ— граф Уорик.

*ГИЛБЕРТ— управляющий лорда Донаха.

ГИЛБЕРТ ДЕ ЛЯ ХЭЙ— лорд Эрролл.

ГРЕЙ— заместитель Уильяма Уоллеса.

ДЖЕЙМС ДУГЛАС— сын и наследник Уильяма Дугласа и племянник Джеймса Стюарта.

ДЖЕЙМС СТЮАРТ— высокий сенешаль Шотландии, муж Эгидии де Бург.

*ДЖЕФФРИ— товарищ принца Эдварда.

ДЖОАН АКРСКАЯ— дочь Эдуарда I и Элеоноры Кастильской.

ДЖОАННА ДЕ ВАЛАНС— сестра Эймера де Валанса и кузина Эдуарда I, жена Джона Комина III.

*ДЖОН— житель Лондона.

ДЖОН АТОЛЛ— граф Атолл и шериф Абердина, муж дочери графа Мара, свояк Роберта.

ДЖОН БАЛЛИОЛ II— лорд Галлоуэй и шурином Джона Комина II, король Шотландии (1292–1296), низложен Эдуардом I в 1296 году.

ДЖОН ДЕ ВАРЕНН— граф Суррей.

ДЖОН КОМИН II— лорд Баденох и юстициар Галлоуэя, зять Джона Баллиола и глава Рыжих (Красных) Коминов.

ДЖОН КОМИН III— сын и наследник Джона Комина II и Элеоноры Баллиол, муж Джоанны де Валанс.

ДЖОН МЕНТЕЙТ— сын графа Ментейта.

ДЖОН СИГРЕЙВ— лорд-наместник Эдуарда I в Шотландии.

*ДЖУДИТ— кормилица дочери Роберта.

ДОНАЛЬД МАР— сын Кристины Брюс и Гартнета Мара, племянник Роберта.

**ДОНАХ*— приемный отец Роберта и лорд поместий Брюсов в Антриме.

**ДОННЕЛЛ*— монах из Бангорского аббатства.

ДУНГАЛ МАКДУАЛЛ— капитан армии Галлоуэя.

**ДУНКАН*— управляющий Джона Комина II в Лохиндорбе.

ДУНКАН IV— граф Файф, племянник Изабеллы, графини Бучан.

ДЭВИД АТОЛЛ— сын Джона Атоллы.

ДЭВИД ГРЭХЕМ— шотландский вельможа и мятежник.

**ЕЛЕНА*— дочь Бригитты.

**ЖАН ДЕ РЕЙМС*— королевский рыцарь французского двора.

ИЗАБЕЛЛА БРЮС— сестра Роберта, супруга Эрика II и королева Норвегии.

ИЗАБЕЛЛА— графиня Бучан, жена Темного Комина.

ИЗАБЕЛЛА ФРАНЦУЗСКАЯ— дочь короля Филиппа IV.

ИНГРАМ ДЕ УМФРАВИЛЬ— хранитель Шотландии.

КЕЛЛАХ—епископ Армы в XII веке.

**КОЛБАН*— один из солдат Дунгала Макдуалла.

**КОРМАК*— сын лорда Донаха и сводный брат Роберта.

КРИСТИНА БРЮС— сестра Роберта, жена Гартнета Мара.

КРИСТОФЕР СЕТОН— сын английского рыцаря из Йоркшира и *кузен Александра Сетона.

ЛЛЮЭЛЛИН АП ГРАФФАД— принц Уэльский, убит во время английского вторжения в 1282–1284 годах.

**ЛОРА*— служанка Элизабет де Бург.

МАДОГАП ЛЛЮЭЛЛИН— предводитель восстания против короля Эдуарда I в Уэльсе в 1294 году.

МАЛАХИЯ (СВ.) — архиепископ Армы (1132–1137), канонизирован в 1199 году.

МАЛКОЛЬМ— граф Леннокс.

МАЛЬКОЛЬМ III (КАНМОР) — король Шотландии (1058–1093).

МАРГАРЕТ— сводная сестра Роберта от первого брака его матери.

МАРГАРЕТ (НОРВЕЖСКАЯ ДЕВА)— внучка и наследница Александра III. После его смерти ее нарекли королевой Шотландии, но она умерла во время вояжа из Норвегии.

МАРГАРИТА ФРАНЦУЗСКАЯ— сестра Филиппа IV, вторая жена Эдуарда I и королева Англии.

МАРДЖОРИ БРЮС— дочь Роберта и Изабеллы Мар.

МАРДЖОРИ КАРРИК— графиня Каррик и мать Роберта, умерла в 1292 году.

**МАРТИН*— рыцарь при дворе Эдуарда I.

МАТИЛЬДА БРЮС— сестра Роберта.

**МЕРТОУ*— монах из Бангорского аббатства.

МЭРИ БРЮС— сестра Роберта.

**МЭТТЮ*— рыцарь из поместий Роберта в Эссексе.

НАЙАЛЛ БРЮС— брат Роберта.

НАЙАЛЛ МАК ЭДАН— член мирской семьи, предъявившей права на епархию Армы в двенадцатом веке.

**НЕД*— слуга графа Ольстера.

НЕЙЛ КЭМПБЕЛЛ— рыцарь из Аргилла.

**НЕС*— оруженосец Роберта.

ПИРС ГАВЕСТОН— товарищ принца Эдварда и подопечный короля.

**ПЬЕР*— управляющий Джона Баллиола в Пикардии.

РАЛЬФ ДЕ МОНТЕРМЕР— королевский рыцарь при дворе Эдуарда I.

**РАНУЛЬФ*— егерь графа Ольстера.

РИЧАРД ДЕ БУРГ— граф Ольстер и лорд Коннахт.

**РИЧАРД КРОУ*— тюремщик Эдуарда I.

РОБЕРТ БРЮС V— дед Роберта, претендент на трон Шотландии, умер в 1295 году.

РОБЕРТ БРЮС VI— лорд Аннандейл и отец Роберта.

РОБЕРТ БРЮС VII— граф Каррик, лорд Аннандейл после смерти своего отца и король Шотландии (1306–1329).

РОБЕРТ ВИНЧЕЛСИ— архиепископ Кентерберийский.

РОБЕРТ ВИШАРТ— епископ Глазго.

РОБЕРТ Д'АРТУА— граф Артуа.

РОБЕРТ КЛИФФОРД— королевский рыцарь при дворе Эдуарда I.

САЙМОН ФРЕЙЗЕР— шотландский вельможа и мятежник.

СИМОН ДЕ МОНФОР— граф Лестер, предводитель восстания против Генриха III, погиб в сражении с Эдуардом в 1265 году.

**СТИВЕН*— слуга графа Ольстера.

ТЕМНЫЙ КОМИН— граф Бучан и глава клана Темных Коминов.

ТОМАС БРОТЕРТОН— сын Эдуарда I и Маргариты Французской.

ТОМАС БРЮС— брат Роберта.

ТОМАС ЛАНКАСТЕР— граф Ланкастер и племянник Эдуарда I.

ТОМАС РАНДОЛЬФ— сын Маргарет Брюс и племянник Роберта.

**УОЛТЕР*— рыцарь из Аннандейла.

УИЛЬЯМ ДУГЛАС— лорд Дуглас и отец Джеймса, умер в Тауэре в 1298 году.

УИЛЬЯМ ЛАМБЕРТОН— епископ Сент-Эндрюсский.

УИЛЬЯМ ОЛИФАНТ—командир замка Стирлинг.

УИЛЬЯМ УОЛЛЕС— предводитель шотландского восстания против короля Эдуарда I в 1297 году.

**ФЕРГУС*— управляющий Изабеллы, графини Бучан.

ФИЛИПП IV— король Франции (1286–1314).

**ХЬЮ*— оруженосец Хэмфри де Боэна.

ХЭМФРИ ДЕ БОЭН— граф Херефорд и Эссекс и коннетабль Англии.

ЭГИДИЯ ДЕ БУРГ— сестра Ричарда де Бурга, жена Джеймса Стюарта.

ЭДВАРД БАЛЛИОЛ— сын Джона Баллиола.

ЭДВАРД БРЮС— брат Роберта.

ЭДВАРД КАРНАРФОН—сын и наследник Эдуарда I, принц Уэльский.

**ЭДВИН*— управляющий отца Роберта в Риттле.

ЭДУАРД I— король Англии (1271–1307).

ЭДМУНД— сын Эдуарда I и Маргариты Французской.

ЭДМУНД КОМИН—глава клана Коминов Килбрида.

ЭЙМЕР ДЕ ВАЛАНС— наследник графства Пембрук, кузен Эдуарда I и шурином Джона Комина III.

ЭЛЕОНОРА БАЛЛИОЛ— сестра Джона Баллиола, жена Джона Комина II.

ЭЛИЗАБЕТ (БЕСС)— дочь Эдуарда I и Элеоноры Кастильской.

ЭЛИЗАБЕТ ДЕ БУРГ— дочь графа Ольстера.

**ЭММА*— гувернантка дочери Роберта.

**ЭНДРЮ БОЙД* —комендант замка Тернберри.

ЭНТОНИ БЕК— епископ Даремский.

**ЭОЙН*— оруженосец Эдварда Брюса.

**ЭСГАР*— капитан стражи графа Ольстера.

Боевой конь — в отличие от гужевых или ломовых лошадей, крупная, высокая и выносливая лошадь, способная нести на себе броню и всадника в полных доспехах, а также развивающая высокую скорость во время турнирных схваток или боя на копьях либо мечях (правда, на короткое время и на небольших расстояниях).

Болт — короткая и толстая арбалетная стрела.

Вассал — подданный феодального сеньора, который получает землю в обмен на клятву верности сеньору и военную службу под его знаменем.

Гамбезон — длинная (до колена) набивная или стеганая поддоспешная одежда (куртка или кафтан). Основными функциями гамбезона являются смягчение удара, принятого на доспех (амортизация), а также защита от холода и натирания тела доспехом или кольчугой (например на плечах).

Гальфрид Монмутский — считается, что он был валлийцем или бретонцем по происхождению. Монмут жил в Оксфорде в XII веке, где предположительно служил каноником в колледже Святого Георга. Позже он стал епископом Сент-Асафа, одного из старейших валлийских соборов. Он написал три главных труда, самый известный из которых — «История королей Британии». В ее состав входили и «Пророчества Мерлина», за которыми последовала «Жизнь Мерлина». Несмотря на то что он смешивал в своих творениях художественный вымысел с историческими фактами, Монмут выдавал свои произведения за истину, и многие действительно считали короля Артура и Мерлина реально существовавшими историческими персонажами. Труды Монмута, хотя и нещадно критикуемые некоторыми из его современников, пользовались огромной популярностью в Средние века, а его «История королей Британии» стала источником многочисленных художественных произведений, составивших золотой фонд европейской литературы, главным героями которых стали Артур и его рыцари Круглого Стола. Его работы оказали большое влияние на творчество Кретьена де Труа, Томаса Мэлори, Уильяма Шекспира и Альфреда Теннисона.

Грум — конюх; слуга, ухаживающий за лошадьми.

Камень Судьбы — также его иногда называют «Камень Скоуна». Старинное каменное сиденье, которое использовали во время коронаций шотландских королей. По мнению историков, в IX веке его привез в Скоун король Шотландии Кеннет мак Альпин. Происхождение Камня до сих пор остается неизвестным. Король Англии Эдуард I захватил его во время вторжения в Шотландию в 1296 году и перевез в Вестминстерское аббатство, где он был встроен в специально сделанное для него сиденье и стал частью английской церемонии коронации. Он оставался там вплоть до 1950 года, когда четверо студентов выкрали его и вернули в Шотландию. Но затем его вновь доставили в Англию, а в 1996 году он был официально выставлен на обозрение в замке Эдинбург, где и остается до сих пор. Но на время церемоний коронации его привозят в Вестминстер.

Койф — кольчужный или полотняный капюшон, защищавший голову и затылок, поверх которого надевался рыцарский шлем. Также разновидность женской шапочки, расшитой золотой или серебряной нитью или украшенной драгоценными камнями.

Корона Артура — диадема или узкий золотой обруч, который носили принцы Гвинедда. Самым знаменитым из них был Лльюэллин ап Граффад, объявивший себя принцем

Уэльским. Эдуард I захватил корону вместе с прочими важными валлийскими реликвиями во время вторжения в Уэльс в 1282–1284 годах и отправил их в Вестминстерское аббатство.

Куртана — меч со срезанным острием, который несут перед королем Великобритании во время коронации в знак милосердия.

Магнат — высокопоставленный дворянин или вельможа.

Накидка — длинное одеяние без рукавов, которое обычно носили поверх доспехов.

Пластинчатый панцирь — тип пластинчатого доспеха, в котором стальные пластины приклепывались (или реже пришивались) под многослойную тканевую основу.

«Пророчества Мерлина» — написаны Гальфридом Монмутским в XII веке. Первоначально задумывались как отдельный труд, но позже вошли в состав его «Истории королей Британии». По словам Монмута, он перевел на латынь древний манускрипт. Монмута считали создателем Мерлина, но современные историки полагают, что эту загадочную фигуру он позаимствовал из древних валлийских источников.

Тонзура — выстриженное или выбритое на голове католических монахов и священников место (первоначально надо лбом, позже на макушке), знак принадлежности к Церкви.

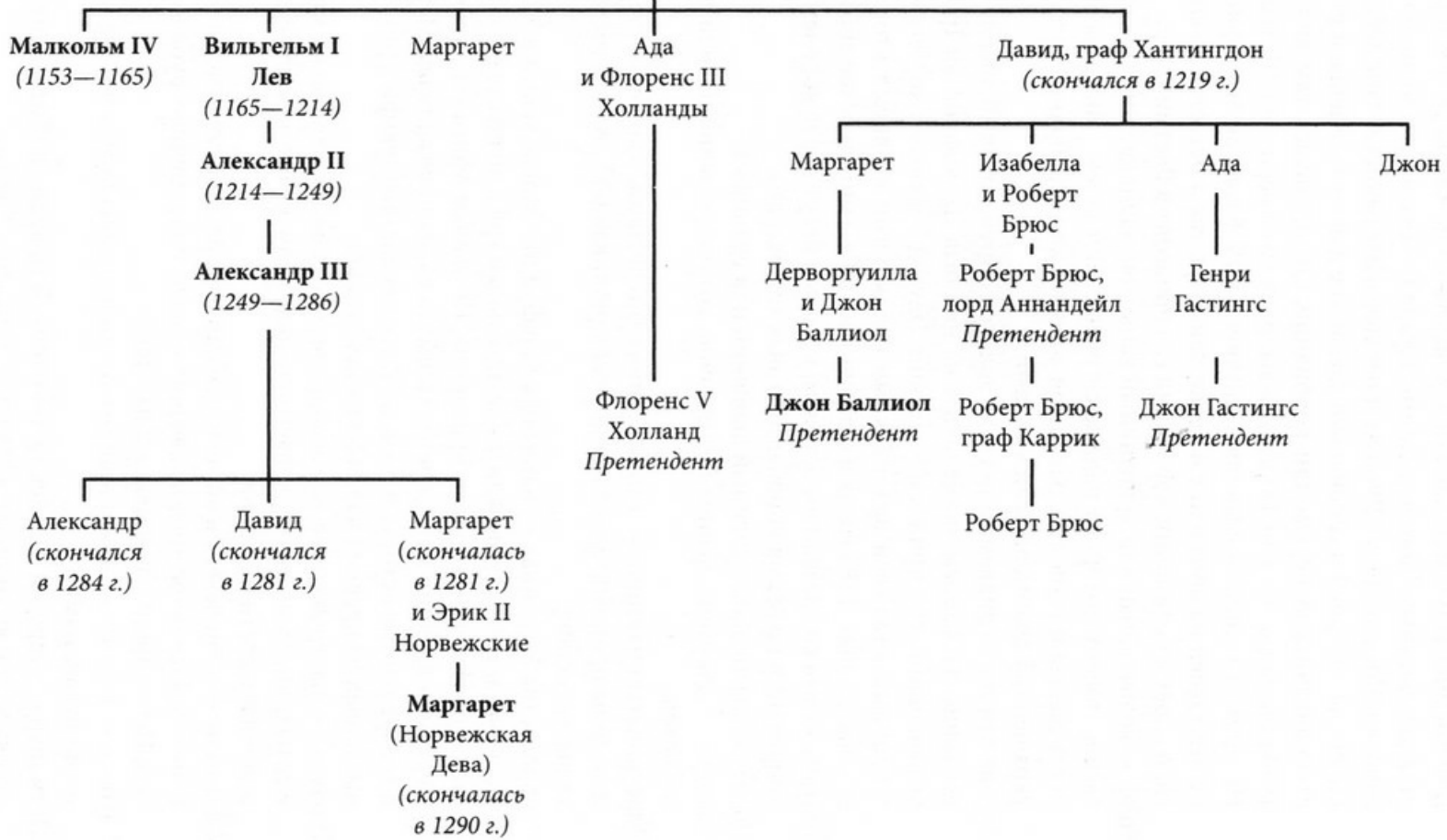
Фальшион — однолезвийный меч с массивным, расширяющимся к острию клинком. Основное предназначение — нанесение мощных рубящих ударов. Нечто вроде современных палашей.

Хауберк — кольчуга с длинными рукавами и капюшоном (а иногда и с латными рукавицами).

Юстициар — старший судейский чиновник. В то время в Шотландии существовали три юстициара: в Галлоуэе, Лотиане и Скотии.

Давид I (1124—1153)

Граф Генрих (скончался в 1152 г.)

- Baker, Timothy, *Medieval London*, Cassell, 1970
- Barber, Richard, *The Knight and Chivalry*, Boydell Press, 1995
- Barbour, John, *The Bruce*(trans. A. A. M. Duncan), Canongate Classics, 1997
- Barrell, A. D. M., *Medieval Scotland*, Cambridge University Press, 2000
- Barrow, G. W. S., *Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland* Edinburgh University Press, 1988
- Barrow, G. W. S., *The Kingdom of the Scots*, Edinburgh University Press, 2003
- Beam, Amanda, *The Balliol Dynasty 1210–1364*, John Donald, 2008
- Chancellor, John, *The Life and Times of Edward I*, Weidenfeld & Nicolson, 1981
- Clairvaux, St Bernard of, *Life of St Malachy of Armagh*(trans. H. J. Lawlor), Dodo Press, 1920
- Cummins, John, *The Hound and the Hawk, the Art of Medieval Hunting*, Phoenix Press, 2001
- Daniell, Christopher, *Death and Burial in Medieval England 1066–1550*, Routledge, 1997
- Davis, I. M., *The Black Douglas*, Routledge & Kegan Paul, 1974
- Dean, Gareth, *Medieval York*, History Press, 2008
- Duffy, Seán, *Ireland in the Middle Ages*, Macmillan Press, 1997
- Duffy, Sean (general ed.), *Atlas of Irish History*, Gill & Macmillan, 1997
- Edge, David, and Paddock, John M., *Arms and Armour of the Medieval Knight*, Bison Group, 1988
- Fawcett, Richard, *Stirling Castle (Official Guide)*, Historic Scotland, 1999
- Frame, Robin, *Ireland and Britain 1170–1450*, Hambledon Press, 1998
- France, John, *Western Warfare in the Age of the Crusades 1000–1300*, UCL Press, 1999
- Gravett, Christopher, *English Medieval Knight 1300–1400*, Osprey Publishing, 2002
- Gravett, Christopher, *Knights at Tournament*, Osprey Publishing, 1988
- Grove, Doreen, and Yeoman, Peter, *Caerlaverock Castle (Official Guide)*, Historic Scotland, 2006
- Haines, Roy Martin, *King Edward II, His Life His Reign and its Aftermath 1284–1330*, McGill-Queens University Press, 2003
- Houston, Mary G., *Medieval Costume in England and France*, Dover Publications, 1996
- Hyland, Ann, *The Horse in the Middle Ages*, Sutton Publishing, 1999
- Impey, Edward, and Parnell, Geoffrey, *The Tower of London (Official Illustrated History)*, Merrell, 2006
- Kieckhefer, Richard, *Magic in the Middle Ages*, Cambridge University Press, 2000
- Leyser, Henrietta, *Medieval Women, a Social History of Women in England 450–1500*, Phoenix, 1996
- Lindsay, Maurice, *The Castles of Scotland*, Constable, 1995
- Mackay, James, *William Wallace, Braveheart*, Mainstream Publishing, 1995
- McNair Scott, Ronald, *Robert the Bruce, King of Scots*, Canongate, 1988
- McNamee, Colm, *Robert Bruce, Our Most Valiant Prince, King and Lord*, Birlinn, 2006
- Monmouth, Geoffrey of, *The History of the Kings of Britain*(trans. Lewis Thorpe), Penguin Classics, 1966
- Monmouth, Geoffrey of, *The Vita Merlini*(trans. John Jay Parry), BiblioBazaar, 2008
- Morris, J. E., *The Welsh Wars of Edward I*, Sutton Publishing, 1998

- Morris, Marc, *A Great and Terrible King, Edward I and the Forging of Britain*, Hutchinson, 2008
- Nicolle, David, *The History of Medieval Life*, Chancellor Press, 2000
- Nuttgens, Patrick, *The History of York, from Earliest Times to the Year 2000*, Blackthorn Press, 2007
- Oram, Richard, *The Kings and Queens of Scotland*, Tempus, 2004
- Rixson, Denis, *The West Highland Galley*, Birlinn, 1998
- Spufford, Peter, *Power and Profit, the Merchant in Medieval Europe*, Thames and Hudson, 2002
- Tabraham, Chris, *Scotland's Castles*, Historic Scotland, B. T. Batsford, 2005
- Tabraham, Chris (ed.), *Edinburgh Castle (Official Guide)*, Historic Scotland, 2003
- Talbot, C. H., *Medicine in Medieval England*, Oldbourne, 1967
- Watson, Fiona, *Under the Hammer, Edward I & Scotland 1286–1307*, Tuckwell Press, 1998
- Weir, Alison, *Isabella, She-Wolf of France, Queen of England*, Pimlico, 2006
- Wilkinson, James, and Knighton, C. S., *Crown and Cloister, the Royal Story of Westminster Abbey*, Scala, 2010
- Yeoman, Peter, *Medieval Scotland*, Historic Scotland, B. T. Batsford, 1995
- Young, Alan, *Robert the Bruces Rivals: The Comyns, 1212–1314*, Tuckwell Press, 1997
- Zacour, Norman, *An Introduction to Medieval Institutions*, St James Press, 1977

Отрывки, использованные в качестве эпиграфов к главам, взяты из:

The British History of Geoffrey of Monmouth (trans. A. Thompson, revised edn J. A. Giles, William Stevens (printer), London, 1842.

notes

Примечания

Перевод с латинского А. Бобовича.

Эдуард Исповедник (1003–1066) — предпоследний англосаксонский и семнадцатый по счету король Англии (с 1042 года); последний представитель уэссекской династии на английском престоле. Его правление ознаменовалось ослаблением королевской власти в стране и всесилием магнатов, а также дезинтеграцией англосаксонского общества и снижением обороноспособности государства, что облегчило Вильгельму Завоевателю покорение страны после его смерти. *(Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)*.

Арма — город в Северной Ирландии, столица графства Арма. Арма — важный религиозный центр Ирландии еще с кельтских времен, сейчас — центр двух епархий, католической и протестантской.

Маха — у древних кельтов одна из трех богинь войны и разрушения.

Святой Малахия (1094–1148) — католический архиепископ Армы в Северной Ирландии. Оказал очень большое влияние на развитие Церкви в Ирландии и принятие римского обряда взамен кельтских литургий. Полагают, что он совершил несколько чудес и написал пророчество о последних ста двенадцати римских Папах. Канонизированный Папой Климентом III 6 июля 1190 года, стал первым ирландским святым.

Требник — карманный молитвенник.

Плинт — квадратная плита, нижняя часть базы колонны или столба.

Длинноногий — прозвище короля Англии Эдуарда I.

Битва при Фолкирке — крупное сражение между войсками шотландцев под предводительством Уильяма Уоллеса и англичанами, состоявшееся 22 июля 1298 года около шотландского города Фолкирк во время Первой войны за независимость Шотландии. Английскому королю Эдуарду I удалось нанести поражение шотландской армии, однако окончательно сломить сопротивление в Шотландии он не сумел. В этой битве легковооруженные лучники впервые успешно противостояли тяжелой рыцарской коннице.

Брут I Троянский — потомок мифического троянского героя Энея, согласно британским средневековым легендам — основатель и первый король Британии. Родившийся в Италии в 1150 г. до н. э., он отправился за море и прибыл в Британию. Брут покорил местные племена и основал королевство.

Утер Пендрагон (410–496) — легендарный король бриттов, отец короля Артура.

Аколит (аколуф) — мальчик-прислужник в алтаре.

Иоанн (Джон) Безземельный (1167–1216) — король Англии с 1199 года и герцог Аквитании из династии Плантагенетов, младший (пятый) сын Генриха II и Элеоноры Аквитанской.

Хауберк — кольчуга с длинными рукавами и капюшоном (а иногда и с латными рукавицами).

Финан Линдисфарнский (умер в 661 г.) — епископ Линдисфарна, память которого почитается 9 февраля и 17 февраля. При нем был воздвигнут собор в Линдисфарне. Он обратил к Господу королей Сигеберта II Эссекского и Педу Мерсийского.

Круппер — часть конского доспеха для защиты крупа животного.

Дамаст — узорчатая шелковая или полотняная ткань.

Имеется в виду Селкирский лес — убежище повстанцев Уильяма Уоллеса. (*Примеч. ред.*).

Замок Ботвелл находится в 16 км к югу от Глазго, в графстве Южный Ланаркшир, Шотландия.

Предличник — нижняя часть шлема, закрывавшая челюсть и рот. Как правило, она крепилась к шлему завязками и шарнирами и была снабжена войлочной прокладкой.

Тайберн — один из притоков Темзы. В настоящее время он полностью, от своих истоков в Вестминстере и до места впадения в Темзу, течет по подземным искусственным каналам. Он же дал название одноименной деревне в графстве Миддлсекс, которая с 1196 по 1783 год являлась официальным местом проведения казней осужденных города Лондона.

Расписная палата — зал в старом Вестминстерском дворце, расписанный батальными сценами.

Уайтхолл — ныне улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства. Она ведет от здания Британского парламента в Вестминстере к Трафальгарской площади. Раньше здесь располагался одноименный королевский дворец.

Королевская скамья — суд по уголовным делам в Англии.

Коронер — официальное лицо, обязанное расследовать случаи насильственной смерти.

Лаймер — средневековая охотничья собака, прародительница нынешней английской кровяной гончей, ищейки.

Иуда Маккавей (погиб в 161 году до н. э.) — третий сын Маттафии Хасмонея, принявший, согласно предсмертной воле отца, руководство восстанием евреев против Антиоха Эпифана, вознамерившегося искоренить иудейство и возвести на его месте греческий культ. Своим прозвищем («маккавей» на иврите означает «молот») он обязан успехам в битвах.

Парцифаль, также известный как Персиваль, — герой куртуазного эпоса, образующего одну из ветвей сказания о короле Артуре и его рыцарях и входящего в цикл романов Круглого Стола. Персиваль — юноша, воспитанный в лесной глуши и наделенный рыцарскими доблестями, но лишенный рыцарской куртуазности. Он переживает ряд полукомических приключений и с трудом усваивает «вежество» подлинного рыцаря, но во время поисков Святого Грааля совершает уже настоящие рыцарские подвиги.

Камелот — легендарный замок и двор короля Артура.

Акетон — кожаная мужская куртка, надевавшаяся под латы.

Конт — граф (не английский).

Баннер — личное знамя короля и его вассалов в феодальную эпоху, обычно с геральдическим изображением. *(Примеч. ред.)*.

Тэй — шестая по длине река в Великобритании и самая длинная в Шотландии (193 км).

Кирка — шотландская церковь.

Средокрестие — центр крестообразного в плане культового здания, обычно подчеркнутый в объемно-пространственном решении.

Лорд-наместник — персональный представитель монарха Великобритании в крупной административной единице. Круг обязанностей лорда-наместника сильно менялся в зависимости от времени и обстоятельств, однако носители этой должности не имели реальных властных полномочий. Фактически это почетный титул номинального главы судебной и исполнительной власти на соответствующей территории.

Баннерет — рыцарь, ведущий вассальное войско под своим знаменем.
Здесь: знаменосец.

Бильбоке — игрушка; представляет собой шарик, прикрепленный к палочке ниткой. В процессе игры шарик подбрасывают и ловят на острие палочки или в чашечку. Побеждает тот, кто сможет поймать шарик наибольшее количество раз подряд.

Великая Северная дорога — старинная дорога между Лондоном, Йорком и Эдинбургом, по которой ездили почтовые кареты и дилижансы. Современная автострада A1 проложена фактически по ее прежнему маршруту. Вдоль дороги сохранились многочисленные гостиницы, служившие в те времена перевалочными пунктами, где возницы и путники могли отдохнуть, накормить или поменять лошадей.

Малкольм Канмор — король Шотландии Малкольм III Высокомерный (1058–1093).

Ссылка на императора Константина, который взял под свое покровительство христианство. В 312 году на поле битвы ему было видение огненного креста, и ангельский голос с небес произнес: «Сим победишь».

Часослов — книга, содержащая текст некоторых церковных служб (часов).

В 1069 году Вильгельм Завоеватель построил плотину на реке Фосс, чтобы заполнить водой ров вокруг замка Йорк. Река разлилась по окрестностям и образовала большое озеро, которое позже стали называть Королевским прудом. В средние века он стал неотъемлемой частью оборонительных сооружений города, чем и объясняется отсутствие стены вокруг него. В пруду же водилось много рыбы, право на лов которой принадлежало короне — отсюда и название «Королевский».

По аналогии с Вильгельмом Завоевателем (1027/1028—1087), герцогом Нормандии, королем Англии с 1066 года, организатором и руководителем норманнского завоевания Англии, одним из крупнейших политических деятелей Европы XI века. По-английски имена Вильгельм и Уильям пишутся одинаково.

Эстуарий — широкое устье реки.

Людовик IX Святой (1214–1270) — король Франции в 1226–1270 годах. Сын Людовика VIII и Бланки Кастильской. Предводитель Седьмого и Восьмого крестовых походов.

Бейбарс I (полное имя — аль-Малик аз-Захир Рукн ад-дунийа ва-д-дин Бейбарс аль-Бундукдари ас-Салих, 1223/1225—1277) — мамлюкский султан Египта и Сирии из династии бахритов. Известен успешными войнами в Палестине и Сирии против монгольских ильханов и европейских крестоносцев.

Камерарий — управляющий двором короля.

Алаунт (алан) — почти вымершая порода собак. Это была большая собака наподобие мастифа на высоких мускулистых ногах с крупной плоской головой, с укороченной мордой и телом, похожим на тело немецкого дога.

Колумба Ионский — христианский святой, просветитель Шотландии.

Приорат — небольшой монастырь, подчиненный аббатству.

Окно-розетка — большое круглое окно с радиальными резными горбылками, иногда заполненное резными каменными элементами.

Трансепт — поперечный неф готического собора.

Альмонарий — чиновник или иное должностное лицо при дворе короля или религиозной организации, раздающее милостыню.

Нит — река в Шотландии, седьмая по протяженности река страны. Истоки её расположены в Восточном Эйршире в холмах Карсфэрн, далее река протекает по области Дамфрис и Галлоуэй, впадая у Дамфриса в Солуэй-Фирт. Длина Нита — 112 км.

Клуатр — в западноевропейском монастыре — прямоугольный или квадратный двор, окруженный со всех сторон крытыми арочными галереями.

Предполагаемый престолонаследник — тот, кто унаследует престол, если у наследодателя не родится более близкий родственник.